

Белгородский государственный
национальный исследовательский университет

В.А. Шаповалов

Поместное дворянство Европейской России
в 50-90-е гг. XIX века

(по материалам центрально-черноземных губерний)

Белгород 2014

УДК 94(470)|18|
ББК 63.3(2)52-282.5
Ш 24

Печатается
по решению редакционно-издательского совета
Белгородского государственного национального
исследовательского университета

Рецензенты:

член-корреспондент РАН, доктор исторических наук,
профессор *А.В. Головнёв*;
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник института
Российской истории РАН *И.М. Пушкарева*

Шаповалов В.А.

Ш 24

Поместное дворянство Европейской России в 50-90-е гг.
XIX века (по материалам центрально-черноземных губерний) :
монография / В.А. Шаповалов. – Белгород : ИД «Белгород» НИУ
«БелГУ», 2014. – 544 с.

ISBN 978-5-9571-0988-4

В монографии рассматривается широкий спектр эволюционных процессов в дворянских имениях Центрального Черноземья в 50-90-е гг. XIX в. Особое внимание уделено помещному землевладению и землепользованию, капиталистической модернизации дворянского хозяйства, роли и месту помещных дворян в структурах местного управления и самоуправления, трансформации помещичьей повседневности и социально-психологической адаптации помещного дворянства. Отдельный сюжет посвящен русскому помещику в народном фольклоре.

Монография адресована научным сотрудникам, преподавателям, аспирантам, магистрантам, студентам вузов и всем, кто интересуется историей России, в частности, историей российского дворянства.

УДК 94(470)|18|
ББК 63.3(2)52-282.5

ISBN 978-5-9571-0988-4

© Шаповалов В.А., 2014
© Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, 2014

Содержание

Предисловие	4
I. Дворянское хозяйство в 50-90-е гг. XIX в.	50
1.1. Дворянские имения накануне отмены крепостного права и в 1861-1863 гг.	50
1.2. Тенденции в развитии дворянского землевладения в 1863-1905 гг.	94
1.3. Капиталистическая модернизация дворянских хозяйств	137
II. Дворянство в структурах местного управления, самоуправления и сословной корпорации	198
2.1. Дворянство в структурах губернского и уездного чиновничества гражданского ведомства	198
2.2. Дворянская корпоративная организация	224
2.3. Дворянство и земские учреждения	254
2.4. Председатель земской управы и предводитель дворянства: административный паритет или борьба за лидерство в уездной жизни пореформенной России	278
III. Повседневность в контексте эволюции дворянского усадебного мира	303
3.1. Социализация детей и подростков в поместной дворянской семье	303
3.2. Трансформация усадебного быта в контексте повседневности	338
3.3. Дворянская усадьба в рамках внутрисословной стратификации.....	384
IV. Эволюция социальной психологии поместного дворянства в пореформенный период	423
4.1. Изменение социальной психологии дворянства как важнейший критерий социальной эволюции представителей высшего сословия	423
4.2. Трансформация социальной психологии дворянства в ходе перестройки поместного хозяйства	437
4.3. Проблема социально-психологического синтеза сословных и внутрисословных связей дворянства	458
V. Русский помещик в народном фольклоре	488
Заключение	508
Приложения	519
Именной указатель	530

ПОСВЯЩАЮ
светлой памяти моего учителя –
Заслуженного деятеля науки РФ,
доктора исторических наук, профессора
Виктора Григорьевича Тюкавкина

ПРЕДИСЛОВИЕ

До недавнего времени изучение высшего сословия Российской империи – дворянства – в историческом временном контексте оставалось вне рамок интересов отечественных исследователей. Приоритет отдавался изучению пролетариата и крестьянства. Лишь в 70-е гг. XX века советские историки обратились к проблеме социальной модернизации российского дворянства¹. В первую очередь были затронуты проблемы эволюции дворянского землевладения, взаимоотношения самодержавия с сословной элитой, изменения структуры и численности дворянства, функционирования его сословной корпорации. Даже этот небольшой круг вопросов показал, что без дальнейшего изучения всего спектра жизнедеятельности высшего российского сословия широких обобщений в социальных, политических, культурных и экономических аспектах российской истории провести будет невозможно. Особенно это актуально при анализе переломных эпох, каковой и является пореформенный период. Именно в такие эпохи, когда меняются социально-экономические и политические ориентиры, сословиям приходится искать свое место в новых для них окружающих реалиях. Пореформенное дворянство, весьма болезненно преодолевая трудности социальной модернизации, тем не менее, во многом опосредовало кардинальные перемены в российском обществе.

Дворянство, законодательно поставленное в исключительно привилегированное положение, во многом определяло направленность межсословных отношений в обществе и в целом эволюции российской государственности. Обусловлено это было рядом причин. Во-первых, являясь социальной базой института самодержавия, дворянство непосредственно влияло на разработку социально-

экономических и политических вопросов, затрагивавших в целом все российское общество. Во-вторых, представители дворянского сословия на протяжении всего пореформенного периода являлись основными собственниками частного земельного фонда, и именно они опосредовали важнейшие процессы как в системе землевладения, так и землепользования. Так как экономика России пореформенного периода была аграрной, изменение площади дворянского фонда земель напрямую было связано с проходившими в стране экономическими процессами. В-третьих, чиновничий корпус России, особенно высшего и среднего звена, состоял в основном из дворян. Дворяне-чиновники являлись стержнем административно-управленческого аппарата всех уровней. По сути, они контролировали все органы государственного управления сверху донизу. В-четвертых, дворянство было самым образованным сословием в России, с наиболее разработанной системой воспитания.

Следовательно, решение важнейших аспектов жизнедеятельности российского общества как в дореформенный, так и в пореформенный периоды зависело от отношения к ним дворянского сословия.

Поместное дворянство, преобладавшее численно среди благородного сословия и теснейшим образом связанное с представителями высших кругов российской бюрократии и генералитета, являлось олицетворением российского дворянства. Российский помещик, наряду с крестьянством, отражал всю суть перемен в аграрном секторе России, главным в экономике рассматриваемого периода.

Итак, без всестороннего изучения эволюции дворянского сословия, в первую очередь поместных владельцев, невозможно полно представить социально-экономическое, политическое и культурное развитие российского общества.

Изучение в комплексе различных сфер жизнедеятельности дворянства является крупной научной задачей, которая требует новых подходов при рассмотрении конкретно поставленных проблем. Стратификация поместного дворянства при его анализе не должна ограничиваться только традиционными рамками хозяйственной деятельности. В противном случае сопоставление эволюционных процессов в жизнедеятельности дворянского сословия экономиче-

ского, социально-психологического, бытового планов становится невозможным. Чтобы этого избежать, необходима разработка стратификации дворянства по социально-психологическому признаку, бытовым и повседневным реалиям, которая не всегда совпадает с социально-экономической стратификацией. При этом необходимо учитывать и региональную сословную специфику.

Традиционный подход при изучении социальных связей помещенного дворянства, который основывается только на межсословном уровне, уже не оправдывает себя. В данном аспекте не всегда учитывается внутрисословная специфика взаимоотношений в межсословном плане. Поэтому особую актуальность приобретает синтезированный анализ внутрисословных и межсословных связей дворянства.

Исследование охватывает промежуток времени с конца 50-х гг. XIX в. и до конца 90-х гг. XIX в., отражающий предреформенное состояние дворянского сословия и его дальнейшую эволюцию в пореформенный период. Анализ предреформенного состояния дворянства необходим для показа качественных изменений различных параметров его жизнедеятельности в пореформенный период. С другой стороны, отдельные тенденции социально-экономического, политического, психологического планов зародились в дореформенный период и эволюционировали в пореформенный. Исследование их после реформы 19 февраля 1861 года будет неполным без показа и анализа первопричин. Верхняя хронологическая граница исследования – конец XIX в. С этого момента в экономике России начался переход к более быстрым темпам развития, монополизации промышленности. Во внешней политике обострился Дальневосточный кризис, и стала ярко выраженной радикализация внутривнутриполитической жизни. Наступил новый этап в развитии российской государственности.

В отдельных случаях, таких, как анализ землевладения, верхняя хронологическая граница исследования отодвинута до 1905 года. Связано это с тем, что массовые источники по отдельным аспектам работы на конец XIX в. отсутствуют, но есть на начало XX века.

Указанный хронологический период характеризуется сложнейшим поиском дворянским сословием своего места в условиях буржуазной модернизации российского общества.

Географические границы предлагаемого исследования охватывают Центрально-Черноземные губернии: Воронежскую, Курскую, Орловскую, Рязанскую, Тамбовскую, Тульскую. Для проведения детального сравнительного анализа на уездном уровне были выбраны Воронежская и Курская губернии, наиболее типичные для исследуемого региона. Материалы по остальным указанным губерниям позволяют более детально выявить общее и особенное в эволюции помещного дворянства Центрального Черноземья в 50-90-е гг. XIX века.

Анализ историографии исследуемой проблемы необходимо начать с рассмотрения дворянского хозяйства – базовой основы жизнедеятельности помещного дворянства. Данный историографический аспект наиболее дискуссионен в отечественной историографии аграрной проблематики.

В период подготовки реформы отмены крепостного права и в первые пореформенные годы для вышедших в свет работ по указанной проблеме были характерны: а) публицистический характер; б) форма законодательной инициативы; в) хозяйственно-рекомендательное направление; г) статистико-исследовательский аспект. Все перечисленные направления диктовались различными целями и поэтому редко пересекались в рамках одной работы.

Публицистика отражала взгляды представителей различных слоев российского общества на кардинальные перемены, произошедшие в аграрных отношениях. Авторы, в основной своей массе дворянско-либерального толка, проводя аналогии с Западной Европой, пытались теоретически обосновать преимущества наемного труда в сельском хозяйстве, особенно не заостряя внимание на особенностях аграрного развития России. В конце 50-х – середине 60-х гг. XIX в., когда в части дворянских хозяйств введение машин и наемного труда не дало быстрых результатов, публицисты объяснили это отсутствием кредитов, низким качеством инвентаря или его нехваткой и т.п. Переходный этап в дворянских имениях трактовался односторонне, не учитывалась диалектическая связь между дореформенным и пореформенным типами помещного хозяйства. Особо отмечалось, что преобразования 60-х гг. XIX в. самым серьезным образом отразились на положении дворянства, пошатнув его экономические и социально-политические позиции, трансформировали быт².

Участие дворянства в подготовке проектов реформы отмены крепостного права способствовало появлению работ, отличавшихся характером законодательной инициативы. Как правило, в них поднимались одна-две конкретные проблемы, в основе которых лежали вопросы сословно-корпоративного приоритета дворянства³.

Первые опыты масштабного применения сельскохозяйственных машин и наемных рабочих, введение многопольных севооборотов рекламировались в описаниях отдельных крупных дворянских хозяйств. Авторские рекомендации не могли стать руководством к действию для большинства поместных хозяйств, так как основным условием перестройки хозяйства было наличие большого свободного капитала. Вопрос о роли, характере аренды и ее последствиях для дальнейшего развития дворянских хозяйств на серьезном уровне поднимался исключительно в данных работах. Отмечалось, что отработки снижают доходность имений и являются преградой к их прогрессу⁴. Несмотря на то, что в начале пореформенного периода отработки являлись основной формой ведения хозяйства в дворянских имениях, описания поместий, где доказывалась хозяйственная состоятельность отработочной системы, не получили широкого распространения⁵. Это вполне объяснимо, так как временнообязанное состояние крестьян предусматривало отработки, что считалось чем-то само собою разумеющимся.

Отсутствие массовых источников по дворянским хозяйствам первого пореформенного десятилетия не способствовало появлению работ монографического плана. Практически единственным исследованием, касающимся рассматриваемой проблемы, была работа А.И. Скребицкого «Крестьянское дело в царствование императора Александра II»⁶. Хронологически она охватывала конец 50-х – начало 60-х гг. XIX в. По меткому замечанию Б.Г. Литвака, «рыхлость и фактографичность» указанного труда не вызывает особого интереса к нему со стороны исследователей. Автор добросовестно воспроизвел в своем четырехтомнике материалы редакционных комиссий, особенно акцентировал внимание на разработке проектов выкупа, определения размера крестьянского надела, повинностей. В целом, суждения А.И. Скребицкого носят поверхностный характер. Ценность работы заключается в том, что в ней воедино

собраны материалы редакционных комиссий, данные о X ревизии А. Тройницкого, статистические сведения по отдельным губерниям, обработанные офицерами генерального штаба.

В историографии 70-х гг. XIX в. собственно дворянскому хозяйству уделялось еще меньше внимания, чем в предыдущее десятилетие. Основной темой являлось социально-хозяйственное положение отдельных крупных хозяйств, имелись и публицистические очерки о сложностях, возникавших у помещиков при пореформенной перестройке своих имений⁷.

Второй этап в историографии по рассматриваемой проблематике связан с 80-гг. XIX – началом XX вв., когда четко определились тенденции в дворянском землевладении, было проведено земскими статистиками практически сплошное обследование средних и крупных поместных хозяйств и были опубликованы результаты трех переписей землевладения. В новых условиях, когда капитализм стал реальностью в аграрном секторе, первыми вопрос о судьбах дворянского хозяйства, не считая самих представителей дворянства, подняли авторы, придерживавшиеся народнического направления. Исходя из общей концепции народничества, В.В. Воронцов и Л.В. Ходский доказывали, что капитализм в России был случайным явлением, не приведшим к крупному производству, а следовательно, судьба латифундий исторически предрешена⁸.

Основные положения народников были восприняты сторонниками мелкобуржуазного направления. Их взгляды включали в себя два взаимоисключающих момента – некапиталистическая эволюция земледелия в эпоху капитализма. Подкреплялось это теорией устойчивости крестьянского хозяйства⁹.

Либерально-буржуазное направление было представлено трудами П.П. Мигулина, Н.А. Гурвича, В.В. Святловского. Для исследований авторов этого направления характерно отсутствие схематизма. В.В. Святловский на обширном статистическом материале земельных переписей показал неодинаковые темпы сокращения земельных фондов различных категорий дворянства. Он прямо не связывал процессы в дворянском землевладении с продажей земель, а отмечал, что дворянство являлось не только главным продавцом на земельном рынке, но и основным покупателем¹⁰. В то же время, ли-

берально-буржуазные авторы не смогли избежать непоследовательности в своих рассуждениях. Они, с одной стороны, оправдывали сохранение приоритета дворянского землевладения и даже считали высокие выкупные платежи «прямой справедливостью со стороны государства», а с другой стороны, критиковали государственный кредит владельцам поместий за его благотворительность¹¹.

В большинстве работ буржуазных экономистов не говорилось о капиталистической эволюции дворянского хозяйства, но подчеркивалась его более высокая агрокультура в сравнении с крестьянским хозяйством. Особняком стояли работы В.В. Святловского, Н. Гурвича¹². Первый отмечал капиталистический характер крупных поместий, последний под влиянием марксизма признавал развитие капитализма, но, в первую очередь, в хозяйствах купцов.

В дворянской историографии выделялось два основных направления: консервативно-охранительное и либеральное. Консервативное направление, представленное в основном статьями, брошюрами публицистического характера, доказывало несостоятельность буржуазных реформ 60-х гг. XIX в. и необходимость государственной поддержки дворянского землевладения¹³. Экономические мотивы отступали на второй план, уступая место политическим вопросам. Основа их – дворянство, – разоряясь, тем самым подрывало социальную опору самодержавия. Следует отметить, что, несмотря на явную тенденциозность, ряд работ этого направления содержат сведения о структуре сословия, об усиливавшейся неоднородности его состава и т.д.

Основой концепции либеральной дворянской историографии являлось признание неизбежности и необратимости процессов, вызванных буржуазными преобразованиями. Авторы этого направления главной причиной разорения поместных владельцев, их неспособленности к новым условиям считали господский паразитизм, воспитанный многовековым крепостничеством. Они отмечали, что будущее за сельской буржуазией. Признавая объективность процессов социально-экономических изменений в России, в то же время они относились к ним негативно¹⁴.

В целом дворянская историография, отмечая бедственные изменения в положении дворянства после февраля 1861 года, склонна

была к преувеличению последствий буржуазных преобразований в отношении социально-экономических и особенно политических позиций дворянства. Крупное дворянское землевладение и верхние страты среднепоместного дворянства во многом сохранили свои позиции на общесословном земельном рынке.

В отечественной историографии второй половины XIX – начала XX вв., не считая хозяйственно-статистических очерков по отдельным поместьям, работы, посвященные дворянскому хозяйству в рамках исследуемого региона, отсутствуют. Из трудов, в которых затрагивалась эта проблема, можно выделить исследования В.А. Бекетова, И. Вернера, Н.А. Чуйкова¹⁵. В работах указанных авторов наиболее детально рассмотрено дворянское землевладение, а вопросы землепользования освещены в целом для всего частновладельческого хозяйства. Указывая на переходное состояние последнего, они в то же время отмечали быстрый рост экономической запашки и появление усовершенствованных сельскохозяйственных орудий в дворянских поместьях. Параллельно с этим особо акцентировалось внимание на отработочной системе ведения хозяйства. Это было связано с тем, что исследования хронологически ограничивались рамками 80-90-х гг. XIX в. Темпы реконструкции дворянских хозяйств не учитывались. К тому же, не акцентировалось внимание на обоюдной заинтересованности помещиков и крестьян в отработках. Помещик хотел заполучить рабочие руки на лето, крестьяне с удовольствием нанимались на осенне-зимние виды работ, на летние – с меньшим желанием. В.А. Бекетов, делая выводы о слабой оснащенности частновладельческого хозяйства Воронежской губернии пахотными орудиями, привел в качестве примера подсчеты, показывающие, что на 1 пахотное орудие приходилось от 16,9 до 65 дес. экономической запашки¹⁶. Но он не учитывал, что в начале пореформенного периода этот показатель был выше в 4-6 раз. К аналогичным выводам приводили подсчеты и по количеству рабочего скота на 1 дес. экономической запашки. В итоге необходимо отметить, что исследования регионального характера отличались более конкретной детализацией и широким спектром рассматриваемых проблем.

Дворянско-буржуазная историография не дала аргументиро-

ванного ответа на вопрос о роли и характере дворянского хозяйства в системе аграрных отношений, о степени его капитализации. Более детально рассматривались процессы в дворянском землевладении и практически отсутствовали работы по землепользованию. Вместе с тем, в трудах дворянско-буржуазных историков впервые был применен структурный подход при изучении дворянских хозяйств, подняты проблемы капиталистической эволюции поместий, природы отработок.

В конце XIX – начале XX вв. оформляется марксистское направление в российской историографии. В первую очередь это связано с трудами В.И. Ленина. Для теоретического наследия В.И. Ленина по аграрному развитию пореформенной России характерно тесное переплетение политических и экономических вопросов, где первые часто имеют определяющее значение. Так, например, в статье «Крестьянская реформа и пролетарско-крестьянская революция», посвященной реформе 19 февраля 1861 года и ее последующей роли в эволюции русской деревни, он писал, что помещики выступают в роли тормоза прогрессивных аграрных преобразований¹⁷. Здесь системы землевладения и землепользования отождествляются. Тем самым игнорируется прогрессивная роль помещичьего хозяйства как основы крупного капиталистического хозяйства. Тактические и стратегические цели политической борьбы определяли теоретическое обоснование необходимости аграрных преобразований и роль в них помещичьего хозяйства.

В то же время в работах «Развитие капитализма в России», «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», «Аграрный вопрос в России к концу XIX в.» помещичье хозяйство было подвергнуто серьезному анализу. Показано, что помещичье землевладение являлось основой отработочной системы, базой для социально-экономического господства дворянства. Был раскрыт двойственный характер крупного помещичьего землевладения, которое, с одной стороны, являлось фундаментом для крупного капиталистического хозяйства, с другой – тормозом для буржуазной эволюции крестьянского хозяйства. Особое положение занимает работа «Развитие капитализма в России», где помещичье хозяйство стало объектом специального исследования и была пока-

зана его капиталистическая эволюция¹⁸.

Таким образом, теоретическое наследие В.И. Ленина оставило противоречивый след в отечественной историографии аграрной проблематики.

На первом этапе советской историографии (20-е – середина 30-х гг. XX в.) специального внимания дворянскому хозяйству не уделялось. Основной тематикой являлась классовая борьба в деревне и связанная с ней аграрная политика царизма.

На следующем этапе советской историографии (30-е – конец 50-х гг.) интерес к помещичьему хозяйству был вызван сменой характера аграрной проблематики. Если в 20-х гг. в центре внимания исследователей находилась проблема развития капитализма как генеральной линии аграрной эволюции России, то на протяжении 50-х гг. внимание историков-аграрников было обращено к комплексу более сложных вопросов, одним из которых был вопрос об уровне капитализации аграрного строя пореформенной России. Без определения степени капиталистического развития дворянских хозяйств нельзя было дать ответ на этот вопрос. Катализатором для дальнейшего изучения дворянского хозяйства стала дискуссия 1960 года об аграрном строе России в период империализма¹⁹. Дискуссия показала значительные расхождения мнений советских историков-аграрников о характере аграрного строя России. А.М. Анфимов исходил из неоспоримого положения о капиталистическом направлении эволюции сельскохозяйственного производства, но, по его мнению, к началу XX в. аграрные отношения были полукрепостническими. Его аргументация заключалась в 2-х основных положениях: преобладании отработочной системы и зимнем найме рабочих. С.М. Дубровский утверждал, что капиталистические отношения находились в процессе становления и получили преобладающее значение как в помещичьих, так в крестьянских хозяйствах²⁰. В ходе дискуссии было выявлено, что помещичьи хозяйства, в основе которых были дворянские поместья, изучены очень слабо, и это обедняло аргументацию обеих сторон. Поэтому с середины 60-х гг. в свет выходят работы, в которых специально изучалось помещичье хозяйство²¹. Основные идеи А.М. Анфимова по рассматриваемой проблеме в своих исследованиях развивала Л.П. Минарик²².

В 70-е гг. из печати выходят монографии обобщающего характера Б.Г. Литвака, Н.М. Дружинина, П.Г. Рындзюнского, которые раскрывают содержание реформы 1861 года и ее последствия для дальнейшего хода капиталистических преобразований²³. На большом фактическом материале показана буржуазная эволюция русской деревни. Особенно ценными, на наш взгляд, являются суждения авторов о взаимовлиянии помещичьего и крестьянского хозяйств.

Этот период отмечен новым подходом к изучению аграрного строя России. Большую роль сыграли работы И.Д. Ковальченко. В его статье «Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в землевладельческом производстве капиталистической России» было показано, что изучение эволюционных процессов в помещичьем хозяйстве необходимо проводить с начала пореформенного периода, а не ограничивать исследование рамками конца XIX – начала XX вв.²⁴ Сравнивая тенденции в развитии помещичьего и крестьянского хозяйств, И.Д. Ковальченко пришел к выводу, что с 1861 года уменьшение роли помещиков в земледельческом производстве шло значительно быстрее, чем в землевладении.

Н.А. Проскуракова провела серьезный анализ дворянского землевладения Европейской России конца XIX – начала XX вв.²⁵ Она показала доминирующую роль дворян-помещиков в частновладельческой земельной категории, неодинаковые темпы сокращения земель различных категорий дворянства как в масштабе Европейской России, так и в рамках отдельных регионов. Вывод о том, что уменьшение стоимости дворянских земель в общем земельном фонде происходило значительно медленнее, чем уменьшение количества земли, помог по-новому взглянуть на происходившие в дворянском землевладении процессы.

Необходимо отметить, что сложные проблемы, касающиеся характера аграрного капитализма в России, были решены с помощью математических методов обработки массовых источников. Новый подход позволил коллективу авторов во главе с И.Д. Ковальченко провести комплексный анализ социально-экономического строя помещичьих хозяйств Европейской России в эпоху капитализма²⁶ и исследовать аграрный рынок XVIII-начала XX веков²⁷.

Из исследований регионального характера можно выделить работы О.М. Хохонина²⁸, Л.М. Рянского, Р.Л. Рянского²⁹. Хохонин в комплексе рассмотрел помещичье хозяйство Воронежской губернии конца XIX – начала XX века. В ходе анализа взаимовлияния систем землевладения и землепользования были получены ценные наблюдения об особенностях развития местных помещичьих хозяйств, но в выводах была явно преувеличена роль отработочной системы.

Л.М. и Р.Л. Рянские детально исследовали курское помещичье хозяйство дореформенного периода. Но авторы, доказывая, что кризис крепостной системы до конца не проявился в помещичьих хозяйствах первой половины XIX века и они имели потенциал экономического развития, упускают из виду массовую деградацию мелкопоместных хозяйств. Число курских мелких помещиков с 8 по 10 ревизии сократилось с 4 680 до 3 299³⁰. Скорее всего, корректнее утверждать, что курпнопоместные и среднепоместные хозяйства были менее подвержены кризисным явлениям, а мелкопоместные имения явно разорялись. Это подтверждали и современники. Весьма интересны наблюдения Е.Н. Бунеевой об этнической специфике крестьянских повинностей в воронежской вотчине графов Бутурлиных в I половине XIX века³¹.

В то же время вне рамок указанных региональных работ начиная с 90-х годов прошлого века и до середины второго десятилетия 2000-х гг. интерес исследователей к дворянскому хозяйству несколько снизился. В указанный период можно выделить работы Н.П. Бородина³², Б.Н. Миронова³³, В.Н. Литуева³⁴, И.А. Христофорова³⁵, С.А. Козлова³⁶. Н.П. Бородин на материалах земской статистики центрально-черноземных губерний, применяя оригинальную методику подсчетов, проанализировал характер капиталистического уклада в помещичьих хозяйствах 80-90-х гг. XIX в. В итоге отмечается, что в дворянских имениях преобладали капиталистические методы ведения хозяйства, причем развитые формы капитализма были распространены шире, чем неразвитые. Б.Н. Миронов показал взаимосвязь эволюции правового статуса дворянства с итогами пореформенной модернизации помещичьих имений. В.Н. Литуев проанализировал широкий спектр эволюционных про-

цессов в пореформенном дворянском землевладении. При этом была выявлена специфика трансформации помещного землевладения в рамках отдельных регионов России с учетом внутрисклассификационных особенностей земельной собственности высшего российского сословия. И.А. Христофоров, рассматривая судьбу реформы отмены крепостного права через призму правительственной политики в отношении крестьян с 30-х по 90-е гг. XIX в., отдельные сюжеты посвятил помещичьим имениям. В частности, это коснулось проблем вотчинного управления, топографии имений и идеологии помещичьей власти.

С.А. Козлов в трех монографических работах, посвященных аграрным традициям и новациям в Центрально-Нечерноземном регионе в дореформенный и пореформенный периоды, на материалах экономической печати провел исследование синтеза модернизационных процессов с устойчивыми формами хозяйствования. Автор показал несомненное влияние на отечественные агроновации передовых европейских агротехнологий, преломление западного опыта на русской почве и сложности его внедрения в дворянских имениях.

Новой тенденцией в изучении не только дворянского хозяйства, но и в целом российского высшего сословия, становятся исследования, посвященные мелкопоместному дворянству. Мелким помещикам до последнего времени не было посвящено ни одной серьезной работы. И.В. Истомина в своем диссертационном исследовании «Мелкопоместное дворянство Европейской России в 50-90-е гг. XIX века (по материалам центрально-черноземных губерний)» проанализировала широкий спектр жизнедеятельности мелкопоместных дворян Центрального Черноземья. В частности, это вопросы землевладения, землепользования, структуры хозяйства, повседневности, роли и места мелких помещиков в структурах управления и местного самоуправления³⁷.

В зарубежной историографии вопрос о характере дворянского хозяйства в XIX в. также носит дискуссионный характер. Отдельные авторы, как, например, немецкий историк Д. Байрау, сокращение дворянского земельного фонда считает показателем упадка помещичьих хозяйств. Тем самым он ставит, по сути, знак тождества между экономическими категориями «землевладение» и «земле-

пользование». Вывод о том, что «... к концу XIX в. едва ли можно говорить о прогрессе в области модернизации... дворянского сельского хозяйства»³⁸, не соответствует результатам последних исследований отечественных историков. Английский исследователь Питер Готрелл весьма точно подметил главную заботу русских помещиков в самом начале пореформенной модернизации дворянских имений: «С точки зрения помещика, требовалось, чтобы перевод крестьян из крепостных в свободные осуществлялся без ущерба для дохода их бывшего владельца и для производственного потенциала поместья. Помещик столкнулся с необходимостью восполнить потерю сельскохозяйственного инвентаря и рабочего скота, которые прежде представлял крестьянин, обрабатывающий помещичьи земли. Однако главной целью помещика являлось сохранение дохода»³⁹. Эта цель и обеспечивала варианты совмещений отработочной системы с некоторыми аграрными новшествами. Все зависело от конкретного времени, места и потенциальных возможностей хозяйственных потерь или доходов. Американский историк Элис К. Виртшафтер показывает, что социальные границы в русской крепостной деревне были не так прочны, как это обычно принято считать. В частности, он отмечает: «... Парадигма дворянин – крестьянин, служившая до 1861 г. основой сословной структуры, была более расплывчата, чем обычно считается. Изучение такого явления, как крепостные миллионеры и торгующие крестьяне, дает лишь общее представление о неопределенности социального положения, а феномен разночинцев служит неопровержимым доказательством того, что формальное положение и дворянства, и крепостных было в равной степени нечетко определено. Это обстоятельство, наряду с хорошо известной гибкостью свободных, недворянских категорий, демонстрировало общество, где любое положение было ненадежно, а социальные границы – всегда подвижны»⁴⁰.

В указанном контексте необходимо выделить работу американского историка Сеймура Беккера «Миф о русском дворянстве. Дворянство и привилегии последнего периода императорской России»⁴¹. В данном исследовании автор довольно подробно проанализировал дворянское землевладение и пришел к выводу: «...меньшинство дворян, сохранившее связи с землей, не состояло

из беспомощных собственников, живших в долг и постепенно разорявшихся в ожидании, когда их имения будут проданы с молотка. В действительности дворяне, сохранившие свою землю, особенно владельцы средних и крупных имений, в последнее десятилетие старого режима превратились в экономически и политически влиятельную группу. Стоимость их земель поднялась до беспрецедентного уровня, отношение суммы их ипотечной задолженности к цене земли было очень небольшим, и они по-прежнему владели непропорционально большей долей частной сельскохозяйственной земли, которая находилась во владении индивидуальных собственников...

Нет сомнений, что они ностальгически вспоминали свои леса и вишневые сады, но на большинство дворян воспоминания о прежнем образе жизни и символы прошлого не действовали таким парализующим образом, как это принято предполагать»⁴². Вывод С. Беккера о превращении крупнопоместных и среднепоместных дворян в конце XIX века в «экономически и политически влиятельную группу» противоречит суждению Д. Байрау об отсутствии кого-либо прогресса к началу XX в. в русских помещичьих хозяйствах.

Исследование американского историка Мишеля Ламари Маррезе, посвященное парадоксу юридического положения дворянок в императорской России 1700-1861 гг., убедительно опровергает существующее андроцентричное представление о дворянском обществе дореформенной России⁴³.

Историографический обзор показывает, что степень изученности дворянского хозяйства как в России в целом, так и в ее отдельных регионах, в частности в Центральном Черноземье, остается незначительной. Традиционно наиболее разработанной темой в данном вопросе является дворянское землевладение конца XIX – начал XX века (М. Яснопольский, В.В. Святловский, Н.А. Проскурякова, В.Н. Литуев). Примечательно, что все крупные работы монографического плана и статьи, касающиеся природы помещичьего хозяйства, охватывают 40-50-е гг. XIX века и конец 80-х гг. XIX – начала XX века (А.Н. Анфимов, Л.П. Минарик, И.Д. Ковальченко, Н.Б. Бородин, Л.М. Рянский). Дворянское хозяйство 60-70-х гг. XIX века, за весьма редким исключением, выпало из поля зрения исследователей. Но именно в эти годы зарождались основные тен-

денции капиталистической модернизации дворянских имений. Без учета первых двух пореформенных десятилетий весьма затруднительно показать темпы буржуазной эволюции помещичьего хозяйства. Это относится и к работам по дворянскому землевладению, но уже только применительно к 60 гг. XIX века.

Роль дворянства в структурах местного управления и функционирование корпоративного дворянского самоуправления в отечественной историографии не удостоивались особо пристального внимания. По сути, эти проблемы рассматривались в рамках более широких проблем государственной системы управления и других вопросов сословного плана. В то же время можно выделить несколько направлений исследования указанной проблемы: 1) историко-правоведческое; 2) органов управления всех уровней; 3) обобщающего плана истории дворянского сословия; 4) отдельных аспектов жизнедеятельности дворянского сословия. Особняком во II-й половине XIX в. – начале XX вв. стояли работы публицистического характера, в основном носившие политизированный характер.

В пореформенный период и в начале XX в. представители историко-правоведческого направления (Е. Карнович, В.А. Евреинов) главной целью ставили анализ системы чиновничества на основе «Табели о рангах»⁴⁴. Авторы показывали поэтапные изменения правового характера классности чиновников, их отношение к чиновничеству, фрагментарно оттеняли негативы бюрократии чиновничьего мира, стереотипы их поведения. Специального сословного анализа чиновничьего корпуса не проводилось, хотя подчеркивалась значительная доля дворянства в нем. В вопросе функционирования дворянской корпорации приоритет отдавался правовым нормам приобретения дворянского достоинства. Как правило, в данных работах отсутствовал глубокий анализ, в основном осуществлялся подбор юридических норм о дворянстве с кратким их комментарием⁴⁵.

В рамках второго направления исследования во многом носили отраслевой характер, как правило, подводили определенный итог за продолжительный период деятельности того или иного органа власти⁴⁶. Детально анализировались деятельность его руково-

дителей, внимание императора к конкретному органу управления, заслуги данного органа; определенные видимые промахи списывались на сложность и неповоротливость российской бюрократической машины. Роль дворянства здесь просматривалась только в чинах, титулах и орденах руководящего звена.

Более академический характер, не официально-отчетный, имели работы, где поднимались вопросы местного управления и самоуправления, включая земства. Особенно следует выделить работы А.А. Кизеветтера, И.И. Дитятина, А.Д. Градовского⁴⁷. А.А. Кизеветтер исследовал природу российского местного управления с IX по XIX вв. Автора интересовало соотношение и приоритет государственного и регионального начал в системе местного управления, а следовательно, степень противопоставления общества и государства. С его точки зрения, государственная идеология при организации структур местного управления стала доминировать только с 90-х гг. XIX в. Дворянский приоритет в структурах местного управления до земской реформы 1864 года признавался неоспоримым фактом. Подчеркивалось, что с введением института земства начался отказ от сословного подхода в системе местного управления. При этом он показывал противоречивое отношение дворянской аристократии к ведению земского самоуправления. И.И. Дитятин проанализировал эволюцию городского управления в России, выделяя городскую реформу 1785 года как событие, после которого город стал юридическим лицом, представляющим интересы всего городского населения. А.Д. Градовский, проведя сравнительный анализ правовой базы функционирования системы местного управления в России после 1864 года и в Западной Европе, пришел к выводу, что российская сословная структура местного управления имела больше прав и самостоятельности, чем прусская и французская⁴⁸.

В целом, вышеуказанные авторы не ставили перед собой цель провести сословный анализ системы местного управления и роли дворянства в нем. В первую очередь их интересовала эволюция политики центральной власти по отношению к системе местного управления. Хотя и отмечался продворянский характер правовых основ формирования структур местного управления в дореформен-

ный период, но делалось это исходя из норм привилегированного юридического статуса дворянства в российском обществе.

Вопросы истории дворянства и его корпоративного самоуправления в отечественной историографии II-й половины XIX – начала XX вв. рассматривались с двух точек зрения – консервативной и либеральной. Как правило, история высшего сословия интересовала авторов дворянского происхождения. Наиболее консервативные суждения о безусловном и объективном доминировании дворянства в органах управления на всех уровнях и вообще во всех сферах жизнедеятельности российского общества принадлежат С.А. Корфу⁴⁹. С его точки зрения, это предопределялось исторической традицией и особой ролью дворянства в российской истории. Либеральной сущностью отличились работы А.А. Плансона, В. Платова, но только в той же части, где признавалась пореформенная предопределенность демократизации сословных отношений⁵⁰. Данные работы во многом носили публицистический характер, особенно это просматривалось в логике доказательств причинных связей. Показывая заслуги дворянства, государственное предназначение его, они в то же время констатировали утрату прежних позиций дворянства в пореформенный период. Виной этому, по их мнению, стала цепь буржуазных реформ 60-70-х гг. XIX в., нарушивших вековые сословные устои России. Определенная вина возлагалась и на дворянство, не сумевшее приспособиться к новым пореформенным реалиям. При этом акцентировалось внимание на неразрывной связи самодержавия и дворянства.

Необходимо отметить, что проблема «дворянство и чиновничество» решалась весьма противоречиво в сочинениях дворянских авторов как в дореформенный, так и пореформенный периоды. Представление о бюрократии как историческом враге, издавна и расчетливо ведущим против благородного сословия подрывную компанию, хорошо передает трактовка тамбовским помещиком П.Б. Бланком (в записке «Об опасностях, угрожающих спокойствию России», март 1860 года) такого знаменательного в истории дворянства акта, как «Манифест о вольности дворянской» 1762 года. Освобождение дворянства от обязательной службы, доказывал автор, вело не к «раскрепощению» сословия, а к умалению госу-

дарственного значения дворянства, распылению традиций дворянской службы престолу. Теперь единственной сословной обязанностью дворянина оставалось управление своими крестьянами – низшая, или, как выражался Бланк, «бесцветная», форма администрирования: «Обязанные, по видам Правительства, управлять крестьянами, дворяне изолировались в своей сфере до конечного невнимания ко всему их окружающему. Большинство из них, прослужив Царю и отечеству только время своей юности, забиралось в свои раковины и ... плотно в них втягивалось, ... лениво и беспечно упивалось своим самодержавием над горстью людей». Бюрократия же изображалась по стандартным канонам политического памфлета – как средоточие честолюбцев и искателей выгод из всех сословий, пренебрегших «своею собственностью, как ничтожною, сравнительно с богатством управляемых ими частей в государстве», использовавших себе во благо апатию и аморфность дворянства: «Долг службы совершенно исказился: точное исполнение Высочайшей воли заменилось хитростью; усердие – лестью, и в России образовалось совершенно отдельное вредное и самое нечистое сословие чиновников»⁵¹.

«Отдельному сословию» чиновничества не присваивалось никаких опознавательных характеристик, кроме морально-этических, то есть в принципе внесословных. Но ведь среднее и высшее звено чиновничества состояло в основном из дворян. Если П.Б. Бланк даже и не пробовал перевести данный вопрос в сословную плоскость, то гр. В.П. Орлов-Давыдов прямо указал на препятствия к выполнению такой задачи: «Можно ли отделять в наших понятиях дворянство от чиновничества? Неужели на одной стороне все не служащие дворяне, ненавистники и независимые люди, а на другой все чиновники, люди завистливые и искательные Сам пишущий эти строки разве не чиновник?» Впрочем, в конце концов, он предложил-таки схему различия, но ее трудно назвать прагматичной: «Одно звание отделяется от другого в лицах, смотря по тому, насколько одно из двух понятий преобладает над другим... Дворянин носит чин как платье, а у чиновника ... чин пристает к самому телу»⁵². Различие проходило опять на уровне морально-этических установок.

Относительно большое количество работ, посвященных отдельным аспектам жизнедеятельности дворянского сословия, в первую очередь генеалогическому, геральдическому, характерно было для историографии рассматриваемого периода⁵³. В них рассматривались проблемы генеалогических связей дворянских родов, заслуги, приведшие к пожалованию титулами, приводилось описание личных и родовых гербов. Единичные работы публицистического плана были посвящены отдельным стратам дворянства⁵⁴.

В рамках рассматриваемого региона в пореформенный период серьезные исследования, касавшиеся местного чиновничества и дворянских корпораций, отсутствовали. Исключение составляют работы Ф. Щербины по воронежскому земству и капитальный труд Б.Б. Веселовского «История земства за сорок лет», где истории центрально-черноземного земства уделено большое внимание⁵⁵.

Таким образом, проблема «дворянство и чиновничество», включая земские учреждения, дворянские корпорации, в отечественной историографии пореформенного периода и начала XX в. были освещены фрагментарно. Главным образом рассматривались историко-правовые аспекты и взаимоотношения центральной власти и органов местного управления. Сословный анализ не являлся объектом специального исследования.

В советской историографии 20-50-х гг. проблематике дворянства фактически не было посвящено отдельных исследований. По замечанию Н.И. Павленко, история «эксплуататорских классов» до середины 50-х годов относилась вообще к «полузакрытым темам»⁵⁶. Основные работы касались крестьянства и пролетариата. На рубеже 60-70-х гг., как было показано выше, стало очевидно, что без всестороннего анализа дворянского хозяйства невозможно было определить степень капитализации аграрного сектора экономики пореформенной России. В 70-е гг. дворянство пореформенного периода стало объектом специального исследования А.П. Корелина⁵⁷. Автор проанализировал основные законы о дворянстве, провел сравнительный анализ его численности по отдельным регионам и в целом по России, исследовал участие дворян в законотворческом процессе, правовые основы функционирования дворянских корпоративных организаций. Проблема «дворянство и чиновничество» рассматривалась в плоскости эволюции отноше-

ния центрального аппарата власти к местному управлению и отношения дворянства к данным процессам. Ю.Б. Соловьев детально проанализировал эволюцию взаимоотношений института самодержавия и дворянского сословия в конце XIX – начале XX вв.⁵⁸ Автор не ставил перед собой цель акцентировать внимание на региональной специфике, его интересовала проблема общего плана, хотя и просматривалась тенденция локализации дворянских проектов, прошений и т.п.

Непосредственно чиновничьему корпусу пореформенной России в 70-80-е гг. было посвящено небольшое количество работ. П.А. Зайончковский, Л.Г. Захарова, П.Н. Зырянов исследовали условия службы, социальный состав, имущественное положение, численность, образовательный уровень чиновничества⁵⁹. Были показаны доминирующая роль дворянства в структурах чиновничества в 60-70-е гг. XIX в., особенно в среднем и высшем его звеньях, и сокращение процента дворян-чиновников в общей массе чиновничества к концу XIX – началу XX вв. Незначительное количество вышеуказанных работ отчасти компенсировалось тем, что социальный состав чиновников, их профессиональная деятельность, политические воззрения изучались в рамках проблемы становления и эволюции российской интеллигенции. Л.К. Ерман, Е.Г. Корнилов, В.Н. Лебедев, В.Р. Лейкина-Свирская, Н.М. Пирумова, исследуя различные профессиональные группы интеллигенции, включая земскую, указывали на их неразрывную связь с чиновничьим статусом⁶⁰. Вышеуказанные авторы специально на дворянах-чиновниках внимание не заостряли.

На современном этапе отечественной историографии при изучении дворянского сословия приоритет отдается анализу функционирования его сословной корпорации и разработке дворянских проектов, отстаивающих сословные привилегии. А.В. Ильин, О.М. Карамышев, А.Ю. Конькова исследовали правовые основы становления и деятельности дворянских корпораций, документальные подтверждения принадлежности к дворянству. Историко-правовой анализ был проведен с учетом внутренней градации, приобретения прав личного и потомственного дворянства. Работы носят чисто теоретический характер, конкретный фактический анализ в них от-

сутствует. М.Д. Долбилов рассмотрел сословные программы представителей дворянской аристократии в 50-60-е гг. XIX в.⁶¹ Временные рамки исследования позволили показать сложность и противоречивость эволюции политических взглядов дворянской аристократии накануне буржуазных реформ 60-х гг. XIX в. и в первое пореформенное десятилетие. Интересен и выбранный ракурс исследования – переход от устоявшейся точки зрения об оппозиционности дворянства к анализу сословного конструктивизма. Автор показал конституционно-аристократический характер ряда программ представителей высших страт дворянского сословия.

И.А. Христофоров детально проанализировал аристократическую оппозицию Великим буржуазным реформам 60-70-х гг. XIX века⁶².

С конца 80-х гг., в связи с переосмыслением характера взаимосвязи общества и государства, у исследователей стал возрастать интерес к истории российского чиновничества и в целом к местному управлению и самоуправлению. Г.А. Герасименко показал, что введение института земства находилось под строгим контролем центрального аппарата власти, ставка на управленческое звено в сословном аспекте была сделана на дворянство. Традиция жесткой вертикали власти оставалась, хотя и широкие полномочия структур самоуправления в хозяйственном аспекте были очевидны. Подчеркивалось начало всесословного характера местного самоуправления⁶³. Правовые основы функционирования земских учреждений были рассмотрены В.В. Куликовым⁶⁴.

Из работ, посвященных земству, вышедших в 2000-х гг., где в той или иной степени затрагивались вопросы взаимодействия дворян со структурами местного самоуправления, необходимо выделить двухтомник «Земское самоуправление в России 1864-1917» (отв. ред. Н.Г. Королева) и исследование А.Ю. Шутова⁶⁵.

Л.Ф. Писарькова, В.А. Иванов, М.М. Шумилов в своих исследованиях провели многоаспектный анализ различных групп чиновничества пореформенной России, показали общесословную природу его формирования, где дворянство играло существенную роль⁶⁶. На наш взгляд, по рассматриваемой проблеме наиболее интересные выводы сделаны при обработке штатных формуляров чиновников,

где отражена связь дворян-чиновников со своими земельными владениями в поместьях. В дворянской среде это ставило их в двойное положение: с одной стороны, представитель бюрократии – «заклятый враг» благородного сословия, с другой, – дворянин – помещик, страдающий сам от «произвола» местных чиновников. Л.Е. Шепелев рассмотрел внешнюю атрибутику российского чиновничества: чины, классы, форменные мундиры, наградную систему⁶⁷.

Из работ, посвященных рассматриваемой проблеме по Центрально-Черноземному региону, следует выделить исследования А.Н. Акиньшина, О.Г. Ласунского, В.С. Кулабухова, И.Т. Шатохина. А.Н. Акиньшин и О.Г. Ласунский через биографические очерки наиболее известных представителей воронежского дворянства показали функционирование дворянских корпоративных учреждений, чиновничью деятельность дворян, участие их в работе земских структур⁶⁸. В.С. Кулабухов исследовал финансовые источники курских дворянских корпоративных учреждений⁶⁹. И.Т. Шатохин, рассматривая проблему провинциальной интеллигенции России в конце XIX – начале XX в. (по материалам Курской губернии), детально изучил структуру курского чиновничества⁷⁰. Но выбранная им методика сословной классификации чиновников привела к снижению процента дворян среди них. Штаб-офицеры и оберофицеры, находившиеся на гражданской службе, при сословной градации отделены от дворян-чиновников, хотя, исходя из классов «Табели о рангах», подавляющая часть их была дворянами.

В то же время, И.Т. Шатохин, касаясь вопросов истории российского чиновничества, вышел на весьма оригинальные темы: «Первая любовь и невесты чиновников», «Российский чиновник в пословицах и поговорках»⁷¹.

Данный историографический аспект показал, что вопросы, касающиеся дворянских корпораций, в основном разрабатывались в правовой плоскости и анализировались программные проекты, исходящие от них. Исследования пореформенных дворянских корпораций Центрального Черноземья носят узконаправленный характер: в них рассматриваются один-два отдельных аспекта. Работы обобщающего плана отсутствуют. Проблема «дворяне и чиновники» в отечественной историографии специальному исследованию не подверга-

лась. Она проходила вспомогательным фрагментом при решении других задач.

Проблема эволюции повседневности в дворянской усадьбе XIX – начала XX века начиная с 90-х гг. XX века разрабатывается довольно плодотворно. Мир дворянского детства, социализация дворянских детей и юношества рассмотрены в работах О.Ю. Солодянкиной, В.А. Веремеенко, А.В. Беловой, В.М. Боковой, И.Г. Оноприенко, С.П. Шаповаловой⁷². С.И. Лякишева показала предлагаемый юному дворянству спектр детской литературы, раскрывая сильные и слабые стороны детской отечественной полиграфии, её восприятие детским сознанием⁷³. Вопросы трансформации быта в дворянских усадьбах XIX века в последнее время приобретают все большую популярность среди исследователей. Именно через их раскрытие можно наиболее наглядно, с учетом социопсихологических особенностей показать всю сложность, во многом трагизм, пореформенной социальной модернизации помещичьих владельцев. Особое место в данном контексте занимает коллективная монография, посвященная дворянской и купеческой сельской усадьбе в России XVI-XX веков.⁷⁴ В разделах, подготовленных Э.Г. Истоминой, И.М. Пушкаревой, быт сельской дворянской усадьбы рассматривается в контексте социально-экономической, культурной, отчасти социопсихологической трансформации не только русской деревни, но и в целом российского общества. Особую важность здесь приобретает стратификационный подход при изучении быта помещиков. Те или иные аспекты, раскрывающие отдельные стороны дворянского сельского быта, нашли отражение в работах Е.Н. Марасиновой, Т.П. Каждан, Г.Ф. Парчевского, Е.В. Лаврентьевой, М.А. Климковой, М.А. Арабоглы, В.Г. Щукина, И.Г. Оноприенко И.В. Шаповаловой, В.А. Шаповалова, Б.Ю. Тарасова, Л.В. Беловинского и др.⁷⁵.

Архитектуре дворянской усадьбы и её внутреннему убранству, в сравнении с другими характерными приметами помещичьего быта, посвящено большее количество работ. Хотя во многом они носят искусствоведческий характер.

Основоположником системного изучения, правда, по большей части искусствоведческого плана, дворянской усадьбы XVIII –

начала XX вв. является Н.Н. Врангель. В цикле его статей начала XX века, посвященных русской дворянской усадьбе, проведен культурологический анализ внешнего и внутреннего облика помещичьего дома, занятий его обитателей в контексте их культурных пристрастий⁷⁶. С 1913 по 1917 годы дворянская усадебная жизнь довольно подробно рассматривалась в петербургском журнале «Столица и усадьба»⁷⁷. На современном этапе изучения дворянской усадьбы данную традицию поддерживает альманах «Русская усадьба», научным редактором и составителем которого является М.В. Нащокина⁷⁸.

Из большого количества исследований последних двух десятилетий, где сельская усадебная архитектура, эволюция внутреннего убранства помещичьего дома стали объектами научного анализа, можно выделить работы Е.Н. Марасиновой, Т.П. Каждан, М.А. Поляковой, Н. Марченко⁷⁹.

В рамках Центрального Черноземья это работы С.И. Федорова, И.Г. Оноприенко, Е.В. Холодовой, сборник очерков «Русские провинциальные усадьбы XVIII – начала XX века» (составители – Р.В. Андреева, Л.Ф. Попова)⁸⁰.

Завершая историографический сюжет о повседневности дворянской сельской усадьбы, можно констатировать, что данное направление в отечественной историографии как объект всестороннего научного анализа начало развиваться относительно недавно, но привлекает внимание все большего количества исследователей.

Изучение эволюции повседневности позволяет сделать широкие обобщения, касающиеся фактически всех сторон жизни российского помещика.

Историография социально-психологической трансформации дворянского сословия, в сравнении с дворянским хозяйством и помещичьим бытом, не обширна. Социально-психологические аспекты только начинают разрабатываться в современной отечественной историографии.

В российской исторической науке второй половины XIX – начала XX в. не было ни одной специальной работы, где бы конкретная социальная общность на уровне сословия была исследована в социально-психологическом плане. Необходимо отметить, что

и само понятие «социальная психология» в научном историческом лексиконе отсутствовало. Тем не менее, содержательный аппарат, раскрывавший сущность данного понятия, выражался в следующих терминах: «представление», «коллективные представления», «дух времени», «идеи нового времени» и т.д.⁸¹ Данными терминами оперировали, когда хотели показать изменения психологических установок на каком-либо историческом этапе. Вопрос о степени соотношения социального и психологического начал не ставился, хотя приоритет отдавался социальным аспектам. В целом, социально-психологические моменты являлись второстепенными при рассмотрении поставленных задач.

Впервые в отечественной историографии важность социально-психологического фактора в историческом процессе была осознана марксистской историографией конца XIX – начала XX веков.

Г.В. Плеханов, опираясь на тезис К. Маркса и Ф. Энгельса об активном воздействии субъективного фактора на все стороны жизнедеятельности общества, указал на важность психологических воззрений и выделил этапы доминирования конкретных социально-политических и психологических представлений. Он подчеркивал: «Дело всякого исторического исследования приходится начинать с изменения состояния производительных сил и экономических отношений данной стороны. Но на этом, разумеется, исследование не должно останавливаться: оно должно показать, как сухой остов экономики покрывается живой плотью социально-политических форм, а затем – и это самая интересная, самая увлекательная сторона задачи – человеческих идей, чувств, стремлений и идеалов. В руки исследователя поступает, можно сказать, мертвая материя, из его рук должен выйти полный жизни организм»⁸². Задача ставилась в весьма обобщенном плане, не заостряя внимания на сложной внутренней градации сословий. Акцент ставился на классовом характере психологии. Но в реальности в рамках одного сословия сосуществовали несовпадающие социально-психологические воззрения. Обусловлено это было различным социально-экономическим, культурным и образовательным статусом отдельных страт сословия, поэтому оперирование терминами «класс», «сословие» без учета их внутренней градации приводило к весьма схематичным выводам.

В.И. Ленин специально не ставил перед собой задачу рассмотреть социальные и психологические воззрения российских сословий. Психологические характеристики дворянства имели главным образом политический оттенок, и подчеркивалась изначально консервативная природа этого сословия⁸³.

В 20-30-е гг. социально-психологические аспекты не являлись объектом специальных исследований, приоритет отдавался изучению классовой борьбы.

В западно-европейской историографии, наоборот, в указанный период времени социально-психологические факторы развития общества становятся весьма актуальными. Впервые методологическая основа изучения социально-психологического фактора была разработана в 30-е г. XX в. представителями французской исторической школы «Анналов». Её основатели М. Блок и Л. Февр выступили против утверждавшихся в историографии представлений о безусловном приоритете письменных источников и фактологической стороны истории. Они настаивали на преимуществе социально-психологического фактора, явно в ущерб экономическим, социальным и политическим реалиям⁸⁴. В 60-70-е гг. западно-европейская историография уже оперирует категорией «менталитет». Данная категория, в сравнении с социально-психологическим фактором, хотя во многом и тождественна ему, но в большей степени имеет этнические и идеологические оттенки. Введению социально-психологического аспекта, менталитета в круг «законных» направлений исторической науки во многом способствовали труды историков, составлявших третье поколение школы «Анналов», – Ж. Ле Гоффа, А. Бюргера, М. Ферро⁸⁵.

В советской историографии к социально-психологическому анализу обратились на рубеже 70-80-х гг., когда встала необходимость более аргументировано показать механизм внутренней мотивации тех или иных политических шагов, предпринятых как на общесословном уровне, так и отдельными представителями сословий. Во многом этому способствовало становление в СССР именно в указанный период социальной психологии как самостоятельной научной дисциплины. Объектом специального исследования Е.И. Мокряк и С.С. Минц стала социальная психология дорефор-

менного и пореформенного дворянства. В качестве основного источника правомерно были взяты мемуары и личные дневники⁸⁶. Новизна данного методологического подхода при изучении дворянского сословия предопределила источниковедческую направленность работ. Были выявлены базовые элементы дворянской социальной психологии: консерватизм, чувство сословной исключительности, фатализм, корпоративное мышление. Стратификационный анализ психологии дворянства без привлечения более широкого круга источников оказался весьма схематичен. Но необходимо отметить, что в этот период отечественная социальная психология только разрабатывала свою методологическую основу исследований.

В 90-е годы тематика исследований по рассматриваемой проблеме была расширена. В контексте определения содержания категории «менталитет» выявлялись механизмы взаимодействия социального и психологического начал, их опосредованность российской действительностью и традициями. В отношении изучения социальной психологии дворянства наметился отход от общих схем и переход к определенной детализации социально-психологического анализа (культурологическое, аграрное направления)⁸⁷.

Из работ, касающихся социальной психологии сословного уровня черноземного центра пореформенной России, можно выделить исследования В.Н. Фурсова и В.С. Кулабухова⁸⁸. Первый из указанных авторов детально проанализировал социально-психологические аспекты крестьянского движения в Воронежской губернии в 60-70-е гг. XIX в. Поднимаемые им вопросы не могли не затронуть социально-психологическую взаимосвязь крестьян и дворян-помещиков. В.Н. Фурсов показал неизменность психологического традиционализма дворян-помещиков конца 50-х – начала 60-х гг. XIX в., которые по-прежнему стремились основывать благосостояние имений не на новых экономических механизмах, а на своем привилегированном сословном статусе. В итоге пореформенный сословно-правовой статус крестьян входил в противоречие с социально-психологическим традиционализмом дворян-помещиков. В.С. Кулабухов объектом своего исследования выбрал менталитет центрально-черноземного дворянства в пореформенный период. Проанализировав сословно-идеологические установки дворянства,

предпосылки их относительной оппозиционности к центральной власти, автор не избежал ошибочных суждений при рассмотрении конкретных аспектов дворянского менталитета. В первую очередь это связано с тем, что отдельные выводы основывались исключительно на источниках публицистического и мемуарного характера, где индивидуальные воззрения принимали обобщающий характер. В частности, это выводы о доминирующем влиянии дворянского менталитета на крестьянскую психологию, психологическом неприятии дворянством в пореформенный период института земства.

В конце 1990-х – 2000-е гг. социальная психология российского дворянства вызывает все больший интерес. В это время выходят работы С.С. Минц, Е.Н. Марасиновой, А.Е. Холманских, С.О. Шмитда, В.А. Шаповалова, Е.П. Бариновой, в которых в той или иной степени рассматриваются отдельные проблемы функционирования и эволюции социальной психологии представителей российского благородного сословия⁸⁹.

Тема «Русский помещик в народном фольклоре» до настоящего времени фактически остается не раскрытой. И это несмотря на то, что она затрагивает вопросы социально-психологической взаимосвязи крестьян и помещиков, позволяет вычлнить широкий спектр представлений крестьян о характере помещичьих добродетелей. В данном контексте можно выделить только сборник русских народных сказок «Барин и мужик» под редакцией Ю.М. Соколова, изданный в 1932 году издательством «ACADEMIA»⁹⁰. Ю.М. Соколов в предисловии к этому сборнику убедительно доказал, что русские сказки о помещике – важнейший источник для изучения социальной истории помещичьего дворянства.

Источниковую базу исследования составляют архивные и печатные материалы. Архивные материалы представлены документами, хранящимися в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственных архивах Белгородской (ГАБО), Воронежской (ГАВО), Курской (ГАКО), Тамбовской (ГАТО) областей.

В фондах РГИА основная часть сведений хозяйственного плана по дворянским имениям сосредоточена в ежегодных губернатор-

ских отчетах (Ф. 1263, 1281). В них содержатся сведения о посевах и сборах хлебов в частновладельческих хозяйствах. В основу учета был положен чисто сословный принцип. Земля как объект владения отождествлялась с землей-объектом хозяйствования. Поскольку в действительности значительная часть частновладельческих (преимущественно дворянских) земель находилась в пользовании крестьян, это привело к снижению доли крестьянского и завышению удельного веса частновладельческого хозяйства в земледельческом производстве.

Отдельную группу архивных материалов представляет вотчинная документация. Эти документы содержат большое количество сведений о различных аспектах хозяйственной деятельности дворян-помещиков. Но в основном в архивных фондах представлена вотчинная документация только крупнейших земельных магнатов⁹¹.

Дворянское хозяйство первого пореформенного десятилетия отражено в документах губернских по крестьянским делам присутствий, хранящихся в фондах областных архивов⁹². Источник содержит сведения о площадях посевов различных культур, распределении земель по видам сельскохозяйственных угодий (с учетом пара), а также о количестве сдаваемых в аренду земель. Пользоваться этими документами следует весьма осторожно, так как в большинстве имений, внесенных в этот источник, значительное количество земель не отнесено к сдаваемым в аренду и не указано под посевами культур (с учетом пара). Общая площадь земель дворянских хозяйств в этом случае превышает сумму земельных фондов, находящихся в аренде, под посевами и под паром. Проведенные нами подсчеты выявили, что это во многом связано с отсутствием данных о количестве сдаваемых в аренду земель в крупных поместьях. Здесь земли в ряде имений показаны только под посевами, и их площадь составляла менее 1/3-1/4 общего приведенного земельного фонда.

Эволюция дворянской социальной психологии в пореформенный период отражена в документах канцелярий губернаторов, губернских правлений, уездных предводителей дворянства, губернских дворянских депутатских собраний, хранящихся в фондах цен-

тральных и областных архивов⁹³. Различного рода прошения, жалобы, отчеты, распоряжения свидетельствуют об изменении социальной психологии дворянства. Наибольший интерес вызывают материалы, где прослеживается психологическая характеристика отношений между представителями различных социальных страт дворянства. Так, из губернаторских отчетов видно, что мелкопоместное дворянство являлось нерациональной, малограмотной частью высшего сословия, которое дистанцировалось от высших страт дворянства.

Служба представителей дворянского сословия в губернских и уездных структурах местного управления и земства главным образом отражена в фондах областных архивов. Наибольшее количество материалов, характеризующих деятельность и условия службы местных дворян-чиновников, содержится в фондах канцелярий губернаторов. В них же сосредоточена и основная часть сведений, относящихся к земским учреждениям. В фондах губернских земских управ содержатся малозначимые иллюстративные материалы. Это привело к тому, что А.А. Марьяновский, исследовавший воронежское земство в пореформенный период, из-за утраты архивных материалов, хранившихся в ГАВО, предложил в качестве основного источника по истории воронежского земства считать работу Ф. Щербины «Воронежское земство», вышедшую в 1891 году⁹⁴.

Источники, содержащие сведения о дворянских корпорациях, распределены в областных архивах неравномерно. В ГАВО материалы губернского депутатского собрания (Ф. 29) представлены относительно широко. В первую очередь это относится к личным фондам воронежского дворянства, где имеется информация об участии тех или иных его представителей в работе дворянских корпоративных учреждений. В ГАКО фонд губернского депутатского собрания (Ф. 1436) фактически полностью утрачен. В нем сохранилось всего два дела, касающихся финансирования дворянской корпорации и чинов уездных предводителей дворянства. В ГАБО вообще отсутствуют материалы, где отражалась бы деятельность дворянских корпораций.

Отдельные материалы о повседневном быте и мировоззренческих аспектах взяты из фондов государственного архива Тамбов-

ской области (далее ГАТО). В частности, это Ф. 161, 168, Ф.Р. 5328⁹⁵.

Опубликованные источники можно подразделить на две основные группы: 1) документы официального делопроизводства и 2) публицистического, мемуарного характера.

Документы официального делопроизводства представлены статистическими материалами, отчетами о деятельности комиссий и ревизий.

Основным опубликованным источником по истории дворянских хозяйств накануне отмены крепостного права является «Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше». Документ содержит сведения о числе крепостных крестьян в поместьях, количестве земель в господской и крестьянской запашках, площади сельскохозяйственных угодий. В отдельно вынесенных примечаниях имеется информация о числе наемных рабочих и администрации ряда поместий, количестве сданной в аренду земли и условиях ее найма. Структура источника, где каждое дворянское хозяйство соотнесено с конкретным владельцем, позволяет в ходе исследования выделить различные категории поместий, сделать градацию их земельных фондов. Но материалы этого документа отражают сведения только о крупных и части средних поместий, что не позволяет дать характеристику дворянскому хозяйству в целом.

Материалы редакционных комиссий раскрывают ход работы по подготовке реформы 1861 года, свидетельствуют об участии в ней помещного дворянства⁹⁶.

В комплексе массовых данных по истории дворянского хозяйства своей полнотой выделяются материалы земско-статистических обследований частновладельческих хозяйств. Разделение имений по сословиям владельцев позволяет историкам избирательно исследовать частновладельческое хозяйство. В отличие от источников 60-70-х гг. XIX в., здесь в систематизированном виде представлены сведения о количестве наемных рабочих, инвентаря и рабочего скота. В то же время недостаточная квалификация лиц, проводивших обследования, сама методика сбора сведений (при отсутствии у хозяев необходимой документации единственными информаторами были управляющие и крестьяне), недоброжелательное отно-

шение помещиков к опросу в большей или меньшей степени влияли на достоверность полученных результатов. Учитывая фискальные цели земско-статистических исследований, наиболее точными можно считать сведения о размере запашки, сдаче и аренде земли, формах арендной платы⁹⁷. Эти замечания во многом носят гипотетический характер. Конкретные же сложности при работе с указанными источниками вполне реальны. В отдельных уездах при пересчете фонда земель, находившихся в экономической запашке и аренде, выяснилось, что в ряде имений одно и то же количество земли подсчитано дважды по указанным категориям земельной собственности⁹⁸. Это в итоге привело к тому, что сумма площадей сданной в аренду земли и экономической запашки с паром оказалась больше общей площади земли в имении. Вторым важным моментом является занижение процента земель, обрабатываемых владельческим инвентарем. Земля под паром в источнике не включена в состав экономической запашки, а процент пашни, обрабатывавшейся хозяйским инвентарем, подсчитали только исходя из площади экономической запашки. Принимая во внимание то, что последний разряд пахотных угодий особенно тщательно обрабатывался владельцами, можно говорить о явном несоответствии действительности полученных земскими статистиками результатов. Вместе с тем, указанные замечания не могут принизить информативную ценность земско-статистических сборников.

При исследовании дворянского землевладения, его структурных изменений использованы сведения трех земельных переписей (1877, 1887 и 1905 гг.)⁹⁹. В публикации материалов первой переписи содержатся сведения о количестве и размерах земельных владений по сословиям и категориям владельцев 49 губерний Европейской России. Методика подсчета при сборе сведений в 1877 году привела к некоторому искажению полученных результатов. Землевладение менее 0,5 дес. в расчет не принималось, но владельцы таких наделов учитывались и включались в общее число, так как землевладение свыше 0,5 дес. и менее 1 дес. принималось за целую десятину. Совладельцы считались за одного владельца, кроме участников поземельных товариществ. Имена одного собственника в пределах уезда показывались как одно владение¹⁰⁰. Недостатком

такого учета являлось то, что не было выявлено точное число владений и дано завышенное число землевладельцев. Это привело к тому, что теперь не представляется возможным правильно судить о концентрации земли в руках крупных землевладельцев. Между тем учет мог бы быть более точным, если бы в опросных листках, которые получали земельные собственники, имелся еще один вопрос: не принадлежат ли землевладельцу другие земельные владения и если принадлежат, то в каких уездах и губерниях. При таком подходе было бы установлено действительное число землевладельцев и распределение земель между ними.

Второе обследование землевладения происходило менее организовано, чем первое. По более узкой и измененной программе осуществлялась разработка его итогов для публикации. За основу было взято число владений, а не владельцев, и структурный подход при подготовке материалов не использовался. Поэтому изданные материалы обследования 1887 года во многом не сопоставимы с опубликованными данными первой переписи. В этом смысле перспективнее публикации итогов третьей переписи, но здесь также учитывалось число владений, а не владельцев.

Основным опубликованным источником по истории пореформенного губернского, уездного, земского чиновничества остаются губернские «Памятные книжки». В них пофамильно, с указанием чина и класса, чиновники распределены по основным структурным подразделениям системы управления гражданского и военного ведомств. Отдельно, в рамках гражданского ведомства, выделены чиновники дворянских корпоративных учреждений. Это позволяет исследовать эволюцию структуры местного управления и дворянских корпораций, провести анализ чиновничьего корпуса в плане классности, чинов, выявить вакансии и оставшихся за штатом чиновников. В то же время, при работе с «Памятными книжками», в силу методики их составления, возникают вполне определенные сложности. Во-первых, установление сословной принадлежности чиновника к дворянству можно провести только исходя из его чина и класса. В подавляющем большинстве случаев сословная принадлежность не указана. Традиционно сословная принадлежность чиновника подчеркивалась у служащих железнодорожно-

го ведомства и отдельных образовательных учреждений, где классные чиновники не всегда составляли большинство. Во-вторых, среди чиновников низших классов (до VIII) в пореформенный период относительно много было и дворян, включая титулованную знать. Но установить в целом картину сословной принадлежности чиновников данных классов весьма затруднительно, так как их штатные формуляры начиная с конца 60-х гг. XIX в. в архивных фондах не сохранились. В-третьих, различные методики составления «Памятных книжек» и неперIODичность их публикаций затрудняют проведение сравнительного анализа эволюционных изменений. Например, в отличие от пореформенного периода, в дореформенный период в «Памятных книжках» не была четко выделена поуездная структура чиновничества. Отсюда сравнение структур и классности чиновников местного управления, дворянских корпораций весьма затруднительно.

Структура и механизм функционирования дворянских корпоративных учреждений зафиксированы в специальных справочных изданиях для уездных предводителей дворянства¹⁰¹. В них довольно подробно изложены структура, цели и полномочия дворянской корпорации, последовательность выборов на различные должности, должностной функционал. Особую ценность при раскрытии самой атмосферы работы органов местного управления и дворянской корпорации, детализации местной специфики имеют мемуары. В них скрупулезно фиксировалось то, что было связано с положением человека в сословно-статусной иерархии современного ему общества. Изображая современников, мемуаристы описывали не столько их личные свойства, сколько поведение в конкретных ситуациях. Типичные образы выявлялись авторами на основании наблюдений за единичными поступками отдельных дворян. Нельзя сбрасывать со счетов и личные симпатии и антипатии авторов при характеристике отдельных личностей. Этого не избежал и Л.М. Савелов, описывая свою деятельность на посту предводителя дворянства Коротоякского уезда Воронежской губернии¹⁰².

Особо необходимо отметить публицистические очерки в «толстых» журналах рассматриваемого периода, которые по своей информативности и детализации освещаемых проблем не уступают

многим справочным и специальным исследованиям. В частности, вопросы эволюции мелкопоместной страты дворянства раскрыты в них наиболее полно, естественно, если не брать в расчет данные в статистических сборниках. В первую очередь, это касается стратификации мелкопоместного быта, социальной психологии мелких помещиков, социально-психологической дистанцированности верхних страт дворянства от низших¹⁰³. Повседневность в усадьбах крупнопоместного и среднепоместного дворянства отражена в очерках В.С. Мышецкого, И.А. Салова, Н.И. Костомарова, В. Колонтаевой, Л.Е. Оболенского¹⁰⁴ и ряда других авторов.

Несомненную ценность при исследовании широкого спектра жизнедеятельности помещного дворянства представляют произведения русских классиков – А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, И.С. Тургенева, И.А. Бунина, А.П. Чехова, Л.Н. Толстого. Являясь современниками сложной социальной модернизации российского дворянства, они через призму своих личных переживаний и наблюдений тонко передали разочарования, страхи и надежды представителей собственного сословия. Нельзя здесь не упомянуть так называемых русских писателей XIX века второго плана, например А.А. Потехина с его романом «Бедные дворяне», где психология мелкого помещика показана наиболее объемно и мастерски.

В целом, несмотря на ряд критических замечаний, вышеуказанная источниковая база позволяет решить поставленную научную задачу.

Примечания

1. *Проскурякова Н.А.* Размещение и структура дворянского землевладения Европейской России в конце XIX – начале XX вв. // История СССР. 1973. № 1. С. 55-75; *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX в. Л., 1973; Он же. Самодержавие и дворянство в 1902-1907 гг. Л., 1977; *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России 1861-1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979.

2. *Чичерин Б.Н.* О настоящем и будущем положении помещи-

чьих крестьян // Атеней. 1858. Ч. I. Январь-февраль. С. 486-526; *Чужбинский А.* Замечания на статью «Несколько слов о крестьянском труде в барщинном хозяйстве», напечатанную в № 7-м «Сельского благоустройства» // Атеней. 1858. № 47. С. 262-272; *Чужбинский А.* Безымянные типы // Русский вестник. 1856. Т. 6. С. 447-466; *П.Э.* Помещики и крестьяне // Русский вестник. 1859. Т. 19. С. 219-230; Шаг вперед или вернейший путь для помещиков к устройству их благосостояния. СПб., 1861; *Сумароков П.* Деревенские письма // Отечественные записки. 1864. Т. 153. Отд. II. С. 1-35; В самом ли деле нам нет возможности поднять свои хозяйства? СПб., 1865.

3. *Александров Н.И.* Об образовании дворянской денежной ссуды // Сельское хозяйство. 1861. № 3. С. 71-78.

4. *Бажанов А.* Опыты землевладения вольнонаемным трудом. СПб., 1861; *Кн. Васильчиков В.И.* Несколько слов о вольнонаемном труде в сельском хозяйстве в черноземной полосе России. М., 1869.

5. *Красковский К.* Хозяйственно-статистический очерк Староивановской вотчины Воронежской губернии Бирюченского уезда. М., 1861.

6. *Скребицкий А.* Крестьянское дело в царствование императора Александра II. Бонн-на-Рейне, 1865-68. Т. 1-4.

7. *Краинский В.Е.* Технические и экономические основы шебекинского хозяйства. СПб., 1874; *Иванов Г.* Люди и нравы. Очерки // Отечественные записки. 1877. Т. 234. Отд. 1. С. 242-263; *Иванов Г.* Овца без стада // Отечественные записки. 1877. Т. 234. Отд. 1. С. 5-42.

8. *Воронцов В.В.* Судьба капитализма в России. СПб., 1882; *Ходский Л.В.* Земля и землевладелец. СПб., 1891. Т. 1-2.

9. *Косинский В.А.* К аграрному вопросу. Вып. I. Одесса, 1906.

10. *Святловский В.В.* Мобилизация земельной собственности в России. СПб., 1911. С. 152.

11. *Мигулин П.П.* Русский государственный кредит (1769-1899). Харьков, 1899. Т. 1. С. 249, 516.

12. *Гурвич Н.* Экономическое положение русской деревни. М., 1896; *Святловский В.В.* Указ. соч. С. 94-95.

13. *Кашкаров И.Д.* Дворянское дело. СПб., 1888; *Елишев А.И.* Дворянское дело. М., 1898; *Семенов Н.П.* Наше дворянство. СПб., 1899.

14. *Терпигорев С.Н. (Атава С.)* Оскудение. Очерки помещичьего разорения. СПб., 1881; *Дворянство в России. Исторический и общественный очерк* // Вестник Европы. 1887; *Круглов А.* Типы современной деревни // Исторический вестник. 1892. Т. 57. С. 416-426; *Приклонский С.А.* Очерки самоуправления земского, городского и сельского. СПб., 1886.

15. *Бекетов В.А.* Воронежская губерния в сельскохозяйственном отношении. Отчет о командировке в 1893 г. от Императорского московского общества сельского хозяйства. М., 1894; *Вернер И.* Курская губерния. Итоги статистического обследования. Курск, 1887; *Чуйков Н.А.* Курская губерния в сельскохозяйственном отношении. Отчет о командировке в 1893 г. от Императорского Московского общества сельского хозяйства. М., 1894.

16. *Бекетов В.А.* Указ. соч. С. 24.

17. *Ленин В.И.* Крестьянская реформа и пролетарско-крестьянская революция // Полн. собр. соч. Т. 20. С. 171-180.

18. Там же. Т. 3.

19. Особенности аграрного строя России в период империализма. М., 1962.

20. *Тарновский К.Н.* Проблемы аграрной истории периода капитализма в советской историографии // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С. 275.

21. *Анфимов А.М.* Хозяйство крупного помещика в XX в. // Исторические записки. 1962. Т. 71; Он же. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX – начало XX в.). М., 1969.

22. *Минарик Л.П.* Об уровне развития капиталистического землевладения в крупном помещичьем хозяйстве Европейской России конца XIX – начала XX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964. Кишинев, 1966. С. 616-624.

23. *Дружинин Н.М.* Русская деревня на переломе. М., 1978; *Литвак Б.Г.* Русская деревня в реформе 1861 г. Черноземный центр 1861-1895 гг. М., 1972; *Рындзюнский П.Г.* Утверждение капитализма в России. М., 1978.

24. *Ковальченко И.Д.* Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в земледельческом производстве капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971.

25. *Проскуракова Н.А.* Размещение и структура дворянского землевладения Европейской России в конце XIX – начале XX вв. // История СССР. 1973. № 1. С. 55-75.

26. *Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М.* Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1982.

27. *Ковальченко И.Д., Милов Л.В.* Всероссийский аграрный рынок XVIII-начала XX века. Опыт количественного анализа. М., 1974.

28. *Хохонин О.М.* Помещичье хозяйство Воронежской губернии в конце XIX – начале XX в. // Известия Воронежского государственного педагогического института. 1976. Т. 157. С. 33-52.

29. *Рянский Л.М., Рянский Р.Л.* Очерки социально-экономической истории крепостной деревни Курской губернии в первой половине XIX века. Курск, 2009.

30. РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. Д. 64. Л. 7; *Шепукова Н.М.* Об изменении размеров душевладения помещиков Европейской России в первой четверти XVIII-первой половине XIX вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963. Вильнюс, 1964. С. 388-420.

31. *Бунеева Е.Н.* Состав населения воронежской вотчины графов Бутурлиных и его хозяйственные занятия // Юг России и Украины в прошлом и настоящем: история, экономика, культура. Сборник научных трудов VI Международной конференции. г. Белгород, 27-28 октября 2011 г. С. 26.

32. *Бородин Н.П.* Соотношение капиталистической и отработочной систем в помещичьих имениях губерний черноземного центра в 80-90-х годах XIX в. // История СССР. 1990. № 2. С. 31-43.

33. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX в.). В 2 т. Т. 1. СПб., 1999.

34. *Литуев В.Н.* Земельная собственность как дворянская монополия в капиталистической России. М., 1997.

35. *Христофоров И.А.* Судьба реформы: Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830-1890-е гг.). М., 2011.

36. *Козлов С.А.* Аграрные традиции и новации в дореформенной России (центрально-нечерноземные губернии). М., 2002; *Коз-*

лов С.А. Аграрная рационализация в центрально-нечерноземной России в пореформенный период (по материалам экономической печати). М., 2008. Козлов С.А. Аграрная модернизация Центрально-Нечерноземной России в конце XIX – начале XX в. (по материалам экономической печати). М., 2012.

37. *Истомина И.В.* Мелкопоместное дворянство Европейской России в 50-90-е гг. XIX века (по материалам центрально-черноземных губерний): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2013.

38. *Байрау Д.* Янус в лаптях: крестьяне в русской революции 1905-1907 годов // Вопросы истории. 1992. № 1. С. 20.

39. *Готтрелл Питер.* Значение Великих реформ в истории экономики России // Великие реформы в России. 1856-1874 / под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнела. М., 1992. С. 115.

40. *Виртшафтер Элис К.* Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. М., 2002. С. 110.

41. *Беккер С.* Миф о русском дворянстве. Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М., 2004. С. 309.

42. Там же.

43. *Маррезе М.Л.* Бабье царство: дворянки и владение имуществом в России (1700-1861). М., 2009.

44. *Карнович Е.* Русские чиновники в былое и настоящее время. СПб., 1897; *Евреинов В.А.* Гражданское чиновничество в России: исторический очерк. СПб, 1887.

45. *Белосфельд Г.* Сборник законов о российском дворянстве. СПб., 1901; *Гернет А.О.* Законодательство о приобретении дворянского достоинства российской империи. СПб., 1898.

46. См., например: История Министерства внутренних дел. Ч. 1-3. СПб., 1858-1862; Исторический очерк правительственных мероприятий по устройству центрального управления министерства путей сообщения. СПб., 1884; *Гине Г.К., Шафронов П.А.* Сельскохозяйственное ведомство за семьдесят пять лет его деятельности: 1837-1912. Пг., 1914.

47. *Дитятин И.И.* Устройство и управление городов России. Т. 1-2. СПб., 1875-1877; *Градовский А.Д.* Системы местного управления на западе Европы и в России // Градовский А.Д. Собрание

сочинений. Т. 9. СПб., 1908; *Кизиветтер А.А.* Местное самоуправление в России. IX-XIX ст. Исторический очерк. Пг., 1917.

48. *Градовский А.Д.* Указ. соч. С. 508-509.

49. *Корф С.А.* Дворянство и его сословное управление. СПб., 1906.

50. *Плансон А.А.* О дворянстве в России: современное положение вопроса. СПб., 1893; *Платов В.* Взгляд и нечто. О дворянстве. СПб., 1904.

51. *Долбилов М.Д.* Сословная программа дворянских «олигархов» в 1850-1860-х годах // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 45.

52. Там же. С. 46.

53. *Петров П.Н.* История родов русского дворянства. В 2 т. СПб., 1886.

54. *Борецкой А.* Захудалое дворянство // Русская мысль. 1882. Кн. XII. С. 339-353.

55. *Щербина Ф.А.* Воронежское земство. 1865-1889. Воронеж, 1891; *Веселовский Б.Б.* История земства за сорок лет. Т. 1-4. СПб., 1909-1911.

56. *Павленко Н.И.* Летописцы Отечества // С.М. Соловьев. Общедоступные чтения по русской истории. М., 1992. С.20.

57. *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России. 1861-1904 гг.: состав, численность, корпоративная организация. М., 1979.

58. *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX в. Л., 1973; Он же. Самодержавие и дворянство в 1902-1907 гг. Л., 1981.

59. *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978; *Зырянов П.Н.* Социальная структура местного управления капиталистической России (1861-1914) // Исторические записки. 1982. Т. 107. С. 226-302; *Захарова Л.Г.* Самодержавие, бюрократия и реформы 60-х годов XIX в. в России // Вопросы истории. 1989. № 10.

60. *Ерман Л.К.* Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966; *Корнилов Е.Г.* Земские учителя в революционном движении 70-х гг. XIX в. // Ученые записки МПГУ им. В.И. Ленина Т. 439. М., 1971; *Лебедев В.Н.* Участие работников связи в революционном движении России. М., 1974; *Лейкина-Свирская В.Р.* Русская интеллигенция в 1900-1917 гг. М., 1981; *Пирумова Н.М.* Зем-

ская интеллигенция и её роль в общественной борьбе до начала XX века. М., 1986.

61. *Долбилов М.Д.* Указ. соч. С. 32-51.

62. *Христофоров И.А.* Судьба реформы: Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830-1890-е гг.). М., 2011.

63. *Герасименко Г.А.* Земское самоуправление в России. М., 1990.

64. *Куликов В.В.* Местное самоуправление и административный надзор: исторический опыт земства // Журнал российского права. 2000. № 9. С. 142-153.

65. Земское самоуправление в России 1864-1918 / отв. ред. Н.Г. Королева. В 2 кн. М., 2005; *Шутов А.Ю.* Российское земство и европейские традиции местного самоуправления (формирование представительства в местном самоуправлении России и Европы второй половины XIX века). М., 2011.

66. *Писарькова Л.Ф.* Развитие местного самоуправления в России до великих реформ: обычай, повинность, право // Отечественная история. 2001. № 3; *Иванов В.А.* Губернское чиновничество 50-60-х гг. XIX в. в России (по материалам Московской и Калужской губерний): историко-источниковедческие очерки. Калуга, 1994; *Шумилов М.М.* Местное управление и центральная власть в России. М., 1991.

67. *Шепелев Л.Е.* Чиновный мир России XVIII – начала XX в. СПб., 1999.

68. *Акиншин А., Ласунский О.* Воронежское дворянство в лицах и судьбах. Воронеж, 1994.

69. *Кулабухов В.С.* Проблема взаимосвязи корпоративных и внутрикорпоративных связей дворянства Курской губернии в пореформенный период // Белгородская область вчера и сегодня. Т.1. Белгород, 1999. С.49-51.

70. *Шатохин И.Т.* Провинциальная интеллигенция России в конце XIX-начале XX вв. (по материалам Курской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1999.

71. *Шатохин И.Т., Шатохина С.Б.* Частная жизнь российских чиновников второй половины XIX – начала XX века в мемуарной литературе: первая любовь и ухаживание за невестой // Научные

ведомости БелГУ. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2013 № 8 (151). Вып. 26. С. 94-99; *Шатохин И.Т.* Социально-психологические качества русского чиновника XIX века в пословицах и поговорках // Научные ведомости БелГУ. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2013. (22) (165). Вып. 28. С. 97-101.

72. *Солодянкина О.Ю.* Иностранцы-губернаторы в России. М., 2007; *Вереминко В.А.* Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX в.). СПб., 2007; *Белова А.В.* «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX вв. СПб., 2010; *Бокова В.М.* Отроку благочестие блюсти... Как наставляли дворянских детей. М., 2010; *Оноприенко И.Г.* Повседневная жизнь дворянства Центрального Черноземья в 50-90-е гг. XIX века: традиции и новации. Белгород, 2010; *Шаповалова С.* Специфика социализации дворянских детей в сельской помещичьей усадьбе конца 50-90-х гг. XIX в. // Вісник Чернігівського національного педагогічного університету. Вып. 87. Серія «Історичні науки». № 8. Чернігів, 2011. С. 114-116.

73. *Лякишева С.И.* Библиотека русских усадеб. Серия «Библиотека и время. XIX век». № 119. М., 2010.

74. Дворянская и купеческая сельская усадьбы в России XVI-XIX вв. // отв. ред. *Л.В. Иванова.* М., 2001.

75. *Марасинова Е.Н., Каждан Т.П.* Культура русской усадьбы // Очерки русской культуры XIX века. В 6 т. Т.1. Общественно-культурная среда. М., 1999; *Парчевский Г.Ф.* Карты и картежники. СПб., 1998; *Лаврентьева Е.В.* Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет. М., 2005; *Климкова М.А.* «Край отеческий...» История усадьбы Баратынских. СПб., 2006; *Арабоглы М.А.* Три усадьбы, три судьбы. СПб., 2006; *Щукин В.Г.* Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идеи. М., 2007; *Оноприенко И.Г.* Указ. соч.; *Шаповалова И.В., Шаповалов В.А.* «...чтением никто не занимался, и свое безделье они разнообразили сплетнями». Мелкопоместные усадьбы в контексте повседневной жизнедеятельности // Трансформация провинциальной повседневности в условиях модернизационного развития России во второй половине XIX – начале XX вв. / отв. ред. *В.А. Шапо-*

валов, И.Т. Шатохин. Белгород, 2011. С. 52-72; Тарасов Б.Ю. Россия крепостная. М., 2011; Беловинский Л.В. Жизнь русского обывателя: изба и хоромы. М., 2012; Соловьев К.А. «Во вкусе умной старины...» Усадебный быт русского дворянства II половины XVIII – первой половины XIX веков, по воспоминаниям, письмам и дневникам. Очерки. ООО «Книжный перекресток», 2013.

76. Врангель Н.Н. Помещичья Россия. СПб., 2007.

77. Там же. С. 301.

78. См. например: Русская усадьба. Вып. 3 (19) / под. ред. М.В. Нащокиной. М., 1997; Русская усадьба. Вып. 15(31) / под. ред. М.В. Нащокиной. М., 2009.

79. Марасинова Е.Н., Каждан Т.П. Указ. соч.; Полякова М.А., Савинова Е.Н. Русская провинциальная усадьба XVII – начала XX века. М., 2011; Марченко Н. Приметы милой старины. Нравы и быт пушкинской эпохи. М., 2001.

80. Федоров С.И. «Марьино» князей Барятинских. История усадьбы и её владельцев. Курск, 1991; Оноприенко И.Г. Указ. соч.; Холодова Е.В. Пореформенные усадьбы Курской губернии 1861-1917. Курск, 2007; Русские провинциальные усадьбы XVIII – начала XX века / сост. Р.В. Андреева, Л.Ф. Попова. Воронеж, 2001.

81. Плансон А.А. О настоящих обязанностях русского дворянина. Париж, 1861; Кошелев А. О сословиях и состояниях в России. СПб., 1881; Кошкаров М.Д. Современное назначение русского дворянства. М., 1866.

82. Плеханов Г.В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // Избранные философские произведения. Т. 1. М., 1956. С. 678-679.

83. Ленин В.И. Случайные заметки // Полн. собр. соч. Т. 4. С. 420-421.

84. История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах / сост. Е.М. Михина. М., 1996. С. 5-6.

85. Там же. С. 17-18.

86. Мокряк Е.И. Дневники и мемуары как источник для изучения социальной психологии дворянства России второй половины XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минц С.С. Социальная

психология российского дворянства последней трети XVIII-первой трети XIX вв. в освещении источников мемуарного характера: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981.

87. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства. СПб., 1994; *Савельев П.И.* Аграрный менталитет русского дворянства // Общественно-политическое движение в России XVIII-XX вв. Самара, 1993; *Чистякова Т.И.* Обычаи и нравы россиян // Российский менталитет: история и современность. Вып. 2. СПб., 1993.

88. *Фурсов В.Н.* Крестьянское движение в Воронежской губернии в 60-70-е гг. XIX в. (социально-психологические аспекты). Воронеж, 1984; *Кулабухов В.С.* Эволюция менталитета дворянства черноземного региона в пореформенный период: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.

89. *Мици С.С.* Мемуары и российское дворянство. Источниковедческий аспект историко-психологического исследования. СПб., 1998; *Марасинова Е.Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века (по материалам переписи). М., 1999; *Холманских А.Е.* Кодекс чести русского офицера: Корпоративная этика и нормы социального поведения (конец XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1999; *Шмидт С.О.* Общественное самосознание российского благородного сословия XVII – первой трети XIX века. М., 2002; *Шаповалов В.А.* Дворянство Центрально-Черноземного региона России в пореформенный период. М.; Белгород, 2002; *Баринова Е.П.* Российское дворянство в начале XX века: экономический статус и социокультурный облик. М., 2008.

90. Русские народные сказки «Барин и мужик» / ред. и предисловие *Ю.М. Соколова*. М.; Л., 1932.

91. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 911. Оп. 1. Д. 272. Там же. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 811.

92. Государственный архив Курской области (далее ГАКО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 55.

93. РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. Д. 64. ГАКО. Ф. 448. Д. 1903; Государственный архив Воронежской области (далее ГАВО). Ф. 29. Оп. 129. Д. 30.

94. *Марьяновский А.А.* Воронежское земство в пореформенный

период: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1982. С. 4.

95. Государственный архив Тамбовской области (далее ГАТО). Ф. 161, 168, 5328.

96. Материалы редакционных комиссий по крестьянскому делу. СПб., 1860. Т. 3. Кн. 1.

97. *Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М.* Указ. соч. С. 42.

98. Сборник статистических сведений по Курской губернии. Статистические сведения по Белгородскому уезду. Вып. 10. Курск, 1885.

99. Статистика поземельной собственности населенных мест Европейской России. СПб., 1880-1885. Т. 1-8; Статистика Российской империи. СПб., 1892-1901. Вып. 1-46; Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907.

100. *Тарасюк Д.А.* Из истории статистики землевладения в России (перепись 1877-1878 гг.) // Вестник Московского университета. 1973. № 3. С. 57-58.

101. Справочная книга для уездных предводителей дворянства. СПб., 1887; Настольная книга для уездных предводителей дворянства. Т.1. СПб., 1902.

102. *Савелов Л.М.* Из воспоминаний. 1892-1902. Воронеж, 1996.

103. *Борецкой А.* Захудалое дворянство (из летних экскурсий) // Русская мысль. 1882. Кн. XII. С. 339-340; *Хлопов Н.А.* Мужики-дворяне // Исторический вестник. 1903. Т. 91. С. 1033; *Гольцев В.* Из воспоминаний и переписки // Русская мысль. 1905. Кн. IV. С. 174; *Василич Н.* Из воспоминаний помещика-охотника. VIII. Сватовские помещики // Русская мысль. 1906. Кн. IV. С. 184.

104. Воспоминания В.С. Мышецкого // Исторический вестник. 1856. Т. 66. С. 878-905. *Салов И.А.* Забытая усадьба // Русский вестник. 1858. Т. 14. С. 132-146; *Костомаров Н.И.* Казачья Дубрава иначе Казачья слобода или Казачья // Русская старина. 188. Т. 33. С. 1-10; *Колонтаева В.* Воспоминания о селе Спасском // Исторический вестник. 1885. Т. 22. С. 41-65; *Оболенский Л.Е.* Картинки прошлого // Исторический вестник. 1906. Т. 106. С. 107-132.

I. ДВОРЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В 50-90-е гг. XIX в.

1.1. ДВОРЯНСКИЕ ИМЕНΙΑ НАКАНУНЕ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА И В 1861-1863 гг.

Накануне отмены крепостного права в Центрально-Черноземном центре (6 губерний) было сосредоточено около четверти всех дворян-помещиков и почти пятая часть крепостных крестьян России. В руках у 23 728 помещиков находилось 1 867 313 ревизских душ, господская запашка достигала 6,5 млн дес. в пользовании крестьян было 6 млн дес. – 17% всей земли, находившейся в крестьянской запашке 45 губерний Европейской России¹. Именно здесь крепостное право имело глубокие социальные корни и старейшие традиции, а местные дворяне являлись типичными русскими дворянами-помещиками.

Кратко остановимся на характеристике двух губерний, включая хозяйственный анализ дворянских имений и уездную специфику. Воронежская губерния занимала пространство в 6 101 297 дес. На севере она граничила с Тамбовской губернией, на востоке – с Саратовской губернией и областью Войска Донского, на юге – с областью Войска Донского и Харьковской губернией, на западе – с Курской и Орловской губерниями. В середине XIX века численность населения составляла 1 930 859 чел. Самым многочисленным сословным разрядом населения данной губернии были государственные крестьяне. К февралю 1861 года их насчитывалось 1 234 577 чел., или 63,9%. На втором месте находились помещичьи крестьяне – 520 246 чел. (26,9%), потомственных и личных дворян насчитывалось всего 11 617 человек (0,6%), представителей других сословий (духовенства, мещан, купцов, военнослужащих и т.д.) – 153 012 чел. (8,6%)².

Площадь Курской губернии к концу 50-х гг. XIX века составляла 4 062 545 дес. Данная губерния на востоке и северо-востоке граничила с Воронежской губернией, на севере и северо-западе – с Орловской, Черниговской и Полтавской губерниями, на юге – с Харьковской губернией. К 1861 году число ее жителей насчитывало 1 867 079 чел. Среди основных сословных разрядов населения

первое место по численности занимали государственные крестьяне – 970 053 чел. (53,5%), второе место принадлежало помещичьим крестьянам – 743 519 чел. (41%), дворян насчитывалось 15 645 чел. (0,8%), представителей остальных сословных сообществ – 80 789 чел. (4,7%)³.

Черноземы в Курской губернии, в отличие от Воронежской губернии, распространены равномерно по всей ее территории, в Воронежской губернии они расположены в основном в западной ее части.

Помещичье землевладение в России накануне отмены крепостного права, как и в предыдущие века базировавшееся на сословной исключительности дворянства, являлось привилегированным в общесословном земельном фонде. Дворяне, составлявшие 1% населения империи, владели 1/3 всех земельных угодий⁴. Помещики Центрального Черноземья имели в своих руках 46,6% земельного фонда региона, занимая по этому показателю 5 место после Юго-Западного района – 72%, Западного – 66,8%, Центрального Нечерноземья – 55,1%, Северо-Западного – 48%⁵. Внутри Центрально-Черноземного региона губернская структура дворянского землевладения по отношению к другим поземельным категориям владельцев сильно не отличалась: в Воронежской губернии – 37,9%, в Курской губернии – 42,7%⁶. Небольшая разница в увеличении процента к югу объяснялась историей заселения края, когда правительство раздавало пограничные земли служивым людям в виде поместного оклада за службу.

Дворяне-помещики, имея сословную привилегию – право владения населенными землями, – доминировали среди основных категорий поземельных владельцев и пользователей, уступая лишь государственным крестьянам. Так, в 1860 году дворяне-помещики Воронежской губернии, составлявшие 0,6% населения, владели 1 894 927 дес. (37,9%), духовенство (0,9% населения) имело 35 959 дес. (0,7%), государственные крестьяне, хозяйствующие на собственных землях, составляя 2,7% населения, владели 211 231 дес. (4,2%), купцы и мещане, не превышая 2,3% жителей губернии, владели 35 959 дес. (0,6%). Самый многочисленный разряд населения – государственные крестьяне (61,2%) – имели в пользова-

нии 2 823 993 десяти⁷. Внутри частной категории земельных собственников (дворян, купцов, мещан и крестьян, ведущих хозяйство на собственных землях), земельный фонд которой составлял 2138117 дес., на долю дворянских земель приходилось 88,6%. Помещики являлись главными держателями фонда частных земель.

Примечательно то, что процент земель помещиков был выше именно в тех уездах, где черноземы были высокого качества. В Землянском, Острогожском, Бирюченском, Валуйском уездах и на юго-западе Воронежского уезда Воронежской губернии, где сплошной чернозём доходил до 16 вершков, дворянский земельный фонд превышал 50% всех земель уезда⁸.

Характеристика любой категории землевладения обязательно предусматривает внутривидовый анализ. Исследователи, в частности Г.М. Богданов, Б.Г. Литвак, при рассмотрении дореформенной внутрисословной структуры дворян-помещиков шли традиционным путем показа данной структуры через градацию душевладения⁹. Но в пореформенный период данная структура базировалась на земельной собственности и при исследовании была не сопоставима с указанной дореформенной градацией. К тому же, градация душевладения помещиков далеко не тождественна структуре дворянского землевладения из-за несоответствия общепринятой классификации душевладения (от 1 до 20 ревизских душ – мелкопоместные дворяне, от 21 до 100 ревизских душ – среднее дворянство и выше 100 ревизских душ – крупные помещики) соответствующей поземельной классификации: от менее 1 до 100 дес. – мелкое, 101-1000 дес. – среднее и свыше 1000 дес. – крупное. При сопоставлении этих градаций выясняется, что количественно структура душевладения явно занижена относительно классификации землевладения и число дворян-землевладельцев по градации землевладения больше, чем по структуре душевладения в каждой страте помещиков.

Чтобы сопоставить дореформенную структуру с пореформенной, нами за основу расчетов взято «Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше», где представлен в полном объеме земельный фонд крупного и среднего дворянства начиная с 300 дес.¹⁰ Автором была составлена поуездная градация имений от

101 до 1000 дес. и свыше 1000 дес. в результате подсчета по каждому уезду исследуемых губерний земли, бывшей в господской и крестьянской запашках. При составлении данной классификации пришлось допустить погрешность в расчетах размеров земельной собственности мелкого и среднего дворянства, так как «Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше» не отражало земельный фонд средних помещиков со 101 до 300 дес. Но именно на эту часть среднего дворянства приходилось основное число владельцев, имевших от 101 до 1000 дес., что показывает градация душевладения дворян-помещиков. В двух рассматриваемых губерниях их число, согласно этой классификации, составляло 2 156 землевладельцев, а «Извлечение...» содержит 405 землевладельцев данной категории, то есть около 1 751 помещика источник не зафиксировал. Если каждый из них владел, в среднем, 150 дес. (средний показатель в дворянском земельном фонде составлял от 1/4 до 1/3 его общей площади), то, в целом, из расчетов для землевладения среднего дворянства по Курской губернии выпадает 163 650 дес., в Воронежской губернии – 99 000 тыс. Другими словами, указанное число дес. не зафиксировано в «Извлечении из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше». В абсолютных данных искажение выглядит серьезным. Но если учесть, что и в этом случае доля земельной собственности средних дворян во внутрисословном земельном фонде исследуемых губерний составляла бы всего 15,6% (увеличилась на 7,9% по сравнению с данными «Извлечения из описаний помещичьих имений в 100 душ и выше»), то появляется реальная возможность выявить структуру дворянского землевладения. Путем вычета из общего количества дворянского земельного фонда в каждом уезде, который представлен у А. Скребицкого¹¹, суммы среднего и крупного дворянского землевладения получим необходимую градацию: мелкое, среднее и крупное поместное землевладение (см. прил. 1)¹².

Расчеты произведены только по 10 уездам из 12. По Бирюченскому и Павловскому уездам Воронежской губернии значительные расхождения в статистическом материале не позволили установить достаточно точные данные.

Лидирующее положение в воронежском дворянском земельном фонде занимало крупное землевладение – 80,2%. В губернии оно отличалось латифундиальным характером. Если вся площадь Бирюченского уезда составляла 400 992 дес., то гр. Д. Шереметеву принадлежало 118 981,4 дес. (28%). Свыше 1 000 дес. имели 315 дворян-помещиков (16%) губернии. В экономических вопросах второй половины XIX в. не без оснований отдавалось предпочтение крупному землевладению как главной базе рациональных хозяйств. В частности, кн. А. Васильчиков в известном своем труде «Землевладение и земледелие в России и других Европейских государствах» рассуждает: «Если рассматривать аграрное положение с точки зрения благосостояния народных масс, большинства жителей, то мелкое владение земель имеет несомненное преимущество, так как оно обеспечивает самостоятельность большого числа сельских обывателей. Если же судить о пользе землевладения по интенсивной силе культур, по усовершенствованиям и рациональному ведению хозяйства, то крупные имения заслуживают в некоторых отношениях предпочтение перед мелкими, где земледелие весьма часто принимает характер хищничества и беспощадной эксплуатации»¹³. Хотя в крупных имениях, сдающих большую часть земель в аренду, «интенсивная сила культуры» особо не просматривалась.

Малочисленна группа средних помещиков – 104 (на основании рассматриваемого источника), составлявшая 5,2% от общего числа дворян-землевладельцев. Они владели 76 890,9 дес. Накануне реформы 19 февраля 1861 года эта категория не являлась промежуточной, а имела перспективу роста. Если по 8 ревизии помещиков, владевших от 21 до 100 ревизскими душами, в губернии было 561, то к 10 ревизии их уже стало 764¹⁴.

Наиболее многочисленной была категория мелкопоместных дворян (менее 1-100 дес.) – 1 547 (78,6%). Данная страта помещиков количественно постоянно сокращалась в предреформенные годы, причем весьма быстрыми темпами. Так, с 8 по 10 ревизии их число по классификации душевладения уменьшилось с 1 933 до 1 252¹⁵. Сокращение числа мелкопоместных дворян и рост числа помещиков других страт показывает, что шло внутрисословное пе-

перераспределение земель с явной перспективой хозяйственной деградации мелкопоместных усадеб.

Переходим к аналогичному анализу по Курской губернии (см. прил. 2)¹⁶.

В губернии господствующее положение занимало крупное дворянское землевладение – 60,6%. Земли крупных помещиков более равномерно распределялись по уездам, в отличие от воронежских крупных поместий, которые в основном были сосредоточены в 4-х уездах: Бирюченском, Бобровском, Новохоперском и Острогожском. Такое распределение крупного дворянского землевладения в Курской губернии было связано с большим числом дворян-помещиков – 5 315, по сравнению с Воронежской губернией – 1 966¹⁷. Следствием этого было практически полное отсутствие незаселенных земель, что заставляло курских крупных помещиков сначала активизироваться на ближайшем земельном внутрисословном рынке. Курское крупное дворянское землевладение также отличалось латифундиальным характером. В Грайворонском уезде князю Н. Юсупову принадлежало 53 559, 3 дес., гр. Д. Шереметеву – 52 211,7 дес., а весь дворянский земельный фонд уезда составлял 139 334 дес., то есть остальным помещикам уезда принадлежало только 33 562,9 дес. (24%)¹⁸. Крупнейшими землевладельцами Курской губернии были князья Барятинские. Всего в 1853 году им принадлежало 87 835 дес., из них 48 197 дес. под пашней, сенокосы – 15 563,5 дес., под лесом – 8 546 дес., под огородами – 3 554 дес., степи – 210 дес., неудобной земли – 11 762,5 дес. и 14 830 ревизских душ¹⁹. В дореформенный период наметилась тенденция к увеличению числа крупных дворян-помещиков. Если в 1857 году их было, по классификации душевладения, 95, то к 1861 году – 102²⁰.

Среднее дворянское землевладение, как и в Воронежской губернии, было незначительным, удельный вес его составлял 10,8% от общей площади дворянского земельного фонда. Крупное дворянское землевладение в некоторой степени являлось тормозом для роста землевладения средних помещиков, так как оно располагало более мощными финансово-экономическими возможностями и доминировало на земельном внутрисословном рынке в этот период. Но, вместе с тем, кризис феодально-крепостнической системы, ра-

зорение дворянства способствовали выбросу на рынок достаточно-го количества земли за счет мелких помещиков, и число дворян-землевладельцев, имевших от 21 до 100 ревизских душ, возросло с середины 30-х до конца 50-х гг. XIX в. с 1 255 до 1 392²¹. Здесь нельзя сбрасывать со счетов дробление крупных имений до 1857 года и переход их владельцев в официальную категорию среднепоместных дворян.

Число курских мелкопоместных дворян по градации душевладения не соответствовало их числу по количеству принадлежавшей им земли. Если признать число дворян данной категории, указанной в статистике по душевладению в губернии, равным 3 299, то на каждого из них приходилось бы по 150,5 дес. По количеству земли до 100 дес. число владельцев должно было возрасти до 4 800. Это еще раз демонстрирует полную несопоставимость двух данных градаций.

Мелкие курские помещики владели 28,6% земельного дворянского фонда, что было отражением общей тенденции в Центрально-Черноземном регионе. При этом около 1 тыс. курских дворян имели до 5 дес., то есть были и те, кто имел 1 и менее дес. Это и по крестьянским меркам считалось реальной гранью нищеты. Число мелкопоместных дворян в губернии быстро сокращалось, с 8 по 10 ревизии их число снизилось с 4 680 до 3 299²².

Категория средних помещиков, имевших от 21 до 100 ревизских душ, увеличилась на 137 человек, категория владельцев, имевших свыше 101 ревизской души, возросла на 70 землевладельцев. Если предположить, что часть мелких помещиков перешла в эти категории, то за рамками статистики остается 1 237 мелких дворян-землевладельцев. Вероятно, основная часть их, порвав с землей, перебралась в города и пополнила ряды нижнего чиновничества, ремесленников и торговцев.

В целом же, в предреформенные два десятилетия в 6 губерниях Центрального Черноземья дворянское землевладение имело тенденцию к расширению. С 1840 по 1858 гг. площадь поместных земель здесь увеличилась с 11 639 до 12 012 тыс. дес. Рост дворянского землевладения в центрально-черноземных губерниях в 1858 году по отношению к 1840 году составил 103,2%. Правда, основная

доля этого прироста (379 тыс. из 531 тыс. дес.) приходилась на Воронежскую губернию ²³. В рамках Европейской России (без Прибалтики, Бессарабии, Дона, Ставрополя и Архангельской губернии) в указанный период площадь дворянских земель сократилась в Центрально-Нечерноземном районе на 12,6%, Северо-Западном – на 9,1%, в Северном – на 8,7% и в Смоленской губернии – на 23,1%. Небольшое снижение произошло в Среднем Поволжье. Наряду с Центральным Черноземьем, площадь дворянских земель выросла в Нижневолжском и Заволжском регионах, Западном, Юго-Западном районах, Украинском Левобережье, Южном Степном и Приуральском районах. Наибольший прирост фонда помещенных земель наблюдался в Нижневолжском и Заволжском регионах – в 1858 году рост дворянского землевладения по отношению к 1840 году составил 151,1%, а в Украинском Левобережье – 142,7% ²⁴. Но на губернском уровне соответствующий показатель в Воронежской губернии (71,3%) нигде не был превзойден. При этом следует учесть, что рост дворянского землевладения представлял собой не столько реальное расширение фонда помещенных земель, сколько распространение прав дворян на категории землевладения, ранее не причислявшиеся к дворянскому.

В итоге, с 1840 по 1858 гг. в 20 губерниях дворянское землевладение сократилось на 6 353 тыс. дес., а в 22 других губерниях расширилось на 8 805 тыс. дес. ²⁵ Таким образом, в 40-50-х гг. XIX в. дворянское землевладение в целом не только прочно удерживало свои позиции, но даже несколько расширилось, а движение площади земель помещиков Центрального Черноземья находилось в рамках доминирующей тенденции – увеличения.

На аграрную эволюцию дворянских хозяйств, наряду с шедшими в землевладении процессами, оказывало огромное влияние изменение в характере землепользования.

Центрально-черноземные губернии являлись типично сельскохозяйственными, подавляющая часть их жителей (около 90%) занималась хлебопашеством и животноводством. Развитию этих отраслей традиционно благоприятствовало наличие чернозема, обилие пастбищ и сенокосных угодий. Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что Центрально-Черноземный регион находился сравнительно близко к густонаселенным промышлен-

ным центрам страны. Все это предопределило аграрную направленность деятельности дворянских хозяйств.

Помещичья система землепользования, как и землевладение, в условиях разложения феодально-крепостнического строя базировалась на сословном праве владения дворян населенными землями. Среднее и крупное дворянство владело достаточным количеством земли. Степень обеспеченности дворянских хозяйств крепостными руками находилась в прямой зависимости от того, к какой категории: мелкому, среднему или крупному – они относились (см. табл. 1) ²⁶.

Таблица 1

Численность помещичьих крестьян в 1858 году

№ n/n	Губерния	Помещичьи крестьяне у дворян		
		1-20 душ м.п., %	21-100 душ м.п., %	свыше 100 душ м.п., %
1	Воронежская	8 147 (3,2)	28 151 (10,9)	221 357 (85,9)
2	Курская	23 723 (6,6)	62 745 (17,6)	268 283 (78,8)

Воронежские и курские мелкопоместные дворяне владели 4,9% ревизских душ от их общего числа, что было выше на 1,8%, чем средний показатель по данной категории в Европейской России. Структура душевладения в мелкопоместных хозяйствах Курской губернии на 1852 год представлена в исследовании Л.М. Рянского, Р.Л. Рянского, где указывается, что в 396 имениях с земельным фондом до 10 дес. было 915 ревизских душ, в 1 945 имениях с земельным фондом от 11 до 100 дес. – 15 797 ревизских душ. Категория мельчайших помещиков (до 10 дес.) составляла 9,3% от общего числа курских помещиков. На одного такого помещика приходилось, в среднем, 5,2 дес. земли и 2,3 ревизской души. Понятно, что их собственное хозяйство не обеспечивало даже минимальных средств существования. Такое мизерное хозяйство приносило помещику менее 100 руб. дохода в год.

Более 45% курских помещиков входило во вторую категорию мелкопоместных владельцев (11-100 дес.). На их долю приходилось 4,8% помещичьей земли и 4,7% крепостных крестьян ²⁷. Средняя обеспеченность одного помещика данной группы составляла

43,3 дес. и 8,1 ревизской души. Владея столь небольшим хозяйством, трудно было вести образ жизни, достойный сословного статуса дворянина. Это весьма важно для понимания социально-психологической дистанцированности верхних страт дворянства от низших.

Во владении среднего дворянства находилось 14,2% ревизских душ – ниже на 1,7% общероссийского показателя. Крупные помещики владели 82,3% ревизских душ – на 1,4% выше среднестатистического показателя. Основным полюсом концентрации крепостных крестьян были хозяйства крупных дворян-землевладельцев, составлявших 15,8% от общего числа помещиков в исследуемых губерниях. Среди них было небольшое количество тех, кому принадлежали тысячи, десятки тысяч крепостных крестьян. В Курской губернии к 1861 году гр. Д. Н. Шереметеву принадлежало 28 128 крепостных крестьян, кн. Барятинским – 18 806, кн. Н. Юсупову – 7 968, гр. И. Рибопьеру – 10 842, кн. Трубецким – 12 655²⁸.

Важным условием развития земледелия в дворянских хозяйствах была обеспеченность помещичьих имений удобной для возделывания земель. Но количество земли, находящейся под помещичьими запашками, зависело не столько от общей обеспеченности имений землей, сколько от распределения земли между помещиками и крестьянами. Господская запашка в Воронежской губернии составляла 303 906 дес. (34,1%) от общего фонда обрабатываемых земель в поместьях, крестьянская – 585 772 дес.; в Курской губернии земли в господской запашке – 375 129 дес. (36,7%), в крестьянской – 645 593 дес.²⁹ Такое соотношение во многом определялось распределением пахотных земель в латифундиях (свыше 10 тыс. дес.), где практически вся пахотная земля находилась в крестьянской запашке. Гр. Д. Шереметев в слободах Алексеевка, Марковка с 88 деревнями Бирюченского уезда Воронежской губернии передавал под крестьянскую запашку 90 327,7 дес., оставляя в господской запашке с выгонами и сенокосами 11 656,3 дес. (11,4%). В Бобровском уезде этой же губернии гр. Е. Кушелева сдавала в аренду крестьянам всю землю – 8 876 дес. пашни и 4 557,8 дес. сенокосов по 1 руб. 04 коп. серебром за дес.³⁰ Владельцы латифундий, в основном жившие в столицах и занятые на государственной службе, не обременяли себя хо-

зяйственными делами в своих многочисленных имениях. Они предпочитали до максимума сокращать господскую запашку, переводя крестьян на оброк, или сдавали своим крестьянам землю в аренду. В имениях средних и крупных помещиков фактически повсеместно господствовала хозяйственная запашка. Отсутствие аналогичных сведений о хозяйствах мелкопоместного дворянства не позволяет сделать в отношении них определенный соответствующий вывод.

Система хозяйства в дворянских поместьях была связана с характером эксплуатации крестьян в них (см. табл. 2)³¹.

Таблица 2

Распределение крестьян в зависимости от форм эксплуатации в дворянских хозяйствах (в %)

№ п/п	Губерния	Количество крестьян, %		
		оброчные	барщинные	на смешанной повинности
1	Воронежская	23,4	46,8	23,4
2	Курская	15,5	61,2	23,3

Основная масса крестьянства в дворянских хозяйствах находилась на барщине. На уездном уровне соотношение форм эксплуатации приближалось к общегубернскому показателю. Исключением являлись Воронежский, Землянский уезды Воронежской губернии и Курский уезд одноименной губернии, где концентрация барщинных крестьян была свыше 90%³².

Подсчет количества имений по формам эксплуатации затруднен в связи с отсутствием сведений о владениях мелких помещиков. Автором произведен подсчет дворянских имений по характеру эксплуатации, в которых было свыше 100 ревизских душ. В исследуемых губерниях барщинное хозяйство господствовало в 805 имениях, оброчное – в 39, со смешанной формой эксплуатации – в 158³³. Барщинные хозяйства преобладали – 80,3%. Доминирование барщинной эксплуатации крепостных крестьян в рассматриваемых губерниях объясняется ее большей рентабельностью, по сравнению с оброком. Например, по оценке курских помещиков, одно барщинное тягло приносило ежегодно 42 руб. сер. дохода, об-

рочное – 27 руб. 70 коп. сер.³⁴ Интересные сравнительные данные о рентабельности барщины и оброка приводит А.Н. Насонов на примере Ракитянской вотчины Юсуповых. По подсчетам вотчинной администрации, в 1851 г. чистая прибыль от зернового производства должна была составить 45 455 руб. 43 коп., от продажи сена – 4 143 руб. 74 коп. При оброчной же повинности доход мог бы составить лишь 32 412 руб.³⁵ Разница в пользу барщины очевидна.

Второе место по характеру эксплуатации крепостных крестьян, исходя из рассматриваемых данных, занимала смешанная повинность. В этой связи И.Д. Ковальченко, характеризуя помещичьи хозяйства Рязанской и Тамбовских губерний в первой половине XIX в., отмечает: «...Обращает на себя внимание появление в конце 50-х годов редко практиковавшейся ранее смешанной формы эксплуатации крестьян, когда непосредственный производитель выполнял и барщинную, и оброчную повинности. Характерно, что эта форма получила наибольшее распространение опять-таки в уездах с развитой торгово-промышленной деятельностью, худшими, чем в других уездах, условиями для сельского хозяйства. ... Помещики, практиковавшие смешанную повинность, стремились извлекать доход как из эксплуатации крестьян в господском хозяйстве, так и из неземледельческой деятельности крестьян»³⁶.

За пользование земель в помещичьих имениях крестьяне отбывали барщину, в среднем, по три дня в неделю с мужской и женской души или платили оброк. Оброк платился в одних имениях с души, в других – с тягла. В Воронежской губернии годовой оброк с души, в среднем, был 14 руб., в Курской губернии с тягла – 27,7 руб. В ряде имений существовала добавочная повинность: от 10 до 20 рабочих дней помещику в течение года³⁷.

В данном контексте примечателен национальный аспект. Рассмотрим его на примере воронежской вотчины гр. Бутурлиных. В ней самую большую группу крепостных крестьян (10 317 ревизских душ по 7-й ревизии 1815 года) составляли бывшие переселенцы с Украины (Малороссии) или же их потомки. Проживали они во всех населенных пунктах вотчины, кроме Марьино, Толугеева и Колодева. В материалах различных учреждений они именовались по-разному: «подданными черкасами», «подданными малороссияна-

ми», «подданными малороссианами», «малороссийскими подданными»³⁸. В первой половине XIX в. данные названия постепенно выходили из употребления, к тому же все чаще начинали использовать общее наименование «крестьяне», лишенное национального оттенка. Но до перехода на выкуп официально узаконенным было только одно название крестьян украинского происхождения – «подданные малороссияне». Украинцы, переселившиеся на собственно русские земли и попавшие здесь в крепостную зависимость, как это произошло и в вотчине Бутурлиных, признавали себя именно подданными, а отнюдь не крепостными. Об этом оставил ценное свидетельство поэт и будущий декабрист К.Ф. Рылеев, который после возвращения из заграничного похода, с апреля-мая 1817 года по январь 1819 года со своей конно-артиллерийской ротой проходил службу в слободах Подгорное и Белогорье Острогожского уезда Воронежской губернии. В период службы и позднее он не раз бывал в других селениях и Острогожске³⁹. Благодаря этим посещениям К.Ф. Рылеев немало узнал о жизни, быте и нуждах местного малороссийского населения. В одной из заметок К.Ф. Рылеев отмечал социопсихологическую особенность крепостных крестьян из малороссиян: «... Прикрепленные к земле малороссияне и по сие время называют себя только подданными, как бы в отличие от крепостных, коих они дразнят *крепаками* (с украинского – «крепостными» – *В.Ш.*)»⁴⁰. Подобное наблюдалось и в других губерниях Центрального Черноземья, где проживали малороссияне.

Великорусские крестьяне в вотчине Бутурлиных (330 ревизских душ по 7-й ревизии) составляли меньшинство. В документах они назывались или крестьянами, или «великороссийскими крестьянами», или великороссиянами⁴¹. Самым же здесь примечательным являлось то, что великорусские крестьяне, согласно документам 1820-х гг., находились на барщине, а малороссияне – на оброке. По данным 1829 года, на оброке числилось 5 446 крестьянских тягол, на барщине – только 237. Малороссияне ежегодно засевали 31 870 дес. разными озимыми и яровыми хлебами, а русские – только 480 дес.⁴² То есть в вотчине в основном велось оброчное хозяйство, основой которого были малороссийский тягла. Подобное разделение по этническому признаку должно было иметь хозяй-

ственную основу. Вероятно, крестьяне из малороссиян были более зажиточными, чем русские крестьяне, и имели давнюю традицию отбывания оброка, что полностью устраивало владельцев вотчины. В противном случае, насмешки первых в адрес вторых теряли бы смысл, ведь, если не брать в расчет разные их наименования, по сути все они были крепостными.

Душевой надел крестьян был выше в Воронежской губернии в оброчных имениях – 3 дес. 2 197 саж., в барщинных хозяйствах – на 1 879 саж. меньше. Эта тенденция наделения крестьян землей была характерна для всего региона, за исключением Курской губернии, где более высоким крестьянский душевой надел был в барщинных хозяйствах – 2 дес. 2 028 саж., что на 1 540 саж. больше, чем в оброчных имениях⁴³. Это во многом объяснялось тем, что оброчные помещичьи имения в целом по региону были крупнее, чем в Курской губернии, при меньшей плотности населения. В целом же, тенденция была следующей – чем крупнее хозяйство, тем меньше площадь господской запашки.

Л.В. Милов указывает, что если размер барской запашки на одну ревизскую душу превышал 2 дес., то это было чрезвычайно тяжелым бременем для крестьянского тягла. В рассматриваемом регионе подобные факты были обыденным явлением. Например, в Курской губернии в имении Логофета на одну ревизскую душу приходилось 3,3 дес. барской запашки, в Малонизовцеском И. Воропанова – 5,1 дес., в Пятницком Мацневых – 3 дес., в Андреевском Андреевых – 2,7 дес.⁴⁴ Но были и обратные примеры, например, в Ракитянской вотчине кн. Юсуповых – 1,1 дес.⁴⁵

Характер и степень эксплуатации крепостных крестьян также во многом зависели от того, к какой страте принадлежал их помещик. Современники отмечали, что наихудшие условия жизнедеятельности крестьян наблюдались у мелкопоместных владельцев. Мизерное количество крепостных крестьян у мелкопоместных дворян компенсировалось большей их эксплуатацией в сравнении с хозяйствами помещиков верхних страт. Об этом прямо указывается в отчете курского губернатора накануне отмены крепостного права: «Отношение помещиков к крестьянам благоразумно и законно, что касается до мелкопоместных дворян, то за некоторыми исключени-

ями, обращение их с крестьянами не всегда сообразно, т.к. образование у них менее развито»⁴⁶.

Во многом это было связано с тем, что мелкие помещики, особенно нижних подгрупп своей страты, жили под одной крышей со своими крестьянами. В этом случае у крестьян отсутствовало личное жизненное пространство, барин контролировал каждый шаг своих немногочисленных крепостных. Если крестьян было около двух десятков ревизских душ и они проживали отдельно от своего помещика, то все равно, в отличие от более крупных поместных дворян, со значительно большим количеством крепостных, мелкий помещик имел возможность непосредственного и постоянного контроля фактически за каждым действием своих крепостных крестьян, находящихся в рамках небольшого поместья.

Как было отмечено выше, в данном вопросе большую роль играл низкий уровень образованности, а следовательно общей культуры, мелкопоместных дворян, но это, вряд ли, имело решающее значение. Хозяйственный опыт подсказывал мелким помещикам, что в случае природных аномалий (засухи, ливней, бесснежных зим и т.д.), которые были далеко не редкими, наибольший экономический урон несли владельцы нескольких десятин. В отличие от хозяев крупных поместий, они не имели возможности компенсировать потери сбором остаточного урожая с больших площадей. Экстенсивный характер хозяйствования в подобной ситуации не срабатывал. Другими словами, в указанной ситуации мелкий помещик оставался вовсе без урожая, поэтому он стремился любыми путями интенсифицировать труд крепостных крестьян, чтобы провести определенный цикл сельскохозяйственных работ в максимально короткие сроки. С другой стороны, в мелкопоместных хозяйствах и крестьянские наделы были мизерными (в случае, если их не переводили на месячину), что позволяло использовать большой временной отрезок на господской запашке, других видах работ. Также нельзя сбрасывать со счетов и стремление мелкопоместных дворян разорвать путем чрезмерной интенсификации крестьянского труда замкнутый круг натурального хозяйства для реализации своих личных потребностей, когда на рынок поставлялся необходимый продукт из крестьянских подворий.

О чрезвычайно трудной жизни крестьян у мелких помещиков неоднократно писал М.Е. Салтыков-Щедрин ⁴⁷.

В контексте указанной доминирующей тенденции к барщинной эксплуатации крестьян в Центрально-Черноземных губерниях примечательны высказывания самих помещиков о том, что натуральное поместное хозяйство и низкий экономический уровень развития страны не дали барщине принять еще более гротескные формы в последние годы крепостного права. Так, рязанский помещик кн. Н. Волконский указывал: «Экономическое положение крестьян должно было все более принимать характер рабства, по крайней мере в наиболее бойких местах распространения барщины. Счастливи еще, что в плохих путях сообщения, в отсутствии развитого промышленного класса и т.п. условиях нашего неурейства были на лице обстоятельства, не дававшие возможности производству для продажи развиться выше известных пределов, и хозяйство в значительной степени должно было оставаться натуральным» ⁴⁸.

Характер хозяйствования был тесно связан с системой полеводства. В рассматриваемый период в регионе повсеместно господствовало трехполье. Воронежский агроном М. Афанасьев в 1856 году отмечал: «Система полеводства везде 3-х полевая: опытов введения других севооборотов здесь вовсе нет, или до такой степени не значительны, что о них и не слышно». ⁴⁹

Живучесть трехполья, в первую очередь, была обусловлена аграрным традиционализмом помещиков и крестьян, отсутствием в большинстве случаев реальных средств для введения аграрных новаций. В силу этого, оно стало одной из основных причин глубокого застоя в сельском хозяйстве центра Европейской России, в частности, Центрального Черноземья. Это, по мнению С.А. Козлова, проявлялось в следующем:

– во-первых, основываясь в значительной степени на силе обычая, трехполье уже фактом своего существования консервировало хозяйственную стагнацию: как на уровне сознания, так и интуитивно подавляющая часть землевладельцев и землепользователей отвергала любые попытки изменить традиционный аграрный уклад;

– во-вторых, трехпольная система земледелия к концу дореформенного периода, когда в центральных губерниях России уже была исчерпана значительная часть природных ресурсов (нераспаханной земли и старых лугов), становится экономически неэффективной;

– в-третьих, трехпольный зерновой севооборот являлся одной из основных причин истощения почв. Как отмечали современники, «посев колосовых хлебов по колосовым (гречи крестьянин сеет очень мало) сильно истощает для них землю». К тому же, при трехлетнем севообороте, неразрывно связанном с выполнением шаблонных трудовых операций «по-старине», очень часто не учитывались особенности той или иной местности, требующие собственной системы хозяйства;

– в-четвертых, трехпольная система способствовала сохранению не только множества архаичных земледельческих приемов и методов ведения хозяйства, но и тесно связанных с них предрасудков и заблуждений, свойственных традиционному типу мышления⁵⁰.

Главными причинами невозможности быстрой ликвидации трехполья были повсеместная чересполосица в крестьянских хозяйствах и «исключительная небрежность выполнения крестьянами трудовых операций, их привычкой полагаться на “авось”»⁵¹.

В отдельных же случаях, как в хозяйстве рязанского помещика М.Н. Семенова (518 дес. пахотной земли и 14,1/4 дес. в огороде), трехпольный севооборот имел переходный характер к плодopеремной системе. «Севооборот в имении был следующий:

Первое поле, паровое: 147 десятин в пару и 21 десятина под картофелем; 42 десятины навозятся = 168 д.

Второе поле, озимое: на 42 десятинах по навозу озимая пшеница, на 105 по простому пару рожь, на 21 по картофелю какое-нибудь яровое, кроме овса и ячменя, напр., горох = 168 дес.

Третье поле, яровое: на 42 десятинах по пшенице (2-й год по удобрению) ячмень, на 70 дес. по ржи или частью и по гороху овес, на 2 гречихи, на 4-х лен = 168 д.

Севооборот является, таким образом, гораздо более интенсивным, чем обыкновенное трехполье, и требует затраты большей работы»⁵².

В хозяйстве М.Н. Семенова в рамках трех полей одновременно чередовалась смена посевов сельскохозяйственных культур и шло унаваживание через определенные временные отрезки по четко распланированным участкам. Это еще не плодoperеменная система севооборота, но уже и не классическое трехполье. Поэтому, когда указывают на приоритет трехпольной системы в дореформенных помещтных хозяйствах, необходимо учитывать, что в определенной части имений были и переходные формы севооборота. Но, в силу отсутствия необходимых источников, трудно установить их точное соотношение.

Плодoperеменная система, характерная для капиталистической эпохи, в регионе начинает появляться с 50-х гг. XIX в. в крупных имениях, где не так сильно была представлена чересполосица. Количество таких хозяйств было невелико, в Воронежской губернии их насчитывалось 10⁵³. Это несмотря на то, что рентабельность плодoperеменной системы была намного больше трехпольной и такая ежегодная практика демонстрировалась в отдельных имениях долгие годы. Крупный русский агроном второй половины XIX века А.В. Советов приводит пример подобного хозяйства: «В 1849 году покойный Глебов (тульский помещик и сахарозаводчик – *В.Ш.*) представил Лебедянскому обществу сельского хозяйства отчет о своем хозяйстве за 20 лет. Первое десятилетие этого отчета резюмирует доход имения при трехпольной системе, а второе – при указанной плодoperеменной системе. Общие выводы из этого отчета, сделанные председателем Лебедянского общества Н.П. Шишковым, представляют следующие цифры.

Старое хозяйство:

Дес. Четв. Руб.

Ржи 1 617 8 318 45 749.

Овса 1 042 3 534 14 136.

Гречихи 573 2 196 5 372.

Итого 3 232 дес. дали 65 257 руб.

Новое плодoperеменное хозяйство:

Ржи 690 4 978 27 379.

Овса 500 4 351 17 404.

Итого 1 430 дес. дали 53 043 руб.

Сверх того было в посеве:

Пшеницы 280 1 755 26 325.

Ячменя 100 926 5 556.

Всего же 1 810 дес. дали 84 924 руб.

«Следовательно, при новом хозяйстве, – говорит Шишков, – хотя засевалось 1 422 дес. менее, нежели в прежнем, но и то только от зернового хлеба получено дохода более прежнего хозяйства на 19 667 руб.»⁵⁴.

О причинах несомненной рентабельности хозяйства М.П. Глебова, конечно, знали его соседи-помещики. Но массовый переход к плодoperеменной системе не мог состояться, как уже указывалось выше, из-за повсеместной чересполосицы, недостатка средств, а главное, в силу хозяйственного традиционализма помещиков, чья аграрная ментальность отрицала любые новации, требующие каких-либо кардинальных перемен в структуре хозяйствования.

Важным показателем уровня земледелия в дворянских хозяйствах являлась его агротехническая база. В исследуемых губерниях в помещичьих имениях основными орудиями земледелия были соха с двумя сошниками, деревянные конные грабли и борона, подавляющая часть инвентаря была крестьянской в силу барщинного хозяйствования в имениях. Для распашки новых земель применялся особый вид сохи, которая была меньше обыкновенной и имела более короткие узкие сошники. Сельскохозяйственные машины были редким явлением и применялись в крупных имениях гр. А. Кушелева-Безбородко, гр. А. Левашева, кн. И. Васильчикова, в основном это были конные молотилки⁵⁵. Через Императорское Московское общество сельского хозяйства в Воронежскую губернию с 1 января 1860 года по 1 января 1861 года поступили: 5 молотильных машин (4-х конные), 3 жатвенные машины Вуда, 1 сенокосильная машина Вуда⁵⁶. То есть на 1 079 крупных и средних воронежских помещиков было приобретено 9 сельскохозяйственных машин через одно из

главных обществ сельского хозяйства, поставлявшего сельскохозяйственные машины в губернии Центрального Черноземья. Незначительное использование сельскохозяйственных машин связано с наличием большого количества крепостных рук в средних и крупных имениях. В мелких дворянских хозяйствах с экономической точки зрения они были нерентабельны из-за малой площади обрабатываемой земли и высокой их стоимости. Одна сенокосильная машина Вуда стоила 220 рублей серебром.

Применение машин практически всегда было связано с вольнонаемным трудом, который в регионе был мало распространен. Е. Варб указывает на причины этого: «До 1861 года, когда к услугам помещного дворянства был даровой труд закрепощенных крестьян, в найме рабочих для сельско-хозяйственных целей не было надобности, и этот вид найма в то время почти не находил никакого применения. Сообразно с этим и законодательство о личном найме в своих определениях, изложенных в 1-й части X тома и в Уставе Торговом, говорит о найме ремесленников, приказчиков, служащих на судах и т. п. и вовсе не касается найма на земледельческие работы. Явление это, конечно, вполне понятно: неизвестный или очень мало практикуемый в экономическом быту вид найма не мог найти отражения и в законодательстве»⁵⁷.

Необходимо иметь в виду, что в моменты острой необходимости большого количества рабочих рук, помещики выгоняли в поле и дворовых, которые, к тому же, имели навыки сельскохозяйственных работ. Кн. Н. Волконский вспоминает: «“Дворня – наша гвардия”, – говаривал дедушка П.В. Колобов, и, действительно, в его хозяйстве она составляла, между прочим, и род резерва рабочих сил, которые можно было ввести в дело, когда понадобится. Полевые работы должны были знать все дворовые, и, например, в рабочую пору в его имении все дворовые женщины, кроме кружевниц и вышивальщиц, которым важно было не испортить пальцев, брались за серп, столяры, кузнецы, кучера и проч. бросали свои обычные занятия и выходили в поле помогать уборке. То же, конечно, бывало и в других хозяйствах, кроме самых богатых»⁵⁸. Здесь важен тот факт, что Н. Волконский прямо указывает на повсеместную практику использования труда дворовых во время страды в поле. Это

опровергает устоявшуюся точку зрения о дворовых как в большей части непроизводительной части крепостного населения дворянского поместья.

В примечаниях к «Извлечениям из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше» приводятся два случая использования вольнонаемного труда в курских помещичьих имениях: 1) в Белгородском уезде в имении Н. Богдановича с фондом земли 1,5 тыс. дес., где из 308,5 дес. господской запашки наемным трудом обрабатывалось 150 дес.; 2) в Грайворонском уезде в имении Н. Хорвата имелось 573 работника и 62 полуработника, что составляло 44% от общего числа крестьян в хозяйстве⁵⁹. В примечания не вынесены, по-видимому, все случаи использования наемного труда. Эти данные являются иллюстрацией к тому, что наемный труд рассматривался основной массой помещиков как возможно далекая перспектива, но не реальность.

Наличие рабочего скота в дворянских хозяйствах было мизерным в силу их барщинного характера, когда крестьянин обрабатывал господскую запашку при помощи своего инвентаря и скота. Здесь также сказывалось отсутствие выгонных и пастбищных угодий в имениях. В Воронежской губернии в 1858 году фонд пахотных земель составлял 3 574 236 дес., выгонных и пастбищных угодий – 187 737 дес., а к 1861 году площадь пахотных земель увеличилась до 3 665 044 дес., выгонных и пастбищных – до 209 748 дес. Пахотные земли обгоняли в росте выгонные. Старо-Ивановская вотчина в Бирюченском уезде Воронежской губернии являлась образцом крупного имения, где в наличии имелось много скота. В ней в 1860 году на 10 тыс. дес. земли приходилось 40 лошадей и 100 голов крупного рогатого скота, а в начале 50-х гг. XIX в. было 10 лошадей и 50 голов крупного рогатого скота⁶⁰. В рязанских и тамбовских поместьях кн. Гагариных в 1855 году (по поместью Мишинское данные за 1850 год) на 21 907 дес. пашни приходилось всего 125 рабочих лошадей и 121 вол⁶¹, а в степных вотчинах кн. Юсуповых (в Рязанской и Тульской губерниях) «лошади, имевшиеся в небольшом количестве, нужны были для разъездов управляющих и вотчинных “начальников”; это были так называемые “разъезжие лошади”; когда в 20-х годах появились молотилки,

лошади потребовались для них; с другой стороны, из лошадей степных вотчин пополнялась московская конюшня Юсуповых»⁶².

Характер эксплуатации крестьян, агротехническая база, наличие рабочего скота в помещичьих имениях определяли уровень сельскохозяйственного производства в них. Помещичье земледельческое производство Европейской России было сосредоточено в Центрально-Черноземном регионе, где в 1851-1860 гг. высевалось 82% всех основных культур (озимых, яровых, картофеля) на помещичьих запашках главных зерновых районов: Южного степного (1 губерния), Центрально-Нечерноземного (6 губерний), Средневожского (3 губернии). Размеры посевов в сравнении с 1842-1850 гг. снизились на 1,7% в Центральном Черноземье, отражая общую тенденцию в дворянских хозяйствах России⁶³. Размеры посева культур не отражали основных тенденций в развитии дворянских хозяйств. Более важным показателем являлась урожайность на помещичьих запашках. Для рассматриваемого периода из-за отсутствия статистического материала о размерах посевных площадей исчисление урожайности производилось в «самах». Такой подсчет менее точен, но он позволяет определить эволюционные процессы в дворянском хозяйстве (см. табл. 3)⁶⁴.

Таблица 3

Урожайность хлебов в дворянских хозяйствах (в «самах»)

№ п/п	Губерния	Озимые		Яровые		Озимые и яровые	
		1842- 1850	1851- 1860	1842- 1850	1851- 1860	1842- 1850	1851- 1860
1	Воронежская	3,1	3,7	3,3	3,6	3,3	3,6
2	Курская	4,1	3,2	3,9	3,1	4,0	3,1

Спад урожайности (22,5%), связанный в первую очередь с большим истощением почвы и количеством барщинных хозяйств, произошел в Курской губернии. Черноземные помещики не занимались и селекционной работой. На Курской выставке сельских произведений в 1852 году из 533 представленных экспонатов местным помещикам принадлежало 24, купцам и мещанам – 11, государственным крестьянам – 478⁶⁵.

Показателем эволюции помещичьих хозяйств являлось также введение в севооборот технических культур – свекловицы, конопля, подсолнечника. Из технических культур местные дворяне отдавали предпочтение свекловице и конопле. Полных данных о количестве земли, засеваемой свекловицей, нет. Но если принять во внимание, что для сахарного завода гр. Н. Кушелева-Безбородко в Воронежской губернии засевалось ежегодно 550 дес., для завода кн. И. Васильчикова – 300 дес., то при 14 заводах в этой губернии в середине 50-х гг. XIX в. засевалось около 3 тыс. десятин⁶⁶.

В условиях быстрого роста товарного производства, при котором прибавочный продукт являлся уже не потребительной, а меновой стоимостью, дворяне-помещики были заинтересованы в постоянном его росте. В регионе наметились две противоположные тенденции: увеличение массы прибавочного продукта в дворянских хозяйствах Воронежской губернии и уменьшение в Курской губернии. В Центрально-Черноземном регионе брала верх тенденция к сокращению общей массы прибавочного продукта. Так, в целом по исследуемому региону общая масса продукции, производимой помещиками, сократилась на 14,8%⁶⁷. Это являлось свидетельством того, что накануне отмены крепостного права основная масса дворянских хозяйств при прежних производственных отношениях, существовавшей агротехнической базе не могла не только увеличить прибавочный продукт, но и сохранить прежний его уровень.

В дореформенный период помещики Центрального Черноземья стали ощущать конкуренцию со стороны хозяйств динамично развивающегося аграрного региона Европейской России – южных губерний, где принудительный труд не имел серьезного значения. Процент крепостного населения был здесь минимальным, например, в Таврической губернии – 5,9, в Бессарабской – 1,1. Здесь еще с 1840-х гг. создавались крупные крестьянские хозяйства фермерского типа. Кроме того, крупные помещичьи хозяйства стали быстрыми темпами засеивать огромные площади пшеницей для экспорта, используя труд вольнонаемных рабочих, привлекая пришлых рабочих из других губерний, широко применяя сельскохозяйственные машины и пр. Уже в 1816 году помещики указанного региона дебатировали вопрос о выгоде использования машинного труда, а МВД

издает пропагандистскую брошюру «О шотландских молотилках». Пшеница, ради которой бурно расширяется посевная площадь, становится основой хозяйства, благодаря ей щедро окупаются даже высокие расходы на заработную плату, постепенно пшеница вытесняет прежде господствовавшую мериную овцу⁶⁸. Конкуренция зерновому производству в центрально-черноземных губерниях стала очевидной реальностью, и недаром уже в 1840-х гг. отдельные помещики начинают говорить о необходимости установления внутренних таможенных пошлин для ограждения черноземного центра от конкуренции с юга⁶⁹.

Эффективность помещичьего хозяйства во многом зависела от структуры и системы вотчинного управления. В зависимости от страты поместных дворян, устоявшихся хозяйственных традиций и экономической целесообразности управление имениями осуществлялось по-разному. В крупных имениях, в силу значительных площадей и большого количества крестьянских тяглов, весьма заметная роль в управлении отводилась крестьянской общине. К тому же, владельцы латифундий проживали, в основном, в столицах, а создание всеобъемлющей структуры управления было бы затратным и малоэффективным административным решением. Крестьяне же в данной ситуации сами были заинтересованы в подобной системе управления, которая гарантировала определенную хозяйственную самостоятельность, особенно в оброчных имениях. На общих сходах выбирались должностные лица – старосты, атаманы, счетчики, писари и т.д., – основной обязанностью которых было отслеживание выполнения крестьянами полного объема вотчинных повинностей и налогов, при этом часть из них входила в структуру вотчинного правления. В выполнении всего объема повинностей были заинтересованы и сами крестьяне, в противном случае ограничение хозяйственной самостоятельности и усиление внутривотчинного репрессивного начала было неизбежным следствием. Подобное управление, с опорой на крестьянскую общину, было организовано, например, в центрально-черноземных вотчинах Шереметевых, Баяринских, Юсуповых⁷⁰.

В ряде случаев, когда владелец крупного поместья был неопытен, отличался стремлением к серьезным растратам и проживал вне

границ поместья, управление фактически полностью могло перейти в руки главы вотчинной конторы, который не принимал в расчет отдельные распоряжения хозяина. Но и при таком положении дел владелец продолжал засыпать управляющего советами и распоряжениями. Так, приказчик тамбовского имения Никольское М.С. Лунина, Е.Ф. Суслин, деликатно отказывал своему помещику в просьбе прислать денег ввиду необходимости экономии. «Ответственный за ход дел приказчик не раз был вынужден читать своему барину нравоучения по вопросам экономии средств и рациональной их траты, указывать ему на необходимость строить хозяйство на твердом фундаменте, не увлекаться преждевременными или мало нужными предприятиями и думать прежде всего о ликвидации отцовских долгов, подрывающих материальную базу имения и нередко грозящих ему серьезными опасностями. «Уплата сполна партикулярных долгов (письмо писано после уплаты казенного долга) у меня всегда в виду. А за составление капиталов я не смело ручаюсь: если собранный хлеб успеет обработать и вывезти в Моршу, если будут хорошие цены и не встретится каких препятствий, новых нужд и требований ваших...». Суслин постоянно ограничивает финансовые притязания своего хозяина. Особенно часто приходилось ему умерять требования Лунина дать ему денег на личные нужды, в удовлетворении коих Лунин позднее уже не так был стеснен, как в первые годы вступления во владение имением. Иногда хозяйственные советы Лунина давали повод Суслину даже иронизировать: «Гусарские правила не всегда годятся для сельских жителей», – пишет он по поводу ссылки Лунина на экономию, соблюдаемую в гусарском полку... Лунин видел хорошие результаты деятельности своего приказчика, ценил его работу и потому не сердился на замечания, которые не раз приходилось выслушивать от своего уполномоченного, но в то же время и не переставал требовать отчетов, давать распоряжения и советы»⁷¹.

Профессиональный управляющий, нашедший оптимальный характер взаимоотношений с владельцем вотчины, где последний прислушивался к первому и ценил его, во многом было залогом рентабельности дворянского хозяйства. Не отрицая влияния больших размеров поместий крупных помещиков, наличия серьезных

финансовых возможностей у них, можно с уверенностью сказать, что первостепенную роль в том, что крупнопоместные хозяйства оказались накануне 19 февраля 1861 года в лучшем положении, чем имения владельцев низших страт, сыграли высокооплачиваемые, профессиональные управляющие. В то же время нельзя отрицать нахождения на этих должностях и определенного числа всевозможных проходимцев. Здесь уместно будет привести высказывание Б.Г. Литвака о том, что крупные феодально-крепостнические системы – это «вовсе не стагнация», а такое состояние, которое фиксирует исчерпанность возможности развития, прогресса⁷².

Важнейшим показателем состояния дворянских хозяйств накануне отмены крепостного права являлся рост задолженности помещичьих имений. Вся первая половина XIX века характеризовалась непрерывным увеличением числа заложенных в кредитных учреждениях крепостных крестьян, ростом задолженности дворянских хозяйств. Количество заложенных помещичьих крестьян и его рост в целом отражали состояние и тенденции развития дворянского хозяйства в дореформенный период. Но прямой зависимости здесь не было, так как залог имений был для ряда помещиков одним из источников получения денежных ссуд для перевода своих поместий на рельсы капиталистического развития. Государственные кредитные учреждения: Московская и С.-Петербургская сохранные казны, Государственный заемный банк, приказы общественного призрения – были единственными официальными источниками, из которых помещики могли получить кредит.

Кредитная система дореформенной России отличалась значительным своеобразием. Государство превратило банковское дело в свою монополию, и деятельность частных банков не допускалась законом. Задача, которая была поставлена перед кредитной системой, сводилась к выдаче дешевых и долгосрочных ссуд под залог поместий. Был разработан способ определения кредитоспособности заемщика, где размер ссуды определялся в первую очередь количеством записанных за ним при последней ревизии крепостных душ⁷³. Е. Жигачев, в целом справедливо, но не без определенной иронии, охарактеризовал отношение верховной власти к кредитованию дворянского землевладения в дореформенный период: «Крепостной землевладелец не был предпринимателем в современ-

ном смысле этого слова, “сельским хозяйством он мог заниматься только как любитель, побуждаемый случайными причинами и произвольными субъективными наклонностями, иногда весьма фантастическими. Интересы, который бы господствовал над ним, разорения, которое бы ему угрожало, если он оставит в стороне неусыпные заботы о возвышении производительности, для него не существовало: прочным оплотом для него служила обеспеченная власть над основными силами сельского хозяйства, которые, во всяком случае, из его рук не уходили”. При таких экономических условиях дореформенного хозяйства, задолженность землевладения, казалось бы, не должна была иметь никакого места или лишь самое незначительное распространение, ... между тем, долги землевладения и тогда росли безостановочно...

Правительство чувствовало особенную благосклонность к “благородному дворянству” и, время от времени, обильно осыпая его милостями, то увеличивало ссуды, то уменьшало проценты по ним или слагало накопившиеся недоимки. Какие из дворян брали деньги, зачем они их брали, много ли уже взяли, – эти вопросы оставались без рассмотрения.

Иногда, правда, замечалось, что ссуды «обращаются к прихотям роскоши и к усилению долгов, расточительности, но, усовещивая дворян, правительство надеялось, что новые льготы будут последними милостями, новые ссуды обратятся к лучшему устройству дворянских имений, к дальнейшему еще усовершенствованию земледелия и к расширению сельской и всякой другой полезной промышленности. Но дворяне не оправдали надежду правительства: земельные долги их возрастали по-прежнему, и по-прежнему же продолжались ходатайства о новых пособиях, отсрочках и др. льготах...

Именным высочайшим указом 16 апреля 1859 г. выдача поземельных ссуд дворянам была прекращена из всех государственных кредитных установлений»⁷⁴.

В Воронежской и Курской губерниях кредитными учреждениями выдавалось в ссуду на каждую ревизскую душу при наличии удобной земли в закладываемом имении на крестьянина не менее 4 дес. – 70 руб. серебром, при меньшем количестве – 60 руб. серебром. Кроме того, сохранным казнам и приказам общественного

призрения предоставлялось право выдавать добавочную ссуду по 10 руб. серебром на ревизскую душу, если удобной земли приходилось (в отдельно взятом имении) не менее 5 дес. на каждого крестьянина⁷⁵. В Воронежской губернии в 1855 году долги на имениях по банкам распределялись следующим образом: Московской и С.-Петербургской сохранным казнам 621 имение с 144 454 ревизскими душами были должны 961 1837 руб., Государственному заемному банку 23 имения с 9 464 ревизскими душами – 653 356 руб., приказам общественного призрения 261 имение с 10 111 крепостными крестьянами задолжало 546 456 руб. В Курской губернии помещичий долг распределялся так: сохранным казнам 1 038 имений с 190 718 ревизскими душами должны были 11 423 399 руб., Государственному заемному банку 23 имения с 14 339 ревизскими душами – 919 028 руб., приказам общественного призрения 468 поместий с 17 008 ревизскими душами – 832 241 руб.⁷⁶ Распределение дворянской задолженности по кредитным учреждениям позволяет установить в них распределение долга в зависимости от категории дворян-помещиков. В Воронежской губернии из общего числа заложенных поместий 68,6% дворянских хозяйств с 88,9% общей суммы долга приходилось на сохранные казны. По Московской сохранный казне 573 имения заложили 59% ревизских душ губернии с 62,4% общего долга, в то время как в С.-Петербургской сохранный казне 48 имений заложили 28,9% ревизских душ и на них приходилось 26,4% суммы долга. Крупные поместья были в основном заложены в С.-Петербургской сохранный казне. Аналогичные подсчеты по Курской губернии показали, что крупные хозяйства были заложены в Государственном заемном банке. Предпочтение этих кредитных учреждений местными крупными помещиками объяснялось тем, что именно эти банки выдавали максимальные суммы кредита на ревизскую душу – 70 руб., а приказам общественного призрения это право ограничивалось рядом оговорок. Мелкопоместное дворянство и часть среднего закладывали свои имения в приказах общественного призрения⁷⁷.

Рассмотрим рост задолженности накануне отмены крепостного права (см. табл. 4)⁷⁸.

Задолженность дворянских поместий в конце 50-х гг. XIX в.

<i>№ n/n</i>	<i>Губерния</i>	<i>Год</i>	<i>Число за- ложенных имений</i>	<i>Количество зало- женных крестьян (рев. душ)</i>	<i>Долг на дворян- ских имениях (в руб.)</i>
1	Воронежская	1855	905	164 029	10 811 651
	Курская		1529	222 065	13 174 669
2	Воронежская	1859	681	179 166	11 355 690
	Курская		1 433	250 539	13 987 214

К 1856 году было заложено 24,7% курских поместий с 61,3% крепостных крестьян и 31,3% воронежских имений с 67,6% помещичьих крестьян⁷⁹. Продворянская финансово-кредитная политика правительства, с одной стороны, и нерациональное расходование ссуд – с другой, при общем хозяйственном застое в дворянских поместьях привели к тому, что в 1859 году число заложенных ревизских душ в Курской губернии достигло 69,2%, в Воронежской губернии – 73,4%. Это, в среднем по двум указанным губерниям, выше на 5,3% общероссийского показателя при общем увеличении долга в них на 1 356 584 руб. Такая огромная сумма долга могла накопиться только в результате снисходительности банков при взыскании ссуд. Да и само законодательство, регулирующее кредитные операции, практически поощряло перезалоги из года в год. В этом смысле можно говорить о задолженности как признаке стагнации дворянского хозяйства, когда за год до реформы в Курской губернии было заложено 1 165 444 дес. дворянской земли (67,1%), в Воронежской губернии – 1 378 937 дес. (72,7%)⁸⁰. С этой точки зрения задолженность также можно рассматривать как доказательство того, что барщинное хозяйство изжило себя и было способно к простому воспроизводству только при условии государственного кредитования.

С начала 1990-х гг. среди историков-аграрников с новой силой разгорается спор о рентабельности крепостного помещичьего хозяйства накануне отмены крепостного права, степени истощенности его экономического потенциала. Известные курские историки Л.М. и Р.Л. Рянские утверждают, что в рамках рассматриваемого региона помещичье хозяйство в 50-х гг. XIX в. не исчерпало свой

экономический потенциал и не испытывало кризисных явлений. В заключении их совместного монографического исследования «Очерки социально-экономической истории крепостной деревни Курской губернии первой половины XIX века» указывается, что «... в помещичьем хозяйстве Курской губернии развитие производительных сил не прекращалось вплоть до реформы 1861 г.» Данные по Курской губернии по существу подтверждают известный тезис П.Б. Струве: «Крепостное хозяйство, как таковое, экономически не созрело к своей отмене в 1861 году»⁸¹. Р.Л. Рянский, исследовавший специально курские поместные хозяйства перед отменой крепостного права, утверждает: «... В середине XIX в. на территории Курской губернии явного кризиса помещичьего хозяйства не наблюдалось»⁸². Данное утверждение основывается на анализе урожайности по отдельным годам (1848-1857) в 8-13 имениях различных страт поместного дворянства. Урожайность в них заметно выше, чем в ежегодных отчетах губернаторов в целом по губернии. Само незначительное количество исследуемых помещичьих хозяйств не может служить основанием для столь серьезных выводов о степени кризиса в дворянских поместьях. Ведь урожайность, если не брать в расчет погодные условия, одинаковые для всех, зависела от многих факторов: качества и степени унавоженности почвы, характера эксплуатации крестьян, количества рабочего скота и сельскохозяйственных орудий на единицу площади, хозяйственной инициативы помещика, управляющего и т. д. Вариативность условий рентабельности в каждом отдельном поместье была весьма обширна. Нельзя здесь сбрасывать со счетов в качестве критерия число и скорость разорения поместных хозяйств. С 8 по 10 ревизии число курских мелкопоместных дворян, как уже было показано выше, сократилось на 1 381 помещика. Одним из кризисных проявлений в поместном хозяйстве являлась и неуклонно прогрессирующая задолженность дворянских поместий, когда накануне отмены крепостного права в Курской губернии было заложено в кредитных учреждениях почти 70% ревизских душ, в Воронежской – свыше 70%. Без постоянного кредитования помещичье дореформенное хозяйство не могло уже сохранять прежний уровень воспроизводства.

В рассматриваемом аспекте несомненную ценность имеют суждения современников о процветании или «оскудении» дворянских имений, ведь для них атмосфера и настроения помещиков были ежедневным объектом наблюдений, неотъемлемой частью повседневности. Передача этих настроений во многом ценнее отдельных статистических выкладок. Выходец из среды тамбовских помещиков, известный писатель С.Н. Терпигорев (С. Атава) в этой связи применительно к дореформенному периоду писал: «Но, говорят нам, мы разоряемся с каждым годом, с каждым днем все более и более! Чем же, наконец, кончится это?»

Я позволю себе на это просто ответить:

– Виноваты мы сами, и нас, кроме нас самих, никто не спасет и спасти не может»⁸³. М.Е. Салтыков-Щедрин в «Пошехонской старине» создал обобщенный образ дореформенной помещичьей среды: «Лишенная прочной образовательной подготовки, почти непричастная умственному и литературному движению больших центров, помещичья среда погрязла в предрассудках и в полном неведении природы вещей. Даже к сельскому хозяйству, которое, казалось бы, должно было затрагивать существеннейшие ее интересы, она относилась совершенно рутинно, не высказывая ни малейших попыток в смысле улучшения системы или приемов. Однажды заведенные порядки служили законом, и представление о бесконечной растяжимости мужицкого труда лежало в основании всех расчетов»⁸⁴. Для большей части его современников было очевидно, что предреформенное помещичье хозяйство испытывает серьезные кризисные проявления, и об этом говорилось как о чем-то само собою разумеющемся даже спустя несколько десятилетий. Более корректным, на наш взгляд, было бы утверждение о том, что хозяйственные кризисные проявления менее затронули имения средних и крупных помещиков, а мелкопоместные владельцы быстро разорвались. Общей же тенденцией была очевидная стагнация с нарастанием кризисных проявлений.

Предстоящая реформа главным показателем хозяйственной состоятельности помещного дворянства определяла количество земли. Первые царские рескрипты произвели на черноземных дворян-помещиков весьма неприятное впечатление. Изложенные в этих рескриптах главные принципы реформы, в первую очередь ка-

савшиеся землевладения, они считали для себя неприемлемыми. В этой ситуации местные помещики избрали для себя путь затягивания решения вопроса, маневрирования. Воронежское дворянство пыталось даже объединиться с помещиками соседних губерний, чтобы создать нечто вроде «единого фронта»⁸⁵. Твердая политика правительства в этом вопросе, крестьянское движение заставили местное дворянство изменить тактику и просить у императора разрешения приступить к разработке проекта реформы. Александр II подписал его 20 апреля 1858 года на имя воронежского губернатора. В это же время получили разрешение и курские дворяне. В соответствии с данным рескриптом, в состав каждого комитета входили губернский предводитель дворянства в качестве председателя, дворяне, по два представителя от каждого уезда, выбираемые собственной сословной корпорацией, и два представителя от коронной администрации, назначаемые губернатором. Комитетам было предписано в шестимесячный срок составить проекты освобождения крестьян и представить их в Главный комитет⁸⁶.

Сам моносословный состав губернских комитетов и обращение верховной власти к поместному дворянству за содействием в детальной разработке реформы отмены крепостного права объективно способствовали тому, что у помещиков зародилась определенная уверенность, что они будут услышаны, а главное поняты, так как имеют «законные» права душевладельцев. Сомнений в справедливости этого у большинства, вероятно, не было. То есть у подавляющей части поместных дворян на уровне сознания ощущалось проявление конформизма⁸⁷, когда большая часть сословной корпорации отвергала тех, кто выражал сомнения относительно справедливости их социальных ожиданий, включая и отдельных представителей коронной администрации. Необходимо учитывать и то, что систематическое внешнее выражение в устной или письменной форме неприязни к «мерзости» крепостничества нередко на деле не подтверждалось реальными поступками. Другими словами, несмотря на внутреннее отрицание права владения крепостными, их хозяева, сталкиваясь с постоянной необходимостью поддерживать привычный жизненный уровень, не только не пользовались имеющимися законными основаниями для отпуска крепостных

крестьян на волю, но не сокращали даже размеры и объемы барщины, оброка. Так, известные своим общественным порицанием крепостничества и тяжелой доли крепостных крестьян виднейшие представители славянофильства А.С. Хомяков и А.И. Кошелев как помещики в указанном аспекте ничем не отличались от своих собратьев по владению «крещеной собственностью». Как отмечал В.И. Семевский: «В Ефремовском уезде Тульской губернии у Хомякова было 230 душ (кроме 20 дворовых), составлявших 82 тягла. Здесь почти вся земля имения была отдана в пользование крестьян, и ее приходилось по 4,8 дес. на душу, за что они платили помещику оброка по 32 руб. с тягла или по 11 руб. с души и еще, кроме того, отдавали помещику 1/5 часть сена со всех лугов и 1/5 часть ржаной соломы, караулили и чинили господский дом. При сравнении с 10 другими оброчными имениями Ефремовского уезда, о которых мы имеем сведения, оказывается, что имение Хомякова занимало первое место и по величине надела, и по высоте денежных платежей, но если принять во внимание, что на крестьянах Хомякова тяготели еще, как было указано, и некоторые натуральные повинности, то будет совершенно ясно, что их положение было весьма нелегко». И добавлял: «Главное имение Кошелева в Сапожсковском уезде Рязанской губернии; во второй половине 50-х гг. в нем числилось 2 682 души крестьян мужского пола и 114 душ дворовых. Из крестьян 858 тягол состояло на барщине и только 86 на оброке; эти последние платили по 25 руб. оброка с каждого тягла. Из всех 13 имений Сапожсковского уезда, относительно которых размер оброка нам известен, в 10 оброк был ниже, чем у Кошелева, а в 2 одинаков с его имением; относительно же величины надела имение Кошелева (2,75 дес. на душу) занимает среднее место. Таким образом, и тут, как у Хомякова, положение крестьян было тяжелее среднего уровня, да еще следует помнить, что огромное большинство крестьян оставалось на барщине»⁸⁸.

Социальные представления, во многом убеждения, в хозяйственной сфере не всегда регулировали повседневные поведенческие стереотипы, которые, в свою очередь, определялись материальными и физиологическими потребностями. Подобные владельцы имений в принципе были не против упразднения крепостного

права, но только с определенной компенсацией, которая не позволила бы снизить привычный уровень повседневного комфорта.

Приступив к выборам в губернские комитеты, как отмечал М. Марков, «правительство не ошиблось в своих ожиданиях относительно составов комитетов. Уже на уездных дворянских совещаниях, которые были разрешены правительством при выборе членов в комитеты, было видно, что большинство в комитетах будет принадлежать к партии крепостников. Так и оказалось». И далее: «Черноземные комитеты собственно признавали только личную свободу крестьян и наделяли крестьян возможно малым земельным наделом, да и то только на срочно-обязанный период, в надежде, что и эта земля после окончания этого периода поступит в полное распоряжение помещиков»⁸⁹.

Вопрос о судьбе помещичьего земельного фонда стал основным предметом обсуждений в губернских дворянских комитетах. Главную роль в них играли крупные помещики. В Курской губернии председателем комитета был предводитель местного дворянства Н. Скарятин, имевший 613 ревизских душ, заместитель председателя Н. Гонгард имел 504 ревизские души и 2 830 дес. земли⁹⁰. В среде местного дворянства, представлявшего в социальном плане неоднородную массу, в ходе разработки проекта реформы появились разногласия. В Курском губернском дворянском комитете существовали следующие группировки: «большинство», «меньшинство 10 членов», «меньшинство 7 членов», – но различия между ними были незначительны и заключались в определении размера крестьянского надела и в отношении к мелкопоместному дворянству⁹¹. Базой решения земельного вопроса для всех группировок была неприкосновенность дворянского земельного фонда. Отражая настроение подавляющей части помещиков региона, воронежские дворяне требовали освобождения крестьян без земли. Опираясь на действовавшее законодательство, они настаивали на том, чтобы за дворянами было сохранено неограниченное право собственности на все поместные угодья, включая леса, луга, воды, и чтобы это право гарантировалось правительством и защищалось силой закона⁹². Эти предложения легли в основу проекта воронежского губернского дворянского комитета. Типичность подобных настроений в дво-

рянской среде хорошо проиллюстрировал Л.В. Ходский: «Естественно, что как скоро обнаружилась невозможность воспрепятствовать осуществлению реформы, противники ее должны были обратить свое внимание на то, чтобы вырвать от законодателя, по крайней мере, как можно более уступок в свою пользу, и это старание крепостников не могло остаться без всяких результатов, тем более что многие из приверженцев старого порядка были люди с положением и с весом»⁹³.

Практически не было возражений у местного дворянства в отношении уступки усадеб в собственность крестьян, однако случились небольшие вариации на эту тему. Например, помещики орловского губернского дворянского комитета «... различали в крестьянском наделе два разряда земель: полевые (пашню и сенокос) и присельные. Под последним разрядом разумелись отделяемые в проектах от усадьбы: внутренний выгон, конопляник ... и весь излишек овощного огорода и прочих усадебных угодий, остающийся за уменьшением настоящего размера усадеб до положенной нормы 600 саж. на двор. Орловский комитет не признавал эти присельные земли подлежащими выкупу вместе с усадьбами и оставлял в пользовании крестьян в счет положенной нормы полевого надела»⁹⁴. Помещики понимали, что требование лишения крестьян права на усадебную землю обречено на провал. Это был тот минимум, который мог гарантировать неприкосновенность остальной части помещичьего земельного фонда. С другой стороны, дворяне понимали, что лишение крестьян усадебной земли в перспективе лишило бы их дешевых рабочих рук из-за массовой миграции в этом случае. Но в то же время чувство собственника требовало максимальной концентрации в своих руках лучших земель имения, к которым, несомненно, относились и усадебные земли, поэтому в дворянских проектах сохранилось требование узаконить право помещика на перенесение усадеб без согласия крестьян. Размеры крестьянских усадеб в Воронежской губернии рассчитывались в зависимости от характера почв от 1/4 до 1/3 дес. В Курской губернии помещики установили размер крестьянской усадьбы, равный 840 саж., а в случае, если он был меньше, оставляли как было. Дворянство в результате переноса усадеб хотело получить наиболее ценную часть крестьянских земель и

готово было при переносе без согласия крестьян выдавать единовременное пособие от 20 до 25 руб. серебром, так как 1 саж. ее оценивалась в 10 коп. серебром и выше⁹⁵.

Размер крестьянского надела, который непосредственно влиял на будущее возможное сокращение дворянских земель, больше всего вызывал споров среди помещиков. Вопрос мог идти о сокращении земельного фонда воронежских дворян на 699 377 дес. (38,9% от общего его количества) и на 868 993 дес. (49,9%) курских помещиков, если принять равным 2,2 дес. предлагаемый редакционными комиссиями средний надел крестьян в указанных губерниях⁹⁶. При определении размера крестьянского земельного надела, несомненно, роль играл и социальный фактор: непосредственно ощущалось давление со стороны верховной власти. Помещики и в ходе подготовки проектов отмены крепостного права продолжали оставаться владельцами своих крепостных крестьян, и это не могло не откладывать отпечаток на их предложения. С другой стороны, правительство однозначно предписывало освобождение крестьян с землей, и с этим нельзя было не считаться. Помещичье сознание должно было найти «золотую середину», но чувство социально-экономического самосохранения и чувство собственника обуславливали крен в сторону минимизации размера крестьянского надела.

Документы показывают определенное единодушие курских дворян в данном вопросе. В их проекте реформы устанавливался единый размер крестьянского надела, равный 1,1 дес. на ревизскую душу. Курские помещики мотивировали оптимальность этого количества земли тем, что крестьяне, большую половину года не занятые земледелием, получают больше времени для промыслов, а тем, кто хотел бы заниматься хлебопашеством, можно было бы арендовать земли у помещика⁹⁷. В среде воронежского дворянства были разногласия на уездном уровне. Дворяне Воронежского, Бобровского, Коротоякского уездов добивались определения количества раздаваемой земли, условий и срока наделения ею только по обоюдному согласию сторон. Это, вероятно, было связано с тем, что в этих уездах крестьяне имели больше всех усадебной земли и помещики рассчитывали во время торгов о размере надела поставить вопрос в случае неуступчивости крестьян о сведении усадебной

земли к проектируемому минимуму. Дворяне Острогожского уезда настаивали на едином размере надела в 3 дес. на тягло. В остальных уездах предполагаемый размер земельного надела колебался от 1 до 2 дес. на ревизскую душу. Всех дворян объединяло требование наделить крестьян землей только на правах срочно-обязательного состояния⁹⁸. Мизерные предлагаемые крестьянские наделы указывают на определенную неуверенность помещиков в исполнимости требования возврата земель после выхода крестьян на выкуп. Но чувство сословной исключительности и корпоративная солидарность в данном вопросе придавали поместным дворянам уверенность в законности и исторической оправданности требования возврата земель.

На последних уездных совещаниях дворяне Воронежского, Павловского и Нижнедевицкого уездов предложили правительству альтернативную программу освобождения крестьян. Главной ее идеей являлось то, что крестьяне сами должны были выкупать землю у помещика при содействии правительства. По их мнению, предлагаемый способ разрешения крестьянского вопроса имел ряд преимуществ по следующим причинам: 1) он заменял для крестьян право пользования землей правом собственности на землю и создавал в государстве новое сословие землевладельцев; 2) ограждал права собственности помещиков, обеспечив надлежащее вознаграждение за принадлежавшую им землю. Для этого необходимо было три года переходного состояния только для ликвидации чересполосицы⁹⁹. Данные предложения резко выделялись на фоне проектов основной массы центрально-черноземных помещиков. Вероятно, их авторами была часть поместных дворян, которая окончательно осознала, приняла неотвратимость буржуазной модернизации русской деревни и, исходя из принципа «пожертвовать малым ради оставления большего», решила передать в собственность крестьянам часть своей земли. Однозначно дворяне, предлагавшие этот проект, руководствовались второй названной выше причиной. Хотя и первая указанная причина органично вписывалась в общую канву их рассуждений. Эти предложения не получили поддержки у основной массы помещиков губернии, но во многом предвосхитили основные положения Столыпинской аграрной реформы.

В ходе подготовки и проведения реформы отмены крепостного права правительство учитывало ее последствия для разных категорий дворянского землевладения. При усредненном подходе к судьбам помещичьего землевладения мелкопоместные дворяне лишились бы практически всех своих земель, если бы размеры крестьянских наделов и условия их получения не были специально оговорены для этой категории помещиков. В 1857 году на это специально указывало III отделение: «Мелкопоместные дворяне, владеющие малыми имениями, подвергнутся совершенному разорению, если на счет их не будут поставлены какие-либо особенные меры»¹⁰⁰. В связи со всем этим была разработана особая программа помощи мелкопоместному дворянству.

1. За освобождаемых без земли крестьян (дворовых, батраков) выдавалось денежное пособие от 50 до 100 руб. серебром за каждую ревизскую душу с вычетом всех лежащих на их имениях долгов.

Владельцам, которые наделяли своих крестьян землей на общем основании за установленные повинности, выдавалось пособие до 50 руб. серебром на каждую ревизскую душу с вычетом долгов или в зачет ссуд отводились казенные земли.

2. Мелким помещикам, у которых в ходе реформы практически вовсе не оказалось земли, предоставлялось по их желанию право переселения в многоземельные губернии с безвозмездным выделением земли¹⁰¹.

Таким образом, правительство, чтобы поддержать основную массу поместного дворянства, готово было идти на значительные финансовые издержки и передать часть казенных земель в частновладельческий фонд.

Для предоставления помощи мелким дворянам-помещикам их имения обследовались местными учреждениями, отвечавшими за проведение реформы. Главные критерии для получения помощи – владение менее чем 21 ревизской душой, отсутствие средств к существованию, кроме собственного хозяйства. В Курской губернии в начале пореформенного периода проживали 3134 мелкопоместного дворянина с 22 711 ревизскими душами. Из них были признаны имеющими право на помощь 2 844 (90,7%) владельца с 18 873 ре-

визскими душами, которые получили от государства 415206 руб. серебром (146 руб. на 1 помещика). Сумма выдавалась из расчета 22 руб. серебром на ревизскую душу¹⁰². Размер помощи, по стоимости равной цене 5 дес., был незначительным и вряд ли мог предотвратить дальнейшее сокращение землевладения мелких помещиков. В ходе реформы, кроме предоставления финансовой помощи, применялись особые правила наделения крестьян землей в имениях дворян данной категории. В пунктах № 3, 4 «Дополнительных правил об устройстве крестьян, водворенных в имениях мелкопоместных владельцев, и о пособии сим владельцам» особо подчеркивалось: «Крестьяне, водворенные на землях мелкопоместных владельцев, получают в постоянное пользование, за установленные повинности, причитающиеся им в надел усадебные и полевые земли и угодья, на точном основании Местных положений; но тем из крестьян, которые, при обнародовании Положений, не были вовсе наделены землею, мелкопоместные владельцы не обязываются, ни в каком случае, отводить такой надел»¹⁰³. То есть мелкопоместные дворяне не обязаны были отводить наделы для крестьян, не наделенных землей до реформы.

«Если в местностях, для которых определен низший размер душевого крестьянского надела, крестьяне мелкопоместного владельца пользовались до сего времени землею в количестве менее низшего душевого надела, а в местностях, где определен указной душевой надел менее указного надела, то мелкопоместный владелец не обязывается увеличивать крестьянский надел»¹⁰⁴. По этому правилу, прирезка к существующему наделу до установленного минимального размера была не обязательна.

Если мелкопоместный дворянин из каких-либо соображений хотел полностью порвать с землей и получить за нее единовременную денежную выплату, то на основании этих же «Дополнительных правил», изложенных в 10 пункте: «За имение ... обращенное в ведомство государственных имуществ, мелкопоместный владелец получает из казны вознаграждение соответствующее годовому оброку, который, по правилам Местных положений, причитался бы с крестьян за предоставленный им надел. Для исчисления такого вознаграждения означенный годовой оброк капитализируется из шести

процентов, то есть: помножается на шестнадцать и две трети, и выведенная таким образом сумма выдается владельцу»¹⁰⁵.

Как и на основании «Общего положения», земля в мелкопоместных имениях оценивалась не по ее рыночной стоимости, а исходя из капитализации крестьянской денежной ренты, но, в отличие от дворян высших страт, мелкий помещик получал «вознаграждение» сразу, а не малыми частями в течение десятилетия. В этом случае земля продавалась государству, а крестьяне мелких помещиков переходили в статус государственных со всеми вытекающими отсюда правами и обязательствами.

В предреформенные годы мелкопоместное дворянство, в отличие от среднепоместного и крупнопоместного, быстро утрачивало свои земли, о чем свидетельствует сокращение числа мелкопоместных владельцев. Эти земли перераспределялись на внутрисловном дворянском губернском земельном рынке. Хозяйственный регресс также был наиболее характерен для мелкопоместного дворянства. В ходе реализации проекта отмены крепостного права мелкопоместное дворянство, в силу особых правил наделения крестьян землей в имениях этой категории помещиков, получило государственную субсидию и смогло сохранить фактически весь свой земельный фонд.

После объявления в марте 1861 года в центрально-черноземных губерниях Манифеста и Положения 19 февраля 1861 года судьбу дворянского земельного фонда на местах должны были решать вновь созданные учреждения: институт мировых посредников и высшая местная инстанция – губернское по крестьянским делам присутствие. Мировым посредником мог быть потомственный дворянин, имевший не менее 500 дес. земли или 150 дес. при наличии аттестата учебного заведения. Из-за недостатка потомственных дворян посредниками могли быть и личные дворяне, но располагавшие двойным земельным цензом. В исследуемых губерниях мировыми посредниками являлись крупнейшие землевладельцы в своих уездах: по Белгородскому уезду Курской губернии мировой посредник А. Куколь-Яснопольский имел 2 216 дес., в Львовском уезде той же губернии В. Ширков – 2 143 дес., в Грайворонском уезде Н. Хорват – 8 174 дес. и т.д. Членами Курского губернского

по крестьянским делам присутствия стали представители губернского дворянского комитета Н. Скарятин, И. Каличинский, В. Изъединов, добивавшиеся неприкосновенности дворянского земельного фонда¹⁰⁶.

При кажущейся детальной разработке основных документов реформы дворянство столкнулось с непредвиденными обстоятельствами при наделении крестьян землей. Разработчики реформы не учли возможность перехода крестьян путем продажи от одного владельца к другому накануне реформы, и процедурные затяжки из-за оформления соответствующих документов приводили к спорам между помещиками, кому из них наделять крестьян землей¹⁰⁷.

В ходе реализации реформы отмены крепостного права вся черноземная полоса была разделена на 8 местностей (в зависимости от качества почвы, состояния и занятия крестьянских хозяйств) с наделами на ревизскую душу от 0,91 дес. в 1-й местности до 5,5 дес. в 8-й местности. Сокращение дворянского земельного фонда по реформе находилось в прямой зависимости от того, в какой местности располагалось имение и какой размер крестьянского надела соответственно ей был принят за основу. Воронежская и Курская губернии находились в зонах 1, 2, 3 и 5 местностей. Размеры крестьянских наделов в них были предусмотрены от 0,9 и 1,8 дес. в 1 местности до 4 дес. в 5 местности¹⁰⁸.

Дворянский земельный фонд в 1 местности при среднем крестьянском наделе в 1,8 дес. на ревизскую душу мог сократиться на 250 365,8 дес., или на 26,9% от общего земельного фонда дворян в этой местности, во 2 местности при среднем крестьянском наделе в 2 дес. – на 291 862 дес. (28,5%), в 3 местности при среднем наделе в 2,2 дес. – на 236 283 дес. (34,8%), в 5 местности при среднем наделе в 2,6 дес. – на 217 851,3 дес. (35,4%)¹⁰⁹. Рост размера крестьянского надела вел к сокращению фонда дворянских земель.

До выхода крестьян на выкуп сокращение помещичьего землевладения носило предположительный характер, так как до этого момента земля являлась для крестьян объектом пользования, а не объектом собственности. Но обусловленное всем ходом реформы отмены крепостного права размежевание поместных земель в своей основе имело размер крестьянского надела в качестве главного

критерия реального уменьшения доли дворянских земель в общем земельном фонде. В текущем распределении земель дворяне-помещики, окончательно принявшие реформу как свершившийся факт и видевшие в перспективе своих крестьян не как пользователей определенной части помещичьей земли, а как собственников, сосредоточили внимание на качестве земли. «Общее положение», где было сказано: «Помещики, сохраняя право собственности на все принадлежавшие им земли...», – предоставляло им право наделять крестьян участками земли по собственному усмотрению. Общим правилом было выделение в крестьянский надел земель худшего качества, применялась чересполосица, поэтому количественное сокращение земельного фонда не соответствовало его снижению по стоимости. В Воронежской губернии средняя цена 1 дес. пахотной земли составляла 40-65 руб., а худшего качества – в 2-3 раза дешевле¹¹⁰. Уменьшение земельной площади компенсировалось её стоимостным выражением в начале пореформенного периода, когда земля официально стала всесловным товаром и начался быстрый рост цен на нее.

Перенос усадеб, выделение в надел выгонов и покосов за счет сокращения пахотной земли нашли широкое распространение в помещичьей среде. Например, помещик Курского уезда Е. Десанглен перенес усадьбы крестьян на неудобные земли без их согласия и уменьшил размеры наделов. Крестьяне с. Старожиловинного Воронежского уезда в жалобе наследнику престола вел. кн. Николаю Александровичу писали о переселении их с чернозема на песок¹¹¹.

Еще одной формой сокращения крестьянского землепользования было предоставление дарственного надела. «Местное положение» по обоюдному согласию помещика и крестьян позволяло последним получить в дар 1/4 часть максимального надела, и на эту сделку не требовалось оформление уставной грамоты¹¹². Получение дарственного надела было обусловлено, в первую очередь, желанием крестьян быстрее стать самостоятельными хозяевами, ограниченным земельным фондом уезда и непропорционально высокими повинностями за высший надел.

В ходе реформы в Курской губернии было 191 селение с 29 082 дарственниками, в Воронежской губернии – 220 селений с 40 431 дарственником. Четвертные наделы больше всего (90,6%) выделялись в имениях крупных помещиков. Среди дарственников крестьяне барщинных хозяйств составляли 43,6%, оброчных имений – 28,5%, смешанной повинности – 27,9%¹¹³. В ходе операции с четвертными наделами курские дворяне сохраняли 32 822,8 дес., воронежские помещики – 50 588,7 дес. земли¹¹⁴.

Определяющим фактором для дворянского землевладения в ходе пореформенного размежевания поместных земель стала отрезка земли в крестьянских хозяйствах, которая изменила соотношение крестьянской и помещичьих запашек. Прирезка в исследуемых губерниях из-за повсеместного превышения дореформенных крестьянских наделов вновь установленным была незначительной. Автор, определяя изменение площади дворянского земельного фонда, опирался на сведения о количестве земли в крестьянском землепользовании и в помещичьей запашке до реформы в исследуемых губерниях. Путем вычета количества земли, отрезанной у крестьян в период, отведенный на подписание уставных грамот (1861-1863 гг.), было получено пореформенное крестьянское землепользование. От общего количества земли по уездам в дворянских хозяйствах была вычтена площадь крестьянского земельного фонда с учетом дарственников к моменту выхода на выкуп. Погрешность в расчетах на уездном уровне минимальна, так как отрезки в мелкопоместных имениях по Курской губернии составляли 665 дес., в Воронежской губернии – 226 дес., а прирезки в хозяйствах курских помещиков – 140 дес., воронежских дворян – 314 дес.¹¹⁵. Это позволило реально отразить процесс сокращения дворянских земель (см. прил. 3)¹¹⁶.

Процент сокращения помещичьей земли в Воронежской губернии сильно колебался: от 7% в Нижнедевицком уезде до 31,7% в Павловском уезде.

Традиционное представление о прямой связи величины и качества почвы не подтверждается. Свидетельством тому являлись Павловский и Бобровский уезды, где земли были худшего качества, а разница в уменьшении площади дворянской земли составила

25,2%, и относительно низкий процент сокращения в Валуйском и Нижнедевицком уездах, отличавшихся высоким плодородием почв. Качество земли играло заметную роль, но не было основополагающим фактором в ходе размежевания поместных земель. В Павловском уезде отчетливо прослеживалась связь сокращения дворянской земли с характером эксплуатации в помещичьих хозяйствах. Здесь соотношение барщинных и оброчных крестьян было 1: 2, 4. Большой процент сокращения определялся тем, что количество неизменных наделов в оброчных имениях было значительно больше, чем в барщинных. В Бобровском уезде на невысокий процент сокращения дворянской земли повлияло большое число дарственников. Этот уезд занимал второе место в губернии по количеству земли в руках крупных помещиков, а на хозяйства этой категории дворян приходилась основная масса дарственников.

Рассмотрим аналогичное изменение дворянской земельной собственности в Курской губернии (см. прил. 4) ¹¹⁷.

Благодаря разнице величин отрезок у мелких помещиков и общегубернской прирезки в 525 дес., дворянский фонд земель Курской губернии сократился на 428223 дес. Процент сокращения по уездам, в отличие от Воронежской губернии, распределялся более равномерно, что связано с относительно равномерным распределением владений крупных помещиков по уездам. Поскольку Курская губерния отличалась сравнительным единообразием хороших черноземов, одним из основных факторов, влиявших на рассматриваемый процесс, был характер эксплуатации в дореформенных помещичьих хозяйствах. Грайворонский уезд, отличавшийся самым большим числом оброчных крестьян, дал один из наиболее высоких процентов сокращения – 31,8%, и здесь было самое мизерное число отрезок. Тимский уезд с наименьшим числом оброчных крестьян дал практически самый низкий (после Фатежского уезда) показатель уменьшения дворянского земельного фонда – 13,7%.

Обобщая все вышесказанное, можно констатировать, что накануне отмены крепостного права основными владельцами частновладельческого земельного фонда были дворяне. Основная часть дворянских земель находилась в руках крупных помещиков. Среднепоместное землевладение имело четкую тенденцию к росту.

Мелкопоместное землевладение сокращалось. Перераспределение земельного дворянского фонда происходило на внутрисословном земельном рынке, который контролировался крупнопоместными дворянами. Ведение хозяйства в дворянских имениях главным образом основывалось на барщинной системе. Система полеводства повсеместно была трехпольной. Только начиная с 50-х гг. XIX в. в очень ограниченном кругу крупнопоместных хозяйств стали применяться сельскохозяйственные машины, наемный труд и распространяться плодотворная система полеводства. Следствием хозяйственной деградации дворянских имений стал спад урожайности.

Продворянская политика правительства в ходе реформы по отмене крепостного права позволила местному дворянству сохранить подавляющую часть своих земель. В Воронежской губернии дворянский земельный фонд составлял 81,7% от дореформенного, в Курской губернии – 75,3%. Но к единовременному сокращению крестьянских земель в результате отрезков присоединилось замедленное, но едва ли не более значительное обезземеливание, происшедшее из того факта, что после раздела земельного фонда крестьян с помещиками последние оказались владельцами всех резервных площадей земли.

1.2. ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ДВОРЯНСКОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В 1863-1905 гг.

К началу пореформенного периода дворянство Центрально-Черноземного региона являлось главным и почти единственным собственником частного земельного фонда. Реформа 19 февраля 1861 года сняла преграды юридического характера для перехода помещной земельной собственности в руки других сословий. Это во многом предопределило направление основной тенденции, но решающим фактором в данном процессе не стало. Дворянство продолжало оставаться экономически и политически господствующим сословием. Неспособность большей части помещных владельцев быстро перестроить свои хозяйства в 60-е гг. XIX в. и отсутствие условий для этого – емкого рынка рабочей силы и достаточного ко-

личества сельскохозяйственных машин – стали основой для процесса «раздворянивания» частновладельческой поземельной категории.

Отмена крепостного права одновременно меняла позицию правительства в вопросе о купле-продаже земли. С 1861 года право полной собственности на землю распространялось на бывших помещичьих, а с 1866 года и на государственных крестьян. Само же право полной собственности на землю, как зафиксировано законами гражданскими, означало следующее: «Право владения, пользования и распоряжения соединяется с укреплением имущества в одном лице»¹¹⁸. И только в этом случае можно было продать землю. В то же время, верховная власть не могла на период временнообязанного состояния бывших крепостных крестьян допустить в свободную продажу помещичьи усадьбы в полном составе. Высочайше утвержденным 19 февраля 1861 года мнением Государственного совета подтверждалось, что «...помещичьи имения в полном составе, т.е. с крестьянским наделом и с правом на крестьянские за этот надел повинности – могут быть продаваемы и иным образом передаваемы только помещичьими дворянами»¹¹⁹. Но вместе с тем указывалось, что эти имения могли отдаваться в аренду лицам всех состояний с передачей им права на получение оброка на срок до 12 лет. Продаваться же не дворянам они могли только после наделения крестьян землей или перевода их на выкуп. Отошедшие к помещикам земли, за исключением крестьянских наделов, как ненаселенные могли отчуждаться, отдаваться в залог, в аренду лицам всех сословий. Таким образом, с подписанием уставных грамот и переходом крестьян на выкуп все препятствия в распоряжении дворянскими землями автоматически снимались¹²⁰.

Однако необходимо учитывать, что не все помещичьи имения и не все дворяне могли свободно продавать свои земли. К ним относились имения с неполным правом собственности, в первую очередь так называемые заповедные (майораты) и временно заповедные имения с особым порядком наследования. Они не подлежали продаже, поскольку являлись собственностью не одного постоянного владельца, а всего рода, и, следовательно, требовалось на то особое разрешение. Были и другие юридические нюансы в определении неполного

права собственности, как то: разделение права владения и права пользования, права распоряжения и права угодий в чужом имуществе. И, наконец, бедные дворяне, получившие участки земли из казны для поселения, также не могли их свободно продавать ¹²¹.

Рассмотрение поставленной проблемы в губерниях Центрального Черноземья следует начать с изучения изменения размеров площадей дворянского земельного фонда в 60-е гг. XIX в. (см. табл. 5) ¹²². Именно в этот период закладывались тенденции в развитии дворянского землевладения, которые нередко противоречили друг другу.

Таблица 5

**Изменение площади дворянского землевладения
в Воронежской губернии в 1860-е гг.**

<i>Уезд</i>	<i>Площадь дворянской земли в 1863 году (в дес.)</i>	<i>Площадь дворянской земли в 1868 году (в дес.)</i>	<i>Увеличение (+) или уменьшение (-) земельной площади (в %)</i>
Богучарский	109 005	109 690	+ 0,7
Бобровский	301 720	334 945	+ 10
Валуйский	111 587	104 708	- 6,2
Воронежский	120 412	110 243	- 8,5
Задонский	60 529	59 534	- 1,7
Землянский	114 044	104 828	- 8,1
Коротоякский	21 507	22 962	+ 6,4
Нижнедевицкий	53 575	41 856	- 21,9
Новохоперский	102 039	183 531	+ 44,5
Острогожский	228 428	236 075	+ 3,3
Павловский	78 050	72 338	- 6,4
По 11 уездам	1 300 896	1 385 800	+ 6,2

Как следует из таблицы, в 5 уездах произошло увеличение земельного фонда дворянства, которое в итоге и привело к расширению площади поместных земель в губернии. Вследствие отсутствия сведений о структуре дворянского землевладения на уровне уездов затрудняется определение категорий поместных владельцев, которые увеличили площади своих земель. Но расширение дворянского земельного фонда происходило именно в тех уездах, где крупное

дворянство в 1860 году владело около 80% поместных земель. Исключением являлся Коротоякский уезд, в нем площадь земель крупных дворян составляла 47,3%¹²³. Крупное дворянство, получавшее большие доходы со своих многочисленных имений, где значительная часть крестьян еще до отмены крепостного права была на оброке, имело возможность приобретать земли. При покупке земель большое значение имели наличные деньги, а не процентные банковские бумаги, которыми выплачивались выкупные платежи, так как их фактическое курсовое соотношение к рублю было 10 : 6. Воронежские помещики с 1863 по 1866 гг. по выкупным платежам процентными банковскими бумагами получили 1 595 061 руб., а наличными – 7 520 руб.¹²⁴ Значительные суммы в наличных деньгах имели только крупные помещики, которые осознавали, что теперь не количество ревизских душ, а площадь земли является мерилем богатства русского дворянина и определяет его статус.

В Новохоперском уезде перед реформой 1861 года владения среднего дворянства составляли 1,7% площади поместной земли, а через 7 лет сословный земельный фонд уезда увеличился на 44,5%. На покупку такого большого количества земли среднее дворянство не могло иметь достаточного количества финансовых средств, тем более что выкупные платежи начали выплачивать с 1862 года с погашением задолженности кредитным учреждениям. Значительное расширение площади земель среднепоместных владельцев за счет продолжения наделения крестьян дарственными наделами не объяснит этого увеличения, так как основное число четвертных наделов выделялось в крупных дворянских поместьях.

Представители мелкопоместной страты после размежевания земли с крестьянами оказались в затруднительном положении. Указ от 25 марта 1861 года о пособиях мелкопоместным дворянам в размере 22 руб. на ревизскую душу не мог оказать существенной помощи в приобретении земель. Воронежские мелкопоместные дворяне в 1862 году должны были получить 116 622 руб., что соответствовало стоимости 4 859 дес. земли¹²⁵. На основании циркуляра МВД сумма пособия выдавалась частями в течение ряда лет. Основная часть пособий уходила на выплату долгов частным кредиторам и на поддержание хозяйства. Таким образом, мелкопомест-

ные дворяне не могли являться реальными покупателями земель в рассматриваемый период.

По всей вероятности, расширение дворянского фонда земель в Воронежской губернии произошло за счет увеличения земельной площади крупнопоместного дворянства.

Степень сокращения дворянского земельного фонда также зависела от хозяйственного уклада в имениях. Подтверждением тому, что земли продавали в первую очередь владельцы барщинных хозяйств, являлось самое крупное сокращение площади дворянской земли (после Нижнедевицкого уезда) в Воронежском и Землянском уездах, где барщинные поместья составляли свыше 90% из общей массы. Барщинный традиционализм, отрицавший хозяйственные новации, был наиболее консервативен по своей сути. Проблема перестройки барщинных хозяйств была наиболее сложной и многоструктурной, включая ментальность.

Расширение земельной площади крупного дворянства происходило двумя способами: 1) в ходе внутрисословного перераспределения земель; 2) в результате покупки земли у частных владельцев других сословий. Губернские сведения о купле-продаже земли отсутствуют до 1893 года, но статистический материал позволяет проследить межсословную мобилизацию земель в рассматриваемый период в целом по Центральному Черноземью, к которому в пореформенный период относили 10 губерний. Эти данные раскрывают процесс и динамику перехода земель от одного сословия к другому, отражая доминирующую тенденцию в исследуемом регионе.

Поместное дворянство с 1863 по 1868 гг. заключило 12 674 сделки (76% общего их числа) на продажу 1 573 306 дес., что составило 90,9 % земель, реализованных на рынке недвижимости всеми сословиями. Количество продаваемой дворянской земли с каждым годом возрастало. Если в 1863 году было продано 182 144 дес., то в 1868 году – 330 923 дес. Сумма от проданной помещиками земли за 6 лет составила 43 497 010 руб., или 90% суммы за все реализованные земли¹²⁶. Новые экономические условия, дефицит финансовых средств заставили ряд помещиков войти в межсословные земельные союзы и товарищества. В товариществах, в которые входили дворяне,

купцы, мещане, почетные граждане и духовенство, с участием дворян было заключено 32 сделки и продано 1 699 дес. земли на сумму 62 297 руб. В союзах и товариществах, которые включали в себя дворян, нижние воинские чины и крестьян, с участием дворян было заключено 35 сделок и продано 2 003 дес. на сумму 60 366 руб.¹²⁷ Средний небольшой размер реализуемой земли в каждой сделке указанных союзов и товариществ (55,2 дес.) и само участие в них дворян предполагает, что это были, главным образом, мелкопоместные владельцы. Вне межсословных союзов каждая сделка дворян по продаже земли в среднем составляла 124,1 дес., то есть основными продавцами земли являлись средние и крупные помещичьи дворяне. Данный процесс буржуазной модернизации пореформенного землевладения отмечали современники: «Прежнее, крепостное землевладение покоилось исключительно на сословных основах и, следовательно, по существу своему, носило до некоторой степени принудительный характер; реформа разрушила в землевладении прежде всего сословные перегородки и, освободивши крестьян от «обязательного» крепостного труда, освободила и помещиков от «обязательства» так или иначе эксплуатировать их труд; новое поземельное право, как «право на вещь» в строгом смысле, отделившись от соединенного с ним до реформы «права на личность», окончательно обратило землю в обыкновенный товар, способный переходить по купле и продаже от одного лица к другому. Сословные преимущества и привилегии, удерживавшие до сих пор земельные владения в руках одних сословий, в ущерб другим, должны были уступить давлению того экономического принципа, по которому в сельско-хозяйственном производстве, как и во всякой другой промышленности, орудия производства, земля должны остаться за наиболее экономически сильным; должна была явиться, главным образом, междусословная мобилизация земельной собственности, совершенно новое распределение ее между сословиями»¹²⁸.

В рассматриваемом аспекте важным моментом являлось то, какие именно сельскохозяйственные угодья продавали помещики в первую очередь. На начало 60-х гг. XIX в. подобных данных в рамках центрально-черноземных губерний нет. Но имеются ценные

наблюдения писателей и публицистов. В частности, С.Н. Терпигорев (С. Атава) применительно к началу пореформенного периода отмечает: «Так как ведение “по-новому” хозяйства было еще в начале и, даже сказать существовало более в принципе, чем в действительности, а кредит был уже захлопнут, то естественным выходом из затруднительного положения представлялось продолжение реализации или лучше сказать ликвидации оставшегося имущества. Меню проедания этого имущества было вообще однообразно. Вся разница была только в том порядке, в котором подавались блюда. У одних, например, подавали вслед за выкупными, леса, у других – многолетнюю аренду, у третьих – вторую закладную, и все это подавалось под соусом из векселей, сохранных расписок и прочего»¹²⁹. С.Н. Терпигорев, будучи знатоком помещичьего быта и являясь выходцем из тамбовской помещичьей среды, знал, о чем писать. Учитывая ироничный стиль очерков «Оскудения», автор должен был усилить «меню» проедаемого помещичьего имущества, показывая тем самым весь трагизм и безысходность помещичьих дворян в начале 60-х гг. XIX в. Здесь как нельзя лучше было бы указать пахотные земли и сенокосы, являющиеся особо ценной недвижимостью любого дворянского поместья. С. Н. Терпигорев их не указывает. Автор понимал, что пашня и сенокосы с годами росли в цене быстрее других угодий и помещики расставались с ними неохотно. В противном случае процент сокращения помещичьих земель в начале пореформенного периода был бы более значительным.

Если дворянство было главным продавцом земли в рассматриваемый период, то оно же являлось и главным покупателем. На покупку земли дворяне заключили 5 586 сделок, или 33,4% всех сделок данного характера. Приобретено было 1 018 153 дес., или 58,8% общего количества купленной земли. Сумма сделок на приобретение земель составила 25 137 994 руб. (52,5%). Значительного роста купленной помещичьими владельцами земли по годам, в отличие от проданной, не наблюдалось. В 1863 году дворяне приобрели 139 547 дес., а в 1868 году – 155 396 дес. В разносословных земельных товариществах с участием дворян было заключено 20 сделок на покупку земли и приобретено 9 588 дес.¹³⁰, то есть на сделку по

покупке, в среднем, приходилось 479,4 дес., в то время как на продажу всего 55,2 дес. Исходя из этого вряд ли стоит предполагать, что здесь принимали участие представители среднепоместного и крупнопоместного дворянства. Основная задача поземельных товариществ и союзов была не в спекуляции землей, а в приобретении земли с раскладкой ее площади по внесенным суммам. Дворянство, не входившее в поземельные товарищества, в среднем, по каждой сделке на покупку земли приобретало 182,2 дес. Как и при продаже земель, в поземельных сделках на покупку основной фонд приходился на поместных дворян верхних страт.

Реально из дворянского земельного фонда в руки землевладельцев других сословий перешло 555 153 дес., или 32,5 % проданных дворянством земель. В абсолютных цифрах это выглядело как 55 515 дес. на губернию. Говорить о катастрофическом сокращении поместных земель в 60-е гг. XIX в. не приходится. Сокращение дворянского землевладения серьезно тормозилось внутрикорпоративным перераспределением.

Расширение земельного фонда крупных воронежских дворян и процесс внутрисословного перераспределения земель должны были бы привести к сокращению числа дворянских поместий. Но в рассматриваемый период их количество увеличилось с 1 717 до 1 918¹³¹. Это было связано с тем, что шло дробление средних, крупных имений и уменьшение числа поместных владений в ходе продаж земель, что не привело к общему их сокращению.

Уменьшение площади дворянских земель в исследуемом регионе и увеличение ее в 11 уездах Воронежской губернии на 6,2% указывает на наличие двух противоположных тенденций в мобилизации поместных земель Центрального Черноземья. В Воронежской губернии расширение фонда крупнопоместных земель на уездном уровне, по-видимому, и стало причиной увеличения общей площади дворянской земельной собственности.

Переходим к анализу процессов в дворянском землевладении Курской губернии (см. табл. 6)¹³².

Таблица 6

**Изменение площади дворянского землевладения
в Курской губернии в 1860-е гг.**

<i>Уезд</i>	<i>Площадь дворян- ской земли в 1863 году (в дес.)</i>	<i>Площадь дворян- ской земли в 1868 году (в дес.)</i>	<i>Увеличение (+) или уменьше- ние (-) земельной площади (в %)</i>
Белгородский	64 362	66 680	+ 3,5
Грайворонский	95 114	79 520	- 16,4
Дмитриевский	140 152	115 462	- 17,7
Корочанский	34 565	35 812	+ 3,5
Курский	84 488	81 387	- 3,7
Льговский	97 442	107 834	+ 9,7
Новооскольский	69 691	94 615	+ 25,4
Обоянский	67 797	59 773	- 11,9
Путивльский	117 465	102 837	- 12,5
Рыльский	115 405	98 536	- 14,7
Старооскольский	66 947	72 764	+ 8
Суджанский	76 456	66 070	- 13,6
Тимский	89 460	85 384	- 4,6
Фатежский	66 271	71 647	+ 7,6
Щигровский	122 874	110 470	- 10,1
По губернии	1 308 469	1 248 470	- 4,6

Доминирующей в губернии стала тенденция к сокращению поместного земельного фонда. В то же время, увеличение площади земель произошло в 6 уездах из 15. Почва в этих уездах по качеству не отличалась от земель в соседних уездах, плотность населения была различной. Нельзя это расширение дворянского земельного фонда объяснить и характером ведения хозяйства, так как здесь были широко представлены имения с различной формой эксплуатации крестьян. В отличие от Воронежской губернии, владения крупных курских дворян распространялись по уездам более равномерно. В 5 уездах, кроме Новооскольского, где увеличилась площадь дворянских земель, не прослеживалась связь расширения поместного земельного фонда с увеличением земельных владений крупного дворянства. В Новооскольском уезде в 1860 году земли

крупных дворян составляли 83,6% всех поместных земель, и к 1868 году уездный дворянский земельный фонд увеличился на 25,4%. Но в Грайворонском уезде, где площадь земель крупнопоместного дворянства на момент реформы отмены крепостного права составляла 90% сословного земельного фонда, к концу 60-х гг. XIX в. произошло его сокращение на 16,4%. Такой разброс диаметрально противоположных высоких относительных показателей свидетельствует о том, что определенную роль земельный фонд крупного дворянства играл в процессе трансформации поместного землевладения только в тех уездах, где он был свыше 80%. Но в них не прослеживалась общая тенденция к увеличению или сокращению площади дворянских земель. Примечательно, что в Курском уезде в начале пореформенного периода барщинные хозяйства составляли свыше 90% , а по уезду был самый низкий процент сокращения дворянских земель в губернии. Все уезды, в которых произошло увеличение площади поместных земель, объединяет низкий процент пахотных земель – в среднем, 57%. Это на 13% ниже общегубернского показателя¹³³. Расширение поместного земельного фонда связано, вероятно, со стремлением помещиков скупить выгоны, пастбища и сенокосы у владельцев других сословий. Без этих сельскохозяйственных угодий, которые были в большом дефиците в Центральном Черноземье, немыслимо было вести рациональное хозяйство, и цены на них росли быстрее, чем на пахотные земли. Последний момент, видимо, сыграл определяющую роль. В подтверждение данной версии можно привести утверждение А.В. Советова: «Словом, если бы мы дали себе труд просмотреть все имеющиеся у нас специальные исследования губерний, то увидели бы, что, за исключением губерний степных, где все, что степь, то и луг, и самых северных, повсюду оказывается полнейшая нищета луговыми угодьями. Есть даже и такие местности, где почти нет никаких сенокосов. Так, например, по свидетельству Преображенского, в некоторых селениях государственных крестьян Тверской губернии на ревизскую душу накашивают сена не более 3-х пудов, и тамошние поселяне для прокормления скота ежегодно нанимают у соседних помещиков каждый на 10 и на 15 руб. сенокоса.

Нет основания думать, чтобы и у крупных землевладельцев были очень выгодны отношения лугов к пахотным землям; ибо известно, что при крепостном праве, когда не делалось различия между валовым и чистым доходом, преобладала исключительно полевая культура, так как от полей валовой доход был больше, чем от лугов, а она, естественно, должна была расширяться за счет лугов, вследствие чего последние мало-помалу распахивались и таким образом незаметно исчезали. Притом, если где важно не количество, а качество, то это именно в лугах»¹³⁴. Дефицит сенокосов был повсеместным, и приобретение их давало возможность прокорма рабочего скота, выгодной продажи сена или сдачи в аренду этих угодий по высоким ценам.

Сокращение площади дворянского землевладения в Курской губернии, как в отдельных уездах Воронежской губернии, в 60-е гг. XIX в. было связано с двумя причинами.

1. После отмены крепостного права арендные цены начали беспрерывно повышаться, дойдя, в среднем, до 6-7 руб. за 1 дес. в год, и вовсе не соответствовали продажной цене, которая в первые пореформенные годы еще была в пределах 40 руб.¹³⁵ Землевладельцам других сословий было выгоднее покупать дворянские земли, используя это временное несоответствие арендных и продажных цен. Для крестьян большим препятствием в приобретении помещичьих земель являлось отсутствие денег, и количество земли, купленной ими, было незначительным.

2. Второй причиной была хозяйственная расстроенность дворянских поместий, вследствие чего землевладельцы постоянно испытывали необходимость в наличных деньгах, негативно сказывалось и отсутствие условий, навыков быстрого перехода к формам хозяйствования с элементами капиталистического предпринимательства без ставки только на принудительный труд. Поэтому помещики, в зависимости от спроса на землю и роста цен на нее, при общей нехватке финансовых средств для переустройства и поддержания хозяйств продавали землю¹³⁶. Процент сокращения помещичьих земель мог быть и выше, но землевладельцы из других сословий в основной своей массе не могли еще поглотить значительную часть дворянских земель. Дворяне, в свою очередь, при таком

быстром росте цен на землю ожидали более привлекательных предложений.

Общая тенденция к сокращению поместного земельного фонда и его чрезмерное дробление не могли не волновать дворянство и верховную власть. Преградой этому процессу должно было стать майоратное землевладение, которое в России распространилось в XVIII в. и окончательно юридически было оформлено в 1845 году. Главнейшей целью «Положения о заповедных наследственных владениях», принятого в указанном году, являлось сохранение крупнейшего дворянского землевладения. Майорат должен был составлять не менее 10 тыс. и не более 100 тыс. удобной земли или давать дохода не менее 12 тыс. руб. и не более 200 тыс. руб. в год. Таким образом, майоратное землевладение могло охватить только узкий круг крупнейших земельных магнатов. Заповедное имение признавалось собственностью не одного владельца, а всего рода, для которого оно учреждено, как для живущих, так и для будущих поколений. Поэтому оно ни полностью, ни частично не могло отчуждаться даже при полном согласии всех живущих потомков учредителя майората. Владелец не имел права отдавать имение в залог. Майоратное имение, как следовало из самого понятия «майорат», после смерти владельца переходило к старшему сыну, а за неимением сыновей – к старшей дочери или, в случае бездетности, во владение ближайшего старшего родственника. Майораты, хотя и облагались налогами наравне с другими имениями, но за недоимки и долги владельца не могли назначаться на продажу. Недоимки и долги «обращаются на доходы заповедного имения, но со смертью его владельца всякие сего рода взыскания с сих доходов прекращаются, и наследник его... не обязан за них ответственность»¹³⁷. Долги, по сути, прощались.

Положение от 16 июля 1845 года являлось важным средством для удержания крупнейших земельных владений в руках аристократических фамилий. В Воронежской губернии, например, в самом начале пореформенного периода им могло бы воспользоваться, в принципе, только 40 землевладельцев¹³⁸.

Реформа отмены крепостного права открывала новый этап в процессе ограждения дворянской земельной собственности посред-

ством майоратного права. Это было обусловлено превращением земли во всеобщий товар и возможностью быстрого перехода помещной земли в руки землевладельцев других сословий. В этих условиях ряд крупнопоместных дворян не преминул воспользоваться правом, которое предоставлялось им майоратным законодательством. Именно на 60-70-е гг. XIX в. приходилось 54,5% всех учрежденных майоратов в Воронежской и Курской губерниях (см. табл. 7) ¹³⁹.

К тому же, накануне 1861 года были учреждены майораты во владениях графа М.В. Воронцова в Воронежской губернии – 27 629 дес. и в имениях князя А.В. Барятинского в Курской губернии – 88 924 дес. ¹⁴⁰ Майоратным режимом воспользовались единицы владельцев, имевших на это право. Майоратное законодательство ограничивало крупнейших земельных магнатов в праве распоряжения своими землями, и это отталкивало от него основную часть крупнейших помещных дворян ¹⁴¹.

Таблица 7

Майоратные имения

<i>Губерния</i>	<i>Владельцы майоратов</i>	<i>Площадь земли (в дес.)</i>	<i>Год учреждения майората</i>
Воронежская	Графы А.А. и А.В. Орловы-Давыдовы	26 212	1863
	Граф С.В. Орлов-Давыдов	16 622	1863
Курская	Граф С.В. Орлов-Давыдов	9 934	1863
	В.Н. Нелидова	8 547	1870
	Граф К.П. Клейнмихель	6 436	1875
	Граф В.П. Клейнмихель	5 199	1875

В историко-экономической литературе обычно отмечают, что в пореформенной России процесс сокращения земельного фонда меньше всего затронул крупное дворянское землевладение. Это объясняют организационно-хозяйственными, финансовыми преимуществами крупного хозяйства. Но система майората также сыграла определенную роль в сохранении помещных земель. Только в Воронежской и Курской губерниях введением майоратного режима

накануне отмены крепостного права и в 60-70-е гг. XIX в. были ограждены от земельного рынка 189 503 дес. земли.

Анализ дворянского землевладения в 60-е гг. XIX в. позволил выявить наметившиеся тенденции в процессе мобилизации дворянской земельной собственности. Для определения главной линии в данном вопросе необходимо расширить временной отрезок и рассмотреть процессы, происходившие в дворянском землевладении в 1863-1877 гг.

Для определения роли дворянского землевладения в общесловном земельном фонде необходимо было бы проанализировать соотношение трех главных поземельных категорий: частной, наделной и государственной. Отсутствие же точных сведений по этим основным поземельным категориям за 1863 год не дает возможности сравнить их с данными за 1877 год.

Доминирующую тенденцию в эволюции дворянского землевладения определим путем сравнения площадей поместных земель (см. прил. 5) ¹⁴².

В Воронежской губернии за 15 лет в 9 уездах из 11 произошло сокращение дворянской земельной собственности. Процент уменьшения земельного фонда сильно колебался: от 1,7% в Бобровском уезде до 29,3% в Нижнедевицком уезде. Расширение дворянских земельных владений произошло только в 2-х уездах (в 1868 году – в 6 уездах). Сопоставление данных за 1863 и 1877 гг. исключая 1868 год, не раскрывает динамику внутренних мобилизационных процессов в дворянском землевладении, а только выявляет основную линию в данном вопросе. Если в 1868 году поместный земельный фонд увеличился на 6,2%, то с 1863 по 1877 гг. сокращение площади дворянской земли произошло не на 3,4%, а как минимум на 7-8%. В Воронежском, Валуйском, Павловском уездах с 1868 по 1877 гг. дворянский земельный фонд увеличился на 8 384 дес., но значительное сокращение земель в остальных уездах привело к уменьшению земельной собственности поместных владельцев в целом по губернии. Тенденция к росту дворянских земель существовала, но она уже играла второстепенную роль в развитии поместного землевладения. Проведенный анализ показывает, что рубежом, с которого началось сокращение площади поместных земель как доминирующее направление в процессах мобилизации земель дво-

рянства, являлся конец 60-х гг. XIX в. Уменьшение фонда поместных земель в Богучарском, Бобровском и Острогожском уездах, где лидировало крупное дворянское землевладение и с 1863 по 1868 гг. шло приращение поместных земель, указывает, что сокращение земель было характерным явлением для всех страт поместных дворян.

Превращение земли в общесословный товар привело к увеличению числа ее владельцев других сословий, а также количества земель в частной поземельной категории. Число личных владельцев к 1870 году составляло 4 125, из них дворян было 1 861 (45,1%). П.И. Лященко еще в начале XX в. точно определил характер и направленность данного процесса: «... Реформа разрушила в землевладении прежде всего сословные перегородки и, освободивши крестьян от «обязательного» крепостного труда, освободила и помещиков от «обязательства» так или иначе эксплуатировать их труд; новое поземельное право, как «право на вещь», отделившись от соединенного с ним до реформы «права на личность», окончательно обратило землю в обыкновенный товар, способный переходить по купле и продаже от одного лица к другому. Сословные преимущества и привилегии, удерживавшие до сих пор земельные владения в руках одних сословий в ущерб другим, должны были уступить давлению того экономического принципа, по которому в сельскохозяйственном производстве, как и во всякой другой промышленности, орудия производства, земля должны оставаться за наиболее экономически сильным; должна была явиться, главным образом, междусословная мобилизация земельной собственности, совершенно новое распределение ее между сословиями»¹⁴³. Увеличение доли земельных собственников недворянского происхождения в частновладельческой категории имело постоянную тенденцию к росту (см. прил. 6)¹⁴⁴.

Дворянство, которое в Воронежской губернии составляло 35,5% от общего числа земельных собственников, владело 83,9% частновладельческих земель. По уездам этот процент был более показательным. Так, в Бобровском уезде дворяне, составлявшие 22,1% личных земельных владельцев, имели в своих руках 79,6% земель этой категории.

Увеличение земельной собственности владельцев других сословий шло, главным образом, за счет расширения земель купцов и почетных граждан. Площади их земель в частновладельческой поземельной категории составляла 177 660 дес. (10,8%). В Бобровском уезде средний размер земельного владения купцов и почетных граждан был свыше 1 000 дес. и практически равнялся этому показателю у дворян, а в Острогожском уезде средний размер был на 94 дес. больше, чем у дворян ¹⁴⁵. Крестьяне владели в этой поземельной категории 67 530 дес. В Воронежской губернии при минимальном среднем крестьянском душевом наделе в 4-4,5 дес. 126 449 крестьянам не хватало до этой нормы 632 246 дес. ¹⁴⁶ Крестьянское землевладение в требуемых количествах могло расширяться только за счет дворянских земель.

Несмотря на общее сокращение дворянского земельного фонда, воронежское дворянство оставалось главным собственником земель в частновладельческой категории. Поземельные общества и товарищества не получили широкого распространения в этот период, и их земельный фонд составлял 5 807 дес. ¹⁴⁷.

Процессы межсословного и внутрисословного перераспределения земель имели неодинаковое воздействие на различные strаты дворянского землевладения. Структурный анализ дворянской земельной собственности при параллельном сопоставлении его со структурными элементами землевладения других сословий позволит выявить взаимосвязь различных категорий землевладения. Отсутствие сведений о структуре дворянского землевладения в 60-е гг. XIX в. не дает возможности провести сравнение структурных изменений до 1877 года. Поэтому автор ограничен статистическим материалом конца 70-х гг. XIX в. (см. табл. 8) ¹⁴⁸.

Расхождение данных графы «Прочие сословия» с показателями соответствующей графы в прил. 6 связано с тем, что в рассматриваемую таблицу не включены участники поземельных товариществ. В таблице разделены на подгруппы среднее и крупное дворянское землевладение, так как эти категории определяли направления внутрисословного перераспределения земель.

**Структура частного землевладения
в Воронежской губернии в 1877 году**

Размер владения в дес.	Дворяне		Прочие сословия	
	число владельцев	количество земли в дес.	число владельцев	количество земли в дес.
До 10	179	985	1 919	7 521
11-100	820	37 914	1 389	43 703
101-500	667	166 015	235	51 488
501-1000	210	143 756	44	31 839
1001-5000	174	351 319	36	57 919
5001-10000	21	153 204	6	36 989
Свыше 10000	21	527 544	1	29 656
По губернии	2 092	1 378 937	3 630	259 117

Основная масса дворянских земель (75,8%) находилась в руках крупных собственников (свыше 1 000 дес.). Процент концентрации крупной помещной земельной собственности был равен соответствующему среднероссийскому показателю¹⁴⁹. Главная часть земель крупного дворянства была сосредоточена в крайних подгруппах их поземельной категории, а подавляющее число наделов крупных помещных владельцев (80,5%) граничило с наделами среднепоместных владельцев. Это, по-видимому, объяснялось процессом дробления крупных поместий. Крупное землевладение собственников недворянского происхождения было представлено собственностью 40 купцов – 120 830 дес., – двумя хозяйствами государственных крестьян, площадь земель которых составляло 3 734 десятин¹⁵⁰. Эти данные показывают, что продажа целых имений помещными владельцами, вероятно, была нередким явлением.

Среднее дворянское землевладение (101-1000 дес.) по числу владельцев (41,9%) незначительно уступало мелкому дворянству (разница – 5,7%). Это являлось особенностью губерний Черноземного центра, так как в других регионах Европейской России подавляющая часть дворян-землевладельцев принадлежала к группе мелкопоместного дворянства.

Мелкопоместные владельцы по числу собственников (47,6%) превосходили остальные категории дворянства, но их земли составляли всего 2,7% в поместном земельном фонде.

Сравнив данные о структуре дворянского землевладения с соответствующими показателями за 1860 год (см. прил. 1), можно увидеть, что сокращение площади земель крупного дворянства составило 5,5%. Но при этом сопоставлении необходимо учитывать и размежевание поместных земель с крестьянами в ходе реформы отмены крепостного права. Переход земель дворян этой категории в руки владельцев других сословий был ограниченным.

Среднее дворянское землевладение, в отличие от дореформенного, значительно укрепилось, его площадь за 17 лет увеличилась в поместном земельном фонде с 3,7 до 22,4%. Расширение площади среднепоместного землевладения могло идти тремя путями: за счет сокращения земель мелкопоместных дворян, скупки земель у представителей других сословий и в ходе дробления крупных дворянских имений. Первые два пути не могли значительно увеличить площадь земель средних дворян. Если бы земли мелкопоместных дворян перешли только в фонд земель среднего дворянства, то не произошло бы расширения земель владельцев других сословий в таких размерах. Следовательно, в ходе дробления поместий, частичной продажи земельного фонда владения крупного дворянства переходили в категории поместного землевладения с меньшей площадью земель, кроме, конечно, низшей – мелкопоместного дворянства, и это маскировало процесс мобилизации дворянских земель. Не будь этого уравнивания, процесс сокращения земель во всех группах дворян-землевладельцев, имевших менее 1 тыс. дес., шел бы значительно интенсивнее. И то, что земельные владения среднего дворянства от 500 до 1 000 дес. составляли около 50% фонда земель своей категории, подтверждает версию о переходе большей части сократившихся земель крупного дворянства в эту подгруппу среднего дворянского землевладения.

Землевладение мелкопоместного дворянства быстро сокращалось. За период с 1860 по 1877 гг. площадь земель мелких дворян уменьшилась с 16,1 до 2,7% во внутрисословном земельном фонде. На увеличение процента сокращения земель мелкопоместных вла-

дельцев пореформенное размежевание земли с крестьянством сильно не повлияло из-за особых правил наделения его землей. Мелкое дворянское землевладение являлось постоянным источником расширения земельных фондов дворянства высших категорий и земельных собственников недворянского происхождения. Но шел и обратный процесс. Основная масса земель рассматриваемой категории дворянства (57,9%) находилась в руках 305 дворян (30,5%), имевших от 50 до 100 дес.¹⁵¹ Здесь, как и в группе среднего дворянства, большая часть земель приходилась на высшую подгруппу землевладельцев своей категории. Это предполагает, что резкое сокращение земельного фонда дворян, имевших до 100 дес., постоянно компенсировалось переходом в эту группу части земель среднего дворянства. Нельзя отрицать и интенсивное внутригрупповое перераспределение земель, но отсутствие источников не позволяет проследить за этим процессом.

Таким образом, процесс перераспределения дворянского земельного фонда по его основным категориям был противоречив. Быстро сокращались земли мелкого дворянства, среднепоместные владельцы увеличивали площади своих земель, уменьшение земель крупного дворянства происходило очень медленно.

Появление в конце 70-х гг. XIX в. основной тенденции в развитии дворянского землевладения к сокращению его земельного фонда предусматривает рассмотрение роли дворян-землевладельцев в процессах, происходивших на общесословном земельном рынке. Губернские сведения о купле-продаже земли отсутствуют до 1893 года, но статистический материал позволяет проследить межсословную мобилизацию земель в исследуемый период в целом по Центрально-Черноземному региону. Эти данные раскрывают процесс перехода земель от одного сословия к другому, отражая общую тенденцию в черноземных губерниях.

Дворяне Центрального Черноземья с 1863 по 1877 гг. заключили 30 804 сделки на продажу земель (60,2% по региону, или 26,9% по Европейской России). Кроме этого, в разносословных товариществах с участием дворян было заключено 218 сделок данного характера. По этим сделкам (без товариществ) дворянство продало 4 812 536 дес. (78,9% по региону), что составило 17,9% в об-

щероссийском масштабе. К этому надо добавить 20 211 дес., реализованных разносословными товариществами с участием дворян. Сумма от проданной земли составляла 169 509 148 руб. (33,2% по 45 губерниям)¹⁵². Местные дворяне, продав менее 1/5 всех сословных земель по Европейской России, получили более 1/3 всех вырученных денег. Наряду с хозяйственным расстройством поместий, высокие цены на землю подталкивали дворянство к ее продаже. Средний размер проданного поместного владения составлял 156,2 десятин.

Дворянство на покупку земель в этот же период заключило 13 221 сделку (30,5% по региону, или 28% от среднероссийского показателя). Поместные владельцы приобрели 3 062 985 дес. (57,4% по региону) и в составе разносословных товариществ – 28 986 дес. Сумма, вырученная в результате заключенных сделок, составила 100 015 658 руб. (32,8% по Европейской России). Средний размер купленного земельного участка – 231,6 десятин¹⁵³.

Дворянство оставалось главным продавцом и покупателем земель на общесословном земельном рынке Центрального Черноземья.

Рассмотрим соответствующие процессы в Курской губернии (см. прил. 7)¹⁵⁴.

Сокращение земельного фонда за 15 лет произошло в 11 уездах из 15. Процент сокращения сильно колебался: от 0,4% в Белгородском уезде до 26% в Фатежском. Как и в Воронежской губернии, оставалась тенденция к расширению площади дворянских земель на уездном уровне (расширение земельного фонда произошло в 3 уездах), но она была поглощена общегубернской тенденцией к сокращению поместных земель.

После отмены крепостного права площадь земель курских дворян сократилась на 11%, но они оставались основными владельцами резервного земельного фонда. Малоземелье других сословий вынуждало их приобретать земли у дворян, несмотря на цены, которые в 2 раза превышали средние по Европейской России. Сокращение поместного земельного фонда предопределяло снижение доли дворянских земель к 1877 году в частновладельческой категории (см. прил. 8)¹⁵⁵.

Дворяне, составлявшие 23,7% всех частных землевладельцев, имели в своих руках 81,6% земель частновладельческой категории. Относительный показатель числа дворян-землевладельцев был практически равен среднестатистическому показателю по Европейской России, а доля их поземельной собственности превысила среднероссийский показатель на 1,8%¹⁵⁶. Размеры площадей дворянских земель на уровне уездов, в отличие от Воронежской губернии, сильно не различались. В Воронежской губернии разница между минимальной и максимальной площадями дворянских земель на уездном уровне составляла 22,6%, в Курской губернии – 15,3% (Новооскольский, Путивльский уезды).

Фонд частных земель владельцев недворянского происхождения был на уровне 17,7%, а число собственников – 76,3%. Увеличение доли земель владельцев недворянского происхождения шло, вероятно, главным образом, путем расширения площадей земель крестьян и купцов. В их собственности находилось 15,6% частновладельческих земель. Значительное число личных частных собственников-недворян и относительно крупный земельный фонд свидетельствовали о стремлении купцов, почетных граждан, мещан и крестьян приобретать дворянские земли по ценам, доходившим до 104,1 руб. за дес.¹⁵⁷ Частные общества и товарищества в это время, как и в Воронежской губернии, не получили широкого распространения, и их земли (2 781 дес.) составляли всего 0,2% площади частных земель.

Отсутствие сведений о площади земель владельцев частной категории в 60-е гг. XIX в. не позволяет проследить за мобилизационными процессами в этой группе землевладения. Но общее число поземельных собственников, сокращение площади дворянской земли за 15 лет указывают, что шел постоянный процесс увеличения доли земель владельцев недворянского происхождения.

Рассмотрим структуру частного землевладения (см. табл. 9)¹⁵⁸.

Земельный фонд крупного дворянского землевладения (свыше 1 000 дес.) составлял 41,9% общей площади поместных земель, а число владельцев – всего 0,1%. В Воронежской губернии основная масса земель в этой группе землевладения приходилась на дворян, имевших свыше 10 тыс. дес. В Курской губернии, наобо-

рот, главная часть земель крупного дворянства была сосредоточена в нижних подгруппах своей категории. На подгруппу дворян, имевших от 1 001 до 5 000 дес., приходилось 61,8% крупнопоместной земли. Владения дворян высших двух подгрупп, включавшие земли от 5 000 дес. и свыше, значительно уступали по количеству земли низшим подгруппам рассматриваемой категории.

Таблица 9

**Структура частного землевладения
в Курской губернии в 1877 году**

<i>Размер владения в дес.</i>	<i>Дворяне</i>		<i>Прочие сословия</i>	
	<i>число владельцев</i>	<i>количество зем- ли в дес.</i>	<i>число владельцев</i>	<i>количество земли в дес.</i>
До 10	910	5 270	13 023	42 316
11-100	2 813	116 312	3 879	97 853
101-500	1 493	347 680	199	41 399
501-1000	309	209 705	23	15 807
1001-5000	167	301 062	18	31 033
5001-10000	14	86 988	1	8 940
Свыше 10000	6	98 427	-	-
По губернии	5 712	1 165 444	17 143	237 318

Земельная собственность 19 крупных владельцев недворянского происхождения составляла 39 943 дес. Эта площадь земель в 6,5 раз превосходила земли 910 мелких дворян, имевших до 10 дес., и только в 3 раза уступала землям 2 813 дворян, владевших поместьями от 11 до 100 дес. Такая концентрация крупной земельной собственности в руках владельцев-недворян была, в целом, характерна для исследуемого региона.

Площадь владений средних дворян в поместном земельном фонде составляла до 47,8%. Как и в группе крупного дворянского землевладения, большая часть земель среднепоместных владельцев находилась в низших подгруппах своей категории. Так, на подгруппу земельных собственников с фондом земель от 101 до 500 дес. приходилось 62,3% земель данной категории. Земельные владения других сословий в этой группе землевладения составляли 57 206 дес.

По числу землевладельцев (62,5%) мелкопоместные дворяне опережали остальные категории дворянства, но площадь их земель составляла всего 10,3% в губернском поместном земельном фонде. В отличие от дворянского землевладения, земли владельцев-недворян этой категории превышали земельный фонд средних и крупных собственников недворянских сословий.

Сравнительный анализ данных по структуре землевладения за 1860 и 1877 гг. позволяет определить доминирующее направление развития дворянского землевладения в начале пореформенного периода. Землевладение крупных курских дворян быстро сокращалось. Земельный фонд этой группы владельцев за 17 лет уменьшился на 564 682 дес. (18,7%). На большой процент сокращения данного земельного фонда пореформенное размежевание земель с крестьянами, вероятно, не могло повлиять, так как в аналогичной ситуации крупное дворянское землевладение в Воронежской губернии сократилось всего на 5,5%. Параллельно с сокращением земель рассматриваемой категории дворянства число ее собственников увеличилось со 102 до 187. Увеличение числа крупных землевладельцев и сосредоточение основной массы их земельного фонда в низших подгруппах своей категории свидетельствуют о том, что сокращение крупного дворянского землевладения, в первую очередь, связано с дроблением имений. Это подтверждает рост площади земель среднего дворянства, которая с момента реформы отмены крепостного права увеличилась с 10,8 до 47,8% в поместном земельном фонде.

Среднее дворянское землевладение, как и в Воронежской губернии, значительно расширилось. За 17 лет среднепоместное дворянство по площади земель перешло с 3-го места на 1-е. В основе этого количественного скачка лежало внутрисословное перераспределение земель.

Владения мелкопоместных собственников в дворянском земельном фонде в рассматриваемый период уменьшились с 28,6% до 10,3%. Резкое сокращение площади земель мелкого дворянства предполагало и сокращение владельцев этой категории. Но с 1862 по 1877 гг. их число увеличилось с 3 134 до 3 723¹⁵⁹. Таким образом, практически трехкратное уменьшение площади земель увели-

чило число мелких дворян на 589 владельцев. Отсюда следует, что в этой категории землевладения очень быстро шли процессы дробления поместий и, вероятно, они охватывали в первую очередь подгруппу дворян, владеющих от 51 до 100 дес. Это подгруппа, в свою очередь, интенсивно пополнялась среднепоместными владельцами. Не будь этого, мелкопоместное дворянство исчезло бы совсем. Это еще раз подтверждает, что жестких устоявшихся границ между категориями дворянского землевладения не было и не могло быть.

Общее сокращение дворянского земельного фонда в Курской губернии определялось уменьшением земельных владений мелкого и крупного дворянства. Данные страты поместных владельцев являлись основными поставщиками земель на межсословный и внутрисословный земельные рынки.

Сам факт сокращения площади дворянских земель нельзя трактовать односторонне, делая вывод о неизбежной утрате поместными владельцами экономического первенства в частном земельном фонде. Рассматриваемый процесс неразрывно был связан с рыночной стоимостью земли. В масштабах Европейской России за период с 1863 по 1877 гг. земли дворян сократились на 28,1%, но при этом общая стоимость поместной земли выросла на 24,3%¹⁶⁰. В исследуемых губерниях этот процесс был значительно наглядней: за 15 лет стоимость 1 дес. выросла на 28,1%, а «утечка» земли составила 7,2%¹⁶¹. Здесь также надо учитывать, что дворянские земли были в общесословном земельном фонде лучшими по качеству. Определение реальной стоимости поместного землевладения дает возможность смотреть на сокращение дворянских земель с новой стороны. Если при исследовании структуры дворянского землевладения учитывать стоимость и поместных земель, то соотношение типов владений в большинстве случаев будет совершенно иным. Это связано с тем, что равные по площади дворянские земельные владения из-за разницы цен на землю были неодинаковы по стоимости. Так, в Землянском уезде Воронежской губернии в Обществе взаимного поземельного кредита в 1874 году было заложено 2 имения (из 6) с приблизительно одинаковой площадью земель (первое – 350 дес., второе – 396 дес.). В первом 1 дес. земли была оценена в 130 руб., во втором – в 100 руб.¹⁶² В итоге реальная стоимость земельных владений первого поместья была 45 500 руб.,

а второго, при большей площади земли, – 39 600 руб. Разница в площадях земель компенсировалась более высокой стоимостью.

Процесс сокращения дворянских земель шел параллельно с ростом цен на землю, и дворянство Центрально-Черноземного региона в 1877 году по площади сословного земельного фонда в Европейской России занимало третье место, а по стоимости – первое¹⁶³.

Развитие дворянского землевладения во многом продолжало определяться ростом задолженности дворян. В ходе реформы отмены крепостного права основная часть долгов дворян-землевладельцев была ликвидирована. В середине 60-х гг. XIX в. с появлением первых акционерных банков задолженность дворян стала опять расти. В Воронежской губернии только с 1863 по 1866 гг. число залоговых имений увеличилось с 470 до 902¹⁶⁴. К оценке этого явления необходимо подходить осторожно, так как данный процесс проходил в новых экономических условиях и были необходимы кредиты для переустройства хозяйств. Здесь нельзя отрицать и того, что определенная часть кредитов использовалась непроизводительно. Это было связано с разделом имений, получением ссуд для нового перезалога, выплатой долгов частным кредиторам и т.д.

Сведения о количестве дворянских земель, заложенных в акционерных банках и Обществе взаимного поземельного кредита, отсутствуют. Данные предоставлялись в целом по частновладельческой категории. С учреждением Государственного Дворянского земельного банка исследователи учитывали количество заложенных дворянских земель в акционерных банках из расчета 1/3 от всего заложенного земельного фонда¹⁶⁵. Эту методику учета нельзя переносить на 60-70-е гг. XIX в., так как только с 1885 года основная масса дворянских поместий находилась в залоге Дворянского банка. Выходом из этого положения может служить достижение пропорционального соотношения площади дворянских земель в частном земельном фонде с количеством заложенных земель этой категории землевладения. Этот подход не гарантирует полных, достоверных данных. Но, вместе с тем, он позволяет приблизительно определить степень задолженности дворянского землевладения. В Воронежской губернии на 1 января 1878 года было заложено в банках 340 591 дес. (20,7%) частных земель¹⁶⁶. Исходя из соотношения

площади дворянского земельного фонда и площади земель других сословий, в этой поземельной категории фонд заложенных земель можно определить в 272 тыс. дес. Наибольшее количество заложенной дворянской земли приходилось на Новохоперский и Острогожский уезды. Это подтверждают и сведения нестатистического характера из отчета воронежского губернатора¹⁶⁷. В Курской губернии в кредитных учреждениях было заложено 289 917 дес. частной земли¹⁶⁸. Из них на дворян-землевладельцев приходилось примерно 237 тыс. дес. В дворянском земельном фонде площадь залоговой земли воронежских помещиков предположительно составляла 19,7%, курских – 20,3%.

Показатели задолженности в рассматриваемый период были значительно ниже соответствующих данных дореформенного периода. Но, учитывая, что этот рост задолженности произошел всего за 15 лет, необходимо отметить быстрый темп этого процесса.

Завершение анализа эволюции дворянского землевладения в пореформенный период предполагает верхний хронологический рубеж ограничить 90-ми годами XIX в. Сопоставляемые данные свыше исследуемого периода имеются только на 1905 год. Тем не менее, некоторый выход за рамки пореформенного периода позволит определить доминирующие тенденции в поместном землевладении конца этого периода.

Рассмотрим земельные фонды трех основных поземельных категорий (см. табл. 10)¹⁶⁹.

Таблица 10

Распределение земель в Воронежской губернии по основным категориям землевладения (в дес.)

<i>Категории земельных владений</i>	<i>1877 год</i>	<i>1887 год</i>	<i>1905 год</i>
Частные	1 648 240 / 29,3%	1 553 197 / 28,2%	1 573 172 / 28,1%
Надельные	3 761 925 / 66,8%	3 672 365 / 66,7%	3 746 442 / 66,9%
Казны и прочие	220 203 / 3,9%	283 014 / 5,1%	283 293 / 5%
	5 630 368	5 509 376	5 602 912

Земли частных владельцев за 28 лет сократились на 1,2%. Относительный показатель уменьшения доли частных земель в общесословном земельном фонде является несущественным. В абсолютных данных сокращение площади земель составило 75 068 дес., что было равно площади частновладельческих земель Павловского уезда в 1905 году. Это сокращение, в первую очередь, было вызвано переходом частных земель в фонд казны. Уменьшение фонда частных земель в целом по губернии значительно сокращало на уровне уездов земельные владения собственников этой категории. Но данный процесс шел не сверху вниз, от частной поземельной категории к поместному земельному фонду, а наоборот, сокращение дворянского землевладения на 27,1% предопределило снижение процента площади частных земель, так как земли поместных владельцев доминировали в этой категории.

Сокращение частного землевладения, в основе которого лежало уменьшение площади земель дворян, предусматривает рассмотрение происшедших изменений в пропорциях земельной собственности этой категории (см. прил. 9)¹⁷⁰.

С 1877 по 1905 гг. доля дворянских земель в общесословном земельном фонде уменьшилась на 27,1%. В Нижнедевицком уезде земли дворян уже составили менее 50% площади частных земель. То есть тенденция к сокращению дворянского землевладения вступила в новую фазу, переходя от уменьшения фонда поместных земель, не приводящего к утрате первенства среди частных владельцев, к сокращению, когда земли дворян по площади уступали земельным владениям других сословий. В рассматриваемый период инициатива в приобретении земель перешла к поземельным обществам и товариществам. Их земельная собственность увеличилась на 197 480 дес., в то время как земли личных владельцев недворянского происхождения – на 112 245 десятин.¹⁷¹

Значительное сокращение площади поместных земель не привело к утрате лидирующего положения дворянского землевладения (63,2%) в фонде частных земель, а в частновладельческой категории дворянская собственность составляла 72,5%. Дворянство по-прежнему оставалось главным владельцем земель рассматриваемой категории, и оно определяло направление развития межсословной

мобилизации земель. Связано это было с тем, что земельный рынок в эпоху капитализма имел более узкую базу, чем рынок средств производства и рабочей силы¹⁷². В свободном товарообороте находились, главным образом, частновладельческие земли, большая часть которых принадлежала дворянству.

К концу XIX в. воронежское дворянство утрачивает лидирующую роль на общесословном земельном рынке. В 1896 году помещичьи владельцами было продано 22 883 дес., или 34,8% общего количества проданной земли, владельцами других сословий – 42889,3% дес. (62,5%). Изменился и структурный характер реализованной дворянской земельной собственности: мелкое дворянство продало 11,9% помещичьей земли, среднее – 50,1%, крупные владельцы – 38%. В 60-70-е гг. XIX в. среднепоместные дворяне расширяли свои земельные владения, а в 90-е гг. они становятся главным продавцом сословных земель. Средний размер проданного дворянами земельного участка составлял 151,5 дес. Это больше на 24,7 дес., чем в 1877 году. Куплено дворянами было 16325,2 дес. (24,8% всех купленных земель). Мелкопоместные владельцы приобрели 9,6% купленной дворянами земли, средние – 36,8%, крупные владельцы – 53,6%¹⁷³. Средний размер купленного владения – 252,5 дес., что на 70,3 дес. больше, чем в 1877 году.

Указанные процессы на земельном рынке довольно точно отражены в публикациях современников: «...Если принять во внимание, что дворянство и при продажах, и при покупках выступает на земельном рынке в качестве крупного торговца, тогда как другие сословия – более мелкого, то станет ясным, что “оскудение” коснулось далеко не всей массы дворянства, что значительная доля дворянской земельной собственности, продаваемой одной частью дворян-владельцев, переходит в руки других экономических групп того же дворянства, а в качестве исключительного продавца являются лишь экономически слабые группы дворянства.

То же показывает и рассмотрение мобилизационного процесса по размерам землевладения. При конечном падении, в общем итоге, землевладения этого представителя крупной земельной собственности – дворянства, группа крупного землевладения, рассматриваемая без различия сословий, оказывается наиболее устойчивой в

общем процессе мобилизации настолько, что даже среднее землевладение, обнаруживая относительное увеличение размера мобилизуемой площади, при относительном уменьшении числа сделок, стремится, следовательно, к переходу в более крупное. Это-то среднее землевладение и должно, таким образом, дать тот материал, который должны поглотить крайние группы. Это поглощение касается одинаково как дворянского, так и недворянского землевладения, в нем участвует не только “чумазый”, но и свой же односословец, округляющий свои поместья насчет разорения соседей»¹⁷⁴.

Из всех категорий дворянства только крупные поместные владельцы приобрели больше земли, чем продали. В целом, дворяне по количеству проданной и купленной земли уступали другим поземельным владельцам. Если же учесть, что в 1896 году в Воронежской губернии между двумя почетными гражданами была заключена сделка на куплю-продажу земельного владения, размером в 29 612,4 дес., вывод на основе ранее сделанных подсчетов может измениться. В Центрально-Черноземном регионе сделки подобного масштаба между владельцами недворянского происхождения были исключением из правил¹⁷⁵. Если не учитывать земельное владение данного почетного гражданина, на дворян уже приходилось 63,3% проданной земли, купленной – 45,1%. Эти данные более объективно характеризуют процесс межсословного перераспределения земель.

Продав основную часть резервного фонда земель в 60-70-е гг. XIX в., дворянство, при росте цен на 1 дес. в рассматриваемый период с 58,7 до 84 руб., сократило относительный показатель проданных земель на 27,6%. Замедление темпов обращения дворянских земель на рынке недвижимости обуславливалось общим сокращением поместных земель. В свою очередь, сокращение земельного фонда дворян привело к суммарному снижению доходности дворянских поместий, что стало причиной снижения их покупательской способности на общесословном земельном рынке.

Значительное сокращение доли дворянских земель в частной поземельной категории изменило и структуру поместного землевладения. Анализ структурных изменений затруднен из-за различных методик сбора статистических сведений за 1877 и 1905 гг. В

середине 70-х гг. XIX в. при сборе сведений учитывались владельцы, а в начале XX в. – владения. При обследовании поземельной собственности в 1887 году данные показаны вне структурного подхода¹⁷⁶. Из-за отсутствия сводных данных о распределении поземельной собственности между отдельными землевладельцами исследователи пользуются «статистикой землевладения 1905 г.» при сопоставлении с результатами обследований 1877 года, исходя из того, что одно владение – один владелец¹⁷⁷. Это во многом оправданно, так как при обследовании в 1877 году, наоборот, приравнивали несколько владений к одному владельцу. Привлечение поездных списков землевладельцев для необходимого анализа невозможно. Самые поздние сведения данного характера по Курской губернии относятся к 80-м гг. XIX в., по Воронежской губернии – к 1900 году. Но, главное, в них представлено около 60% дворян-землевладельцев. Источники сильно снизили процент по Воронежской губернии¹⁷⁸. Вследствие этого принятие при исследовании системы «одно владение – один владелец», в конечном итоге, дает минимальную погрешность в сравнении с другими подходами и помогает выяснить направление главных эволюционных процессов в развитии дворянского землевладения к началу XX в. (см. табл. 11)¹⁷⁹.

Таблица 11

**Структура дворянского землевладения
в Воронежской губернии**

Размер владения в дес.	1877 год		1905 год	
	число владельцев	количество земли в дес.	число владельцев	количество земли в дес.
1	2	3	4	5
До 10	179	985	186	880
11-100	820	37 914	572	26 772
101-500	667	166 015	537	130 329
501-1 000	210	143 756	129	91 307
1 001-5 000	174	351 319	134	263 796
5 001-10 000	21	153 204	22	146 61
Свыше 10 000	21	527 544	15	334 899
По губернии	2 092	1 378 937	1 595	994 144

При общем уменьшении числа поместных владельцев на 23,8% площадь дворянских земель сократилась на 27,1%. Земельный фонд сокращался быстрее, чем число землевладельцев.

Число крупных поместных владельцев (свыше 1000 дес.) сократилось на 21,9%, площадь земель – на 46%. В основе этой диспропорции лежал процесс дробления крупных поместий и переход части их земель в руки других сословий. В группе крупного дворянства основной земельный фонд был сосредоточен в подгруппе владельцев, имевших свыше 10 тыс. дес. Крупнейшие земельные магнаты сохранили лидерство в поместном земельном фонде, несмотря на то, что за 28 лет площадь их земель сократилась на 36,6%. Данные о сокращении площади дворянских земель на уровне уездов, губернии не отразили мобилизацию земельной собственности крупных владельцев. Если для поместного землевладения в целом тенденция к сокращению земель окончательно стала доминирующей, то на уровне отдельных групп в уездах процесс приращения земель еще сохранялся, но в очень ограниченных рамках. Так, в Острогожском уезде земельные владения крупных дворян в рассматриваемый период выросли с 72 374 дес. до 118 886 дес.¹⁸⁰ Пропорции площадей земельного фонда дворян рассматриваемой категории и общей площади поместных земель практически не изменялись (1877 год – 74,8%, 1905 год – 74,9%).

В отличие от дворянского землевладения, тенденция к сокращению земель крупных владельцев других сословий не получила распространения. В исследуемый период число этих земельных собственников выросло с 41 до 46, земельный фонд – с 124 558 дес. до 126 519 дес. Рост площади земель крупных владельцев недворянского происхождения несколько снижал процент сокращения земель всех частных владельцев этой поземельной категории.

При уменьшении числа владельцев среднепоместных имений (101-1000 дес.) с 877 до 666 (сокращение – 24,1%) площадь их земельной собственности сократилась на 88 135 дес. (28,5%). Основная часть земель этой категории, как и в 1877 году, была сосредоточена в подгруппе земельных собственников, владевших от 501 до 1000 дес. Эта смежная подгруппа с категорией крупного дворянства сохранила лидирующее положение среди среднепоместного дво-

рянства. Средний размер земельного владения в целом по категории уменьшился на 21,4 дес. Незначительное уменьшение этого показателя, как и относительная стабильность площади земель в условном земельном фонде (1877 г. – 22,4%, 1905 г. – 22,3%), зависело от степени сокращения земель крупного дворянства. На уровне уездов в средней группе дворянского землевладения тенденция к увеличению фонда земель к началу XX века оставалась только в 2-х уездах – Новохоперском, Павловском.

Число мелкопоместных дворян уменьшилось с 999 до 758, или на 24,2%, площадь земель – на 11 247 дес. (29%). Относительная пропорция площади земель мелких дворян различных подгрупп (до 10 дес., 11-20 дес. и т.д.) и общего фонда земель этой категории осталась к 1905 году фактически неизменной (разница – 0,2%). Средний размер владений уменьшился на 3,5 дес. Общее сокращение числа владельцев этой группы дворян на 241 земельного собственника, в конечном итоге, почти не изменило за 28 лет количественные показатели в низшей подгруппе – до 10 десятин.

Увеличение или сокращение дворянского землевладения (особенно крупного) в конкретном уезде не всегда можно объяснить процессами чисто экономического характера. Среди крупнейших дворян-землевладельцев, большинство которых составляла титулованная знать, в данном аспекте большую роль играли брачные контракты. Например, Н. Раевский через свою жену, урожденную А. Бороздину, присоединил к своим владениям имение Бороздиных Красненькое Новохоперского уезда, площадь земель которого составляла 60 тыс. дес. С женитьбой А. Шувалова на С. Воронцовой к их наследникам, главным образом – М. Воронцову-Шувалову, перешло родовое воронцовское имение в Воронежской губернии – Воронцовское (27 629 дес.). После 1902 года оно перешло к его сестре Е. Воронцовой-Дашковой¹⁸¹. Перераспределение земель такого характера между дворянами было нередким в то время.

В сравнении с началом пореформенного периода темп сокращения земель значительно ускорился. Воронежское дворянство с 1863 по 1877 гг. потеряло 43 761 дес. (3,4%), без учета Бирюченского уезда, а в последующие 28 лет – 384 793 дес. (27,1%).

Земская статистика не позволяет в полном объеме раскрыть динамику сокращения дворянского земельного фонда. Временные отрезки ее обследований относительно продолжительны, и это обстоятельство затрудняет точное определение рубежа, с которого переход поместных земель в руки других сословий принял угрожающий характер для судеб дворян-землевладельцев. Материалы Департамента окладных сборов указывают этот период. Земельная собственность 1961 воронежского дворянина в 1899 году составляла 1 213 309 дес.¹⁸² Процент сокращения земельного фонда с 1877 по 1899 гг. и за последние 6 рассматриваемых лет одинаков – 12,1%. То есть темп сокращения дворянского землевладения стал многократно возрастать с конца 90-х гг. XIX в., и это при том, что площадь поместных земель с 1863 года на 1/3 уменьшилась. Курс на сокращение фонда дворянских земель окончательно становится необратимым. Подтверждает этот вывод и тот факт, что ни в одном уезде к началу XX в. не произошло увеличения дворянских земель. Тенденция к увеличению дворянских земель на уровне уездов прекратила свое существование. Увеличение темпов сокращения дворянских земель подтверждает и ежегодный процент уменьшения площади поместных земель. В Воронежской губернии с 1859 по 1876 гг. дворянский земельный фонд сократился приблизительно на 100 тыс. дес., а с 1877 по 1895 гг. уже на 140 тыс. дес. Ежегодное сокращение площади поместных земель в первый указанный период составляло 0,4 %, во второй – 0,6 %¹⁸³.

В рассматриваемый период в Воронежской губернии происходило значительное сокращение дворянского земельного фонда. В губернии эта тенденция стала необратимой. Расширение площади дворянских земель осталось только на уровне отдельных групп и подгрупп поместных владельцев.

Наличие различных тенденций, темпов сокращения дворянского землевладения в 60-70-е гг. XIX в. в Воронежской и Курской губерниях предполагает аналогичное исследование по Курской губернии. Сравнение полученных результатов по двум этим губерниям позволит определить главное направление в развитии дворянского землевладения Центрально-Черноземного региона. При этом полученные резуль-

таты будут отражать и основные тенденции в развитии дворянского землевладения в Европейской России.

Рассмотрим распределение земель по основным категориям землевладения (см. табл. 12)¹⁸⁴.

Таблица 12

Распределение земель по основным категориям землевладения в Курской губернии (в дес.)

<i>Категории земельных владений</i>	<i>1877 год</i>	<i>1887 год</i>	<i>1905 год</i>
Частные	1 426 851 / 35,7%	1 366 236 / 34,3%	1 391 812 / 35,15%
Надельные	2 457 031 / 61,5%	2 493 452 / 62,5%	2 455 363 / 61,9%
Казенные и прочие	110 007 / 2,8%	127 533 / 3,2%	117 457 / 3%
Всего	3 993 890	3 987 221	3 964 632

Фонд земель частных владельцев за 28 лет практически не сократился (-0,6%). Динамика сокращения земель этой категории землевладения была иной, чем в Воронежской губернии. В рассматриваемой губернии сокращение площади частных земель прекратилось на рубеже 90-х гг. XIX в., и затем началось ее увеличение. Но уровень 1877 года не был достигнут. В Воронежской губернии курс на сокращение поземельной частной собственности был постоянным. Перераспределение земель в трех основных поземельных категориях земельных владений в исследуемых губерниях было противоположным данному процессу в целом по Европейской России. В то время как земли воронежских и курских частных владельцев сокращались, в европейской части страны фонд земель этой категории увеличился на 9,3%¹⁸⁵. Это свидетельствовало о наличии различных тенденций в землевладении как в рамках одного региона, отличавшегося однотипностью экономического развития, так и в общероссийском масштабе.

Межсословное перераспределение частных земель, где земельный фонд дворянства к концу 70-х гг. XIX в. составлял 81,6%, изменило пропорции земельной собственности различных сословий этой категории (см. прил. 10)¹⁸⁶.

С 1877 по 1905 гг. площадь дворянских земель в Курской губернии сократилась на 306 113 дес. (26,3%), в то время как доля поместных земель в частной поземельной категории уменьшилась на 19,9%. Темп сокращения дворянских земель в сравнении с 60-70 гг. XIX в. увеличился в 2,4 раза. Расширение фонда земель дворянства не произошло ни в одном уезде. Как и в Воронежской губернии, тенденция к расширению поместных земель в Курской губернии на уровне уездов к 1905 году прекратила свое существование. Перераспределение части дворянского земельного фонда в рамках частной поземельной категории, в основном, происходило за счет увеличения земельных владений личных собственников других сословий. Они оставались с момента отмены крепостного права лидерами в этом процессе. В Воронежской губернии эту инициативу в 70-е гг. XIX в. у личных собственников перехватили поземельные общества и товарищества. В Курской губернии, несмотря на увеличение темпа сокращения дворянских земель, ни в одном из 15 уездов земельный фонд других сословий не превышал площади дворянского землевладения (в Воронежской губернии – в 2-х уездах). Здесь дворянство оставалось основным владельцем земель в рассматриваемой поземельной категории. В Курской губернии, в отличие от Воронежской, тенденция к сокращению дворянских земель не перешла в новое качество, когда земли дворян на уровне уездов уступали по площади фонду частных земель других сословий.

Перераспределение дворянской земельной собственности происходило не только в рамках частной поземельной категории. Дворяне-землевладельцы за 28 лет потеряли 306 113 дес. Личные владельцы недворянского происхождения увеличили свои земельные владения на 150410 дес., общества и товарищества – на 120 694 дес., в сумме это составляло 271 104 дес. Разница между сокращением поместных земель и расширением земельного фонда других сословий частной поземельной категории – 35 009 дес. Эта часть земель перешла к казенным землям. Основное перераспределение земель шло в рамках частной поземельной категории.

Поместное землевладение определяло процесс межсословной мобилизации земель в частной поземельной категории. Сокраще-

ние его земельного фонда приводило к увеличению земель других владельцев этой категории. Расширение площади казенных земель также зависело во многом от степени сокращения дворянского земельного фонда.

Межсословные мобилизационные процессы в землевладении наиболее отчетливо проявились на курском земельном рынке. В 1896 году дворяне на местном рынке недвижимости продали 18 281,2 дес., что составило 58,5% всех реализованных земель. Как и в Воронежской губернии, в рассматриваемой губернии изменился структурный характер проданной дворянами земельной собственности. Мелкие дворяне продали 4018,4 дес. (22%), среднепоместные владельцы – 9 609,5 дес. (52,4%), крупные – 4 653,3 дес. (25,5%). Большая часть проданных дворянских земель приходилась на среднее дворянство. Так как это было характерно и для воронежского среднепоместного дворянства, можно утверждать, что к середине 90-х гг. XIX века в Центрально-Черноземном регионе свыше 50% реализованных на рынке земель дворянства принадлежало этой категории помещтных владельцев. В данном контексте необходимо учитывать наличие во всех регионах европейской части пореформенной России, включая Центральное Черноземье, широких дворянско-межсословных и узких корпоративно-дворянских поземельных торговых отношений. Более высокие цены при дворянских продажах земли другим сословиям и более низкие цены при корпоративно-дворянских покупках земли тормозили эволюцию поземельных отношений в единый бессословный земельный рынок¹⁸⁷. Формирование единого (без сословных перегородок) земельного рынка определялось зависимостью «динамики цен от закономерностей, присущих товарно-капиталистическим отношениям»¹⁸⁸.

Средний размер проданного дворянами всех категорий участка земли – 53,9 дес. (в 1877 г. – 124,1 дес.). Уменьшение данного размера было обусловлено двумя причинами: 1) сменой категории дворян, которые определяли процесс реализации помещтных земель; в начале пореформенного периода главным продавцом дворянских земель было крупное дворянство; 2) продажей большей части резервного фонда земель значительным числом крупнопоместных дворян. С другой стороны, регрессивная тенденция в развитии

вовлеченности поместных дворян в поземельную торговлю была связана с традицией 60-70-х гг. XIX в., когда расширение участия помещиков в продаже земли в известной степени было обусловлено покупательной способностью самих же дворян. Однако в условиях кризиса спрос на землю как основное средство производства не мог расти и у других сословий, поэтому дворяне были вынуждены сократить свою активность на рынке¹⁸⁹.

Часть проданных земель компенсировалась параллельной их покупкой. Дворянством было приобретено 9 105,7 дес., или 29,2% общего количества купленных земель. Мелкопоместные владельцы купили 1 485,2 дес. (16,4%), средние – 7 619,9 дес. (83,6%)¹⁹⁰. Курское дворянство уже значительно меньше приобретало земель, чем продавало. В рассматриваемом году крупное дворянство не приобрело ни одной десятины земли. Это не указывало на полное приостановление покупки земель владельцами этой категории дворянства, но усиление тенденции к прекращению приобретения земель здесь очевидно. В Воронежской губернии, наоборот, крупное дворянство являлось единственной категорией поместных владельцев, которая в ходе поземельных операций на земельном рынке компенсировала количество проданной земли ее покупкой.

В исследуемом регионе при общей тенденции к сокращению это свидетельствовало о существовании различий на губернском уровне в развитии крупного дворянского землевладения.

К началу XX в. дворянство Центрально-Черноземного региона уже не являлось основным покупателем земель, что, наряду с хозяйственным упадком значительной части имений, вело к сокращению земельного фонда и его структурным изменениям (см. табл. 13)¹⁹¹.

Общее число поместных владельцев сократилось на 1 179 (21,7%) собственников, земельный фонд – на 306 113 дес. (26,3%). Площадь земель, как и в Воронежской губернии, сокращалась быстрее числа владельцев. Главным образом это было связано с дальнейшим дроблением дворянских поместий. Темп сокращения дворянской земельной собственности с конца 70-х гг. XIX в. постоянно увеличивался. Площадь дворянских земель с 1877 по 1895 гг. уменьшилась на 23,7%, а в последующие 10 лет – на 26,3%¹⁹².

Относительные показатели почти одинаковы, а временной отрезок сократился почти в два раза. Сравнив темпы сокращения поместных земель в Воронежской и Курской губерниях, можно утверждать, что в исследуемом регионе 90-е гг. XIX в. стали рубежом, с которого темп данного сокращения увеличился в два раза.

Таблица 13

**Структура дворянского землевладения
в Курской губернии**

Размер владения в дес.	1877 год		1905 год	
	число владельцев	количество земли в дес.	число владельцев	количество земли в дес.
До 10	910	5 270	1 104	5 458
11-100	2 813	116 312	2 036	78 009
101-500	1 493	347 680	1 049	249 173
501-1 000	309	209 705	221	148 183
1 001-5 000	167	301 062	104	192 076
5 001-10 000	14	86 988	13	88 399
Свыше 10 000	6	98 427	6	98 033
По губернии	5 712	1 165 444	4 533	859 331

Число крупных дворян-землевладельцев сократилось на 64 (24,3%) земельных собственника, площадь земель – на 107 969 дес. (22,2%). Существенно не изменился земельный фонд владельцев, имевших свыше 10 тыс. дес., а в подгруппе от 5 тыс. дес. до 10 тыс. дес. произошло увеличение земельной площади на 1 411 дес. В остальных подгруппах этой категории дворянства процент земельной собственности значительно снизился, но показатели соотношения площадей дворянских земельных фондов и общей площади дворянских земель за 28 лет остались практически неизменными (-2,1%). Средний размер крупного поместного владения вырос с 2 061 дес. до 3 077 дес. Обусловлено это было значительным сокращением числа владельцев и земель в поместьях дворян, имевших от 1 001 дес. до 5 тыс. дес. Процессы межсословного и внутрисословного перераспределения земель, в которых земельный фонд крупного дворянства играл большую роль, переместили эту группу земельных собственников с первого места по количеству земель в

сословном фонде в 1860 г. на второе в 1905 г. Лидирующее положение заняло среднепоместное дворянство.

Категория среднего дворянства уменьшилась на 532 владельца (29,6%), потеря земли составила 160 029 дес. (28,2%). Исходя из разницы площадей купленной и проданной этой категорией дворянства земли, можно предположить, что относительный показатель сокращения земель должен был быть на 20% ниже. Но, как и в Воронежской губернии, уменьшение площади земель среднего дворянства компенсировалось переходом части земель из категории крупного дворянского землевладения. Относительное соотношение площади земель в подгруппах и площади земель сословного фонда осталось на уровне 1877 года (разница – 0,8%).

Земли мелкопоместных дворян сократились на 38 061 дес. (21,4%), число владельцев уменьшилось на 583 земельных собственника (15,7%). В подгруппе дворян, имевших до 10 дес., их число увеличилось на 194 владельца. Процессы внутрисословного перераспределения земель, дробление поместий увеличили в низших подгруппах этой категории дворянства число землевладельцев. Как и в других группах поместных владельцев, показатель отношения площади их земель к площади земель общего дворянского земельного фонда не изменился (разница – 0,6%).

К началу XX века в исследуемых губерниях сокращение фонда дворянских земель произошло во всех группах поместных владельцев. Но темпы сокращения земель в них были различны. Наиболее быстро сократились земли мелкого и среднего дворянства.

Уменьшение доли дворянских земель в общем земельном фонде по стоимости шло значительно медленнее, чем по количеству. Большая часть поместных земель была лучшего качества в сравнении с землями других сословий. В основе данного процесса лежал быстрый рост цен на землю (см. табл. 14) ¹⁹³.

В исследуемых губерниях с 1877 по 1905 гг. земельный фонд дворянства сократился на 26,7%, а цены на землю выросли на 60,6%. Темп роста цен на землю в целом по Европейской России был выше на 2%, но стоимость 1 дес. в рублях значительно ниже. Это и позволило дворянству Центрально-Черноземного региона к

1905 году занять третье место по площади земель, но сохранить за собой первое место по стоимости в общероссийском дворянском земельном фонде ¹⁹⁴.

Таблица 14

Цены за 1 дес. земли в рублях

<i>Губерния</i>	<i>1877 год</i>	<i>1887 год</i>	<i>1897 год</i>	<i>1902 год</i>
Воронежская	56,4	79,1	84	125
Курская	56	85,7	124,6	160
По 45 губерниям	19,8	34,2	53,2	73,7

Сокращение площади дворянских земель шло параллельно с ростом задолженности дворянства. Дворяне-землевладельцы, нуждавшиеся в деньгах для перестройки своих хозяйств, покрытия текущих расходов, раздела поместий, увеличивали количество залоговой земли в учреждениях ипотечного кредита (см. табл. 15) ¹⁹⁵.

Таблица 15

Задолженность дворянских хозяйств к 1898 году

<i>Губерния</i>	<i>Площадь дворянских земель, в тыс. дес.</i>	<i>Число залоговых имений</i>	<i>Площадь заложенной земли, в тыс. дес.</i>	<i>Стоимость заложенной земли, в тыс. руб.</i>
Воронежская	1 230	691 / 35,3%	434 / 35,2%	17 927
Курская	1 011	1 246 / 20,4%	389 / 38,4%	25 996

Дворяне Воронежской и Курской губерний к концу XIX в. заложили в кредитных учреждениях около 1/3 своих имений и земель. Относительный показатель площади заложенной земли, в сравнении с 1877 годом, в Воронежской губернии увеличился на 11,2%, в Курской губернии – на 0,1%. Здесь необходимо учитывать, что к 1898 году дворянский земельный фонд также сократился на 1/3. При уменьшении площади дворянских земель количество залогового земельного фонда не сократилось, а наоборот, увеличилось. Залоговые имения поместных владельцев распределялись по кредитным учреждениям следующим образом: в Воронежской губернии в Государственном земельном Дворянском банке – 508 имений (73,5%) общей площадью 327 тыс. дес. (75,3%), в акционерных

банках – 183 поместья (26,5%) с фондом земель в 107 тыс. дес. (24,2%). Курские дворяне заложили в Дворянский банк 778 имений (62,4%) площадью 312 тыс. дес. (80,2%), на акционерные банки приходилось 468 имений (37,6%) и 77 тыс. дес. (19,8%)¹⁹⁶. Средний размер залогового дворянского имения в Дворянском банке по Воронежской губернии составлял 643,7 дес., в акционерных банках – 584 дес. В Курской губернии соответственно – 401 дес. и 164,5 дес. Судя по средним размерам залоговых имений, в ипотечных банках, главным образом, были представлены средние и крупные поместья. Дворяне-землевладельцы стремились закладывать свои имения в Дворянском банке. Образованный в 1885 году, этот кредитно-сословный банк выдавал ссуды под 75% (максимум) закладываемого земельного фонда (остальные банки – под 60%), годовой процент составлял 5% вместо 5,5% в акционерных банках¹⁹⁷.

Увеличение задолженности прямым образом, фактически, не было связано с продажей дворянских поместий. Количество продаж имений за долги было незначительным. Так с 1871 по 1885 гг. в исследуемых губерниях по Обществу взаимного поземельного кредита было продано всего 7 дворянских поместий, из которых 5 принадлежало мелкопоместным дворянам и по одному имению – среднему и крупному помещику¹⁹⁸. В среднем, за 2 года продавали за невыплату по ссуде кредитным учреждениям одно дворянское имение.

Большинство дворянских хозяйств, владельцы которых вовремя не погасили платежи по ссудам, подвергалось описи и публиковалось к продаже. В сравнении с дореформенным периодом и началом 60-х гг. XIX в., под публикацию к продаже попадали поместья, владельцы которых не погасили даже нескольких рублей по ссудам в тысячи рублей. К 1898 году в Воронежской губернии под публикацию к продаже попали 169 частновладельческих хозяйств, из которых около 56 были дворянскими (из расчета 1/3 – дворянские имения), в Курской губернии – 150 частных владений, в том числе около 50 дворянских хозяйств¹⁹⁹. Публикации к продаже являлись своеобразным катализатором, который подталкивал владельцев залоговых имений к выплате просроченных платежей. Относительно большое количество имений, попавших под

публикацию, и минимальное их число проданных за долги, показывают, что еще с дореформенного периода сохранилась система перезалогов.

В завершение рассмотрения вопроса о буржуазной трансформации дворянского землевладения необходимо сказать о попытках правительства решить проблему «обмельчания» помещного земельного фонда путем его расширения в Сибири. Современник отмечал: «От времени до времени высказывается мысль о возможности и желательности создания в Сибири дворянского землевладения. Все чаще ссылаются на то, что с проведением великой сибирской дороги Сибирь перестанет быть местом водворения преступников и приобретет условия, которые позволят сделать этот край вполне благоустроенным и внести в него элементы, необходимые для решения задач государственного управления. В этих видах есть предположение выработать основание для приобретения дворянами земельной собственности на льготных условиях. Отдельное владение не должно превышать размер среднего помещичьего хозяйства. Дабы новые владельцы не делали этих льгот источником эксплуатации окрестного населения, предположено ограничить право перепродажи этих земель и сдачи их в аренду. По всей вероятности, главными сибирскими помещиками будут местные чиновники из дворян, которые прослужили определенное число лет.

Если будет сделан такой опыт, то он отнюдь не будет представлять что-либо новое, еще неизведанное. Правительство еще в начале 40 годов поставило вопрос об улучшении судеб бедных дворян Смоленской, Могилевской, Витебской и некоторых других губерний посредством поселения их в Западной Сибири с представлением им участков земли в долгосрочную аренду или же для выкупа на льготных условиях. С этой целью в Курганском округе Тобольской губернии было образовано до 500 участков, в среднем, по 100 десятин каждый... Но желающих не оказалось... В начале 60-х годов было продано около 38 000 десятин удобной земли, с небольшим по 4 рубля за десятину. Хотя принимались меры для привлечения дворян к этим покупкам, ввиду чего делались публикации через многие газеты Европейской России, однако дворяне не от-

кликнулись на призыв... В 1881 г. всех земель частного владения, распроданных и высочайше пожалованных, в Тобольской губернии насчитывалось около 400 000 десятин. Цель правительства вовсе не была достигнута. Крупные и средние землевладельцы из людей просвещенных, предприимчивых и способных оживить край вовсе привлечены не были. Кто купил землю, тоже не намеревался вести хозяйство и тем более не думал о какой-либо усовершенствованной культуре: он хотел немедленно продать участок с барышом или же сдать соседним крестьянам в аренду за высокую плату»²⁰⁰.

Огромные расстояния, отсутствие инфраструктуры, легенды о суровом сибирском климате и в целом редкое население края отпугивали дворян из Европейской России.

Острая необходимость в финансовых средствах для перестройки дворянских хозяйств после отмены крепостного права стала основной причиной процесса «раздворянивания» частновладельческой земельной категории. Наиболее быстрыми темпами сокращались земли мелкопоместных дворян, среднее и крупное дворянство медленнее сокращало свой земельный фонд. Дробление поместий и переход их хозяев в более низкие подгруппы землевладения способствовали стабилизации основных поземельных категорий дворянства. С 90-х гг. XIX в. тенденция к сокращению дворянских земель в частновладельческой категории стала необратимой. Но сокращение земельного фонда отчасти компенсировалось ростом цен на землю.

Уменьшение земельного фонда дворян шло параллельно с ростом его задолженности. К началу XX века местные дворяне-землевладельцы в ипотечных банках заложили 1/3 своих земель. Залоговые имения в основном были представлены земельными владениями среднего и крупного дворянства. Увеличение задолженности не было связано с резким сокращением числа дворянских поместий, так как оставалась система перезалогов и проявлялась относительная снисходительность к должникам из дворянского сословия.

1.3. КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ ДВОРЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ

Реформа отмены крепостного права резко изменила условия и характер ведения хозяйства в дворянских имениях. В ходе пореформенного размежевания помещичьей земли с крестьянами земельный фонд, находившийся в непосредственном хозяйственном распоряжении помещиков, несмотря на общее сокращение дворянских земель, увеличился. В Воронежской губернии в 1860 году крестьянская запашка в дворянских хозяйствах составляла 585 772 дес., а в начале пореформенного периода (1863 год) уменьшилась до 461 298 дес., в Курской губернии – 645 593 дес. и 427 698 дес.²⁰¹ Земельный фонд, бывший в непосредственном распоряжении воронежских дворян, увеличился на 21,3%, курских – на 33,8%. Но, с другой стороны, с подписанием уставных грамот сократилось число рабочих рук, ранее обрабатывавших господскую запашку. В условиях нехватки наличных денег, отсутствия рынка рабочей силы и при недостаточном количестве выпускавшейся сельскохозяйственной техники это объективно поставило дворян-помещиков перед необходимостью сдавать значительную часть земель в аренду. Этому способствовало и острое крестьянское малоземелье в исследуемом регионе, что заставляло крестьян арендовать земли у помещиков. На это прямо указывали современники: «... В черноземной местности “в огромном большинстве случаев доходность имения, помимо плодородия почвы, обуславливается, во-первых, тою неизбежною необходимостью, в которую поставлены крестьяне вследствие густоты населения, отсутствия заработка, низкой цены рабочей платы, нанимать у помещиков землю по цене, какую они назначат. Цены эти обыкновенно весьма высоки и далеко не всегда покрываются продуктами, получаемыми с земли; напротив, они зачастую не окупают затрат и не вознаграждают труда, положенного крестьянами на обработку земли. Известно, что нередко у нас в этих именно благословенных губерниях те места, где крестьяне довольны уже тогда, когда на снятой земле их труд хотя только оплачивается”... В Курской губернии тотчас после освобождения крестьян “земли сдавались так, что крестьянин по-

лучал из сбора в свою пользу 1 сноп и помещик 1 сноп, впоследствии же помещик стал получать 1 ½ и даже 2 снопа»²⁰². В силу этого уже в первые пореформенные годы арендные отношения стали определяющим фактором хозяйственной жизни черноземной деревни. Поэтому проблему капитализации дворянских хозяйств начнем с анализа арендных отношений.

Анализ роли и характера аренды в дворянских хозяйствах в 60-70-е гг. XIX в. затруднен в результате отсутствия соответствующих массовых источников. Автор взял за основу расчеты материалы Курского губернского по крестьянским делам присутствия по Белгородскому уезду за 1865 год, где наряду со сведениями о размерах посевов различных культур представлены данные об аренде в 322 частновладельческих хозяйствах²⁰³. Учитывая, что дворянские поместья составляли в этот период подавляющую часть частновладельческих хозяйств, мы исключили из дальнейших подсчетов земельные владения до 5 дес., которые были отнесены к хозяйствам других сословий. Это должно было приблизить число рассматриваемых земельных владений к количеству дворянских имений в уезде (точные сведения о 60-х гг. XIX в. отсутствуют). Но в ходе реализации этой методики произошло некоторое завышение общей площади дворянского земельного фонда, так как недворянская земельная собственность свыше 5 дес. была реальностью в данный период. В итоге было получено 288 дворянских хозяйств с 59 395 дес. (1877 год – 210 дворянских имений). Сопоставление данных за 1865 и 1877 гг. позволяет утверждать, что полученные показатели вполне приближены к действительным, особенно если учитывать быстрое сокращение числа дворянских имений в начале пореформенного периода.

Аналогичные сведения по Воронежской губернии отсутствуют. Тем не менее, анализ практически 300 поместных хозяйств Курской губернии позволит раскрыть общий характер аренды в дворянских хозяйствах Центрально-Черноземного региона в начале пореформенного периода.

В рассматриваемом источнике, где земельный фонд распределен между посевами различных сельскохозяйственных культур (с учетом пара) и сданной в аренду земель, не классифицировано

8 502,2 дес., или 14,3% общей площади. Это внесло в подсчеты определенную погрешность. Структура дворянских хозяйств, принятая нами, соответствует общепринятой при анализе землепользования: мелкие хозяйства – до 50 дес., средние – от 51 до 500 дес., крупные – свыше 500 десятин.

Из 172 мелкопоместных хозяйств (3 613 дес.) землю в аренду сдавали в 14 (8,1%). Количество арендуемой земли в имениях составляло 258 дес., или 7,1% общего фонда земель этой категории. Поместья в полном составе сдавались в 6 хозяйствах с земельным фондом в 187,1 дес., что составляло 72,4% общей площади сданной в аренду земли мелкой категорией дворянства. В 3-х имениях с площадью земель 56 дес. в аренде находилось свыше 50% их земельного фонда (32,5 дес.), или 12,6% общего количества арендованной земли²⁰⁴. В 4-х имениях (109 дес.) не раскрыт характер использования 96,5 дес., по-видимому, определенная часть этих земель находилась в аренде, но нет возможности и приблизительно определить ее. Таким образом, аренда в хозяйствах мелких дворян-помещиков в этот период не получила широкого распространения. Большая часть отданной в аренду земли приходилась на долгосрочную аренду, так как имения, снимаемые полностью по контракту, обычно передавались в пользование на срок более 3-х лет. Сведения о характере аренды источник не содержит. Для современников то, что мелкопоместные дворяне свои усадьбы сдавали в аренду полностью, не было чем-то необычным. Пореформенное обнищание низших подгрупп мелких помещиков было катастрофическим, и, сдав в аренду свои «имения», они в массовом порядке перебирались в города, пополняя ряды мелкого чиновничества. Так, И.А. Бунин в рассказе «Антоновские яблоки» рисует картину пореформенной нищеты владельцев мелких усадеб: «Запах антоновских яблок исчезает из помещичьих усадеб. Эти дни были так недавно, а меж тем мне кажется, что с тех пор прошло чуть не целое столетие. Перемерли старики в Выселках, умерла Анна Герасимовна, застрелился Арсений Семеныч...

Наступает царство мелкопоместных, обедневших до нищества»²⁰⁵. Хозяйственная бесперспективность заставляла их искать средства к существованию вне рамок своих поместий.

В 79 среднепоместных хозяйствах в аренде были земли 29 имений (36,7%). Площадь сданной земли – 3 367,5 дес., или 19,9% общего ее количества (16 922,7 дес.). Полностью по контракту арендовались 3 поместья с площадью земель в 510 дес., что составляло 15,1% сданной земли по этой группе дворянства. Более половины земельного фонда передавалось в аренду в 9 имениях, где из 2 217,5 дес. снималось 1 652,5 дес. (74,5%), или 49% всей арендованной земли по данной страте дворянства²⁰⁶. Среднепоместные владельцы в относительных показателях значительно больше сдавали земли, чем мелкопоместные дворяне. Для категории среднего дворянства характерна была краткосрочная аренда²⁰⁷.

Из 37 крупных дворянских хозяйств с земельным фондом в 38 859,3 дес. земли в аренду сдавались в 20 имениях (54%). Количество арендованной в поместьях земли – 7 132 дес., или 18,3% общей площади земель по данной группе землевладельцев. Крупные дворяне имения в полном составе не передавали в аренду. Но в 3-х имениях из 4 396,5 дес. земли арендовалось 3 980,4 дес. (90,5%), что практически тождественно полной сдаче поместий. В 5 имениях с площадью земель в 4 752 дес., согласно источнику, 3 034 дес. не числятся ни под посевами, ни среди сданных в аренду. Необходимо отметить, что по этой категории дворянства в отдельных хозяйствах земли, не учтенные по вышеназванной классификации, составляли около 70% их общей площади²⁰⁸. Вряд ли это простая небрежность переписчика: вероятно, количество земли, оставшееся после распределения под посевами и паром, было отнесено им к сданным в аренду как само собой разумеющееся. Не будет серьезного искажения, если мы, исходя из этого, отнесем 50% неучтенных земель к сдаваемым в аренду, и, по-видимому, это будут заниженные показатели. В этом случае крупные дворяне сдавали в аренду около 8 650 дес. (22% общего фонда земель). Учитывая сказанное, можно сделать вывод, что крупнопоместные владельцы практически $\frac{1}{4}$ часть своих земель передавали в аренду, и этот показатель превосходил соответствующие показатели по остальным группам дворянства. Как и у среднепоместных владельцев, здесь преобладала краткосрочная аренда.

В целом, по всем категориям дворянства в 63 хозяйствах (21,8% их общего числа) сдавалось в аренду 12 275,5 дес., или 20,6% всей площади земли. По числу поместий, сдававших землю, и количеству сдаваемой в аренду земли лидировали крупные дворяне-помещики. Традиционно долгосрочная аренда считалась характерной для среднего и крупного дворянства, так как оно имело наибольший резервный фонд земель и могло сдавать земли крупными участками. Из проведенных подсчетов видно, что в Курской губернии, наоборот, относительный показатель долгосрочной аренды выше у мелкопоместных владельцев.

Долгосрочная аренда в Воронежской губернии, в отличие от Курской, главным образом, имела место в крупных имениях. Так, в Бобровском уезде Воронежской губернии аренда купечеством дворянской земли в несколько тыс. дес. не была редкостью. Обычно последние не вели сами хозяйство, а передавали землю мелким съемщикам. Арендная плата при снятии ими земли с 2 до 10 и более тыс. дес. колебалась от 2 до 3,5 руб. за 1 дес., а мелким съемщикам пересдавалась пахотная от 6 до 10 руб. за 1 дес., целина после одного посева – от 10 до 15 руб. за 1 дес.²⁰⁹ Такая диспропорция арендных и субарендных цен способствовала оттоку крестьян на заработки в другие уезды и губернии, что затрагивало экономические интересы местных дворян-помещиков, ведущих собственное хозяйство. С середины 60-х гг. XIX в. они стали оговаривать при сдаче в аренду больших участков земли цену для пересдачи ее мелким съемщикам. По условиям договора, купцы уже не могли превышать установленную цену. Тем самым дворянство, сдавая в аренду огромные площади земель для пересдачи, стремилось одновременно закрепить крестьян в своей местности для обработки оставшихся земель.

С другой стороны, в исследуемых губерниях аренда крупных участков земли в ряде случаев преследовала цель расширить дворянское предпринимательское хозяйство. В Белгородском уезде Курской губернии в имении Ребиндеров с 3 290 дес. снималось в аренду сроком от 3 до 6 лет еще 838 дес. за 4 160 руб. в год. Вся арендованная земля отводилась под посев свекловицы для своего сахарного завода²¹⁰.

Определить соотношение между количеством земли, снимаемой для пересдачи и для ведения собственного хозяйства, источники не позволяют.

Спрос на аренду земли во многом зависел от арендных цен, в основе которых лежала продажная цена земли. В 60-е гг. XIX в. характерным для исследуемых губерний было несоответствие арендной и продажной цен на землю. После отмены крепостного права арендные цены постоянно росли и, дойдя в среднем до 7 руб. за 1 дес. в год, вовсе не соответствовали продажной цене, которая в этот период редко превышала 40 руб. за 1 дес.²¹¹ Поэтому землевладельцам-недворянам было выгоднее покупать земли, чем их арендовать. Это несколько снизило процент арендованных земель у дворянства. Начиная с 70-х гг. XIX в. продажные цены на землю стали расти значительно быстрее арендных, что и послужило одним из определяющих моментов для последующего развития аренды.

Тенденцию роста арендных цен на землю убедительно показали экономисты 80-х гг. XIX в.: «...В первое только десятилетие после реформы продажные и арендные цены земли в черноземной полосе поднялись на 300-400 % , в последнее же десятилетие в некоторых местностях возвышение сделалось еще более значительным: в Борисоглебском уезде, например, они в 4-5 раз выше цен начала шестидесятых годов. Цена хлеба возросла, но далеко не в указанных размерах...; она поднялась за тот же промежуток времени не выше 50-80, может быть, 100%. На истинную причину такого количественного различия в движении обеих цен намекает другая черта современных аграрных порядков, именно то обстоятельство, что арендные и продажные цены мелких участков вдвое и втрое превышают таковые же целых имений. Это дает нам право заключить, что необыкновенное возвышение ренты после реформы произведено мелкими съемщиками-крестьянами... В сказанном нас убеждает еще более то обстоятельство, что арендная плата за землю в черноземной полосе давно уже превысила естественные пределы: она поглотила процент на капитал, значительную часть, а может быть и всю предпринимательскую прибыль, и теперь уже урезывает заработную плату»²¹². То есть, по мнению современника, специалиста в области экономики сельского хозяйства, арендные цены на землю в черноземной полосе Европейской России в первые пореформенные деся-

тилетия превысили уже все мыслимые пределы, виною чему были крестьяне, которые снимали землю за любую цену.

Установленные дворянами-помещиками арендные цены нередко изменялись в течение года. В Бобровском уезде Воронежской губернии один из дворян сдал крестьянскому обществу несколько сот десятин под рожь. С двух сторон было оговорено, что цена аренды за 1 дес. – 5 руб. серебром. Письменно договор не был закреплён, так как арендодатель и арендаторы знали друг друга давно и были соседями. Урожай превзошел все ожидания крестьян, и они начали вывозить его с поля. Но владелец земли стал утверждать, что договор был заключен по 7 руб. серебром за десятину. Крестьянам пришлось доплатить²¹³. Отсутствие четкой правовой основы в этом вопросе и патриархально-традиционный подход (устный договор) делали возможным со стороны владельца земли произвольное изменение арендных цен. С другой стороны, такая форма договора находилась в рамках производственного традиционализма, который основывался во многом на взаимном соседском доверии как крестьян, так и помещиков.

Рассмотренный при структурном подходе количественный анализ сдаваемой в аренду земли в дворянских хозяйствах, ее отличия по срокам сдачи в различных категориях дворянства не могут в полной мере раскрыть характер аренды. Наиболее важным аспектом в данном вопросе являлись условия сдачи земли, но прямых сведений, относящихся к нему, в рассматриваемых источниках нет. Для разрешения этой проблемы необходимо знание следующих факторов: 1) количества вышедших на выкуп крестьян, что показывает сокращение числа бесплатных рабочих рук в дворянских хозяйствах, а следовательно, возможность обрабатывать помещичьи земли только с использованием труда временнообязанных крестьян; 2) соотношения пашни, сенокосов и выгонов, что позволяет судить о степени оснащённости рабочим скотом поместий и об их потребности в крестьянском рабочем скоте; 3) социального состава арендаторов и сроков аренды по каждой их категории, что во многом объясняет соотношение денежной и отработочной аренд. Эти три фактора косвенно могут влиять на характер аренды в дворянских хозяйствах. Рассмотрим эти факторы.

1. В Воронежской губернии за период с 1861 по 1870 гг. на выкуп вышло 67,7% бывших помещичьих крестьян, в Курской губернии – 59,2%²¹⁴. Хотя большая часть из них остро нуждалась в дополнительных наделах, тем не менее в основной своей массе крестьяне были заняты обустройством своих хозяйств. Крестьянская аренда, связанная с отработками или их денежным эквивалентом, несмотря на острое крестьянское малоземелье, не получила широкого распространения в этот период. Это видно из того, что в Белгородском уезде Курской губернии, как выше уже было сказано, земля арендовалась только в каждом пятом имении. Конечно, это не говорит о возможности в остальных имениях обойтись исключительно силами временнообязанных крестьян. Найм свободной рабочей силы был очень ограничен, рынок ее еще не сложился. По-видимому, несмотря на рост арендных цен, количество предложенной к сдаче земли превышало спрос. Отчасти это зависело от непропорциональности между количеством и качеством земли, предложенной к сдаче, и завышенных условий ее аренды. При росте площади господской запашки и сокращении числа бесплатных рабочих рук дворяне-помещики были крайне заинтересованы в заблаговременном обеспечении себя рабочей силой. Учитывая же отсутствие денег у основной массы крестьян, дворяне объективно должны были сдавать землю в аренду главным образом за отработки или часть урожая.

2. В 288 дворянских хозяйствах Белгородского уезда Курской губернии площадь пастбищ, сенокосов и выгонов в 1865 году составляла 1569,9 дес., или 2,6% общего фонда земель²¹⁵. Такое количество указанных угодий, естественно, не могло позволить содержать в поместьях необходимое количество рабочего скота. Отсюда вытекала необходимость при сдаче земли в аренду одним из условий договора ставить обработку определенной части пашни при помощи крестьянского скота, вывоз на поля навоза и т.д.

3. По месячным ведомостям о приходе и расходе за январь-февраль 1865 года по имению Воронцовка гр. Воронцовых-Дашковых в Воронежской губернии, из 9 697,3 дес., сданных в аренду, на крестьянские общества и купцов приходилось около 80% арендованной земли. Купцы арендовали земли, в среднем,

сроком до 6 лет, крестьянские общества – от 1 до 3 лет с преобладанием краткосрочной аренды. Со стороны купцов аренда носила денежный характер. Материалы ведомостей определенно не указывают на характер крестьянской аренды. Но судя по прочеркам в графе «Доход от сдачи земли крестьянам» (в подавляющем большинстве случаев) и мизерным суммам в графе «Недоимки» (3,5 руб., 8 руб. и т.д.), аренда была смешанной: за деньги и отработки, с преобладанием отработок²¹⁶. Точное их соотношение на основании данного источника невозможно определить.

Из выше сказанного можно сделать вывод, что в первое пореформенное десятилетие в дворянских хозяйствах были представлены все виды аренды. Крестьяне снимали в основном землю на год за отработки или за деньги и отработки. Преобладающей была отработочная система с различными вариантами денежной доплаты при краткосрочной аренде. Купцы, мещане арендовали земли на более длительные сроки и, главным образом, за деньги.

Сравнительный анализ эволюционных процессов в арендных отношениях хронологически ограничивается серединой 80-х гг. XIX в. Именно за этот период материалы земской статистики позволяют провести детальное исследование поставленной проблемы. Ее рассмотрение целесообразно начать с определения размеров площадей сдаваемой земли по сословиям (см. табл. 16)²¹⁷.

Таблица 16

**Размеры площадей сдаваемой в аренду земли по сословиям
в середине 80-х гг. XIX в. (в %)**

<i>Губерния</i>	<i>Уезд</i>	<i>Дворяне</i>	<i>Прочие сословия</i>
Воронежская	Острогожский	37,8	12,4
Курская	Суджанский	33,7	13,3
	Фатежский	34,5	8,9

В таблице представлен процент арендованной земли в общем земельном фонде по сословиям. В обеих исследуемых губерниях большую часть своих земель в аренду сдавали дворяне. Здесь необходимо учитывать и сословную площадь земель, где дворяне-землевладельцы уступали только крестьянству. Таким образом, основной арендный фонд земель находился у помещтных владельцев,

и они определяли основные направления развития арендных отношений.

Для конкретного рассмотрения аренды в дворянских хозяйствах нами были взяты Острогожский уезд Воронежской губернии, Белгородский и Щигровский уезды Курской губернии. По Воронежской губернии земские статистики провели практически сплошное обследование дворянских хозяйств только двух уездов – Воронежского и Острогожского. Автором был выбран Острогожский уезд, так как в Воронежском барщинные хозяйства накануне реформы составляли свыше 90% и это сильно отличало данный уезд от остальных. Белгородский и Щигровский уезды являлись среднестатистическими для своей губернии. В общей сложности по этим уездам для исследования было взято 121 дворянское имение с фондом земель свыше 50 дес., мелкопоместные хозяйства в источнике не отражены. Этого вполне достаточно для выявления эволюционных изменений, произошедших за 20 лет после отмены крепостного права в поместьях рассматриваемого региона, и определения характера аренды к концу 80-х гг. XIX в. По Острогожскому уезду было взято 40 дворянских имений, по Белгородскому – 23, Щигровскому – 58. Из земских сборников имения специально не отбирались, они взяты автором по возрастанию их порядковых номеров, начиная с первого (с учетом сословий) ²¹⁸. Переходим к анализу аренды в дворянских хозяйствах (см. табл. 17) ²¹⁹.

Таблица 17

**Аренда земли в имениях среднего дворянства
(в дес.) в 80-е гг. XIX в.**

Уезд	Число имений	Долгосрочная аренда	Краткосрочная аренда	
			из части урожая и за отработки	за деньги
Острогожский	17	1 576,6	503,1	720
Щигровский	39	1 252,2	330,6	1 965,6

Из 22 рассматриваемых среднепоместных хозяйств Острогожского уезда в 17 имениях (77,2%) сдавалась в аренду земля. Площадь арендованной земли у дворян – 2 798,7 дес., или 45% все-

го земельного фонда. Из этого количества земли на долгосрочную аренду сроком от 3 до 12 лет приходилось 56,1%, на краткосрочную за деньги – 25,6%, из части урожая – 16,9%, за отработки – 1,4%. Денежная аренда (долгосрочная + краткосрочная за деньги) составляла 81,7%, то есть по форме найма земель аренда носила буржуазный характер. Этому способствовало преобладание долгосрочной аренды. Этот вид найма земли выгоден был не только из-за более низкой арендной цены 1 дес. за снятие больших площадей (при долгосрочной – 3,8 руб., краткосрочной – 8 руб.), но и потому, что при аренде крупных участков земельный фонд состоял из различных угодий. В этом случае соединение хозяйства арендатора со снятым участком давало те агрокультурные преимущества (установление прогрессивного севооборота, наличие пастбищ, покосов и т.п.), которые не мог получить арендатор при краткосрочной аренде, снимавший, как правило, определенный вид угодий. Длительные сроки аренды также ограничивали хищническое отношение к земле, так как в этом случае арендаторы удобряли почву.

Параллель с 60-ми гг. XIX в. указывает, что аренда крупных участков земель в начале пореформенного периода в Воронежской губернии, главным образом, имела своей целью передачу земли мелким сьёмщикам. В рассматриваемый период долгосрочная аренда уже являлась источником расширения собственного хозяйства. В Землянском уезде этой же губернии по всем частновладельческим хозяйствам было сдано 11 405 дес., а передано 1 543 дес. (13,5%), в Задонском уезде показатель передачи составлял 19,1%²²⁰. Таким образом, главной целью этого вида аренды было расширение масштабов собственного предпринимательского хозяйства. Следовательно, развитие долгосрочной аренды было прогрессивным фактором, способствующим изживанию отработочной системы хозяйства, техническому подъему земледелия. Но с другой стороны, рост данной аренды тяжело отражался на крестьянском хозяйстве. Перебивание аренды крупными арендаторами лишало крестьян тех снимавшихся ими участков, которые служили им необходимым дополнением к наделу. Вследствие этого рабочей силы в крестьянских хозяйствах высвобождалось значительно больше, чем могло поглотить в качестве батраков крупное капиталистическое хозяйство на арендо-

ванных землях. Кроме того, увеличение спроса на землю со стороны крупных арендаторов вело к такому росту арендных цен, что аренда становилась во многих случаях непосильной для мелких съемщиков²²¹. Эти противоречия были обусловлены переходным этапом в аграрных отношениях, когда капиталистические формы хозяйства вытесняли докапиталистические.

По сельскохозяйственным угодьям арендованная земля распределялась следующим образом: пашни снималось 59,7%, сенокоса – 21,7%, остальных угодий – 18,6%. Большая часть сданных земель приходилась на пашни. Это было связано с тем, что данный вид угодий составлял в подавляющем числе имений основную часть резервного земельного фонда и пользовался наибольшим спросом со стороны крестьян.

Рассмотрим характер аренды в среднепоместных хозяйствах Курской губернии на примере Щигровского уезда. Из 48 имений сдача земель в аренду практиковалась в 39 хозяйствах (83%). Площадь снимаемой в аренду земли в дворянских хозяйствах составляла 3 548,4 дес., или 38,3% общего фонда земель²²². В рамках среднего дворянства в Курской губернии основными арендодателями являлись владельцы хозяйств до 100 дес., а в Воронежской губернии – свыше 150 дес. Из общего количества арендованной земли в курских поместьях на долгосрочную форму найма приходилось 35,3%, краткосрочную за деньги – 55,4%, в смешанной аренде: в денежной краткосрочной и за отработки – 5%, из части урожая и за отработки – 4,3%. В целом, преобладали капиталистические формы аренды. В отличие от Воронежской губернии, в имениях курских среднепоместных владельцев преобладала денежная краткосрочная форма аренды. По-видимому, это было связано с более высоким спросом на этот вид аренды у курских крестьян, отличавшихся большей степенью малоземелья.

Из арендуемых земель на пашню приходилось 89%, сенокосы – 7,7%, остальные угодья – 3,3%. Последний процент, подсчитанный нами на основе данных земской статистики, явно занижен. Кроме пашни и сенокосов, крестьяне целыми обществами снимали у дворян-помещиков для выпаса скота такие угодья, как отавы, паровые клинья, выгоны и неудобные земли. Определить точное количество

этих земель было невозможно, так как опрашиваемые крестьяне в большинстве случаев не знали размеров поступавших в их пользование угодий. Обычно словесный договор определял, что крестьяне имеют право пасти скот на всем паровом клине или жнивье арендодателя. Размер этих арендованных участков в масштабах губернии был значительным²²³. Тем не менее, пахотные угодья составляли основной фонд арендуемых земель, несмотря на то, что с 1861 г. арендные цены на них, в среднем, с различными сроками найма выросли в 3-3,5 раза (с 7 руб. до 27,1 руб.)²²⁴.

Материалы по Белгородскому уезду не позволяют определить характер аренды по формам найма, а только указывают на ее сроки. Долгосрочная аренда по уезду в дворянских хозяйствах составляла 73,2%, краткосрочная – 26,8%. Из 23 рассматриваемых имений не сдавали землю в аренду в 6 хозяйствах (26%)²²⁵. Сравнив полученные результаты с данными за 1865 г., когда по этому уезду число хозяйств, где не прибегали к сдаче земель в аренду, доходило до 63,3%, мы видим значительное увеличение количества имений с арендным фондом земель. Но площадь земли, сдаваемой в дворянских хозяйствах, снизилась с 20,6% до 9,8%. При увеличении числа хозяйств, сдававших землю, арендный земельный фонд заметно сократился. По-видимому, аренда в этих имениях играла второстепенную роль, так как на каждое поместье в среднем приходилось по 12,3 дес. арендованной в них земли. Не располагая соответствующими данными на начало 60-х гг. XIX в. по двум другим рассматриваемым уездам, но учитывая, что в них к концу XIX в. сдавалось в аренду 41,6% всей земли, т.е. в 4 раза больше, чем в Белгородском уезде, мы можем сделать вывод об общем росте арендных площадей в дворянских хозяйствах по исследуемым губерниям.

Проведенные подсчеты свидетельствуют о наличии противоположных тенденций в развитии арендных отношений в среднепоместных хозяйствах как в рамках одной губернии, так и региона в целом. В Белгородском уезде Курской губернии произошло значительное сокращение площади сдаваемой в аренду земли, а в Щигровском уезде вероятное увеличение. Это подтверждает не только то, что в последнем уезде в аренде находилось более 1/3 всех среднепоместных земель, но и рост цен за аренду 1 дес. Почти четырех-

кратное повышение арендных цен могло произойти только в случае увеличения спроса на эти земли. В целом, аренда носила денежный характер. В Воронежской губернии, в Острогожском уезде, преобладала долгосрочная форма аренды, в Белгородском уезде Курской губернии – долгосрочная, в Щигровском уезде – денежная краткосрочная. По числу дворянских хозяйств и площади земли, сданной в наем, в данных губерниях доминировала денежная краткосрочная аренда.

Переходим к рассмотрению аренды в крупных дворянских хозяйствах (см. табл. 18)²²⁶.

Таблица 18

Аренда земли в имениях крупного дворянства (в дес.)

Уезд	Число имений	Долгосрочная аренда	Краткосрочная аренда	
			из части урожая и за отработки	за деньги
Острогожский	13	1 758,8	21 414	2 353
Щигровский	9	2 702,3	85	3 641

Из 18 рассматриваемых крупных дворянских имений Острогожского уезда Воронежской губернии земли арендовались в 13 (72,2%). Площадь арендуемой земли в поместьях составляла 25 525,5 дес., или 37,2% общего земельного фонда. Найм земли по характеру аренды распределялся следующим образом: 6,8% – долгосрочная, краткосрочная за деньги – 9,2%, из части урожая – 83,5%, за отработки – 0,5%. Большая часть снимаемых земель приходилась на аренду из части урожая. На высокий процент данного вида аренды повлияло то, что в одном из рассматриваемых поместий с земельным фондом в 26 975 дес. в аренде находилось 18 102 дес. степных покосов, залежей из 1/3 урожая. Пахотные же угодья по уезду на 60% были в долгосрочной и краткосрочной денежной аренде²²⁷. То есть для важнейшего вида сельскохозяйственных угодий преобладающей являлась денежная форма аренды. Соотношение различных видов угодий, переданных в аренду, было следующим: пашни снималось 23%, сенокосов – 75,8%, остальных угодий – 1,2%. В основном арендовались покосы. В крупнопоместных

имениях Воронежской губернии, где значительную площадь земель латифундий составляли степи и залежи, существенно отличались пропорции сельскохозяйственных угодий в резервном фонде земель. В имениях среднего дворянства этого же уезда со значительным преобладанием пахотных участков сдача в аренду сенокосов составляла всего 21,7% площади переданных внаем земель. Исполный характер аренды сенокосов в крупных дворянских хозяйствах можно объяснить тем, что их наем обычно проходил в мае, когда урожай трав можно было считать более или менее определенным. Это вело к резким колебаниям арендных цен в зависимости от урожая, и поэтому крестьяне предпочитали исполщину, не требующую формы оплаты и отработок. Дворяне же рассматриваемого уезда, занимавшиеся овцеводством, были заинтересованы в заготовке кормов на зиму скоту. В итоге исполная форма аренды устраивала обе договаривающиеся стороны.

Переходим к анализу аренды в крупных дворянских хозяйствах Курской губернии на примере Щигровского уезда. В данном уезде из 10 рассматриваемых крупных имений землю в аренду сдавали в 9. Площадь снимаемой внаем земли в помещенных хозяйствах составляла 6 428,3 дес., или 60,2% общего земельного фонда. Арендный фонд по его характеру и срокам распределялся так: в долгосрочном найме находилось 42% земли, в денежном краткосрочном – 37,4%, краткосрочном за деньги и отработки – 15,3%, из части урожая и за отработки – 2,4%²²⁸. В отличие от среднепоместных хозяйств этого же уезда, в крупных поместьях преобладала долгосрочная аренда. В целом, по крупным имениям денежные формы аренды составляли 79,4%. В то же время эти данные отражали различия в характере аренды крупных дворянских поместий обеих рассматриваемых губерний: ярко выраженный исполный ее характер в Воронежской губернии и денежный – в Курской губернии. Это еще раз подтверждает, что в рамках одного региона, отличавшегося однотипностью экономического развития, параллельно в течение длительного времени в землепользовании могли сосуществовать различные тенденции эволюционных изменений.

Арендный фонд земель по сельскохозяйственным угодьям распределялся следующим образом: пашни сдавалось 89,8%, сено-

косов – 5,5%, остальных угодий – 4,7%. Наибольшим спросом пользовалась пашня, которая и составляла большую часть земельной площади дворянских хозяйств.

В крупных поместьях Белгородского уезда Курской губернии преобладала краткосрочная аренда. Из 14 рассматриваемых дворянских хозяйств земли не сдавали в найм в 4-х имениях (28,5%). Площадь арендуемых земель в крупных поместьях доходила до 4 616 дес. или 25,8% общего фонда земель²²⁹. В результате сравнения этих данных с соответствующими показателями за 1865 год было выявлено, что число крупных дворянских хозяйств, сдававших землю, снизилось на 16,5%, а количество передаваемой в аренду земли возросло на 3,5%. Это являлось обратно пропорциональным процессом развития арендных отношений для среднепоместных имений. В них, наоборот, увеличилось число хозяйств, в которых арендовались земли, а площадь снимаемых земель сократилась. Учитывая большой общий земельный фонд крупного дворянства, можно сделать вывод, что в целом по уезду количество сдаваемых в аренду земель за отмеченный период возросло.

В данном контексте применительно ко всем стратам дворянских хозяйств необходимо указать на непрерывный рост цен на арендуемые земли. Вл. Бирюкович отмечал: «Период с начала шестидесятых годов до восьмидесятых характеризуется в нашей сельско-хозяйственной жизни чрезвычайным подъемом арендных цен на землю. Так, в Самарском уезде в 1883 г. средняя арендная цена за десятину равнялась 3 руб., между тем как восемь лет назад землю охотно сдавали по 60 коп. за десят. В Саратовском уезде за указанное десятилетие арендные цены поднялись с 3 р. до 8 р. за десятину. Еще более значительно поднялись арендные цены на землю в густонаселенных черноземных губерниях – Курской, Тамбовской, Орловской. Здесь они достигают десяти, пятнадцати и даже двадцати руб. за десятину, вместо двух или пяти руб. Отчасти такое повышение арендных цен объясняется повышением же цен на сельско-хозяйственные продукты. Но должного соответствия между ними вовсе не имеется. Главное основание подобного повышения арендных цен на землю лежит именно в необходимости для крестьян

ян искать в аренде земли расширения помещения для своего труда»²³⁰. То есть, учитывая высказывания Вл. Бирюковича о стремительном росте цен на аренду земли в Центральном Черноземье в 70-х гг. XIX в., современники-специалисты в аграрной сфере указывали на запредельный характер арендных цен в исследуемом регионе, которые были в разы выше, чем в остальных губерниях Европейской России.

Для выявления количества дворянских хозяйств, где аренда имела капиталистический характер, большое значение имеет определение количества земли, снимаемой зажиточными крестьянами и арендаторскими хозяйствами, использовавшими вольнонаемный труд. Подсчеты, проведенные Н.П. Бородиным, показали, что из общей площади арендуемых пахотных угодий в рассматриваемых губерниях на первые хозяйства приходилось 32,6%, на вторые – 11%²³¹. Процент арендуемых пахотных земель в хозяйствах, использовавших наемный труд, значительно ниже. Но здесь необходимо учитывать, что зажиточные крестьяне (с посевом свыше 10 дес. или имевшие более 3-х лошадей на двор), снимавшие земли в поместьях, в подавляющей своей массе вели предпринимательское хозяйство²³². То есть, на 47,2% арендуемой пашни хозяйство носило капиталистический характер.

Массовые источники, позволяющие проанализировать характер аренды в дворянских хозяйствах в 90-х гг. XIX в., отсутствуют. Обычно исследователями берутся сведения по Дворянскому земельному банку, где представлены данные необходимого характера по значительному числу поместных хозяйств, и это позволяет делать определенные выводы²³³. Согласно данному источнику, число хозяйств с преобладанием арендного фонда земель, например в Воронежской губернии, увеличилось в рассматриваемый период с 38% до 60%²³⁴. Такой подход в некоторой степени односторонен. Берутся имения, обремененные долгами, а среди них было значительное количество с расстроеным хозяйством. С другой стороны, в Воронежской и Курской губерниях к концу XIX в. число имений, закладывавших земли, составляло 27,8% всех дворянских хозяйств, а количество залоговой земли – 36,8%²³⁵. Залоговые имения состав-

ляли менее 1/3 дворянских хозяйств исследуемого региона, исходя из этого вряд ли целесообразно делать выводы в целом о дворянской аренде. Сведения же по отдельным имениям, не состоящим в залоге, наоборот, указывают на сокращение площади сдаваемых в аренду земель. В поместье Воронцовка графов Воронцовых-Дашковых в Воронежской губернии с начала пореформенного периода до 1901 года фонд земель, сдаваемых в аренду, сократился с 89% до 61,8%²³⁶. В имении Безсоновка Белгородского уезда Курской губернии в 1884 году относительный показатель доходов с аренды в чистой прибыли хозяйства составлял 18,2%, а к 1900 году – менее 1%²³⁷. Полной картины характера аренды в хозяйствах со свободным капиталом дать невозможно из-за отсутствия массовых источников. Таким образом, однозначного ответа на этот вопрос дать нельзя. По-видимому, существовали две тенденции в развитии арендных отношений. В имениях, заложенных в ипотечных учреждениях, роль аренды возросла, а в хозяйствах, не обремененных долгами, она могла идти на убыль.

Для определения доминирующей тенденции в рассматриваемом аспекте прислушаемся к авторитетному мнению знатока помещичьего хозяйства А.Н. Энгельгардта: «По моему мнению, и для землевладельцев-помещиков самое выгодное было бы сдавать свои имения в аренду крестьянским артелям. Я говорил уже, что помещики большей частью состоят на службе, исполняют разные функции так называемых правящих классов, начиная с должности прокурора и кончая должностью публициста, литератора и т.п., и самим хозяйством не занимаются. Большинство даже с хороших имений, где есть заливные луга, получает самый ничтожный доход, многие и вовсе с имений никакого дохода не получают, иногда даже за удовольствие иметь хозяйство приплачивают. Доходность мала, потому что хозяйство ведется дурно и большая часть доходов поглощается администрацией... Владельцы теперь сами видят, что дело так идти не может, и ищут арендаторов, которым сдаются имения за самые ничтожные суммы... Крупным владельцам самим заниматься нельзя, потому что какая же есть возможность хозяйничать, например, на 10 000 десятинах, мелким – тоже не стоит зани-

маться, потому что всякая служба выгоднее, чем хозяйство, которое притом требует ума, познаний, способностей, много физического и умственного труда...

Я думаю, едва ли кто из землевладельцев станет спорить, что для них единственное средство продуцировать свои имения – это сдавать их в аренду, имея в имениях лишь шато для летней резиденции»²³⁸. С фразой автора «сдаются имения за самые ничтожные суммы» с автором вряд ли стоит соглашаться. Но общую тенденцию, а вернее настроения в помещичьей среде, Энгельгардт отразил верно.

В связи с поставленным вопросом необходимо было бы рассмотреть аренду дворянскими хозяйствами земель как в рамках своего сословия, так и у землевладельцев-недворян. Но соответствующие источники отсутствуют. Мы располагаем данными на начало XX в. только по всей частновладельческой категории, согласно которым землевладельцами Воронежской и Курской губерний арендовалось 21,1% земель из их общего земельного фонда²³⁹. Площадь дворянских земель в этой категории землевладения доминировала. Следовательно, аренда земель имела двусторонний характер: дворяне-землевладельцы как сами сдавали земли, так и арендовали их в значительных количествах.

Перейдем непосредственно к рассмотрению эволюции производственного процесса в дворянских поместьях. Для этого необходимо выяснить соотношение в них площадей различных сельскохозяйственных угодий, которое и предопределяло направленность хозяйственной деятельности (см. табл. 19). В качестве примера взяты 288 дворянских хозяйств Белгородского уезда Курской губернии²⁴⁰.

Таблица 19

Площадь дворянской земли по основным видам сельскохозяйственных угодий в 1865 году (в дес.)

<i>Количество имений по числу владельцев</i>	<i>Категория дворянских хозяйств в дес.</i>	<i>Виды сельскохозяйственных угодий</i>		
		<i>пашня</i>	<i>сенокосы и выгоны</i>	<i>огороды, сады и усадьбы</i>
172	5-50	2 898,1	113	105,8
79	51-500	9 245,5	1 072,4	423,9
37	свыше 500	16 076	275,6	619,2

Площадь арендуемых в дворянских хозяйствах земель не включена в приведенные выше показатели, так как в источнике она не распределена по отдельным видам угодий. В итоге это снижает площадь пашни (при аренде пользовавшейся большим спросом) в средних и крупных имениях.

В имениях мелкопоместного дворянства из общего фонда земель, на которых велось собственное хозяйство, пашня составляла 93%, сенокосы и выгоны – 3,6%, под усадьбой, огородами и садами находилось 3,4%. В поместьях среднего дворянства под пахотные угодья отводилось 86% всех земель, под усадьбу, сады, огороды – 4,1%, сенокосы и выгоны составляли 9,9%. В хозяйствах крупных дворян-помещиков распахивалось 94,7% общего земельного фонда, сенокосы и выгоны составляли 1,6%, оставшиеся рассматриваемые угодья – 3,6%. В имениях мелкого и крупного дворянства пашня занимала практически всю площадь земель. По-видимому, этот показатель несколько завышен, так как крестьяне арендовали относительно большое количество сенокосов, выгонов, прогонов, без которых рациональное ведение хозяйства было невозможно. В источнике данные угодья, вероятно, включены в арендный фонд земель. Площадь сенокосов и выгонов в дворянских имениях была очень незначительной. Лучше других категорий поместных владельцев этим видом угодий были обеспечены средние дворяне. Пропорциональное соотношение между пашней и сенокосами, выгонами указывает, что поместные хозяйства не могли содержать необходимого рабочего скота. Земля обрабатывалась рабочим скотом временно-обязанных крестьян.

Важным показателем состояния земледелия в дворянском хозяйстве являлась его агротехническая база. Сведения статистического характера об оснащенности имений сельскохозяйственным инвентарем на начало пореформенного периода отсутствуют. Материалы нестатистического плана по отдельным имениям и уездам определенного ответа на этот вопрос также не дают. Но они показывают направление тенденции, которая зародилась еще в дореформенный период. В конце 50-х – начале 60-х гг. XX в. в отдельных крупных поместьях происходило техническое переоснащение, в ходе которого помещичий инвентарь вытеснял крестьянский. В

ряде случаев крупное дворянское хозяйство становилось центром по изготовлению и ремонту сельскохозяйственной техники в масштабах уезда. Так, в имении Анна Бобровского уезда Воронежской губернии производилось только одних железных плугов по 18 штук в год, некоторые – по образцам заказчиков. Значительная часть поместий данного уезда ремонтировала свой инвентарь в этом имении. В самом же имении Анна сельскохозяйственная техника была очень разнообразна, начиная от почвоуглубителей и заканчивая английскими паровыми молотилками²⁴¹. В поместье Чернянка тайного советника М.П. Щербинина Новооскольского уезда Курской губернии также большую часть собственной запашки обрабатывали своим инвентарем²⁴². Эти имения, конечно, не отражали общую картину в поместных хозяйствах. Большинство дворян-помещиков при обработке полей использовали в основном крестьянский инвентарь и рабочий скот. Объяснение этого только нежеланием помещиков перестраивать свои хозяйства будет односторонним. Для закупки сельскохозяйственных орудий необходимы были значительный свободный капитал и соответствующая ремонтная база. При переходе от докапиталистических форм хозяйствования к хозяйству, основанному на вольнонаемном труде, в имении Ребиндеров Белгородского уезда Курской губернии с фондом земель в 3,2 тыс. дес. на приобретение необходимых сельскохозяйственных орудий было затрачено 20 тыс. руб., а на рабочий скот еще 30 тыс. руб.²⁴³ Далеко не каждое крупное дворянское хозяйство располагало таким солидным свободным капиталом. С другой стороны, например в Воронежской губернии, ремонт сложной сельскохозяйственной техники требовал ее отправки в Москву, так как ремонтной базы в губернии не было, а хозяйства типа имения Анна были исключением из правил.

В качестве примера невероятной сложности внедрения передовых сельскохозяйственных машин в провинции приведем выдержку из воспоминаний А.А. Фета, ставшего в 1860 году помещиком Мценского уезда Орловской губернии, а в начале пореформенного периода модернизировавшего свое хозяйство: «Во второй половине февраля по отвратительным дорогам обе машины, молотилка и веялка, более или менее благополучно прибыли из Москвы...

В мае, по условию, г. Вильсон должен был прислать машиниста для установки машин и приведение их в полное действие. Однако май приходил к концу, а обещанный машинист не являлся и разобранные части машины лежали нетронутые. Я написал к г. Вильсону и получил ответ, что машинист на днях должен выехать... Май и половина июня прошли в напрасных ожиданиях... и в начале августа принужден был домашними средствами ставить машину. Не стану описывать попытки, которую мне пришлось выдержать с неискусными в этом деле деревенскими мастерами; довольно того, что машина наконец была установлена и, худо ли, хорошо ли, стала молоть. Нужно прибавить, что она ломалась почти ежедневно, а когда в конце осени наступила серьезная молотьба, то я уже и сказать не могу, сколько раз отдельные ее части пребывали в кузнице и на орловском литейном заводе. Когда ролик, надавливающий горизонтальное колесо привода на шестерню, после долгих и многообразных мучительных капризов окончательно сломался, я вынужден был прибегнуть к помощи соседнего машиниста – дворового. Разумеется, он нашел в машине все неудобным, условился привести все в наилучший вид, взял с собою ролик, обещав установить его завтра самым прочным образом, выпросил задатку и уехал... Вновь повернутый ролик отлетел при втором обороте колеса, и мое драматическое положение дошло до конца 5-го акта»²⁴⁴.

Как показал А.А. Фет, в провинции не только полностью отсутствовала ремонтная база сельскохозяйственных машин, но не было и культуры их обслуживания. Для этого нужны были специалисты, но их тоже не было. Получался замкнутый круг.

Из вышесказанного следует, что в первые пореформенные годы основная масса дворянских хозяйств Центрально-Черноземного центра фактически не имела в необходимых количествах собственного сельскохозяйственного инвентаря.

Система полеводства в 60-е гг. XIX в. оставалась в большинстве дворянских хозяйств трехпольной. В 288 дворянских имениях Белгородского уезда Курской губернии в 1865 году из 28 219,6 дес. господской запашки на четырехполье приходилось 1 335 дес. (4,7%), шестиполье – 132 дес. (0,04%), десятиполье 1 688 дес. (6%), залежи – 635 дес. (2,2%), подсеку – 40 дес. (0,01%)²⁴⁵.

Свыше 70% пашни находилось в трехпольном севообороте. Здесь качественных изменений, в сравнении с дореформенным периодом, не произошло.

Принимая в расчет исключительную роль зерновых культур в дворянских хозяйствах, необходимо рассмотреть размеры их посевов на землях помещтных владельцев. Источником по данному вопросу для автора служили сведения по рассматриваемым дворянским хозяйствам Белгородского уезда.

В 172 мелкопоместных имениях под посевами озимой ржи и пшеницы находилось 916,5 дес. (29,3% общего фонда пахотных земель с учетом пара). Рожью засевалось 777,5 дес., или 84,8% всей площади посевов озимых. Под яровыми культурами – 1 225,2 дес. Из них свыше 95% составляли овес, просо. Посевы кормовых трав (1,5 дес.) производились только в 1 имении с площадью земель в 49,5 дес. О технических культурах источник умалчивает.

Площадь пахотных угодий под озимыми в 79 хозяйствах от 51 до 500 дес. составляла 2 538,5 дес. (15 % пашни с учетом пара). Из них под рожью было 1 702 дес. (67%). Яровые высевались на 2 612,2 дес. Основные культуры – овес, просо, гречиха. Их посев в яровом клине доходил до 93%. Кормовые травы были включены в севооборот 2 имений (28 дес.). Картофелем засевалось 86,4 дес. Посев кукурузы отмечен в 1 имении (4 дес.).

В 37 имениях крупного дворянства в озимом клине было 3 727 дес. (23,1% пахотных угодий). Рожь занимала 3 186 дес. (85,4%). Посев яровых составлял 4 290 дес., из них под овсом, просом и гречихой находилось 2 563 дес. (59,7% ярового поля). В отличие от мелкопоместного и среднего дворянства, в хозяйствах свыше 500 дес. в яровом клине высевались пшеница и ячмень. Посев первой – 533 дес., или 12,8% ярового клина, второго – 568 дес. Кормовые травы занимали в 7 имениях площадь в 445 дес., подсолнечник – 307 дес., кукуруза – 17 дес. Под картофелем находилось 76,5 десятин²⁴⁶.

В дворянских хозяйствах начала пореформенного периода посевы озимых занимали, в среднем, менее ¼ части пахотных угодий. Среди озимых главное место принадлежало ржи. В яровом клине основная площадь засеивалась овсом, просом и гречихой. Причем

посевы первого выделялись. По мере расширения размеров земельного фонда дворянских хозяйств увеличивалось и количество выращиваемых культур. В крупных имениях пшеница занимала значительную часть посевов. Высокие питательные свойства, разнообразное применение, высокие цены делали выращивание пшеницы выгодным и доходным. Вместе с тем, необходимость особенно тщательной обработки почвы делало выращивание этой культуры затруднительным для мелкого и среднего дворянства. Структура посевов указывает на рыночную ориентированность поместных хозяйств, так как овес, просо и большая часть пшеницы предназначались на продажу.

Урожайность различных культур в среднем по Курской губернии была равна 4-м «самам». Чистый доход с 1 дес. в имениях с частичным использованием наемного труда составлял: с продажи озимой пшеницы – 9 руб. 57 коп., яровой – 19 руб. 96 коп., овса – 4 руб. 28 коп., проса – 5 руб. 70 коп., гречихи – 3 руб. 94 коп.²⁴⁷ Высокая доходность пшеницы заставляла расширять ее посевы в крупных имениях, где агротехническая база была лучше, чем в других категориях дворянских хозяйств.

Количество сельскохозяйственных орудий, машин, качество обработки почвы, урожайность прямым образом зависели от степени обеспечения дворянских хозяйств рабочими руками и от характера эксплуатации крестьян. Выше уже было отмечено, что с переходом крестьян на выкуп число последних в поместьях сильно сократилось. Дворянские хозяйства отличались друг от друга и по характеру эксплуатации. На момент отмены крепостного права основное число помещичьих крестьян в исследуемых губерниях отбывало барщину (54%). В период 1861-1863 гг., когда предусматривалось, что переход на оброк до 19 февраля 1863 года может быть только с согласия помещика, барщинная система практически себя полностью дискредитировала. По донесениям мировых посредников, крестьяне были убеждены, что с окончанием двухлетнего срока им будут отданы их прежние наделы, а землю, находящуюся в их пользовании, считали своей собственностью. Это являлось причиной низкого качества выполняемых работ на помещичьих землях²⁴⁸. Сроки уборки затягивались, так как на работу крестьяне

часто выходили по очереди, человек 10-15 в день. Дворяне-помещики терпели убытки и не препятствовали переходу крестьян на оброк. В Воронежской губернии в указанное время на оброк перешло 46,6% барщинных крестьян, в Курской губернии – 21,2%, в следующее трехлетие еще 25,8%. Эти цифры показывали нерентабельность барщинного труда. К началу 70-х гг. XIX в. в рассматриваемых губерниях на барщине оставалось 30,7% бывших помещичьих крестьян²⁴⁹.

Необходимо также учитывать, что в помещичьей среде использование вольнонаемного труда не вписывалось в рамки хозяйственного традиционализма. Тем более он никак не был прописан в правовом поле. В этой связи Е. Варб отмечает: «До 1861 года, когда к услугам поместного дворянства был даровой труд закрепощенных крестьян, в найме рабочих для сельско-хозяйственных целей не было надобности, и этот вид найма в то время почти не находил никакого применения. Сообразно с этим и законодательство о личном найме в своих определениях, изложенных в 1-й части X тома и в Уставе Торговом, говорит о найме ремесленников, приказчиков, служащих на судах и т.п. и вовсе не касается найма на земледельческие работы. Явление это, конечно, вполне понятно: неизвестный или очень мало практикуемый в экономическом быту вид найма не мог найти отражение и в законодательстве»²⁵⁰.

Динамика выхода на выкуп в имениях с различной формой эксплуатации была неодинакова. В Воронежской губернии в оброчных дворянских хозяйствах в первое пореформенное пятилетие на выкуп вышло 42,7% временнообязанных крестьян, в смешанных – 63,7%, в барщинных – 76,6%. В Курской губернии относительный показатель вышедших на выкуп в оброчных имениях составлял 68,6%, в смешанных – 64,2%, в барщинных – 76,4%²⁵¹. Из приведенных данных видно, что число временнообязанных крестьян было наименьшим в барщинных хозяйствах, и они особенно нуждались в дополнительных рабочих руках. По-видимому, барщинные имения и составляли основное число хозяйств, сдающих землю в аренду за отработки, чтобы обеспечить себя рабочими руками.

Проблему количества и качества выполняемых временнообязанными крестьянами работ дворянство пыталось решить путем ре-

гламентации различных их видов. Во второй половине 1861 года воронежским губернским по крестьянским делам присутствием было окончательно выработано «Урочное положение определения полевых работ на 1 день для 1 временного работника». Регламентация была детальной и охватывала весь цикл сельскохозяйственных работ. Например, при уборке урожая скосить озимого хлеба – 0,5 дес., овса и яровой пшеницы – 0,5 дес. Данный показатель уменьшался на 5 саж.² за каждые полчаса, необходимые для прохода на поля крестьянам, чьи селения находились от них на расстоянии 6 верст²⁵². Это все не дало ожидаемых результатов, что следовало из большого числа жалоб дворян-помещиков на качество выполняемых работ.

Даже при большом желании помещики не могли в полной мере использовать в первые пореформенные годы труд вольнонаемных сельскохозяйственных рабочих. Основная часть временнообязанных крестьян была занята на барской запашке и своем наделе, четвертные крестьяне составляли ничтожно малое число в исследуемом регионе. Оброчные крестьяне разрывались между заработками и обустройством своего потенциального участка земли. Дворяне в основной своей массе не были обучены полевым работам. Хотя в отдельных имениях, как было показано выше, они составляли серьезный резерв для полевых работ. Это все подтверждает А.А. Фет, занимавшийся организацией экономии в орловской Степановке: «Вольнонаемное дело у нас еще в младенчестве, и поэтому нечего удивляться, что крестьянин, не привыкший рассчитывать, на всякое делаемое ему предложение, даже самое для него выгодное, отвечает одно: “Как люди, так и мы”. И сколько бы ни перебрали людей, они все будут искать образцов... Остается рассмотреть, кто нанимается в работники? Домашняя прислуга, кучер, лакей и пр. составляют отдельный вольнонаемный класс. В счет заработной платы идет его помещение, пища и т. д... Не таковы отношения наемщика к полевому работнику. Этот последний также землевладелец, не нуждающийся в помещении и продовольствии (я говорю о найме в земледельческой полосе); осенью ему нужны деньги на уплату повинностей или на свадьбу, и он нанимается в работники... Много надо философии, чувства, да и разных добродетелей для того, чтобы человек не забыл давно прошедшего одол-

жения и условия; и как ожидать этих выпретенных качеств от неразвитого крестьянина, когда они так редки у нас и между образованными? Человек, взявший деньги займы, через несколько времени не только забывает одолжение заимодавца, но даже смотрит враждебно на его притязания, и не будь закона, ограждающего последнего, многие ли получили бы обратно ссуду?»²⁵³. К тому же, культура найма строилась на традиции, где правовое начало не всегда имело место, а главную роль играли соседские устные договоренности. Взаимная устная договоренность шла впереди заключения письменного договора.

В начале пореформенного периода окончательно произошло разделение дворянских хозяйств по основным видам сельскохозяйственной деятельности. В исследуемом регионе выделялись следующие их категории.

1. Зерновые хозяйства.

2. Имена, где более 50% чистого дохода давали сельскохозяйственные перерабатывающие предприятия (сахарные и винокуренные заводы, маслобойни и т.д.). Их условно можно назвать сельскохозяйственно-перерабатывающими. В отдельных случаях прибыль от этих предприятий и составляла 100% (чистый) доход всего имения. Так, в Новохоперском уезде Воронежской губернии наследникам П. Парфенова принадлежали винокурный завод, стоимостью 60 тыс., руб., и 3 дес. земли. В других уездах земельной собственности они не имели²⁵⁴.

3. Хозяйства, совмещающие приблизительно в равной степени (по количеству дохода) зерновое производство и животноводство. Большинство таких имений находилось в Воронежской губернии, где значительные площади степных покосов и залежей способствовали разведению скота. Зерновые хозяйства составляли основную массу дворянских имений рассматриваемых губерний.

В сельскохозяйственно-перерабатывающих имениях с 70-х гг. XIX в. наметились два параллельных процесса: сокращение числа перерабатывающих предприятий и значительное их укрупнение (см. табл. 20)²⁵⁵.

**Дворянские сельскохозяйственно-перерабатывающие
предприятия в Воронежской губернии**

<i>Год</i>	<i>Сахарные заводы</i>	<i>Винокуренные заводы</i>	<i>Мельницы</i>	<i>Маслобойни</i>	<i>Стоимость в руб.</i>
1870	8	23	93	11	1 069 710
1880	2	8	2	-	794 730

Показатели таблицы не отражают реального числа указанных предприятий в целом по дворянским хозяйствам, так как в источнике учтены только имения с недвижимостью (кроме земли) свыше 15 тыс. руб. В эту оценку входила стоимость и жилых, и подсобных построек, инвентаря и т.д. Особенно занижено число мельниц и маслобоен. Их стоимость, в среднем, составляла 1-5 тыс. руб. Небольшие винокуренные заводы, стоимостью в 8-10 тыс. руб., также не были в это время редкостью. Обращает на себя внимание, что в 1870 г. стоимость одного предприятия (из расчета общей стоимости всех категорий предприятий) была 7 923,7 руб., а через 10 лет – 66 227,5 руб. Произошло значительное укрупнение дворянских сельскохозяйственно-перерабатывающих предприятий. Сокращение их числа могло идти одним путем – путем продажи представителям недворянских сословий. Но нельзя отрицать и вероятность процесса разукрупнения ряда предприятий, в итоге не отраженных в источнике. Сельскохозяйственно-перерабатывающие имения уже в начале 70-х гг. XIX в. были капиталистического типа. На этих предприятиях применялся вольнонаемный труд, и большая часть запашки в данных хозяйствах также обрабатывалась наемными рабочими. Точных сведений о доходности имений с животноводческим уклоном нет.

Разделение дворянских хозяйств по основным видам сельскохозяйственной деятельности способствовало их большей специализации, внедрению специальной техники и наемного труда, расширяло их рыночные связи. Все это, в свою очередь, ускоряло развитие капиталистических отношений в дворянских хозяйствах.

Для рассмотрения дальнейших эволюционных изменений в дворянских хозяйствах, как и при анализе аренды, необходимо расширить хронологические рамки исследования до 80-х гг. XIX в. Материалы земской статистики, касающиеся этого периода, позволяют

делать определенные выводы о характере хозяйства в дворянских поместьях. Автор рассмотрел сведения о 121 дворянском имении Острогожского уезда Воронежской губернии, Белгородского и Щигровского уездов Курской губернии с земельным фондом свыше 50 дес. Мелкопоместные хозяйства в источнике не отражены. При структурном подходе распределение дворянской земельной собственности по основным видам ее сельхозугодий может стать основной для последующих рассуждений (см. табл. 21) ²⁵⁶.

Таблица 21

Земельный фонд среднего дворянства по основным видам сельскохозяйственных угодий в середине 80-х гг. XIX в. (в дес.)

Уезд	Число имений	Виды сельскохозяйственных угодий			
		усадебная земля	пашня	луга, сенокосы и выгоны	залежи
Острогожский	22	112,7	2 839,5	1137,4	1 667,1
Белгородский	9	51,5	2 460,5	290,8	-
Щигровский	48	419,2	7 615,4	691,4	-

В Острогожском уезде в имениях от 51 до 500 дес. площадь пашни составляла 46,2% земельного фонда, в Белгородском уезде – 80,4%, в Щигровском – 82,1%. Пахотные угодья в Воронежской губернии (на примере Острогожского уезда) составляли менее половины земельного фонда средних дворянских хозяйств. Но в имениях с различным характером ведения хозяйства соотношение с другими сельхозугодьями было неодинаковым. В поместьях, где вся пашня находилась в краткосрочной аренде, и сданных полностью по арендному контракту, пахотные угодья занимали 62,5% земельного фонда. По уезду общее снижение процента данной категории земель связано с тем, что в имениях с преобладанием экономической запашки, которые составляли свыше 60% всех поместных хозяйств, площадь пашни не превышала 38% удобных земель, и 76,5% залежей приходилось на эти поместья ²⁵⁷. В Курской губернии пашня занимала основную часть дворянских земель. В первые десятилетия пореформенного периода малоземелье крестьян привело к значительному росту арендных цен, а это способствовало тому, что в указанной губернии под пашню в отдельных дворянских хозяйствах

распахивались даже склоны оврагов²⁵⁸. На сенокосы и выгоны в имениях Острогожского уезда приходилось 20% всех угодий, в Белгородском уезде – 9,5%, в Щигровском уезде – 7,4%.

Сравнив данные по Белгородскому уезду за 1865 и 1885 гг., видим, что площадь пашни сократилась с 86% до 80,4%, сенокосов и выгонов – с 9,9% до 9,5%. Так как земская статистика середины 80-х гг. XIX в. не содержит сведений о количестве земель, находившихся под огородами и садами, сократившаяся часть пашни, по видимому, была отведена под эти угодья.

В Воронежской губернии в целом по среднепоместным хозяйствам пахотный фонд земель составлял менее половины всех сельхозугодий, но в имениях с преобладанием краткосрочной аренды и сдаваемых полностью по контракту, пашня занимала большую часть удобных земель. В Курской губернии пашня практически занимала всю площадь дворянских земель, что уменьшало количество сенокосов и выгонов.

Рассмотрим распределение земель в крупных дворянских хозяйствах (см. табл. 22)²⁵⁹.

Таблица 22

Земельный фонд крупного дворянства по основным видам сельскохозяйственных угодий в середине 80-х гг. XIX в. (в дес.)

Уезд	Число имений	Виды сельскохозяйственных угодий			
		усадебная земля	пашня	луга, сенокосы и выгоны	залежи
Острогожский	18	592,2	17 957	23 127,5	21 012,9
Белгородский	14	216	12 816	1 012,5	-
Щигровский	10	143	8 828,4	621,4	-

В Острогожском уезде в крупных имениях сенокосные угодья и выгоны (с учетом лесов и неудобных земель) составляли 33,7% земельного фонда, залежи – 30,7%. Под пашней находилось менее половины земельных угодий. В Белгородском уезде на пахотные угодья приходилось 71,7% удобной земли, в Щигровском уезде – 82,8%. Под сенокосами и выгонами в Белгородском уезде было 5,6% земельного фонда, в Щигровском – 5,8%. В Курской губернии пашня в крупнопоместных хозяйствах, как и в имениях среднего дворянства, занимала большую часть поместных земель, а основное

количество сенокосов и выгонов было в имениях с преобладанием экономической запашки.

По Белгородскому уезду с начала пореформенного периода фонд пахотных земель в крупных имениях сократился с 94% до 71,7%, а сенокосов и выгонов увеличился с 1,6% до 5,6%. Следовательно, в Курской губернии в имениях свыше 500 дес. часть пахотных земель переводилась под сенокосы и другие угодья. Сокращая площадь пашни, владельцы этих имений тем самым уменьшали арендный фонд земель. Именно по данному уезду количество сдаваемых в аренду земель в указанный период сократилось на 10,8%.

В Воронежской губернии (на примере Острогожского уезда) основной фонд дворянских земель находился под сенокосами и залежами. Необходимо отметить, что это в первую очередь относилось к южным уездам губернии, где указанные угодья занимали значительную площадь земель. В Курской губернии пахотные земли доминировали в дворянском земельном фонде. В крупнопоместных хозяйствах их процент снижался в пользу остальных сельхозугодий.

Характер ведения хозяйства в дворянских поместьях во многом определялся наличием сельскохозяйственных орудий. Этот показатель являлся одним из главных критериев эволюционных изменений в земледелии. По исследуемым уездам в рассматриваемом количестве дворянских имений инвентарь был распределен неравномерно (см. табл. 23) ²⁶⁰.

Таблица 23

**Сельскохозяйственные орудия в дворянских хозяйствах
в середине 80-х гг. XIX в.**

Уезд	Количество					
	<i>рал и сох</i>	<i>плугов</i>	<i>борон</i>	<i>сеялок</i>	<i>молотилок</i>	<i>веялок и сортиро- вок</i>
<i>Дворянские хозяйства от 51 до 500 дес.</i>						
Острогожский	25	52	168	4	9	10
Белгородский	29	54	122	7	5	11
Щигоровский	134	26	28	1	21	49
<i>Дворянские хозяйства свыше 500 дес.</i>						
Острогожский	22	383	811	20	26	83
Белгородский	55	160	321	63	5	39
Щигровский	73	20	11	4	9	27

В Острогожском уезде Воронежской губернии на 22 среднепоместных хозяйства приходилось 268 сельскохозяйственных орудий, по 11 на каждое имение. Из них бороны составляли 62,6%, земледельческие орудия (сохи, рала и плуги) – 28,7%, причем плуги преобладали. На 1 земледельческое орудие приходилось 21,6 дес. экономической запашки с паром. В 7 имениях (38,8%) сельскохозяйственный инвентарь отсутствовал. В Белгородском уезде Курской губернии общее число орудий в 9 средних дворянских хозяйствах составляло 228, по 32 на 1 поместье. Из этого количества 53,5% – бороны, земледельческие орудия – 36,4%. В 3-х имениях (33,3%) не было сельскохозяйственного инвентаря. Экономической запашки на 1 земледельческое орудие приходилось 26,2 дес. В Щигровском уезде в 48 среднепоместных хозяйствах находилось 259 орудий, по 5 на имение. Сохи составляли 51,7% общего количества инвентаря. Земледельческих орудий – 160, или 1 орудие на 26,8 дес. экономической запашки с паром. В одном имении не имелось сельхозинвентаря.

Большое количество борон не случайно, так как боронование считалось одним из важных этапов земледельческих работ. Но проводить его «...нужно с толком, и знанием, и хорошими орудиями», при этом «прежде чем обзаводиться той или иной бороной, нужно, впрочем, подумать, всегда ли нужно бороновать, когда боронуют у нас, и нет ли вреда от слишком частого боронования. Наука показывает, что, действительно, такой вред очень часто и бывает. Борона распыляет почву, обращает ее в мелкую пыль, что очень вредно для нее. Так, например, после дождей на такой распыленной почве всегда образуется корка. Оказывается, что вред этот причиняется почве не только от того, что часто боронуют, но и зависят от устройства бороны и зубьев. Если борона слишком легка и сильно прыгает, она действует больше всего ударом и распыляет почву; сильно распыляют почву и все те бороны, у которых круглые зубья. Поэтому желательно, чтобы борона была не особенно легка – чем она тяжелее, тем плавнее ход, и чтобы зубья были или острые, ножевые, или, по крайней мере, квадратные»²⁶¹. Специалисты подчеркивали, что, к большому сожалению, в русских хозяйствах «... самое боронование производится или слишком часто, или несвоевременно»²⁶².

Во всех исследуемых среднепоместных имениях преобладали орудия для обработки пашни и посева и отсутствовали для уборки. В Острогожском и Белгородском уездах плуги составляли большую часть земледельческих орудий. Необходимо отметить, что в имениях Острогожского уезда, отличавшихся наиболее высоким процентом сданных в аренду земель, количество сельскохозяйственного инвентаря было больше, чем в Щигровском уезде с меньшей площадью сданных внаем земель. Объяснялось это тем, что в Острогожском уезде у дворян-помещиков арендовали в основном сенокосы, а в Щигровском – пахотные угодья. Передача в аренду части пахотного фонда уменьшала количество сельскохозяйственного инвентаря. Не имея точных данных о степени обеспеченности имений инвентарем в начале пореформенного периода, невозможно определить его (инвентаря) количественный рост. Значительный ассортимент сельскохозяйственных орудий позволил дворянам-помещикам перейти с издельного найма на полную обработку и уборку (характерного для первого пореформенного десятилетия) к издельному найму на отдельные виды работ (вспашку, прополку, уборку и т.д.).

Отдельно стоит остановиться на одном из вышеуказанных аспектов – в 2-х уездах из 3-х рассматриваемых плуги в среднепоместных хозяйствах составляли большую часть земледельческих орудий. В сравнении с началом 60-х гг. XIX в. это заметный шаг в плане модернизации агротехнической базы поместных хозяйств, тем более, что в Центральном Черноземье использовали двухбороздные плуги, наиболее совершенные, сложные в обслуживании и, как следствие, наиболее дорогие. Среди них плуг-самоход Сака, который пахал до 4-х вершков в глубину; небольшой, но весьма эффективный безрычажный двухлемешник, особенно приспособленный к хозяйствам мелких помещиков; трехколесный рычажный двухлемешник – наиболее сложный в техническом отношении, но удобный в работе, дававший превосходное качество пашни²⁶³. Количественное превалирование плугов над ралами и сохами являлось свидетельством заметного улучшения ремонтной базы сельскохозяйственных орудий в провинции, технической культуры в агросфере, стремления к передовым агротехнологиям. Причем

ставка делалась на собственные силы имения, а не на найм рабочего инвентаря крестьян.

В 18 имениях Острогожского уезда с фондом земель свыше 500 дес. общее количество сельскохозяйственных орудий составляло 1 345, или по 75 на каждое поместье. Из них бороны – 60,3%, земледельческие орудия – 30,1%. На 1 земледельческое орудие приходилось 31,6 дес. экономической запашки с паром. В парке пахотных орудий плуги составляли 94,5%. Основная масса инвентаря (98,1%) находилась в имениях с экономической запашкой. В 14 крупнопоместных хозяйствах Белгородского уезда общее число орудий доходило до 647, или по 46 на 1 имение. Бороны и экстирпаторы – 33,2%. На 1 земледельческое орудие приходилось 34,5 дес. экономической запашки с паром. В трех имениях (21,4%) не было инвентаря. В Щигровском уезде число орудий в 10 крупных хозяйствах – 144, по 14 на 1 имение. В отличие от двух предыдущих уездов, в последнем сохи превышали 50% общего количества орудий. На 1 земледельческое орудие приходилось 53,6 дес. экономической запашки с паром. Как и в среднепоместных хозяйствах, количество орудий уборки в рассматриваемых имениях в источнике не отражено.

В Воронежской и Курской губерниях около 1/3 дворянских хозяйств не имели сельскохозяйственного инвентаря. В сравнении с первыми годами после реформы 19 февраля 1861 года, это, естественно, количественный рост, так как в 60-е гг. XIX в. подавляющая часть поместных имений использовала крестьянский инвентарь. В общем количестве инвентаря преобладали орудия для обработки почв и для посева. По количеству орудий на 1 имение лидировали крупные дворянские хозяйства. Качество инвентаря у них также было лучшим (процент плугов выше), но по его числу на единицу обрабатываемой площади земель они уступали среднепоместным хозяйствам.

Главным показателем энерговооруженности дворянских хозяйств являлась их обеспеченность рабочим скотом (см. табл. 24)²⁶⁴. В исследуемых губерниях таковыми были лошади и волы. Учитывая различную их производительность на единицу площади земли, автор для удобства дальнейших подсчетов приравнял волы к рабочим лошадям по норме 3 вола – 2 лошади²⁶⁵.

**Количество рабочего скота в дворянских хозяйствах
в середине 80-х гг. XIX в.**

Уезд	Имена от 51 до 500 дес.		Имена свыше 500 дес.	
	число имений	количество рабочих лошадей	число имений	количество рабочих лошадей
Острогожский	22	173	18	1 214
Белгородский	9	189	14	550
Щигровский	48	508	10	302

В среднепоместных хозяйствах Острогожского уезда Воронежской губернии на 1 рабочую лошадь приходилось 9,6 дес. экономической запашки с паром, в Белгородском уезде Курской губернии – 13 дес., в Щигровском уезде этой же губернии – 10 дес. В целом, по двум исследуемым губерниям среднее дворянство на единицу площади экономической запашки с паром имело приблизительно одинаковое количество рабочего скота. В имениях свыше 500 дес. аналогичные показатели выглядели следующим образом: в Острогожском уезде – 10,5 дес., Белгородском уезде – 13,5 дес., Щигровском уезде – 16,5 дес. В среднепоместных хозяйствах рабочего скота на 1 дес. экономической запашки с паром было больше, чем в крупных имениях. В Острогожском уезде рабочий скот был во всех рассматриваемых дворянских хозяйствах. В Белгородском и Щигровском уездах он отсутствовал в 3-х поместьях (3,7% общего их числа). Средние показатели наличия рабочего скота в отдельных имениях не отражали значительных количественных колебаний последнего. Так, в имении В. Тулинова в Бобровском уезде Воронежской губернии на 4 248 дес. экономической запашки с паром приходилось 13 лошадей, или 1 рабочая лошадь на 326,7 дес. указанных угодий, а в поместье Воронежского уезда одноименной губернии, где управляющим был Г. Каргин, на 1 рабочую лошадь – 7,9 дес. экономической запашки с паром²⁶⁶. В Воронежской губернии в хозяйствах с экономической запашкой находилось 95,8% всего поместного скота, в Курской губернии – 83%.

Рабочим скотом в Воронежской и Курской губерниях лучше были обеспечены средние дворянские хозяйства. Основная масса

рабочего скота находилась в имениях с экономической запашкой. Приведенные данные о количестве рабочего скота показывают несомненный рост числа последнего в дворянских хозяйствах, так как в поместьях в начале пореформенного периода рабочий скот практически отсутствовал.

Качественный и количественный рост сельскохозяйственного инвентаря и рабочего скота во многом был вызван использованием наемного труда. Масштабы использования труда полевых рабочих зависели не только от наличия инвентаря и капитала, а в первую очередь от степени зрелости рынка рабочей силы в данной местности, регионе. Земские статистики и материалы по отдельным дворянским хозяйствам на этот вопрос дают противоречивые ответы. В одном источнике указывалось на серьезную нехватку наемных полевых рабочих в исследуемых губерниях и даже использование труда солдат местного гарнизона на дворянской запашке, в другом – на избыток их ²⁶⁷. Эта противоречивость утверждений зависела от характера хозяйств респондентов, числа безлошадных и однолошадных крестьянских дворов в конкретной местности, цен на хлеб, рабочие руки и т.п. Подсчеты современных исследователей показывают, что в Центрально-Черноземном регионе в рассматриваемый период предложение рабочих рук несколько превышало спрос ²⁶⁸.

Главными нанимателями выступали дворяне-помещики и зажиточные крестьяне. Нанимались прежде всего «несостоятельные» крестьяне, стремившиеся за счет дополнительных заработков свести концы с концами. Средние собственники старались таким способом поправить свои дела, выбиться «в люди». В среднем, стоимость обработки и уборки 1 дес. равнялась 10,1-11,8 руб. за яровые и 11,7-13,5 руб. за озимые поля. Плата за выполнение поденных работ в весеннее время в разные годы составляла 19-36 коп., в летнее – 32-59 коп. Женщина получала в два раза меньше мужчины. Осенью или зимой многие крестьянские семьи, особенно остро нуждаясь, досрочно нанимались на весенние и летние работы за деньги, зерно и т.п. Цена на труд в этом случае понижалась на 20-30% ²⁶⁹. Взаимоотношения между рабочими и их нанимателями регламентировались «Временными правилами о найме сельских рабочих и слу-

жащих», принятыми 1 апреля 1863 года, и «Положением о найме на сельские работы» от 12 июня 1886 года. Оба документа носили ярко выраженный пропомещичий характер.

Перед конкретным анализом характера найма полевых рабочих необходимо остановиться на понятии пореформенного времени «сдельная работа», которое довольно часто встречается в источниках. Под сдельной работой понимались три вида найма рабочих, по своей содержательной сути резко отличавшиеся друг от друга. Первый вид сдельного найма рабочих подробно описан Е. Варбом: «Наиболее распространенным в частновладельческих хозяйствах является наем на работы “отрядные” или “сдельные”. В основе относящихся сюда сделок лежит не наем, а кредит, и в громадном большинстве случаев они представляют собою договоры об отработке за землю или взятые в затруднительных обстоятельствах на подати деньги. Явление это, как известно, – продукт тех земельных отношений, которые созданы некоторыми особенностями реформы 1861 г. “Иметь определенный контингент рабочих там, где существует крестьянское землевладение и мелкое крестьянское хозяйство, крайне трудно... Но так как тот же крестьянин-хозяин нуждается в земле, то при наличии этого условия всегда можно принудить его к тому, чтоб он уделил часть своего труда на экономию. Таким же путем можно заставить крестьянина работать за те деньги, в которых он так нуждается в периоды выколачивания недоимок, когда предстоит или лечь под розги, или продать последнюю лошадь, или попасть в кулачьи лапы мироеда”»²⁷⁰. То есть название данного вида найма происходит от слова «сделка-договор». Этот сдельный найм подразумевал под собой и осенние, зимние наймы крестьян на весенне-летние работы, когда договор был обусловлен тяжелым положением крестьянской семьи. Второе определение сдельной работы находим у В.И. Даля: «Сдельная работа, случайная, кроме главной. Сдельщик (-щица), работник на всячину, что случится, придется, не на одно известное дело»²⁷¹. Другими словами, это найм рабочих на второстепенные работы. Третий вид сдельного найма определяется современным его понятием, когда оплата производится не за отработанный отрезок времени, а за выполненный объем работ. Данный вид найма удачно показан при

описании хозяйства Степановки А.А. Фета²⁷². Поэтому, когда в источнике указывается сдельный вид найма рабочих, необходимо исходить из каждого отдельного случая, рассматривая весь спектр его условий.

Переходим к рассмотрению числа наемных рабочих в дворянских хозяйствах исследуемых уездов Воронежской и Курской губерний. Земские «Сборники статистических сведений» содержат данные о количестве постоянных рабочих. Сведения о поденщиках отсутствуют. Указанные сборники не содержат данных о полевых рабочих, а показывают число всех наемных рабочих у частных владельцев. При подсчете наемных полевых рабочих автор исходил из того обстоятельства, что их число больше остальных рабочих в 2,5 раза²⁷³. Полевые наемные работницы обычно составляли 25% от числа полевых рабочих. В последующих рассуждениях имеется в виду, что число наемных полевых рабочих включает в себя и тех, и других.

В 22 рассматриваемых среднепоместных имениях Острогожского уезда Воронежской губернии число наемных полевых рабочих составляло 125. По данному уезду нами учитывались только годовые полевые рабочие, так как здесь сроковые обычно использовались в животноводстве. На 1 полевого наемного рабочего приходилось 13 дес. экономической запашки с паром. В Белгородском уезде Курской губернии число полевых рабочих в 9 рассматриваемых среднепоместных имениях доходило до 171, на 1 полевого рабочего – 12,6 дес. экономической запашки с паром. В Щигровском уезде этой же губернии в 48 среднепоместных хозяйствах – 212 полевых наемных рабочих, и на 1 рабочего приходилось 20,3 дес. указанных угодий. В данном уезде, где процент сдаваемой в аренду пашни был выше, чем в остальных уездах, число полевых рабочих оказалось ниже.

В 18 рассматриваемых имениях свыше 500 дес. Острогожского уезда число полевых наемных рабочих составляло 767 и на 1 рабочего приходилось 16,9 дес. экономической запашки с паром. В Белгородском уезде в 14 крупных имениях было 456 полевых наемных рабочих, на каждого из них – 16,3 дес. экономической запашки с паром; в 10 крупных поместьях Щигровского уезда был

131 полевой наемный рабочий и на каждого приходилось 38 дес. экономической запашки с паром²⁷⁴. В средних и крупных щигровских дворянских хозяйствах число полевых наемных рабочих оказалось ниже, чем в поместьях остальных уездов. Увеличение арендного фонда пашни снижало количество полевых наемных рабочих. Необходимо отметить, что в анализируемом источнике по дворянским хозяйствам не учтены поденщики, которые составляли значительную часть наемных рабочих, и это несколько снизило число рабочих на 1 дес. экономической запашки с паром.

На примере Острогожского уезда рассмотрим формы найма рабочих отдельно на обработку земли и на уборку урожая. В среднепоместных имениях обработка пашни под посев производилась в основном годовыми рабочими (40% хозяйств) и смешанно: годовыми и поденщиками (30% поместий). В хозяйствах свыше 500 дес. пашня обрабатывалась, главным образом, совместно годовыми рабочими и сдельно (50,3% имений). В крупных хозяйствах сдельная форма найма господствовала, так как еще в 7,2% поместий использовался исключительно этот вид найма. При уборке урожая в имениях среднего дворянства сдельщина применялась в 50% хозяйств, нанимавших рабочих, в крупных поместьях данный вид найма полевых рабочих на уборку составлял 85,7%. Уборка урожая в дворянских хозяйствах в основном производилась наемными рабочими сдельно, а обработка пашни – годовыми рабочими и сдельно. В рассмотренных случаях сдельного найма имеются в виду его 1 и 3 вышеуказанные значения. Обработку пашни и уборку урожая нельзя отнести к второстепенным работам.

Расширение парка сельскохозяйственных орудий, увеличение числа рабочего скота, применение наемного труда должно было отразиться на размерах экономической запашки. Не имея точных данных о ее площади по рассматриваемым уездам в начале пореформенного периода, можно предположить, что она значительно выросла в имениях среднего дворянства и несколько сократилась в крупных поместьях. Основанием для этого вывода послужило количество сдаваемых в аренду земель в 1865 и 1885 гг. по Белгородскому уезду Курской губернии. С начала 60-х гг. до середины 80-х гг. XIX в. белгородское среднепоместное дворянство сократи-

ло площадь сдаваемых в аренду земель в общем земельном фонде с 20,6% до 9,8%, а крупные владельцы увеличили на 3,5%²⁷⁵.

В рассматриваемый период трехпольная система оставалась основной формой севооборота. Многопольные севообороты занимали незначительную площадь помещичьих земель. К концу XIX в. на них приходилось, например, в Острогожском уезде Воронежской губернии 0,8% пашни, в Задонском уезде этой же губернии – 1,5%²⁷⁶. Удобрялось экономической запашки в Воронежской губернии 6,2%, в Курской губернии – 10%. В большинстве дворянских имений восстановления плодородия почвы добивались, оставляя ее под паром или более глубокой вспашкой.

Улучшение агротехнической базы дворянских хозяйств и рост их энерговооруженности изменили пропорции пахотных угодий под посевами различных культур. В рамках исследуемых уездов одной губернии провести анализ этих изменений невозможно. Соответствующие данные на начало пореформенного периода имеются по Белгородскому уезду Курской губернии, а на конец XIX в. – по Острогожскому уезду Воронежской губернии. Из-за однотипности их экономического развития сравнение посевных площадей под различными хлебными злаками в этих уездах не приведет к серьезным искажениям в целом по Центрально-Черноземному региону.

Площадь пашни под озимыми в средних дворянских хозяйствах с 1865 по 1887 гг. увеличилась с 15% до 46,8%. Размеры посевов пшеницы в них сократились с 33% до 20,6%. В отличие от первого пореформенного пятилетия, когда яровая пшеница практически не включалась в севооборот, в конце 80-х гг. XIX в. ее площадь в экономической запашке (без учета пара) составляла уже 21,7%. Размеры посевов овса, проса сократились в яровом клине с 93% до 14,2%. С другой стороны, выросли посевные площади ячменя с 0,02% до 2,4%. Площадь под картофелем оставалась на прежнем уровне (0,01% всех посевов). Основной злаковой культурой в средних дворянских хозяйствах стала пшеница.

В крупных поместьях посевы озимых в пахотном фонде земель были расширены с 23,1% до 38%. В озимом клине площадь пшеницы увеличилась с 14,6% до 15,8%. Размеры посевов пшеницы на яровом поле доходили до 28,5% вместо прежних 12,8%. Здесь же посевы ячменя сократились с 13% до 6%, а проса, овса,

гречихи – с 59,7% до 10,8%. Технические культуры занимали 10,4% пашни. В начале пореформенного периода их посевы не превышали 1% пахотных угодий²⁷⁷. Соотношение площадей посевов кормовых трав проследить по годам не удалось из-за отсутствия необходимых сведений за 1887 год.

В губерниях Черноземного Центра в рассматриваемый период произошло увеличение процента озимых культур в экономической запашке дворянских хозяйств. Главной культурой стала пшеница, преобладала яровая. Значительно выросли площади посевов технических культур в крупных поместьях. Данное увеличение и изменение пропорций посевов в пользу пшеницы указывало на возросшую товарность дворянских хозяйств и общий рост агротехнической культуры в них.

Анализ различных аспектов состояния земледелия в дворянских хозяйствах Центрально-Черноземного региона на примере отдельных уездов Воронежской и Курской губерний помог выявить в них эволюционные изменения капиталистического характера. Но определенный ответ на вопрос о соотношении капиталистической и отработочной систем не был получен. Необходимо отметить, что точного ответа на указанный вопрос дать невозможно, так как в этом случае пришлось бы учитывать все изменения и все хозяйственные операции в указанных системах. Для определения уровня развития капитализма в дворянских хозяйствах автор исследовал основные факторы производственно-технического и социально-экономического характера: наличие рабочего скота и инвентаря, масштабы применения наемного труда и площади сдаваемой в аренду земли. Опираясь на эти данные, он произвел подсчеты по 121 рассматриваемому имени исследуемых губерний (см. прил. 11).

Площадь пашни, обрабатывавшейся владельческим рабочим скотом, была вычислена из расчета, что 1 рабочая лошадь при трехпольном севообороте может обработать 7-10 дес. пашни²⁷⁸. Во избежание получения относительно завышенных показателей автор производил подсчеты из соотношения 8 дес. на 1 рабочую лошадь.

При подсчете площади пашни с паром, обрабатывавшейся полевыми рабочими, нами было принято следующее соотношение:

10 постоянных рабочих для полной обработки 100 дес. (включая уборку)²⁷⁹. Залежи по Острогожскому уезду не учитывались.

Отработки 1-го вида (обработка владельческой пашни крестьянским рабочим скотом и инвентарем) подсчитаны как разница экономической запашки с паром и площади экономической запашки с паром, обрабатывавшейся владельческим рабочим скотом. Отработки 2-го вида (обработка владельческой запашки инвентарем и рабочим скотом экономии) – разность между экономической запашкой с паром, обрабатывавшейся владельческим скотом, и экономической запашкой с паром, обрабатывавшейся полевыми рабочими²⁸⁰.

При указанных подсчетах по Острогожскому и Щигровскому уездам были исключены рабочий скот, инвентарь и полевые рабочие имений, сдаваемых в аренду в полном составе, и хозяйств, где вся пашня находилась в краткосрочной аренде. Данные показатели по этим категориям дворянских хозяйств отражали факт владения, но не пользования.

Рассмотрим полученные результаты. Большая часть экономической запашки с паром обрабатывалась наемными рабочими (54,7%) и владельческим рабочим скотом (72,1%). В Щигровском уезде наличие значительного арендного фонда земель несколько снизило этот показатель. Здесь необходимо учитывать отсутствие данных о числе поденщиков, что также снизило соответствующие показатели. В двух уездах (Белгородском и Щигровском) из трех рассматриваемых на 44,2% всей пашни дворянских имений применялись чисто капиталистические методы ее обработки (пашня с паром, обрабатываемая полевыми рабочими + аренда крестьян с наемными рабочими). Более распространены были отработки 1-го вида (присутствовали во всех уездах), но при обработке экономической запашки они ни в одном из рассматриваемых уездов не являлись преимущественным способом ее обработки. Отработки 1-го и 2-го видов раздельно также не являлись основными способами обработки владельческих запашек. В целом, капиталистические начала уже доминировали в дворянских хозяйствах.

В то же время необходимо указать, что испольный найм, или из части урожая, объективно в рассматриваемый период был выго-

ден обеим сторонам договора и весьма широко распространен в центрально-черноземных губерниях. Помещику необходимо было получить продукт для реализации на рынке, крестьянин не мог арендовать землю за деньги ввиду их отсутствия, но мог предложить свои руки или часть урожая с обработанного им участка помещичьей земли. Обоих это устраивало. Исполный найм имел как свои плюсы, так и минусы. А.А. Фет показывает их: «... Предшественник мой, не управляясь с запашкой, был вынужден отдавать большую ее часть исполу, то есть за пользование отдаваемою землею получать только половину продуктов свезенными и сложенными на гумно. По-видимому, что может быть проще и удобнее этой системы, тем более, что чистая прибыль, получаемая при наилучшей организации полного собственного хозяйства, если взять в соображение все сопряженные с ним расходы, едва ли превысит прибыль исполную? Наемщик при обработке исполной десятины не менее хозяина заинтересован доброкачественною подготовкою почвы и охранением хлеба от побоев и потрав. Чего же лучше? И покойно, и безубыточно. Но дело в том, что наемщик, свозя с вашего поля половину продуктов, тем самым лишает вас возможности удобрять его, и в несколько лет земля будет совершенно истощена, ... половина моей озимой запашки в прошлом году была моим предшественником роздана исполу, и, хотя я записал по порядку имена главных съемщиков и количество снятых каждым из них десятин, тем не менее, весной не мог понять, как они разберутся со своими участками. Главные наемщики раздавали свои участки дробными частями, что привело к окончательной запашке и уничтожению меж, которые мне по окончании осенних работ пришлось восстанавливать с неимоверными усилиями. Можно ли вести вольнонаемное хлебопашество без ясно обозначенных меж?»²⁸¹.

К тому же спрос на рабочие руки в поместьях очень часто превышал предложение. Нередко в рамках одной губернии в отдельных уездах был их переизбыток, в других – дефицит. Например, орловский губернатор в своем отчете за 1892 год писал: «Если бы земские управы тех обширных местностей, где является потребность в рабочей силе, своевременно предупреждали о сем земские

управы густонаселенных и малоземельных уездов, последние могли бы правильно организовать партии рабочих и направлять их в данную местность в твердой уверенности, что они не только прокормятся, но и вернутся с хорошим заработком»²⁸².

Все вышесказанное снижало процент использования вольнонаемного труда в дворянских хозяйствах.

Для изучения дворянских хозяйств 90-х гг. XIX в. практически единственным массовым источником является комплекс сведений Государственного Дворянского земельного банка. Как уже было отмечено выше, этот источник не может вполне объективно отразить состояние дворянских хозяйств, так как он располагает данными только о залоговых имениях. Но, учитывая, что определенная часть владельцев поместий закладывала земли в ипотечных учреждениях под кредиты для капиталистической перестройки хозяйств, на материалах указанного источника можно проследить тенденции эволюционных изменений в дворянских хозяйствах.

Площадь пахотных земель 58 дворянских имений (34 046,7 дес.) Курской губернии, заложенных в Государственном Дворянском банке в 1892 году, составляла 64,4% всех угодий. Следовательно, с середины 80-х гг. XIX в. фонд пахотных земель сократился в губернии на 1,1%. Это свидетельствовало о тенденции к установлению необходимой пропорции между сельскохозяйственными угодьями для самостоятельного ведения хозяйства, но не относилось к мелкопоместным имениям, где площадь пашни превышала 90% земельного фонда. Применение наемного труда отмечено в 39 имениях, или 66,2% их общего числа. Соотношение размеров использования наемного труда и отработок в этих хозяйствах источник не раскрывает.

Площадь пашни 48 воронежских залоговых имений (63 012,7 дес.) к середине 90-х гг. XIX в. составляла до 48% земельного фонда. В указанной губернии с середины 80-х гг. (на примере Острогожского уезда) этот показатель увеличился на 20,2%. Степные залежи переводились в разряд пашни, тем самым расширялась площадь земель для непосредственного приложения капитала. Наемные рабочие использовались в 32 хозяйствах, или 66,6% их общего числа²⁸³.

Учитывая специфику исследуемых имений, можно утверждать, что изменения, произошедшие в рассматриваемый короткий отрезок времени, свидетельствуют о дальнейшей капиталистической эволюции дворянского хозяйства.

Реформа 19 февраля 1861 года поставила перед дворянами-помещиками задачу реорганизации их хозяйств. Отсутствие необходимых условий для быстрого перехода поместий к системе ведения хозяйства на капиталистических началах обусловило параллельное развитие капиталистической и отработочной систем ведения хозяйства. К началу 70-х гг. XIX в. в Центрально-Черноземном регионе барщинная форма хозяйства практически была вытеснена. В указанный период произошло окончательное разделение дворянских имений по основным видам сельскохозяйственной деятельности, что привело к их большей специализации, товарности. К концу XIX в. в дворянских поместьях преобладали капиталистические методы ведения хозяйства, хотя широко были представлены и отработки.

Примечания

1. Военно-статистический сборник. СПб., 1871. Вып. IV. С.188.

2. *Шевченко М.М.* Социально-экономическая характеристика Воронежской губернии в эпоху разложения и кризиса феодализма // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма. Воронеж, 1987. С. 103-104.

3. *Климов И.Я.* Курская губерния во II-й половине XIX в. // Курский педагогический институт. Ученые записки. Курск, 1968. Т. 47. Ч. 2. С. 7; Списки населенных мест Российской империи. Курская губерния. СПб., 1868. Вып. XX. С. XIV; Труды Курского губернского статистического комитета. Курск, 1866. Вып. I. С. 1.

4. *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России. 1861-1904 гг. С. 292-299.

5. *Ковальченко И.Д.* Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. С. 80.

6. *Скребицкий А.* Крестьянское дело в царствование императора Александра II. Бонн-на-Рейне, 1865. Т. II. Ч. II. С. 1624; РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. Д. 47. Л. 2.

7. *Михалевич В.* Материалы географии и статистики России. Воронежская губерния. Собранные офицерами генерального штаба. СПб., 1862. С. 187.

8. *Литвак Б.Г.* русская деревня в реформе 1861 г. Черноземный центр. 1861-1895 гг. С. 93.

9. *Богданов Г. М.* Проведение реформы 1861 г. в Курской губернии // В помощь учителю. Курск, 1959; *Литвак Б.Г.* Указ. соч.

10. Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше. Воронежская губерния. СПб., 1860. Т. I.

11. *Скребицкий А.* Указ. соч.

12. Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше. Воронежская губерния. СПб., 1860. Т. I.; *Скребицкий А.* Указ. соч. С. 1503, 1505, 1531, 1533. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).

13. *Князь Васильчиков А.* Землевладение и земледелие в России и других Европейских государствах: в 2-х т. СПб., 1876. Т. II. С. 787.

14. РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. Д. 47. Л. 2; *Шепукова Н.М.* Об изменении размеров душевладения помещиков Европейской России в первой четверти XVII – первой половине XIX вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963. Вильнюс, 1964. С. 409.

15. Там же.

16. Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше. Курская губерния. СПб., 1860. Т. I.; *Скребицкий А.* Указ. соч. С. 1503, 1505, 1531, 1533.

17. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2892. Л. 2; Ф. 1281. Оп. 6. Д. 47. Л. 2.

18. Извлечение из описаний имений в 100 душ и свыше. Курская губерния. Т. I. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).

19. *Рянский Л.М., Рянский Р.Л.* Очерки социально-экономической истории крепостной деревни Курской губернии первой половины XIX века. Курск, 2009. С. 120.

20. РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. Д. 64. Л. 7; *Шепукова Н.М.* Указ. соч. С. 409, 418.

21. Там же.
22. Там же.
23. *Ковальченко И.Д.* Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX века. С. 81-82.
24. Там же. С. 80-82.
25. Там же. С. 82.
26. Военно-статистический сборник. Россия. СПб., 1871. Вып. V. С. 189.
27. *Рянский Л.М., Рянский Р.Л.* Указ. соч. С. 116-117.
28. Труды Курского губернского статистического комитета. Курск, 1863. Вып. I. С. 108-286.
29. Объяснение статистических сведений о количестве крестьян и земель в 25 великорусских губерниях // Сельское хозяйство. 1861. Т. 2. Ч. 1. С. 190.
30. Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше. Воронежская губерния. Т. 1. С. 12-13.
31. *Литвак Б.Г.* Указ. соч. С. 56.
32. Там же.
33. Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше. Воронежская губерния. Курская губерния. Т. I. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).
34. *Рянский Л.М., Рянский Р.Л.* Указ. соч. С. 123.
35. Цит. по: *Рянский Л.М., Рянский Р.Л.* Указ. соч. С. 123.
36. *Ковальченко И.Д.* Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX века (к истории кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства). М., 1959. С. 66.
37. *Михалевич В.* Указ. соч. С. 177; *Скребицкий А.* Указ. соч. Т. 3. С. 1286-1287.
38. *Бунеева Е.Н.* Состав населения воронежской вотчины графов Бутурлиных и его хозяйственные занятия // Юг России и Украина в прошлом и настоящем: история, экономика, культура. Сборник научных трудов VI Международной научной конференции (г. Белгород, 27-28 октября 2011 г.). С. 26.
39. Там же. С. 27.

40. Там же; *Рылеев К.Ф.* Стихотворения. Статьи. Очерки. Докладные записки. Письма. М., 1956. С. 296.
41. *Бунеева Е.Н.* Указ. соч. С. 27.
42. Там же. С. 28.
43. *Литвак Б.Г.* Указ. соч. С. 77.
44. *Рянский Л.М., Рянский Р.Л.* Указ. соч. С. 124.
45. Там же.
46. РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. Д. 64. Л. 56.
47. *Тарасов Б.Ю.* Россия крепостная. История народного рабства. М., 2011. С. 103.
48. *Князь Волконский Н.* Условия помещичьего хозяйства при крепостном праве. Рязань, 1898. С. 33.
49. РГИА. Ф. 1281. Оп. 4. Д. 55. Л. 44.
50. *Козлов С.А.* Аграрные традиции и новации в дореформенной России (центрально-нечерноземные губернии). М., 2002. С. 78-79.
51. Там же. С. 80.
52. *Князь Волконский Н.* Указ соч. С. 33.
53. РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. Д. 55. Л. 44.
54. *Советов А.В.* О системах земледелия. М., 2009. С. 105.
55. РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. Д. 38. Л. 12.
56. Отчет братьев Бутенко о количестве проданных ими машин в 1860 г. // Сельское хозяйство. 1861. № 3. С. 182-185.
57. *Варб Е.* Вопрос о наемных рабочих в сельском хозяйстве // Русская мысль. 1897. Кн. 10. С. 148.
58. *Князь Волконский Н.* Указ. соч. С. 6.
59. Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше. Курская губерния. Т. I. С. 5, 10.
60. *Красковский К.* Хозяйственно-статистический очерк Старо-Ивановской вотчины Воронежской губернии Бирюченского уезда. М., 1861. С. 15.
61. *Ковальченко И.Д.* Указ. соч. С. 68-69, 270.
62. *Сивков К.В.* Очерки по истории крепостного хозяйства и крестьянского движения в России в первой половине XIX века. По материалам архива Степных вотчин Юсуповых. М., 1951. С. 105-106.

63. *Ковальченко И.Д.* К вопросу о состоянии помещичьего хозяйства перед отменой крепостного права в России // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1959. М., 1961. С. 194.
64. Там же. С. 197.
65. Описание курской Коренной очередной выставки сельских произведений. Курск, 1852. С. 5. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).
66. *Афанасьев Н.* Указ. соч. С. 39.
67. *Ковальченко И.Д.* Указ. соч. С. 200.
68. *Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР: в 2 т. Т. I. М., 1952. С. 570.
69. Там же. С. 571.
70. *Щепетов К.Н.* Крепостное право в вотчинах Шереметевых (1708-1855). М., 1947. С. 217; *Рянский Л.М., Рянский Р.Л.* Указ. соч. С. 129-131.
71. *Греков Б.Д.* Тамбовское имение М.С. Лунина в первой четверти XIX в. // Избранные труды. Т. III. М., 1960. С. 284-285.
72. *Коновалов В.С.* Проблемы крепостного права в отечественной и зарубежной историографии (обзор) // Реформа 1861 г. в истории России. К 150-летию отмены крепостного права / отв. ред. В.С. Коновалов. М., 2011. С. 308.
73. *Боровой С.Я.* К вопросу о задолженности помещичьего землевладения в предреформенный период // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1968. Л., 1972. С. 197.
74. *Жигачев Е.* Задолженность частного землевладения в России // Русская мысль. 1892. Кн. 11. С. 42-44.
75. *Скребицкий А.* Указ. соч. С. 1241.
76. Там же. С. 1242-1245.
77. Банковские долги и положение губерний в 1856 г. // Журнал МВД. 1860. Февраль. С. 207.
78. *Кауфман И.И.* О задолженности землевладения в связи со статистическими данными о притоке капиталов к помещичьему землевладению со времени освобождения крестьян // Временник Центрального статистического комитета МВД. 1882. № 2. Прил. I.
79. *Боровой С.Я.* Кредит и банки России. М., 1958. С. 199.
80. *Кауфман И.И.* Указ. соч. С. 381-382.
81. *Рянский Л.М., Рянский Р.Л.* Указ. соч. С. 195.

82. *Рянский Р.Л.* Помещичье хозяйство Курской губернии перед отменой крепостного права (к проблеме кризиса крепостничества в России): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2006. С. 21.

83. *Терпигорев С.Н. (Атава С.)*. Оскудение // Собрание сочинений. Т. I. Ч. I. СПб., 1899. С.3.

84. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Пошехонская старина. М., 1975. С. 378-379.

85. Крестьянское движение в Воронежской губернии. Воронеж, 1961. С. 12.

86. *Марков М.* Губернские комитеты // Крепостное право в России и реформа 19 февраля. СПб., 1911. С. 300.

87. *Майерс Д.* Социальная психология. СПб., 2011. С. 367.

88. *Семевский В.И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века: в 2 т. Т. II. СПб., 1888. С. 399, 411.

89. *Марков М.* Указ. соч. С. 303, 306.

90. *Богданов Г.М.* Указ. соч. С. 33-34.

91. Проект положения об улучшении быта помещичьих крестьян Курской губернии. [Б. м.].

92. Свод предметов, обративших на себя внимание дворянства Воронежской губернии на уездных совещаниях по вопросу об устройстве быта помещичьих крестьян. [Б. м.]. С. 10-12; *Карпачев М.Д.* О некоторых особенностях отмены крепостного права в Воронежской губернии // Крестьянство и власть в России (IX-XX). К 150-летию отмены крепостного права. Материалы научной конференции (г. Липецк, 12-13 апреля 2011 года). Липецк, 2011. С. 5-6.

93. *Ходский Л.В.* Экономические принципы крестьянской реформы и их возможное развитие // Русская мысль. 1881. Кн. 7. С. 3.

94. *Скребицкий А.* Указ. соч. Т. II. Ч. II. С. 214-215.

95. Свод предметов, обративших на себя внимание дворянства Воронежской губернии на уездных совещаниях по вопросу об устройстве быта помещичьих крестьян. [Б. м.]. С. 10-12; Проект об улучшении быта помещичьих крестьян Курской губернии. [Б. м.] С. II.

96. Военно-статистический сборник. Россия. Вып. IV. С. 189; *Скребицкий А.* Указ. соч. Т. 4. С. 1234.

97. Проект положения об улучшении быта помещичьих крестьян Курской губернии. С. IV.

98. Свод предметов, обративших на себя внимание дворянства Воронежской губернии на уездных совещаниях по вопросу об устройстве быта помещичьих крестьян. С. 12-13.

99. Там же.

100. Россия под надзором. Отчеты III отделения. 1827-1869 / сост. Е.И. Щербакова. М., 2006. С. 451.

101. *Скребицкий А.* Указ. соч. Т.4. С.584-585.

102. *Богданов Г.М.* Указ. соч. С. 45-46.

103. Крестьянская реформа 1861 года. Сборник законодательных актов / сост. *К.А. Софроненко.* М., 1954. С. 394.

104. Там же.

105. Там же. С. 396.

106. *Богданов Г.М.* Указ. соч. С. 38-39.

107. РГИА. Ф. 1291. Оп. 1. Д. 135. Л. 1-15.

108. *Скребицкий А.* Указ. соч. Т. 4. С. 1234.

109. *Скребицкий А.* Указ. соч. Т. II. Ч. II. С. 1556; Т. III. С. 1289.

110. Сведения о настоящем положении дворянских имений Воронежской губернии. [Б. м.]. С. 32.

111. ГАВО. Ф. 26. Оп. 2. Д. 90. Л. 23-24; ГАКО. Ф. 68. Оп. 3. Д. 560. Л. 5-6.

112. Положение 19 февраля 1861 г. о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. М., 1916. С. 123.

113. *Литвак Б.Г.* Указ. соч. С.127, 172.

114. Там же. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).

115. Там же. С. 182-185.

116. Материалы Редакционных комиссий по крестьянскому делу. СПб., 1860. Т. 3. Кн. 1. С. 461-462; Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше. Воронежская губерния. Т. I; *Литвак Б.Г.* Указ. соч. С. 180.

117. Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше. Курская губерния. Т. I; *Литвак Б.Г.* Указ. соч. С. 184; *Скребицкий А.* Указ. соч. Т. II. Ч. II. С. 1531-1533. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).

118. *Литуев В.Н.* Земельная собственность как дворянская монополия в капиталистической России. М., 1997. С. 55-56.

119. *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России. 1861-1904 гг. С. 53.

120. Там же.

121. *Литуев В.Н.* Указ. соч. С. 56-57.

122. Движение землевладения потомственных дворян с 1861 по 1897 гг. Приложение к отчету Государственного Дворянского Земельного банка за 1896 г. СПб., 1898. С. 38-39; Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше. Воронежская губерния. Т. 1; *Литвак Б.Г.* Указ. соч. С. 180; Статистика землевладения 1905. Воронежская губерния. Вып. V. СПб., 1906. С. 12. (Данные за 1863 г. подсчитаны нами. – *В.Ш.*).

123. Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше. Воронежская губерния. С. 2-45; *Скребицкий А.* Указ. соч. Т. IV. С. 1503, 1505, 1531, 1533. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).

124. РГИА. Ф. 588. Оп. 2. Д. 1512. Л. 139.

125. ГАКО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 190. Л. 19.

126. Свод данных о купле, продаже земель в 45 губерниях Европейской России за тридцатилетие. 1863-1892 гг. [Б. м.]. С. 50-55. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).

127. Там же.

128. *Лященко П.И.* Мобилизация землевладения в России и его статистика // Русская мысль. 1905. Кн. I. С. 40.

129. *Терпигоров С.Н. (Атава С.).* Оскудение // Собрание сочинений. Т. I. Ч. I. С. 23-24.

130. Свод данных о купле, продаже земель в 45 губерниях Европейской России за тридцатилетие. 1863-1892 гг. С. 56-61. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).

131. РГИА. Ф. 1281. Оп. 7. Д. 60. Л. 4; Д. 72. Л. 4.

132. Движение землевладения потомственных дворян с 1861 по 1897. гг. С. 38-39; Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше. Курская губерния. Т. I; *Литвак Б.Г.* Указ. соч. С. 184; *Скребицкий А.* Указ. соч. Т.4.. С. 1531-1533. – Данные за 1863 г. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).

133. *Литвак Б.Г.* Указ. соч. С. 95.

134. *Советов А.В.* Указ. соч. С. 117-118.
135. *Васильчиков А.И.* Землевладение и земледелие в России и других Европейских государствах. СПб., 1881. Т. I. С. 456.
136. Там же.
137. *Анфимов А.М.* Майоратное землевладение в царской России // История СССР. 1962. № 5. С. 152.
138. *Михалевич В.* Указ. соч. С. 145.
139. *Анфимов А.М.* Указ. соч. С. 156. Имена, в которых менее 10 тыс. дес., объявлены майоратами по количеству дохода в них. – *В.Ш.*
140. Там же.
141. *Баратынский И.Е.* Из губернии. СПб., 1887. С. 99.
142. Движение землевладения потомственных дворян с 1861 по 1897 гг. Приложение к отчету Государственного Дворянского Земельного банка за 1896 г. СПб., 1898. С. 38-39; Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше. Воронежская губерния. Т. I; *Литвак Б.Г.* Указ. соч. С. 180; Статистика землевладения 1905 г. Воронежская губерния. Вып. V. С. 12. (Данные за 1863 г. подсчитаны нами. – *В.Ш.*).
143. *Лященко П.И.* Мобилизация землевладения в России и его статистика // Русская мысль. 1905. Кн. I. С. 40; *де Ливрон В.* Статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1874. С. 36; РГИА. Ф. 1281. Оп. 7. Д. 54. Л. 2.
144. Статистика землевладения 1905 г. Вып. V. С. 12-13. Из графы «Прочие сословия» исключены поземельные общества и товарищества. (Примечание *В.Ш.*).
145. Там же.
146. *Никольский А.* Подробности аграрного вопроса в черноземной России // Русская мысль. 1880. Кн. 12. С. 80.
147. Статистика землевладения 1905 г. Вып. V. С. 13.
148. Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. Вып. I. СПб., 1880. С. 153.
149. *Яснопольский М.* Развитие дворянского землевладения в современной России // Мир Божий. 1903. № 12. С. 220.
150. Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. Вып. I. СПб., 1880. С. 153.

151. Там же.

152. Свод данных о купле, продаже земель в 45 губерниях Европейской России за 30-летие. 1863-1892 гг. [Б.м.]. С. 50-55. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).

153. Там же. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).

154. Движение землевладения потомственных дворян с 1861 по 1897 гг. С. 40-41; Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше. Курская губерния. Т. I; Статистика землевладения 1905 г. СПб., 1906. Вып. XXXVII. С. 12. (Данные за 1863 г. подсчитаны нами. – *В.Ш.*).

155. Статистика землевладения 1905 г. Вып. XXXVII. С. 12-13. (В таблицу не включены земли обществ и товариществ. – *В.Ш.*).

156. Статистический временник Российской империи. Поземельная собственность Европейской России. 1877-1878 гг. СПб., 1886. Сер. III. Вып. X. С. 3.

157. Сборник статистических сведений по Курской губернии. Курский уезд. Курск, 1883. Вып. I. С. 7.

158. Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. Вып. I. С. 223. (В таблицу не включены земли обществ и товариществ. – *В.Ш.*).

159. ГАКО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 190. Л. 21, 24.

160. *Святловский В.В.* Мобилизация земельной собственности в России (1861-1908 гг.). СПб., 1911. С. 116.

161. Материалы по статистике движения землевладения в России. СПб., 1896. Вып. XIII. Табл. IV. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).

162. Хозяйственно-статистические данные по имениям, заключенным в Обществе Взаимного Поземельного кредита с 1863 по 1880 гг. СПб., 1880. С. 244-245.

163. *Проскуракова Н.А.* Размещение и структура дворянского землевладения Европейской России в конце XIX – начале XX вв. // История СССР. 1973. № 1. С. 64.

164. РГИА. Ф. 1281. Оп. 7. Д. 60. Л. 2; Там же. Д. 72. Л. 4.

165. *Хрулев С.С.* Наш ипотечный кредит. СПб., 1898. С. 145.

166. *Голубев А.К.* Сведения о ссудах, выданных земельно-кредитными учреждениями. СПб., 1880. С. 5.

167. РГИА. Ф. 1281. Оп. 7. Д. 72. Л. 4.
168. *Голубев А. К.* Указ. соч. С. 10.
169. Статистика землевладения 1905 г. Вып. V. С. 38.
170. Там же. С. 26. (В таблицу включены земли обществ и товариществ. – *В.Ш.*).
171. Там же. С. 13, 26.
172. *Ковальченко И.Д.* Аграрный рынок и характер аграрного строя Европейской России в конце XIX – начале XX вв. // История СССР. № 2. С. 46.
173. Свод данных о купле, продаже земель в 45 губерниях Европейской России за тридцатилетие. 1863-1892. С. 4.
174. *Лященко П.И.* Указ. соч. С. 54.
175. Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 г. Курская губерния. СПб., 1899. Вып. XX. С. 6.
176. *Минарик Л.П.* «Статистика землевладения 1905 г.» как источник по изучению крупного помещичьего землевладения в начале XX века // Малоисследованные источники по истории СССР XIX-XX вв. М., 1964. С. 58.
177. Там же. С. 62.
178. Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. Вып. I. С. 153; Статистика землевладения 1905 г. Вып. V. С. 24.
179. Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. Вып. I. С. 150; Статистика землевладения 1905 г. Вып. V. С. 24.
180. Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. Вып. I. С. 153; Статистика землевладения 1905 г. Вып. V. С. 24.
181. *Минарик Л.П.* Происхождение и состав земельных владений крупнейших помещиков России конца XIX – начала XX вв. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьян СССР. М., 1964. Вып. VI. С. 365, 368.
182. РГИА. Ф. 573. Оп. 25. Д. 223. Л. 19.
183. *В.В.* Дворянское землевладение после реформы // Русская мысль. 1898. Кн. X. С. 80.
184. Статистика землевладения 1905 г. Вып. XXXVII. С. 39.

185. *Проскурякова Н.А.* Указ. соч. С. 59.
186. Статистика землевладения 1905 г. Вып. XXXVII. С. 10-13. (В таблицу включены земли обществ и товариществ. – *В.Ш.*).
187. *Шаповалов В.А.* Пореформенная эволюция земельного рынка Европейской России как отражение буржуазной модернизации сословной структуры общества // Юг России и Украина в прошлом и настоящем: история, экономика, культура. Сборник научных трудов VII Международной научной конференции (г. Белгород, 27-28 октября 2011 г.). С. 205.
188. *Ковальченко И.Д., Милов Л.В.* Всероссийский аграрный рынок XVIII – начало XX в.: опыт количественного анализа. М., 1974. С. 250.
189. *Литуев В.Н.* Указ. соч. С. 141.
190. Материалы по статистике движения землевладения в России. СПб., 1903. Вып. VI. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).
191. Статистика землевладения 1905 г. Вып. XXXVII. С. 28; Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. Вып. I. С. 223.
192. Цифровые данные о поземельной собственности в Европейской России. СПб., 1897. С. 31.
193. Материалы по статистике движения землевладения в России. Вып. XIII. Табл. IV.
194. *Проскурякова Н.А.* Указ. соч. С. 64.
195. *Хрулев С.С.* Указ. соч. С. 140-141.
196. Там же.
197. *Мигулин П.П.* Русский государственный кредит (1796-1899): в 2 т. Т.1. Харьков, 1899. С. 531.
198. Результаты принудительных продаж недвижимых имуществ в Обществе Взаимного Поземельного Кредита // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1887. № 10. С. 357.
199. *Хрулев С.С.* Указ. соч. С. 68.
200. Внутреннее обозрение // Русская мысль. Кн. IV. С. 141-142.
201. Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше. Т. I; *Литвак Б.Г.* Переворот 1861 г. в России: почему не ре-

ализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991. С. 157; Объяснение статистических сведений о количестве крестьян и земель в 25 великорусских губерниях // Сельское хозяйство. 1861. Т. 2. Ч. 1. С. 190. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).

202. *В.В.* Сельско-хозяйственные очерки России // Русская мысль. 1882. Кн. VI. С. 123-124.

203. ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 55. Л. 1-16.

204. Там же. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).

205. *Бунин И.А.* Антоновские яблоки // Собрание сочинений в пяти томах. Т. I. М., 1956. С. 193.

206. ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 55. Л. 1-16. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).

207. *Дружинин Н.М.* Русская деревня на переломе. 1861-1880. М., 1978. С. 140.

208. ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 55. Л. 1-16. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).

209. Село Анна Воронежской губернии Бобровского уезда // Труды Императорского Вольного Экономического общества. 1869. Т. 2. Вып. 4. С. 308.

210. Хозяйственный учет с. Шебекина Курской губернии Белгородского уезда, владения гг. Ребиндер. Белгород, 1871. С.4.

211. *Князь Васильчиков А.И.* Землевладение и земледелие в России и других Европейских государствах. СПб., 1881. Т. 1. С. 456.

212. *В.В.* Указ. соч. С. 122-123.

213. Село Анна Воронежской губернии Бобровского уезда. С. 312.

214. *Литвак Б.Г.* Русская деревня в реформе 1861 г. Черноземный центр. 1861-1895 гг. С. 328.

215. ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 55. Л. 1-16. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).

216. РГИА. Ф. 911. Оп. 1. Д. 272. Л. 2-37. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).

217. *Карышев Н.А.* Итоги экономического исследования России по данным земской статистики. Дерпт, 1892. Т. 2. С. 82. (По

Острогожскому уезду процент аренды земли у дворян нами пересчитан. – *В.Ш.*).

218. Сборник статистических сведений по Воронежской губернии. Т. 2. Вып. III. Частновладельческое хозяйство и материалы для определения ценности и доходности земель Острогожского уезда. Воронеж, 1887. С. 20-21, 26-27, 50-51, 54-55; Сборник статистических сведений по Курской губернии. Вып. VIII. Статистические сведения по Щигровскому уезду. Курск, 1885. Ч. 2. Вып. X. С. 26-39, 68-69. Статистические сведения по Белгородскому уезду. Курск, 1885. С. 240-243.

219. Там же.

220. *Карышев Н.А.* Указ. соч. С. 315.

221. *Анфимов А.М.* Земельная аренда в России в начале XX в. М., 1961. С. 36.

222. Сборник статистических сведений по Воронежской губернии. Т. II. Вып. III. С. 26-27, 50-51, 54-55. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).

223. Курская губерния. Итоги статистического исследования. Курск, 1887. С. 163.

224. Там же. С. 169.

225. Сборник статистических сведений по Курской губернии. Вып. X. С. 240-243. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).

226. Сборник статистических сведений по Воронежской губернии. Т. II. Вып. III. С. 20-21, 26-27, 50-51, 54-55; Сборник статистических сведений по Курской губернии. Вып. VIII. Ч. II. С. 26-39, 68-69. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).

227. Сборник статистических сведений по Воронежской губернии. Т. II. Вып. III. С. 20-21. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).

228. Сборник статистических сведений по Курской губернии. Вып. VIII. Ч. II. С. 26-39, 68-69. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).

229. Там же. Вып. X. С. 240-243. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).

230. *Бирюкович Вл.* Землевладельцы и земледельцы // Русская мысль. 1891. Кн. I. С. 7.

231. *Бородин Н.П.* Соотношение капиталистической и отработочных систем в помещичьих имениях черноземного центра // История СССР. 1990. № 2. С. 35.

232. *Тюкавкин В.Г., Щагин Э.М.* Крестьянство России в период трех революций. М., 1987. С. 40-41.

233. Материалы Высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 гг. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний. СПб., 1903. Ч. I.

234. *Хохонин О.М.* Помещичье хозяйство Воронежской губернии в конце XIX-XX в. // Известия Воронежского государственного педагогического института. 1977. Т. 157. С. 42.

235. *Хрулев С.С.* Указ. соч. С. 140-141.

236. РГИА. Ф. 911. Оп. 1. Д. 272. Л. 2-37; Там же. Д. 388. Л. 20-21. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).

237. *Иост О.И.* Результаты ведения хозяйства в имении Безсоновка Белгородского уезда Курской губернии за 18 лет, начиная с 1884 по 1902 гг. СПб., 1903. С. 22.

238. *Энгельгардт А.Н.* Из деревни. 12 писем. 1872-1887. М., 1937. С. 302-303.

239. *Анфимов А.М.* Указ. соч. С.131.

240. ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 55. Л. 1-16. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).

241. Село Анна Воронежской губернии Бобровского уезда. С. 319-323.

242. *Нежданов И.* Описание хозяйства слободы Чернянки, имения тайного советника М.П. Щербинина Курской губернии Новооскольского уезда. СПб., 1865. С. 24.

243. Хозяйство с. Шебекина Курской губернии Белгородского уезда гг. Ребиндер. С. 4.

244. *Фет А.А.* Жизнь Степановки, или лирическое хозяйство. М., 2001. С. 109-110.

245. ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 55. Л. 4-16. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).

246. Там же. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).

247. *Нежданов И.* Указ. соч. С. 21-23.

248. ГАКО. Ф. 68. Оп. 2. Д. 61. Л. 9.

249. *Литвак Б.Г.* Указ. соч. С. 296.

250. *Варб Е.* Вопрос о наемных рабочих в сельском хозяйстве // *Русская мысль.* 1897. Кн. X. С. 148.

251. *Литвак Б.Г.* Указ. соч. С. 296.

252. ГАВО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 11. Л. 5.

253. *Фет А.А.* Указ соч. С. 79-80.

254. ГАВО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 996. Л. 122.

255. ГАВО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 897. Л. 7-34.

256. Сборник статистических сведений по Воронежской губернии. Т. II. Вып. III. С. 20-21, 26-27, 50-51, 54-55; Сборник статистических сведений по Курской губернии. Вып. VIII. С. 26-39, 68-69; Там же. Вып. X. С. 240-243.

257. Сборник статистических сведений по Воронежской губернии. Т. II. Вып. III. С. 20-21, 26-27, 50-51, 54-55. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).

258. Описание отдельных русских хозяйств. Курская губерния. Вып. 3. СПб., 1897. С. 2.

259. Сборник статистических сведений по Воронежской губернии. Т. II. Вып. III. С. 20-21, 26-27, 50-51, 54-55; Сборник статистических сведений по Курской губернии. Вып. VIII. С. 26-39, 68-69; Там же. Вып. X. С. 240-243. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).

260. Там же. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).

261. Настольная книга русского земледельца. М., 1993. С. 298-299.

262. Там же.

263. Там же. С. 297-298.

264. Сборник статистических сведений по Воронежской губернии. Т. II. Вып. III. С. 20-21, 26-27, 50-51, 54-55; Сборник статистических сведений по Курской губернии. Вып. VIII. С. 26-39, 68-69; Там же. Вып. X. С. 240-243. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).

265. *Баталин Ф.А.* Календарь и справочная книжка русского сельского хозяина на 1884 г. СПб., 1883. С. 68.

266. РГИА Ф. 1101. Оп. 1. Д. 811. Л. 2, 17; *Каргин Г.А.* Итоги батрачного труда. М., 1898. С. 20.

267. *Каргин Г.А.* Указ. соч. С. 10; Курская губерния. Итоги статистического обследования. С. 126; Описание отдельных русских хозяйств. Курская губерния. Вып. 3. С. 39.

268. *Фурсов В.Н.* Классовая борьба в деревне центрально-черноземных губерний пореформенной России. Воронеж, 1991. С. 45.

269. Там же.

270. *Варб Е.* Указ. соч. С. 153-154.

271. *Даль В.И.* Указ. соч. Т. IV. С. 168.

272. *Фет А.А.* Указ. соч. С. 311.

273. *Бородин Н.П.* Указ. соч. С. 36.

274. Сборник статистических сведений по Воронежской губернии. Т. II. Вып. III. С. 20-21, 26-27, 50-51, 54-55; Сборник статистических сведений по Курской губернии. Вып. VIII. С. 26-39, 68-69; Там же. Вып. X. С. 240-243. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).

275. ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 55. Л. 1-16; Сборник статистических сведений по Курской губернии. Вып. X. С. 240-243. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).

276. *Хохонин О.М.* Указ. соч. С. 46.

277. ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 55. Л. 1-16.

278. *Баталин Ф.А.* Указ. соч. С. 68.

279. Там же. С. 52, 67.

280. *Бородин Н.П.* Указ. соч. С. 39.

281. *Фет А.А.* Указ. соч. С. 113-114.

282. *Минаков А.С.* Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX – начала XX вв.). Орел, 2011. С. 323.

283. Именья, принятые в залог Государственным Дворянским Земельным Банком. Особое приложение к отчету Государственного Дворянского Земельного Банка. СПб., 1894. Вып. II. С. 32-40. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).

II. ДВОРЯНСТВО В СТРУКТУРАХ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ, САМОУПРАВЛЕНИЯ И СОСЛОВНОЙ КОРПОРАЦИИ

2.1. ДВОРЯНСТВО В СТРУКТУРАХ ГУБЕРНСКОГО И УЕЗДНОГО ЧИНОВНИЧЕСТВА ГРАЖДАНСКОГО ВЕДОМСТВА

Система государственной службы строго регламентировалась и направлялась институтом самодержавия. В дореформенный период наиболее серьезные изменения в организации государственной службы произошли в период царствования Николая I. В 1827 г. были собраны все необходимые сведения о численности и составе канцелярских чиновников из податных сословий, а 14 октября того же года было утверждено «Положение о канцелярских служителях». Оно однозначно связывало преимущества по службе с сословной принадлежностью. Канцелярские служители были разделены на 4 разряда: 1) потомственные дворяне, 2) дети личных дворян, купцов 1-й гильдии, священников и дьяконов, 3) дети канцелярских служителей, ученых и художников, не имевших классов, 4) купцы 2-й и 3-й гильдий, иностранцы, лица податного состояния. Николай I запретил принимать на должности, которые соответствовали XIV классу Табели о рангах, лиц 4-го разряда¹. Продворянский характер «Положения...» очевиден.

Важными шагами в организации государственной службы стали кодификация соответствующего законодательства и подготовка «Свода законов о службе гражданской», составившего 3-й том «Свода законов Российской империи». «Свод ...» был подготовлен к 1832 г., а уже спустя два года в качестве дополнения к нему Николай I подписал «Положение о порядке производства в чины по гражданской службе». Предусматривалось разделение лиц, имевших по закону право на работу в государственном аппарате, на три разряда: 1) окончившие курс наук в высших учебных заведениях, 2) окончившие курс наук в средних учебных заведениях, 3) «не имеющие аттестатов ни тех, ни других из означенных учебных за-

ведений». При этом подчеркивалось, что по всем ведомствам гражданской службы чиновники «определяются к моментам не иначе, как сообразно чину каждого»².

Именно в рассматриваемый период наиболее очевидной стала гипертрофированность чина. Честь, чувство личного достоинства, уважение подменил чин. Человек без чина считался неполноценным³. Чин, важнейшая сословная ценность, санкционированная верховной властью, был не только визитной карточкой служащего дворянина, показателем социальной состоятельности, но и определенной гарантией общечеловеческих добродетелей его обладателя. По сути, чин подменял высокий сословный статус дворянина. Всеобъемлющее значение чиновничества, его особый мир в дореформенной России хорошо проиллюстрировал Ф.В. Булгарин: «Правда, все мы в русском царстве чиновные, но не все чиновники. К слову чиновник присовокуплен отдельный смысл, который все мы понимаем и не можем определить, потому что все понимаем различно. Молодой человек, который по рождению, по связям его родни, по сильному покровительству или богатству помещается в свете на солнечной стороне, вступая на первую ступень службы, вперед рассчитывает время, в которое должен пройти все четырнадцать ступеней. Полагая даже, что этот молодой человек имеет отличные способности, что он усердно служит и исполняет превосходно свое дело, он все-таки не чиновник...

Кто же настоящий чиновник? Это человек, живущий от колыбели до могилы не на солнечной стороне света, а в тени, на севере, в особой чиновничьей атмосфере, в особенном чиновничьем климате, под законами особенных светских приличий. Мир чиновничий – мир совершенно отдельный, не имеющий никакого сходства ни с житьем помещичьим, ни с купеческим и мещанским бытом. В чиновничьем мире все свое, все оригинальное и нет ничего заимствованного, – свой язык, своя литература, свой ум и свое остроумие, свои моды, своя кухня и даже свои танцы!»³

Переходим к рассмотрению роли и места дворянства в губернских и уездных структурах управления. В качестве основного источника по данному вопросу использованы губернские «Памятные книжки». Но в них не всегда выделена сословная принадлежность

того или иного чиновника. Поэтому, чтобы избежать завышения процента дворян среди местного чиновничества, автор при методике подсчетов исходил из того, что только с X класса «Табели о рангах» классные чины были заняты дворянами. Кроме тех случаев, где у чиновников с более низкими классами показана их сословная принадлежность к дворянству. Эту методику подтверждает и выборочный анализ соотношения чинов и сословной принадлежности их обладателей в тех разделах источника, где указана сословная принадлежность чиновника. Конечно, среди обладателей более низких классов были дворяне, но их число было весьма невелико. Военные офицерского звания, согласно «Табели о рангах», принадлежали в дореформенный период к дворянству.

Следует уточнить предполагаемую к использованию терминологию. В отечественной историографии все чины «Табели о рангах» делят на две категории: гражданского и военного ведомств. Поэтому термин «чин гражданского ведомства» включает классные чины сотрудников МВД, Министерства финансов, Контрольной палаты, Министерства государственных имуществ, Министерства юстиции, Министерства народного просвещения, Министерства путей сообщения⁴. Хотя чиновники дворянских корпоративных органов и земских учреждений относились к ведомству МВД, автор в настоящем исследовании специально исключил их из категории гражданского ведомства в силу их специфики, и они будут рассмотрены в других разделах.

В 1860 году в Курской губернии по гражданскому ведомству состояло 587 штатных единиц служителей и чиновников. Из них 397 (67,6%) были представителями дворянского сословия⁵. По X ревизии в Курской губернии насчитывалось 12 484 потомственных дворян и 4 316 личных дворян⁶, то есть дворянство составляло около 1% населения губернии, а штатные единицы гражданского ведомства губернского и уездного уровней ими были заняты почти на 70%. Соотношение данных показателей позволяет утверждать, что дворянство в Центрально-Черноземном регионе накануне отмены крепостного права составляло социальную основу чиновничества.

Костяк чиновничьего корпуса был представлен чиновниками III-X классов (см. табл. 25)⁷.

**Классные чиновники-дворяне гражданского ведомства
Курской губернии в 1860 году**

<i>Класс</i>	<i>Чин</i>	<i>Количество</i>	<i>% от общего числа</i>
III	Тайный советник	1	0,3
IV	Действительный статский советник	2	0,6
V	Статский советник	10	0,3
VI	Коллежский советник	10	0,3
VII	Надворный советник	12	0,3
VIII	Коллежский ассесор	90	29
IX	Титулярный советник	101	31,6
X	Коллежский секретарь	95	29,5
	Всего	321	100

Из 397 дворян-чиновников 321 (80,8%) имели классные чины гражданского ведомства. Основная их масса – 286 человек (89%) – служила в VIII-X классах. В штатном расписании губернии данные классы предусматривали должности помощников начальника канцелярии губернии, столоначальников губернского правления, частных приставов, почтмейстеров, помощников почтмейстеров и т. п. Должности, соответствующие классам с VII по IV, были ключевыми в губернии – вице-губернатор, правитель канцелярии начальника губернии, старшие советники Губернского правления, председатель Казенной палаты, председатель Уголовной палаты, председатель Гражданской палаты. Этими структурными подразделениями губернской администрации руководили представители местной дворянской элиты.

Пирамиду губернской администрации по гражданскому ведомству замыкали губернатор и вице-губернатор. В 1860 году хозяином Курской губернии был гражданский губернатор – тайный советник Н.П. Бибииков, вице-губернатором – действительный советник Ф.А. Жемчужников⁸. До 1864 года губернаторы подразделялись на военных и гражданских без существенного различия в их должностях. Звание военного губернатора присваивалось тем лицам, которые ранее служили в армии и имели соответствующие чины. Иногда оба звания соединялись в одном лице. В этом случае

губернатор именовался и подписывался так: такой-то (по названию губернии) «военный губернатор, управляющий и гражданской частью». С 1864 года всех начальников губерний, независимо от того, являлись ли они гражданскими или военными чиновниками, стали именовать губернаторами ⁹.

Губернатор был центральным звеном в структуре местных органов власти России. Он официально считался «хозяином губернии и главой местной администрации», обладал весьма широкими полномочиями, но законодательно сильно зависел от Министерства внутренних дел. С правовой точки зрения, особо были оговорены взаимоотношения губернатора и дворянских корпоративных учреждений. Губернатору запрещалось вмешиваться в деятельность дворянских собраний. В том случае, если дворяне делали представление губернатору «о своих нуждах», он был обязан немедленно принять все необходимые меры к их удовлетворению, потому что его первоочередными обязанностями были защита интересов Русской Православной церкви, охрана прав и привилегий дворянского сословия ¹⁰.

Вице-губернаторская должность соответствовала чину V класса по «Табели о рангах», то есть чину статского советника. В МВД институту вице-губернаторов придавали особое значение, рассматривая его как «лучшую школу для приготовления к губернаторской должности» ¹¹.

Заметную прослойку местного чиновничества составляли военные, перешедшие в гражданскую службу. В течение XVIII века правительству приходилось неоднократно издавать указы, запрещавшие штатским служащим именоваться военными чинами. Но их притягательная сила была столь велика, что даже при Николае I офицеры, перешедшие в гражданскую службу, продолжали именоваться своими прежними чинами ¹².

Из 397 дворян-чиновников Курской губернии 72 (18,1%) были штаб- и обер-офицерских чинов, перешедших в гражданскую службу (см. табл. 26). ¹³

**Штаб- и обер-офицерские чины, находившиеся
в гражданской службе Курской губернии в 1860 году**

<i>Класс</i>	<i>Чин</i>	<i>Количество</i>	<i>% от общего число</i>
VI	Полковник	3	4,1
VII	Подполковник	4	5,5
	Гв. капитан	1	1,3
VIII	Майор	10	13,9
IX	Капитан	12	16,7
	Гв. поручик	2	2,8
X	Штабс-капитан (ротмистр)	25	34,8
XI	-	-	-
XII	Поручик	9	12,6
XIII	Подпоручик	5	7
XIV	Прапорщик	1	1,3
	Всего	72	100

Основная часть офицеров, перешедших в гражданскую службу, находилась в рамках VIII-XII классов (80,8%). Главным образом они служили в полиции, городничими, уездными судьями, заседателями и исправниками в суде, винными приставами и т. д. Имеющие военные чины, соответствующие VI-VII классам, занимали ответственные посты в структуре губернского прокурора, в губернской строительной и дорожной комиссиях, один подполковник исполнял дела смотрителя богоугодных заведений.

Кроме этого, рассматриваемый источник зафиксировал 4-х чиновников-дворян, состоявших в IX-X классах, но не имевших чина.

Обращает на себя внимание тот факт, что основная масса всех чиновников как гражданских, так и военных чинов имела VIII-X классы по «Табели о рангах». Характер источника не позволяет в полном объеме вычлениить штатные единицы губернского и уездного уровней, они представлены общим губернским списком.

Вместе с тем, возникает вопрос о популярности чиновничьей службы в дворянской среде дореформенного периода. На 587 штатных должностях губернских структур всех уровней служило 397 дворян из 8 327 дворян мужского пола, записанных в дворян-

ские родословные книги рассматриваемой губернии, то есть 4,7% от общего их числа, а с учетом малолетних дворян – еще меньше, приблизительно на 1,5-2%. Чиновники недворянского происхождения занимали 190 штатных должностей, или 32,3% от их общего числа. На первый взгляд, это должны были быть должности, не соответствующие дворянскому достоинству. Но чиновниками-недворянами были, например, заняты следующие должности: младшего чиновника по особым поручениям при губернаторе, старших и младших помощников правителя канцелярии губернатора, столоначальников губернского правления и т.п.¹⁴ Это были довольно престижные и высокооплачиваемые должности по губернским меркам. Вероятно, причин относительно большого процента чиновников недворянского происхождения было несколько.

Во-первых, определенная часть среднего и крупного помещичьего дворянства была занята делами своих обширных поместий, приносивших немалый доход, особенно в оброчных хозяйствах. Должность помощника правителя канцелярии для них не была привлекательна.

Во-вторых, по вышеуказанным нормативно-правовым положениям о гражданской службе 1832 и 1835 гг., основная масса мелкопоместных дворян, не имевших аттестатов об окончании учебных заведений, не могла претендовать на соответствующие должности в структуре местной администрации. Владелец же 1-3 дес., а таких в Курской губернии было около 1 тысячи, по финансовым причинам не мог получить должного образования.

В-третьих, объективная необходимость подталкивала самодержавие к привлечению в структуры местной администрации чиновников-профессионалов из недворянской среды.

В-четвертых, определенную роль играла традиция: отпрыски обеспеченных дворянских семей не стремились на гражданскую службу. Н.Ф. Дубровин, характеризуя состав служащих местных учреждений начала XIX века, писал: «... Присутственные места заполнялись часто людьми недостойными, безнравственными и совершенно необразованными. Молодые дворяне до 20 лет сидели дома в недорослях, пока не наступило время женить их. Тогда родители записывают их в нижний земский суд и вместе с празднова-

нием коллежского регистратора играется свадьба... Дворянство находилось тогда в таком блаженном положении, ... не желало обременять себя службой и всеми способами уклонялось от неё»¹⁵. Гражданская служба, в сравнении с военной, считалась в дворянской среде не престижной.

Тем не менее, вряд ли целесообразно говорить о непопулярности чиновничьей службы в дворянской среде. Большая часть дворян в лице мелкопоместных владельцев (80% от общего числа дворян) законодательно по образовательному цензу была ограничена в возможностях при поступлении на государственную службу, тогда как многим из них должностной оклад был бы главным источником к существованию. Часть обеспеченных землевладельцев не хотела обременять себя должностными обязанностями.

Сопоставить полученные данные с аналогичными данными по Воронежской губернии не представляется возможности, так как Памятная книжка на 1860 год по Воронежской губернии не была издана. Проведение сравнительного анализа с пореформенными показателями будет некорректным.

После отмены крепостного права и начала либеральных реформ в системе местного самоуправления идея реформирования гражданской службы оставалась для правительства актуальной. В апреле 1862 года с резкой критикой гражданской службы и системы чинов выступил главноуправляющий II отделением Собственной Его Величества канцелярии барон М.А. Корф. В представленной им в Совет министров записке указывалось, что «по единогласному признанию, вредное влияние чинов состоит особенно в том, что они образуют из служащих какую-то отдельную, разобщенную с прочим населением касту, которая живет своею собственной жизнью, считает себя выше остального общества, и на которую общество также смотрит как на что-то чуждое и почти враждебное». Корф предлагает, в частности, отказаться от производства канцелярских служащих в классные чины, предоставляя им вместо этого за выслугу определенного числа лет права личного почетного гражданства. Александр II не поддержал это предложение, опасаясь, что его реализация «могла бы только возбудить тревогу в умах многочисленного класса»¹⁶.

Через несколько лет правительство все же попыталось воздвигнуть образовательный барьер для претендентов на классную службу: законом от 3 мая 1871 года производство в первый классный чин было обусловлено сдачей экзамена за курс уездного училища¹⁷. В отличие от нормативно-правовых актов середины 30-х гг. XIX в. об образовательном цензе при поступлении на гражданскую службу, данный закон фактически полностью закрывал доступ на гражданскую службу лицам, не имевшим объема знаний хотя бы в рамках курса уездного училища. По сути, закон 1871 года полностью лишил возможности поступления на гражданскую службу представителей низших подгрупп мелкопоместного дворянства. Это, в свою очередь, объективно должно было привести к увеличению в пореформенный период процента числа чиновников недворянского происхождения.

Но в данном контексте необходимо учитывать, что в пореформенный период интерес к чиновничьей службе у представителей дворянства многократно вырос. На этом специально фиксировали внимание современники. Н.П. Ржевская отмечала: «После отмены крепостного права помещики, конечно, очутились в худшем финансовом положении, чем прежде. Это случилось, во-первых, потому, что «воля» их застала врасплох, не подготовленными практически к хозяйству, с необдуманном еще положением, как поступать, а между тем с желанием жить с тем же комфортом, как и раньше. Помещики средней руки стали искать казенные места полицейских, которыми прежде пренебрегали. Но мой отец, такой тщеславный и гордый, взял место Уездного Начальника, т.е. Исправника по-прежнему, но под другим названием. Потом были места Становых, тоже занятые дворянами. Потом, кто мог, брал место Земского Начальника, и таким образом эти люди казенным жалованьем прибавляли недостающие средства на жизнь»¹⁸. Надежда Петровна прямо указывает, что прежняя сословная спесь уже не становилась причиной отказа от ранее «пренебрегаемых» чиновничьих должностей. Требовались средства для поддержания привычного уровня жизни. А.Н. Энгельгардт подчеркивает еще одну причину желательности для поместных дворян чиновничьих должностей: «...Помещики после “Положения” опустили хозяйства, запу-

стили поля и луга и убежали на службу (благо, теперь мест много открылось и жалованье дают непомерно большое), кто куда мог: кто в государственную, кто в земскую. Попробуйте-ка заработать на хозяйстве 1000 рублей в год за свой труд (не считая процентов на капитал и ренты на землю)! Тут нужна, во-первых, голова, да и голова, во-вторых, нужно работать с утра до вечера – не то, что отбывать службу – да еще как! Чуть не сообразил что-нибудь – у тебя рубль из кармана и вон. А между тем, тысячу рублей ведь дают каждому – и председателю управы, и посреднику. Понятно, что все, кто не может управиться со своими имениями, – а ведь теперь не то, что прежде: недостаточно уметь только «спрашивать», – побросали хозяйство и убежали на службу. Да, что говорить: побробуйте-ка, пусть профессор земледелия или скотоводства, получающий 2 400 рублей жалованья, заработает такие деньги на хозяйстве; пусть инспектор сельского хозяйства заработает на хозяйстве хотя половину получаемого им жалованья. Помещики хозяйством не занимаются, хозяйства свои побросали, в имениях не живут»¹⁹. Энгельгардт не без основания отмечает, что неспособность модернизировать свои хозяйства в пореформенный период заставила часть поместных дворян искать «счастье» на чиновничьей службе.

Современники отмечали и резкие перемены во взаимоотношениях поместного дворянства и чиновников в начале пореформенного периода: «Прежде, т.е. до начала нашего оскудения, город и деревня были совсем в других отношениях, чем теперь. Прежде вся сила была в деревне, несмотря даже на то, что начальство и подьячие жили в городе. Начальство, т.е. исправников и подьячих для земского и уездных судов, мы (дворяне – *В.Ш.*) выбирали сами, и так как, по правде говоря, хороший человек на эти должности не шел, то набирали мы себе это начальство из всякой что ни на есть горечи: из самых захудалых дворянчиков, даже не помещиков, а так – просто дворянчиков... Понятно, что вся эта голь была голодна, прожорлива и ужасно плодуща. Уже по одному этому она была у нас в полной зависимости и покорности. Кто даст ей муки, крупы, овса, масла, гусей...

Ясно, что со всей этой братией нечего было церемониться, и мы действительно не церемонились. Надо почему-нибудь ехать на

суд, т. е. в город, а не хочется, лень – ну, и пошлешь, бывало, за заседателем или за каким-нибудь непременно членом...

Таковы были взаимные отношения города и деревни вплоть до 19 февраля.

Тут все сразу изменилось...

Явились мировые посредники, начальником стал свой же брат-сосед. Исправников стали назначать губернаторы, а не выбирать. Прошло еще сколько-то времени, и словно из земли выросли судебные следователи, а там уж и пошло... Каждый, как спокон веку заведено это у нас, дудел в свою, разумеется, дудку, и началось черт знает что. Недели не проходило, чтобы не было надобности ехать в город то к тому, то к другому начальнику»²⁰. Авторитет и власть чиновников на местах возрастала, тем более что их ряды пополнили представители верхних страт помещного дворянства.

В 70-90 гг. XIX в. еще не раз поднимался вопрос о реформе гражданской службы и системы чиновничества, но существенных изменений не произошло. В то же время, в пореформенный период перешли ограничения по гражданской службе, характерные для дореформенного периода. Правительство специально подчеркивало, что «различие вероисповедания или племени не препятствует определению на службу», что подтверждал и «Устав о службе гражданской». Однако на практике через издание ряда подзаконных актов такие ограничения были введены. Например, лишь в виде исключения могли быть приняты на государственную службу иностранцы. Категорически было запрещено принимать на службу детей рабочих и крестьян, личных почетных граждан и их детей, сыновей не служивших обер-офицерских детей. В первой половине XIX в. не принимались на государственную службу лица женского пола, хотя нигде в законах категорического запрещения не существовало. Здесь главную роль играла историческая традиция. Лишь в ходе буржуазных реформ 60-70-х годов XIX в. их стали принимать по «найму» в медицинские учреждения, на почту и телеграф, в учебные заведения. Только с 1889 года женщинам было разрешено работать на счетно-бухгалтерских и канцелярских должностях²¹.

Те, кто поступали на гражданскую службу по одному только праву происхождения, принимались на работу канцелярскими слу-

жителями. Законодательство Российской империи устанавливало минимальный возраст для поступления на государственную службу – 14 лет, однако действительной службой (необходимой для исчисления в будущем пенсии) она считалась только с 16 лет. Для занятия некоторых должностей устанавливался минимальный возраст в 21 год, 25 и даже 35 лет. Верхнего предела лет в гражданской службе закон не предусматривал.

Лица, не имевшие права поступления на государственную службу по своему происхождению, приобретали его благодаря получению свидетельств об окончании курса в средних или высших учебных заведениях.

Важным условием принятия на государственную службу было обладание гражданской честью. Лица, запятнавшие себя преступлениями или порочным поведением, на государственную службу не принимались²².

Рассмотрим эволюцию роли и участия дворян в структурах гражданского ведомства губернского и уездного уровней в пореформенный период. Исследуемый источник на 1871 год уже предусматривает разделение штатных единиц, закрепленных за губернской и уездными администрациями²³, поэтому в первую очередь проанализируем соотношение количества штатных единиц и словный характер чиновников, их занимавших, на губернском уровне (см. табл. 27)²⁴.

Таблица 27

**Классные чиновники-дворяне гражданского ведомства
губернской администрации Курской губернии в 1871 году**

<i>Класс</i>	<i>Чин</i>	<i>Количество</i>	<i>% от общего числа</i>
IV	Действительный статский советник	4	2,7
V	Статский советник	12	8,3
VI	Коллежский советник	14	9,7
VII	Надворный советник	36	25,2
VIII	Коллежский ассесор	33	23,3
IX	Титулярный советник	27	18,8
X	Коллежский секретарь	17	12
	Всего	143	100

В 1871 году в курской губернской администрации были заняты 243 штатные единицы, из них – 158 дворянами (65%).

Если сравнить с дореформенными показателями, то процент дворян-чиновников фактически остался прежним (1860 год – 67,6%, 1871 год – 65%). Из 158 дворян-чиновников 143 (90,5%) имели классные чины гражданского ведомства, что на 9,7% выше, чем в 1860 году. Значительная часть из них – 96 человек (67%) – служила в VII-IX классах. В основном они занимали должности управляющего канцелярией губернатора, в строительном отделении Губернского правления, в Управлении государственным имуществом, в Казенной палате, в губернской гимназии. В отличие от дореформенного периода, произошло увеличение классности чинов для основной массы чиновников. Например, если в 1860 году надворных советников в губернской и уездных администрациях было всего 12, то в 1871 году только в губернской администрации – 36. Обращает на себя внимание и еще один факт: в 1871 году в высших структурных подразделениях губернской администрации почти 100% штатных единиц были заняты дворянами. Недворяне занимали всего 6 низших должностей в структурах Губернской канцелярии, Губернского правления, Казенной палаты.

Объяснялось это рядом факторов. В 1865 году в МВД были разработаны временные штаты Губернских правлений и Губернских канцелярий. Хотя Государственным Советом они окончательно были утверждены 9 марта 1876 г., в чиновничьей среде о проекте знали изначально и ожидали его утверждения из года в год на протяжении 10 лет²⁵. Временные штаты не только приводили к единообразию штаты губернских структур, но предполагали существенные годовые оклады и столовые деньги.

В качестве примера приведем штаты канцелярий начальников губерний (см. табл. 28)²⁶.

В сравнении с 1860 годом, кроме правителя канцелярии и регистратора, были подняты классы по должности с одновременным, естественно, увеличением окладов и столовых денег.

Интерес дворян к чиновничьей службе в 70-е гг. XIX в., даже на низкооплачиваемых должностях, прослеживается и по официальным хроникам в черноземных губерниях. Например, в официальной хронике «Воронежских губернских ведомостей» от 21 марта

1873 года зафиксировано: «По резолюции господина Воронежского Губернатора, составленной 7 марта, сын коллежского советника Виктор Попов, согласно прошению его, определен на службу в штат канцелярским служителем канцелярии Его Превосходительства, с правами писца 2-го разряда...»²⁷

Таблица 28

**Временные штаты канцелярий начальников
губерний в 1865 году**

<i>Должность</i>	<i>Число лиц</i>	<i>Оклад и столовые деньги в руб.</i>		<i>Класс по должности</i>
		<i>одному</i>	<i>всем</i>	
Правитель канцелярии	1	1 500	1 500	VII
Помощники:				
старший	1	700	700	IX
младший	2	600	1 200	X
Регистратор	1	500	500	XII
Писцы и канцелярские расходы	-	-	2 000	-
Чиновники особых поручений:				
старший	1	700	700	VII
младший	2	600	1 200	IX

С другой стороны, сокращение площади поместных земель, заметное разорение части мелкопоместных и среднепоместных владельцев в пореформенный период объективно делали гражданскую службу для многих дворян единственным средством к существованию. Здесь необходимо учитывать, что количество штатных единиц в губернских структурах было ограничено, но поступление на низкооплачиваемые должности открывало возможность для дальнейшего продвижения по службе.

Стремление в помещичьей среде к занятию чиновничьих должностей также было обусловлено традиционным восприятием их в качестве мест, где средств для обогащения во много раз больше, чем в непосредственной хозяйственной деятельности. В каждом уезде подобных примеров было предостаточно. И в условиях «оскудения» дворянских поместий чиновничья должность становилась самоцелью, определяющей смысл жизни, когда весь привычный окружающий мир рушился в пореформенных реалиях. Как отмечают социальные психологи, стремление к обретению смысла

жизни – это человеческое проявление, которое помогает выжить в экстремальных условиях и реализоваться в обстоятельствах относительно благоприятных, не ставящих перед человеком сложных задач²⁸. В представлении большинства помещиков, чиновничья работа не ставила перед человеком сложных задач, но гарантировала определенный материальный достаток.

Проанализируем соотношение штатных единиц в губернской администрации, занятых воинскими чинами, в сравнении с дореформенными показателями (см. табл. 29)²⁹. Из 158 дворян-чиновников Курской губернии в 1871 году обладатели 7 (4,4%) генеральских, штаб- и обер-офицерских чинов перешли в гражданскую службу, что на 13,7% ниже соответствующего показателя в 1860 году.

Таблица 29

Генеральские, штаб- и обер-офицерские чины, находившиеся в гражданской службе Курской губернии в 1871 году

<i>Органы губернской администрации</i>			
<i>Класс</i>	<i>Чин</i>	<i>Количество</i>	<i>% от общего числа</i>
1	2	3	4
IV	Генерал-майор	1	14,3
VI	Полковник	2	28,5
VII	Подполковник	-	-
VIII	Майор	1	14,3
IX	Капитан (ротмистр)	-	-
X	Штабс-капитан (ротмистр)	2	28,5
XI	-	-	-
XII	Поручик	1	14,3
XIII	Подпоручик	-	-
XIV	Прапорщик	-	-
	Всего	7	

Здесь сразу же обращает на себя внимание появление в гражданской службе чиновника с воинским чином генерал-майора. Он служил в руководстве Губернского воинского присутствия. Если в 1860 году основная масса чиновников с воинскими званиями (55,7%) служила на должностях X-XIV классов, то в 1871 году – на должностях IV-X классов (85,7%). Сравнение общегубернского списка штатных единиц со списком штатных единиц губернской

администрации в конкретном случае является уместным, так как, как будет показано ниже, число чиновников с воинскими званиями в уездных административных структурах не будет превышать 6-7 %.

Кроме вышеназванных чиновников-дворян, в источнике зафиксированы 7 чиновников VIII класса без классного чина.

В качестве примера для анализа уездной сословной структуры и системы чинов местных административных органов взят средне-статистический для Курской губернии Белгородский уезд (см. табл. 30) ³⁰.

Таблица 30

**Классные чиновники-дворяне гражданского ведомства
Белгородского уезда в 1871 году**

<i>Класс</i>	<i>Чин</i>	<i>Количество</i>	<i>% от общего числа</i>
VI	Коллежский советник	1	7,7
VII	Надворный советник	2	15,4
VIII	Коллежский ассесор	5	38,4
IX	Титулярный советник	4	30,7
X	Коллежский секретарь	1	7,7
	Всего	13	100

Из 32 уездных чиновников 15 (46,8%) принадлежали к дворянскому сословию, то есть большинство уездных чиновников, в отличие от губернской администрации, было недворянского происхождения.

Из 15 чиновников-дворян 13 (86,6%) имели классные чины гражданского ведомства. Большая часть их (77%) служила в VIII-X классах, что соответствует аналогичному показателю в губернской администрации. Коллежский советник занимал должность станового пристава; надворные советники возглавляли уездное полицейское управление и уездное казначейство; 3 из 5 коллежских ассесоров занимали штатные единицы директора и учителей уездного училища; титулярные советники служили в уездном полицейском управлении. Все основные структуры администрации уезда, кроме почтовой конторы и телеграфной станции, возглавляли дворяне-

чиновники. Чиновники недворянского происхождения занимали, в основном, штатные единицы учителей и врачей.

Офицеры, перешедшие на гражданскую службу (штабс-ротмистр, поручик), служили в уездном полицейском управлении.

Таким образом, дворяне, составляя меньшинство уездного чиновничества, занимали главные должности в уездной администрации, то есть управляли уездом. Последнее было отражением управленческого традиционализма с опорой на дворянское сословие.

Чтобы проследить динамику в рассматриваемом процессе и выявить определенные закономерности, необходимо исследовать сословный характер воронежского и курского чиновничества гражданского ведомства губернского и уездного уровней в середине 90-х гг. XIX века. Анализ начнем с Курской губернии (см. табл. 31)³¹.

Таблица 31

**Классные чиновники-дворяне гражданского ведомства
губернской администрации Курской губернии в 1894 году**

<i>Класс</i>	<i>Чин</i>	<i>Количество</i>	<i>% от общего числа</i>
III	Тайный советник	1	0,2
IV	Действительный статский советник	13	3,2
V	Статский советник	49	12,1
VI	Коллежский советник	37	9,1
VII	Надворный советник	73	18,2
VIII	Коллежский ассесор	81	20
IX	Титулярный советник	65	16,2
X	Коллежский секретарь	85	21
	Всего	404	100

Из 897 чиновников гражданского ведомства губернского уровня 491 (54,7%) принадлежал к дворянскому сословию. По сравнению с 1871 годом число чиновников недворянского происхождения увеличилось на 10,3%.

Общее резкое увеличение числа чиновников в 90-е гг. XIX века определялось не только введением дополнительных штатных единиц, что было связано с открытием новых учебных заведений,

железнодорожных управленческих структур, расширением сети судебных и банковских учреждений, но и с более полным охватом чиновников, внесенных в губернские «Памятные книжки».

Из 491 дворянина-чиновника 404 (82,2%) имели классные чины гражданского ведомства. По сравнению с 1871 годом данный показатель снизился на 8,3%, а по сравнению с дореформенным периодом (1860 г.) увеличился на 1,4%, то есть к концу пореформенного периода в Курской губернии наметилась тенденция к снижению числа чиновников-дворян, имевших классные чины гражданского ведомства. Большая часть их (57%) имела VIII-X классы, что на один класс ниже аналогического показателя начала 70-х гг. XIX в. Вышеуказанные классы уже не гарантировали руководящих должностей, в основном это были чиновники среднего и младшего звена (делопроизводители, бухгалтеры, в отдельных случаях – столоничальники и т.п.). Руководящие посты в структурных подразделениях губернской администрации начинались с чина надворного советника. Примечательно, что в 60-70-е гг. XIX в. обладателями самого высокого классного чина, как правило, были губернатор и ряд руководителей чисто административных звеньев губернской администрации. В середине 90-х гг. XIX в. в Курской губернии эта закономерность не наблюдалась. Самый высокий в губернии классный чин тайного советника имел директор Курской классической мужской гимназии Д.Н. Жаворонков, в то время как губернатор граф А.Д. Милютин имел воинский чин генерал-майора³². Это на класс ниже, чем у директора гимназии. Необходимо добавить, что из 14 учителей данной гимназии 5 имели чин статского советника, 3 – коллежского советника, 5 – надворного советника.

Перед тем как перейти к рассмотрению дворян-чиновников гражданского ведомства, имевших воинские звания, необходимо указать, что в 1884 году была проведена общая реформа военного чиновничества. Приказом по военному ведомству от 6 мая офицеры армейских войск приравнивались в преимуществах к офицерам специальных частей. В связи с этим из разряда штаб-офицерских чинов армии исключался чин майора, а находившиеся на службе в армии майоры производились в подполковники. Вместе с тем, обер-офицерские чины армии повышались на один класс

(чины XII класса были перемещены сразу в X, так как в XI классе военные чины отсутствовали; XIII и XIV классы освободились от военных чинов).

Чин капитана (и равные ему) оказался в VIII классе, наряду с коллежским ассесором, при этом он продолжал считаться обер-офицерским чином. 30 августа того же года по примеру иностранных армий был исключен из ряда чинов постоянной службы чин прапорщика с оставлением впредь этого чина только в запасе армейский войск всех родов оружия и на военное время; чин корнета в кавалерии приравнивался к чину подпоручика (повышался на один класс)³³.

В этой связи необходимо уточнить еще один аспект. К концу пореформенного периода, как известно, российский офицерский корпус значительно «раздворянился». Отсюда возникает вопрос о правомерности предложенной методики подсчетов дворянчиновников гражданского ведомства, имевших воинские чины, когда учитывается весь обер-офицерский состав. Но есть данные о сословном происхождении российских офицеров на 15 мая 1895 года, затребованные Главным штабом от командования воинских округов. Согласно им, офицеров – детей потомственных дворян – насчитывалось 50,8%, офицеров – детей личных дворян (офицеров и чиновников, не дослужившихся до потомственного дворянства) – 28%³⁴. На основе приведенных данных исследователями традиционно делался вывод о «раздворянивании» офицерского корпуса. Внимание акцентировалось на проценте офицеров – детей потомственных дворян. Вряд ли это правомерно. Материалы отчетов свидетельствуют о сословном статусе, полученном при рождении, но не о приобретении его по службе, то есть офицеры – личные дворяне – не отражены в отчетах командования военных округов. Если даже предположить, что офицеров – личных дворян – было в два раза меньше, чем офицеров – детей личных дворян, то и в этом случае количество офицеров – потомственных и личных дворян – превышало 60%. По-видимому, и это будет заниженный показатель, так как уже с 40-х гг. XIX в. отчетливо прослеживалась тенденция к росту числа офицеров – личных дворян. Но точные данные о числе офицеров – личных дворян на конец 90-х гг. XIX в. пока не выявлены.

Основная же часть обер-офицеров недворян имела XII-XIII классы (подпоручик, прапорщик запаса). В исследуемых губерниях, как будет показано ниже, их доля среди чиновников, имевших воинские чины, чуть превышала 12%. В то же время и среди них было достаточное количество дворян.

У 21 чиновника (4,2%) гражданского ведомства органов управления Курской губернской администрации имелось воинское звание (см. табл. 32)³⁵. Данный относительный показатель аналогичен соответствующему показателю начала 70-х гг. XIX в.

Генерал-майорские чины имели губернатор и начальник губернского жандармского управления. В отличие от 1871 года, где большинство чиновников (85,7%), имевших воинские звания, являлись обладателями IV-X классов, в рассматриваемый период 76,1% служили в VIII-XII классах.

Наметилась тенденция к снижению классности чиновников. Таким образом, в Курской губернии в пореформенный период основными чинами гражданского ведомства губернского уровня являлись капитан (ротмистр), штабс-капитан, поручик и подпоручик. Именно на эти классные чины приходилось в 1871 и 1894 гг. 59,4% чиновников с воинскими званиями. Основной сферой их деятельности были правоохранительные органы.

Таблица 32

Генеральские, штаб- и обер-офицерские чины, находившиеся на гражданской службе в Курской губернии в 1894 году

<i>Класс</i>	<i>Чин</i>	<i>Количество</i>	<i>% от общего числа</i>
IV	Генерал-майор	2	9,6
VI	Полковник	-	-
VII	Подполковник	3	14,3
VIII	Капитан (ротмистр)	4	19
IX	Штабс-капитан (ротмистр)	5	23,8
X	Поручик	4	19
XII	Подпоручик	3	14,3
	Всего	21	100

Кроме всех вышеперечисленных категорий чиновников гражданского ведомства губернского уровня, 17 штатных единиц зани-

мали чиновники VIII-X классов без указания классного чина и 49 дворян, не имевших классного чина. В источнике просто указано – «дворянин».

В Белгородском уезде Курской губернии, в сравнении с началом 70-х гг. XIX в., также произошло увеличение штатных единиц в уездных органах гражданского ведомства. Количество чиновников возросло с 32 до 95. Из них 63 (66,3%) принадлежали к дворянскому сословию (см. табл. 33) ³⁶. Общее увеличение числа чиновников привело и к увеличению процента дворян-чиновников (1871 год – 46,8%).

В сравнении с предыдущим рассматриваемым этапом, на один класс (с VIII до VII) повысилась классность основной части дворян-чиновников (57%). Это противоположная тенденция по отношению к губернским административным органам, где снижение классности большей части чиновников стало реальностью. Бесспорно, можно констатировать, что к середине 90-х гг. XIX в. число дворян-чиновников уездного уровня в Курской губернии стало доминировать над количеством чиновников недворянского происхождения.

Таблица 33

**Классные чиновники-дворяне гражданского ведомства
Белгородского уезда в 1894 году**

<i>Класс</i>	<i>Чин</i>	<i>Количество</i>	<i>% от общего числа</i>
V	Статский советник	16	32,7
VI	Коллежский советник	5	10,3
VII	Надворный советник	9	18,3
VIII	Коллежский ассесор	12	24,4
IX	Титулярный советник	6	12,3
X	Коллежский секретарь	1	2
	Всего	49	

Увеличение произошло из-за двух факторов. Во-первых, за счет открытия новых учебных заведений (Мужская классическая Его Королевского Высочества Герцога Эдинбургского гимназия, Учительский институт, городское училище при институте, женская гимназия) и ввода 55 новых штатных единиц. Из них 27 (49%) заняли чиновники с VIII по V класс. Здесь необходимо учитывать,

что в 1876 году часть штатных единиц среднего и младшего уездных звеньев была упразднена.

Во-вторых, с 1871 года произошло увеличение штатов уездного полицейского управления на 27%, где доминировали дворяне. Значительного роста числа чиновников-дворян в административно-управленческих органах уездного уровня не наблюдалось.

Кроме классных чиновников-дворян, штатные единицы занимали 1 полковник, 2 поручика (в полицейском управлении), 9 женщин-дворянок (учительницы) и 4 дворянина, служившие в VIII классе, то есть классные чиновники-дворяне составляли 77,8% всех дворян, занимавших штатные единицы в органах уездного уровня гражданского ведомства.

Относительно высокий процент дворян-чиновников в уездных структурах гражданского ведомства предполагает и определенный образовательный их уровень. На примере Белгородской мужской классической гимназии проследим изменение социального состава учащихся на протяжении 15 лет (см. табл. 34)³⁷.

Таблица 34

Динамика социального состава учащихся Белгородской мужской классической гимназии

<i>Дети</i>		<i>1881 год</i>	<i>1896 год</i>
Дворян и чиновников	человек	83	87
	%	38,1	46,8
Духовных сословий	человек	30	5
	%	13,7	2,7
Городских сословий	человек	87	77
	%	39,9	41,4
Сельских сословий	человек	13	13
	%	6	7
Иностранцев	человек	5	4
	%	2,3	2,1
Всего	человек	218	186

В источнике дети дворян находятся в одной графе с детьми чиновников, тем не менее, динамика социального состава учащихся очевидна. Количество детей дворян и чиновников с 1881 по 1896 гг. увеличилось на 8,7%, чего не наблюдается в других сословиях. В то

же время знаменитый циркуляр 1887 года «о кухаркиных детях», направленный на возрождение сословности в средней школе, не мог в полной мере быть осуществлен в гимназиях провинциальных городов. Доля детей недворянского происхождения в Белгородской мужской гимназии превышала долю дворянских детей, что во многом и предопределяло относительно высокий процент местного чиновничества недворянского происхождения.

Чтобы вычленив в рассматриваемом процессе общее и особенное для Центрального Черноземья, проведем соответствующий анализ по Воронежской губернии.

Всех чиновников губернского уровня, которые числились в структурах гражданского ведомства по Воронежской губернии, насчитывалось 764 человека. Из них дворян-чиновников – 389 (50,9%), что на 3,8% ниже аналогичного показателя по Курской губернии³⁸. В целом, в центрально-черноземных губерниях середины 90-х гг. XIX в. дворяне-чиновники незначительно количественно превышали число чиновников недворянского происхождения на губернском уровне. С начала 70-х гг. XIX в. число дворян-чиновников соответствующего уровня сократилось более чем на 10%. Как в Курской, так и в Воронежской губернии основу чиновников-дворян составляли классные чиновники (см. табл. 35)³⁹.

Таблица 35

**Классные чиновники-дворяне гражданского ведомства
губернской администрации Воронежской губернии в 1894 году**

<i>Класс</i>	<i>Чин</i>	<i>Количество</i>	<i>% от общего числа</i>
IV	Действительный статский советник	9	2,7
V	Статский советник	59	17,7
VI	Коллежский советник	50	15
VII	Надворный советник	58	17,4
VIII	Коллежский ассесор	44	13,2
IX	Титулярный советник	49	14,7
X	Коллежский секретарь	64	19,3
	Всего	333	100

Дворян-чиновников, имевших классный чин гражданского ведомства, числилось 333, что составляло 85,6% от общего числа

дворян-чиновников. В сравнении с соответствующим показателем по Курской губернии (82,2%), это приблизительно равный результат. Основная часть воронежских чиновников дворянского происхождения (64,6%) служила в VIII-X классах, что также подтверждает общую тенденцию для центрально-черноземных губерний. В Курской губернии аналогичный показатель равнялся 57%. Руководящий состав структурных подразделений, подчиненных воронежской губернской администрации, начинался с чина надворного советника. Исключение составляли управляющий Юго-Восточной железной дороги (коллежский асессор) и воронежский полицмейстер (титулярный советник).

Чиновников, имевших воинские чины, в органах губернской администрации насчитывалось 13, или 3,3% от общего числа дворян-чиновников (см. табл. 36)⁴⁰. Это приблизительно одинаковый показатель, в сравнении с Курской губернией (4,2%).

Таблица 36

**Штаб- и обер-офицерские чины, находившиеся
на гражданской службе в Воронежской губернии в 1894 году**

<i>Органы губернской администрации</i>			
<i>класс</i>	<i>чин</i>	<i>количество</i>	<i>% от общего числа</i>
VII	Подполковник	2	15,3
VIII	Капитан (ротмистр)	2	15,3
IX	Штабс-капитан (ротмистр)	1	7,7
X	Поручик (лейтенант флота)	6	46,3
XII	Подпоручик	1	7,7
XIII	Прапорщик запаса	1	7,7
	Всего	13	100

В отличие от Курской губернии, где чиновники с воинскими званиями гражданского ведомства имели IV-XII классы, в Воронежской губернии классные чины начинались только с VII класса. Большинство чиновников с воинскими званиями (84,6%) занимали штатные должности в управлении Юго-Восточной железной дороги и в учебных заведениях разных уровней образования. Курские же их коллеги в большинстве своем служили в правоохранитель-

ных органах. Основная часть воронежских чиновников с воинскими чинами (61,7%) находилась в рамках X-XIII классов, в Курской губернии – VIII-XII классов. Таким образом, в центрально-черноземных губерниях 68,9% дворян-чиновников, имевших воинские чины, служили в VIII-XIII классах (капитан, ротмистр, штабс-капитан, поручик, подпоручик, прапорщик запаса). Основной сферой их профессиональной деятельности являлись правоохранные органы, железная дорога, учебные заведения.

В целом, их доля в общей массе дворян-чиновников Центрального Черноземья невелика (3,7%).

В рамках исследуемых губерний проведем сравнительный анализ аналогичных по характеру показателей уездного уровня. В качестве примера по Воронежской губернии взят среднестатистический Валуйский уезд.

Из 38 штатных единиц уездных чиновников гражданского ведомства 18 (47,3%) занимали дворяне-чиновники⁴¹, то есть они составляли меньшинство. Это является показателем разноплановых тенденций в Центрально-Черноземном регионе, так как в Белгородском уезде Курской губернии дворяне-чиновники составляли большинство (66,3%).

Основная часть дворян-чиновников Валуйского уезда (88,9%) была представлена классными чиновниками гражданского ведомства (см. табл. 37)⁴².

Таблица 37

**Классные чиновники-дворяне гражданского ведомства
Валуйского уезда в 1894 году**

<i>Класс</i>	<i>Чин</i>	<i>Количество</i>	<i>% от общего числа</i>
VI	Коллежский советник	1	6,2
VII	Надворный советник	1	6,2
VIII	Коллежский ассесор	2	12,6
IX	Титулярный советник	8	50
X	Коллежский секретарь	4	25
	Всего	16	100

Как и на губернском уровне, на уровне уездов классность воронежских дворян-чиновников была ниже. В Белгородском уезде классность чиновников находилась в пределах V-X классов, в Валуйском уезде – VI-X классов. Тем не менее, валуйские дворяне-чиновники возглавляли все основные управленческие структуры гражданского ведомства уездного уровня (полицейское управление, уездное казначейство, почтово-телеграфные учреждения, уездное податное присутствие, валуйское лесничество).

В указанных структурах, кроме классовых чиновников, проходили службу два чиновника, имевшие воинские чины (подполковник, штабс-капитан), и дворянин без класса и чина.

С другой стороны, обращает на себя внимание резкое различие в количестве штатных единиц чиновников гражданского ведомства в рассматриваемых уездах: в Белгородском уезде – 93, Валуйском уезде – 38. Ведь уездные штаты управленческих структур в основном были регламентированы МВД. Определяющими факторами здесь были количество и уровень учебных заведений в уезде. В Валуйском уезде Мариинская 5-классная женская прогимназия имела 10 штатных единиц, в Белгородском уезде в вышеуказанных учебных заведениях их было 55.

В пореформенный период в губерниях Черноземного центра на губернском уровне в структурах гражданского ведомства дворяне-чиновники составляли большинство. Они занимали все важнейшие руководящие должности, предусмотренные штатными расписаниями. Но отчетливо прослеживалась тенденция к сокращению дворян-чиновников в общесословной массе чиновничества. На уездном уровне наметились разноплановые тенденции. В Воронежской губернии уездные дворяне-чиновники составляли меньшинство, в Курской губернии – большинство. Как и на губернском уровне, в уездах дворяне-чиновники занимали ключевые посты. В целом же, число дворян-чиновников в общем количественном показателе чиновничества сокращалось.

2.2. ДВОРЯНСКАЯ КОРПОРАТИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Корпоративная организация российского дворянства складывалась в последней трети XVIII века и была законодательно оформлена «Жалованной грамотой» 1785 года. Впервые самостоятельными в организационно-правовом отношении, согласно указу «Об учреждении комиссии для сочинения проекта нового Уложения» 1766 года, были признаны дворянские сословные корпорации на уровне уездов. Этим же Указом определялись, в частности, условия и порядок дворянских выборов. Уездное дворянство при участии начальника того города, в котором проводились выборы, путем баллотирования избирало из числа лиц, присутствовавших на выборах и соответствующих возрастному (не моложе 30 лет) и имущественному (владение деревней в данном уезде) цензам, своего предводителя. Затем под председательством предводителя и в назначенный им день проходили выборы дворянских депутатов. Вначале срок их полномочий был два года, а в 1775 году на основании «Учреждения о губерниях» срок полномочий уездных предводителей дворянства был продлен до трех лет (этот срок просуществовал до 1917 года).

С изданием «Учреждения о губерниях» возникли корпорации и на губернском уровне, а также фактически появилась должность губернского предводителя дворянства, официально утвержденная, однако, лишь в 1785 году на основании «Жалованной грамоты». В ней окончательно закреплялось существование губернских дворянских корпораций как органов местного сословного самоуправления и определялся их правовой статус⁴³.

Дворянская корпоративная организация, созданная в конце XVIII – первой трети XIX в., в своей основе не претерпела существенных изменений на протяжении всего последующего периода (XIX и начала XX в.). Вместе с тем, в связи с меняющейся обстановкой в стране некоторые вопросы, связанные с ее деятельностью, подвергались пересмотру, уточнению или подтверждению, что было зафиксировано в ряде частных узаконений, а в общем виде – в IX томе Свода законов, издававшемся с 1857 по 1899 гг.⁴⁴ Во второй половине XIX в. законодательство о дворянской сословной ор-

ганизации распространялось в полной мере на 35 губерний Европейской России, а с определенными ограничениями (когда решающая роль при составлении списков участников дворянских собраний отводилась местному губернаторству) – на две кавказские губернии (Тифлисскую и Кутаисскую). Здесь проживало 60% всех дворян. В связи с малочисленностью местного дворянства не могли пользоваться корпоративными правами дворяне Архангельской, Вятской, Олонецкой, Пермской губерний; некоторых уездов Астраханской, Вологодской и Оренбургской губерний, а также Сибири и Средней Азии. В 9 западных губерниях в результате участия польской шляхты в восстании 1863 года дворянские собрания были запрещены, а выборные сословные должности замещались по назначению правительства⁴⁵.

Созданием дворянской корпорации самодержавие преследовало несколько целей: во-первых, организовать высшее сословие, устремившееся в свои поместья в связи с провозглашением «Грамоты о вольности дворянской» 1762 года, предоставив ему определенное самоуправление; во-вторых, включить его в систему местного управления, формировавшуюся после издания «Учреждения о губерниях» 1775 года, передав в его руки всю уездную и значительную часть губернских прерогатив власти, укрепить которые было особенно важно в связи с потрясшей всю империю недавней крестьянской войной⁴⁶.

Совокупность дворян каждой губернии (за указанными исключениями) составляла самостоятельную корпорацию – сословное сообщество. Эти сообщества для обсуждения своих проблем и решения целого ряда вопросов наделялись правом созывать губернские и уездные обыкновенные (очередные) и чрезвычайные (внеочередные) собрания, которые представляли собой полномочные губернские и уездные съезды дворян⁴⁷. Очередные губернские собрания проводились раз в три года (по общему правилу в декабре-январе), но каждый раз с разрешения местного губернатора и с ведома МВД. За три месяца до открытия губернского собрания проходили дворянские собрания по уездам.

Чрезвычайные дворянские собрания созывались по мере необходимости. Они могли состояться при получении специального разрешения губернатора, которое запрашивал губернский предводитель дворянства. Для проведения уездного чрезвычайного собра-

ния уездный предводитель дворянства делал запрос через губернского предводителя. Предметы ведения чрезвычайных дворянских собраний законом не оговаривались, кроме двух случаев, о которых будет сказано ниже.

В компетенцию обыкновенных уездных собраний входили следующие вопросы: подготовка к губернским собраниям, избрание одного из своих членов для рассмотрения отчетов по использованию дворянской кассы, избрание посредников для «полюбовного специального» размежевания земель. Следует отметить тот факт, что кандидаты на пост уездного предводителя и депутата дворянства от уезда избирались уездным дворянством в ходе губернского, а не уездного собрания.

Все важнейшие корпоративные вопросы решались на губернских собраниях. На них заслушивались отчеты об исполнении принятых ранее постановлений, намечались и утверждались раскладки сборов на частные дворянские повинности, обсуждались доклады и выступления по различным вопросам повестки дня, избирались все выборные должностные лица корпоративных органов: губернские и уездные предводители, депутаты и секретари дворянства, заседатели дворянских опеки, посредники для размежевания земель и кандидаты на замещение должностей в местном дворянском самоуправлении. Им принадлежало право подавать через губернских предводителей или депутатов прошения и жалобы губернатору, министру МВД и в особых случаях императору⁴⁸. Повестка собрания, а также все выборные лица утверждались властями. Губернатор открывал собрания, приводил его участников к присяге, но затем, по закону, не имел права присутствовать на его заседаниях.

Закон специально оговаривал, что дворянское собрание «не должно входить в обсуждение предметов, прямому его ведению не подлежащих, и касаться вопросов, относящихся до изменения существенных начал государственных в России учреждений»⁴⁹.

Рассмотрим, кто из представителей дворянского сословия имел право принимать участие в уездных и губернских дворянских собраниях и обладал избирательным правом. В дворянских собраниях могли принимать участие лишь потомственные дворяне, записанные в родословную книгу губернии. При этом одни наделялись правом голоса, другие нет. В соответствии с положением «Жало-

ванной грамоты» 1785 года, имущественный ценз для участия в дворянских выборах определялся владением деревней, а для баллотировки на выборные должности надо было иметь 100 руб. годового дохода с деревень. Беспоместный дворянин имел право только присутствовать на собрании.

По указу от 6 декабря 1831 года правом решающего голоса наделялся дворянин, отвечающий следующим требованиям:

- быть честного и неукоризненного поведения и не находиться под следствием;
- быть внесенным в дворянскую родословную книгу той губернии, в собраниях дворянства которой он желал участвовать;
- иметь в губернии недвижимую собственность;
- быть не моложе 21 года;
- иметь классный чин, либо прослужить полное трехлетие по дворянским выборам.

В 1832 году к ним добавилось награждение российским орденом. На основании закона от 1 ноября 1857 года, к лицам, имеющим чин или ордена, были приравнены в этом отношении дворяне, которые окончили высшее или среднее учебное заведение либо прослужили три года на определенных должностях в земских и городских по крестьянским делам учреждениях.

В то же время не все лица, обладавшие правом решающего голоса в дворянских собраниях, имели избирательные права, то есть возможность участвовать в дворянских выборах. В пореформенные годы право голоса на выборах имели потомственные дворяне, имевшие не менее 10 ревизских душ или 3 тыс. дес. ненаселенной земли, расположенной в пределах одной губернии. Для высших гражданских и военных чинов (с действительного статского советника, полковника и капитана I ранга) этот ценз был значительно ниже – 5 ревизских душ или 150 дес. земли. Располагавшие этим же цензом – не менее 1/20 полного – мелкопоместные дворяне могли участвовать в выборах только через уполномоченных, избравшихся по одному от такого количества владельцев, общий размер собственности которых составлял полный ценз. Через уполномоченных, передавая им свой голос, участвовали в собраниях вдовы-дворянки, несовершеннолетние сироты, владевшие крепостными и поместьями.

Дальнейшее изменение соответствующего законодательства связано с земской реформой. Принятый 1 июля 1870 года закон приравнивал условия участия в дворянских собраниях к земскому выборному цензу, установленному «Положением о земских учреждениях» от 1 января 1864 года, но только в отношении земельных владений. В результате имущественный ценз для дворян-помещиков был значительно снижен до 200-300 дес. в основных земледельческих и обеих столичных губерниях и 300-600 дес. в промышленных, лесных и степных губерниях. Соответственно уменьшился и ценз для голосовавших через уполномоченных мелкопоместных дворян, который по-прежнему составлял 1/20 полного. Для владельцев другой недвижимости фактически оставался дореформенный, то есть значительно повышенный, ценз. На них распространялись условия, установленные первоначально только для Москвы и С.-Петербурга, – владение имуществом стоимостью не менее 15 тыс. руб., что давало преимущество в собраниях дворянам-помещикам. Значительно было облегчено участие в выборах высшим чинам гражданского и военного ведомств: действительному статскому советнику или полковнику право голоса предоставлялось независимо от размера недвижимости и даже совсем без неё, если только они получали пенсию в размере не менее 900 руб. в год. В 1899 году земельный ценз был снижен до 150-200 дес. в земледельческих губерниях⁵⁰.

Предводители дворянства являлись одним из важнейших институтов в дворянской сословной организации. В области внутрисословной структуры губернские и уездные предводители являлись представителями не только исполнительных органов обществ, но фактически были высшей инстанцией между собраниями. На них возлагались наблюдение за ведением родословных книг, составление списков дворян, имевших право участвовать в собраниях, наблюдение за поведением членов обществ, выдача дворянам характеристик в случае поступления их на государственную службу. Они же в значительной мере были и исполнителями постановлений собраний, председательствуя от лица обществ во всех правительственных инстанциях, общественных и частных учреждениях. Кроме того, предводители являлись хранителями дворянских капиталов, отвечали за их правильное использование, возглавляли депутатские собрания, опеки, готовили материалы к дворянским собраниям и председательствовали на них.

В Воронежской и Курской губерниях с 1859 по 1898 гг. сменили друг друга по шесть губернских предводителей дворянства (см. табл. 38, 39) ^{51,53}.

Таблица 38

Предводители дворянства Курской губернии

<i>Чин, Ф.И.О., возраст</i>	<i>Срок служ- бы в долж- ности</i>	<i>Кол-во принад- лежащей земли в дес.</i>	<i>Уровень образования</i>	<i>Последняя за- нимаемая должность до вступления в должность губернского предводителя</i>
1. Действительный статский советник Н.Я. Скарятин, 44 года	1859- 1865	11 400	выдержал экза- мен на офицера в Инженерном учи- лище	уездный пред- водитель дво- рянства
2. Камергер Двора Его Величества, светлейший князь А.А. Салтыков- Головкин, 40 лет	1865- 1871	7 886	Харьковский университет	уездный пред- водитель дво- рянства
3. Гв. полковник Н.К. Шабельский, 40 лет	1871- 1874	36 000	неполный курс императорского лицея	уездный пред- водитель дво- рянства
4. Надворный совет- ник Н.И. Богданов, 46 лет	1875- 1887	7 400	Харьковский университет	уездный пред- водитель дво- рянства
5. Действительный статский советник, Камергер Его Величе- ства А.Д. Дурново	1887- 1890 1893- 1904	3 935	Императорское училище право- ведения	чиновник V класса Ми- нистерства финансов
6. Флота капитан- лейтенант князь Н.Ф. Касаткин- Ростовский, 40 лет	1890- 1893	3 110	Нарвское военное училище	председатель земской упра- вы

Из данных, приведенных в табл. 38, видно, что из шести курских губернских дворянских предводителей трое имели чины гражданского ведомства IV, VII классов, двое – чины военного ведом-

ства VI, VIII классов; один имел придворный чин IV класса (камергер). Особый интерес вызывает продолжительность службы в должности губернского предводителя дворянства. Это показатель не только привлекательности, почетности данной должности, но и частоты перемещений при реальной возможности очередных перевыборов. Сроки службы по полным трехлетиям распределялись следующим образом: Н.Я. Скарятин прослужил два полных трехлетия, А.А. Салтыков-Головкин – два полных трехлетия, Н.К. Шабельский – одно полное трехлетие, Н.И. Богданов – четыре полных трехлетия, А.Д. Дурново (с перерывом в одно трехлетие) почти пять полных трехлетий, Н.Ф. Касаткин-Ростовский – одно полное трехлетие. То есть почти 67% губернских дворянских предводителей в Курской губернии переизбирались на следующий срок, и по несколько раз. В среднем, в пореформенный период каждый курский губернский предводитель дворянства в занимаемой должности прослужил два с половиной трехлетия.

Все курские губернские предводители дворянства принадлежали к крупнейшим землевладельцам губернии, в среднем, на каждого из них приходилось 11 622 дес. Их авторитет на местах был довольно высок. Это являлось продолжением дореформенной традиции, когда «выборная служба все падала в своем значении и “средств исправления” тому не было ни у монарха, ни у его правительства. На высоте своего призвания оставались одни предводители дворянства, резко выделяясь среди прочей провинциальной администрации. Одни они представляли собою “лучших людей”». ⁵² Кроме Н.К. Шабельского (который выдержал экзамен за полный курс), остальные окончили высшие и средние учебные заведения. У четырех из шести последняя занимаемая должность перед занятием должности губернского предводителя дворянства – уездный предводитель дворянства. Следовательно, для них служба по дворянским выборам была основной на протяжении длительного периода жизни. Средний возраст курского губернского предводителя дворянства составлял 42 года.

Сравним основные показатели службы (классный чин, срок службы в должности, последняя должность перед занятием должности губернского предводителя дворянства) курских и воронежских губернских предводителей дворянства.

Предводители дворянства Воронежской губернии

<i>Чин, Ф.И.О., возраст</i>	<i>Срок службы в должно- сти</i>	<i>Последняя занимаемая должность до вступления в должность губернского предводителя</i>
1. Тайный советник А.Н. Сомов, 36 лет	1859-1867	уездный предводитель дворянства
2. Тайный советник И.И. Шидловский, 41 год	1868-1874	уездный предводитель дворянства
3. Действительный статский советник П.Ф. Панютин	1875-1882	-
4. Действительный статский советник Н.А. Звегинцев, 35 лет	1883-1888	уездный предводитель дворянства
5. Действительный статский советник М.А. Веневитинов, 44 года	1888-1894	-
6. Статский советник в звании Камергера С.М. Сомов, 44 года	1895-1898	уездный предводитель дворянства

В отличие от Курской губернии, где два губернских предводителя дворянства имели военные чины, воронежские губернские предводители дворянства все имели чины гражданского ведомства III-V классов. Сроки службы среди них распределились следующим образом: А.Н. Сомов в должности губернского предводителя дворянства прослужил почти три полных трехлетия, И.И. Шидловский – два полных трехлетия, П.Ф. Панютин – почти три полных трехлетия, Н.А. Звегинцев – два полных трехлетия, М.А. Веневитинов – два полных трехлетия, С.М. Сомов – одно полное трехлетие. В среднем, срок службы воронежского губернского предводителя дворянства в пореформенный период составил 2,2 трехлетия. Почти равный показатель соответствующему показателю по Курской губернии. В основном, перед занятием должности губернского предводителя дворянства служили в должности уездного предводителя дворянства.

Исходя из имеющихся данных о воронежских и курских губернских предводителях дворянства, попытаемся составить среднестатистический портрет губернского предводителя дворянства

Центрального Черноземья в пореформенный период. Получилось следующее: действительный тайный советник, 42 года, владелец 11,5 тыс. дес., имевший среднее специальное образование, в данной должности прослуживший 2,2 трехлетия, до занятия должности губернского предводителя дворянства служивший по дворянским выборам в должности уездного предводителя дворянства.

Характеристику уездного предводителя дворянства центрально-черноземных губерний в пореформенный период рассмотрим на примере уездных предводителей дворянства Белгородского уезда Курской губернии (см. табл. 40.)⁵⁴.

Таблица 40

Предводители дворянства Белгородского уезда

<i>Чин, Ф.И.О., возраст</i>	<i>Срок службы в должности</i>	<i>Кол-во принад- лежащей земли в дес.</i>	<i>Уровень образования</i>	<i>Последняя зани- маемая долж- ность до вступи- ния в должность уездного предво- дителя дворян- ства</i>
1. Коллежский ассе- сор светлейший князь А.А. Салтыков- Головкин, 37 лет	1863-1865	7 886	Харьковский университет	председатель зем- ской управы
2. Гв. поручик Д.Ф. Озеров, 30 лет	1865-1881	имение, населен- ное 700 крестья- нами	Школа гвар- дейских под- прапорщиков и кавалерий- ских юнкеров	мировой посред- ник
3. Коллежский секре- тарь В.А. Борщов, 30 лет	1881-1890	12 000	Пажеский корпус	канцелярский чи- новник дворян- ского депутатско- го собрания
4. Штабс-капитан Е.Н. Муханов, 60 лет	1890-1892	3 513	Дворянский полк	судья Белгород- ского городского суда
5. Губернский секре- тарь К.М. Батезатул, 50 лет	1893-1896	819	Кадетский корпус	земский служа- щий в Царстве Польском
6. Штабс-ротмистр князь Д.А. Волкон- ский, 34 года	1896-1897	1 150	Николаевское кавалерийское училище	уездный земский начальник

Из данных таблицы видно, что уездные предводители дворянства имели, главным образом, чины военного ведомства IX класса. Сроки службы в должности уездного предводителя дворянства распределились так: А.А. Салтыков-Головкин прослужил одно полное трехлетие, Д.Ф. Озеров – пять полных трехлетий, В.А. Борщов – три полных трехлетия, К.М. Батезатул – одно полное трехлетие, Д.А. Волконский – неполное трехлетие.

В среднем, срок службы уездного предводителя дворянства составил почти два (1,7) полных трехлетия. Таким образом, губернские предводители дворянства в своей должности по дворянским выборам служили дольше на одно трехлетие, чем уездные предводители дворянства. Среднее количество принадлежавшей им земли составило 5 073 дес. Поэтому они принадлежали к крупнопоместному дворянству, хотя и уступали по количеству земельного фонда губернским предводителям дворянства. До вступления в должность по дворянским выборам половина из них служила в земских структурах.

Составим среднестатистический портрет уездного предводителя дворянства центрально-черноземных губерний в пореформенный период: штабс-капитан (ротмистр), 40 лет, прослуживший почти два полных трехлетия в данной должности, владелец 5 000 дес., имевший среднее военное образование, на службу по дворянским выборам пришел из земских учреждений.

В связи с этим следует отметить одну характерную деталь: в отдельных дворянских родах должность уездного предводителя дворянства была семейной традицией. Например, в Воронежской губернии И.А. Звегинцев в 1879-1881 гг. – бобровский уездный предводитель дворянства, его сын Владимир в 1897-1898 гг. – бобровский уездный предводитель дворянства, родной племянник Владимира – Н.А. Звегинцев – в 1890-1901 гг. – новохоперский уездный предводитель дворянства; И.Н. Тевяшов в 1867-1868 гг. и в 1885-1896 гг. – острогожский предводитель дворянства, его сыновья Владимир и Василий занимали эту должность соответственно в 1868-1882 гг. и в 1895-1901 гг.⁵⁵ Тевяшovy на протяжении почти всего пореформенного периода не упустили из своих рук должность острогожского уездного предводителя дворянства.

Изначально в законах никак не определялись взаимоотношения между губернским и уездными предводителями дворянства. Однако в июне 1808 года был издан сенатский указ, в котором разъяснялось, что уездные предводители дворянства исполняют свои обязанности и отвечают за свои действия без посредничества губернского предводителя дворянства, которому «обязаны уездные одними только сведениями касательно общего по губернии о дворянах и о их имении положения и распоряжения, а ответом не иначе как по особому токмо от Правительства на губернского Предводителя возложению какого-либо разбора»⁵⁶. В указе Сената от 31 января 1827 года вновь подчеркивалось, что подчиненность уездных предводителей дворянства губернскому предводителю допущена быть не может, так как все они «назначаются по выбору одного и того же дворянского сословия из среды оною и с присвоением от него известной меры власти и ответственности, на разных токмо степенях, одинакового же уважения и доверенности основных», а следовательно, их взаимоотношения «поставляются в одинаковой степени»⁵⁷. В то же время, губернский предводитель дворянства, по положению от 6 декабря 1831 года, официально считался вторым лицом в губернии после губернатора. Он утверждался в должности императором, уездный предводитель – губернатором.

В отдельных случаях уездные предводители дворянства шли консолидированно на разрыв с губернской администрацией, включая губернатора. И такой разрыв мог привести к смещению губернатора. Коротоякский уездный предводитель дворянства Л.М. Савелов в своих воспоминаниях приводит такой пример по Воронежской губернии: «Куровского сменил легендарный Владимир Захарович Коленко (Воронежский губернатор с 1895 по 1898 гг. – *В.Ш.*), попавший в губернаторы благодаря своей женитьбе на некоей Комаровой, родной сестре жены берлинского графа Шувалова. Это было форменное посмешище, а не губернатор. К нам он попал из Вологды, а до того побывал в Иркутске и Якутске, и где-то там о нем сложили даже стихи, которые я, к сожалению, не помню, но которые начинались словами: “Хорошенький, молоденький, зовут его Володенькой...” Несмотря на то, что Коленко побывал уже в нескольких губерниях, он ничего не смыслил в администрации, а

занимался изданием глупейших циркуляров, особенно он хлопотал, чтобы служащие говели и носили нательные крестики, и усердно бегал за гимназистками, ко времени окончания уроков шел к гимназии и провожал их до дома, носил книги ... Приехавши раз в Острогожск, он, первым делом, сделал визит какой-то хорошенькой учительнице ... Предводительское совещание вынесло постановление о прекращении с Коленко всяких сношений, кроме, конечно, официальных, и при посещении его решили являться всегда в вицмундирах. Кажется, на другой день у Коленко был назначен обед для предводителей с женами, но никто из нас не явился. Пришел только один вице-губернатор, но не получил обеда. Получился большой скандал, который, несомненно, стал известен и в Петербурге и, вероятно, был одной из причин, сокративших пребывания “Володеньки” в Воронеже»⁵⁸. А.С. Минаков несколько по-другому трактует отставку В.З. Коленко: « ... У воронежского губернатора В.З. Коленко сложности в отношениях с дворянством начались после проверки обстоятельств крестьянских беспорядков в Острогожском уезде губернии. Местное дворянство крайне отрицательно отнеслось к расследованию их причин, давшему негативные характеристики нравов местных помещиков. Однако большое значение имело столкновение В.З. Коленко с уездным предводителем Л.М. Савеловым, который “настаивал на высылке из пределов уезда крестьянина Д.Г. Мироненко, обладавшего большим авторитетом у односельчан и умевшего отстаивать свои интересы перед лицом начальства и помещиков”. Однако, красноречивые жалобы на непокорного крестьянина не подтверждались никакими конкретными фактами его противозаконных действий. Видимо, “уездные руководители полагали, что губернатор все равно учтет мнение дворянства”. Однако В.З. Коленко не стал действовать под диктовку уездного предводителя и его коллег...

В конце 1897 г. противостояние В.З. Коленко с дворянством приняло открытый характер. Сторонники Л.М. Савелова сорвали выборы губернского предводителя дворянства, забаллотировав губернского кандидата. Вскоре после этого В.З. Коленко был уволен с должности»⁵⁹. Какими бы ни были причины данного конфликта дворянства с губернатором, итог был неутешительным для последнего.

Этот случай был не единичным. С 1860-х гг. по начало XX в. в Центральном Черноземье, помимо В.З. Коленко, свой пост из-за конфликта местным дворянством покинули 7 губернаторов. Это еще один воронежский губернатор П.А. Слепцов (1898-1902 гг.); курские – В.И. Ден (1861-1863 гг.), П.А. Извольский (1863-1866 гг.), П.П. Косаговский (1885-1889 гг.); рязанские П.Д. Стремоухов (1862-1866 гг.), Н.А. Болдырев (1866-1873 гг.). Здесь необходимо учитывать еще то, что накануне декабрьских событий 1905 года по указанной причине свой пост покинул курский губернатор Н.Н. Гордеев, в самом начале 1906 года – воронежский губернатор С.С. Андреевский, весной 1912 года – тамбовский губернатор Н.П. Муратов, и он же в 1915 году покинул пост курского губернатора⁶⁰.

Данные отставки были обусловлены различными причинами. В.И. Ден вынужден был покинуть свой пост из-за раздражения курских дворян его авторитарным стилем управления, П.И. Извольский – из-за неправомерности применения телесных наказаний, П.П. Косаговский – из-за неумения наладить контакт с местным дворянством и т.п.⁶¹ Все это показывало силу и авторитет местных дворянских корпораций, которым уступал даже «хозяин» губернии. Здесь важную роль играло и понятие «дворянская честь»: дворяне не позволяли высокомерного и неуважительного отношения к себе. Касалось это, в первую очередь, дворян средних и верхних страт, но именно их представители и стояли у руля дворянских корпораций.

Переходим к рассмотрению деятельности дворянских собраний и системы выборов на должности, предусмотренные в корпоративных учреждениях дворянства.

За три месяца до открытия очередного губернского собрания дворянства проходили уездные собрания дворянства. На этих собраниях утверждался список дворян уезда, имевших право избирать в должности по дворянским выборам, рассматривались присланные на имя уездного предводителя дворянства заявления желавших баллотироваться на выборах, избирались уполномоченные от тех дворян, которые не имели личного избирательного права на основе имущественного ценза, выбирали одного из дворян для рассмотрения отчетов уездного предводителя о расходах сумм дворянской кассы.

За четыре месяца до открытия очередного губернского собрания производился созыв на него дворян губернии через уездные полицейские управления или «Губернские ведомости». Каждый потомственный дворянин по прибытии в губернский центр на дворянское собрание обязан был явиться к своему уездному предводителю. Уездный предводитель вносил в заготовленный список чин, имя, фамилию каждого прибывшего дворянина, отмечая день его прибытия. Накануне открытия губернского собрания уездные предводители вместе с прибывшими дворянами являлись к губернскому предводителю дворянства и вручали ему списки последних, которые губернский предводитель в этот же день передавал губернатору, при этом спрашивая разрешения на открытие собрания. Губернатор письменно предлагал делегатам дворянского собрания начать свое заседание и приступить к выборам⁶².

Губернское дворянское собрание было настоящим событием для губернского центра, вокруг которого начиналась вращаться жизнь местного высшего света. Современник, не привязываясь к конкретному городу, описывает эти настроения: «В губернском городе N предстояли дворянские выборы – эпоха в прежние годы знаменательная, во время которой губернская жизнь достигала своего апогея, и все элементы местного общества, находясь в состоянии высшего напряжения сил и способностей, давали наибольшее, что они могли дать. В это время, по сравнению с нормальным, день мог быть сочтен за месяц, и в короткий срок – с приготовлениями и эпилогом дворянское собрание длилось не более трех недель – совершалось так много, столь грандиозные результаты являлись налицо, что посторонний человек, да и сами участники губернской жизни, не могли не удивляться продуктивности ее.

Казалось, что на выборах не только подводился итог деятельности губернского общества за истекшее трехлетие (очередные дворянские собрания бывают, как известно, через три года), но что общество и жило лишь в ожидании этой эпохи и ради нее. И действительно, выборы давали смысл и красоту жизни общества, они вносили в нее страстность и, наконец, они были единственной ареной, на которой могла проявляться политическая самостоятельность N-ских аборигенов»⁶³.

Дворянство, собираясь в губернском центре, превращало его в местный Вавилон: «Дня за три, за четыре до открытия собрания можно было встретить в большом количестве въезжавшие в разные заставы города и со всех его концов экипажи, сани и возки с седоками в медвежьих и енотовых шубах и громадных меховых шапках, запряженные собственными, а то и ямскими лошадьми и нырявшие по неисчислимым и невероятно глубоким ухабам, – это начинался съезд дворян. Одинокие, особливо холостые помещики, останавливались в гостиницах, а приезжавшие с семействами – всегда у родственников или знакомых. Отели были не хороши в N, да с дамами считалось тогда зазорным жить в гостиницах. Несмотря на это, все отели и даже постоянные дворы переполнялись приезжими, и там воцарялись вместо обычного запустения шум, гам и веселье немалое»⁶⁴.

Хотя автор описывает дворянское собрание дореформенного периода, подобный ажиотаж был характерен и для первых пореформенных десятилетий.

В день, назначенный для открытия губернского собрания, дворяне собирались к девяти часам утра в доме дворянского собрания. Губернский предводитель дворянства извещал губернатора через депутатов собрания, что прибывшие на собрание дворяне готовы идти в церковь. При этом старейший из депутатов представлял губернатору списки вновь прибывших дворян, подписанные губернским предводителем. Губернатор, сопровождаемый депутатами, проходил в зал дворянского собрания и, вручив списки губернскому предводителю, приглашал дворян пройти в церковь для слушанья божественной литургии и молебствия во здравие императора и всех членов императорской фамилии, а также для принесения присяги на соблюдение беспристрастия в делах дворянского собрания.

По окончании божественной литургии и молебствия губернатор приводил собравшихся дворян к присяге, сопровождая её следующими словами: «На основании Устава о дворянских выборах, по соглашению с губернским предводителем я имею особенную честь открыть собрание воронежского дворянства. Что касается до занятий Ваших, относящихся собственно до нашей губернии, я уверен, что лицепрятие не будет иметь здесь места и, руководи-

мые справедливостью и беспристрастием, Вы направите все решения Ваши к сохранению интересов как благородного сословия, так и вообще всей губернии»⁶⁵. После этого дворяне во главе с губернским предводителем возвращались в зал дворянского собрания.

От дворян, принимавших участие в выработке постановлений и выборах, не требовалось никаких подтверждений о ненахождении под следствием или судом, но при открытии собрания зачитывались указания о лицах, не имевших права участвовать в подготовке постановлений и выборах дворянства. Члены же собрания предупреждались, что принявшие в нем участие незаконно подвергнутся судебному преследованию.

В первые дни работы губернское дворянское собрание выслушивало предложения губернатора и выносило по ним свои замечания. Оно обязано было исполнить все законные требования губернатора. Губернское собрание общалось с губернатором через губернского предводителя, который был обязан информировать губернатора обо всех делах дворянского собрания.

На губернском очередном дворянском собрании вопросы рассматривались в определенной последовательности:

1) сведения о тех дворянах, которые находились под судом, но были освобождены от него «силою Всемилодивейшего манифеста». Большинством голосов решалось, кто из них может быть допущен к участию в делах собрания или к выборам, а кто нет;

2) уведомления дворян, заявивших о том, что они не могут прибыть на собрание, с предварительным заключением по ним собрания уездных предводителей и депутатов дворянства;

3) списки дворян, которые не уведомили о причине своей неявки на собрание и не явились на него;

4) заявления дворян, не имевших права участвовать в выборах, но изъявивших желание участвовать в них;

5) отчеты по расходам дворянской кассы на основании заключений уездных дворянских собраний.

После рассмотрения этих вопросов переходили к «совещанию о своих нуждах». В основном, поднимаемые вопросы были типичны для всех очередных губернских дворянских собраний – определение размеров пенсий, пособий секретарям дворянства, чиновни-

кам дворянских опеков, служащим канцелярий депутатских собраний и предводителям дворянства, добровольные взносы общественной дворянской казны, обложение сборами удобных земель потомственных дворян, изменения и дополнения в дворянской родословной книге и т.п.⁶⁶

В отличие от курского дворянского губернского собрания, воронежское губернское собрание принимало самое активное участие в рассмотрении социально-политических, экономических вопросов, поднимаемых перед дворянскими собраниями МВД, нередко выходя за рамки своей компетенции. Например, зная отрицательное отношение основной части помещиков к проекту отмены крепостного права, МВД еще в 1859 году перед зимней сессией дворянских собраний оповестило губернских предводителей, что дворянским собраниям запрещается обсуждать вопросы, связанные с освобождением крестьян. Это вызвало недовольство помещиков. Ряд собраний, включая воронежское, выразили протест против ущемления своих «законных прав». Чтобы не раздражать высшее сословие, в декабре 1860 года МВД предложило включить в повестку дворянских собраний ближайшей сессии 5 пунктов, касавшихся менее острых вопросов: о пересмотре устава о дворянских выборах, о губернских земских повинностях, о поземельном кредите, о реорганизации местной медицинской части и о правилах по найму сельскохозяйственных рабочих. Но маневр не удался. Воронежское дворянское собрание и ряд других использовали предложенную программу как повод для обсуждения самых насущных проблем и для выражения своих оппозиционных настроений.

Наибольшим оппозиционным размахом была отмечена дворянская сессия 1861-1862 годов. Воронежское собрание, наряду с тульским, смоленским, московским, харьковским и другими, заявило о неприемлемости «Положения» от 19 февраля 1861 года, о необходимости его пересмотра. В начале 60-х годов XIX в. широкий общественный резонанс имели содержащиеся в ряде ходатайств и адресов дворянских собраний предложения о создании в той или иной форме центрального выборного представительства. Идея эта выражена была дворянскими собраниями весьма неопределенно. Воронежское собрание, наряду со смоленским и тульским,

высказалось за созыв выборных только от дворянства; московское, тамбовское, екатеринославское и тверское – за представительство от всех сословий. Весьма туманно представляли авторы адресов и компетенцию этого органа. Так, московское дворянство задачу его видело «в согласовании законов с насущными потребностями», воронежское дворянское собрание намерено было через своих выборных представителей «участвовать в составлении законов, чтобы предупредить их частую изменчивость», и вообще участвовать «в делах общественного управления»⁶⁷. Данные предложения были отклонены под различными предлогами.

После обсуждения «своих нужд» дворянство приступало к выборам. Они считались главной задачей очередного губернского дворянского собрания. Перед началом выборов дворяне, участвовавшие в них, должны были представить аттестаты, послужные списки и другие документы, характеризовавшие их прежнюю службу. С этого момента дворяне, не имевшие права баллотироваться лично или в качестве уполномоченных от дворян, покидали дворянское собрание.

На губернном дворянском собрании присутствующие избирались на следующие должности: 1) губернский предводитель дворянства, 2) уездные предводители дворянства, 3) депутаты дворянства от уезда на губернное собрание, 4) секретарь дворянства, 5) заседатели в дворянскую опеку, 6) посредники для полюбовного размежевания земель, 7) 2 члена в состав отделений Государственного Дворянского Земельного Банка. Выборные должности разделялись на губернские и уездные. К губернским относились губернский предводитель, депутаты от дворянства, секретарь дворянства; к уездным – уездный предводитель, заседатели дворянских опеки, посредники для полюбовного специального размежевания земель⁶⁸.

Для работы губернского дворянского собрания специально готовились залы дома дворянского собрания. Н. Василич описывает это следующим образом: «А собрание уже было готово к принятию своих хозяев, паркет в большой зале с колоннами блестел как зеркало, швейцар и сторожа были трезвы и одеты в новую форму, вдоль стены зала под гербами уездов помещались уездные столы, покрытые зеленым сукном и окруженные стульями, а около них су-

етились чиновники; посередине покоев стоял губернский стол, а против него масса стульев. На хорах уже замечалось движение и, несмотря на ранний час, собралось много дам и девиц в светлых платьях; около них мелькали местные молодые люди. В боковой меньшей зале помещалась столовая, а за ней буфет с ходом в кухню, из которой уже врывался чад и запах пригорелого масла. Прилавков за буфетом был украшен массой закусок и бутылок, и лакеи, держа наготове штопоры, горели готовностью ринуться по первому призыву.

Наконец, зала стала заполняться: все сперва подходили к своим столам, чтобы записаться и справиться, кто приехал, а затем спешили в буфет и столовую. Экономные и непьющие дворяне, закусившие дома, расхаживали по зале, болтая»⁶⁹.

Выборы проводились по особым правилам. На каждую должность выдвигалось не менее двух кандидатов. На голосование ставилась каждая кандидатура, при этом все голосовавшие опускали выданные им шары в ящик с отделениями «за» и «против», после чего шары подсчитывались. Затем из всех прошедших выбирались двое, набравшие наибольшее количество голосов (при равенстве голосов бросался жребий). Победивший при голосовании утверждался в должности, а второй оставался в звании кандидата на неё⁷⁰.

На примере выборов воронежского губернского предводителя дворянства в 1897 году, описанных в мемуарах Л.М. Савелова, рассмотрим ход выборов по дворянской службе, атмосферу губернского дворянского собрания. Коротоякский уездный предводитель дворянства вспоминает: «Выборы губернского предводителя в Воронеже производились с большей торжественностью, происходили они обычно вечером, при полном освещении, что придавало нашему красивому колонному залу особую торжественность. Дворяне располагались по уездам, между колоннами, не расходясь до окончания баллотировки. Посреди стоял вдоль зала большой губернский стол, на одном из узких боков стола, ближайшем к портрету Государя, стоял губернский предводитель, на противоположном, лицом к губернскому предводителю, секретарь дворянства, который громко и отдельно читал список лиц, имеющих право балло-

тироваться в губернские предводители (все бывшие губернские и уездные предводители). Хоры были полны дамами. Первым было произнесено имя С.М. Сомова как состоявшего губернским предводителем в данную минуту. Раздались аплодисменты, Сомов поклонился, предложил воронежскому уездному предводителю занять его место и удалился из зала. Без шума стали подходить к избирательному ящику уезды и затем возвращались на свои места. Начался подсчет шаров, когда количество шаров перевалило за $\frac{1}{2}$, раздались аплодисменты, но несколько уездов молчали, скоро избирательные были посчитаны, их оказалось немногим больше половины. У сторонников Сомова появились опасения, что выборы будут сорваны на кандидате, которому или переложат, и Сомов окажется вторым, или же забаллотируют.

Сомов вернулся в зал, раскланялся, стал на свое место и объявил перерыв, прося уездных предводителей на совещание. Совещались мы довольно долго, но ни к каким результатам не пришли, так как никому рисковать быть забаллотированным не хотелось... Опять перерыв, опять совещание, на этот раз более удачное, согласился баллотироваться бирюченский предводитель Всеволод Вячеславович Шидловский... Когда секретарь произносит имя В.В. Шидловского, раздаются аплодисменты в некоторых уездах, Шидловский встает, делает поклон и выходит из зала.

Начинается процедура баллотировки, затем подсчета. Уездам, которые поддерживали Сомова, показалось, что избирательных уже больше $\frac{1}{2}$, раздались аплодисменты, когда подсчитали неизбирательные, то оказалось, что шары поделились поровну...

На Сомова было жаль смотреть в эту минуту. Он стоял бледный, с подергивающимся от злобы лицом ... Опять разошлись по уездам, не прийдя ни к чему, но Сомову казалось, что он нашел выход.

У С.М. Сомова был родной дядя, сенатор Афанасий Николаевич Сомов, бывший в 60-х годах воронежским губернским предводителем и оставивший после себя хорошую память в губернии, и, кроме того, пожертвовавший незадолго перед этим 100 тысяч рублей для выдачи из % пособий малоимущим дворянам Воронежской губернии (что, несомненно, повлияло на первое избрание Сомова),

и его бронзовый бюст стоял у нас в зале, ... и вот этого разваливающегося, хотя и весьма уважаемого старика Сергей Михайлович решил пустить на баллотировку, рассчитывая, что дворянство не решится класть черные шары человеку, бюст которого стоит тут же, в зале, и он, конечно, будет избран и сумеет отказаться, и Сергей Михайлович будет утвержден государем. Но получилось не совсем то, что ожидал Сергей Михайлович. Опять чтение списка, и при упоминании имени А.Н. Сомова раздалась аплодисменты в уездах, с предводителями которых Сомов, видимо, успел поделиться своим планом. Сергей Михайлович сейчас же заявил: “Баллотировается сенатор А.Н. Сомов! Господа дворяне Воронежского уезда...” Поднимается Алисов ... и громким голосом заявляет: “Дворяне Воронежского уезда не считают возможным приступить к баллотировке сенатора А.Н. Сомова, не имея на это его согласия”, после чего поворачивается и покидает зал, за ним уходит весь уезд. То же проделывают уезды: Землянский (Воронежский и Землянский – самые большие по количеству голосов), Нижнедевицкий (уезд Сомова) и Коротоякский, – остальные баллотировали ... Ушла почти половина всех дворян. А.Н. Сомов был, конечно, избран, хотя и было несколько черных шаров, но выборы были незаконными, так как требуется избрание двух кандидатов одинаковым количеством участников.

Ушедшие уезды решили обжаловать выборы в Сенат, что и было исполнено... На экстренном собрании был избран Николай Илиодорович Шидловский...»⁷¹

За внешней пышностью, торжественностью и принятым этикетом ведения дворянского собрания хорошо просматриваются напряженность и борьба различных дворянских группировок. Обращает на себя внимание консолидированность в принятии решения дворян уездов со своими предводителями. Это подчеркивает авторитет последних. С другой стороны, чувствуется и некоторая разобщенность самих уездных предводителей. Идя на выборы и имея определенное решение о неизбрании на очередной срок губернского предводителя дворянства, та часть из них, которая придерживалась этого решения, так и не смогла предварительно выбрать своего лидера. Вероятно, дело не в боязни быть забаллотиро-

ванным, скорее, решающую роль играли личные амбиции отдельных уездных предводителей дворянства. Определенный интерес вызывают и «выборные технологии», которые шли вразрез с существовавшим законодательством.

Не случайно одним из первых вопросов, поднимаемых на дворянском собрании, был вопрос о явке на него дворян, имевших право принимать участие в его работе. Как показывают источники, ответственность у определенной части дворян была не на должном уровне. В качестве примера приведем переписку тимского уездного исправника с курским губернатором. В конфиденциальном донесении от 24 сентября 1875 года тимский уездный исправник извещал курского губернатора: «Разрешенное на 20 сентября сего года Вами собрание дворян в г. Тиме для избрания кандидата на должность уездного предводителя дворянства не состоялось по случаю неприбытия указанного законом числа дворян, коих прибыло только 5 человек»⁷². Более чем через месяц он снова доносил: «Разрешенное Вами на 30 октября сего года собрание дворян в г. Тиме для избрания кандидата на должность предводителя дворянства не состоялось по случаю неприбытия указанного законом числа дворян. Становыми приставами дворянам о назначенном собрании было объявлено всем, и подписки их мною препровождены уездному предводителю дворянства». Собрание состоялось только 9 января 1876 года, на нем был избран отставной капитан Я.Д. Жуков⁷³.

Уездному исправнику во второй раз при объявлении о созыве уездного дворянского собрания пришлось брать подписки с дворян, что они поставлены в известность. Но и это не помогло.

Чрезвычайные, или внеочередные, дворянские собрания как уездного, так и губернского уровней собирались в силу определенной необходимости. В правовом аспекте были оговорены только два случая, при которых собиралось чрезвычайное уездное собрание. Первый: если в течение трехлетия между очередными губернскими собраниями дворянства вакансия кандидата уездного предводителя дворянства по различным причинам была не занята, то с разрешения губернатора в уездном центре на внеочередном собрании проводились выборы уездного предводителя дворянства. Второй: в случае отсутствия кандидата на вакантное место кандидата

дворянства от уезда, также с разрешения губернатора проходили его выборы на внеочередном дворянском собрании⁷⁴.

Содержательная часть внеочередных дворянских собраний отражена в их повестках. Рассмотрим повестки уездного и губернского внеочередных собраний, которые показаны в ходатайствах губернского предводителя дворянства перед губернатором.

Начнем с повестки внеочередного уездного собрания: «Господину Курскому губернатору. Вследствие отношения господина грайворонского уездного предводителя дворянства от 18 мая (1893 год – *В.Ш.*) за № 65, имею честь ходатайствовать... о разрешении созыва чрезвычайного грайворонского уездного дворянского собрания на 16 мая сего года для избрания кандидатов на поступление в число бесплатных воспитанников Курского дворянского Александровского пансион-приюта»⁷⁵.

Внеочередное губернское собрание, как правило, всегда имело более обширную повестку: «Господину Курскому губернатору. Прошу разрешить открытие в г. Курске 7 декабря сего года (1893 год – *В.Ш.*) чрезвычайного губернского собрания дворянства для обсуждения вопросов: 1) о возобновлении сгоревшего 17 октября 1892 г. дворянского дома; 2) о ходатайстве относительно предоставления права дворянам, в особенности малоземельным и безземельным, приобретать земли с содействием правительства на основаниях, сходных с правами и льготами, представленными Крестьянскому земельному банку; 3) о разрешении г. Министра народного просвещения изменить примечание к § 3 правил по заведению Дворянским пансион-приютом; 4) о Всемилостивейшем Государя Императора разрешении надворному советнику Н.А. Анненкову участвовать на общих основаниях в общественных и сословных собраниях и выборах и подвергаться избранию на оных; 5) об изменении условий найма квартиры для Дворянского пансион-приюта и канцелярии Депутатского собрания»⁷⁶.

Все поднимавшиеся на внеочередных дворянских собраниях вопросы можно разделить на 4 вида: 1) социально-экономические, относительно поместного землевладения и землепользования; 2) хозяйственные, касавшиеся учреждений дворянской корпорации; 3) изменявшие отдельные положения учреждений дворянской кор-

порации; 4) личного плана или открывавшие доступ представителям дворянского сословия в его корпоративные учреждения. Большая часть вышеприведенных вопросов, естественно, не могла ждать своего решения до очередных дворянских собраний. Поэтому вопросы ведения внеочередных дворянских собраний фактически не оговаривались, невозможно было охватить весь спектр жизнедеятельности дворянского сословия.

Отдельно здесь рассматривались вопросы, связанные с нарушением хода выборов в дворянском собрании, так как это влекло за собой судебную ответственность. Несмотря на это, подобные нарушения были нередки как в дореформенный, так и в пореформенный периоды. В основном встречалось три вида нарушений выборного процесса: 1) баллотирующийся находился под следствием или судом; 2) число голосовавших было недопустимо низким; 3) в голосовании принимали участие дворяне, которые не имели на это права. Например, в курском дворянском депутатском собрании перед реформой 19 февраля 1861 года был составлен «Список дворян, кое не правильно избраны, или утверждены в должностях, в которые следует произвести выборы»⁷⁷.

Дворянское общество как в губернии, так и в каждом уезде располагало определенным капиталом, использовавшимся как для общественных, так и для частных нужд высшего сословия. Размеры этих средств, их назначение и источники пополнения в значительной мере регламентировались законодательством. Прежде всего закон предусматривал обязательные дворянские сборы на удовлетворение так называемых частных дворянских повинностей, которыми покрывались расходы на содержание канцелярий предводителей дворянства, депутатских собраний, дворянских опеки, а также на выплату жалованья, различных пособий и пенсий канцелярским чиновникам вышеуказанных учреждений. Большая часть данных средств шла на содержание и ремонт дворянских помещений.

Дворянские собрания имели право путем добровольных «складок» составлять общественную дворянскую казну (кассу). Данные взносы могли быть двух видов: 1) «общепользовными для дворян всей губернии» и 2) составленными на различные «частные издержки». Сборы первого рода должны были обязательно быть

утверждены губернским дворянским собранием. Обязательным являлось уведомление губернатора и утверждение данного решения МВД. В случае возникновения различного рода разногласий у дворянства по данному вопросу решение оставалось за Комитетом министров, в крайнем случае утверждение сборов могло исходить от самого императора ⁷⁸.

В законе не было конкретных разъяснений, на какие расходы можно было тратить средства из общественной казны, но было отмечено, что они могли выражаться в различных ссудах местным дворянам, но только под обязательный залог недвижимого имущества.

Сборы второго рода являлись обязательными лишь для тех дворян губернии, которые сами выражали желание принимать в них участие.

Важнейшим источником пополнения дворянской казны было обложение сборами находившихся в пределах губернии удобных земель потомственных дворян, внесенных в местную родословную книгу. Данные сборы также распространялись и на земли личных дворян, не внесенных в родословные книги, но проживавших на территории губернии. В черноземных губерниях это был самый распространенный источник пополнения дворянской казны, и на уровне уезда сборы были довольно приличные. Так, в середине 80-х гг. XIX в. дворяне Рыльского уезда Курской губернии с 107 390 дес. земли выплачивали на губернские и уездные потребности сословия по 2,5 коп. с дес. За год сумма такого сбора составляла 5 369 руб. 52,5 коп. ⁷⁹ В других уездах черноземных губерний размер сбора с 1 дес. варьировался приблизительно в таких же пределах.

С начала 70-х гг. дворянство поднимает вопрос о привлечении к обложению не только земель, но и городского дворянского имущества. И только законом от 3 июля 1894 года дворянским собраниям предоставлялось право, помимо земель, облагать обязательными сборами недвижимость, как в городах, так и в уездах – дома, торговые и фабрично-заводские помещения, а также различные сооружения, принадлежавшие как потомственным, так и личным дворянам губернии. Принцип обложения имущества в зависимости от его доходности, сумма сбора с патентов различных свидетельств законодательно не были оформлены.

Стремясь расширить круг своих источников доходов, дворянские собрания Центрального Черноземья, как и в целом империи, вели настойчивую борьбу за переход в собственность их обществ выморочных дворянских имуществ и капиталов, которые на основании существовавшего законодательства отходили казне («выморочное имущество» – полученное от верховной власти поместье после пресечения рода владельца переходило в казну). В многочисленных петициях черноземных дворян к правительству постоянно приводились аргументы о необходимости введения этой меры, вызванной разорением значительной части сословия, что отрицательно сказывалось на поступлениях средств в дворянскую кассу. Законом от 28 декабря 1898 года была расширена область применения выморочного права на все имущество потомственных дворян губернии, независимо от записи в дворянскую родословную книгу и места нахождения этого имущества. Позже закон от 10 июля 1902 года передал в собственность дворянских обществ и выморочное имущество личных дворян, находившееся вне города. По отчету курского предводителя дворянства очередному губернскому дворянскому собранию, на 1 января 1902 года сумма выморочного дворянского имущества составила 2 583 рублей 50 копеек⁸⁰.

Поступления в дворянскую казну производились за счет прибыли от различных финансовых операций. Еще дореформенным законодательством дворянские общества были признаны правомочными юридическими лицами со своим капиталом и от имени дворян губернии имели право заключать различного рода сделки на подряды и поставки. Источником пополнения дворянской казны являлись и местные родословные книги как в целом губернии, так и уездов. На дворянских собраниях рассматривались родословные книги дворян, составленные депутатским собранием, и определялась определенная сумма денег за внесение соответствующих поправок и изменений. Учитывая процесс разорения высшего сословия, правительство законодательно установило фиксированные суммы по данным сборам, которые не могли превышать более 200 руб. с книги. На рубеже XIX-XX вв. этот вид сборов принес дворянской казне Курской губернии 4 391 рублей 18 копеек⁸¹.

Дворянская казна пополнялась также традиционным путем: через различного рода пожертвования, вклады по завещаниям и т.п. Так, А.Ф. Сомов в 60-е гг. XIX в. внес в воронежскую дворянскую казну 100 тыс. руб. для выдачи из процентов пособий малоимущим дворянам губернии, в конце XIX в. в кассе курского дворянского собрания капитал коллежского асессора И.Н. Гринева составлял 20 319 рублей 18 копеек⁸².

Значительную часть дворянских капиталов давала дворянская опека, располагавшая имуществами и капиталами опекаемых ею дворян. Целью опеки было предотвращение упадка дворянских поместий административно-хозяйственными методами. Дворянский опекунский совет через губернское правление назначал опекуна из числа местных преуспевающих дворян-помещиков. Опека распространялась на имения, которые были в хозяйственном отношении разорены, или по болезни, малолетству владельца за 5% дохода в пользу опекуна от поместья оно переходило под его хозяйственный контроль. Курский губернатор в отчете за 1857 год отмечал: «Само назначение опекуна сопровождается всегда большими затруднениями. Лица, назначаемые для этого опекою, понимая невыгодность заведования чужим расстроенным хозяйством, отказываются под разными предлогами и опека принуждена передавать одно и то же имение по несколько раз от одного лица к другому»⁸³. Часть дворянских хозяйств передавалась в опекунское управление за систематическое непогашение задолженности. Часто только по распоряжению дворянской опеки, минуя губернское правление, нарушая тем самым закон об опеке, где право передачи в опеку принадлежало губернской администрации⁸⁴. Общий упадок дворянских хозяйств приводил к постоянному росту числа опекаемых имений: в Курской губернии с 1860 по конец 1861 гг. их количество увеличилось со 160 до 423 (не считая городской опеки). В Воронежской губернии в последние предреформенные и первые пореформенные годы, в среднем, в дворянскую опеку передавалось в год около 50 поместий⁵.

Согласно законодательству, опека имела право отдавать в частные руки деньги, принадлежавшие малолетним дворянам, но только под определенные проценты, под верные залогов и заклады.

Деньги могли быть также отданы под векселя и употребляться на различные торговые операции и промыслы. Данные капиталы могли быть обращены и в облигации или долговые обязательства акционерных обществ, уставами которых это было не запрещено. Капиталы малолетних опекаемых дворян отдавались в Государственный банк или его конторы и отделения, а также в городские сберегательные кассы. Часть средств, полученных с процентов, шла на оплату опекунам, другая часть – в дворянскую кассу. Также опекам законодательно было разрешено пользоваться 1/2% от доходов опекаемых имуществ. Даже на уровне уездов суммы, находившиеся в распоряжении дворянских опеков, были весьма значительны. Так, в 1889 году находившийся в подведомстве Рыльской дворянской опеки Курской губернии капитал восьми малолетних дворян составлял 14 477 рублей 86 копеек⁸⁶.

Рассмотрим приход и расход капиталов дворянского общества как на губернском, так и на уездном уровнях.

Смета расходов на содержание канцелярии курского губернского предводителя дворянства, депутатского собрания и дворянского дома в 1862 году:

Поступило 8 000 руб.

Расход:

1. На жалованье чиновникам канцелярий – 6 628 руб. 40 коп.
2. На отопление и освещение дворянского дома – 356 руб. 53 ½ коп.
3. На канцелярские материалы – 380 руб. 23 коп.
4. Уплачено телеграфу за депеши в С.-Петербург – 24 руб. 50 коп.
5. (Неразборчиво предложение – В.Ш.) – 4 руб.
6. За покупку шкатулки для шаров – 3 руб.
7. За напечатание бланков – 22 руб.
8. За переплетение родословных книг, книг указов, протоколов и журналов – 24 руб.
9. За сукно для покрытия столовой во время дворянских выборов – 24 руб.
10. За малиновый сатин и тесьму для обивки диванов и ломберных столов в холле и столовой – 216 руб. 80 коп.

11. Уплачено столяру за ремонт мебели – 73 руб.
12. За выписку северной почты – 12 руб. 12 коп.
13. За поправку стены в зале – 5 руб.
14. Внесено в курское уездное казначейство за чины чиновников собрания – 215 руб. 75 ½ коп.
15. Уплачено за «Сенатские...» и «Губернские ведомости» – 9 руб. 6 коп.

Итого: 8 000 руб.

Основная часть расходов (82,8%) пошла на жалованье чиновникам канцелярии, как правило, в пореформенный период их число не превышало 5-7 человек. Остальные 17,2 % – на административно-хозяйственные, канцелярские нужды.

Курскому дворянскому депутатскому собранию от 1861 финансового года к 1862 году в остатке перешло 1 835 руб. 7 ¾ коп. В 1862 году поступило 4 492 руб. 66 ¼ коп.⁸⁷

Итого: 6 324 руб. 66 ¼ коп.

Расход: 1 548 руб. 38 ½ коп. положены под проценты в банк, 1 300 руб. – на паркет для дворянского дома, 2 575 руб. 29 коп. пошли на благоустройство территории вокруг дворянского дома, зеркала, ремонт крыши, замену окон, их покраску.

Кроме того, в 1862 году через губернское дворянское собрание прошло 4 312 руб. 99 коп. на создание в губернии элементарных школ землемерия. Из них 2 112 руб. из сумм земских сборов, а 2 200 руб. 99 коп. собственно деньги депутатского дворянского собрания⁸⁸. Если суммировать в целом расходы дворянской казны на губернском уровне, то станет ясно, что 46,2% пошли на административно-хозяйственные нужды, 17,2% – прочие расходы.

В источнике не включены в доходную и расходную части суммы частных пожертвований, расходы на пенсии канцелярским чиновникам и на обучение молодых дворян, а также суммы, ранее положенные в банки под проценты. Они показаны, кроме банковских счетов, отдельной строкой без финансовой привязки к вышеуказанным расчетам. Пожертвование И.Н. Гринева составляло 2 0319 руб., но вся сумма – в свидетельствах курского приказа общественного призрения. Пенсии канцелярским чиновникам – 2 100 руб. в год, на обучение молодых дворян было переведено 2 337 рублей.⁸⁹

На примере Рыльского уезда Курской губернии проанализируем доходы и расходы дворянских капиталов на уездном уровне в 1883 году. По данному уезду соответствующие материалы сохранились в более полном объеме.

Доход: со 107 390,5 дес. земли собрано на губернские дворянские потребности по 2,5 коп. с дес., что в итоге составило 2 684 руб. 76 $\frac{1}{4}$ коп. Такой же сбор был и на уездные дворянские потребности. Всего по уезду доход – 5 369 руб. 52 $\frac{1}{2}$ коп.

Расход:

1. Сумма, предполагаемая к высылке в курское депутатское собрание – 2 626 руб. 21 $\frac{1}{4}$ коп.
2. На содержание канцелярии уездного предводителя и дворянской опеки – 1 100 руб.
3. На жалованье заседателям дворянской опеки по 600 руб. в год (2 чел.) – 1 200 руб.
4. На наем помещения для дворянской опеки, архивариуса, сторожей – 346 руб. 34 $\frac{1}{2}$ коп.
5. На выписку «Сенатских...» и «Губернских ведомостей» – 35 руб. 88 коп.

*Всего – 5 308 руб. 43 $\frac{3}{4}$ коп. В остатке – 61 руб. 9 коп.*⁹⁰

Почти половина дворянских уездных сборов (49%) переводилась на счет губернского депутатского собрания. На содержание канцелярии уездного предводителя и дворянской опеки – 20,4%, на жалованье заседателям дворянской опеки – 22,3%, остальные 8,3% – на прочие расходы.

Рассмотрим функции последнего важного элемента дворянской корпоративной организации – дворянского депутатского собрания. Должность дворянских депутатов была учреждена «Жалованной грамотой» 1785 года, согласно которой дворянство каждого уезда избирало по одному депутату в губернское дворянское депутатское собрание, куда также входил губернский предводитель дворянства. Губернские дворянские депутатские собрания являлись постоянными коллегиальными рабочими органами общегубернских дворянских корпораций. Депутатские дворянские собрания подчинялись непосредственно Сенату.

На дворянские депутатские собрания возлагались следующие обязанности: ведение родословных книг, сношение по этому вопросу с департаментом герольдии Сената, выдача дворянам грамот и свидетельств о внесении их родов в губернскую книгу, а также рассмотрение вопросов об исключении отдельных лиц из дворянских собраний и участие в наложении опеки на имения. В пореформенный период компетенция депутатских собраний несколько расширилась: помимо рассмотрения материалов и докладов к предстоящему губернскому собранию, они обсуждали вопросы, переданные на их отзыв правительством. В их работе с середины 80-х гг. XIX в. стали принимать участие и уездные предводители дворянства⁹¹.

Из имущественного ценза по дворянским выборам следует, что депутатами были среднепоместные и крупнопоместные дворяне. В дореформенный и пореформенный периоды в подавляющем большинстве эту должность занимали дворяне, имевшие чины военного ведомства⁹².

В пореформенный период в лице уездных и губернских предводителей дворянскую корпорацию в черноземных губерниях возглавляли крупнопоместные дворяне-помещики. Важнейшие вопросы дворянского общества решались на очередных и внеочередных дворянских собраниях. Воронежское дворянство отличалось определенной политической активностью, поднимая на губернских дворянских собраниях те вопросы, которые выходили за рамки их компетенции.

2.3. ДВОРЯНСТВО И ЗЕМСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

«Положение о губернских и уездных земских учреждениях» вводилось указом от 1 января 1864 года. Земства учреждались как всеобщие органы местного самоуправления в уездах и губерниях. Избирательная система земств строилась по буржуазному принципу имущественного ценза по куриям. Первая курия – землевладельческая. В нее входили все землевладельцы уезда, независимо от сословной принадлежности, имевшие не менее 200 дес. земли, и

крупные владельцы, обладавшие недвижимой собственностью на сумму свыше 6 тыс. руб., а также уполномоченные от духовенства и землевладельцев, имевших менее 200 дес. земли. Выборы гласных в уездное земское собрание производились на уездных съездах трех перечисленных курий. Губернские гласные избирались на уездных земских собраниях. Из правовой сути формирования данной курии следует, что ее в основном представляли поместные дворяне. Однако и крестьяне, сумевшие приобрести в собственность земельные владения, размеры которых соответствовали цензу участия в избирательных съездах землевладельцев, также могли принять участие в выборах гласных от первой курии.

Вторая курия – городская. Ее составляли купцы первой и второй гильдий, владельцы торговых и промышленных заведений в городах с годовым доходом не ниже 6 тыс. руб., собственники городского недвижимого имущества стоимостью не менее 500 руб. (в крупных городах ценз повышался до 3 тыс. руб.). Эта курия включала в себя в основном представителей крупного торгового и промышленного капитала, а также дворян – владельцев городской недвижимости.

Третья курия являлась съездом сельских крестьянских курий. В первых двух куриях выборы были прямыми, в третьей – трехступенчатыми. Сельские общества выбирали представителей на волостные сходы, где избирали выборщиков, а уже те участвовали в уездном съезде и избирали гласных в уездное земское собрание⁹¹.

В уездах и губерниях земские органы делились на распорядительные и исполнительные. Распорядительные органы – собрания гласных, заседавших раз в год. Они решали хозяйственные вопросы, утверждали сметы, земские налоги, а также выбирали исполнительные органы – земские управы, состоявшие из председателя и нескольких членов. Выборы в земства производились каждые три года.

В компетенцию земств входили местное хозяйство, распределение государственных податей и назначение местных сборов, устройство благотворительных заведений, здравоохранение и народное образование. При этом в области народного образования земства могли заниматься только хозяйственными и организационными вопросами, но не содержанием обучения.

Введение земств означало развитие политической системы, в которой дворянам-землевладельцам отводилась ведущая роль. Центрально-черноземные губернии попали в число 33 губерний, на которые первоначально распространялся закон о земствах.

Часть общества рассматривала данную реформу в качестве компенсации дворянству за утраченные им после реформы 19 февраля 1861 года позиции. С другой стороны, определенная часть либеральных дворянских кругов и интеллигенция приоритет дворянства считали данью отжившей сословной структуре российского общества. В начале XX века по этому поводу Л. Зак высказал следующие соображения: «Существование сословий и допущение каких-либо привилегий в их пользу противоречит идее правомерного государства. Последнее рассматривается теперь не как результат соглашения договаривающихся сторон, а как союз, обязательный и необходимый для всего народа. Поэтому в числе общих условий принадлежности подданных государству главное место занимает равенство как основа всего нового строя. Но государство, преследующее равенство, не может оказать никакой привилегии за какие-нибудь исторические заслуги. Оно не имеет права делать какие-либо изъятия в пользу отдельных лиц или групп: оно существует ради всего целого и все заботы его должны быть направлены на поддержание этого целого. При таком взгляде на характер политических отношений, несомненно, трудно сочетать в правильную систему государственного права существование каких-то обособленных групп, явно преследующих свои интересы на счет других групп населения. Но сословный принцип не выдерживает критики и с социальной точки зрения: ни одно из сословий не имеет теперь прочной экономической подкладки; занесение имени в дворянские книги еще не связывает человека с классом людей, занесенных с ним вместе в те же книги, раз у этой категории лиц нет общих ни политических, ни экономических интересов... Если сословные представители весьма часто действуют вопреки интересам своего сословия, то это – непоследовательность, как нельзя лучше вскрывающая несостоятельность сословного принципа»⁹².

Подавляющей частью помещного дворянства институт земства, как будет показано ниже, воспринимался в качестве структу-

ры местного самоуправления, ими же управляемой. Допущение в него представителей других сословий рассматривалось как дань духу времени и следствие реформы отмены крепостного права. Во всяком случае, в вопросах управления земством в первые пореформенные десятилетия данная социопсихологическая тенденция являлась доминирующей в поместной среде.

Переходим к рассмотрению подготовительного этапа введения института земств в центрально-черноземных губерниях и роли дворянства в данном процессе. По положению о земских учреждениях 1864 года, подготовительная работа для открытия земств на местах была возложена в каждом уезде на особые временные комиссии. Во главе этих комиссий стоял временный губернский комитет под руководством губернатора. В состав данного комитета, кроме губернатора, входили все члены особого по земским повинностям присутствия из местных дворян и губернский прокурор. Уездные временные комиссии состояли из председателя – уездного предводителя дворянства, мирового посредника, исправника, чиновника ведомства государственных имуществ и городского головы⁹³. Таким образом, вся подготовительная работа по открытию земств в губернии была возложена на представителей дворянства. С точки зрения правительства, это было вполне оправдано, ведь весь административный ресурс и опыт на местах находился у дворянства. Это отвечало и традициям взаимоотношений института самодержавия с дворянством в вопросах местного управления.

Практическое осуществление подготовительной работы лежало на уездных временных комиссиях. Их члены должны были подготовить: 1) списки лиц, имевших право непосредственного участия на избирательном съезде землевладельцев; 2) списки лиц, имевших право участвовать в съезде через уполномоченных; 3) списки городских избирателей; 4) ведомость о сельских обществах.

В отношении земельного ценза комиссии руководствовались установленными избирательными нормами, а стоимость городского недвижимого имущества определялась на основании раскладочных комиссий. Для составления всех этих списков установлен был двухмесячный срок. Списки публиковались в «Губернских ведомостях». Все споры по неточностям в списках рассматривались во временном губернском комитете.

Временные комиссии в Воронежской губернии начали свою работу 15 ноября 1864 года, фактически одновременно с временными комиссиями в Курской губернии. К 15 февраля 1865 года они должны были представить полностью завершённые списки избирателей и ведомости о сельских обществах, а в мае уже были назначены выборы гласных⁹⁴.

Руководство практической подготовкой введения земств в сочетании с преимуществами дворян-землевладельцев по квотам на выборах давали основания помещным владельцам изначально рассчитывать на явно выраженные лидирующие позиции в земских учреждениях. Особые основания для этого давало и содержание статей 43, 53 «Положения о губернских и уездных земских учреждениях», где указывалось, что уездное земское собрание возглавляет уездный предводитель дворянства, губернское – губернский предводитель⁹⁵.

Рассмотрим участие дворян в выборах уездных земских собраний по первым двум куриям.

В Воронежской губернии в первое трехлетие (1865-1867 гг., а по отдельным уездам данные имеются только с 1868-1871 гг.) дворян, имевших избирательное право, с учетом уполномоченных было 1 521, что составило 28,4% от общего числа дворян мужского пола губернии. Прибыло на избирательные съезды по землевладельческой курии 244 представителя дворянского сословия, или 16% от имевших избирательное право. По уездам процент явки дворян на избирательные съезды весьма отличался. Самый высокий процент наблюдался в Бирюченском уезде – 30 %, самый низкий – в Нижнедевицком уезде – 7%. По отношению к представителям других сословий этот показатель был относительно высоким. Здесь из 2 234 имевших право избирательного голоса, с учетом уполномоченных, прибыло на съезды всего 84 представителя (4%). Динамика активности дворянских избирателей в Воронежской губернии в пореформенный период фактически оставалась без изменений, в 1889 году на избирательные съезды явилось 17% дворян, имевших избирательное право. Наибольшую активность проявляли средние и крупнопоместные дворяне, в 1865 году их представителей прибыло на съезды – 27% от имевших право голоса, в 1889 году – 31%.

Очень низкий соответствующий показатель у мелкопоместных дворян, в своей основной массе принимавших участие в выборах через уполномоченных: в первое трехлетие – 5%, в 1889 году – 5% ⁹⁶. Подавляющая часть мелкопоместных дворян игнорировала избирательные уездные съезды. Внутрисословная культура общения приучила их к роли статистов в вопросах функционирования собственной корпорации.

По Курской губернии в полном объеме соответствующие данные имеются только с 1874 года. Дворян, имевших право непосредственного избирательного голоса, в губернии насчитывалось 924, уполномоченных от мелкопоместных дворян – 784. Всего – 1 672 дворянина, или 18,5% от общего количества дворян губернии мужского пола. В работе уездных съездов землевладельцев приняло участие 448 (48,4%) среднепоместных и крупнопоместных дворян, имевших право непосредственного избирательного голоса. От мелкопоместных дворян в лице уполномоченных на избирательные съезды прибыло 133 из 748, или 17,7%. Хотя процент явки мелкопоместных дворян в Курской губернии выше почти на 13%, чем в Воронежской губернии, общая тенденция минимальной избирательной активности мелкопоместных дворян в черноземных губерниях очевидна. В отдельных уездах они практически полностью проигнорировали работу съездов. В Льговском уезде из 42 возможных уполномоченных от мелкопоместных дворян в работе съезда приняли участие всего 2 ⁹⁷.

Равнодушие значительной части поместного дворянства к структурам местного самоуправления известный историк земства Б.Б. Веселовский объясняет следующим: «Со времени освобождения крестьян русское дворянство постоянно теряло и продолжает терять до сих пор свои имения. Вместе с тем, дворянство как сословие все более лишалось влияния в местной жизни. Когда старый строй уступает место более жизненному, среди одного и того же класса являются люди различных направлений: более дальновидные, стремящиеся приноровиться к нарождающимся условиям, и инертные, которые слепо хватаются за старину и желают сохранить ее во что бы то ни стало. И те и другие руководятся классовыми интересами, своеобразно ими понимаемыми. Земство включало всегда наиболее прогрессивные элементы дворянства, главная же

масса этого последнего стоит вне земства и к земской деятельности не стремится. Кто знаком с нашими дворянскими собраниями, тот знает, насколько их тенденции в большинстве случаев чужды земскому либерализму...

Дворянство, в целом, продолжает отстаивать свое сословно-привилегированное положение, не считаясь совершенно с тем обстоятельством, что экономические условия изменяются непрерывно не в его пользу; земцы же либералы стремятся приспособиться к нарождающемуся строю жизни...». Далее приводится высказывание Б.Н. Чичерина: «Оно (дворянство – *В.Ш.*) должно образовать ядро для класса независимых землевладельцев, управляющих местными делами и через это влияющих и на общий ход государственной жизни. Так говорит представитель землевладельческого класса, понимающий положение дел, созданное экономическим развитием страны»⁹⁸.

Б.Б. Веселовский с Б.Н. Чичериным уверены в том, что предназначенье дворян – «независимых землевладельцев» – в данном вопросе есть взятие под полный контроль всех структур местного управления и самоуправления, а через них влияние на «ход государственной жизни». Это должно было бы поднять интерес широких дворянских кругов к вопросам местного самоуправления, но вряд ли под «независимыми землевладельцами» понимались мелкие и часть средних помещиков, у которых на повестке дня стоял вопрос о ежедневном хозяйственном выживании. Именно эти категории поместных дворян, если не было возможности устроиться чиновниками в земские учреждения, игнорировали земства. Нельзя сбрасывать со счетов и консервативные взгляды части дворян на общесословные структуры самоуправления. На все это и указывает Б.Б. Веселовский.

Прибывшие на уездные избирательные съезды дворяне проявляли высокую активность при выдвижении своих кандидатур на должность гласного. В первое трехлетие работы земств (1865-1867 гг., в отдельных уездах данные за 1868-1871 гг.) в Воронежской губернии из 244 всех дворян, прибывших на избирательные уездные съезды, в выдвижении своих кандидатур на должность гласного приняли участие 218 (89,3%). От представителей других сословий

по землевладельческой курии свои кандидатуры для участия в выборах гласных выдвинули 77%. Дворяне в данном избирательном аспекте проявляли большую активность. Среднепоместные и крупнопоместные дворяне практически в полном составе выдвинули к избранию в уполномоченных гласные свои кандидатуры – 190 из 204 прибывших на съезды, или 93%. Среди уполномоченных от мелкопоместных дворян свои кандидатуры выдвинули 28 из 40 дворян, или 70%. К концу пореформенного периода (1889 год) активность при выдвижении своих кандидатур на должность гласного у представителей дворянского сословия сократиться с 89,3% до 85%. В первую очередь это было связано с сокращением выдвижения своих кандидатур на должность гласного у среднепоместного и крупнопоместных дворян (1865 год – 93%, 1889 год – 84%)⁹⁹.

Из 218 баллотировавшихся воронежских дворян на должность гласных в 1865 году прошли по выборам в землевладельческой и городской куриях 200, или 91,7%. Общее число гласных по этим куриям составляло 273, то есть 73% всех гласных, прошедших выборы по вышеуказанным куриям, были представителями дворянского сословия. Но при этом в выборах по городской курии дворяне-гласные на протяжении всего пореформенного периода составляли меньшинство (1865 год – 12 из 40 гласных, или 30,2%, 1889 год – 13 из 41 гласного, или 32,5%). Количество гласных от сельских обществ в пореформенный период составляло 240-254 человек. Следовательно, при первых выборах земских гласных из 518 человек их общего количества в губернии 38,6% были представителями дворянского сословия.

В 1891 году дворяне, по результатам выборов, в землевладельческой и городской куриях занимали 202 (72%) места гласных в уездных земских собраниях из 281, а с учетом гласных от сельских обществ дворяне от общего количества гласных в губернии составляли 38,4%¹⁰⁰.

На основании «Городового положения» 1870 года дворяне в сословной структуре городского самоуправления на протяжении всего пореформенного периода занимали, как правило, второе место. Например, по г. Воронежу в 1871-1875 гг. (1-й состав) – 21,6%; 1875-1879 гг. (2-й состав) – 42,8%; 1879-1883 гг. (3-й состав) – 37,7%; 1883-1887 гг. (4-й состав) – 31,8%; 1887-1891 гг.

(5-й состав) – 31,5%; 1891-1893 гг. (6-й состав) – 39,2%. Необходимо учитывать, что в данной категории гласных количество дворян указано вместе с количеством чиновников и представителей интеллигенции. Лидировали же в структурах городского самоуправления купцы и почетные граждане из купечества, в среднем, по 6 указанным составам городских гласных их показатель составлял 56,9%¹⁰¹. В отличие от гласных, прошедших по землевладельческой и городской куриям земств, среди гласных по городскому самоуправлению лидировали представители полупривилегированного сословия.

В Курской губернии гласных дворян, прошедших выборы по землевладельческой и городским куриям в 1874 году, насчитывалось 249 (78,7%) из общего числа гласных (316 чел.). Причем по землевладельческой курии дворяне заняли 237 мест гласных из 256, или 92,5%. Но в выборах по городской курии, как и в Воронежской губернии, они составляли меньшинство – 12 (20%) из 60 гласных.

Гласных от крестьянских обществ по уездам насчитывалось 253 человека, то есть из 596 уездных гласных курские дворяне в количестве 249 человек составляли 43,7%¹⁰².

В общей сословной структуре населения центрально-черноземных губерний в пореформенный период количество дворян с семьями было в пределах 1%, но они заняли, в среднем, 41% мест уездных земских гласных. Подавляющее большинство уездных земских гласных от дворян были представлены средними и крупнопоместными помещиками.

Число губернских земских гласных, в среднем, составляло 16% от количества уездных земских гласных. В отличие от уездных земских собраний, в губернском земском собрании на протяжении всего пореформенного периода доминировали гласные из дворянского сословия. И даже в конце 80-х – середине 90-х гг. XIX в. в губернских земских собраниях Черноземного центра гласные из дворян составляли 80-90% общего числа гласных. Например, в 1894 году из 58 гласных Воронежского губернского земского собрания 51 человек (88%) были дворянами¹⁰³.

Порядок открытия земских уездных собраний и управ был определен «Правилами о порядке приведения в действие земского положения» 1864 года. В соответствии с этими правилами откры-

тие первых земских собраний было возложено на председателей временных уездных комиссий, то есть уездных предводителей дворянства. После чего собрание избирало секретаря, определяло, из скольких членов должна была состоять уездная земская управа, размеры расходов на содержание управы и земского обложения. Сразу после этого проходили выборы председателя земской уездной управы, членов управы и губернских гласных.

Необходимо заметить, что при выборах членов уездной управы, как собственно и в работе её, у отдельных гласных дворянского происхождения чувство принадлежности к благородному сословию переходило в стремление направлять действия гласных из других сословий. Например, в рапорте тимского уездного исправника курскому губернатору от 18 сентября 1874 года указывалось: «Мировой посредник Давыдов в тот момент, когда приступали к баллотированию каждого лица, подскакивал к старшинам из крестьян, сгруппировавшихся отдельно от гласных дворянского сословия, шептался с некоторыми из них в виду гласных всех сословий, и один из гласных от дворян вынужденным нашелся заявить об этом председателю управы (поручик из дворян – *В.Ш.*) с просьбой удерживать Давыдова в границах приличия, воспретив ему влиять на гласных из крестьян, но на это заявление не было обращено внимание, ибо Давыдов к порядку не приглашался»¹⁰⁴.

Первое, что обращает на себя внимание, это то, что гласные на уездном собрании группировались в зависимости от сословной принадлежности. Председатель же управы – дворянин – никак не отреагировал на давление в ходе выборов гласного из дворян на гласных крестьянского происхождения.

Уездный предводитель дворянства, председательствуя на уездном земском собрании, имел немало возможностей направлять ход собрания в нужном ему направлении. В ряде случаев открытое давление уездного предводителя дворянства на выборах уездных земских гласных приводило к серьезным скандалам, разрешением которых занимались Сенат и МВД.

В рапорте курскому губернатору от 25 февраля 1889 года, подписанном старшим советником курского губернского правления статским советником Бельченко, была составлена жалоба на льго-

ского уездного предводителя дворянства. Суть жалобы: «Рошток (льговский уездный предводитель дворянства – *В.Ш.*), удалив из зала собрания мелких землевладельцев (18 июня) Безобразова, не принадлежавшего к числу мелких землевладельцев, оставил в зале собрания других лиц, не принадлежавших к мелким землевладельцам: ... председателя управы Ржевского, членов управы... Щербакова, Протопопова и Анненкова и непрямого члена крестьянского присутствия Ржевского.

Представил этим лицам на съезде полный простор влиять на избирателей, вследствие чего член управы Щербаков проводил избирателей к ящику и указывал им, куда класть шары, что было засвидетельствовано льговским полицейским надзирателем.

... Вопреки существующим правилам оставлял без внимания желание большинства избирателей баллотировать того или другого, самовольно назначал кандидатов, для чего клал на избирательные ящики листки с именами проводимых им лиц. Последствием этого было то, что большинство избирателей клало шары в уверенности, что баллотируется предложенное ими лицо, а к удивлению своему узнавали совершенно другое имя избранного. Когда было избрано 14 уполномоченных, несмотря на просьбы большинства продолжить выборы, самовольно объявил съезд закрытым, прекратив и саму баллотировку.

24 июня на съезде крупных землевладельцев самолично устранил доверенности, выданные Кретову, Григорьеву и Дурново, и, напротив того, самолично допустил доверенность от Евгения и Григория Штейн, значащихся малолетними, и доверенность Пафнутьева брату, хотя оба брата владеют 210 десятинами.

Председателем управы Ржевским была предъявлена доверенность от Башинского и, невзирая на заявление Безобразова, что земля Башинского продана, доверенность его была допущена»¹⁰⁵.

Скандал дошел до Сената, который поручил разобраться во всем губернатору. Несмотря на серьезность обвинений и вывод, что «господствовавшая партия решала некоторые вопросы с явным пристрастием», скандал на месте уладили. Все было показано под углом сведения счетов «малой партии Безобразова» с «господствующей партией Роштока». Аналогичный скандал разразился и в свя-

зи с неправомерными действиями обоянского уездного предводителя дворянства, но с тем же результатом ¹⁰⁶.

В целом, вышеуказанные примеры показывают, что на уездных земских собраниях пореформенного периода представители дворянского сословия, не зависимо от того, занимали они или нет руководящую должность в уездных структурах управления или самоуправления, фактически руководили ходом их работы. Правда, иногда с явными нарушениями существовавших положений.

Дух сословной исключительности у дворян проявлялся и в других аспектах, касавшихся института земства. Так, землянское уездное земское собрание Воронежской губернии на своем первом заседании постановило ходатайствовать перед правительством о предоставлении крупным землевладельцам уезда права участия в уездном земском собрании вообще без всяких выборов. Губернское земское собрание, состоявшее почти полностью из дворян, осознавая неправомерность этого постановления, уклончиво ответило, что это дело крупных землевладельцев Землянского уезда, а не губернского земского собрания ¹⁰⁷.

Осознание института земства как структуры, управляемой дворянством, было присуще и губернским предводителям дворянства. Так, на открытии первого Воронежского губернского земского собрания 1 декабря 1865 года после вступительного слова губернатора к губернским гласным обратился губернский предводитель дворянства А.Н. Сомов: «При избрании состава управ в уездах и гласных в губернское земское собрание доверие всех сословий выразилось в значительном большинстве к дворянскому сословию и, хотя дворянство уже доказало во всех делах, куда призывало его правительство, что оно чуждо сословности, но мы здесь впервые вызваны от всех сословий губернии на служение земскому делу, а избранием поставлены во главе земского управления, а потому на нас лежит правительственная обязанность доказать, что достойны такого призвания» ¹⁰⁸.

Направленность и тональность выступления более подходят к дворянскому собранию, чем к земскому. Но губернский предводитель дворянства в данном случае выступал перед представителями дворянского сословия, за редким исключением. Он прямо подчерки-

вал, что «мы (дворяне – *В.Ш.*) здесь впервые вызваны от всех сословий ... на служение земскому делу». То есть, хотя земство и общесословный институт, задача дворянства – управлять им.

Рассматривая проблему восприятия дворянством института земства, ее нельзя сводить только к вопросам ограничения влияния «благородных» на местах или, наоборот, расширения спектра корпоративных амбиций. Существовал узкий круг дворян, который рассматривал земство как исключительно ненужный бюрократический нарост. Отчасти эти убеждения формировались в ходе непосредственной работы в земских структурах. Старший чиновник по особым поручениям курского губернатора И.Т. Плетнев дает следующую зарисовку из своей богатой служебной практики: «В Тимском уезде жил помещик Войцеховский, очень образованный, начитанный, остроумный, но в то же время большой оригинал... Земство он совершенно отрицал как антигосударственное учреждение, где сидят дармоеды, захребетники, пожирающие общественные деньги. Отрицая земство, Войцеховский никогда не платил добровольно земских сборов. Полиция вынуждена была проделывать процедуру описи имущества, назначение торгов, и в последнюю минуту, когда уже начинались торги, Войцеховский вносил становому деньги, заявляя, что он подчиняется только силе... В земстве участия не принимал, так как был против земских учреждений и не желал своим активным участием, как он выражался, санкционировать мироедство бездельников, высасывающих из народа деньги. К такому выводу Войцеховский пришел не теоретически, а после трехлетнего пребывания в составе гласных тимского земства, когда его энергичные старания сдвинуть земское дело с мертвой точки и дать работе направление в сторону удовлетворения неотложных нужд населения потерпели полный крах. Понятно, помещик с такими воззрениями не мог пользоваться симпатиями дворян своего уезда»¹⁰⁹. Войцеховский не призывал к возврату до-реформенной монополии дворян в местном управлении, после одного трехлетия службы земским гласным он стал глубоко убежденным противником земства, видя в нем совершенно ненужную и весьма затратную бюрократическую структуру. Примечательно, что оценка земства как места, «где сидят одни дармоеды, захребет-

ники», вызвала в провинциальной дворянской среде отрицательную реакцию¹¹⁰.

Перейдем к рассмотрению участия и роли дворян в формировании и работе земских управ. Проанализируем данный аспект на примере Курской губернии (см. прил. 12)¹¹¹.

В источнике не всегда указана сословная принадлежность того или иного члена земской управы. В первую очередь это касается обладателей чинов гражданского и военного ведомств. Сословная принадлежность указана только у членов уездной земской управы, которые не имели классовых чинов. Поэтому, исходя из вышепринятой методики подсчетов классовых чиновников по их сословному происхождению, исключим из предполагаемого анализа обладателей чинов губернского секретаря и коллежского регистратора, которыми могли быть как дворяне, так и представители других сословий.

Из 15 председателей уездных земских управ в 1873 году 13 принадлежали к дворянскому сословию. По Дмитриевскому и Суджанскому уездам этого утверждать в полной мере нельзя. За вычетом 8 членов управ, имевших чины губернского секретаря и коллежского регистратора, 19 (79,1%) из 24 членов уездных земских управ были представителями дворянского сословия, с учетом же председателей уездных земских управ число дворян в них возрастает до 86,4%. Таким образом, в сословном составе уездных земских управ доминировали дворяне. Но в то же время только в Корочанском, Новооскольском, Обоянском, Рыльском, Путивльском и Щигровском уездах земские управы были чисто дворянскими.

Доминирование дворян в управленческих структурах земства в центрально-черноземных губерниях было повсеместным. Так, в первое трехлетие в члены и председатели уездных земских управ в Тамбовской губернии было избрано от дворян и чиновников 32 (60,3 %) представителя, из которых 12 являлись председателями управ. Из последних трое одновременно были еще и уездными предводителями дворянства. Они возглавляли распорядительный и исполнительный органы земства в Тамбовском, Елатомском и Борисоглебском уездах, так как по закону уездный предводитель дворянства являлся председателем земского собрания. Законодательно совмещение руководства управой и собранием разрешено не было,

как не было и запрещено. Вокруг вопроса о подобном совмещении шла полемика. Реакция правительства на призывы о запрете таких совмещений проявилась несколько неожиданно. В «Городовом положении» 1870 года совмещение было разрешено ¹¹².

Привлекательность для дворян руководящих постов в земских структурах управления во многом объяснялась и финансовой стороной. В 70-х гг. XIX в. в Курской губернии, в среднем, представитель уездной земской управы получал 1 500 руб. в год, а член управы – около 800 руб. Председатель же губернской земской управы – 4 000 руб. в год, член губернской управы – 2 500 руб. в год. В Воронежской губернии были приблизительно такие же оклады для председателя и членов земских управ. Правда, на уездном уровне разрыв в размерах годовых окладов был значительным. В Курском уезде годовой оклад председателя земской управы составлял 3 000 руб., а в Львовском уезде – 1 000 руб. ¹¹³.

Сравним сословный состав уездных земских управ середины 70-х гг. и середины 90-х гг. XIX в. (см. прил. 13) ¹¹⁴. Из 15 их председателей 13 были представителями дворянства. По Тимскому и Щигровскому уездам этого нельзя категорично утверждать, хотя практика показала, что уездные земские управы фактически повсеместно возглавлялись дворянами. В отличие от середины 70-х гг. XIX в., в середине 90-х гг. XIX в. отдельные уездные земские управы возглавлялись дворянами, не имевшими классовых чинов гражданского или военного ведомств.

За вычетом 14 коллежских регистраторов и губернских секретарей, чью сословную принадлежность нельзя определить, из 43 членов уездных земских управ 27 (62,7%) были дворянами. С учетом же председателей число дворян в уездных земских управах возрастало до 71,4%. К концу пореформенного периода была заметна тенденция к сокращению числа дворян в уездных земских управах (1873 год – 86,4%, 1894 год – 71,4%). Если в середине 70-х гг. XIX в. в Курской губернии шесть уездных земских управ по своему сословному составу были чисто дворянскими, то в середине 90-х гг. XIX в. (за вычетом коллежских регистраторов и губернских секретарей) таких управ уже не было.

Необходимо добавить, что работа земских управ проходила

при наличии у них небольших финансовых средств. Согласно «Положению», проекты земских смет и раскладок составлялись каждый год губернскими и уездными земскими управами, после чего они выносились ими на рассмотрение очередных земских собраний в первый же день их открытия. Предварительно они печатались, рассылались гласным и публиковались в газете «Губернские ведомости». Одобренные земскими собраниями сметы и раскладки представлялись на рассмотрение губернатору, который мог их опротестовать в двухнедельный срок. Утвержденные сметы и раскладки снова печатались в «Губернских ведомостях», а затем издавались отдельной книгой и направлялись к гласным земских управ. К сметам прилагалась детальная пояснительная записка.

Земское обложение затрагивало все слои населения. Большая часть земских расходов возлагалась на крестьян: помимо поземельного налога, они почти полностью погашали дорожную, квартирную и подводную повинности. Тяжелы были для крестьянства и поземельные налоги. Обложение крестьянских земель с 1869 по 1890 гг. возросло на 73 %, а землевладельцев – на 35 % ¹¹⁵.

Не вызывающее жесткой критики увеличение налогов было найдено земскими учреждениями не сразу. Прошли годы, прежде чем была создана рациональная система их расчета и сбора. Были введены новые налоги и сборы: в 1868 году – обложение построек сельских жителей, с 1872 года – сбор свидетельств на продажу табака, с 1878 года – судебная пошлина и гербовой сбор. Однако главным показателем размера налогообложения стала ценность и доходность имущества.

Наибольший доход земский бюджет первоначально получал от обложения земель и лесов. В 1868 году он составлял две трети бюджета большинства земств, в 1880 году – 61% , в 1890 году – 73%. С начала XX в. в связи с интенсивным развитием промышленности и строительства в крупных городах возросли земские доходы от обложения недвижимого имущества. К концу XIX в. обложение торговли, промышленности и городского имущества достигло в среднем 5% по отношению к их чистой доходности, а земель – 10% ¹¹⁶. Однако доходы часто поступали нерегулярно, что затруд-

няло практическую деятельность земств. К тому же законодательство не регламентировало четко земские повинности в губернских и уездных земствах, что приводило к постоянным взаимным претензиям и недоразумениям.

Дворянство центрально-черноземных губерний, основной владелец частновладельческого земельного фонда, не спешило к полному обложению своих поместий земскими сборами. В связи с этим получался фактически замкнутый круг. С одной стороны, уездные управы, возглавляемые дворянами, стремились к максимальному земскому обложению, с другой – они же объясняли, что обложить земским сбором частные земли в полном объеме невозможно.

На примере воронежского уездного земства рассмотрим данный аспект. Уездное земское собрание на основании «предложения начальника губернии временным комиссиям от 31.08.1865 года» установило на своем первом заседании следующие раскладки: по 1,5 коп. с 1 дес. частных земель, по 1 коп. с 1 дес. земель крестьянских обществ, 2% с дохода частных земель г. Воронежа, по 26 руб. – с купцов I-й гильдии, по 6 руб. – с купцов II-й гильдии. Эта раскладка практически оставалась неизменной на протяжении всего пореформенного периода. Но ожидаемого результата не получилось. В объяснительной записке воронежской уездной управы к раскладке на 1868 год отмечалось следующее: «... Определение ценности и доходности каждого облагаемого имущества порознь, по многочисленности предметов обложения не представляется возможным; да притом многие имущества, несмотря на высокую ценность, не только не приносят дохода, но наоборот, по сбережению их требуют расходы»¹¹⁷. Далее указывалось, что, кроме «показаний самих владельцев», не может быть иного основания к составлению раскладок, так как у земской управы нет ни времени, ни средств для соответствующего контроля. Отчасти с этим можно согласиться. Провести в рамках уезда всеобъемлющую инвентаризацию земель одной земской управе, пусть и с нанятыми землемерами и оценщиками, было не под силу. Но и время работы института земства совпало с началом буржуазной модернизации помещичьих хозяйств. Это касалось, в первую очередь, средних и крупнопоместных хозяйств,

где нужны были немалые деньги на приобретение сельскохозяйственного инвентаря, рабочего скота, найма полевых рабочих. Поэтому понятно стремление дворян-помещиков не показывать по земским раскладкам все свое движимое и недвижимое имущество, и, вероятно, это прекрасно осознавали дворяне-члены земской управы. Нельзя здесь сбрасывать со счетов и негативное отношение части дворянства к земству как к всесословному институту.

Составление карты уезда с подробными объяснениями к ней «нимало не повлияло на изменение оснований раскладки». В 1883 году гласный из дворян М.А. Веневитинов внес предложение пересмотреть оценку земель, так как она «с давнего времени облагается равным сбором с определением одинаковой ценности в 45 руб. за десятину». Собрание согласилось и рассмотрение вопроса поручило специально созданной комиссии. Эта комиссия только в 1887 году представила собранию доклад, где предлагала все земли уезда разделить в зависимости от качества на три разряда и соответственно дифференцировать раскладки. Собрание, соглашаясь с приведенными доводами, поручило земской управе провести на местах предложенное комиссией разделение земель, то есть то, чего нельзя было сделать из-за дефицита людей и средств¹¹⁸.

Этот пример показывает, насколько сложно было совместить дворянам, работавшим в земских структурах, общесословные и сословно-корпоративные интересы.

Сгруппируем вопросы, поднимаемые и решаемые представителями дворянства на земских собраниях, в зависимости от их общесословной и сословно-корпоративной направленности. Хотя это во многом условное деление, так как любой общесословный вопрос затрагивал интересы дворянства и наоборот. Начнем рассмотрение с общесословных вопросов.

На протяжении всего пореформенного периода особо пристальное внимание земские собрания центрально-черноземных губерний уделяли вопросу о прокладке сети железных дорог. Так, уже на первом воронежском губернском земском собрании 1 декабря 1865 года было принято решение вынести на обсуждение уездных земских собраний вопрос о постройке Козлово-Воронежско-Ростовской железной дороги. Параллельно с этим бы-

ло решено согласовать действия с тамбовским губернским земским собранием для заключения соглашения с частными компаниями, которые брали подряд на постройку железной дороги. При этом воронежское земство брало на себя покупку земель под железную дорогу. Соответствующее ходатайство было передано правительству. В 1866 году губернское земское собрание уже выражало благодарность воронежскому губернскому предводителю дворянства А.Н. Сомову, чье ходатайство по этому вопросу было удовлетворено правительством. В 1874 году бирюченское уездное земское собрание просило гласного И.И. Шидловского как губернского предводителя дворянства ходатайствовать перед правительством о проведении железной дороги через Бирюченский уезд¹¹⁹. Вопрос о расширении сети железных дорог фактически ставился на всех губернских земских собраниях. Немалые деньги вкладывали в их постройку и сами земства. Например, 10 декабря 1878 года курское губернское земское собрание постановило выдать старооскольской земской управе кредит в 3 000 руб. «на расходы по исходатайствованию концессии на постройку Воронежско-Харьковской железной дороги»¹²⁰. Вопросы о постройке железных дорог, вложения в нее земствами денег находили поддержку у правительства. Концессионный период железнодорожного строительства в России длился 15 лет, с 1866 по 1880 гг. За это время было выдано 53 концессии на постройку частных железных дорог длиной в 15 тыс. верст. Во многом благодаря инициативе и средствам центрально-черноземных земств была построена немалая часть двух головных участков Московского железнодорожного узла: юго-восток (Москва – Рязань – Козлов – Саратов – Царицын), юг (Москва – Курск – Харьков – Ростов-на-Дону)¹²¹. Нельзя отрицать, что в этом вопросе гласные из дворян-помещиков преследовали и свои интересы, в первую очередь, быструю и дешевую доставку на рынки зерна.

Вторым по значению после проведения железных дорог для гласных из дворян черноземных губерний был вопрос о системе кредита в разных его формах. Несмотря на большую активность гласных из дворян, успеха в решении этого вопроса земства не достигли.

В воронежском губернском собрании гласный А.К. Харкевич неоднократно поднимал вопрос об учреждении в Воронежской гу-

бернии губернского Земского банка. Но правительство отклоняло это ходатайство под разными предлогами до 1872 года, когда губернскому земскому собранию было объявлено, что Воронежская губерния уже вошла в сферу действия двух земельных банков – Московского и Харьковского¹²².

В курском губернском земском собрании также начиная с 1866 года постоянно поднимался вопрос об открытии губернского Земского банка. Несмотря на детальную проработку вопроса, банк не был открыт¹²³.

Положительно в курском земстве в 1873 году был решен вопрос о ссудосберегательном товариществе. Инициатором его создания являлся гласный из дворян Рошток. С этой целью из земских средств было выделено 7 000 руб. сроком на 12 лет исходя из 5% годовых¹²⁴. По этому же пути пошло и воронежское земство.

Большое значение для гласных дворянского сословия имел вопрос об урегулировании отношений при найме рабочих. В пореформенный период он приобрел необычайную социальную остроту и приковал к себе внимание многих губернских земств. Современник отмечал: «Вопрос о найме сельско-хозяйственных рабочих – вопрос областной по преимуществу; поставленный на общегосударственную точку зрения, он, тем не менее, “должен объять всю массу тех особенностей, какими богата провинциальная жизнь в разных концах и закоулках России”. Действительность настолько сложна и многостороння, что “с трудом верится в самую возможность выработки такого полного и разностороннего закона, который бы всецело охватывал бы, по крайней мере, важнейшие особенности нашей областной жизни”. Вообще, “вопрос об урегулировании отношений между хозяевами и рабочими настолько важен, что положительно требует от людей науки и представителей печати самого глубокого и всестороннего изучения. Особенно желательны в этом отношении голоса из провинции, мнения и знания людей опытных, стоящих близко к самой жизни и знающих ее”»¹²⁵.

На заседании курского губернского земского собрания 14 декабря 1874 года гласный Г. Анненков указывал «... на невозможность вести не только рационально, но и путем рутины частновладельческое хозяйство вследствие отсутствия хороших рук и, главное, неисполнения рабочими договора на работах по отсутствию в

массе нашего народа уважения к закону. Хотя и существуют правила найма сельских рабочих и законы о взыскании с рабочих средств за убытки, но при применении их на практике они не приводят к желаемым результатам и рабочие совершенно произвольно оставляют нанимателей в критические моменты. Судебные процессы также не приводят ни к чему, так как с рабочего-бобыля или подчиненного члена семьи взыскать нечего, а уголовная кара не допускается». Единственный выход из этой ситуации, по его мнению, был в «устройстве рабочих домов, по несколько в каждом уезде, содержание которых ограничивалось бы только наймом помещений и жалованьем администрации»¹²⁶. Но этот вопрос до конца так и не был проработан.

Гласный от дворян Бобровский предлагал пересматривать правила найма сельских рабочих в пользу нанимателей и ходатайствовать об их новой редакции перед правительством. Губернское земское собрание отклонило его предложение.

В этой связи интересно отношение гласных из дворян, которые в своей основе были средними и крупнопоместными помещиками, к проблеме крестьянских выкупных платежей.

На курском чрезвычайном губернском земском собрании 29 мая 1881 года был зачитан циркуляр МВД об обязательном переходе на выкуп всех бывших помещичьих крестьян. После его обсуждения губернское собрание, состоявшее в основном из одних дворян, постановило следующее: «... обратить внимание правительства, что для целей экономического благосостояния крестьянства, взятого в полном составе, необходимо совершить обязательный выкуп в кратчайший и определенный срок... Просить правительство в интересах платежных сил народа: а) сравнять лежащие на крестьянском мире платежи с платежами других сословий, сняв с крестьянства 52 млн подушной специальной крестьянской подати и разложить её на другие источники обложения, охраняя главнейшим образом от излишнего обложения землю, в видах содержания производительных сил этого основного источника финансовой силы земледельческого государства; б) ходатайствовать перед правительством о превращении всей выкупной операции в государственный долг, признав расчет по экспроприации земель в пользу крестьян не сделкою двух сословий, а общегосударственным делом»¹²⁷.

Данные предложения, несомненно, направлены на облегчение давления налогового и долгового пресса на крестьянство. Но и здесь интерес дворян-помещиков очевиден. Во-первых, предлагая переложить подушные крестьянские подати на другие источники налогового обложения, дворянство стремилось не допустить увеличения ставки налогов с земель. В центрально-черноземных губерниях в пореформенный период земля оставалась главным источником доходов для дворянства. Во-вторых, задолженность по крестьянским выкупным платежам предлагалось перевести в государственный долг. Это бы гарантировало помещикам получение выкупных платежей в полном объеме, в отличие от ненадежной платежеспособности малоземельного крестьянства.

Как известно, земство, возглавляемое дворянством, очень много сделало для улучшения систем здравоохранения, образования, внедрения передовых агротехнологий, развития кустарных промыслов. Например, в Воронежском уезде с 1874 по 1889 гг. число принятых больных врачами увеличилось на 4 171 человека, или на 126%, фельдшерами – на 18 365 человек, или на 94%¹²⁸. Но этот аспект требует отдельного исследования. В рассматриваемом вопросе нас интересует круг первоочередных задач, решаемых дворянами в структурах института земства.

Решение в центрально-черноземных земствах явно узкокорпоративных интересов дворянства всегда носило личностный и конкретный характер. Например, на заседании курского губернского земского собрания 9 декабря 1886 года гласные от сельских крестьянских обществ ходатайствовали об открытии в Белгородском уезде 8 ярмарок. Но так как в слободе Томаровке, на землях кн. Голицина-Головкина, уже функционировало 5 ярмарок, то открытие новых, по мнению собрания, «послужит в ущерб существующим». Ходатайство крестьянских обществ было отклонено¹²⁹.

Анализ роли дворянства в становлении и функционировании института земства не может замыкаться только на его управленческих структурах. Олицетворением земских служащих на местах были учителя и средний медицинский персонал. На их примере рассмотрим участие представителей дворянства в земских структурах неуправленческого характера. Наиболее полные данные о словном происхождении земских учителей и среднего медицинско-

го персонала по исследуемым губерниям имеются на конец XIX – начало XX вв. Проанализируем динамику сословного происхождения учителей курской земской школы (см. табл. 41)¹³⁰.

Таблица 41

Динамика сословного происхождения учителей земской школы Курской губернии в 1895-1902 гг.

Сословия и сословные общества	Учителя				Учительницы			
	1895-1896 гг.		1901- 1902 гг.		1895- 1896 гг.		1901- 1902 гг.	
	чел.	%	чел.	%70	чел.	%	чел.	%
Дворяне	14	3,4	32	8,1	70	29,2	123	25,3
Духовенство	135	33,4	80	20,3	100	41,7	156	32
Мещане	38	9,4	50	12,6	32	13,3	65	13,4
Разночинцы/граждане	3	0,7	16	4	8	3,3	28	5,7
Купцы	3	0,7	4	1	6	2,5	30	6,2
Крестьяне	204	50,7	201	50,9	18	7,5	57	11,7
Военные	1	0,2	5	1,3	-	-	-	-
Неизвестно	3	1,3	7	1,8	6	2,5	28	5,7
Всего	401	100	395	100	240	100	487	100

В 1895-1896 учебном году представителей дворянского сословия среди земских учителей насчитывалось 84 (13,1%), тогда как их общее число составляло 641. Причем учительниц-дворянок в среде учительского корпуса было в 5,5 раз больше, чем учителей-дворян. К 1901 году число представителей дворянства среди земских учителей возросло с 84 до 155 человек, или на 46%. Увеличился с 13,1% до 17,5% общий процент числа дворян среди земских учителей. То есть в конце пореформенного периода и в начале XX в. тенденция к росту числа дворян среди земских учителей отчетливо просматривалась. Условия труда и быта учителей, принадлежавших к любым сословиям, были за редким исключением одинаковыми. Да и редко кто из обеспеченных дворянских семей шел на работу в земскую школу. Их выбор часто был вынужденным – сама жизнь, экономические обстоятельства являлись причиной того, что среди учителей в начальной сельской школе дворянство составляло значительную часть.

Средний медицинский персонал (акушерки, фельдшеры, оспопрививатели) был самой многочисленной категорией служа-

щих в земских больницах. Именно на него приходилась основная часть принятых больных. Источники, раскрывающие сословное происхождение среднего медицинского персонала, за 60-90 гг. XIX в. по исследуемым губерниям отсутствуют. Соответствующие сведения имеются только за 1902 год, когда МВД затребовало с мест подробные списки земских служащих. Анализ этих данных может показать общую картину сословного происхождения среднего медицинского персонала на рубеже XIX-XX вв. (см. табл. 42) ¹³¹.

Таблица 42

Социальный состав среднего медицинского персонала Курского земства в 1902 г. ¹³¹

<i>Социальный статус</i>	<i>М</i>	<i>%</i>	<i>Ж</i>	<i>%</i>	<i>Всего</i>	<i>%</i>
Дворяне	5	5,1	15	28,3	20	13,2
Дочери, жены, вдовы чиновников	-	-	14	26,4	14	9,3
Дочери, жены, вдовы священников	-	-	3	5,7	3	2
Мещане	17	17,3	9	17	26	17,2
Почетные граждане	9	9,2	2	3,8	11	7,3
Крестьяне	67	68,4	5	9,4	72	47,7
Другие	-	-	5	9,4	5	3,3
Всего	98	100	53	100	151	100
Не установлено	104		18		122	
Общая численность	202		71		273	

Дворяне среди представителей среднего медицинского персонала составляли меньшинство (13,2%). Здесь основная масса служащих была крестьянского происхождения (47,7%). Но отличительной чертой среднего медицинского персонала земских больниц центрально-черноземных губерний являлся высокий процент дворян среди фельдшеров и акушерок по сравнению со среднероссийским показателем. Если в курском земстве среди фельдшеров и акушерок преобладали выходцы из дворян и чиновников (60%), то, в среднем, по России в медицинских земских учреждениях 37% были выходцами из мещан, 30% – из крестьян и только 21% – из дворян и чиновников ¹³².

Подводя итог, можно констатировать, что в центрально-черноземных губерниях в 1865-1890 гг. среднее и крунопоместное

дворянство принимало активное участие в становлении института земства и в выборах гласных. Мелкопоместное дворянство фактически игнорировало их. Дворяне занимали все руководящие посты как в губернских, так и в уездных управах. К концу пореформенного периода наметилась тенденция к сокращению процента дворян среди членов уездных земских управ. Среди служащих земских учреждений неуправленческого характера (школы, больницы) дворяне были в меньшинстве. Но, судя по динамике роста процента земских учителей из дворян, их число постоянно увеличивалось среди коллег других сословий в конце XIX – начале XX века.

12 июня 1890 году было утверждено новое «Положение о губернских и уездных земских учреждениях», которое формально сохраняло принципы бессловности и выборности земств, однако их права были сильно урезаны. Вследствие изменения механизма избирательного права значительно увеличилось представительство дворянства в земских структурах. Так, по сравнению с 1860-ми гг. удельный вес дворянства в уездных земских собраниях повысился с 42% до 55%, в губернских – с 82% до 90%. Крестьяне же, напротив, фактически лишались выборного представительства: теперь они выбирали только кандидатов в земские гласные, из которых губернатор назначал гласных¹³³. Начинался новый этап в эволюции земств, который продлится вплоть до 1918 года.

2.4. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЗЕМСКОЙ УПРАВЫ И ПРЕДВОДИТЕЛЬ ДВОРЯНСТВА: АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПАРИТЕТ ИЛИ БОРЬБА ЗА ЛИДЕРСТВО В УЕЗДНОЙ ЖИЗНИ ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

Реализация земской реформы 1864 года и связанная с ней реконструкция системы уездного управления остро поставили вопрос о границах административных компетенций предводителя дворянства и председателя земской управы. Во многом это объяснялось отсутствием в уезде единого официального главы, которому бы напрямую подчинялись все руководящие структуры, по примеру

губернского предельно централизованного управления во главе с губернатором. При решении многочисленных дел из разных сфер жизнедеятельности «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» вызывало массу неудобств, не случайно курский губернатор в 1898 году, когда готовилась реформа местного управления, в официальном отзыве на запрос министра внутренних дел отметил необходимость централизации уездного управления «в лице авторитарного начальника уезда»¹³⁴. Несмотря на то, что предводитель дворянства по своему функционалу считался реальным хозяином уезда, в обыденной жизни существовало три фактически независимых субъекта власти: предводитель дворянства, председатель земской управы и уездный исправник – глава полицейского управления¹³⁵. У каждого из них были своя сфера деятельности и свои функции, которые не предусматривали прямого вмешательства какой-либо другой уездной ветви власти.

Из трех названных субъектов уездного управления нас интересуют два – предводитель дворянства и председатель земской управы, общепризнанные наиболее влиятельными. В уездах с сильными дворянскими корпорациями исправнику приходилось ладить и с земским председателем, и с предводителем дворянства, так как в случае столкновения с ними уступать и даже покидать уезд приходилось полицейскому чиновнику¹³⁶. Предводитель дворянства и председатель земской управы были избираемыми должностями, отражавшими расклад определенных предпочтений в дворянской уездной корпорации. Это было обусловлено тем, что предводитель избирался дворянами уезда на губернском дворянском собрании, а председатели земских уездных управ, как показывают данные по Центральному Черноземью, фактически на 100% были представителями поместного дворянства¹³⁷. В складывавшейся ситуации дворяне, прошедшие определенные выборные этапы, возглавляли уездную сословную корпорацию и земское управление. При этом каждый из них чувствовал поддержку определенной части местного дворянства. Поэтому претензии председателя земской управы на административное лидерство в уезде были далеко не беспочвенными. Причины этих претензий были заложены еще на стадии подготовки и в начале реализации земской реформы. Реформа отмены

крепостного права ликвидировала вотчинную административную власть помещиков, и объективно встала задача реорганизации как губернской, так и уездной структуры управления. Особое внимание при этом уделялось созданию уездной администрации и включению ее в общую бюрократическую систему. В частности, предлагалось ввести коронную должность начальника уезда, ограничив компетенцию уездных предводителей внутрисословными функциями. Такие проекты возникали и накануне реформы 19 февраля 1861 года¹³⁸. Однако дальше проектов дело не пошло. Снизить статус предводителя дворянства, поставить его в подчинение к коронному чиновнику, означало бы вызвать однозначный негативный отклик в широких поместных кругах, так как рассматривалось бы это как очередное после освобождения крепостных крестьян лишение благородного сословия его «законных» привилегий. Поэтому предводителю дворянства были оставлены его прежние функции, но в уезде появился новый субъект власти – председатель земской управы, который напрямую не подчинялся предводителю дворянства. Правительство, не прописав в новых реалиях уездного управления, кому принадлежит приоритет в решении всех дел, способствовало тому, что каждый из них мог претендовать на эту роль: предводитель дворянства по укоренившейся традиции и в связи с исполняемыми функциями, председатель управы – исходя из того, что являлся избранником представителей всех сословий уезда и воплощением сути новой структуры самоуправления. К тому же, для либеральной части дворянства предводитель уже ассоциировался с ушедшей в небытие дореформенной эпохой.

Пресса в ходе подготовки земской реформы однозначно связывала реорганизацию местного управления с руководящей ролью дворянства. Так, в периодическом издании «Наше время» в январе 1862 года прямо указывалось, что дворянство «имеет значение политическое», и если «к этому прибавить образование», то «дворянство и по способности, и по назначению призвано быть руководителем остальных сословий»¹³⁹. В целом, в зависимости от позиции, занимаемой по отношению к предлагаемой реорганизации самоуправления на местах, дворянство разделилось на три группы. Представители либерального направления, считавшие, что с отме-

ной крепостного права в России должны утвердиться и необходимые атрибуты буржуазного правового порядка, выступали за формальное устранение дворянских привилегий, становившихся в новых условиях опасным анахронизмом, за введение всесословного самоуправления на местах и учреждение центрального совещательного представительного органа. Тенденция к ограничению самодержавия дворянским представительством наметилась среди крупной группы дворянской аристократии, часть которой намеревалась использовать земские учреждения для увеличения своего политического влияния. Об этих изначальных тенденциях министр финансов С.Ю. Витте писал в своей конфиденциальной записке министру внутренних дел И.Л. Горемыкину (1899 год): «Мои сомнения относительно соответствия земств нашему государственному строю высказаны в особой, совершенно конфиденциальной записке, сообщенной мною только Вам и весьма немногим лицам, занимающим высокое место в иерархии администрации. В записке этой я доказывал, что самоуправление в той форме, в какой оно выражается в нашем земстве, т.е. не в форме всесословного народного представительства в сфере местного государственного управления, не соответствует самодержавному строю государства, что в этом строе оно: или будет плохим средством управления, или правильное и последовательное развитие начал его неизбежно приведет к властному участию выборных представителей населения в законодательстве и в верховном управлении»¹⁴⁰. Основная же масса провинциального поместного дворянства, с трудом привыкшая к мысли об утрате своей вотчинной власти, стремилась использовать все возможности для упрочнения своего влияния на местах¹⁴¹. Поэтому подавляющая часть местных дворянских корпораций в той или иной форме высказывалась за введение всесословных земских учреждений.

Причины интереса поместного дворянства к земскому самоуправлению откровенно были высказаны в докладе комиссии по выработке проекта постановления смоленского собрания, состоявшегося в октябре 1862 года. В нем отмечалось, что с отменой крепостного права высшее сословие потеряло свое прежнее исключительное положение и что остается одна возможность «удержать за

собой сословное значение и необходимое влияние на общественные дела – стать во главе возникающего земства». При этом авторы доклада были совершенно уверены в дворянской административной исключительности. «Как бы тесно и уравнительно ни было это соединение, – писали они, – за нами надолго еще останется огромный перевес, который мы приобретаем положением своим, преимуществом умственного и нравственного образования и большей или меньшей привычкой к общественным делам»¹⁴². С подобной точкой зрения были солидарны и другие губернские дворянские корпорации. Необходимо отметить, что на подобные высказывания у представителей поместного дворянства были все основания.

По уровню образованности, культуры и административному опыту с дворянством не могла конкурировать ни одна другая сословная общность. С этой управленческой аксиомой были согласны и представители других сословий. Это хорошо просматривалось на заседаниях земских управ и съездов, где лидерство поместных дворян никто не пытался оспаривать. Понимало это и правительство, что было видно на заключительном этапе подготовки земской реформы. По «Положению о земских учреждениях» 1864 года вся подготовительная работа по открытию земств на местах была возложена в каждом уезде на особые временные комиссии, состоявшие фактически исключительно из одних дворян.

Все это в совокупности с пропомещичьей системой выборов в земские структуры вполне обоснованно формировало у поместных дворян представление об институте земства как об одной из сфер уездной жизни, однозначно управляемой поместным дворянством. Выборы первого трехлетия (1865-1868 гг.) подтвердили правильность этих представлений: как среди глав земских управ, так и среди их членов большинство составляли дворяне. Крупный исследователь земских учреждений Б. Веселовский по этому поводу заметил: «При тогдашнем составе земских деятелей, вербовавшихся преимущественно из землевладельцев с высоким цензом, и при той ограниченной компетенции, которая была отведена земским учреждениям по Положению 1864 года, странно было мечтать сделать земство проводником “беспочвенных идеалов”. Дальнейшая история подтвердила это, и если первое время “люди с резкими оттен-

ками не имели успеха в земстве”, то не изменилось дело и после»¹⁴³. То есть земские структуры находились в руках крупных помещиков.

Подобные взгляды на земство, несмотря на декларацию его всесословной природы, были характерны и для первых лиц губернского уровня и высказывались вполне официально. Крупный государственный и военный деятель граф Д.А. Милютин в своих «Воспоминаниях» по этому поводу писал: «При открытии заседания этого собрания (3 января 1865 г. открылось московское губернское дворянское собрание – *В.Ш.*) московский военный генерал-губернатор Офросимов произнес речь, в которой, желая выразить особенное значение тогдашнего собрания, сказал: «Из среды своей, из вашего именно сословия, предстоит вам избрание представителей, которым по Всемилоштивейше дарованному Вам праву земского самоуправления будут вверены интересы всех сословий губернии». Оборот, данный в этой речи предстоящему началу новых земских учреждений, очевидно, был неправильный; из слов генерал-губернатора можно было заключить, что дворянству именно как сословию вверяются интересы всех других сословий»¹⁴⁴. Губернские предводители дворянства разделяли подобную точку зрения. Как было показано выше, с подобной речью на открытии первого воронежского земского собрания 1 декабря 1865 года выступил губернский предводитель дворянства А.Н. Сомов. О всесословном характере управления институтом земств речи не шло. Правда, после знаменитого «оппозиционного» московского дворянского собрания 1865 года и ряда других губернских дворянских собраний между правительственными структурами и земствами усилилось недовольство друг другом, хотя у верховной власти были опасения насчет оппозиционности земств с самого момента реализации этой идеи.

Подобные настроения, характерные для значительной части провинциального дворянства, способствовали тому, что, учитывая отсутствие единого официального главы в уезде, отдельные председатели земских уездных управ стали претендовать на роль глав уездов. Как было отмечено выше, председатели уже видели себя избранниками всех сословных общностей уезда, и поэтому, с их

точки зрения, предводитель дворянства – избранник собственной сословной корпорации – не мог считаться реальным хозяином уезда. Проблема состояла в том, что и предводитель, и председатель – оба считали себя ставленниками местного дворянства, но с различным характером претензий на общесословный характер своей власти. В связи с этим происходили столкновения, которые не были единичными. Основоположник русской генеалогии Л.М. Савелов вспоминал: «Служба мне нравилась, с большинством коротоякских деятелей я был в добрых отношениях, и единственно, с кем, в конце концов, не поладил – это был П.А. Ржевский, бывший при мне председателем управы, но это, по-видимому, происходило в большинстве уездов, так как и предводитель дворянства, и председатель управы каждый считал себя хозяином уезда»¹⁴⁵. Савелов прямо указывает, что подобная борьба за власть в уездах была распространенным явлением.

Естественно, что среди поместного дворянства была определенная часть, которая так и не приняла для себя земскую реформу, считая недопустимым для представителей благородного сословия делить с кем-либо местное управление. Один из идеологов консервативной части дворянства А. Пазухин доказывал, что только поместное дворянство в нравственном отношении достойно руководить земскими структурами: «На бессословной почве очень быстро народились представители бессословного начала корысти. Если мало еще таких уездов, где земство находится в руках простой шайки негодяев, то немало уже таких, где на выборы лиц, служащих по земству, имеют влияние люди сомнительной нравственности. Там, где поместное дворянство теряет влияние на ход дел, власть очень быстро переходит в грязные руки представителей новых элементов, неразборчивых в выборе средств, борьба с которыми для людей добросовестных невозможна», – при этом с сожалением добавляет: «Значение предводителя дворянства, этого единственного представителя нашего старого служилого сословия, пощаженого реформами прошлого царствования, не могло быть предметом спора. Весь ход реформы предрешал, а логическая последовательность требовала или полного упразднения этой должности, или низведения её влияния до нуля.

Главная ошибка в вопросе о реформе местного управления и состоит в том, что земство признавалось за ту силу, которая способна заменить старое поместное дворянство»¹⁴⁶.

В этих рассуждениях представителя «непримиримой» части поместного дворянства важен факт признания, что в ходе земской реформы социальный статус уездного предводителя дворянства снизился. С другой стороны, подавляющая часть поместного дворянства, включая и представителей аристократических фамилий, вероятно, не видела для себя непреодолимой преграды при переходе со службы по дворянским выборам в земские структуры и наоборот. Для них это была «дворянская служба» местному обществу. Например, исследователь тамбовского земства в кратких биографических очерках крупнейших представителей местного земства, в частности кн. Н.Н. Чолокаева, Ф.Д. Хвощинского, И.Ф. Кузьмина, С.Н. Чичерина, А.Е. Воронцова-Вельяминова, М.В. Неклюдова и др., показала, что с 1865 года до начала XX века они чередовали свою службу как в земских структурах, так и по дворянским выборам¹⁴⁷. В редких случаях одно лицо занимало сразу две важнейшие должности в уезде. Как видим, активная часть поместных дворян, за исключением «непримиримых», стремилась на службу как в земства, так и в структуры дворянских корпораций.

Рассмотрим административные функции предводителя и председателя, а также их собственные представления о своих должностях, отношение других чиновников к роли двух первых административных лиц уездного уровня.

Исходя из существовавшего законодательства, уездным предводителем мог быть избран потомственный дворянин, отвечающий следующим требованиям:

- быть честного и безукоризненного поведения и не находиться под следствием;
- быть внесенным в дворянскую родословную книгу той губернии, в собраниях дворянства которой он желал участвовать;
- иметь в губернии недвижимую собственность;
- быть не моложе 21 года;
- иметь классный чин, или российский орден, или аттестат об окончании курса наук в высшем или среднем учебном заведе-

нии, или прослужить три года по выборам дворянства или в должностях мирового посредника, неперменного члена губернского или уездного по крестьянским делам присутствия, участкового или почетного мирового судьи, председателя или члена земской управы, городского головы или члена городской управы;

- иметь аттестат или приказ об увольнении с последнего места службы.

Значительно было облегчено участие в выборах высшим чином гражданского и военного ведомств: действительный статский советник или полковник мог быть избран предводителем независимо от размера недвижимости или даже совсем без нее, если он получал пенсию или аренду в сумме не менее 900 руб. в год¹⁴⁸. И в то же время законом подчеркивалось: «...Дворянству предоставляется избирать в Уездные предводители и такого потомственного дворянина, который, хотя и не соединяет в себе условий, установленных статьею 118, но службою своею и достоинствами заслужил особенное внимание и приобрел доверенность дворянского сословия»¹⁴⁹. В статье 118 оговаривались размеры имущественного ценза и классность чинов. Таким образом, в уездные предводители могли избираться потомственные дворяне всех страт, включая мелкопоместных. Уездный предводитель избирался уездным дворянством в ходе губернского дворянского собрания и утверждался губернатором.

В рассматриваемом аспекте для нас интересны указания о должностях, обладатели которых по закону могли занимать должность уездного предводителя. Среди перечисленных была и должность председателя земской управы, что прямо указывает на более низкий ее статус. Хотя при этом нигде не говорилось о прямой подчиненности председателя главе дворянской уездной корпорации.

Административные обязанности уездного предводителя были весьма обширны и охватывали две большие сферы. Первая была связана с жизнедеятельностью уездного дворянства. Предводитель отвечал за «хранение и расходование» сумм дворянских, работу уездного дворянского собрания, ведение родословных книг уезда, выдачу дворянам свидетельств в случае их необходимости, контроль над дворянской опекой, работу посреднической комиссии для полюбовного размежевания дач, состоящих в чересполосном и общем владении. Вторая сфера включала в себя чисто управленческие зада-

чи, относящиеся к жизнедеятельности всего уезда: председательство в уездном земском собрании, земских избирательных собраниях и съездах, участие в губернском земском собрании, председательство в уездных съездах по крестьянским делам, во временной комиссии для составления очередных списков присяжных заседателей по уезду, в уездном по питейным делам присутствии, в уездном по воинской повинности присутствии, в училищном совете¹⁵⁰.

О характере деятельности уездного предводителя никто не скажет лучше, чем сам предводитель, тем более перешедший на эту должность с должности председателя земской управы. В 1900 году князь А.Д. Голицин, покидая должность председателя харьковской уездной земской управы и становясь предводителем дворянства этого же уезда, отразил данный факт в своих воспоминаниях: «Но перед тем как с головой уйти в деятельность своей новой должности, мне нужно закончить таковою в качестве Председателя Уездной Земской Управы...

Председательствование на очередном Уездном Земском Собрании явилось концом моей земской деятельности в прямом смысле этого слова и началом моей новой деятельности в качестве Предводителя Дворянства.

Характер ее резко изменился: мне ничего не приходилось разрабатывать, создавать, а лишь руководить и направлять, сообразуясь с законом в области административной деятельности либо пользою и нуждами в области общественной»¹⁵¹.

Князь непосредственно знал, о чем говорил: должность предводителя, в сравнении с должностью председателя управы, имела более представительский характер, так как, председательствуя в различных присутствиях, предводитель не отвечал за их деятельность.

Основной же сферой деятельности предводителя были многочисленные уездные присутствия. В своих мемуарах кн. С.Д. Урусов отмечал: «Наиболее ответственные и вместе с тем наиболее почетные обязанности по участию в уездном управлении закон представлял уездному предводителю дворянства. Он являлся председателем большинства присутствий, т. е. коллегий, в которых разрешались дела уездного населения. Можно безошибочно утверждать,

что обязанности сословного характера (опека, заведование дворянскими суммами) не занимали и одной сотой части времени, посвященного предводителем на прочие дела»¹⁵². Данный отрывок из воспоминаний уездного предводителя знаменателен еще и тем, что здесь прямо указывается, что он участвовал в уездном управлении, а не возглавлял его. Хотя на него законом возлагалась наиболее ответственная работа. То есть предводитель признавал, что он является одним из субъектов управленческой системы уездной администрации. Ограниченность административной власти в уезде признавали и другие предводители. Кн. М.В. Голицын по этому поводу подчеркивал: «Структура уездов была следующей: уездный предводитель дворянства по закону председательствовал в ряде уездных учреждений, как будет видно ниже, и был до известной степени главой уезда»¹⁵³. Другими словами, он не был реальным хозяином уезда. Князь Б.А. Васильчиков так характеризовал данный спектр деятельности: «Предводительская должность всегда представляла широкое поле деятельности для всякого желающего себя посвятить общему делу своего уезда. Как у председателя всех уездных учреждений (кроме полицейских), составленных из коллегий, которые носили звание присутствий, комитетов и т.п., в его руках сходились все нити уездной администрации, а через председательствование в уездном земском собрании он близко соприкасался с земским делом»¹⁵⁴. Васильчиков подчеркивает, что вне компетенции предводителя дворянства находилась деятельность уездного исправника, а с земством он просто соприкасался в силу председательствования в земском уездном собрании.

Предводители в своих воспоминаниях, высоко ставя статус уездного главы дворянской корпорации, тем не менее, прямо указывали на то, что принимали «участие в уездном управлении», «до известной степени [являясь] главой уезда», «соприкасаясь с земским делом» и т.п. Другими словами, все они сходились в том, что, несмотря на общепризнанный статус первого лица уезда, уездный предводитель дворянства не обладал абсолютной властью. Это подтверждали и нижестоящие чиновники. Так, А. Новиков, служащий земским начальником в Тамбовской губернии, писал: «Должность уездного предводителя дворянства самая почетная в уезде и вместе

с тем самая трудная. Не имея почти никаких дел личных, предводитель состоит вместе с тем председателем почти всех коллегиальных учреждений уезда... Естественно, что он не работает во всех этих учреждениях; на это в каждом из них есть непременно члены, как уездный член суда в съезде, инспектор в училищном совете и т.д., но везде он может явиться со своим авторитетным голосом, везде он может прекратить и предупредить возможные злоупотребления...

Хотя в съезде он председательствует и в судебном, и в административном заседаниях, но влияние его может быть только личное. В судебных заседаниях уездный член как юрист более компетентен: он готовит дела, без него суда быть не может – очевидно, ему и книги в руки; сколько я ни знаю предводителей, все они в судебных заседаниях никогда почти не участвуют...». Далее он касается власти предводителя над земским начальником: «Что касается отношений предводителя к земскому начальнику, то закон дает ему только право ревизий...

Действительно, что может сделать предводитель, если при ревизии найдется что плохое? Написать губернатору, – дело же решит губернское присутствие. Поэтому я никогда не слыхал, чтобы предводители пользовались этим правом, даже при всем желании помочь делу...

Тем более не может предводитель касаться волостных правлений. Тут один начальник, один вершитель судеб крестьянских – земский. Очень ошибаются те, которые думают, что предводитель – все в своем уезде. Наоборот, если предводитель имеет значение, то это – не по закону, а по личному авторитету»¹⁵⁵.

А. Новиков, довольно хорошо разбираясь в тонкостях уездного управления, подчеркивает, что должность предводителя считалась первой, но во многом имела исключительно председательствующий статус, «не имея почти никаких дел личных». При этом реального механизма воздействия, кроме ревизионно-контролирующего, он применять не имел права, поэтому его статус держался исключительно на личном авторитете.

В глазах дворянства должность предводителя была окружена ореолом бескорыстного служения местному обществу, что прида-

вало ее обладателю несомненный авторитет. Уездный предводитель, как и служащие его канцелярии, состоял на государственной службе, но жалованье от казны ему не полагалось. Князь С.Д. Урусов писал по этому поводу: «Все без исключения обязанности он нес бесплатно, отдавая свое время, свой труд и отчасти денежные средства, имея взамен лишь сознание приносимой пользы обществу и государству, если не считать получаемых иногда наград в виде крестов, надеваемых на шею в редких случаях, когда приходилось облекаться в мундир. Этот характер службы “из чести” придавал должности предводителя дворянства чрезвычайную привлекательность, окружая её известным почетом и уважением»¹⁵⁶. Председатель же земской уездной управы получал, по местным меркам, неплохое жалование.

Высокий общественный статус предводителя дворянства во многом был обусловлен тем, что его носителями являлись представители самых уважаемых и богатых дворянских фамилий уезда. Несмотря на то, что закон в особых случаях позволял избирать уездного предводителя из среды мелкопоместного дворянства, игнорируя его «непроходной имущественный ценз», в реальной жизни этого не происходило. Существовала фактически непреодолимая социально-психологическая дистанцированность представителей верхних страт дворянства от низших.

При этом предводитель дворянства и председатель управы часто были соседями по имениям, ведя исключительно помещичий образ жизни, редко появляясь в уездном центре для исполнения своих функциональных обязанностей. Председатель земской уездной управы В.А. Авеский вспоминал: «Из начальствующих лиц обычно никто в городе не жил: и предводитель дворянства, и председатель управы проживали всегда в своих поместьях, время от времени приезжая в город на заседания»¹⁵⁷. Для местных дворян они оба являлись представителями собственной помещичьей касты, притом верхних её подгрупп. На их памяти, сегодня один из них мировой судья, завтра – предводитель дворянства, другой – депутат дворянского собрания, затем – председатель земской управы. В сознании уездного общества существенную роль играла уже не столько должность конкретного дворянина, а его деловая хватка,

умение отстаивать интересы уезда, не на последнем месте была готовность накрыть стол для избранных благородного сословия уезда. Другими словами, все определял авторитет личности.

Хозяйственная сфера деятельности земских структур была изложена во второй статье «Положения о губернских и уездных земских учреждениях, Высочайше утвержденного 1 января 1864 г.»¹⁵⁸. Она была по меркам уезда довольно обширна, конкретна, важна и включала в себя земские сборы, дорожную, подводную, постоянную (для проезжающих чиновников и проходящих войск) повинности, заботу о продовольственной безопасности, развитию торговли, промышленности, сельского хозяйства уезда, медицины и образования, содержании мест заключения. От председателя земской управы реально во многом зависела степень пореформенной модернизации помещичьего дворянства, крестьян и других представителей сословных сообществ уезда.

Земскую реформу в практической плоскости провинциальные дворяне восприняли, со слов С. Н. Терпигорева, «...с двух точек ... с “завиральной”, как выражались в тридцатых и сороковых годах, и потом с чисто наживной».

Как уже это совмещалось в наших головах, этого, конечно, никто никогда не объяснит...

Очень много ждали мы от земских учреждений с завиральной точки зрения, но гораздо больше бежали у нас слюнки, когда мы начинали смотреть на них с “экономической”. Эта сторона казалась несравненно привлекательнее “завиральной»¹⁵⁹. Как следует из содержания цикла очерков «Оскудение» С.Н. Терпигорева, «завиральными» являлись распространённые в помещичьей среде утверждения об особой роли дворянства в российском обществе. Авторский тезис «Очень много ждали мы от земских учреждений с завиральной точки зрения» все-таки в действительности себя во многом оправдал. Дворянство прочно и надолго возглавило все земские структуры. Экономические ожидания, в силу ограниченных законом возможностей земств, не могли в полной мере оправдать себя. Но все эти надежды у помещиков проектировались через призму функциональной деятельности уездной земской управы.

В то же время дворяне-помещики часто видели в земских гласных из разночинной бюрократии, как и в представителях коронной уездной администрации, нежелательных конкурентов уже в первые пореформенные годы. В этом и проявилась противоречивая политика большей части помещиков по отношению к земским структурам: с одной стороны, прослеживается явное желание самостоятельно руководить ими, с другой – свести на нет какое-либо влияние недворянского происхождения земских служащих, гласных и уйти от опеки и контроля со стороны аппарата предводителя и уездной коронной администрации. В этом клубке управленческих противоречий и формировалась система взаимоотношений уездного предводителя и председателя земской управы. Поэтому конфликты земских органов, в которых руководящие должности занимали представители поместного дворянства, с коронной бюрократией и чиновниками дворянской корпорации по-прежнему оставались одним из основных типов столкновений в сфере местного самоуправления. Особенно характерны здесь были вертикальные типы конфликтов, связанные с жесткой бюрократической иерархией, которую еще больше усилило «Положение» 1890 года, сделав ставку в вопросах местного самоуправления на поместное дворянство. В реальности это не дало существенных результатов. Князь В.П. Мещерский вынужден был с грустью признать, что все попытки Александра III возродить дворянство были «воззванием к мертвецу»¹⁶⁰. Тем более что к концу пореформенного периода произошло резкое сокращение дворянского фонда земель, что привело к утрате основания, дающего возможность дворянской корпорации главенствовать в управлении уездом, и наметилась тенденция к охлаждению интереса уездных предводителей к управленческой деятельности¹⁶¹. Именно в конце 90-х гг. XIX в., как отметил уездный предводитель Л.М. Савелов, борьба за власть в уездах между предводителями и председателями управ приняла повсеместный характер¹⁶².

Однозначного ответа относительно характера функциональных отношений и борьбы за лидерство уездного предводителя и председателя земской управы дать невозможно. Во-первых, должность предводителя оставалась самой почетной, и это признавали

все другие субъекты уездной власти. Но именно в этом и заключалась причина ограниченности власти предводителя по отношению к другим руководителям уездного уровня, что и являлось основой для управленческих конфликтов. Предводители на основании статьи № 43 «Положения о губернских и земских учреждениях» председательствовали в уездных земских собраниях, но не руководили земскими учреждениями. Председатели управ в сложившейся правовой ситуации осознавали свою служебную самостоятельность и самодостаточность. Поэтому статусность должностей предводителя и председателя управы в каждом конкретном уезде определялась авторитетом их носителей, тем более что в широких помещичьих кругах не было сомнения, что земство – всесословный орган самоуправления, руководимый дворянством. Князь Б.А. Васильчиков по этому поводу отмечал: «Внешние признаки кажущегося засилья явственнее всего проявились в поместной земской жизни, где деятели, принадлежащие к дворянству, несомненно, преобладали. Но и тут это было результатом не столько действия законов о земском представительстве и тем более какой-либо сословной политике, сколько результатом фактического положения вещей – те, кто сменили дворян в качестве земских деятелей, в большинстве случаев вовсе не проявляли вкуса к общественной деятельности, и эта служба фактически оставалась почти монополией дворянства»¹⁶³. Для жителей уезда предводитель и председатель управы были местными помещиками, которые на определенном этапе своей карьеры нередко переходили со службы в земских учреждениях в структуры дворянской корпорации и наоборот. На обыденном уровне, в личном плане, это могло несколько уравнивать статусность рассматриваемых должностей.

Правительство не могло не осознавать ущербности системы уездного управления. Пойти же на упразднение должности уездного предводителя в пользу коронного чиновника оно не могло. Это означало бы отказ от сословной опоры на дворянство в вопросах местного самоуправления, что в итоге вызвало бы широкое недовольство в дворянских кругах. Подобная административная реформа имела бы серьезные политические последствия. Наделение предводителя, наряду с исполняемыми им председательскими

функциями, функциями хозяйствующего субъекта, приравняло бы его к коронному чиновнику, лишив привилегий третейского судьи, что означало бы отказ от традиционной службы предводителя «из чести».

После отмены крепостного права местное самоуправление стало носить всеобщий характер. Верховная власть решила посредством куриальной системы выборов поставить во главе земств представителей поместного дворянства, до конца не определив возможные последствия фактически равной статусности предводителя и председателя. При этом правительство полагалось на консервативную природу института уездных предводителей, видя в них противовес либеральным земским деятелям. Но пореформенная межсословная эмансипация и буржуазная трансформация дворянства привели к серьезной либерализации политических воззрений части дворянства. В неопубликованных мемуарах члена Государственного Совета, тамбовского помещика В.М. Андреевского, есть примечательный сюжет: «Большое оживление по всей России вызвало образование в 1902 году уездных и губернских комитетов для обсуждения мероприятий, направленных к поднятию сельскохозяйственной промышленности, ... на первом же заседании (Тамбовского губернского комитет – *В.Ш.*) возглавляемые Темниковским уездным предводителем Новосильцевым левые заявили, что прежде чем говорить о вопросах экономических, надо поставить вопрос о форме правления, ибо без ограничения самодержавия конституцией никакие улучшения проблемы сельского хозяйства не спасут России»¹⁶⁴. Пусть и в значительно меньшей степени, чем в среде земцев-конституционалистов, но и среди уездных предводителей стали появляться сторонники кардинального ограничения самодержавия.

В ходе земской реформы 1864 года введение должности уездного председателя земской управы, неподконтрольного предводителю и избираемого, как правило, из поместных дворян, однозначно уменьшило роль и влияние предводителя в уездной жизни. Их фактический функциональный паритет на первый план вывел личный авторитет, что, в свою очередь, явилось причиной борьбы за лидирующую роль в уезде. Как видно из воспоминаний уездных

предводителей, такая борьба велась повсеместно. Тем не менее, трудно назвать предводителя и председателя управы управленческими антагонистами. Скорее, к ним подойдет термин, которым характеризовали западников и славянофилов в 40-50-е гг. XIX в. – «друзья-враги». Являясь выходцами из одной сословной среды, нередко соседями, решая фактически одни и те же задачи, они часто конфликтовали, исходя из собственных представлений и отстаивая интересы определенной части помещиков уезда.

Примечания

1. *Архипова Т.Г., Румянцева М.Ф., Сенин Ф.С.* История государственной службы в России XVIII-XX века. М., 1999. С. 104.
2. Там же. С. 105-106.
3. *Булгарин Ф.В.* Чиновник // Дурные времена. Очерки русских нравов. СПб., 2007. С. 265-266.
4. *Оболонский А.В.* Государственная служба. М., 2000. С. 62.
5. Памятная книжка Курской губернии на 1860 год. Курск, 1860. С. 315-362. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).
6. *Корелин А.П.* Дворянство пореформенной России. 1861-1904. С. 292, 298.
7. Памятная книжка Курской губернии на 1860 год. С. 315-362. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).
8. Там же. С. 315-316.
9. *Шумилов М.М.* Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х гг. XIX века. М., 1991. С. 114.
10. *Минаков А.С.* Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Центрально-Черноземного центра второй половины XIX – начала XX вв.). С. 86.
11. *Шумилов М.М.* Указ. соч. С. 18,89.
12. *Шепелев Л.Е.* Титулы, мундиры, ордена. Л., 1991. С. 115.
13. Памятная книжка Курской губернии на 1860 год. С. 315-362. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).
14. Там же.
15. *Дубровин Н.Ф.* Русская жизнь в начале XIX века // Русская

старина. 1899. Т. 97. № 3. С. 565-566.

16. *Шепелев Л.Е.* Указ. соч. С. 129-130.

17. Там же.

18. *Ржевская Н.П.* Личные воспоминания и все слышанное. Тула, 2010. С. 87-88.

19. *Энгельгардт А.Н.* Из деревни: 12 писем. М., 1937. С. 24-25.

20. *Терпигорев С.Н. (Атава С.).* Оскудение // Собрание сочинений. Т. I. Ч. I. С. 84-85, 88-90.

21. *Архипова Т.Г., Румянцева М.Ф., Сенина А.С.* Указ. соч. С. 114-115.

22. Там же. С. 115-116.

23. Список чинам гражданского, военного и духовного ведомств в Курской губернии. Курск, 1871. С. 1-33.

24. Там же. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).

25. ГАКО. Ф.1. Оп. 1. Д. 2184. Л. 4.

26. ГАКО. Ф.1 Оп. 1. Д. 1210. Л. 6.

27. Воронежские губернские ведомости. Официальная часть. 1873. № 22. 21 марта.

28. *Нартова-Бочавер С.* Психология личности и межличностных отношений. М., 2001. С. 95.

29. Список чинам гражданского, военного и духовного ведомств в Курской губернии. С. 1-33. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).

30. Там же. С. 102. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).

31. Памятная книжка Курской губернии на 1894 год. Курск, 1894. С. 3-102. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).

32. Там же. С. 18.

33. *Шепелев Л.Е.* Указ. соч. С. 89.

34. *Волков С.В.* Российский офицерский корпус. М., 1993. С. 270.

35. Памятная книжка Курской губернии на 1894 год. С. 3-102. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).

36. Там же. С. 106-115. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).

37. ГАБО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 89. Л. 2; Д. 159. Л. 1.

38. Памятная книжка Воронежской губернии на 1894 год. Воронеж, 1894. Отд. IV. С. 1-35. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).

39. Там же. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).

40. Там же. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).

41. Там же. С. 63-66. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).
42. Там же. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).
43. *Ильин А.В., Карамышев О.М.* Юридические основания сословных корпораций дворянства в великорусских губерниях Российской империи // История российских дворянских организаций и учреждений, их сегодняшнее состояние и перспективы развития. Второй научный семинар С.-Петербургского дворянского собрания. СПб., 1996. С. 6.
44. *Иванова Н.А., Желтова В.П.* Сословное общество российской империи (XVIII – начало XX века). М., 2009. С. 195.
45. Там же. С. 195-196.
46. *Корелин А.П.* Указ. соч. С. 132.
47. *Дружинин Н.М.* Просвещенный абсолютизм в России // Избранные труды. Социально-экономическая история России. М., 1987. С. 256-257.
48. *Ильин А.В., Карамышев О.М.* Указ. соч. С. 8.
49. *Богословской М.М.* Учреждение об управлении губерний и жалованные грамоты Екатерины II // Три века. Т. IV. М., 1992. С. 533; *Корелин А.П.* Указ. соч. С. 133; *Ильин А.В., Карамышев О.М.* Указ. соч. С. 9.
50. *Корелин А.П.* Указ. соч. С. 138, 140.
51. ГАКО. Ф.1. Оп. 1. Д. 5960. Л. 5-7.
52. *Барон Корф С.А.* Дворянство и его сословное управление за столетие 1762-1855 годов. СПб., 1906. С.450.
53. ГАВО. Ф. 29. Оп. 129. Д. 30. Л. 3-4; Ф. 29. Оп. 130. Д. 26. Л. 4-6; Ф. 29. Оп. 139. Д. 165. Л. 6-7; *Любимов.* Предводители дворянства всех наместничеств, губерний и областей Российской империи. СПб., 1911. С. 18.
54. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5960. Л. 10.
55. *Савелов Л.М.* Из воспоминаний. 1892-1902. Воронеж, 1996. С. 102; ГАВО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 384. Л. 1-5.; Оп. 140. Д. 105. Л. 2-3.
56. *Ильин А.В., Карамышев О.М.* Указ. соч. С. 14.
57. Там же.
58. *Савелов Л.М.* Указ. соч. С. 83-85.
59. *Минаков А.С.* Указ. соч. 160-161.
60. Там же. С. 160; Губернии Российской империи. История и

руководители. 1708-1917 / отв. ред. *Б.В. Грызлов*. М., 2003. С. 88, 150, 240, 410, 423, 438, 446.

61. *Минаков А.С.* Указ. соч. С. 160-166.

62. Настольная книга для уездных предводителей дворянства. Т. I. СПб., 1902. С. 20, 79, 95.

63. *Василич Н.* Из былой жизни провинциального города // Русская мысль. 1903. Кн. I. С. 68.

64. Там же . С. 71.

65. Воронежские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1862. № 2.

66. Настольная книга для уездных предводителей дворянства. С. 26-27.

67. *Корелин А.П.* Указ. соч. С. 237, 243; РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1091. Л. 17-18.

68. Настольная книга для уездных предводителей дворянства. С. 37-38.

69. *Василич Н.* Указ. соч. С. 83-84.

70. *Ильин А.В., Карамышев О.М.* Указ. соч. С. 13.

71. *Савелов Л.М.* Указ. соч. С. 85-88.

72. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2215. Л. 11.

73. ГАКО. Ф.1. Оп. 1. Д. 2215. Л. 20, 22.

74. Настольная книга для уездных предводителей дворянства. Т.1. С. 58-59.

75. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4638. Л. 1.

76. ГАКО. Ф.1. Оп.1. Д. 4638. Л. 3.

77. ГАКО. Ф. 1436. Оп. 1. Д. 10. Л. 25-30.

78. *Корелин А.П.* Указ. соч. С. 154.

79. ГАКО. Ф. 448. Оп. 18. Д. 1903. Л. 82 об.-83.

80. *Кулабухов В.С.* Сословные капиталы курского дворянства и их источники в пореформенный период // Материалы Международной научно-практической конференции «Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура». Белгород, 1998. С. 68-69.

81. Там же.

82. ГАВО. Ф. 29. Оп. 139. Д. 165. Л. 2-3; ГАКО. Ф. 1436. Оп. 1. Д. 14. Л. 19 об.

83. РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. Д. 64. Л. 18-19.

84. Там же.
85. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2892. Л. 2; Ф. 1281. Оп. 6. Д. 38. Л. 4.
86. *Кулабухов В.С.* Указ. соч. С. 69.
87. ГАКО. Ф. 1436. Оп. 1. Д. 14. Л. 29 об.- 30.
88. ГАКО. Ф. 1436. Оп. 1. Д. 14. Л. 17 об.-18.
89. ГАКО. Ф. 1436. Оп. 1. Д. 14. Л. 19 об.-28.
90. ГАКО. Ф. 448. Оп. 18. Д. 1903. Л. 82 об.-83.
91. Земское самоуправление в России. 1864-1918. Кн. 1. 1864-1904 / отв. ред. *Н.Г. Королева*. М., 2005. С. 187.
92. *Зак Л.* Реформа земского представительства (к характеристике земских взглядов) // *Русская мысль*. 1905. Кн. X. С. 64-65.
93. *Щербина Ф.* Воронежское земство. 1865-1889. Воронеж, 1891. С. 53.
94. Там же. С. 54-55.
95. Реформы Александра II / сост. *О. И. Чистяков, Т. Е. Новицкая*. М., 1998. С. 219-220.
96. *Щербина Ф.* Указ. соч. Прил. С. 4-7. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).
97. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2107. Л. 6-33. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).
98. *Веселовский Б.* К вопросу о классовых интересах в земстве. СПб., 1905. С. 56-60.
99. *Щербина Ф.* Указ соч. Прил. С. 4-7. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).
100. Там же. Прил. С. 4-9. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).
101. *Попов П.А.* Городское самоуправление Воронежа. 1870-1918. Воронеж, 2006. С. 347-348.
102. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2353. Л. 37-51. (Подсчитано нами. – *В.Ш.*).
103. Памятная книжка Воронежской губернии на 1894 год. Отд. IV. С. 7.
104. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2170. Л. 22 об.
105. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3148. Л.7.
106. ГАКО. Ф.1. Оп. 1. Д. 3148. Л. 12.
107. *Щербина Ф.* Указ. соч. С. 84.

108. Там же. С. 77.
109. *Плетнев И.Т.* Воспоминания шестидесятника. В Курской губернии // Наша старина. 1915. № 11. С. 1067, 1069.
110. *Шаповалов В.А.* Корпоративное представление провинциального дворянства о сословном характере управления земствами в 60-80-х гг. XIX века // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск, 2008. Вып. XIX. С. 62.
111. ГАКО. Ф.1. Оп. 1. Д. 2107. Л. 6-33.
112. *Двухжилова И.В.* Социальный состав Тамбовского земства (1865-1890 гг.). Тамбов, 2003. С. 46.
113. ГАКО. Ф.1. Оп. 1. Д. 2353. Л. 212-226.
114. Памятная книжка Курской губернии на 1894 год. С. 3-102.
115. Земское самоуправление в России. 1864-1918. Кн. 1. 1864-1904. С. 194.
116. Там же. С. 194-195.
117. *Щербина Ф.* Указ. соч. С. 255.
118. Там же. С. 257-258.
119. Там же. С. 646-647.
120. Сборник постановлений Курского губернского земского собрания. Курск, 1893. С. 531.
121. *Соловьева Л.М.* Промышленная революция в России в XIX в. М., 1990. С. 136-137.
122. *Щербина Ф.* Указ соч. С. 651.
123. Сборник постановлений Курского губернского земского собрания. С. 621, 633, 637.
124. Там же. С. 1610.
125. *Варб Е.* Вопрос о наемных рабочих в сельском хозяйстве. С. 161.
126. Сборник постановлений Курского губернского земского собрания. С. 1587.
127. Там же. С. 1618-1619.
128. Сборник постановлений Курского губернского земского собрания. С. 1606.
129. Сборник постановлений Курского губернского земского собрания. С. 1606.
130. *Белоконский И.П.* Народное начальное образование в

Курской губернии. Курск, 1897. С. 195; Текущая школьная статистика Курского губернского земства за 1901-1902 учебный год. Курск, 1902. С. 26.

131. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6910. Л. 28-152.

132. Там же; *Пирумова Н.М.* Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе. М., 1986. С. 130.

133. *Проскурякова Н.А.* Россия в XIX веке: государство, общество, экономика. С. 520.

134. ГАКО. Ф. 1. Д. 6440. Л. 45-45 об.

135. *Шаповалов В.А., Шаповалова И.В.* Уездный предводитель дворянства в структуре местного управления в пореформенной России // Российская империя в исторической ретроспективе. Сборник трудов V Международной научной конференции. Белгород, 28-29 января 2010 г. Белгород; Чернигов, 2010. С. 156.

136. *Зырянов П.И.* Социальная структура местного управления. 1864-1914 гг. // Исторические записки. Т. 107. М., 1982. С. 275; *Новиков А.* Записки земского начальника. СПб., 1899. С. 113.

137. Настольная книга для уездных предводителей дворянства. Т.1. С. 37-38; *Шаповалов В.А.* Дворянство Центрально-Черноземного региона России в пореформенный период. С. 209.

138. *Корелин А.П.* Дворянство пореформенной России. 1861-1904. С. 221.

139. Наше время. № 10. 14 января 1862.

140. *Витте С.Ю.* Самодержавие и земство. Stuttgart, 1901. С. 3-4.

141. *Корелин А.П.* Указ соч. С. 209.

142. Там же. С. 209-210.

143. *Веселовский Б.* К вопросу о классовых интересах в земстве. С. 1-2.

144. *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1865-1867. М., 2005. С. 46-47.

145. *Савелов Л.М.* Из воспоминаний. 1892-1902. С. 56.

146. *Пазухин А.* Современное состояние России и сословный вопрос // Русский вестник. 1885. Т. 175. С. 16, 20-21.

147. *Двухжилова И.В.* Указ. соч. С. 111-135.

148. Свод законов Российской империи. 1912. Т. IX. Ст. 113, 118, 300.
149. Там же. Ст. 300.
150. Там же. Ст. 382, 384; Справочная книга для уездных предводителей дворянства. С. 3.
151. *Князь Голицын А.Д.* Воспоминания. М., 2008. С. 148.
152. *Урусов С.Д.* Записки. Три года государственной службы. М., 2009. С. 159.
153. *Князь Голицын М.В.* Мои воспоминания. 1873-1917. М., 2007. С. 207.
154. *Князь Борис Васильчиков.* Воспоминания. Псков, 2003. С. 37.
155. *Новиков А.* Записки земского начальника. СПб., 1899. С. 133-134.
156. *Урусов С.Д.* Указ. соч. С. 160.
157. *Авеский В.А.* Земство и жизнь (записки председателя земской управы) // Исторический вестник. 1912. Т. 1. С. 158.
158. Реформы Александра II / сост. *Чистяков О.И., Новицкая Т.Е.* М., 1988. С. 212-213.
159. *Терпигорев С.Н. (Атава С.).* Оскудение // Собрание сочинений. Т. 1. Ч.1. С. 335.
160. Земское самоуправление в России. 1864-1918. Кн. 1. С. 265.
161. *Шатохин И.Т.* Указ. соч. С. 56.
162. *Савелов Л.М.* Указ. соч. С. 56.
163. *Князь Борис Васильчиков.* Указ. соч. С. 89.
164. ГАТО. Ф. Р 5328. Оп. 1. Д. 7. Л. 23.

III. ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ ДВОРЯНСКОГО УСАДЕБНОГО МИРА

3.1. СОЦИАЛИЗАЦИЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ В ПОМЕСТНОЙ ДВОРЯНСКОЙ СЕМЬЕ

Мир детства, имеющий в любой сословной общности определенные отличия, традиции, жизненные циклы, являлся и является одним из критериев эволюционных или радикальных изменений в повседневной жизни общества. К тому же, «детство» – понятие исторически, культурно и этически обусловленное – традиционализм в воспитании и образовании подрастающего поколения имел место на относительно длительном этапе развития конкретной сословной общности, любые новшества или существенные изменения приводили не только к эволюции уклада сословной жизнедеятельности, но и повседневной жизни: её ритма, содержания.

Забота взрослых о будущем поколении «благородных» начиналась еще до рождения ребенка. Если беременная женщина-дворянка принадлежала к верхним стратам своей сословной корпорации и проживала в городе, то её отправляли в сельскую усадьбу, где, как считалось, был более чистый воздух, имелись натуральные продукты, отсутствовала светская суэта. В поместье беременную дворянку окружали особым комфортом и вниманием, служащий муж старался навещать её как можно чаще. В мелкопоместной среде, исходя из объективных обстоятельств, подобного отношения к беременной не было. Женщина исключалась из хозяйственной сферы настолько, насколько ей позволяли срок беременности и неотложности семейной экономики. В нижних подгруппах мелкопоместной страты (до 10 дес. или 1-3 ревизские души) протекание беременности у помещицы вряд ли чем отличалось от протекания беременности у крестьянки средней руки: и той, и другой приходилось заниматься хозяйством.

Беременность, по сравнению с другими аспектами женской дворянской повседневности, слабо репрезентирована в мемуарной литературе. В лучшем случае о ней просто упоминалось в письмах

и мемуарах, в большинстве текстов она вообще игнорировалась и сразу констатировался факт рождения ребенка. О том, чтобы специально описывать протекание беременности, связанные с этим переживания, изменения самочувствия, речи не шло, за редчайшим исключением (А.П. Керн, А.Г. Достоевская). Связано это было со следующими причинами: с одной стороны, сами женщины на фоне часто (в отдельных случаях, постоянно) повторяющихся беременностей не видели в них ничего особенного и поэтому специально не акцентировали на них внимание в своей переписке или воспоминаниях. С другой стороны можно предположить, что дворянки, в силу «деликатности вопроса», табуировали беременность. Складывается впечатление, что российские дворянки XVIII – середины XIX в. просто старались «не замечать» своих беременностей, понимая, что это состояние, как и сопряженные с ним физические, и часто моральные, страдания – неизбежность¹.

Граница, существовавшая между родителями и детьми в дворянских семьях, вычленяла детский мирок в самостоятельное целое, внутри которого дети устраивали себе, насколько могли, собственную жизнь. Если среди родителей был разлад, то эта граница становилась все более непроницаемой, во всяком случае, по отношению к одному из родителей, внося психологический дискомфорт в повседневную жизнь ребенка. В литературном этюде Е. Ардова «Графинюшка» хорошо показана такая психологическая граница в семье богатого дворянина: «...Граф Илья Ильич навещал свою семью редко, так редко, что графинюшка, в промежутках этих вынужденных денежными недочетами посещений, успевала почти забыть о самом существовании. Имя его никогда не произносилось графиней Юлией, и даже старушка-тетушка, втайне питавшая слабость к своему недостойному племяннику, все меньше и реже о нем говорила». После очередного отъезда отца имела место следующая сцена: «Девочка обернулась к матери, когда дверь за графом закрылась.

– Мама, – сказала она решительно, – папа злой.

– Нюта! – слабо останавливала её Юлия Сергеевна.

– Я не люблю его, – еще решительнее добавила девочка.

– Нельзя так говорить об отце, – тверже сказала Юлия Сергеевна.

– Не люблю, – упрямо повторяла Нюта. – Он тебя дразнит.

– Не говори о том, чего ты не понимаешь, – довольно строго заметила графиня.

– Отлично понимаю. Он нас не любит. – Девочка сердитыми глазами взглянула на мать»².

Подобные картины фактически раздельной жизни родителей и детей в богатых дворянских семьях были не редкостью: один из родителей жил за границей или в столице, второй – устраивал свою жизнь по собственному усмотрению, уделяя мало времени детям.

Дворянские семьи почти всегда были не только многодетны, но и многочисленны и построены, по меткому определению В.М. Боковой, в четком соответствии с «монархическим принципом». Возглавляли семью родители – отец и мать – «цари» этого маленького мирка. Помимо родителей и их детей в доме часто жили незамужняя сестра отца или матери и молодые холостые братья, вдовы или незамужние тетки и т.п. Все они напоминали «августейшее семейство». Ниже на иерархической лестнице стояли домочадцы – всевозможные бедные родственники. В богатых семьях в числе домочадцев были и различные компаньонки и чтицы матери, а также воспитанницы, бонны, гувернеры и гувернантки, жившие в доме учителя и т.п. Все они составляли «свиту» хозяев дома. Далее следовала прислуга (дворня), игравшая в домашнем мире роль «двора», а в самом низу иерархической лестницы находились «подданные» – крестьяне, которые пахали землю, платили оброк и обеспечивали существование остальных социальных категорий усадьбы³.

Наиболее близким человеком из «двора» для ребенка в богатых и средней руки дворянских семьях была няня, которую нередко, взрослея, отпрыски благородных фамилий вспоминали с большей теплотой, чем собственных родителей. Именно женщины-крестьянки, заменявшие в известном смысле матерей маленьким барам, были единственными безоговорочно принимаемыми и позитивно оцениваемыми практически всеми авторами мемуаров.

Няня оказывалась тем человеком, с кем дворянские дети проводили большую часть времени в детстве⁴, она и была олицетворением повседневной доброты и заботы для ребенка. Курский по-

местный дворянин А. Марков с особой нежностью вспоминал свою няню: «Марья Григорьевна, в руки которой я попал, будучи отнятым от материнской груди, жила у нас несколько десятков лет. Она была из крепостных крестьян моего деда, чем очень гордилась и ставила на вид всей остальной прислуге, что она не “чужая”, а своя “спокон веков”. У нас в семье она была окружена всеобщим уважением. Никому в голову не приходило её называть “няней”», уже не говоря “нянькой”, а только ласково-почтительно “нянюшкой»⁵. Маркову вторит Л.Е. Оболенский, описывая свое детство в родовом гнезде Курской губернии: «Моя старая няня – превосходная, любящая и светлая женщина. Она доводила свою заботливость обо мне до того, что, например, часто зазывала меня в чулан, где стояло варенье, и кормила меня этим вареньем буквально столовыми ложками. Малейшее мое желание, а тем более огорчение, принималось ею так близко к сердцу, что она причитала надо мною со слезами на глазах ...»⁶. В весьма редких воспоминаниях можно найти негативные отклики о своей няне. Например, Е.М. Новоселова отмечала: «До пяти лет колотила меня наемная нянька в отсутствие матери, но когда это открылось, её прогнали»⁷.

Дворянского ребенка с самого начала жизненного пути, независимо от страты, приучали к мысли, что он принадлежит к «августейшей фамилии» усадьбы, и это непрестанно подчеркивалось всеми нижестоящими категориями «подданных». Данная жесткая и сложно структурированная внутриусадьбная иерархия, в первую очередь, была характерна для верхних страт дореформенного помещичьего дворянства, после отмены крепостного права внутриусадьбная социальная вертикаль прислуги стала постепенно сокращаться. В мелкопоместной дореформенной среде, особенно в её нижних подгруппах, количество звеньев этой вертикали были сведены до минимума, ограничиваясь 1-2 дворовыми. Дети дворян и крепостных крестьян в мелкопоместной усадьбе находились в прямой взаимосвязи, нередко проживая под одной крышей. В качестве примера жизненного пространства беднейших дворянских семей приведем имение Савенковых Щигровского уезда Курской губернии (данные на 1842 год). В усадьбе было 29,5 дес. земли и одна ревизская душа. Строение представлено «жилым домом об одной

комнате, разного леса, с потолком дощатым, без моста (т.е., видимо, без пола), с кирпичной печью», людской избой и тремя пунями. Обстановка господского дома состояла из двух икон, стола с ящиками и двух стульев⁸. Уровень жизни, воззрения и социальные претензии, ожидания хозяев подобных имений ближе были к крестьянским, включая и вопросы воспитания своих детей, большая часть времени которых проходила в хозяйственных делах и играх с крестьянскими сверстниками⁹. Образовательный уровень детей нижних подгрупп мелкопоместной страты дворян был ненамного выше, чем у крестьянских ребятишек. Е.Н. Водовозова, характеризуя образовательный и культурный уровень мелкопоместного дворянства, отмечает: «Книг в их домах, кроме сонника и иногда календаря, не существовало, чтением никто не занимался, и свое безделье они разнообразили сплетнями, игрою в «дурочка» и «мельники» и поедом ели друг друга ... Эти грубые, а часто и совершенно безграмотные люди постоянно повторяли фразы вроде следующих: «Я столбовой дворянин!»»¹⁰. Специфика жизнедеятельности в мелкопоместной усадьбе, близость к крестьянскому быту, отсутствие признаков культуры и образованности, характерных для представителей верхних страт благородного сословия, включенность детей мелких помещиков в хозяйственную деятельность с ранних лет накладывали отпечаток на их внешний вид, манеры общения. Последнее шокировало «культурную» часть дворянства. С.Н. Терпигорев (С. Атава) описывает встречу с юношей и девушкой из мелкопоместной семьи: «А то встретится, бывало, в тележке парой целая семья таких помещиков. Сам глава семьи сидит на облучке и правит, а в тележке жена, дети и с ними, в качестве няньки, какая-то баба.

Но особенно возмутительное чувство, с дворянской точки зрения, вызывали их дети, бывшие уже на возрасте. Сыновья по виду и по всему – совершенно конюхи, охотники из псовой охоты, дочери – поповны, мещанки подгородные, горничные.

Старики были все-таки приличнее как-то, вежливее, умели хоть заискивать, эти были совершенно дички: при встречах притаивались, прятались за сидевших с ними мужиков, вообще старались избегать всех встреч и точно боялись, чтоб с ними не заговори-

ли»¹¹. Примечательно сравнение младшего и старшего поколений мелкопоместных дворян, явно не в пользу первого. Старшее поколение, с точки зрения представителей верхних страт помещиков, отличалось хоть какой-то вежливостью и учтивостью, а их дети – «дички», – избегали общения, стесняясь самих себя, понимая, что они не равня верхам своего сословия. То есть налицо определенная тенденция к деградации мелких помещиков, что наглядно демонстрирует социальное «вырождение» их детей.

Почти единственным выходом для детей помещиков из замкнутого круга мелкопоместного захолустья было воспитание у богатых родственников, соседей или устройство ими такого ребенка в закрытое учебное заведение. Е.А. Сабанеева в своих воспоминаниях описывает отправку в институт семьей князей Оболенских дочери Ольги умершего бедного помещика Бочкарева, при этом она подчеркивает внешнюю «недворянность» данной девочки: «Оленька была худая, бледная белокурая девочка, заморенная нуждой, дикая и застенчивая»¹². В романе А.А. Потехина «Бедные дворяне» показана мотивация родителей – мелких помещиков, отдающих своих детей на воспитание богатым соседям. Мелкопоместный дворянин Никанор Александрович Осташков, не имевший ни одной крестьянской души, безграмотный, еле-еле сводивший концы с концами, в разговоре с отставным генералом Николаем Андреевичем приводит доводы в пользу своего такого решения:

«– Ну, да тебе-то еще простительно: тебе все в невидаль... Ну, а что же, ты отдаешь свою дочь этой ... как её зовут?..

– Юлия Васильевна... что ли?

– Ну, да... все равно...

– Да, нечего делать, хочу отдать, батюшка Николай Андреевич.

– Что же ты думаешь: она может воспитать её, как следует, принести пользу...

– Уж это как Бог даст, Николай Андреевич... Что делать?... Бедность наша!... По крайности, то буду знать, что при месте, и в доме не в каком-нибудь, а в благородном...

– Жалко мне твоего ребенка, братец Осташков... Жалко, признаюсь!...

– Что же делать-то, благодетель... И самому жалко: тоже дочь... Да нечего делать-то!...

У меня бы, при моей бедности, и того бы хуже было...»¹³.

Осташков данный поступок мотивировал следующими соображениями: дочь обучится грамоте, хорошим манерам, к тому же, в его семье ртом будет меньше. Он осознавал, что, оставаясь при нем, дочка не выйдет за рамки крестьянского мировоззрения, культуры и социальных перспектив. Так же легко он расстался и с сыном.

Таким образом, повседневная социализация детей из мелкопоместных семей проходила совершенно иначе, чем детей верхних страт дворянства. С раннего детства они чувствовали свою социальную ущербность в рамках собственного сословия, крестьянские реалии для них были ближе, чем барская статусность. И это при том, что с раннего детства им ежедневно внушали мысль о высоком сословном происхождении, но жизненные реалии не согласовывались с этим статусом.

Далёким от классического образца было детство определенной части барчуков из средней страты. Беллетрист В. Гольцев, вспоминая свое детство в 50-е гг. XIX в., при переезде к родственникам матери – помещикам средней руки – в Тулу, рисует картины собственной повседневности, не вписывающиеся в устоявшиеся представления о достатке среднепоместного дворянства. В частности, он указывает: «Наши денежные дела шли все хуже и хуже. То учреждение, в котором служил отец, было упразднено. Он довольно долго оставался без места. Домик пришлось оставить и переселиться в убогую квартиру. Еще до переселения я поступил в гимназию ... Помню, в третьем или четвертом классе со мной случилась такая беда: отец не мог за меня внести плату за второе полугодие, и в гимназию перестали пускать. Отец, тем не менее, каждый день требовал, чтобы я шел в класс. Напрасно указывал я на бесполезность этих попыток. Приходилось покориться и уходить из дому, но куда? Весна стояла ранняя, теплая и ясная. Я уходил за город то в одну, то в другую сторону ...

Семейная обстановка становилась все печальнее во многих отношениях. Отец уехал на какое-то место. Мать и пятеро детей (я

старший) поселились в болотной улице, на холодной квартирке. В ней была одна довольно большая и очень уж холодная комната и другая – маленькая, где спала мать с четырьмя детьми. Я спал, по большей части, в кухне, рядом с большой комнатой, на печке. Перешел я в пятый класс, но ходить в гимназию не мог: не было ни сапог, ни выходного платья»¹⁴.

С долей большой вероятности здесь речь идет о выходцах из низшей подгруппы среднепоместной страты, граничащей со стратой мелких помещиков. Родители или другие ближайшие родные матери В. Гольцева не могли помочь его семье, находящейся на грани полной нищеты.

В семьях крупнопоместного дворянства с крестьянами дети почти не общались: те жили отдельно, в деревне, и появлялись на господском дворе лишь по праздникам или в каких-то особых случаях. В деревню детей возили довольно редко. Зато со всеми в доме им, так или иначе, приходилось общаться. И наиболее тесные связи возникали у дворянских детей с обитающими в доме и усадьбе крепостными – дворовыми людьми, которые и были для них главными представителями «народа». Дети помещиков верхних страт и дети дворовых проводили длительное время в совместных играх, где первые не только обогащали свои познания в народной речи, но и расширяли представления о реальной жизни крепостных крестьян, их социальных ожиданиях. Т.В. Пассек, вспоминая детство в сельской усадьбе, писала: «...Дворовые девочки натаскивали мне на стол с речки цветных камешков, из леса – цветов, моха, веток, из которых я строила сады и цветники»¹⁵. В ряде случаев времяпровождение барских детей, за рамками целенаправленного образовательно-воспитательного процесса, во многом было схоже с досугом крестьянских детей. Писатель И.А. Салов, принадлежавший к родовитой, но не очень богатой дворянской семье, вспоминал: «С братом Александром Александровичем я провел детство вместе, так как разница в годах между нами была незначительная – три с половиной года. Воспитывали нас на спартанский манер, почему мы и не хворали, по крайней мере, я, сколько мне помнится, дожив до старости, никогда серьезно не болел. Нас не держали в хлопках, и выросли мы не тепличными растениями, а просто-напросто таки-

ми же неизнеженными, какими растут крестьянские дети. Помню, что зимой нас одевали в заячьи шубки, крытые зеленым атласом, на ноги одевали валенки, а на голову ваточные шапки, крытые таким же зеленым атласом. В таких-то неприхотливых костюмах мы в трескучие морозы лазали по снежным сугробам, катались с ледяных гор и даже не чувствовали холода»¹⁶. Естественно, были случаи, когда дети в пылу игры проявляли свой «барский заквас» и помыкали, иногда колотили не только детей дворовых, но и самых старых слуг. Но это не приветствовалось в большинстве богатых дворянских семей, так как считалось неприличным и было ниже дворянского достоинства, поскольку непосредственный физический контакт разрывал непреодолимую границу между благородным и «двуногой крещеной собственностью». Как свидетельствовал граф М.Д. Бутурлин: «Не слышал я никогда, чтобы мой отец обозвал кого-либо дураком. Вспылит, бывало, но через две минуты все проходило, и тут же он подзовет для какого-нибудь приказания провинившегося человека: “Эй ты, голубчик, поди-ка сюда”, всем он говорил “голубчик”. Боже избави, чтобы мы, дети, осмелились сказать бранное слово кому-нибудь, а если кто из нас поднял бы руку в запальчивости, то велено было этим же нам отплатить... Чваниться с прислугой строжайше было нам запрещено. Не только что официанты и лакеи не обращались к нам по титулу, но и более почетные из них, как, например, камердинеры нашего отца, столовый дворецкий и буфетчик и, конечно, наши няньки, и старшая горничная нашей матери, называли нас запросто «Маша», «Саша», но никогда не забывались перед нами»¹⁷. Чваниться перед прислугой и грубить ей было запрещено и в значительно более скромной по положению семье Шеншиных. «Всякая невежливость с мой стороны к кому-либо из прислуги не прошло бы мне даром»,¹⁸ – вспоминал А.А. Фет.

В мелкопоместной среде все было наоборот. При каждом удобном случае, а то и вовсе без него, мелкий помещик неустанно подчеркивал своим 2-3 крепостным крестьянам, что он из «благородных».

В усадьбе мелкопоместного дворянина, особенно в низших подгруппах (до 10 дес. или 1-3 рев. души), личное пространство

крепостных крестьян постоянно нарушалось, так как в рамках мизерной усадьбы помещик и его крепостные находились в постоянном контакте. Другими словами, вся жизнь крестьянина была как на ладони. Поэтому и дети помещиков были включены непосредственно в повседневный быт взрослых, который из-за небольших размеров усадьбы нельзя было отгородить от детского мирка. Нередко через детей передавались приказания крепостным крестьянам. Чувство социального превосходства у детей из мелкопоместных семей вырабатывалось на фоне систематических унижений и притеснений крепостных крестьян. Во многом это было обусловлено общей низкой культурой мелкопоместных дворян. Н.А. Добролюбов, отмечая низкую культуру помещиков, подчеркивал: «Неограниченный произвол с одной стороны и безгласие – с другой развивались в ужасающих размерах среди этой беззаботной, пышной жизни на трудовые крестьянские гроши. Даже в тех поступках, которые происходили просто от радушия, веселости, от доброты сердца, наконец, и в них этот грубый произвол, это незнание меры своеволию в обхождении с людьми, которых и за людей не считали, выглядит подобно безобразному пятну на хорошей картине»¹⁹.

В силу того, что мелкопоместная страта дворян по своим параметрам довольно велика, уровень доходов, социальные претензии, быт и культура весьма разнились в отдельных подгруппах этой дворянской категории. В верхних подгруппах мелкопоместной страты, где няни из крестьянок были не редкостью, взаимоотношения господских детей и дворовых отличались от отношений в беднейших поместных усадьбах. Е.А. Лабзина, уроженка мелкопоместной среды, вспоминая свою няню, особо подчеркивает: «Когда она учила меня вышивать, то говорила: «Учись, матушка, может быть, труды твои будут в жизни твоей нужны. Ежели угодно будет Богу тебя испытать бедностью, то ты, зная разные рукоделия, не будешь терпеть нужды, и будешь доставать хлеб честным образом, и еще будешь веселиться. Ежели сердце твое будет невинно и совесть будет ничем не отягчена, то и труды будут казаться легки и за все будешь благодарить Господа твоего»²⁰. Смысл наставления няни состоит в том, что бедность – это жизненная реальность, и к ней надо готовиться с детства: учиться зарабатывать на хлеб честным

трудом, то есть своими руками. Примечательно, что няня-крепостная при этом резко противопоставляет честный труд, зарабатывание своими руками, и нечестный, за счет принудительного труда крепостных крестьян. Такие наставления вряд ли были бы возможны в дореформенной крупнопоместной семье, где понятие «труд» отождествлялось с умственной и административно-распорядительной деятельностью. Это показывает, что социализация дворянских детей протекала по-разному не только в разных стратах, но и в рамках одной отдельной страты. Естественно, здесь определенную роль играли и личные качества помещика, его культурный и образовательный уровень, но разнонаправленная векторность социализации была налицо, хотя всех детей помещиков и объединяло чувство принадлежности к высшей сословной корпорации.

Отличительной чертой дворянского сословия была его образованность, фактически недоступная в дореформенный период представителям других сословных сообществ. Это был своеобразный признак благородного человека, которым старались обладать, гордились им и неустанно демонстрировали окружающим. Необразованный дворянин терял многое, если не все, в кругу представителей собственной сословной корпорации. Поэтому родители-дворяне старались в детстве дать своим чадам хорошее образование. Понятие «хорошее образование» по-разному трактовалось в различных стратах дворянства, где характер, разносторонность и глубина образования были различными. В крупнопоместных семьях, помимо обязательного определенного набора общеобразовательных дисциплин, изучались несколько иностранных языков, музыка, танцы, верховая езда и т.д. Детям из беднейших мелкопоместных семей достаточно было знать азы чтения, письма и арифметики, так как многие из них вообще оставались безграмотными. В русской литературной традиции первой половины XIX в. мелкопоместные дворяне изображаются трудно поддающимися обучению, что показывает их изначальную интеллектуальную дистанцированность от дворян верхних страт. А.А. Потехин в романе «Бедные дворяне», описав необучаемость сына Коленки мелкопоместного дворянина Никанора Осташкова, показывает, что это не случайность – необучаемым был и сам отец: «Новоизобретенная,

упрощенная система Кареева никак не применялась к пониманию Никеша. Никеша старался из всех сил, напрягал все свои умственные способности, вслушивался, всматривался, ломал голову до поту, до приливов крови, но ничего не мог понять и запомнить. Образование слогов из двух отдельных звуков совершенно ставило его в тупик. Кареев же оказался на беду нетерпелив, взыскателен, кричал и горячился, ожидал скорых и блестящих успехов от своего ученика, а вместо того встречал тупоумие – и выходил из себя от досады и негодования. С каждым уроком Никеша чувствовал сильнее отвращение и тоску от ученья и страх перед своим наставником, а Кареев – озлобление и презрение к нему»²¹.

В первой половине XIX в. у дворянских отпрысков был довольно большой спектр возможностей получать образование: дома, в гимназиях, лицеях, частных пансионах, институтах благородных девиц, университетах и других узкопрофильных средних и высших учебных заведениях. Сам привилегированный сословный статус дворян предусматривал для них закрытые корпоративные учебные заведения, в которых их готовили не только к службе, но и к общественной жизни, прививая манеры и соответствующий стиль общения. Выбор образовательного учреждения или характера обучения зависел от семейных традиций, стремления к конкретной должности или профессии, уровня доходов семьи, пола учеников. Мальчики в большинстве случаев получали домашнее образование или обучались в военно-учебных заведениях, реже – в частных пансионах.

Военное поприще представлялось настолько естественным для дворян, что отсутствие военной службы в биографии должно было иметь какое-либо специальное объяснение: болезнь или физический недостаток, скупость родителей, не позволившую определить сына в гвардию (в соединении с фамильным чванством, отвергавшим слишком «низкую» карьеру армейского офицера, фамильные связи в дипломатическом мире). Большинство штатских чиновников или не служащих дворян имели в своей биографии хотя бы краткий период, когда они носили военный мундир²².

Девочки в основном учились дома или в закрытых институтах благородных девиц.

В российской провинции дореформенного периода, включая и

Центральное Черноземье, наиболее распространенным видом образования для дворянских детей было домашнее обучение. Это образование даже в рамках одной страты могло отличаться и по форме, и по сути. В богатых семьях домашнее образование детей могло проходить как индивидуально, для отпрысков одной семьи, так и «в складчину» для нескольких семей. Для этой цели нанимались гувернантки и домашние учителя, предпочтительнее иностранцы. Н.П. Ржевская, вспоминая свою бабушку Авдотью Дмитриевну, урожденную Головину, подчеркивала: «В то время помещики соединялись вместе, и нанимали в складчину учителей иностранцев, и учили всех детей вместе. Так было и у бабушки ... Бабушка была женщиной с твердым характером и что обещала, то делала и исполняла. Её серьёзная задача теперь была после деда воспитать хорошо своих детей. Она не жалела ни старания, ни денег и дала самое лучшее воспитание и образование для того времени. Она пригласила своего соседа Позняка учить своего сына Колю вместе с её детьми, и они в складчину наняли очень образованного немца Трейтлинга, который и жил две недели у бабушки и две недели у Позняка по очереди. В образовании тогда обращали внимание на языки, манеры, правописание французского и немецкого, географию и мифологию. На русский язык не обращали никакого внимания, так что мой отец писал безграмотно всю жизнь. Русский язык считался языком прислуги и только ...

Между тем бабушкины дети росли и делались уже взрослыми. В последнее время их преподавателем был профессор Monsieur Hennequin, и науки преподавались все, но только по-французски. Русская история и русский язык не преподавались вовсе как предметы низменные, годные только для прислуги»²³.

Как видно из отрывка воспоминаний Н.П. Ржевской, домашнее образование в богатой дворянской семье дореформенного периода давало внешний лоск, манеры, знание иностранных языков, но им полностью отвергались родная словесность и история.

Наряду с учителями, в богатых дворянских семьях домашним образованием детей занимались гувернантки, предпочтительно иностранного происхождения. Их обязанности были многообразны. Гувернантки должны были научить своих воспитанников правилам

хорошего тона: как вести себя за столом, как принимать гостей, вести светскую беседу и т.п. Учили рисованию, музыке, иностранным языкам, следили за здоровьем воспитанников (в том числе и душевным), за кругом чтения, организовывали проведение досуга.²⁴

Детской литературы в России первой половины XIX в. фактически не было. Поэтому в отдельных дворянских семьях для того, чтобы у детей была возможность читать красочно оформленные и интересные детские книги, выбирался для изучения английский язык, на котором они писались и издавались. Граф М.Д. Бутурлин отмечает: «В нашем семействе в употреблении был английский язык. Мать моя объясняла мне много позднее, что причиной выбора этого языка, на котором ни она, ни наш отец не говорили, было то, что в то время не было лучших книг для детского возраста, как английские. Даже французских было мало, и они были не настолько удовлетворительны, как английские, а о русских нечего и говорить. Правда, была у нас “Детская Библиотека”, из которой помню стихотворение, начинавшееся:

Хоть весною и тепленько,
А зимою холодненько...

И еще какая-то другая книжка с рассказами о прилежных детях, но эти книжки не имели ничего привлекательного для нас. “Детская Библиотека” была без всяких гравюр, а рассказы, хотя и с гравюрами, но лубочной работы, и вдобавок оба эти издания напечатаны на синей бумаге вроде нынешней оберточной. Английские же книжки, напротив, были изящно изданы и с раскрашенными картинками, а иные служили заменой игрушек. Там, например, было описание приключений одного мальчика в отдельно вырезанных при текстах картинках, представлявших костюмы всех случаев его жизни, для всех этих костюмов служила одна и та же головка, которая вставлялась во все туловища. Сначала мальчик был из низших, потом постепенно переходил в школьника, ремесленника, лакея богатого дома, купеческого приказчика и, наконец, превращался в богато одетого молодого человека. Выписывалось для нас из Англии по целому ящику подобных книжек и поучительных игрушек, и мы ждали с нетерпением их прибытия»²⁵.

Детское воображение поражало не только содержание книги, но и эстетическое её оформление.

В то же время необходимо отметить, что на рубеже XVIII-XIX вв. принципиально изменилось отношение к детской литературе. В России писать для детей первым начал Н.М. Карамзин в конце XVIII в. К «Московским ведомостям» прилагались листки его «Детского чтения для сердца и разума».

В XIX в. возникла модная романтическая традиция, в духе которой были написаны книга А. Погорельского «Черная курица, или Подземные жители» (1829 год), а также историческая повесть Ю. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1829 год). Под влиянием романтических идеалов складывался новый тип ребенка-дворянина – маленького рыцаря с обостренным чувством справедливости и непоколебимой доблестью. В 1837 году вышла «История России в рассказах для детей» А.О. Ишимовой, вызвавшая одобрение А.С. Пушкина. Дети с удовольствием читали её, узнавая много интересного о своей стране – от этногенеза славян до царствования Александра I. Но, как видно из воспоминаний Н.П. Ржевской, не во всех богатых дворянских семьях воспитывали детей на примере героев русской истории.

В 1843 году культовой книгой в дворянской среде становится роман «Робинзон Крузо» Д. Дефо с великолепными рисунками Ж.И. Гранвиля. В рассматриваемые годы в книжных шкафах дворянских усадеб появлялась отечественная классика, которая все больше занимала детские умы. П.П. Семенов-Тянь-Шанский о своем детском чтении вспоминал: «Все бывшие у нас литературные книги я читал много раз, прежде всего Пушкина, а затем всех предшествующих ему поэтов: Дмитриева, Державина, Ломоносова, басни Крылова, Хемницера, трагедии Озерова, “Душеньку” Богдановича и даже Тредиаковского, который меня очень забавлял»²⁶.

В целом же, подбор специальной детской и юношеской литературы на русском языке был невелик, и дворянские отпрыски познавали мир литературного слова в основном не на родном языке.

В менее зажиточных дворянских семьях учителями детей становились их родители, которые имели свободное время, а главное, необходимый образовательный багаж. «И отец, и мать занимались первым обучением своих детей, причем мать занималась преимущественно старшими дочерьми, отец же учил маленьких русской

грамматике и арифметике. В методах обучения обоих родителей сказывается их индивидуальный характер. Отец, пылкий и нетерпеливый, за прилежание и успех давал шоколадные лепешки, за невнимание и лень – щелчки. Мать обучала терпеливо и систематично, без лепешек и подзатыльников»²⁷, – отмечал современник, писавший свои воспоминания под псевдонимом С.Б. Примечательно, что в семьях более низких страт дворянского сословия русскую словесность считали обязательной для изучения детьми.

Приоритет домашнего образования детей в мелкопоместной среде был обусловлен недостатком финансовых средств на обучение и содержание своих отпрысков в закрытых сословных учебных заведениях. К тому же, не всегда имелись средства для найма домашних учителей, и в качестве их выступали старшие братья, сестры или другие родственники, так как родители были полностью погружены в хозяйственные дела, нередко сами работали в поле. Тем более что сами родители в мелкопоместных семьях не всегда были грамотны. Образовательные претензии в низших подгруппах мелкопоместных дворян не выходили за рамки аналогичных претензий крестьян, то есть за рамки обучения азам грамотности.

Низкий уровень домашнего образования в провинции во многом был обусловлен недостаточным профессионализмом самих учителей и гувернанток, гувернеров. Н.Л. Пушкарева справедливо отмечает: «...В провинции найти хороших преподавателей и учебников было почти невозможно, частные уроки предлагались порой всякими проходимцами – и русскими, и иностранными»²⁸.

А.С. Пушкин не был далек от истины, когда в своей записке «О народном воспитании», составленной в 1826 году, писал: «В России домашнее воспитание есть самое недостаточное, самое безнравственное; ребенок окружен одними холопами, видит одни гнусные примеры, своевольничает или рабствует, не получает ни каких понятий о справедливости, о взаимных отношениях людей, об истинной чести. Воспитание его ограничивается изучением двух или трех иностранных языков и начальным основанием всех наук, преподаваемых каким-нибудь нанятым учителем»²⁹.

Помимо домашнего обучения и воспитания, дворянские дети могли получить образование в государственных учебных заведениях

ях и частных пансионах. В рассматриваемый период все частные пансионы делились на три разряда в зависимости от сложности и качества учебной программы, уровня оплаты. Программа пансион первого разряда соответствовала программе мужских гимназий, второго – уездных училищ, третьего – предполагала обучение грамоте и счету.

Обучение в перворазрядных пансионах могли себе позволить только представители верхних страт дворянства, стоило оно весьма дорого. Обучение второго и третьего разрядов стоило значительно дешевле, и его могли себе позволить представители мелкопоместного дворянства, низших подгрупп среднепоместного дворянства. В столичных пансионах учебная деятельность контролировалась министерством просвещения, в провинции этот контроль отсутствовал, вследствие чего образовательный уровень в них желал много лучшего. Как отмечает современник, и в таких учебных заведениях нередко преподаватели были «не знающие даже тех предметов, которым учили»³⁰.

И в столицах, и в провинции многие пансионы открывались иностранцами, далекими от идеалов просвещения, главной целью которых была исключительно прибыль. Министр народного просвещения А.К. Разумовский в этой связи писал: «Все почти пансионы в империи содержатся иностранцами, которые весьма редко бывают с качествами для звания сего потребными. Не зная нашего языка и гнушаясь оным, не имея привязанности к стране, для них чужой, они юным россиянам внушают презрение к языку нашему, и охлаждают сердца их ко всему домашнему, и в недрах России из россиянина образуют иностранца. Сего недовольно: и для преподавания наук они избирают иностранцев же, что усугубляет вред, воспитанием их развиваемый, и скорыми шагами приближает к истреблению духа народного. Воспитанники их и мыслят и говорят по-иноземному: между тем не могут несколько слов сказать на языке отечественном»³¹.

Лицеи как особо привилегированные закрытые учебные заведения были недоступны для подавляющей части детей поместных дворян. Завершившие обучение в лицее дворяне получали те же права, что и выпускники университетов.

Системное, качественное и относительно доступное образование дворянские дети получали в гимназиях. Гимназии были открыты фактически в каждой губернии. В 1800 году в г. Курске была открыта губернская мужская гимназия, где изучались закон Божий, математика, физика, история, география, философия, латинский, немецкий и французский языки, пение, рисование и др. В 1809 году в ней насчитывалось 55 учащихся. В гимназиях мальчики и девочки обучались раздельно. Существовали классические и реальные гимназии. Дворянские дети в основном обучались в классических гимназиях, с гуманитарным профилем, где большое внимание уделялось «мертвым» языкам (латинскому и древнегреческому). В отдельных гимназиях к нерадивым ученикам применялись методы физического воздействия.

Так, В. Авсиенко, вспоминая гимназические годы предреформенного периода, писал: «Розга в четырех младших классах царствовала неограниченно, и лишь немногие из моих товарищей избегли вместе со мною знакомства с этим спорным орудием воспитания. Секли, главным образом, за единицы. Каждую пятницу дежурный гувернер выписывал из журнала всех получивших на неделе единицы или нули, а каждую субботу на первом уроке Василий Степанович (инспектор – *В.Ш.*) являлся в класс и кивком головы вызывал попавших в черный список. Товарищи провожали их умиленными глазами...»³². В ряде гимназий розги заменяли карцером.

Гимназия привлекала мальчиков из дворян и своей специальной формой, надев которую, они представляли себя чем-то похожими на офицеров. Особенно это было заметно в младших классах. Писатель И.А. Салов отмечает: «Экзамен продолжался недолго, а по окончании экзамена директор объявил матери, что я принят и чтобы она озаботилась: 1) остричь мне волосы и 2) обмундировать меня. Это последнее распоряжение директора пришлось мне крайне по сердцу, так как, насмотревшись на гимназистов, мне очень хотелось облечься в их форму. Тогда и форма была не та, что теперь. Тогда были и виц-мундиры, и мундиры, и куртки. Виц-мундиры шились на манер военных или студенческих, с красным стоячим воротником, серебряными петлицами и такими же красными обшлагами на рукавах с тремя пуговицами. Шинели у нас тоже были

на манер военных: с капюшоном и стоячим красным воротником, почему уличные мальчишки и дразнили нас красной говядиной. Тем не менее, однако, я был в восторге, обмундировавшись в это платье, корчил из себя какого-то военного офицера и гордо проходил мимо мальчишек ...»³³.

Как уже было сказано, значительная часть мелкопоместных дворян не могла себе позволить отправить в закрытые учебные заведения или гимназии своих детей. Не позволяли финансовые средства и образовательный багаж их детей, с которым нельзя было сдать вступительные экзамены в эти учебные учреждения. В этой связи, благодаря сословно-корпоративной солидарности, в провинции появляются учебные заведения для детей из бедных дворянских семей. Так, в г. Курске в 1831 году открылось училище для 50 детей из мелкопоместной среды. В качестве критерия приема сюда было владение не более 30 крестьянскими душами, но могло быть их больше, только при большом количестве семейства³⁴.

По подобию Смольного института благородных девиц в столице, в провинции открывались местные институты благородных девиц. В 1834 году тамбовское губернское дворянское собрание учредило тамбовский Александрийский институт благородных девиц. Была введена и бесплатная квота при поступлении в него, рассчитанная на дочерей из беднейших дворянских семей, по одному месту на уезд. В 40-е гг. XIX в. число учениц достигало 87. Открывались в провинции и частные женские пансионы. В 30-е гг. XIX в. определенной популярностью в г. Тамбове пользовался женский пансион госпожи Розалии Фитцум, швейцарской гражданки. В 50-е г. XIX в. широкую известность приобрел женский пансион кн. Е.И. Назаровой. Параллельно с пансионатами функционировала школа для приходящих девиц госпожи Полетаевой. Число воспитанниц в них было невелико, не более 20. Плата же за обучение для провинции была большой – от 100 до 200 руб. серебром в год³⁵. Для мелкопоместных семей эта сумма была слишком велика.

После отмены крепостного права, когда межсословная эмансипация становится доминирующей тенденцией, изменяется и характер социализации дворянских детей в сельской усадьбе. Сами средние и крупные дворянские усадьбы в пореформенный период,

в связи с модернизацией, превращались все больше в хозяйственные комплексы, куда привлекалось большое количество специалистов из крестьян, ремесленников, механиков и инженеров из городов. Дворянская замкнутость, степенность поместной сельской усадьбы уходили в прошлое. Значительная часть мелкопоместных усадеб экономически деградировала, разорилась, и их владельцы уже совсем ничем не отличались от соседей-крестьян, а нередко их уровень жизни был ниже, чем у последних. Все это и стало основой пореформенной социализации помещичьих детей, где имело место крестьянское мировосприятие.

В то же время, как в дореформенный, так и в пореформенный период сельский быт и связь с природой были неотъемлемой частью детского мира в поместной сельской усадьбе. В рассказе И.А. Бунина «Антоновские яблоки» молодой барчук вспоминает: «...Мне порою казалось на редкость заманчивым быть мужиком. Когда, бывало, едешь солнечным утром по деревне, все думаешь о том, как хорошо косить, молотить, спать на гумне в ометах, а в праздник встать вместе с солнцем, под густой и музыкальной благовест из села, умыться около бочки и надеть чистую замашную рубашку, такие же портки и несокрушимые сапоги с подковами. Если же, думалось, к этому прибавить здоровую и красивую жену в праздничном уборе да поездку к обедне, а потом обед у бородатого тестя, обед с горячей бараниной на деревенских тарелках и с ситниками, с сотовым медом и брагой, – так больше и желать невозможно.

Склад средней дворянской жизни еще и на моей памяти, – очень недавно, – имел много общего со складом богатой мужицкой жизни по своей домовитости и сельскому старосветскому благополучию. Такова, например, была усадьба тетки Анны Герасимовны, жившей от Выселок верстах в двенадцати»³⁶. В другом рассказе И.А. Бунина – «Далекое» – девятилетний сын помещика Ила после удачной охоты с отцом мечтает о своем будущем: «Ах, когда Ила вырастет, он будет самым счастливым человеком в мире! Он поселится на хуторе, будет жить только охотой, будет каждый день чистить кирпичом и промывать свое ружье, будет варить себе кулеш, спать возле порога дома на войлоке, а просыпаться в ту пору, когда едва-едва – брезжит зелено-серебристый рассвет...»³⁷.

Проецирование на себя в качестве желаемой социальной роли

роли зажиточного крестьянина, пусть и в воображении, для дворянских отпрысков среднего достатка явление новое, отражавшее процессы пореформенной межсословной эмансипации. Это своеобразное признание близости социальных статусов помещного дворянина и богатого крестьянина, которая в глазах молодого барина и являлась сутью самой деревенской жизни. В дореформенный период подобные ассоциации вряд ли были возможны. Во втором сюжете, где Ила мечтает жить неразрывной жизнью с окружающей природой, питаться её плодами, показано стремление дворянских детей социализироваться в рамках бытового помещичьего традиционализма: среди лошадей, охотничьих собак, полей и лесов.

Сама атмосфера сельской помещной усадьбы постоянно напоминала помещикам, что они принадлежат к сословной элите, а представители других сословных сообществ должны это чувствовать и постоянно подчеркивать. «Крепостного права я не знал и не видел, но помню, у тетки Анны Герасимовны чувствовал его. Въедешь во двор и сразу ощутишь, что тут оно еще вполне живо. Усадьба – небольшая, но вся старая, прочная, окруженная столетними березами и лозинами. Надворных построек – невысоких, но домовитых – множество, и все они точно слиты из темных дубовых бревен под соломенными крышами. Выделяется величиной или, лучше сказать, длиной только почерневшая людская, из которой выглядывают последние могики дворового сословия – какие-то ветхие старики и старухи, дряхлый повар в отставке, похожий на Дон-Кихота. Все они, когда въезжаешь во двор, подтягиваются и низко-низко кланяются. Седой кучер, направляющийся от каретного сарая взять лошадь, еще у сарая снимает шапку и по всему двору идет с обнаженной головой»³⁸.

Для оставшихся доживать свой век дворовых в помещичьей усадьбе время как бы остановилось еще в дореформенный период, и после отмены крепостного права в их взаимоотношениях с помещиком заметных изменений не произошло. Молодые барчуки воспринимали это как должное, видя в этом неразрывную связь прошлого и настоящего.

При этом большинство молодых помещных дворян стремились в города, в учебные заведения, значительная часть дворянских

юношей видела себя офицерами, а девушки стремились разорвать круг сельской монотонной повседневности. Но эти устремления были характерны для определенной части дворянской молодежи, и даже при выезде на длительные сроки за границу периодические приезды в родную усадьбу были непременным ритуалом. Помещичий традиционализм обязывал поддерживать данную связь. В рассматриваемом контексте, М.Е. Салтыков-Щедрин, описывая жизненную ритмику крупных поместных дворян начала пореформенного периода, отмечает: «Живет себе владелец припеваючи в столице или за границей и много-много ежели на месяц, на два заглянет летом с семьей в усадьбу, чтоб убедиться, все ли на своем месте, не кривит ли душой управляющий и в порядке ли сад.

Но, кроме того, есть и еще соображение: эти посещения напоминают детям, что они – русские, гувернерам и гувернанткам, их окружающим, что в России возможна своего рода *Vie de chateau* (жизнь в замке). Дети заходят в деревни и видят крестьянских детей, о которых им говорят: «”Они такие же, как и вы!”»³⁹.

Фамильный замок – родовое поместье для молодых выходцев из помещичьей среды, если они покинули его, продолжало оставаться определенным жизненным якорем, на который можно было бы опереться в случае серьезных жизненных штормов. Тем более, в большинстве случаев, финансовая поддержка молодых дворян осуществлялась исключительно за счет доходов с имения. Здесь, также, необходимо учитывать, что во второй половине XIX – начале XX в. по законам Российской империи родительская власть простиралась на детей обоего пола и любого возраста. Изменение положения детей приводило лишь к ограничению личной родительской власти, но никак не к её отмене. В качестве ограничителей признавались: 1) поступление детей в общественное училище, «начальство коего заступает тогда по их воспитанию место родителей»; 2) определение детей на службу, «когда, вступая в новые отношения и получая через то новые обязанности, они не могут уже оставаться в прежней непосредственной от родителей зависимости»; 3) выход дочерей замуж, «поелику одно лицо двум неограниченным властям, каковы родительская и супружеская, совершенно удовлетворить не в состоянии, и дочь, оставившая дом свой и

прилепившаяся к мужу, не может быть подвержена повиновению родителей в такой же мере, как другие, находящиеся при них дети»⁴⁰. То есть, став взрослыми, дети обязаны были по закону повиноваться родителям, хотя уже и не в прежней мере.

Несмотря на жесткий традиционализм, даже в определенной степени патриархальность отношений, в дворянских поместных семьях в пореформенный период наметилась либерализация внутрисемейных отношений между мужем и женой, родителями и детьми. В отдельных семьях в глазах детей родители уже не имели того морального авторитета, который был раньше. Во многом это было обусловлено процессом женской эмансипации в пореформенной России. «Абсолютная ценность института брака была подвергнута переоценке, причем сделано это было не мужчинами, а женщинами. Супружеские измены всегда шли рука об руку с браком, но адюльтер был дополнением к нему и, как правило, не покушался на святость самих брачных уз. Теперь же покров лицемерия был сдернут. И дело не только в том, что в пореформенной России эмансипированные женщины стали охотно вступать в гражданский брак. Замужние дамы, ранее не мыслившие свою жизнь вне брака, открыто стали уходить от мужей. Причиной далеко не всегда было наличие любовника. Если брак переставал устраивать женщину, то она решительно рвала его освященные церковью узы – и мужчины с ужасом для себя обнаруживали, что они ничего с этим сделать не могут Семья перестала быть крепостью, за толстыми стенами которой можно было надежно укрыться от любых социальных невзгод, бушевавших во всем остальном мире. Именно такое представление было выработано золотым веком русской дворянской культуры»⁴¹. Дети видели эти перемены в семьях, эмоционально пропускали их через себя, со временем перенимая ту фальшь, недоверие и ненависть, которые царили в отношениях их родителей. Став взрослыми, они сами привносили в свои семьи те «радости», с которыми они познакомились в детстве и юности. Данный процесс набирал обороты. В 1841-1859 гг. число разводов в Европейской России, допущенных православной церковью, составляло 770, а в 1905-1912 гг. – 19 296, или в 25 раз больше⁴². При этом процент разводов за прелюбодеяние одной из сторон за указанный период

увеличился с 4 до 97,4⁴³. Аура семьи и детского мира менялась несомненно.

Отношение к родовому поместью, взгляд на него, как на «сокровищницу» фамильных традиций, специфика и тенденции во внутрисемейных отношениях у молодых помещиков отличались в зависимости от их принадлежности к определенной страте дворянского сословия. Тут особняком стояли представители мелкопоместного дворянства, особенно, его нижних подгрупп, имевшие до 10 дес. на усадьбу. Как было показано выше, в этой страте помещиков хозяйственная деградация являлась жестокой реальностью. В связи с чем М.Е. Салтыков-Щедрин писал: «Что касается до мелкопоместных дворян, то они уже в самом начале крестьянской реформы почти совсем исчезли с сельскохозяйственной арены. Продали оставшиеся за наделом отрезки крестьянам позажиточнее (из них в скором времени образовались мироеды) и разбежались куда глаза глядят. Вообще судьба этих людей представляет изрядную загадку: никто не следил за их исчезновением, никто не помнит об них, не знает, что с ним случилось. Такого-то видели в Москве – «совсем обносился»; такого-то встретили на железной дороге – в кондукторах служит. А большинство как в воду кануло. Во всяком случае, эта помещичья разновидность встречается в настоящее время как редкое исключение»⁴⁴.

Поэтому в мелкопоместной среде социализация подрастающего поколения проходила уже нередко в рамках крестьянского традиционализма. «Освобождение крестьян мало изменило жизнь этой группы дворян, потому что они редко владели более чем несколькими душами. В конце 1890-х гг. из Курской губернии, и не только из неё одной, сообщали о целых деревнях, населенных потомственными дворянами, которые носили одну фамилию и хозяйствовали на земле, которая некогда представляла собой большое имение, а потом в течение многих поколений земля дробилась на все более мелкие участки... В таких деревнях дворяне жили как крестьяне, даже нанимаясь на сельскохозяйственные работы к живущим по соседству более состоятельным землевладельцам, среди которых случались и люди “простого” происхождения. Особое совещание по делам дворянского сословия подтвердило существование, осо-

бенно в западных и черноземных центральных губерниях, таких групп дворян: «... Сотни дворянских семей, безграмотных, превратившихся в простых хлебопашцев»⁴⁵. В подобных дворянских семьях, где доминировали крестьянский быт и труд, социальные притязания и надежды, социализация детей проходила за рамками классического дворянского воспитания, приближаясь к крестьянскому образцу. Необходимо отметить, что эта тенденция отчетливо проявлялась в дореформенный период, а в пореформенный – значительно усилилась.

В верхних подгруппах мелкопоместной, среднепоместной и крупнопоместной страт дворянства социализация подрастающего поколения неразрывно была связана с культурой чтения. Чтение было неотъемлемой частью дворянского воспитания и образования. Во многом это было связано с тем, что таким образом культивировалась крепость родственных отношений и семейное чтение служило способом общения, созданию общих духовных интересов, потребностей. С другой стороны, благодаря чтению, в семье закладывались основы нравственного и духовного здоровья, которое являлось определяющим в жизни дворянина. К тому же, мало читающий дворянин в собственной корпорации выглядел необразованным, лишенным светского лоска человеком, в какой-то степени недостойным иметь социальный статус благородного.

Росту интереса в детской среде к чтению способствовало появление в 60-е гг. XIX в. на книжном рынке издателей, специализирующихся на выпуске детской литературы. Одним из них был М.О. Вольф, книги которого отличались высоким полиграфическим качеством и были очень дорогими, поскольку печатались при содействии европейских фирм. Его классическим изданием стали «Волшебные сказки» Ш. Перро с иллюстрациями Гюстава Доре, переведенные с французского языка И.С. Тургеневым (1867 год). В 1880 году Вольф выпустил увлекательный азбучный пасьянс на карточках, наподобие карточных колод. Издатель неплохо разбирался в детской психологии, и, несомненно, принимал во внимание стремление детей подражать взрослым: игра в карты в дворянских семьях была настоящей страстью. «Товариществом Вольф» издаются популярные «Голубая», «Розовая» и «Золотая» библиотеки,

включившие в себя такие шедевры мировой литературы, как «Приключения барона Мюнхгаузена» Р. Распе, «Путешествия Гулливера» Д. Свифта, а также переведенный на все европейские языки «Маленький лорд Фаунтлерой» американской писательницы Ф. Бернетт⁴⁶.

Особой популярностью в дворянских семьях пользовались детские журналы «Детский отдых», «Семейные вечера» и «Детское чтение». Для примера обратимся к «Семейным вечерам» – иллюстрированному журналу для семейного чтения, состоящему под Высочайшим покровительством Государыни Императрицы Марии Федоровны». Журнал был основан в Санкт-Петербурге в 1864 году и выходил ежемесячно двумя книжками: для детей старшего и младшего возраста. Позже появился еще один отдел – для самых маленьких. Детский отдел состоял преимущественно из рассказов, повестей и сказок, в юношеском же повести и рассказы чередовались со статьями научного содержания⁴⁷.

На последний аспект – изучение детьми российской истории, культуры, природы – особое внимание уделяли в среде пореформенной интеллигенции. В 1869 году Н.В. Шелгунов в статье «Детское чтение» призывал: «Конечно, дети неприхотливы; для них ложь вымысла большей частью незаметна, но это не оправдание плохим рассказам. Возьмите, например, жизнь Кольцова, Никитина, – да разве это не драма? Разве действительная жизнь не лучше поучений? Разве вы измыслите искуснее домашнее безобразие и гнетущую бедность? И какой богатый материал представляют биографии русских замечательных людей!

Очень удачна мысль развивать в детях любовь к природе и наблюдательность указанием, как выводить насекомых, устраивать аквариум (нужно бы террарий) и т.п. А уж какой был бы восторг детям, если бы редакция прислала к весне маленькие пакетики с семенами цветочных и огородных растений – огурцов, арбузов, дынь, моркови и т.п. и красивых скороцветных цветов. Сколько радостей при устройстве гряд, приготовлении земли, полоньи, содержании в чистоте, поливе, истреблении вредных насекомых, сохранении полезных! Да ведь это целая жизнь – веселая, практическая, полезная!»⁴⁸

Основная причина пристрастия к регулярному семейному чтению в дворянских семьях заключалась в формировании такой привычки с раннего детства. Ведущую роль в этом играло систематическое приобщение к семейному чтению. Собственно, чтение потому и выполняло свою развивающую роль, что было систематическим. Так, М.К. Морозова пишет в воспоминаниях о мире знаменитой «зеленой лампы» – символа дворянского дома, вокруг которой по вечерам собиралась вся семья – и дети, и взрослые внимали читаемой вслух книге: «После детских книг – «Истории маленькой девочки», «Хижина дяди Тома», «Робинзон Крузо» – я читала и без конца перечитывала «Багрова-внука» и «Семейную хронику» С.Т. Аксакова, потом Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Тараса Бульбу»... немного позже пришло увлечение Тургеневым, Гончаровым, Лермонтовым...»⁴⁹.

О собственной страсти к чтению в детском возрасте вспоминает курский помещик А.С. Туник, описывая годы жизни на хуторе Языкове вблизи села Яблоново Корочанского уезда: «Часто приставал к сестре с просьбой что-нибудь прочесть. До поры до времени она охотно это делала, а потом ей надоело: она заявила, что читать вслух больше не будет и я должен научиться этому сам. Сначала мне показалось это вообще невозможным. Но сестра показала мне буквы, начала вместе со мной читать по складам. Спустя несколько недель я усвоил технику чтения. И начал запоем читать все: сказки, старые журналы, газеты, рецепты – одним словом, все, что попадалось на глаза. Многого не понимал или понимал, но по своему, и потом рассказывал мальчишкам такие вещи, что они, наслушавшись, боялись заходить в пустой сарай не только ночью, но и днем. Скоро для меня начали выписывать журнал «Вокруг света». Я с нетерпением ждал пятницы в этот день всегда кто-нибудь из работников ездил в город за почтой и покупками. Около часу дня взбирался на самый высокий скирд и смотрел в сторону Корочи, пока не показывался наш «почтарь». Тогда я скатывался со скирда и мчался навстречу ему. Я прочитал даже старинный, найденный в книгах Улиха «Лечебник кн. Енгальчева»⁵⁰. В воспоминаниях многих дворян, выходцев из среднепоместной и крупнопоместной среды, отмечалась подобная страсть к чтению, заложенная семейной традицией.

В богатых пореформенных дворянских семьях позволяли себе нанимать гувернанток, последние во многом определяли круг чтения детей. Предлагаемые ими книги нередко не отвечали реальным потребностям детского познания, тяге к романтике, приключениям, путешествиям и всему загадочному. Так, в 1870 году было издано «Руководство для гувернеров и гувернанток» А. Лесгилье, пользовавшееся большим успехом у гувернанток.

В нем, в частности, предписывалось: «Не позволяйте читать сказок о каких-нибудь волшебниках и приведениях, а также арабских сказок тысячи одной ночи, путешествий Гулливера или поездки на Луну, одним словом ничего фантастического. Такое чтение, наполняя голову баснями, мечтами, дает ложное направление умственным способностям ребенка и заранее поселает в нем отвращение ко всему действительному... Похлопочите, чтобы библиотека его состояла из книг серьезного содержания, как например: исторических, которые могли бы развить в нем влечение и любовь к делу, научить опытности, необходимой в молодых годах... Приобретите приключения Робинзона Швейцарского, перевод с немецкого; это одна из лучших и полезных книг. Робинзон Крузо так же хорошо для детей, но я не советовал бы вам давать читать его до 16 лет. Из числа годных для вашей цели исключите сочинения Александра Дюма, Евгения Сю, Фридриха Сулье, Бальзака, Массона и других им подобных»⁵¹. Все, что привлекало подростков в мире книг, включая и сказки «Руководство для гувернеров и гувернанток» запрещало. Это являлось отражением чрезмерной опеки детского и юношеского сознания, которое само менялось в соответствии с духом времени.

Пореформенные модернизационные социальные процессы изменили отношение в дворянских семьях к образованию детей.

В Курской губернии в 1897 году число неграмотных дворянских детей и подростков, молодых людей до 20 лет составляло 4 454, грамотных – 4 701. То есть 48,6% дворянских недорослей были неграмотными. Но здесь необходимо делать определенную поправку на возрастную категорию: наибольший процент безграмотных наблюдался среди детей до 10 лет, так как в одних дворянских семьях дети уже могли читать в 5-7 лет, в других этот навык

не осиливали и к 10 годам. В большинстве же поместных семей детей до 5-7 лет вообще не обучали грамоте, а эта возрастная категория была внесена в официальную статистику показателя грамотности. В возрастной же группе от 10 до 19 лет, в которой обучение чтению, арифметике, письму завершалось, неграмотных насчитывалось 498 (10,6%), грамотных – 4 179. Тем не менее, фактически каждый десятый дворянский ребенок, подросток был безграмотным. С большой долей вероятности можно утверждать, что это были дети низших категорий (до 10 дес.) мелкопоместных дворян и низкооплачиваемых чиновников. Последние помещены вместе с дворянами в одну графу в рамках рассматриваемого источника⁵². Беднейшие поместные дворяне, по существу, вели крестьянский образ жизни. Неграмотных среди мальчиков и юношей до 20 лет насчитывалось 2 079 (47%), грамотных – 2 352 (53%); в категории же с 10 до 19 лет число неграмотных сокращается до 139 (7,1%). Среди дворянских девочек и девушек до 20 лет неграмотными считались 2 375 (50,2%), в возрастной категории с 10 до 19 лет этот показатель снижается до 1,9%. Данный показатель значительно ниже, чем у мальчиков и юношей из дворян этой возрастной категории. В целом же, к 1897 году среди дворянских юношей и девушек грамотность была приблизительно одинаковой.

Чтобы сравнить полученные результаты с аналогичными показателями конца дореформенного периода, можно взять соответствующие данные по возрастной группе 60 лет и более. В 1857 году представителям этой возрастной группы было в пределах 20 и менее лет. Естественно, здесь будет определенная погрешность, с учетом умерших. Но, в целом, данный подход позволит определить реальную динамику грамотности среди дворянских детей и подростков.

В 1857 году, согласно исследуемым источникам, из 784 дворянских детей и подростков только 246 (31,3%) были грамотными. То есть процент неграмотных курских дворян возрастной категории с 10 до 19 лет с 1857 по 1897 гг. снизился с 31,3 до 10,6. Рост интереса к получению образования детьми в дворянских семьях очевиден. Среди дворянских девочек и девушек в указанной возрастной группе в рассматриваемый период процент неграмотных сократился с 32,4 до 1,9; у мальчиков и юношей – с 11,5 до 7,1⁵³. Снижение

уровня безграмотных среди дворянских девочек и девушек просто впечатляет. Межсословная эмансипация проходила параллельно с женской эмансипацией: дворянские девушки в условиях общественной модернизации связывали свои социальные претензии и жизненные сценарии с образованием. Время брало свое.

В данном контексте необходимо подчеркнуть, что число дворян и чиновников недворянского происхождения с семьями, не превышая 1-1,5% от населения Курской губернии, среди общего числа грамотных достигало 4,4%⁵⁴. Дворянство продолжало оставаться самой грамотной сословной общностью.

Чтобы подсчитать количество дворянских девушек и юношей, обучавшихся в средних и высших учебных заведениях, необходимо расширить исследуемую возрастную категорию с 10 до 29 лет, так как в них обычно обучались с 15-17 до 25-27 лет (см. табл. 43)⁵⁵.

Таблица 43

**Количество обучающихся курских дворян
в средних и высших учебных заведениях в 1897 году**

<i>В университетах и других высших учебных заведениях</i>		<i>В специальных и технических высших учебных заведениях</i>		<i>В специальных средних учебных заведениях</i>		<i>В средних учебных заведениях</i>		<i>В высших военных учебных заведениях</i>	<i>В средних военных учебных заведениях</i>
М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	М
144	5	20	-	56	23	1 372	2 325	1	51

Из 16 892 грамотных дворянских юношей и девушек, молодых мужчин в возрастной группе с 10 до 29 лет 3 997 (23,6%) продолжали обучение в средних и высших учебных заведениях. Так как 127 дворянских мальчиков и девочек в возрасте до 10 лет, обучавшихся в гимназиях, относящихся к средним учебным заведениям, были включены нами в возрастную категорию от 10 до 29 лет обучающихся в средних и высших учебных заведениях, погрешность в данной возрастной группе составила всего 0,7%.

Высшее образование продолжали получать 196 (4,2%) дворянских юношей и девушек, при этом девушки составляли минималь-

ное число – 5. Университеты фактически были закрыты для представительниц женского пола. С другой стороны, это являлось отражением устоявшихся традиций, когда родители давали воспитание и образование дочерям для подготовки их к замужеству, материнству. Главным долгом традиционной семьи, включая дворянскую, в отношении девушек было выдать их замуж. «Долг матери» считался выполненным, если она удачно выдала дочь замуж⁵⁵. Получение высшего образования не соответствовало представлениям о подготовке дочери к ее предназначению – замужеству, хотя образованность не отрицалась, о чем свидетельствует число девочек и девушек в средних учебных заведениях (гимназиях). В средних учебных заведениях, включая специальные, где давали азы определенной профессии, обучалось 3 776 (94,4%) дворянских юношей и девушек. Это в основном были гимназии, где юноши и девушки учились раздельно. Мужские гимназии были фактически в каждом уездном центре. Женские гимназии в Курской губернии были открыты в Курске, Белгороде, Короче, Новом Осколе, Старом Осколе, Обояни, Путивле, Рыльске, Суджи, Фатеже, Щиграх⁵⁶. Среди них были и частные, обучение в которых было довольно дорогим. Недешевым было содержание детей и в государственных гимназиях. Корочанский помещик С.А. Туник в своих воспоминаниях подчеркивает это: «Так как семьдесят пять процентов всех учащихся в гимназии были приезжими из уезда (Корочанского уезда Курской губернии – *В.Ш.*) или соседних городов, то это являлось источником дохода для рода предприимчивых хозяек, имевших две-три свободные комнаты. Чтобы получить право открыть гимназическую квартиру, нужно было подать прошение в канцелярию гимназии с указанием суммы, которую хозяйка намерена брать со своих квартирантов. Через несколько дней к ней являлся инспектор с одним из надзирателей, а иногда и сам директор. Если они были удовлетворены всем виденным, то хозяйка получала необходимое разрешение. На таких квартирах помещалось обыкновенно от четырех до семи учеников. В каждой комнате два или три...

Платили за меня пятнадцать рублей в месяц. Это считалось очень приличной платой»⁵⁷.

Указанная сумма было неподъемной для большинства мелкопоместных семей, отправляющих детей на обучение в уездный

центр, к тому же уровень грамотности их детей не позволял им обучаться в гимназии.

Поэтому выход из сложившейся ситуации мелкие помещики видели в обучении своих детей в земских народных школах. Речь здесь уже не шла о сословном престиже, что было ярким проявлением новых тенденций в пореформенной социализации дворянских детей. В 1874-1894 гг. в земских народных школах Курской губернии учащиеся из дворян составляли 0,8% общего числа учащихся. При этом дворянских девочек в общей массе обучавшихся девочек было 1,6%, мальчиков – 0,7%. Крестьянские дети в этих школах составляли 95,4% всех учащихся⁵⁸. Отдать своих детей на обучение в крестьянский класс мог только тот дворянин, чья ментальность сближалась с крестьянским сознанием. Это, скорее всего, были землевладельцы из низших категорий мелкопоместного дворянства, ходившие в лаптях и пахавшие собственноручно свои мизерные участки земли.

52 (1,4%) юноши из общего количества продолжавших получать образование дворян проходили обучение в средних и высших военных учебных заведениях. Высшее военное образование получал всего один молодой человек из дворян. Среднее военное образование в пореформенный период получали в военных гимназиях (с 1882 года – кадетских корпусах) и военных училищах, на которые разделились прежние кадетские корпуса⁵⁹.

Особое место в воспитании дворянских детей имела религия, которая являлась основой мировоззрения подавляющей части русского общества. Но, как показывает Б.Н. Миронов на примере количества неуважительных пропусков исповеди во время Пасхи представителями дворянства, со второй четверти XIX в. среди благородного сословия наметилась тенденция к ослаблению значения религиозных обрядов. Несколько более рельефно это проявлялось в пореформенный период. Так, если в 1802 году число неуважительных пропусков исповеди на Пасху среди дворян равнялось 2%, в 1825 году – 4%, в 1860 году – 3%, 1869 – 4,4%⁶⁰. Данное увлечение было все же крайне незначительным, но факт пропусков исповеди по неуважительным причинам принял устойчивый характер. В то

же время, имеются свидетельства современников, что среди детей и подростков из дворянской среды в пореформенный период ослабевала тяга к религиозной обрядности, посещению церкви и т.д. Ариадна Тыркова-Вильямс касается рассматриваемого вопроса, вспоминая свое детство: «С церковью выходило очень неладно. Не только из-за отца, из-за всего склада, из-за воспитания домашнего, школьного, общего, из-за того что называется духом времени. Тут отец ничего не мог поделать, не знал даже, как к нам подойти...

Пока мы были детьми он (отец – *В.Ш.*), в Петербурге сам водил нас к обедне во Владимирскую церковь... Вслед за отцом пробирались мы через переполненную народом церковь на правый клирос, где он оставлял меня и Марусю, а сам, с мальчиками шел в алтарь. Молиться мы не умели и не хотели. Глазели по сторонам, рассматривали молящихся, украдкой посмеивались над ними...

Моя сестра была уже взрослая барышня... Но еще больше мне нравилось, что она приносит в церковь вместо молитвенника маленькую книжку революционных стихов, издание Народной Воли.

Такое тогда царило кругом нас настроение, что Маруся уже с 16 лет чувствовала себя чуть не революционеркой. Во время обедни она раскрывала принесенный с собой томик стихов и, как другие читают молитвы, читала призывы к бунту и террору, хотя по природной своей кротости была неспособна даже муху обидеть. Мне, маленькой гимназистке, это казалось необыкновенно смело и умно. А отец подходил с нами к кресту и умиленный, довольный, что приобщил свое семейство к церкви, возвращался с нами домой. Бедный папа, если бы он знал, какую книгу читает в церкви его красавица дочь.

Совсем другой характер носило деревенское богомолье. Оно было связано с большими праздниками, с днями семейных торжеств, имело бытовые корни. В деревне мы бывали в церкви реже и охотнее... Простота и незатейливость обряда, знакомые лица священника и прихожан придвигали нас ближе к церковной жизни. Возможно, что, незаметно для нас что-то нам передавалось от исконной набожности мужиков и баб. Это были неглубокие, скольз-

щие настроения, но все-таки, отец их чувствовал и был счастлив...»⁶¹.

Тыркова-Вильямс прямо указывает, что определенная секуляризация их сознания напрямую была связана с «духом времени», а откровение «Молиться мы не умели и не хотели» вряд ли можно встретить в воспоминаниях дворян, относящихся к первой половине XIX века. Естественно, здесь речь не идет об атеистической революции в духовной сфере, дворянство продолжало оставаться глубоко религиозной сословной общностью. Но определенное проявление секуляризации сознания среди дворянской молодежи в пореформенный период было очевидно, что нашло отражение и в публицистике. В 1879 г. в журнале «Русская речь» автор под псевдонимом А.Н. опубликовал статью «О религиозном воспитании», где указывал, как ему казалось, на главные ошибки при религиозном воспитании молодежи, которая теряет интерес к церкви. В частности, он отмечает: «Величайшую ошибку религиозного воспитания составляет введение его, как одну из наук, в образовательные заведения для юношества. Пока юноша видит служителей церкви лишь в храме или при исполнении ими различных обрядов, пока он сохраняет укоренившуюся с детства привычку беседовать с священником, или во время исповеди, или в частном разговоре, как с духовным отцом, с проповедником идеи мира, смирения и добра, — до тех пор в душе юноши сохраняется невольное уважение к сану священнослужителя и к его личности, как к необходимому, посреднику между Богом и людьми... Но когда тот же служитель церкви является не как духовное лицо, а как учитель в классе, имея определенное время уроков, тогда в юноше является и иное отношение к нему...

Юноше начинают преподавать слово Божие и догматы религии как науки, в виде ветхого и нового завета, катехизиса, обрядовой стороны церкви и т.д.... Но раз служитель церкви встал на почву учителя, доказывающего истину своего предмета обычным, научным путем, то и отношения к нему учеников уже являются иными. Они привыкли требовать и слышать от своих учителей полного и ясного доказательства...

И вот, между учеником и учителем-священнослужителем является сначала недоумение, потом – непонимание и, наконец, полное недоверие, с одной, и ожесточенность с другой стороны»⁶².

Указанная причина потери интереса подростков к религиозному обучению имела место, но не была определяющей в общей сумме причин, носивших системный характер переходной эпохи. Но, тем не менее, попытка общественного обсуждения в прессе вопроса о кризисных проявлениях в религиозном воспитании подростков подтверждает все вышесказанное.

В пореформенный период характер социализации дворянских детей меняет свою прежнюю суть, отражая модернизационные процессы в российском обществе. В помещичьей среде из молодых барчуков уже не воспитывали душевладельцев, а прививали привычки сельского жителя и хозяина, хотя дворянский традиционализм имел сильное влияние на этот процесс. Изменилось отношение к образованию, особенно среди девочек и девушек, которые в связи с женской эмансипацией не видели себя вне рамок образования, включая и профессиональное. Но в нижних стратах помещичьего дворянства уровень образования был не выше, чем в крестьянской среде. Среди данной категории мелких помещиков не редкостью были безграмотные дворяне. «Дух времени» пореформенного периода накладывал отпечаток либерализма на отношения между детьми и родителями, хотя последние имели все законные основания для контроля над своими чадами, даже над теми, кто встал на путь самостоятельной жизни. Особенно «дух времени» проявлялся в религиозном воспитании, в результате которого определенная часть молодых дворян теряла интерес к церкви. Эти тенденции нашли отражение на страницах прессы. Тем не менее, чувство сословной исключительности, гордость за свое благородное происхождение были неотъемлемой частью сознания дворянской молодежи. Дворянский традиционализм также пронизывал всю систему воспитания и образования в помещичьих семьях.

3.2. ТРАНСФОРМАЦИЯ УСАДЕБНОГО БЫТА В КОНТЕКСТЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Стиль жизни дворянина в усадьбе, эмпирия повседневного существования, его бытовая культура, ценностные ориентиры во многом зависели от того, к какой страте благородного сословия он принадлежал, бытовые традиции какого плана он обязан был поддерживать на виду своих соседей-помещиков. Применительно к I пол. XIX в. Б.Н. Чичерин справедливо отмечает, что ритмика жизни провинциального дворянства определялась крепостнической традицией, где для культивирования привычного уровня жизни помещику не приходилось прикладывать каких-либо особых усилий: «Барские нравы наших помещиков, безмерная роскошь, которая питается Бог-весть какими доходами, сильный недостаток инициативы и энергии, умственной, нравственной и даже физической – все это черты, обозначающие сословие, от которого поддержание своей власти и своего значения не требует никакой деятельности»⁶³. Бесплатные руки крепостных крестьян в зависимости от их количества обеспечивали в любом случае определенный доход, на котором и базировалась вся палитра повседневности помещика.

Жизнь в сельских дворянских усадьбах за исключением наиболее их богатых владельцев во многом подчинялась сменам времен года и пестрой череде радостных и печальных событий уклада деревенской жизни: «...крестин, именин, семейных праздников, заговенья, шумных обедов, родственных съездов. Подрастали сыновья, их женили, появлялось новое поколение, и жизненный цикл повторялся (те же обряды, пиры, свадьбы, праздники) ...пока похороны не изменят декорации, но ненадолго: одни лица уступали места другим»⁶⁴. Трафаретность помещичьего быта с некой поправкой на конкретный сезон года определялась ежедневной необходимостью, пусть и минимального, личного контроля за хозяйственной деятельностью в поместье, устоявшимся узким кругом друзей – соседей, которые навещали друг друга, небольшим перечнем исконно барских развлечений: охотой, картами, прогулками верхом, ужинами с соседями. Венцом развлечений являлся визит на званый ужин, бал к уездному предводителю дворянства или, может

быть, в губернский центр. Типичность провинциальной дворянской атмосферы в 50-е гг. XIX века обрисовал П. Боборыкин: «Тамбовский свет, и в губернском городе, и по усадьбам, славился еще большей легкостью нравов, чем казанский. Но тон был такой же, та же жуирная жизнь, карты, добывание доходов *per fas et ne fas*, кутежи, франтовство, французская болтовня, у многих с грехом пополам, никаких общественных интересов»⁶⁵. Современник затруднился назвать большой круг светских развлечений тамбовских дворян, при этом подчеркивая, что подобная цикличность помещичьей повседневности была характерна и для других регионов России.

В рамках одной поместной дворянской семьи монотонность ежедневного быта была еще более очевидной. Она предопределялась необходимой регламентацией хозяйственных и личных дел. День помещика складывался как бы из двух половин. С раннего утра, иногда с 4-5 утра, до обеда все были заняты хозяйственными и домашними делами. В весенне-осенний период барин весьма часто выезжал в поле. После обеда и до ужина, как правило, было время отдыха, времяпровождения с детьми, родственниками, соседями. Тамбовский помещик Н. Давыдов следующим образом описывал обычный день в родительской усадьбе Кулеватове в 40-е гг. XIX в.: «После завтрака пошёл с детьми по оранжереям, после обеда играл с ними, вечер мы закончили общим чтением и потекла наша жизнь обычною чередою. На следующий день после кофею до 10 часов я занимался с Петром Фроловичем разными приятными и полезными разговорами, потом до 11 часов заставлял Андрюшку писать под диктовку, потом привел в порядок письма. После обеда читал журналы, затем была астрономическая беседа с детьми и кончилась общим приятным чаепитием. Вот весь мой день»⁶⁶. Реплика «вот весь мой день» указывает на однообразность жизненной ритмики с небольшими вариациями, где хозяйству, детям и «приятным и полезным разговорам» отведено основное место.

Совершенно иной жизненный цикл был у представителей низших категорий (до 10 дес. земли или 1-2 ревизский души) поместных дворян, чей жизненный уклад базировался на крестьянском традиционализме, связанном с получением необходимого продукта для поддержания далеко не барских форм жизнедеятель-

ности в условиях натурального хозяйства. В романе А.А. Потехина «Бедные дворяне» показано семейство мелкопоместного дворянина Осташкова, которому принадлежало 30 дес. земли, но не было не одной ревизской души. Весь быт и социальные ожидания у них не выходили за рамки крестьянских. «Семейство Осташковых жило совершенно по-крестьянски; без всяких барских претензий и интересов; и хотя соседние мужики и называли владельца Охлопков барином, но он даже и по наружному виду своему не отличался от крестьянина, а необходимость личного труда, работа плечо-о-плечо с простым мужиком и недостатки всякого рода сближали его с крестьянским бытом, между тем, как все возможные связи с своим сословием были потеряны и забыты. Осташковы желали бы одного: материального благосостояния, обилия плодов земных, но его-то им и не доставало. Оставаясь барином только по названию, однодворец не умел быть и порядочным крестьянином ... Осташковы во всем нуждались и если не бедствовали, то, как говорится, едва-едва тянулись. Земля обрабатывалась без толка и небрежно, родила плохо, так что хлеба иногда не доставало и на собственное прокормление; остаток барской лени и беспечности мешали выучиться какому-нибудь ремеслу; зимой нечего было делать и вся семья целых 6 месяцев отдыхала от летних трудов. О том, чтобы наняться на зиму в работники, или взять на себя какой-нибудь труд по найму, никому и в голову не приходило, не потому, чтобы такого рода работа считалась унижительной для дворянской чести, или гордости, а просто так, по привычке: ни при дедушке, ни при прадедушке этого не делалось»⁶⁷.

Переходящий из года в год образ жизни бедных дворян Осташковых делился на две половины не в рамках дня, как у дворян из верхних страт, а в рамках сезонов года. Весенне-осенний период, как и крестьяне, Осташковы проводили в поле, набивая мозоли на собственной земле, а зимой и ранней весной их одолевало безделье. Потехин специально подчеркивает у беднейших помещенных дворян остатки барских привычек (праздная лень и беспечность), которые перешли к ним от более зажиточных предков. Но эти привычки не вписывались в их крестьянский образ жизни, ставили данную семью на грань нищеты и подводили к выбору между

постоянным чрезмерным физическим трудом или сезонным праздным бездельем. Последнее пересиливало, хотя и жили впроголодь. Ритмика жизни, по замыслу автора, соединяла в их семье дворянские и крестьянские начала.

А.А. Потехин, описывая семью бедных помещиков Осташковых, не случайно акцентировал внимание на причине их сезонной лени – «ни при дедушке, ни при прадедушке этого не делалось». В усадебном быту наличие семейной традиции, памяти о прошлом были неотъемлемой частью помещичьей повседневности. Отрицание их воспринималось как что-то выходящее за рамки устоявшихся приличий. В рассказе «Забытая усадьба» И.А. Салов приводит примечательный разговор помещика, зашедшего в соседнюю усадьбу, где проживал камердинер умерших бывших её хозяев, который сравнивал усадебные порядки старых бар и нового владельца, их сына, проживающего в столице. Отход от семейных бытовых традиций молодого барина вызывает у бывшего камердинера скрытое осуждение, ведь он нарушал устоявшиеся, «правильные» порядки. «–Ну, а не слышно, проговорил я, немного погодя, – как молодые-то господа живут, открыто или нет?»

Зотыч снова поднял голову.

– Гм! Открыто...! Да как же они будут жить-то открыто, когда прислуга даже в гостиную войти не умеет. Как значит по зале ходят, так и по гостиной, все одно.

– А разве по гостиной лакей должен по другому ходить?

– Да уж известное дело не так, как по зале.

– А как же он должен?

– Должен, значит, в дверях останавливаться, оглянуть всех господ, потом вдруг встать на цыпочки и уже на цыпочках идти по гостиной...

– Кто ж учил вас всему этому? – спросил я.

Зотыч снова вытянулся и, погладив подбородок, важно проговорил:

– Старые господа-с.

– Сами?

– Сами-с. Они, значит, были для нас и господа и благодетели. Они нас и по-французски учили. День – ля нюи, ночь – ля жур. Ля

жур пас ля нюи виен. Как жес, мы очень хорошо говорили по французски-с.

– Вот как, поговорил я. – Ну, а большой был приезд у старых-то господ?

– Как же небольшой, когда стол каждый день на тридцать кувертов накрывали? А нынче что? Нынче разве так? Нынче все норовят потихоньку отобедать, чтобы никто не видел. Бояться все как бы лишний кусок не вышел... Какие же это господа»⁶⁸. Налицо – идеализация прошлого у представителей старшего поколения, но она подчеркивала определенную эволюцию помещичьего быта.

Как и в любой семье, обязанности в господском доме делились на мужские и женские. Помещик утром обычно принимал отчеты от управляющего, старост и давал им текущие задания по хозяйству. Затем после утреннего чая барин начинал объезд полей, проверяя качество выполненных работ и его отдельных указаний. Такой ритм жизни, связанный с контролем вотчинного хозяйства, входил в привычку, которая не менялась годами. Л.Е. Оболенский вспоминал: «После чая дед летом уезжал в тарантасе по хозяйству, за версту от усадьбы. Там был хутор, который так и назывался «хозяйство». В «хозяйстве» были молотильные сараи («рыги»), там же складывался хлеб, стояли рабочие лошади и т.д.»⁶⁹. Даже в усадьбах, где процветала «праздная старина», где спокойное существование, комфортность возводились в культ, хозяева непременно старались участвовать в повседневных, порой, никчемных делах. У И.А. Гончарова «сам Обломов – старик тоже не без занятий. Он целое утро сидит у окна и неукоснительно наблюдает за всем, что делается во дворе... Придут ли коровы с поля, старик первый позаботится, чтоб их напоили, завидит ли из окна, что дворняжка преследует курицу, тот час примет сторож меры против беспорядков. И жена его сильно занята»⁷⁰. «Она долго разъясняет портному, как перешить из старой мужниной фуфайки курточку Илюше, в девичьей дает задания, кому сколько сплести кружев, затем пойдет в сад – проверить, не посняли ли яблоки...»⁷¹.

Барыня, как уже было показано выше, раздавала работы женской половине усадьбы, следила за чистотой в доме и занималась заготовкой различных припасов на зиму в виде варенья, смоквы,

сушеных, вяленых, консервированных ягод и плодов, солений и т.п.

В отдельных случаях, когда на дворянку в детстве большое влияние оказывали мужчины – родственники, пристрастия помещицы были не женскими. Мать И.С. Тургенева Варвара Петровна, воспитанная дядей – орловским помещиков И.И. Лутовиновым, «...невольно и бессознательно усвоила себе некоторые мужские приемы и вкусы. Стрельбу в цель, верховую езду, охоту и игру на бильярде – все это она предпочитала вышиванию по канве и вязанью бисерных кошельков. Особенно любила она игру на бильярде, которую настолько хорошо изучила, что даже в преклонных годах обыгрывала своих сыновей. Всю свою жизнь она как бы чувствовала некоторое стеснение в скромной рамке женской деятельности, что выражалось в её многочисленных фантазиях и в излишней для женщины самостоятельности»⁷².

Распорядок дня и стиль жизни барыни во много зависел от её семейного положения и страты, к которой она принадлежала. Если она была вдова, то все обязанности по дому и хозяйству лежали на её плечах. Если, к тому же, она принадлежала к нижним подгруппам среднепоместного, мелкопоместного дворянства, то образ жизни и манеры управления имением резко отличались от порядков крупных поместий. Низкий уровень культуры и образования сказывался на манерах помещицы, где грубость, чванливость и пьянство были повседневным стереотипом её поведения. К примеру, «крестьянка по отцу, богатому однодворцу; духовная по матери – дьячихе; дворянка по двум мужьям, из которых первый отписал ей все свое имение в селе Вязовом (Щигровского уезда Курской губернии – *В.Ш.*), Алымова, казалось, усвоила себе только одни худые качества всех этих сословий, не позаимствовав у них ничего хорошего. Скупость, недоверие и жестокосердие к людям были основными чертами характера этой чудовищной старухи, владевшей многими десятками крестьянских душ и многочисленную дворню, которых она довела до последней степени человеческого унижения... и уж водку пьет без милости. Прямо стаканом её погоняет. Вот пьет, пьет, да и заскрипит зубами, кулаки в верх подымет. «Гей бабы, девки, все ко мне собирайтесь, величайте меня!» Тут все бабы работы побросают, через огороды бегут-несутся. И баб этих она от-

дельным кружком поставит, а нас, девок, по другую сторону. А сама пригнется к полу и барабанит кулаками по доскам. Одна девка перед нею стоит, поднос держит с водкою. Прежде всего запеваем мы:

Чарочка моя,
Серебряная,
На золотом блюде
Поставленная.
Кому чару пити,
Тому здраву быти!
Пить чару честной вдовушке,
Славной барыне,
Александре свет – Изотьевне!

Тут она подскочит кверху, а мы в раз и крикнем «ура!». И коли какая опоздает на секунду, она и возьмется её по голове бить, а после и всех бить возьмется...»⁷³.

Образ жизни Алымовой не вписывался в представления о добродетелях дворянской женщины у помещиков из верхних, образованных страт. Повседневные реалии в алкогольном угаре, издевательствах над своими крестьянами, вне рамок должных соседских приемов, светских бесед, внешнего поддержания лоска уточненной женской природы из благородного сословия, должны были вызывать среди высокообразованной, культурной части помещичьих дворян социальное отторжение, что и было на самом деле. Р.Л. Марков, один из представителей древней курской дворянской фамилии, описывая «подвиги» Александры Изотьевны, не скрывает своего отвращения к ней. Подобный образ жизни списать на крестьянско-духовное происхождение вряд ли было возможным, так как Алымова большую жизнь провела дворянкой, владея крепостными, и для окружающих она была барыня. В отдельных случаях женщина из знатной и богатой фамилии своим поведением в глазах высшего света порочила дворянскую честь. Например, в 1822 году в с. Прилепы Дмитриевского уезда Курской губернии началось следствие против курской Салтычихи – О.К. Брискорн, вдовы тайного советника Ф.М. Брискорн. Следственное дело называлось «О беспорядочном управлении своими крестьянами вдовы тайного советника

Брискорн», где рассматривались издевательства помещицы, доведшие до гибели около 100 крестьянских душ. В ходе расследования выяснилось, что вдова тайного советника, урожденная бессарабская боярыня Маврогени, открыто сожительствует с протоиереем Гапоновым и вместе с ним занимается махинациями по государственным подрядам сукнами. Скандал был большой, но дело закончилось всего лишь взятием имения Брискорн в дворянскую опеку, осуждением местным благородным обществом её девиантных «вольностей» и попыткой отправки Гапонова в монастырь⁷⁴.

Подобные примеры не могут стать основанием для широких обобщений, но они являются показателем того, что принятая и обусловленная корпоративными ценностями этика поведения не всегда являлась внутренней потребностью для отдельных барынь. Их повседневность выстраивалась без особых взаимосвязей с родной сословной корпорацией. Девиантное поведение в поместной среде будет рассмотрено ниже, здесь же обозначены только его гендерные аспекты, показывающие стиль жизни ряда помещиц.

В отдельных усадьбах распорядок дня был строго фиксирован для домочадцев, об отступлении от которого даже не помышляли. Такой распорядок был семейной традицией, нормой поведения, которую установил глава семьи. Нарушение его означало демонстрацию неуважения к мужу, отцу, деду.

Л.Е. Оболенский вспоминает ежедневный утренний ритуал, обязательный для него с братом в детстве: «Мы быстро одевались и умывались без её помощи (няни – В.Ш.) и должны были до выхода в столовую заметить градусы на термометре, висевшем за окном нашей комнаты. Даже в наблюдениях этих градусов был заведен порядок: один день замечал их я, следующий день – брат и т.д. по очереди. В столовую мы должны были входить за несколько секунд до выхода деда из кабинета...

Наше утро было строго распределено, и за выполнением программы следила Николаевна, пока к нам не приехал учитель-гувернер»⁷⁵.

В ежедневном распорядке размеренной усадебной жизни заметное место отводилось трапезе. За обеденным столом собирались все члены семьи, гости и он становился тем местом, где в ходе раз-

говоров, при приеме пищи, решались семейные и хозяйственные проблемы, дамы демонстрировали свои наряды, мужчины показывали свою галантность, а все вместе проявляли или оттачивали принятый дворянский этикет. При этом, сидящие или проходящие к столу должны были занимать места и вести себя в соответствии с чином, отведенным ему местом в местном благородном обществе. В крупнопоместной семье это выглядело следующим образом: «Ровно в 5 часов... отец и матушка приглашали гостей к закуске, а через пол часа голос Никодимыча провозглашал громко «кушанье подано». Тогда отец и мать предлагали почетным кавалерам вести к столу таких-то дам, а наипочетнейшего гостя сама матушка, ровно как почетнейшую гостью отец, просили «сделать им честь»⁷⁶.

Большое значение придавалось убранству столовой. П. Фурманн, автор изданной в 1842 году «Энциклопедии русского городского и сельского хозяина – архитектора, садовода, землемера, мебельщика и машиниста», дает подробное описание надлежащего интерьера столовой: в ней не должно быть ни кресел, ни диванов; большая дверь отворяется на две половинки; пол паркетный; потолок с живописью, представляющий цветы, плоды и прочее. По углам на пьедесталах вазы с цветами; по стенам бронзовые или чугунные канделябры. Меблировка «великолепной столовой» должна состоять из большого раздвижного стола, одного или двух зеркал и массивных стульев, стоящих вдоль стен вокруг всей комнаты.

«В сей комнате, собственно определенной для обеда и ужина, необходимо иметь красивые буфеты и шкафы. При чем всякая вообще столярная работа должна быть окрашена в серое, а обои, при красоте оных, иметь основание светлое, отливающее несколько на мрамор»⁷⁷. Естественно, это определенный идеал, но он отражает пристрастие и вкусы к меблировке дворян из верхних страт.

Дорогие «заморские» продукты и напитки, даже в семьях богатых помещиков, в основном, приобретались для гостей, так как стоили довольно дорого. В большинстве усадеб, как правило, сохранялись традиции национальной кухни, в меню которой всегда присутствовали старинные русские блюда, широко использовались домашние припасы, доставленные крестьянами. Пища всегда четко подразделялась на постную и скоромную (в соответствии с постами

и праздниками), готовили её крепостные повара. В усадьбах верхних страт дворян, чтобы подготовить хорошего повара, юношей специально отправляли на учебу в столицы или губернские центры.

Обеденный стол провинциального помещика не ломился от яств, преимущественно готовились простые блюда: щи, каши, студень, жареная рыба, мясо или птица, уха, грибной суп, пироги с капустой, грибами и кашей; на сладкое подавались фрукты (обсахаренные, сушеные), клюква, вишня, варенье; различные квасы: из морошки, брусники, красной смородины, рябины. В богатых усадьбах увлекались чаем и кофе, который стал входить в моду лишь с 20-х гг. XIX в. Сахар считался дорогим лакомством и его заменяли патокой и медом ⁷⁸. Понятие о диете было знакомо уже многим помещикам.

Ежедневное меню помещика определялось спектром продуктов из оброка и отражало влияние натурального хозяйства. Иностраный путешественник был потрясен, став однажды свидетелем выполнения натуральной повинности в дворянском поместье: «Подобно пчелам, сносят на двор господский муки, крупы, овса и прочих жит мешки великие, стеги говяжьи, туши свиные, бараны жирные, дворовых и диких птиц множество, коровья масла, яиц лукошки, сотов или медов чистых кадки, концы холстов, свертки сукон домашних» ⁷⁹. Необходимо отметить, что с начала XIX в. и до его середины оброк продуктами стал во многих поместьях заменяться денежным оброком, с частичным приношением продуктов, или барщиной. Кн. Н. Волконский, на примере Рязанской губернии, показывает это: «...так, например, помещик Н.В. Ш. передавал мне о конце прошлого или самом начале нынешнего века, до своей женитьбы своего хозяйства не имел вовсе, хотя и жил в имении (он был крупным помещиком двух уездов: Раненбургского и Козловского), но получал все нужное для его обихода прямо от крестьян, которые и доставляли ему таким образом по очереди положенное число телят, ягнят, кур, поросят, холста и проч., и проч. ...»

В сведениях об имениях с крепостным населением в 100 душ и свыше, напечатанных в III т. прилож. к Труд. ред. комм. из 84 имений, описанных по Раненбургскому уезду отметки о добавочных сборах продуктами сделаны лишь по 3-м имениям, и только

по одному (помещика Борзова) подробно перечислено, в чем именно состоял этот добавочный сбор; именно с тягла, выносились: один баран, утка, курица, 10 ф. свиного мяса, 1 ф. коровьего масла и холстины 5 аршин, что все вместе оценивалось владельцем в 5 рублей. В остальных имениях таких сборов или уже не было, или они были настолько незначительными, что о них не стоило упоминать, так как скрывать их существование не было никакой надобности. Эта форма оброка была, таким образом, можно сказать, окончательно пережита в уезде еще при существовании крепостного права»⁸⁰.

Несмотря на указанную тенденцию, владельцы усадеб, даже крупных, в 50-е гг. XIX в. ограничивались, в основном, продуктами питания, напитками из своей усадьбы и крестьянских подворий. «Что покупалось тогда? В продовольствии покупными были разве вина, да пряности, некоторые сухие плоды, не произрастающие в нашем климате, вроде изюма с миндалем, да чернослива, некоторые закуски, рыба с икрой в тех случаях, когда у владельца не было имения на рыбной реке, откуда эти припасы можно было получить с крестьян с оброком, чай, да сахар, считавшиеся больше лакомством, роскошью, чем пищей, и из которых сахар, где можно заменялся своим медом, а чай сбитнем, водка. Все это потреблялось в гораздо меньшем количестве, чем теперь, и расходовалось больше на угощение гостей, для народа, чем на повседневное потребление»⁸¹.

«Праздная старина», естественно, предопределяла определенные траты на ненужные вещи, мероприятия, вызванные сиюминутной прихотью. Но в целом же, основная масса помещиков старалась экономить. В условиях разложения натурального хозяйства наличные деньги были в относительном дефиците. Н. Волконский вспоминает деда: «Мой дед, Петр Васильевич Колобов, владевший в конце своей жизни 500 крестьян в различных губерниях, говаривал: «...с ума сойду, когда зажгу стеариновую свечу и стану пить французское шампанское», и разрешил себе в первый раз то и другое лишь в день свадьбы дочери в 1846 г. До того времени у него в доме обходились по праздникам «донским», приобретаемым в Лебедяни на ярмарке, и жгли сальные свечи»⁸². Неслучайно М.Е. Салтыков-Щедрин в «Пошехонской старине» приводит при-

мечательный диалог помещицы Анны Павловны Затрапезной со своим поваром, показывая, что и успешные поместные дворяне, тратя большие суммы на приобретение новых имений, расширение хозяйства, в семье старались экономить на мелочах. «Анна Павловна, постояв несколько секунд, грузными шагами направляется в девичью, где, заложив руки за спину, её ожидает старик-повар в рваной куртке и засаленном переднике. Тут же в глубине комнаты, притулилась ключница. Барыня садится на ларь к столу, на котором разложены на блюдах остатки «вчерашнего», и между прочим в кастрюльке вчерашняя похлебка. Сбоку лежит немного новой провизии: солонина, гусиный полоток, телячья головка, коровье масло, яйца, несколько кусков сахара, пшеничная мука и т.п. Барыня начинает приказывать.

– Супец-то у нас, кажется, уже третий день? – спрашивает она, заглядывая в кастрюлю.

– Да, уже третий денек-с. Прокис-с.

– Ну, так и быть, сегодня новый завари. Говядина-то есть ли?

– Говядину последнюю извели.

– Как? Кусочек, кажется, остался? Еще ты говорил: старому барину на котлетки будет.

– Третьего дня они две котлетки и скушали.

– И куда такая пропасть выходит говядины? Покупаешь – покупаешь, а как ни спросишь – все нет да нет... Делать нечего, курицу зарежь... Или лучше вот что: щец с солониной свари, а курица-то пускай походит...»⁸³.

Совершенно другой стол, меню и режим питания был в мелкопоместных семьях, особенно, в нижних подгруппах этой страты. Здесь буквально выживали. В.С. Мышецкий в своих воспоминаниях приводит пример угощения его мелким тамбовским помещиком в самом начале 50-х гг. XIX в.: «Домишко был крохотный, в две какие-то коморки... Из соседней комнаты вышел ко мне навстречу уже совсем седой старик, бедно одетый... Разговорились. Слово за слово, он рассказал, что когда-то тоже жил ничего себе, да обеднял до последней степени. Теперь все его владения заключались в этой лачужке да небольшом огороде, разведенном позади её.

– Чем же вы живете? – спросил я с невольным изумлением.

Он сначала замялся было, а потом, усмехнувшись, сказал: – Чем живу-то?... А вот, видите – ли, – прибавил он после некоторой паузы с каким-то таинственным и вместе лукавым видом: – собачка есть у меня, кабель, да шустрый такой, бестия – ни одной, понимаете ли, даме из ихней породы спуску, что называется, не дает, все-то они перед ним пасуют... Так, вот стало быть, сударь ты мой, и приносят ко мне эдаких-то капризных, – охотники, разумеются, приносят...И чистые денежки... Во батюшка мой, чем живу, вот кто меня кормит. А то хоть с голоду помирай...

Поговорили мы с ним, вдруг он засуетился. – Чем же мне вас, батюшка, угостить-то? Чайку – бы, да нету чаю, ни самовара. Было, да прошло. Позвольте, – точно припомнил он что-то.

Напрасно я старался остановить его, говоря что мне решительно некогда, что я тороплюсь, зашел на оду минутку и т.п. ... Не тут-то было!...

Я слышал, как он поднял крышку сундука и долго шарил там. Вслед за этим, он показался сам, неся в руках какую-то бутылку... Затем снова побежал в ту же комнату и принес на этот раз, должно быть, единственную, бывшую у него, рюмку. Вслед за этим он начал не спеша разматывать тряпки, в которые обернута была пробка. Наконец, вытащив пробку, он бережно стал наливать в рюмку какую-то темную и густую жидкость.

– Это-с наливка, домашнего приготовления, – объяснял он в то же время. – Бережется для самых дорогих и редких гостей...

Вот какие были помещики!»⁸⁴.

Нетрадиционный единственный способ зарабатывания себе на пропитание, характер угощения показывают крайнюю нужду мелкопоместного дворянина. Типичный крестьянский стол средней руки был бы для него реальной роскошью.

В рассматриваемом контексте необходимо подчеркнуть, что в каждой отдельной местности были свои специфические блюда, которые отличали стол местных жителей от соседних. Так, «Курский уезд изобилует перепелами; их солят и маринуют и сбывают в значительном количестве в Москву; также куропатками, от которых губерния получила свой герб... Соленые перепела Курской губернии получили такую всеобщую известность, что сие составляет не-

малую отрасль промышленности целых однодворческих селений»⁸⁵. Соленые и маринованные перепела могли составлять немалую часть стола и мелкопоместных курских дворян.

Внешний облик хозяев усадеб отражал не только их статус в местной дворянской среде, но и подсказывал особые бытовые пристрастия, внешнюю мобильность и отношение к окружающим, возможным их оценочным суждениям. Одежда являлась неким внешним атрибутом статусности её владельца. Тем не менее, не всегда по качеству материала, характеру покроя, степени изношенности вещи можно было определить достаток того или иного помещика. Современник из верхних страт помещиков в этой связи отмечал: «Из предметов, служивших для одежды, покупными были лишь ткани, из которых шилось платье, и то не всегда, да кожа для обуви, все бельё, все украшения, кроме металлических, изготовлялись дома, начиная с ниток, которыми шили и из которых ткалось полотно, до кружев и блонд, которыми украшались выездные наряды. В самих покупках наблюдалась непривычная нам экономия. Не жалели денег разве (только) для праздничных нарядов, в которых ездили в гости, в обыденной же жизни и богатые помещики зачастую обходились каким-нибудь ситцем, да изредка кисеей. В некоторых хозяйствах и кожа на обуви своя. Об одежде рабочих, дворни, и говорить нечего: она была домашнего приготовления»⁸⁶.

За исключением представителей аристократических фамилий и крупного чиновничества, постоянно проживавших в столицах, крупных губернских центрах, основная масса дворянства проживала в своих поместьях, где ритмика жизни и калейдоскоп окружавших их людей были на порядок ниже. Это объективно не могло не сказаться на характере восприятия одежды, её статусности. Ограниченное пространство спектра мобильности помещичьих дворян, как правило, в рамках одного-двух уездов, редко губернского центра, небольшой круг знакомых не могли не нивелировать классическую изысканность вкусов в сторону упрощения одежды для повседневного непритязательного комфорта. Так, до середины XIX века стеганый халат у помещиков, не исключая и крупных, служил чем-то вроде мундира, сюртука и фрака в городе⁸⁷. Встре-

тить гостя в халате в городских апартаментах считалось бы верхом неприличия, в сельской усадьбе, как правило, на это мало обращали внимания.

В то же время, хозяева сельских усадеб были в сфере влияния столичной моды, которая более всего находила свое выражение в нарядах ближайшего губернского центра. С первой четверти XIX века в среде крупнопоместного и части среднепоместного дворянства широко распространяется фрак, который вытесняет кафтан, определенной популярностью пользовались сюртуки. Отставные военные предпочитали мундиры полка, в котором они служили. Кроме привычки, это подчеркивало и статус дворянина-офицера, который высоко ценился в поместной среде ⁸⁸. Мелкопоместные дворяне, особенно те, которые относились к низшим подгруппам своей страты (менее 1-10 дес., или 1-3 ревизские души), по своему внешнему виду более походили на крестьян, чем на представителей благородного сословия. Нередко их одежда отличалась от крестьянской только чистотой, качеством материала и покроя. По своему назначению она была удобна для ежедневной непосредственной хозяйственной деятельности. Архалук – различного кроя кафтан, также является неотъемлемой частью мелкопоместного гардероба. Современники, описывая одежду мелкопоместных дворян, обязательно подчеркивали внешне выраженную их дистанцированность от представителей благородного сословия из верхних страт. При этом, как правило, давались уничижительные сравнения. С.Н. Терпигорев (С. Атава) во многом автобиографическом цикле очерков и рассказов «Потревоженные тени» приводит пример повседневного наряда мелких тамбовских помещиков: «Проезжая, мы видели некоторых из владельцев, расхаживающих у себя по двору в красных рубахах, совсем как кучера, или в широких грязных парусинных пальто, как старые повара, дворецкие отставные и прочие заштатные дворовые. Видали и их жен вдали, сидевших в усадьбе или на берегу, окруженных бедно и грязно одетыми детьми.

Но все они живо чувствовали себя дворянами...» ⁸⁹.

Отчасти гардероб мелкопоместного дворянина пополнялся с «барского плеча» крупного помещика, и первый не считал это для себя чем-то обидным, роняющим его честь. В романе А.А. Потехи-

на «Бедные дворяне» красочно показан факт подобного дарения мелкому помещику Никеше Отрашкову: «...Ну, я позволю тебе бывать у меня. Ты, к несчастью, неграмотен, по крайней мере слушай что здесь говорится, перенимай манеры. Надобно тебе облагородить. Что это у тебя за чепан? Тебе надобно быть в сюртуке. погоди, вот я сейчас прикажу тебе дать кое-что из своего платья.

Паленов позвонил. Прасковья Федоровна бросилась целовать ручку его. Никеша встал и кланялся.

– Ну, полноте, полноте! Не стоит. – Вошел Абрам.

– Послушай – сказал ему Паленов: – отдай вот господину Осташкову мой летний сюртук, тот ластиковый, и жилетку пестриньку, ту... понимаешь?

– Слушаю.

– Да не переври... Принеси сюда, покажи мне... Не кланяйтесь, не благодарите... Я не люблю этого... я хочу, чтобы ты был похож на дворянина, по крайней мере по наружности... пока не образовался нравственно...

Абрам принес сюртук и жилет, и очень недоброжелательно посмотрел на гостя, когда барин отдал ему эти вещи. Конечно, он с досадою подумал, что Никеша получает то, что по всем правам следовало бы ему. Но Никеша был совершенно счастлив и доволен незавидным подарком»⁹⁰.

Верхние подгруппы мелкопоместного дворянства (51-100 дес. или владение от 10 до 21 ревизской души) в повседневной жизни мало чем отличались от низших подгрупп среднепоместного дворянства.

В зимнее время помещики носили бекешы, которые представляли из себя кафтан со сборками на спине и меховой отделкой по краю воротника. В период сильных морозов и дальних переездов отдавали предпочтение некрытым медвежьим шубам, считая, что суконное покрытие увеличивает вес и без того тяжелой ноши, и конечно, дублеными, сшитым из овчины полушубкам⁹¹.

Стиль качества и размер женского гардероба сельской дворянской усадьбы во многом зависел от того, к какой страте своего сословного сообщества принадлежала его владелица. По мере снижения страты привлекательность и модность гардероба терялась.

Крупнопоместные дворянки и представительницы верхних подгрупп среднепоместного дворянства больше ориентировались на городскую моду, естественно, с поправкой на сельский быт. Часть же женской одежды специально шилась для жизни в деревне. Они отмечались свободой покроя, простотой и применением домотканого материала. Среднепоместные и мелкопоместные владелицы носили капоты – свободное женское платье с рукавами на сквозной застежке, напоминающее по покрою халат. До 40-х гг. XIX века он предназначался для выхода, после чего превратился в домашнюю одежду. Для пошива капота в качества верхней одежды использовались меха, сукно и проч. В усадебных гардеробах были представлены и салопы, представлявшие собой верхнюю просторную, утепленную одежду с широкими рукавами или вовсе без них, скрепляющуюся лентами или шнурами. Верх салопы шили из бархата, дорогого сукна, подкладку подбивали мехом⁹².

Летние женские одежды разнообразные по фасонам («офранцузенные» сарафаны, платья и проч.) обычно шились из батиста, муслина, перкаля и кисеи, чаще – белого цвета. Большой популярностью пользовались шелковые и шерстяные шали и платки русского и заграничного производства⁹³.

Определенное внимание уделялось и одежде лакеев, представителям другой дворни, которые были, как бы, живой витриной усадьбы, принимавшей гостей.

Встречи с соседями, карточная игра, балы в уездном или губернском центрах составляли основные сферы социального общения помещиков. Отдельно стояла псовая охота, которая во многих имениях была возведена в своеобразный культ, которому поклонялись все с мала до велика. Такая страсть к псовой охоте в помещичьей среде была характерна как в дореформенный, так и в пореформенный периоды. Выходец из помещичьей среды вспоминал: «И, действительно, жизнь складывалась и шла так, как будто и работали и трудились только для того, чтобы в награду за все это наслаждаться охотой. Все было средством, а цель жизни была эта неиссякаемая, пламенная страсть.

В обстановке этого культа охота, естественно, охватывала все,

она проникала в детскую, она вдохновляла детские игры, овладевала детской душой»⁹⁴.

Определенная часть поместных дворян не признавала ружейной охоты. «Она, по их понятиям, была не барской забавой, ею могли заниматься егеря, доставляющие дичь к столу. Барское ли дело шагать с ружьями за плечами по лесным зарослям или по болотам? Псовый охотник в поле на коне, он не бьет своих ног по кочкам и грязи, он чувствует свое превосходство перед ружейником, как кавалерист перед пехотинцем»⁹⁵.

Псовая охота в момент приезда в имение большого количества гостей становилась главным событием из череды предлагавшихся увеселений. Очевидец так описывает подготовку к псовой охоте и саму охоту в имении Спасском Орловской губернии, которое принадлежало родителям И.С. Тургенева: «В самый же день праздника, по возвращении хозяев с гостями от поздней обедни, приходил священник с крестом; садились за завтрак, потом за обед, по окончании которого те из гостей, которые не принимали участие в предназначавшейся обыкновенно на следующий день охоте, разъезжались по домам, а любители её выходили на балкон, откуда осматривали своры и егерей. На другой день, чем свет, они выезжали со двора и рыскали по полям до самого вечера; иногда и барыни сопутствовали мужчинам в тяжелых четырехместных каретах. Остановившись обыкновенно где-нибудь у опушки леса, они поджидали, чтобы кто-нибудь из охотников, для вящего их удовольствия, загнал зайца или лисицу чуть не под самые колеса кареты, в ожидании чего вынимали из узелков пирожки, закуски и разные лакомства. Но с наступлением сумерек, дамы и проголодавшиеся охотники спешили вернуться обратно. Вдали виднелся ярко освещенный дом, в нем уже гремела музыка и ждал гостей богатый ужин»⁹⁶. Как видим, в отдельных имениях псовая охота была сопряжена не только с охотничьей страстью их владельцев, но и представляла из себя неплохо отрежиссированную театрализованную постановку, в которую вовлекались и гости.

Содержание охотничьей своры было довольно затратным удовольствием для их хозяев, но её качество и количество подчеркивали статус владельца в поместной среде. Так, дворянин, охотивший-

ся со сворой до 10 собак и на хлопки, но без гончих, по охотничьей терминологии назывался мелкотравчатым⁹⁷. Сам этот термин говорил о месте данного охотника в иерархии местного дворянства.

Другой страстью, которой жило дворянство, были игральные карты. Они занимали значительную часть семейного досуга, вечеров с гостями. Закрытый банк, штосс и банк открытый, чет и нечет, имянки, широкий лист, наклейное очко, гальб-цвельф, вист, вист-преферанс, дурачки, трынка и горка и т.д. – все эти названия были хорошо известны завсегдатям карточных игр, обозначая одну из них.

Наряду с умением танцевать, фехтовать, изъясняться по-французски, стрелять, скакать верхом и прочими необходимыми в дворянском общежитии навыками, умение играть в карты было непременным элементом светской образованности⁹⁸.

Оборотной стороной карточной игры было разорение одних и обогащение других, когда в карты проигрывались целые состояния, имения, крепостные крестьяне, скаковые лошади, борзые гончие и т.д. А.А. Потехин в романе «Бедные дворяне» через переживания мелкопоместного дворянина Никеша Отрашкова показывает накал страстей при игре в карты, когда на кону стояли довольно большие суммы. «Азартность игроков постепенно возрастала: вскоре уже не двадцати пяти рублевые ассигнации, но целые сотни и тысячи рублей ставились на карту и переходили из рук в руки. Самыми упорными и горячими противниками оставались Рыбинский и Неволов. Последний часто выходил из себя, не умел скрывать радости, когда выигрывал, и досады при проигрыше; Рыбинский спокойно удваивал, утраивал и без того уже крупные куши, равнодушно подвигал деньги, когда торжествовал противник. Никеша с трепетом, с невольным замиранием сердца смотрел на огромные, невиданные до толе, кучи денег...»⁹⁹.

Карточный проигрыш, сопряженный с полным или частичным разореньем, в повседневной жизни дворян не всегда был связан с везеньем или профессионализмом игрока. Существовали криминальные сообщества, иногда за внешним фасадом аристократического дома, где картежное шулерство становилось причиной многих человеческих трагедий. Н. Основский в литературном очерке

«Порода хищников» показывает, как Алексей Степанович Мурзанов, принадлежавший к высшему свету, поставил в собственном доме карточное шулерство на поток, разоряя не последних людей из местного дворянства. Местом описываемых событий автор выбрал Москву 1850-х гг., но подобные факты могли иметь место в любом провинциальном городке. «...По водворении Мурзанова в Москве, в доме его мало-по-малу завелась игра, игра большая, азартная, в которой, однако, он не принимал, по видимому, большого участия, а, как сказано выше, в небольшой доле у других банкометов. Впрочем, это было только по-видимому, в сущности же, банк метали его агенты, испытанные шулера, которым он давал полпроцента, иногда и процент с выигрышной суммы; проигрыши, разумеется, бывали редко, и то умышленные или уж самые непредвиденные.

Алексей Степанович не только не играл сам, но старался отвлекать и других от игры, по крайней мере, старался это показывать.

Члены этого специального заведения разделились на разные классы, смотря по способностям. Одни только и делали, что метали банк (это – обладавшие проворством рук); другие занимались краплением, обрезыванием, разборкою и подборкою карт; третьи рыскали по городу, собирали сведения; не получил ли кто денег, не продал ли, или не заложил кто имение, не умер ли у кого богатый родственник и т.п. Члены этой последней корпорации принадлежали вообще к людям образованным, допущенным в хорошее общество, но промотавшимся»¹⁰⁰.

Таким образом, игра в карты в дворянской среде и все, что её окружало, было своеобразным миром, где действовали свои правила, нормы этикета, понятия чести. В этом мире были свои кумиры, карточные князья и прислуга. Расцвет этого мира приходился на дореформенный период.

Определенная часть дворянства, вероятно, меньшая, проводила свой досуг, избегая карточной игры. Вне рамок охоты, верховой езды, это были балы, званые ужины, но примечательными в отдельных семьях были «литературные игры». Я.Н. Бутковский вспоминает: «В начале сороковых годов у отца моего в доме обыкновенно по воскресеньям собирались родные и знакомые. Эти дру-

жеские сходки отличались, в особенности, тем, что вечера обходились без карточной игры. Когда собиралось побольше молодежи, то устраивались танцы; но любимым развлечением служил «Псевдоним», еженедельный рукописный журнал, который прочитывался вслух кем-либо из присутствующих.

Статьи этого домашнего журнала были беллетристического, юмористического или слегка философского содержания и подписывались вымышленными именами, почему и самый журнал носил название «Псевдонима». Редактором журнала был избран один из среды нас, на скромность которого можно было положиться, так как ему одному должны были быть известны имена авторов.

В течение недели, каждый, желающий поместить свое произведение присылал пакет редактору, который, пропустя его через снисходительную цензуру, отдавал переписчику, и статья появлялась в воскресном журнале. Автор статьи, конечно, тут же присутствовал, принимая самый радушный вид... Всякие нападки на личность строго исключались: но легкие эпиграммы или сатирические статьи, облеченные в литературную форму, были допускаемы»¹⁰¹.

Здесь необходимо уточнить, что досуг в стенах личных библиотек и попытки написания неких литературных изысков не были характерны для широкого круга поместного дворянства. И это относилось не только к нижним подгруппам среднепоместного дворянства и мелким помещикам, у которых вопрос о хозяйственном выживании являлся приоритетом. Определенная часть богатых помещиков не видела в книгах чего-то заслуживавшего внимания, более того, на что надо было тратить время и деньги.

Характерным примером подобного отношения к книге может служить попытка МВД распространить среди дворян Курской губернии билеты на приобретение посмертного собрания сочинений А.С. Пушкина.

«Когда А.С. Пушкина не стало на свете, то император Николай Павлович счел своим долгом озаботиться обеспечением участи сирот великого поэта... Среди других способов обеспечения государь указал на необходимость распространения по России сочинений Пушкина, от продажи которых мог бы образоваться капитал на воспитание малолетних детей его.

Вследствие такой высочайшей воли, министр внутренних дел обратился к губернским предводителям дворянства с просьбой: пригласить дворян к покупке билетов на издание полного собрания сочинений А.С. Пушкина.

В Курске в 1837 году дворянским предводителем был Сонцев. 22 мая он от министра получил нижеследующее письмо, которое указывает на то, какого высокого мнения о таланте Пушкина было правительство, в нем, в частности, говорилось: «Кажется, нельзя сомневаться, что русские почтят память великого поэта и, вместе с тем, будут способствовать оказанию помощи его детям. Уверенный в деятельном участии вашем, я поручил моей канцелярии доставить билеты на получение сочинений Пушкина».

Этих билетов курскому губернскому предводителю было доставлено 40, с № 10,031 по № 10,70...

От 6 уездов (из 15) в Курске были получены известия, что «при объявлении земским судом билетов на получение полного собрания сочинения покойника Пушкина, никто из господ дворян этих билетов взять не согласился». От двух уездов губернский предводитель вовсе не получал сведений о судьбе подписки, хотя уже назначений им для ответа срок прошел. Интересно то обстоятельство, что к числу уездов, где дворяне не поинтересовались сочинениями великого поэта, относился и Курский, отличающийся многочисленностью представителей «благородного сословия».

В сентябре 1837 года Сонцев имел возможность за проданные в губернии 27 билетов выслать в министерство внутренних дел 945 рублей. Таким образом 13 билетов остались не разобранными, и их нужно было вернуть в Петербург. Но вскоре министр внутренних дел уведомил курского предводителя, что «хотя продажа билетов на получение полного собрания сочинений умершего поэта А.С. Пушкина была ограничена по 1-е октября 1837 года; но признано необходимым отложить срок этой продажи еще на один год...

Отсрочка в продаже билетов дала возможность курскому губернскому предводителю убедить дворян купить еще несколько билетов. Это ему удалось. Именно, 7-го июля 1838 года он отправил в Петербург еще 315 рублей за проданные 9 экземпляров под-

писных билетов. Но два уезда, Курский и Путивльский, продолжали безмолвствовать»¹⁰².

Сам факт того, что губернский предводитель дворянства, по распоряжению министра внутренних дел, смог за 2 года из 40 подписанных билетов на собрание сочинений А.С. Пушкина распространить только 36, говорит о многом. Курское поместное дворянство первой половины XIX в. нельзя отнести к читающей публике.

Усадебную повседневность за рамками хозяйственной деятельности вряд ли стоит сводить только к танцам, карточной игре, чтению, охоте, верховой езде, общению с гостями. Реальная жизнь поместного дворянства не могла быть заключена в рамках нескольких сфер досуга и развлечений. Отдельные поместные владельцы занимались серьезными научными изысканиями, другие, обладая солидными капиталами, любили работать на различных станках, играть на скрипке и т.д. В частности, воронежский дворянин А.Д. Чертков в 1822 году вышел в отставку полковником и посвятил себе научной деятельности. Спектр его научных интересов был весьма широк: древнейшая история Сицилии, попытка дешифровки этрусских текстов, флора Острогожского уезда Воронежской губернии, нумизматика. Его библиотека насчитывала 17 тыс. томов и имела систематизацию по способу, принятому в лондонском Британском музее. П.А. Паренаго, выходец из небогатой воронежской помещичьей семьи, работая землемером, самостоятельно выучил нотную грамоту и неплохо играл на скрипке¹⁰³. Владелец Воронежской усадьбы Староживатинное Г.Н. Оленин хранил в барском доме, а не в хозяйственных «флигелях», полный землемерский инструмент, «токарный станок, наклеенный красным деревом, с частью токарного инструмента»¹⁰⁴. Это свидетельствует об определенных интересах Г.Н. Оленина.

Указанные пристрастия повседневного характера не были типичными явлениями в контексте более широких, общепризнанных форм досуговой деятельности помещиков.

В чередѣ повседневных реалий помещиков и девиантное поведение как отдельный проступок индивида или устоявшаяся норма поведенческих проявлений также имело место. Но такое поведение, по своей сути, было исторично, несло на себе отпечаток эпохи,

и отношение к нему со стороны общества так же было исторично. Здесь необходимо учитывать, что термин «девиантность» более широкий по сравнению с термином «преступность», если девиантность рассматривается с точки зрения отрицательных поведенческих стереотипов. Отсюда, можно согласиться с австрийским исследователем Ангелой Рустемайер, что под девиантностью необходимо понимать явления, не соответствующие норме в глазах современников¹⁰⁵.

Неприятие в дворянской среде вызывало поведение, быт отдельных помещиков, у которых претензии социального плана не соответствовали их реальному статусу, переходя границы устоявшегося этикета благородного сословия. Особенно это проявлялось, когда мания величия в отношении окружающих принимала гипертрофированные формы. Так, современник вспоминает одну помещицу Р., которую никто не называл иначе как «Царица Корсунская» (по названию имения Корсунское на границе Тульской и Орловской губерний): «Она окружила себя придворным штатом: у нее были свои камергеры, камеръюнкеры, камер-пажи, шталмейстеры, статс-секретари, фрейлины и проч. Для всех она изобрела особые мундиры и платья, обшитые золотыми и серебряными галунами. Она выслушивала доклады и клала резолюции, подписывая только одно свое имя, казнила и миловала, награждала чинами, окладами и одним мановением руки лишала всех милостей и ссылала на хутора. Все её распоряжения объявлялись не иначе, как письменно, через придворную канцелярию. Она редко показывалась перед своими крепостными. Видеть её могли только придворные чины, а для посторонних свидание с нею было обставлено большими формальностями. Нужно было для этого подать заявление в канцелярию, выждать день доклада статс-секретаря и наконец получить формальное уведомление, что в такой-то день и час просителю назначена аудиенция. Такая процедура была обязательна не только для крепостных, но безусловно для всех. Прием она делала не иначе, как зале, восседая на троне, окруженная придворным штатом...»¹⁰⁶.

Это не типичный образец повседневного общения с окружающими представителями верхних страт помещного дворянства, но

фактически бесконтрольная власть помещиков над своими «подданными» – крепостными крестьянами – способствовала появлению определенных социопсихологических отклонений от принятых в данном социуме норм.

Другими проявлениями девиантного поведения в повседневной жизни отдельных помещиков было стремление жить разбоем, когда «на большую дорогу» с целью грабежа отправлялись крепостные крестьяне. Как правило, подобные факты в исследуемом регионе отмечены в Курской губернии, в районе исторического русско-украинского порубежья. Курские дворяне-разбойники, по воспоминаниям современников, не могли претендовать на лавры Дубровского: благородство в них напрочь отсутствовало. Такое поведение определенной части курских помещиков имело давние исторические корни и, скорее всего, являлось наследием порубежной казачьей вольницы. В подтверждение этому Н.И. Костомаров отмечает: «В старых делах XVII и XVIII веков много можно встретить челобитных на своеволие порубежных помещиков; теперь еще существуют дворянские фамилии, упоминаемые в таких челобитных и в розыскных делах, возникавших по челобитным. Такова, между другими, была фамилия Дуровых. Предание сохранило память о Марфе Дуровой как о знаменитой разбойнице. В Путивле, как мне сообщали, осталось дело «о притаманной несказанной шкуре и разбойнице Марфе Дуровой». Оно относится ко времени царствования императрицы Анны Иоанновны. Это была местная помещица, жившая недалеко от Казачьей Дубровы; она была из влиятельного в крае дворянского рода, богатая и чрезвычайно своевольная...

Вместе с тем, она занималась разбоями, поднимала толпу своих крестьян, из которых редкий не был, хотя один час, в качестве её любовника, и производила с ними наезды на соседей. Верхом сидя на коне по-мужски, с перевязанным через плечо ружьём, с пистолетом в кармане и с саблей при боку, скакала она, предводительствуя своею шайкою, а за нею ехали другие мужики на возах, чтобы забирать добычу. Она не приказывала своим крестьянам сеять и убирать хлеб, и говорила – не для чего им работать, не зачем потеть и жариться на солнце: все можно получить даром, приготовленное

чужими трудами... Иногда Марфа нападала на селения и на помещичьи усадьбы...»¹⁰⁷. Чтобы прекратить этот разбой шайки Дуровой была направлена войсковая часть. Вместе с двумя сыновьями и остальными участниками её «войска», оставшимися после разгрома, Марфа была арестована, осуждена и отправлена в Сибирь на каторгу¹⁰⁸.

В дореформенный период эстафету от Марфы Дуровой подхватила уже упоминавшаяся выше щигровская помещица Александра Алымова. «Ещё и по сие время по Щигровскому уезду говорят: «эх, ты, село Вязовое, кто в тебя заедет, тот завоя!» Заметим, что и теперь целую часть этого селения народ по старинному называет «Поныри». И это прозвище как-то невольно заставляет вспоминать то время, когда в этой местности жила «по норам», то есть не в рубленых хатах, а темных, сырых землянках, целая деревня несчастных крестьян дворянки Алымовой, которых еще её первый муж Сычев приучил к настоящему разбою, равно и как всю свою дворню. Впрочем, следует добавить, что и в бытность свою за вторым мужем Алымовым не раз посылала своих людей «кормиться дугою», не только на ближние, но и на дальние разбои, так сказать, в отъезжие поля»¹⁰⁹.

Примечательно, что на протяжении длительного времени ближайшей округе было известно об указанных «подвигах» своих соседей-помещиков и частично отразилось в местной топонимике, фольклоре.

Элементы разбоя в помещичьей дореформенной повседневности проявлялись и в выяснениях отношений друг с другом владельцев усадеб при помощи своих крепостных крестьян, которые представляли из себя в этот момент подобие дружины поместного дворянина. В ходе таких баталий нередко проигравшая сторона несла материальные убытки, когда «трофеи» вывозились победившей стороной. Р.Л. Марков вспоминает подобную войну в Щигровском уезде Курской губернии между своим дедом Александром Андреевичем и его соседом А.Г. Осоргиным (настоящая фамилия соседа изменена. – *В.Ш.*), в ходе которой был совершен ночной набег на имение А.А. Маркова. «И страшное побоище началось. Дубины, вилы, косы, кулаки – все пошло в дело. Вслед затем поднялся рев,

крик и стоны, леденившие кровь. Грабители брали верх своим чрезмерным многолюдством, но бесспорно уступали в силе и удали сторожам. К тому же узкие переулки между скирдов, где уже толпились воза, высоко нагруженные снопами, значительно помогали караульщикам отбиваться от грабителей. Те хотя и наседали на них, но заметно робели, опасаясь подмоги с села. Да к тому же, в тесноте, они нередко подбивали друг друга цепями и задевали косами. Однако, многолюдство позволяло им бить караульных и в тоже время навивать воза хлебом...

– На слом, на слом! – вопил Осоргин, бегая среди своих. – Наша берет!

– Ребята, держись! – гремел Потап, перекидывая через свою голову одного из нападавших.

– На уход, на уход! – вдруг закричал Осоргин, с трудом отмахиваясь рогатиною от набежавшей подмоги. – Увози хлеб скорее! – Гони лошадей! – кричал он, надсаживаясь.

Но ни одного навитого воза нельзя было сдвинуть с места. Старый Селиверст, опытный в подобных делах, под шум битвы, ловко перерезал во всех упряжных хомутах по одному гужу и все черезседельники... Сам Осоргин едва спасся, вскочив в пустые санишки... Большинство же его обоза досталось деду, который и подарил его своим людям»¹¹⁰.

Данная батальная сцена больше напоминает времена средневековых феодальных усобиц, чем выяснение отношений между помещиками в дореформенный период. Но здесь примечательно то, что для автора это не из ряда вон выходящее событие: так, при описании употребляется термин «опытный в подобных делах», а марковские караульщики действуют уже по отлаженной схеме обороны. То есть, подобные выяснения отношений помещичьих дворян, не прибегая к судебной практике, имели широкое место и напоминали собой коллективную дуэль с использованием мускульной силы крепостных крестьян.

Из всего вышесказанного можно констатировать, что усадебный быт за рамками хозяйственной деятельности не замыкался в границах классического дворянского досуга – охоты, рыбалки, верховой и пешей прогулок, времяпрепровождения с соседями и гос-

тями, различных азартных игр, танцев и чтения. Быт помещиков был также связан с насилием и грубостью, чванством и бескультурьем, в частности, с защитой своей собственности от агрессивных соседей, ежедневным пьянством, издевательствами над крестьянами, неподдельным подражанием этикету и церемониалу владетельных домов, принижая своих соседей-помещиков. Нередко были случаи, когда помещики в своих поместьях устраивали крепостные гаремы или принуждали в массовом порядке к сожительству молодых дворовых девушек.

Культура дореформенного поместного быта во многом зависела от страты помещика, его воспитания в семье и личных склонностей, местных традиций поместного дворянства, собственного понимания вопросов чести и христианской добродетели.

Реформа 19 февраля 1861 года буквально перевернула привычный образ жизни помещиков, выбив у них из под ног привычную почву крепостнического хозяйственного традиционализма. Вместе с этим, нередко, вопреки воле владельцев имений, менялся стиль и ритм усадебной жизни. Теперь приходилось на каждом шагу считать, мерить, экономить, что не являлось дореформенной привычкой для широкого круга крупноместного и среднеместного дворянства.

Правда, эта новая привычка приживалась с трудом и становилась стилем жизни постепенно, сочетая в себе старое и новое. Это хорошо отразил в своих воспоминаниях князь Е.Н. Трубецкой: «Я родился через два года после акта 19 февраля, в 1863 году, у колыбели моей боролись два мира, и в той среде, где протекало мое детство, все говорили о их встрече. Внешние рамки быта были живым напоминанием о дореформенной Руси, но вместе с тем все содержание было ново»¹¹¹.

В одночасье не могли уйти старые привычки, устоявшийся образ жизни. Тем более, временнообязанное состояние крестьян могло продлить их действие на определенное время. С.В. Ковалевская в своей во многом автобиографической повести «Нигилистка» на примере семьи графов Баранцовых показала характерные примеры изменения всей сути поместного быта в самом начале пореформенного периода: «После эмансипации все в доме сразу пере-

менилось. Доходы с имения так уменьшились, что пришлось все хозяйство поставить на иную ногу...

Большую часть дворни пришлось распустить, та же прислуга, которая осталась в доме, с детства привыкла к лени и безделью и теперь ворчала с утра до ночи на то, что ей прибавилось работы. У господ сердиться и «быть не в духе» сделалось нормальным состоянием. Между собой они тоже постоянно ссорились... Не из-за ревности ссорились теперь граф с графиней, а из-за денег, не из-за чего иного, как из-за денег. Всякий раз, когда графиня приходила просить денег на хозяйство, граф осыпал её упреками за расточительность, небрежность, отсутствие порядка. Ни один заказ нового платья ей самой или дочкам не обходился без домашней сцены. С другой стороны, стоило графу заикнуться о поездке в город или к кому-нибудь из соседей, чтобы у графини тот час разыгрались нервы; но не хорошеньких соседок опасалась она теперь, того, что муж проиграется в карты или иначе как-нибудь истратит деньги»¹¹².

Бережливость во всем становилась определенным жизненным кредо для широкой массы дворян, включая и крупнопоместных. В то же время, изменилась и сама структура повседневности, несравненно больше времени стало уделяться хозяйственной деятельности, досуг постепенно уходил на второй план. Степень быстроты этого перехода во многом зависела от страты владельца имения, его обремененности долгами. Хотя в ряде случаев, весьма нередких, представители аристократии подавляющую часть своего времени тратили на выискивание механизмов для «выживания» имения. М. Ремезов в очерке «Старый двор» на примере графа Дмитрия и княжны Анны иллюстрирует сказанное: «И вот избалованный офицер и великосветская куколка сразу переродились, сбросили с себя аристократические натуры, нарядились в полушубки и высокие сапоги и принялись за черную работу деревенского хозяйства. Оба на конях с четырех часов утра, осенью – до зари еще, они всем решительно распоряжаются сами, без управляющих, без приказчиков, далеко не каждый день завтракают и обедают дома: сплошь и рядом кружка молока с мужицким черным хлебом, яйца с крупной солью составляет их меню на целый день. Нередко каждому из них приходится заночевать где-нибудь на хуторе, на дальнем скотном

дворе, в лесной сторожке. Добравшись до какой попало постели, оба настолько утомлены, что моментально засыпают крепчайшим сном тружеников, с рассветом встают добрые и сильные, садятся снова в седла и опять принимаются за свое дело изо-дня в день, летом, осенью, зимой и весной. И оба здоровы, веселы, счастливы, любят друг друга безгранично. И так живут они восемь лет. Разоренное имение превратилось в целую систему прекраснейших образцов солидной деловитости...»¹¹³.

С другой стороны, в крупных поместьях привычный быт был немыслим без многочисленной дворни. Но в условиях пореформенной социальной модернизации это не соотносилось с курсом на сокращение излишних расходов. Проблема сокращения дворни также была сопряжена с личной привязанностью многих помещиков к своим нянечкам, камердинерам и просто к старым слугам, которые служили в усадьбах десятками лет. Они являлись неотъемлемой частью их жизни. Тамбовский помещик Б.В. Глинский отмечал: «Флигеля, кухни, конюшни, амбары были переполнены народом, который только номинально числился при деле, а в сущности в большинстве случаев бил баклуши и имел смутное понятие, что значит в поте лица добывать хлеб насущный. Все это были остатки, наследия крепостного права, немой укор минувшему порядку вещей. Дворня и дворовые люди в России остались забытыми великим законодательством 19 февраля и продолжали цепляться за своих прежних господ, требуя себе хлеба и, сообразно новым условиям жизни, вознаграждения. Что им было до того, что господа уже не могли пропитать этих желающих есть и обездоленных землею: это их не касалось; они хотели жить и дорожили насиженным местом и гнездом»¹¹⁴.

Быт мелкопоместных дворян после отмены крепостного права еще более окрасился в темные тона, не давая надежды на какой-либо просвет. Особенно тяжело приходилось нижним подгруппам мелких помещиков, чья повседневность складывалась из ежедневной борьбы за существование, прозябание в условиях, которые не как не соотносились с понятием дворянской усадьбы. Н. Василич в очерке «Из воспоминаний помещика-охотника» рисует яркую картину быта мелких помещиков в самом начале пореформенного пе-

риода: «Корягины жили очень плохо и бедно. Их «эмансипация», заставшая именщице, обремененное долгами, при отсутствии в то время дешевого кредита, доконала. Семья эта состояла из старухи матери, давно овдовевшей, сына и пяти девиц, младшая из которых воспитывалась на дворянский счет в местном губернском институте, а старшей было уже за тридцать лет. Вся семья существовала не на доходы с имения, которых еле хватило на внесение процентов по залoгу, а на деньги, посылаемые молодым Корягиным, служившим где-то и получавшим сравнительно порядочное жалованье. Имение давало жилище, солому и хворост для топлива, муку, молоко, масло и иные продукты, дешевую прислугу, а жизнь в деревне не требовала почти никаких расходов. Но зато какая это была серая, скучная жизнь! Тоскливая, беспросветная до одурения»¹¹⁵.

У части самых низших подгрупп мелкопоместного дворянства (до 10 дес.) весь день был занят сельскохозяйственными работами, и их быт совершенно не отличался от крестьянского. Крестьяне же не видели в них представителей благородного сословия и при первой возможности хозяйственно прижимали «мужиков-дворян». Н.А. Хлопов в своих путевых заметках приводит разговор земского служащего с таким дворянином, чья «усадыба» находилась на границе Харьковской и Курской губерний:

«— Где же ваша семья?

— Жинка на бураках, у Терещенки, поденно, а сынок товар (скот) пасет. Жинка там на плантациях и заночует: не близко ходить. А товар теперь уже скоро пригонят.

Он глянул в окошко на солнце, заменявшее ему часы. Солнце уже низко стояло.

— Да только у нас кормы для скота, вот горе наше. Лугов нету, толоки мало, — на стерпах пасем.

— А сколько лично у вас пахотной земли?

— Три десятины. И выгона нету. У мандрыхинских мужиков — у тех есть выгон. Да только как ступит на него наша корова или овца, — они её сейчас «занимают» (загоняют, арестовывают). Ходи и выкупай!»¹¹⁶.

В пореформенный период в Центральном Черноземье, в частности, Курской губернии, существовали целые селения, «как,

например, колония близ Курска, в которой живут однофамильцы Толмачевы, или, как их называют в округе, «Толмачишки». Дворяне эти живут в крестьянских избах, ходят в лаптях и нередко нанимаются в батраки к крестьянам»¹¹⁷.

В дореформенный период селения, полностью состоящие из мелких помещиков, в рассматриваемом регионе тоже встречались часто, но в них современники не отмечали вышеуказанного социального упадка. Найм дворян батраками к крестьянам являлся одним из результатов пореформенной буржуазной модернизации русской деревни, где у части поместных владельцев быт стал не отличим от реалий крестьянской повседневности.

Психологический дискомфорт в поместную повседневность привносился постоянной картиной разорения соседей-помещиков. Процесс сокращения числа имений в пореформенный период набирал угрожающие темпы и это морально угнетало поместных владельцев, как бы рисуя их возможное будущее. Еще до аграрного кризиса 1880-х гг. было значительное число помещиков, потерявших свои имения, на которых держалось все благополучие как усадебного дома, так и всех членов семьи. Подсчитано, что уже в первые 16-17 лет после реформы отмены крепостного права число имений сократилось на 10,9 тыс., т.е. на 8,4%, «...причем сокращение почти в равной степени коснулось всех групп владельцев. За это время площадь дворянского землевладения уменьшилась примерно на 12%»¹¹⁸. В число разорившихся помещиков входили не только те, кто не смог хозяйственно перестроиться в новых условиях, но и те, кого постигли неудачи в предпринимательской сфере.

У старшего поколения поместного дворянства неумение приспособиться к жизни без крепостных крестьян вело к разорению и, прежде всего, – к продаже земли. Но, как справедливо отмечает И.М. Пушкарева, усадебный дом с окружающими его постройками помещики предпочитали сохранять за своим родом. В этом кроется, очевидно, и ответ на вопрос: «почему несмотря на постоянно идущее сокращение за счет продаж земли среднепоместным и крупнопоместным дворянством, его земельный фонд по стране сокращался, а число усадеб оставалось прежним...»¹¹⁹. Уменьшение доходов с сокращенного фонда земель не могло не сказаться на возможностях

помещиков поддерживать внешний вид и убранство своих домов. Обветшалость барских усадеб в пореформенный период становилась весьма наглядной объективной реальностью.

Факт запустения барских усадеб в «срединных великорусских губерниях» пореформенного периода, на примере своего родового имени Михеево Егорьевского уезда Рязанской губернии, показал известный беллетрист С.Т. Славутинский: «Не мало пустырей из-под разных прежних построек застал я на обширном пространстве. По многим, тут же лежавшим, пням больших и не больших, давно уже срубленных деревьев, заметно было, что здесь находился большой сад с аллеями, конечно, из лип, тогда так любимых, даже чтимых за целебные свойства своего цвета помещиками срединных великорусских губерний. Но между деревьями вокруг новой помещицкой усадьбы в Михееве, заведенной моим отцом уже в гораздо меньшим против прежнего размера, старых лип вовсе не было, а осталось с одной стороны двора только ряд огромных берез, да отдельно и не близко от нового дома стояло несколько таких деревьев, которые, должно быть, тоже ограничивали когда-то старый господский сад... Вообще, оставшиеся при мне признаки старинной усадьбы: пустыри с мусором на тех местах, где были постройки, рытвины какие-то, заросшие крапивою и чернобыльником, полусгнившие огромные пни, да и эти огромные же березы со лишистою корою на стволах, с низко опущенными, как у плакучих ив, ветвями, – производили печальное впечатление, и оттого более, как кажется мне, что новая усадьба нисколько не прикрывала остатков старой, почему и сама она имела вид, как бы, полуразрушенной»¹²⁰.

Неубранные кучи мусора и полусгнившие пни вокруг родового дома в дореформенный период вряд ли бы остались без внимания владельцев усадьбы.

Из дореформенного периода в пореформенный период перешла традиция жить по внутреннему распорядку, установленному раз и навсегда. Этот распорядок переходил из поколения в поколение, естественно, постепенно эволюционируя, но в своей сути, как казалось окружающим, он оставался неизменным. Сегодня мы это называем семейной традицией.

В подавляющем числе семей поместного дворянства, как и в

дореформенный период, молитва предшествовала всем ежедневным начинаниям. Церковный календарь прочно входил в частную жизнь помещиков, разбивая её на определенные циклы объектов, запретов, предписаний, разрешений и т.д. Начало религиозного воспитания закладывалось тоже в имени. В крупных поместьях наряду с родителями это делала няня, в мелкопоместных семьях – родители, родственники ребенка. Религия пронизывала все сферы дворянской повседневности.

Семейной трапезе, угощению гостей и просто приему пищи продолжали уделять большое внимание, данный процесс занимал значительный отрезок времени в распорядке и в повседневном круговороте помещичьей усадьбы. Тамбовский помещик Б.Б. Глинский вспоминает: «Собственно процесс питания совершался целый день: на кухне повар отпускал авансом кусок обеденного мяса или крылышко жареной птицы, на скотном дворе и в ледниках для утоления жажды пьешь вволю молоко, на огороде садовник угощает стручками гороха и бобов, огурцами и молоденькой морковкой, в застольной похлебаешь жирных людских щей; набегаясь до изнеможения и завалишься под кустами смородины, крыжовника и малины и щиплешь ягодку за ягодкой...»¹²¹.

В нередких семьях помещиков, особенно преклонного возраста, завтрак, обед и ужин были теми ключевыми моментами в распорядке дня, вокруг которых и концентрировалась вся усадебная повседневность. Подобный распорядок дня, не предусматривавший большой личной хозяйственной загруженности владельца, его частые отлучки из дома, могли позволить себе отдельные представители верхних страт поместного дворянства, где управление экономией передавалось в руки управляющих. Такая ритмика поместной повседневности и являлась продолжением дореформенной традиции дворянского быта. Но данная ритмика уже не отражала тех перемен, где в ежедневной практике помещиков хозяйственная деятельность выходила на первое место.

В качестве примера подобного «реликтового» распорядка дня помещика можно привести ежедневную традицию трапезы поместной дворянки села Яблоново Корочанского уезда Курской губернии Л.Г. Алексеевой, у которой было 600 дес. земли и около ста тысяч

рублей банковских вкладов. По местным меркам, она была несметно богата и могла позволить себе то, что другим было непозволительно, а главное – разорительно мало времени уделять хозяйственным делам. «Лидия Григорьевна обыкновенно вставала в восемь часов утра и, если это было лето, надевала перчатки и шляпу, которые, по её словам, верою и правдою служили ей более тридцати лет, и, вооружившись садовыми ножницами, отправлялась в сад. Срезав несколько сухих веточек сирени или роз, возвращалась в комнаты, и все садились пить чай. Комната, в которой она проводила большую часть дня, была гостиной и столовой – в одном конце столовая, в другой – гостиная. К столу подвигался небольшой столик, на который ставился кипящий самовар. Пелагея Александровна разливала чай, а Лидия Григорьевна серебряными щипцами брала сахар из специальной шкатулки красного дерева и клала каждому в стакан, спрашивая при этом, сколько кусков кто хочет. К чаю подавались – масло, французская булка и какие-нибудь коржики. Чаепитие продолжалось не очень долго, а после него все переходили в гостиную... Точно в 11 часов приходила «газета» – её бывшая экономка Софья Петровна, – доставала из сумки начатый чулок и начинала вязать с молниеносной быстротой, рассказывая сельские новости. Подавали кофе... После кофе перемещались в гостиную и оставались там до обеда, который подавался ровно в два. Если среди гостей был кто-то из взрослых мужчин, то на столе, стоявшем у стены под зеркалом, сервировалась закусочка и водочка. Опрокинув и закусив, все рассаживались за столом. На первое всегда был борщ, на второе какое-нибудь жаркое и затем сладкое. Летом малина или клубника со сливками или сахаром...

В шесть вечера – чай. Летом на галерее, а в другое время в столовой. Подавались: разных сортов варенье, сладкие пирожки и прочие печенья... В десять подавался легкий ужин – холодное мясо, молоко или еще что-либо в этом духе»¹²².

Необходимо отметить, что даже в богатых семьях помещичьих дворян на стол покупались, в основном, те продукты, которые нельзя было производить в собственном хозяйстве. Так, например, из счета магазина рыбных, бакалейных и фруктовых товаров А.П. Немцева в Рыльском уезде Курской губернии видно, что гос-

подину В.С. Ващанину в марте 1899 г. отпускалось: «Судока свежего, сыра Ивановского... мармелада, цукатов, риса длинного, масла подсолнечного, песка сахарного, соли, дрожжей, шоколада, семя подсолнечного, сахара пиленого, изюма, пряников, осетра малосола, рахат лукум... карамели, чая, муки 1 и 2 сортов, сельдь галандская, севрюги, шпрот в масле, грибов сухих, леща малосола, манной крупы, кофе гималайского»¹²³. Мясо птицы, свинина, баранина, отчасти говядина, большей частью, в средних и крупных поместьях были продуктом собственного хозяйства. Это относилось и к молочным продуктам, фруктам и овощам, мучным изделиям, всевозможным наливкам и домашним винам.

В ряде дворянских семей, несмотря на несомненную любовь к отдельным блюдам, их подавали в строго отведенные дни, памятные для всей фамилии. В частности, харьковский дворянин И.М. Слезкин, имевший широкие знакомства в г. Белгороде Курской губернии, вспоминая свое детство и семейные традиции кулинарного плана, отмечает: «У нас дома любили есть блины, но они полагались лишь на масленице, ибо есть их в другое время считалось чем-то поминальным и грустным. Имея это в виду, блины допускались лишь один раз в год вне масленой недели, именно это бывало 31 Декабря в день кончины Дедушки Ивана Львовича»¹²⁴. В данной ситуации блины принимали сакральную окраску и отождествлялись с днем поминания конкретного предка.

Примечательной пореформенной деталью поместной повседневности в рассматриваемом аспекте было то, что теперь помещик или юные барчуки не гнушались, заходя в гости в крестьянские избы, сесть за обеденный стол и «отъявствовать» с хозяевами. Естественно, это относилось к определенному кругу крестьянских семей, отличавшихся достатком и чистоплотностью. Тем не менее, это, как показывают современники, были не единичные, праздничные угощения крестьянскими блюдами, а обычная реальность пореформенной деревенской жизни. В этой связи С.А. Туник пишет: «Кулинария у крестьян была не сложная. Я предпочитал быть приглашенным в хохлацкие хаты, чем в русские избы. Там было большее количество и разнообразие угощений. Должен сказать, что русские крестьянки готовили хуже хохлушек. В обычные дни недели

крестьянин пил молоко, ел хлеб и шел на полевые работы... Дома ели разные борщи, супы, хлеб, капусту и огурцы, лук, чеснок в разных видах. Сушили и солили грибы, сезонные овощи; собирали и мочили ягоды, яблоки, груши. Мясо ели немного и нечасто – в постах, конечно, никогда. С молочными продуктами особо не водились; пили молоко, делали ряженку, творог, иногда топленое молоко. Всегда пекли черный хлеб в русской печи на поду, убрав угли и золу... пекли блины, варили кашу...

Главное орудие еды была ложка, в каждой избе была одна вилка, может быть даже поломанная. На неё был постоянно наколот кусок сала, которым обтирали сковородку для жарки. У хозяйки имелось несколько ножей.

Ложкой каждый за столом лез в борщ или суп в одной большой миске и нес её ко рту над краюшкой хлеба. Мясо в скоромное время ложкой выуживали в борще или на дне миски и ели руками. Я тоже не страдал брезгливостью и ничем никогда не болел после этих крестьянских угощений»¹²⁵.

Юный помещик предпочитал кухню украинских крестьян, проживавших в Курской губернии, указывая на её большее разнообразие и качество. Вероятно, не будет ошибкой предположение, что если бы домашнее меню молодого Туника, в той или иной степени, не совпадало с «хохлацкой» крестьянской кухней, вряд ли бы он с такой легкостью и непритязательностью «харчевался» бы в крестьянских семьях.

Пореформенная социальная модернизация не могла не внести конкретные изменения и в одежду помещного дворянства. Крен в помещичьей повседневности в сторону хозяйственной сферы отразился на внешнем виде. Об этом со всей определенностью высказывается А.Н. Энгельгардт в своих знаменитых «Письмах»: «Барский костюм до такой степени отличен от мужицкого, приспособленного к образу жизни всего населения страны, что человек, носящий его, по необходимости должен носить с собою и всю обстановку соответствующую этому костюму. Городское платье: накрахмаленная рубашка, пиджак, тонкие комнатные сапоги; сверху: тяжелая шуба, меховая шапка, валенки до колен – все это непрактично, господин, одетый в городское платье и шубу, без при-

слуги буквально ступить не может. Необходимо иметь костюм, нужно иметь такой, который бы был тепел, легок, не стеснял движений... Весной, осенью, зимой дома я хожу в полушубке и валенках, или высоких сапогах и в таком же костюме бываю у крестьян, попов, помещиков средней руки, живущих подобно мне. Как было бы хорошо носить несколько измененный русский костюм. Русская рубаха, широкие панталоны, высокие сапоги – что может быть удобней летом в деревне. Сверху летом пиджак и для защиты от пыли легкий армячок, зимою полушубок. Русский костюм, несколько измененный, уже мало-помалу проникает в среду небогатых помещиков...»¹²⁶.

В ряде случаев даже отпрысков блестящих аристократических фамилий нельзя было узнать по внешнему виду и в целом по существовавшему образу жизни, который сильно изменился под влиянием тяжелых жизненных обстоятельств. В цитируемом уже очерке М. Ремезова «Старый двор» показано как молодожены граф Дмитрий и княжка Анна, получил в наследство 15 тыс. дес. земли и 1 млн.руб.долга, чтобы выйти из хронического кризисного состояния полностью посвятили себя хозяйственной деятельности, не обращая внимания на свой внешний вид и другие подобные «мелочи» жизни¹²⁷.

Было бы большим упрощением утверждение о доминирующей тенденции в изменении стиля одежды пореформенных помещиков в сторону упрощенности и хозяйственной целесообразности, хотя это, несомненно, присутствовало. Все зависело от страты помещика, его повседневных привычек, уровня достатка, моды в конкретной местности, степени влияния городской моды на тот или иной уезд, объема запасов в гардеробе, количества членов семьи и т.п.

В семьях представителей верхних страт помещичьего дворянства повседневные привычки изменялись медленно, материальный достаток и чувство собственного достоинства позволяли не отходить от привычного образа жизни, включая и одежду. Тамбовский помещик Б.Б. Глинский, вспоминая своего дядю, владельца усадьбы Сергеевки с гордостью отмечает: «Здесь многими годами выработалась какая-то особенная атмосфера задушевности, простоты и истинного барства, в лучшем смысле этого слова, того барства, ко-

торое не ищет сильных, знатных и богатых, держит себя ровно, спокойно и с достоинством... Высокий, плотный мужчина, лет под пятьдесят, с открытым чисто русским лицом, округлой с проседью бородой и густыми бровями, он импонировал окружающим своей уверенностью в себя, честностью и изяществом. Одетый и ранним утром дома, и в гостях просто, но со вкусом, он выделялся своей выхоленной чистоплотностью, педантизмом отношения и вежливостью к людям, простотою обращения и приветливостью»¹²⁸.

Современник отмечает, что истинное барство во внешнем виде отличалось подчеркнутой простотой, в сочетании с отменным вкусом и изяществом манер. Умение держать и подать себя в кругу семьи, в обществе накладывало определенный отпечаток и на внешний вид помещичьего дворянства, в восприятии которого все вместе указывало на несомненную «породу». Сам фасон одежды, как бы, уже не играл самостоятельной роли, он являлся частью его образа. В данном контексте необходимо иметь в виду, что среди среднепомещичьего дворянства городская мода в пореформенный период была доминирующей, хотя трудно найти в мемуарной литературе высказывания о выхоленности и внешнем изяществе помещиков средней руки. Нельзя отрицать, что и среди крупных помещиков немногие отличались изяществом манер и внешним видом, но эта была та страта, которая социально и культурно генерировала этот образ.

В мелкопомещичьей же среде внешний вид, фасон одежды и её опрятность являлись определяющим фактором в восприятии представителя благородного сословия. В низших подгруппах мелкопомещичьей страты нередко по внешнему виду трудно было догадаться, что это дворянин. И.А. Вернер, характеризуя отдельные категории дворянского землевладения в Курской губернии в 80-е гг. XIX в., специально указал на специфику быта и внешнего вида помещиков из низших категорий мелкопомещичьей страты: «Первую группу составляют захудалые дворяне, живущие в деревнях жизнью обыкновенных крестьян; иногда они составляют самостоятельную деревню, как, например, колония близ Курска, в которой живут однофамильцы Толмачевы, как их называют в округе, «Толмачишки». Дворяне эти живут в крестьянских избах, ходят в

лаптях и нередко нанимаются в батраки к крестьянам»¹²⁹. Ношение лаптей и проживание в избах на крестьянский манер не как не могло ассоциироваться с дворянским достоинством. Тем не менее, Толмачишки пытались придать своим «нарядам» некий вид дворянского лоска. Князь А. Ратиев, вспоминая свое курское детство в начале XX в., с определенным сарказмом подчеркивает: «В это лето (1905 год – *В.Ш.*) почти целиком сгорело и близкое от нас село Толмачевка, где живут «толмачевские дворяне». Толмачевские дворяне-крестьяне, по преданию, получившие дворянство от самой императрицы Екатерины II за то, что при следовании в Новороссию, когда её карета завязла в невылазной черноземной грязи, толмачевцы, не жалея себя, самоотверженно её вытянули и дальше несли на руках. Интересно то, что оставаясь настоящими крестьянами, полученное звание «толмачевцы», особенно женщины, не забывают и в отличии от остальных женщин из других сел, повязанных платками, по праздникам являются в Лебяжанскую церковь всегда в шляпах, с зонтиками, иногда в калошах – все это давно устаревших форм и фасонов»¹³⁰. Естественно, что подобный вид «толмачевских» женщин вызывал усмешки и определенное раздражение у представителей верхних страт дворянства.

Мелкопоместное дворянство верхних категорий своей страты, хотя и резко дистанцировалось по внешнему виду от помещиков низших категорий, но современники находили в них определенное «родство» в одежде и манерах с зажиточным крестьянством. И.А. Бунин в рассказе «Учитель» дает обобщенный портрет относительно зажиточного мелкого помещика: «Душа у Кондрата Семеныча была добрая, открытая. Пил он в кабаках, и в гостях, и на охоте, лгал, хвастался отчаянно... Колтыхая по деревенской улице, он так же дружески встречался и с помещиком, ставил ногу на втулку колеса к мужику, насыпая из него кисета цыгарку махоркой. Носил, как все мелкопоместные, длинные сапоги, шаровары, картуз и поддевку, которая издавала какой-то особенный запах – запах пороха и лошади; как и они, любил хвастнуть своей рыженькой троечкой»¹³¹.

В интеллигентной части поместного дворянства тяга к литературе, музыке, живописи продолжала оставаться в пореформенный

период в качестве одного из приоритетов повседневного досуга. Привитый с детства интерес к культурным и духовным ценностям не мог исчезнуть с началом социальной модернизации русской деревни. Но данный культурный интерес требовал наличия большого отрезка свободного времени и, как следствие, определенного материального достатка. Б.Б. Глинский, описывая быт своего дяди Сергеева, отмечает: «Воспитанный на французских классиках и произведениях западноевропейской живописи, он относился несколько свысока ко всему отечественному, хотя безвыездно провел всю жизнь в России. Ему хорошо было и дома, в своем кабинете, увешанном сверху до низу лучшими гравюрами итальянской, фламандской и английской школ, уставленном севрским и саксонским фарфором, среди шкафов, наполненных произведениями Вольтера, Руссо, Дюма, Вальтерскотта и отечественных корифеев литературы. Русскую литературу он любил, знал почти наизусть Батюшкова, Жуковского, Пушкина, но против русской живописи и музыки ратовал и спорил до крайности, исключение делалось только для Глинки, вспоминая тетю Веру, жену Сергеева, подчеркивал: «У тети Веры был большой музыкальный талант. Когда она в вечерние часы садилась в большом зале за рояль, и её маленькая, но твердая рука извлекала из клавиш задушевные мелодии собственных импровизаций или наполняла комнату могучими звуками Шопена, Бетховена, Моцарта, все обращалось в слух и внимание»¹³². Семья тамбовских помещиков Сергеевых, имея финансовую стабильность, не расставалась с привычным им образом жизни в плане досуга, который приобрела еще в дореформенный период.

В отдельных дореформенных семьях досуг в отличие от повседневных реалий соседей-помещиков был связан с научной, культурно-просветительной деятельностью. Иногда это было характерно в целом для отдельных дворянских фамилий. В частности, это можно отнести к прославленному воронежскому роду Веневитиновых. Воронежская дореформенная усадебная история тесно связана с поэзией Д.В. Веневитинова. Его предок М.А. Веневитинов (1844-1901 гг.) с юности интересовался историей и культурой. «Уже на страницах «Воронежских губернских ведомостей» 1860-х годов мы встречаем имя Михаила Веневитинова как страстного поклонника и публикатора различных историй и преданий о местной

старине. Вряд ли был в истории губернии другой помещик, который, путешествуя по своим и соседним имениям с блокнотом, выспрашивал у крестьян легенды и фиксировал их промыслы! Так, в 1869 году в трех номерах газеты появляется обширная публикация, посвященная преданиям об интересных окрестностях Воронежа...

В дальнейшем он опубликовал немало трудов по истории и краеведению. С 1875 года состоял членом Археологической комиссии при Министерстве народного образования. В 1880-е годы вышли его исследования, посвященные хождению игумена Данила в святую землю в начале XII века. Но ничто так не привлекало его, как воронежская история, в том числе петровской эпохи...»¹³³.

Пореформенные либеральные настроения, духовные искания у определенной части поместного дворянства также опосредовали повседневность, внося в неё новые начала: примером может служить крупный воронежский помещик В.Г. Чертков (1854-1936 гг.), о котором говорили, что он толстовец больше, чем сам Лев Николаевич. Служа в конной гвардии, Владимир Григорьевич в 1883 году познакомился с Л.Н. Толстым. Эта встреча решительно изменила всю его дальнейшую жизнь, внося в повседневную реальность идеи «направленного самоусовершенствования». По инициативе Л.Н. Толстого он в 1884 году организует знаменитое издательство «Посредник», которое специализировалось на выпуске художественной и нравоучительной литературы для народа. Редактированием и составлением планов В.Г. Чертков и его ближайшие сотрудники нередко занимались прямо на лоне природы, в маленьком хуторке Ржевске Острогожского уезда Воронежской губернии¹³⁴.

Перечень «нетрадиционных» для дворянства примеров досуга можно было бы продолжить и дальше, но он не отражал бы основных тенденций трансформации пореформенной повседневности. Тем более, весьма не просто провести четкую границу между повседневным досугом помещиков дореформенного и пореформенного периодов. Страсть к охоте, особенно, псовой, рыбалке, картам, совместному времяпрепровождению с соседом за обеденным столом, путешествиям оставались. Но прежний размах, за редким исключением, уходил в прошлое, наступило время считать деньги и за все платить. Как отмечали современники, в быту помещиков

ушел барский лоск, ранее недоступный для представителей других сословий.

Псовая охота, особая страсть помещного дворянства, в пореформенный период продолжала оставаться любимым досугом многих помещиков. Она являлась объектом большей части разговоров, приготовлений и ожиданий в отдельных дворянских семьях. В.Н. Челищев в автобиографической хронике «Охотники», относящейся по времени к рубежу XIX-XX вв., показывает на примере своей семьи и родственников быт калужских и тульских помещиков, где псовая охота в свободное время от хозяйственных забот занимала все помыслы мужской половины фамилии Челищевых. Гончие собаки для их владельца являлись атрибутом его статусности, и их оценка со стороны профессионала могла откорректировать этот статус в ту или иную сторону. «Совершенно неожиданно Никанор Дмитриевич (отец В.Н. Челищева – В.Ш.) получил письмо от молодого охотника С.В. Озерова, с которым познакомился на выставке, с просьбой разрешить приехать в Новоселки, послушать стаю и посмотреть борзых собак.

Разумеется, с первой почтой отправлено было приглашение, а на псарном дворе начались приготовления к встрече. Борзых мыли и чесали гребнями, гончих ежедневно водили в проводку...

Конечно, много волнений вызвало ожидание смотра и среди мальчиков. Они целые дни проводили на псарне и отлично понимали волнение отца и дяди Сережи, которым, естественно, хотелось показать молодому охотнику товар лицом. Но время было не удобное для показа борзых: они все по времени года были в разлинке; стало быть, надо было отыгаться на работе стаи»¹³⁵.

Пореформенная модернизация дворянских усадеб не могла не сказаться на увлечении псовой охотой их владельцев. Содержание и развод породистых псовых стай, особенно борзых, было делом далеко не дешевым. Обнищание значительной части помещного дворянства не способствовало поддержанию интереса к псовой охоте и приводило к вырождению чистокровных русских борзых. В.Н. Челищев специально подчеркивает это, вспоминая разговор отца и дяди Сережи с С.В. Озеровым. «Сергей Владимирович ловко использовал эти признания и твердо заявил:

– Вот теперь я и ставлю себе задачу возродить старую псовую

русскую собаку из современной мешанины. Для этого я и объезжаю старые гнезда и ищу подходящий материал. Из всех ваших собак, позвольте говорить откровенно, в одной суке, кличка ей Слава, я вижу сохранившимися кое-какие следы старой псовой борзой, а остальные собаки не»¹³⁶.

С.В. Озеров (1859-1903 гг.) знал, о чем говорил, так как являлся выдающимся деятелем в области общественного охотничьего движения, идеологом возрождения и сохранения в России псовой охоты. Основатель и редактор журналов «Псовая и ружейная охота (1894-1907 гг.) и «Охота» (1902-1906 гг.) был помещиком Веневского уезда Тульской губернии¹³⁷.

Игра в карты и в годы межсословной эмансипации осталась одним из любимейших досуговых развлечений помещного дворянства, но прежнего ее размаха, как и псовой охоты, уже не замечалось. Безостановочный, уже почти безбрежный разлив игрецких страстей приходился на вторую половину 1820-х и 1830-х гг., а в целом, карточный бум был сосредоточен в общественной жизни дворянства середины XVIII в. – 1830-х гг. XIX в. Все это осталось в прошлом. Тем не менее, в пореформенный период продолжали играть «по крупному», проматывая целые состояния, но череда таких случаев не шла ни в какое сравнение с дореформенным периодом. Проигравшихся «по крупному» уже не окружал ореол героическо-романтиков, легко поставивших на кон все свое состояние. В пореформенный период, как и дореформенный, им была уготована роль «приживальщиков». Б.Б. Глинский в своих воспоминаниях приводит подобный пример, относившийся к началу 70-х гг. XIX в.: «...жившего тоже неведомо для чего в Сергеевке промотавшегося гусара и дворянина Ржевского или *moncher*, как мы все его называли.

Moncher был ярким представителем дворянского пустоцвета. Некогда очень богатый человек, владелец великолепного имения в одной из хлеботородных губерний, он с шиком и русской дешевой удалью служил в каком-то армейском гусарском полку; но в одну злополучную ночь за зеленым столом ухитрился спустить в штос все состояние; не только недвижимое и движимое, но даже золотые шнуры своей элегантной венгерки. С этого момента он остался «наг и гол»; и вот в наемной тележке на паре лошадей этот бывший гу-

сар печально выбыл из губернского города и пошел колесить по широкой Русской земле. Странствуя много лет по разным городам и весям, он очутился, наконец, в усадьбе Сергеевых»¹³⁸.

Называя Ржевского «дворянским пустоцветом», в связи с его проигрышем за одну ночь в карты всего своего состояния, автор отражает мнение большей части пореформенного дворянства, для которого, за редким исключением, игра в карты «по крупному» являлась анахронизмом и непозволительным риском. Страсть к игре в карты в поместной среде оставалась, но она уже не была обусловлена значительными суммами, часто играли просто на интерес.

Путешествия за границу, проживание там относительно длительный период времени среди части дворянских публицистов конца XIX века вызывали негативные эмоции. В зарубежных турне они видели ненужное времяпрепровождение, пустую трату денег, которые могли бы быть использованы с выгодой дома. В частности, А. Штиглиц указывает: «Дворянство принадлежит к интеллигенции, и в этом духе она воспиталась и воспитывается, подражая во многом западу, да коверкая себя до неузнаваемости. В особенности, продолжают, по дурной привычке, эти бесцельные путешествия за границу. О них довольно писали, и потому не считали нужным особенно распространяться об этом деле, но заметим, напомним, что наших русских проживает приблизительно за границею, в главнейших странах Европы, следующее число лиц: в Германии до 53000, в Австро-Венгрии до 22000, во Франции – 14357, в Великобритании – 47500, в Италии – 1387, всего около 138000 душ, из них 1/3 непременно дворян, т.е. 46000 душ. Если предположить, что последняя цифра, обращаясь в семьи, дает таковых не менее 11 т., которые проживают никак не менее 5 т.р. в год, то получается капитал, вывозимый ежегодно с земли и из России по меньшей мере в 55 мил. руб., что, капитализируя на 4%, дает имущество в недвижимом виде стоимостью в 1375 миллионов, которое заглазно разоряется и приходит в полный упадок. Все эти проживаемые за границею миллионы могли бы быть отчасти сохранены и если уж должны были быть потрачены, то лучше и выгоднее это делать у себя дома, чем там, где такого дурного о нас понятия, где нас так зло осмеивают и где мы так легко теряем наше дворянское достоинство»¹³⁹.

Помимо вывоза капитала за границу А. Штиглиц видит в качестве одной из причин нежелательности зарубежных турне презрительное отношение западноевропейцев к русским. Дворянский публицист прямо указывает, что пребывание за рубежом русского дворянства при негативном восприятии там русского человека и России однозначно порочит дворянскую честь.

Тем не менее, представители верхних подгрупп среднепоместной и крупнопоместной страт систематически выезжали за границу, кто полечиться «на водах», кто на учебу, иные просто путешествуя, подолгу проживая в Центральной и Западной Европе. Примечательно здесь то, что в пореформенный период у части дворянства выезд за границу на отдых ассоциировался с принижением сословного достоинства. Эти настроения не были так характерны для поместной дворянской среды в дореформенный период.

Пореформенный повседневный досуг поместного дворянства во внешних формах, не считая проявлений института крепостничества, во многом был схож с дореформенным. Сословные пристрастия и привычки были консервативны по своей природе и формировали «дворянственность» быта. Карточная игра, рыбалка, конные прогулки, застолья с гостями, путешествия – все это было неотъемлемой частью помещичьей жизни и после отмены крепостного права. Но сама содержательная суть досуговой деятельности поместных владельцев в пореформенный период изменилась. Во-первых, дореформенный размах увеселений, празднеств, за редчайшим исключением, ушел в историю. Набирающий скорость процесс пореформенного «оскудения» поместного дворянства не мог не сказаться на изменении характера досуга, его упрощения и удешевления. При этом данный процесс наиболее проявлялся у представителей низших страт помещиков, где повседневная реальность нередко была тождественна крестьянскому быту. Поместная повседневность, не беря в расчет небольшое количество аристократических и богатых фамилий, в пореформенный период имела тенденцию к сближению со сферой досуговой деятельности представителей других сословных сообществ. У части помещиков относительно большие затраты на досуг уже вызывали внутренний протест, непонимание необходимости изымания из хозяйственной сферы денег на какие-либо увеселения.

3.3. ДВОРЯНСКАЯ УСАДЬБА В РАМКАХ ВНУТРИСОСЛОВНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ

Поместья мирного незримый покровитель,
Тебя молю, мой добрый домовой,
Храни селенье, лес и дикий садик мой,
И скромную семьи моей обитель!
Да не вредят полям опасный хлад дождей
И ветра позднего осенние набеги;
Да в пору благотворные снега
Покроют влажный тук полей!
Останься, тайный страже, в наследственной сени,
Постигни робостью полуношного вора
И от недружеского взора
Счастливый домик охраняй!
Ходи вокруг него заботливым дозором,
Люби мой малый сад и берег сонных вод,
И сей укромный огород
С калиткою ветхою, с обрушенным забором!
Люби зеленый скат холмов,
Луга, измятые моей бродящей ленью,
Прохладу лип и кленов шумный кров –
Они знакомы вдохновенью¹⁴⁰.

В этих строках стихотворения А.С. Пушкина «Домовому» отражена привязанность русского дворянина к своей усадьбе, родовому гнезду, с которым связаны долгие годы жизни самого помещика и его близких. Усадьба для большинства русских дворян являлась жизненным якорем, который, как казалось, мог стать спасением в тяжелых ситуациях. Как точно отмечают Е.Н. Марасинова, Т.П. Каждан: «Отказ, пусть даже временный, от карьеры следовал за «неуспехом по службе», потерей фавора, опалой или желанием покинуть свет, т.е. скрытым или очевидным, внутренне мотивированным или ситуационным конфликтом с чиновной средой. Вольно или неволью усадьба становилась убежищем, психологической нишей, своеобразным тылом, который необходимо было укрепить.

Любая, даже малая, неудача на служебном поприще вызывала спасительную мысль о бегстве в усадьбу. Идеал тихой спокойной деревенской жизни, избавлявшей от утомительной суетности большого света, прочно укрепился в сознании дворянина, поддерживая его часто иллюзорную надежду на всегда существующую возможность ухода»¹⁴¹.

Это суждение в полной мере можно отнести к усадьбам среднепоместного и крупнопоместного дворянства, где усадьба, дававшая определенный покой и достаток, могла реально стать тихой жизненной гаванью на долгие годы. Усадьба же мелких помещиков – это совершенно иной мир, не вписавшийся в канву представлений об усадебной жизни у поместных дворян верхних страт. Очень часто её нельзя было отличить от крестьянской избы, а её владелец лично пахал землю, сеял хлеб, убирал его и т.д. Для мелкопоместного дворянина она не могла быть местом «тихой спокойной деревенской жизни». Мелкопоместная усадьба, особенно у низших подгрупп мелких помещиков (до 10 дес.), часто являлась единственным источником к существованию, местом приложения тяжелого личного физического труда. Все это указывает на необходимость стратификационного подхода при изучении дворянской усадьбы, который поможет показать различные социальные пласты усадебной жизни – отдельного мира русского дворянства.

Перед тем как перейти к непосредственному рассмотрению дворянской сельской усадьбы, необходимо уточнить содержание ряда терминов, объясняющих местопребывание помещика в сельской местности. Под усадьбой понимается место непосредственного, постоянного или временного проживания помещика, естественно, здесь обязательно были барские хоромы. Поместье – имение, в котором располагалась дворянская усадьба помещика, как правило, в котором он не проживал или был там редким гостем. Имение – любая земельная собственность помещика, даже ненаселенная, а если населенная, то помещик, обычно, там не жил, здесь могло и не быть какого-либо жилья для помещика¹⁴².

Число представителей поместного дворянства не соответствовало количеству усадеб. Это вполне объяснимо колоссальным социальным разрывом внутри благородного сословия. К началу

XIX века всего 2-3% из сотысячного российского дворянства могли позволить себе обустроить сельские усадьбы, отличающиеся от крестьянской избы и подчеркивающие элитарный быт помещного дворянства. Именно эти 2-3 тысячи сельских усадеб и были олицетворением «родовых гнезд» русского дворянства¹⁴³. Десятки тысяч усадеб мелкопоместного дворянства и нижних подгрупп помещиков средней руки, фактически, ничем не отличались от зажиточных крестьянских подворий. В отдельных случаях дом мелкого помещика и по крестьянским меркам считался весьма убогим.

Месторасположение усадьбы определялось, отчасти, статусностью дворянской фамилии, традицией и определенными вкусами её владельца. Представители знатных и богатых помещичьих родов строили барские хоромы на возвышенности у излучины реки или на берегу пруда, обязательно в окружении сада. Такое расположение выгодно подчеркивало архитектурные достоинства усадьбы, а её владельцу позволяло видеть с высоты свои владения, в частности, крестьянские селения и возделываемые поля. В ряде случаев, если на выбранном месте для постройки усадьбы не было возвышения, то помещик, не скупясь на расходы, приказывал насыпать искусственный холм¹⁴⁴. Другая часть помещиков, как правило, средней руки, выбирала место для постройки своего дома в низинах, прикрытых лесом или садом, чтобы сберечь усадьбу от зимних ветров.

При устройстве поместья особое внимание уделялось противопожарным мерам, старались удалить друг от друга барскую усадьбу, крестьянские подворья и церковь с домами священников. Современник описывает подобное расположение усадьбы Мишенское Буниных Одоевского уезда Орловской губернии в начале XIX века: «Все постройки Мишенского расположены первым строителем его с величайшею, по-видимому, осмотрительностью на случай пожара: господскую усадьбу с её помещениями и церковью отделяет от домов и усадеб крестьян на довольно большое расстояние, пруд речки Семьюнки и затем, против самой церкви, – сухой овраг её; подобный же овраг отделяет и кладбище с домами духовенства. Иначе сказать, владелец, крестьяне и духовенство изолированы друг от друга таким образом, что пожар в деревне не страшен для господской усадьбы и кладбища, и наоборот»¹⁴⁵.

Преднамеренная удаленность барской усадьбы от крестьянских дворов не всегда была связана с мерами противопожарной безопасности. Как отмечал известный писатель второй половины XIX века С.Т. Славутинский, это могло быть обусловлено боязнью помещика за личную безопасность. Вспоминая свое небольшое родовое имение Михеево Егорьевского уезда Рязанской губернии, он с гордостью указывал: «Не могу кстати не упомянуть, что усадьба П-вых находилась в весьма близком расстоянии от сельца Михеева, почти сливаясь с ним. До некоторой степени это доказывало добрые патриархальные отношения между старинным дворянским родом и подвластными ему крестьянами. Я замечал, что в прежнее время до отмены крепостного права отдаленно от селений держались усадьбы лишь тех помещиков, у которых крестьяне состояли постоянно на барщине, при которой, как известно, крестьяне вообще находились не в цветущем состоянии, что и сознавали они, что иногда и выводило их из терпения»¹⁴⁶. Свидетель эпохи подчеркивает, что владельцы барщинных поместий, чьи крестьяне подвергались большей эксплуатации, старались строить свои усадьбы подальше от деревень, опасаясь последствий крестьянской мести. Подобная мотивация выбора места для усадьбы могла быть следствием каких-либо реальных событий, которые отразились в помещичьей памяти и стали причиной удаленности барских усадеб от подворий их крепостных крестьян. Нельзя сбрасывать со счетов желание помещиков оградить себя от шума, пыли и запахов, исходивших из деревень.

На рубеже XVIII-XIX веков подавляющая часть сельских дворянских усадеб была деревянной, без особых архитектурных изысков, с установкой на прочность и долговечность. М.Д. Бутурлин, характеризуя помещичьи усадьбы начала XIX века, вспоминал: «С архитектурною утонченностью нынешних вообще построек, при новых понятиях о домашнем комфорте, исчезли повсюду эти неказистые дедовские помещичьи домики, все почти серо-пепельного цвета, тесовая обшивка и тесовые крыши коих никогда не красили...

В более замысловатых деревенских постройках приклеивались, так сказать, к этому серому фону стен четыре колонны с фронтонами треугольников над ними. Колонны эти были у более зажиточных оштукатуренные и вымазанные известью так же, как и

их капители; у менее достаточных помещиков колонны были из тощих сосновых бревен без всяких капителей. Входное парадное крыльцо, с огромным выдающимся вперед деревянным навесом и двумя глухими боковыми стенами в виде пространной будки, открытой спереди. Внутреннее убранство было совершенно одинаково везде: оно повторялось без всяких почти изменений в Костромской, Калужской, Орловской, Рязанской и прочих губерниях и было следующее. В будке парадного крыльца была боковая дверь в ретирадное место (всегда, конечно, холодное), и потому вход в дом не всегда отличался благовонием...»¹⁴⁷. Современник указывает на повсеместную в Европейской России начала XIX века типичность усадебных построек, где основным материалом было дерево, которое не всегда даже было окрашено. Индивидуальный архитектурный вкус их владельцев было трудно проследить.

Все вышесказанное относилось и к большей части усадеб крупнопоместного дворянства. В качестве примера приведем описание богатой усадьбы села Спасское Орловской губернии в 30-е гг. XIX века, принадлежавшей родителям И.С. Тургенева, Сергею Николаевичу и Варваре Петровне. «Село Спасское было в то время настоящим барским имением. Широкие, длинные аллеи из исполинских лип и берез вели с разных сторон к господской усадьбе, во главе которой возвышался старинный, большой дом, о трех или четырех этажах, деревянный, на каменном фундаменте. Архитектор, строивший его, мало заботился, как видно, о его красоте и правильности, а имел только в виду, чтоб он был повыше, пошире и подлиннее; если что и придавало наружному виду его некоторый характер, то это галереи, украшенные колоннами, которые шли полукругом, по обеим сторонам дома и оканчивались флигелями. За домом тянулся обширный, роскошный сад, густые, темные аллеи которого шли уступами к прудам, окаймлявшим сад и всю усадьбу. На некотором расстоянии от дома находились так называемые «службы», т.е. постройки для многочисленной дворни, состоявшей из 200 или 300 душ; тут помещались каретники, ткачи, столяры, портные и, наконец, музыканты, а потом пяленицы, кружевницы и другие. Еще далее (от дома) были расположены скотный, конный и птичий дворы. Тут же попадались большие пространства, обнесен-

ные кирпичными оградами, как видно, без всякого назначения, густо поросшие крапивой и всяким бурьяном»¹⁴⁸.

Несмотря на большие размеры усадьбы, несомненную материальную состоятельность её владельцев, что подчеркивало огромное количество дворовых, в описании специально акцентируется внимание на видимой неухоженности, отсутствии лоска и аристократизма во всем. Как бы подчеркивается отсутствие желания у хозяев барского дома придать своей усадьбе внешнюю изысканность, архитектурную и ландшафтную симметрию, тем самым, внести модные классические каноны. Подобное отношение помещиков к порядку в своих усадьбах находит подтверждение у современников. Военный топограф В.С. Мышецкий в 1851 году был командирован из С.-Петербурга в Тамбовскую губернию для съемок местности и сбора статистических данных. В ходе разъездов по губернии он посетил множество помещичьих усадеб, после чего им был сделан вывод: «... у редких помещиков приходилось видеть даже относительную чистоту; большинство жило грязно, неряшливо. В самом деле, пыль или паутина по углам, жирные пятна на мебели, всевозможные склянки, банки, бутылки, сапожные щетки, коробки с ваксой, разные тряпки, валявшиеся чуть не во всех комнатах – были самым заурядным явлением, к которому скоро привыкаешь, приглядываешься, и отсутствие которого, наоборот, всякий раз бросается в глаза. И это справедливо не только относительно помещиков средней руки, которых я здесь главным образом разумею, но и относительно некоторых богатых помещиков, живших вообще, можно сказать, роскошно»¹⁴⁹.

Другим примером деревянной усадьбы представителя богатой и знатной дворянской фамилии может служить широко известная тамбовская усадьба Мара, построенная А.А. Боратынским в 1805 году. «Одноэтажный усадебный дом в Маре был возведен около рощи на склоне, покато сходящем к правому берегу реки Вяжля и расположенной здесь части одноименного села. Он был рублен из дерева, поставлен на крепком кирпичном фундаменте и отличался строгой экономичностью решения: простотой общей композиции и наружного убранства, компактным и практичным планом помещений. При общей скромности здание выглядело

очень пластичным и создавало ощущение естественности на фоне окружающей природы...

Особой выразительностью отличался западный фасад дома. Центральная его часть выступала вперед в виде полуротонды (в воспоминаниях «балконом»). Последний штрих в создание архитектурного облика вносит цвет: белые колонны полуротонды выделялись на гладкой поверхности стен, по всей вероятности, в соответствии со вкусами той эпохи, окрашенных в охристо-желтые цвета. Их мягкое сочетание придавало зданию особую теплоту и живописность. Ритму белых колонн вторили стволы липовой аллеи, начинавшейся от северного угла западного фасада. К южному торцу здания, где располагался главный подъезд, подходила широкая мощеная дорога.

Выезд в усадьбу был оформлен воротами в виде двух обелисков; на них были помещены флюгер и герб дворян Боратынских»¹⁵⁰.

В курском поместье Ракитное, принадлежавшем одним из богатейших людей Российской империи – князьям Юсуповым, до конца 1830-х гг. барский дом был деревянным¹⁵¹.

Само перечисление вышеприведенных дворянских фамилий указывает, что сельский деревянный барский дом в начале XIX века был обыденным архитектурным явлением, а его владельцами могли быть и представители богатых аристократических фамилий.

При строительстве барского дома в усадьбе, если позволяли средства, старались использовать дуб. Среди помещиков он ценился за прочность, долговечность и хорошую переносимость перепадов температур, что особенно важно было для климатических условий России с жарким летом и холодной зимой. Выходцы из местных дворян при написании воспоминаний, если касались описания усадебного дома, при первой возможности с гордостью подчеркивали, что дом был срублен из дубовых бревен. Известный писатель второй половины XIX века П.Д. Боборыкин, вспоминая родительский дом, отмечал: «Я нашел в наших старинных дубовых хоромы два огромных шкапа с дедовской библиотекой...»¹⁵². Автор воспоминаний не только указал породу дерева, но и выделил курсивом слово «дубовых», тем самым подчеркивая определенную

элитарность своего усадебного дома. Второй по значимости, но не по распространенности, была древесина сосны – более дешевый и доступный для строительства материал.

Помимо относительно меньших расходов и времени на строительство деревянного дома, в сравнении с каменным, помещики учитывали еще одну очень важную особенность – каменный дом трудно было протопить дровами. В каменных домах состоятельные помещики жили в основном летом, с приближением первых холодов обычно переселялись в деревянные¹⁵³. В отдельных каменных домах предусмотрительно строили большее количество каминов и печей, но это было затратно и опасно с пожарной точки зрения.

Усадебный дом крупнопоместного дворянина в начале XIX века делился на парадные комнаты первого этажа и жилые второго. Первые предназначались для приемов и различных торжеств, последние – для жилья. «Парадные покои» состояли минимум из двух частей: зала для танцев и гостиной, которая же при необходимости становилась парадной столовой. В последней вели праздничные разговоры во время фуршета, играли в карты. Полный комплект парадной части дома включал в себя еще кабинет хозяина дома (с библиотекой или без) и будуар его жены, где принимали близких родственников и наиболее доверенных гостей. Буфетная также могла входить в парадную часть¹⁵⁴.

На протяжении десятилетий это деление постепенно сходило на нет: «...так, например, хозяин мог спать в кабинете или библиотеке, появились смешанные «жанры» комнат (например, столовая-гостиная, спальня-будуар). Более стойким оказалось членение комнат на «барскую» и «людскую» половины. Иерархичность жилого пространства была настолько очевидной, что пребыванию в парадных покоях соответствовал «выходной тип» поведения, нахождение в спальне или в детской – «домашний», а в людской или в девичьей вели себя «как пристало со слугами». Сравнительно большое количество комнат даже в скромных домах обуславливалось и необходимостью вести деревенское хозяйство, воспитывать детей, принимать гостей, и потребностью развлекаться, читать книги, заниматься науками и искусством»¹⁵⁵. Традиционным оставалось деление на мужскую и женскую половины.

Исходя из различных целей указанных частей дома, парадные помещения отличались от жилых, имея более помпезный вид, роскошную отделку: по уличному фасаду первого этажа обычно был ряд больших окон, боковые фасады и жилые помещения имели окна меньшего размера. Как правило, в парадных залах усадьбы богатых помещиков пол был паркетным и являлся гордостью хозяев. Стены и потолок обивались шпалерами. Окна фасадной части традиционно выходили в парк. Вход в парадные покои вело парадное крыльцо дома. До 50-х гг. XIX века расположение комнат в большинстве усадебных домов было анфиладным, то есть они были проходными независимо от планировки¹⁵⁶. Это было не только данью моде, пришедшей из XVIII века, такое расположение комнат было очень удобным для танцев, открыв все двери получался один большой танцевальный зал.

Обязательным атрибутом парадных помещений богатой усадьбы были картины, скульптуры и другие произведения искусства. В большей части это была живопись или скульптура местных, нередко, доморощенных художников и скульпторов. В отдельных же случаях в усадебных домах были коллекции, состоящие из шедевров мирового уровня. Например, в своей подмосковной Жерновской усадьбе помещик Н.С. Мосолов, который имел имения и в Центральном Черноземье, к 40-м гг. XIX века «... собрал небольшую, но редкую галерею картин первоклассных мастеров, гостиная его Жерновского дома была ими убрана. Ван-Дик, Вуверман, Рембрандт, Вандер-Вельд заменяли ему вполне то блистательное светское положение, от которого он добровольно отказался»¹⁵⁷. Часть помещиков имела коллекции произведений искусства более широкого плана. Главное, чтобы они имели высокую художественную ценность, подчеркивали отменный вкус их владельца и одновременно его состоятельность. Со временем такое коллекционирование могло перерасти в настоящую страсть. В начале 50-х гг. XIX века в Елатомском уезде Тамбовской губернии в имении богатого молодого помещика (В.С. Мышецкий не называет его фамилии и имени – *В.Ш.*) была собрана небольшая, но редкая коллекция предметов искусства. «... Конечно, затрат и немалых хлопот стоило этому страстному, как оказалось, любителю всего изящного приоб-

ретение редких предметов роскоши, тех изящных произведений искусства, какие во множестве собраны были в его доме. И каждая вещь с отпечатком вкуса, оригинальности, каждая вещь на своем месте в соответствующей ей обстановке, так что при всем богатстве, разнообразии вещей, ничто не пропадало, ничто не нарушало общей гармонии, а только дополняло её. Тут была и небольшая, но замечательная коллекция лучших художников и не менее замечательная коллекция скульптурных произведений из гипса и мрамора, главным образом, а также изящных предметов разного рода из меди, бронзы, фарфора и фаянса...»¹⁵⁸.

В отдельных усадьбах имелись особые портретные галереи, где были портреты предков. К. Бабилов, приехав к себе в усадьбу Карповка, с особым волнением остановился в портретной: «Со стен, из сумрака, глядят на меня портреты моих предков, как будто желая добиться, как смел я потревожить их сон. Я твердо знал эти портреты, в детские годы я часто смотрел на них. Давно минувшее время оживает в моей памяти; то светлое и радостное, то мрачное и ядовитое, теснится в уме моем!

Вижу я и мать с вечною улыбкой на устах, и отца, высокого, черноволосого мужчину, с огненным взглядом и громким голосом. Вот и сестра, милая сестра!»¹⁵⁹.

Уже в дореформенный период бросалась в глаза одна особенность многих дворянских сельских усадеб – наличие пустых комнат или заброшенных усадебных домов, в которых никто не проживал длительное время, хотя слуги и пытались там поддерживать порядок. Родители старели, умирали, дети и внуки разъезжались в разные места, наследники родового гнезда занимали часть дома, нередко отъезжая из него на длительные сроки. В этом случае дом приходил в запустение, комнаты и мебель обрастали пылью, от них веяло заброшенностью, какой-то ненужностью, ушедшей жизненной энергией. Молодой барин, хозяин усадьбы, приехав после долгих лет разлуки с отеческим домом, вспоминает: «Зашел я в давно – опустевший дом; сыростью и одряхлением веяло в его больших мрачных комнатах; пыль толстыми слоями лежала на полу, на подоконниках; на стеклах, повсюду. Неясный шорох слышался в углах: «То были тени предков или мысли...». Маленький сальный огарок,

который взял с собою староста, почти не светил в этих огромных комнатах; мрак и запустение царствовали в них. Я ходил повсюду... И, Боже, как знакомы мне были эти покои! Та же мебель стояла в них и на тех же самых местах, на которых стояла она много лет назад... Огромные, неуклюжие диваны и кресла, обитые штофом, высокие зеркала в золоченых рамках, с которых давно уже сошла позолота, – да, да, все как было прежде!»¹⁶⁰.

В крупнопоместных и среднепоместных усадьбах обязательно были лакейские помещения и девичьи на женской половине барского дома. Они могли располагаться как на первом этаже, так и на последующих, в зависимости от желания владельцев.

На территории крупной усадьбы обязательно находились хозяйственные постройки: сараи, амбары, мастерские, бани, кухня, конюшня, птичий и скотный дворы, иногда могли быть и избы для семейных дворовых¹⁶¹. Как правило, все это размещалось в глубине усадебной территории, закрытой барским домом и садом. В богатой усадьбе всегда была своя церковь, отдельное здание для театральных постановок или других развлекательных мероприятий.

Парк являлся неотъемлемой частью усадебного ландшафта крупнопоместной усадьбы. Парки устраивались в зависимости от вкуса и финансовой возможности их владельцев. В конце XVIII – первой половине XIX веков парки имели регулярную, пейзажную или комбинированную (в сочетании первых двух) планировки. Регулярный парк имел четкий план и разбивался по законам симметрии по одну или обе стороны барского дома. Перед фасадной частью находился партер – открытая часть парка с ухоженными газонами, клумбами. Примером регулярного парка может служить парк в усадьбе Станкевичей Удерёвка в Бирюченском уезде Воронежской губернии. Парковые дорожки были разбиты в виде звезды, лучи которой имели строгую симметрию. Партер делился на несколько частей с большим количеством цветников и клумб. Дорожки были посыпаны цветной галькой или песком, украшались скульптурами. В аллеях парка на определенном расстоянии друг от друга стояли беседки и металлические диванчики¹⁶².

Пейзажный парк, который имеет еще названия английский, иррегулярный, воспроизводит естественный ландшафт со свобод-

ным расположением посадок, водоемов, дорожек, сооружений. Усадьба здесь встраивалась будто бы в нетронутый уголок природы. Классическим примером пейзажного парка являлся парк в Ракитянском поместье Юсуповых в Курской губернии. Парк располагался в километре от главного барского дома на мысовидном полухолме, с юго-запада ограниченный каскадом верхних прудов. Цепь каскадных прудов являлась доминирующим композиционным элементом и главным украшением парка. Основным деревом в парке была липа, но были насаждения клена, тополя, груши, ивы ¹⁶³.

Комбинированным был парк в усадьбе Репное помещиков Шатиловых в Воронежской губернии. Разбит он был в начале XIX века. Усадьба располагалась на низком берегу реки Усманки, где находились созданные природой пруды, которые хозяева соединили водоводами и объединили аллеями. Посадками была окружена и усадебная церковь. В итоге получился изысканный романтический парк, сочетавший пейзажную и регулярную планировки ¹⁶⁴.

Хотя классический стиль в сельской дворянской усадьбе I половины XIX века оставался господствующим, в 30-40-е гг. строительство крупных усадеб стало отражать и новые веяния в архитектуре – использование английского варианта европейской готики. Усадьбы стали напоминать замок или коттедж. Романтические, готические формы домов в «английском вкусе» отвечали задачам комфорта и уюта. Неоготическое направление отразилось и в убранстве усадебного интерьера (веерные своды, рельеф декора потолка, карнизов, стеклянные цветные витражи и т.д.) ¹⁶⁵. В этом стиле в начале 40-х гг. XIX века И.В. Чичерин обустроил усадьбу Караул в Кирсановском уезде Тамбовской губернии. Барский дом в виде замка был построен по проекту московского архитектора С.И. Миллера. В комбинированном саду вокруг дома были расположены павильоны в готическом стиле ¹⁶⁶. В таком же стиле в 30-е гг. XIX века была обустроена усадьба Любичи тамбовского помещика Н.И. Кривцова. Центром пейзажного парка считалась красивая англосаксонской архитектуры башня, на которой развевался флаг с гербом рода Кривцовых ¹⁶⁷.

Отдельно стоит остановиться на усадебных дворцовых комплексах представителей аристократических фамилий, которые по-

ражали воображение современников. К таким комплексам относится курская усадьба Марьино князей Барятинских. С 1811 по 1820 гг., всего за 9 лет, был построен в лучших традициях русского классицизма огромный дворец общей площадью до 10 тысяч квадратных метров, все служебные помещения; на 65 гектарах пахотной земли разбит парк; построены оранжереи; вырыт пруд площадью в 18 гектаров, украшенный мостами, островами с ротондой, кирхой, статуями, оборудованный пристанями для своего «прудового» флота. Помимо этого построены больница и аптека, школа, богадельня, церковь, суконная мануфактура, сахарно-ромовый завод, дома для дворовых и крестьян¹⁶⁸. Управляющий имением Марьино В.А. Инсарский с восхищением вспоминал: «Дворец этот пользовался большою известностью в России. И действительно, трудно представить себе из частных владений что-нибудь более роскошное и грандиозное ... Я не помню числа комнат в этом дворце, но помню, что они считались сотнями. В этой массе покоев сосредоточено было все, что громадное богатство, соединенное с утонченным вкусом, могло придумать, начиная с оригинальных произведений и скульптуры. При дворце состояли сотни обойщиков, слесарей, каретников, штукатуров, лепщиков, живописцев, позолотчиков, рещиков, столяров и т.п. Мастеров, независимо от управителей, дворецких, кастелянш и прочих чиновных людей. Там были лица, заведующие речною частью, т.е. лодками и веслами, что сюда относится. Садовников была бездна, потому что в необъятном и роскошном парке было множество оранжерей и других садовых затей. Там был зверинец со стадами оленей и коз. Там были поэтические «Кашары», носящие имена дочерей князя, из которых каждая имела в своем заведении отдельный роскошный сад и среди его поэтический домик, где находилось несколько коров самой возвышенной породы и все принадлежности молочного хозяйства»¹⁶⁹.

Подобные размах и роскошь были абсолютно недостижимы для подавляющей части крупнопоместных дворян. Дворцовый комплекс в Марьино наглядно демонстрировал наличие огромного социального разрыва внутри страты крупнопоместного дворянства, где были и своя элита, и свое «дно».

Среднепоместные усадьбы начала XIX века являлись отражением классицистических традиций. Новые архитектурные веяния очень медленно проникали в среднепоместную среду. М.А. Полякова и Е.Н. Савинова справедливо отмечают, что именно усадьбы дворянства среднего достатка оказались долгожителями в контексте исторического бытия. Развиваясь неспешно, храня в своих традициях заветы старины, тесно привязанная к крепостному миру, сельская среднепоместная усадьба была концентрированным выражением жизни русского помещика в её зримых материальных или духовных проявлениях ¹⁷⁰. Среднепоместные усадьбы имели важную особенность, такую как архаичность, верность дедовским традициям. Эти усадьбы практически не перестраивались в угоду быстротечным веяниям моды. В первой половине XIX века в провинции было немало усадеб, возведенных еще в прошлом столетии. В первую очередь это относилось к усадьбам, которые на протяжении нескольких поколений принадлежали одной семье. ¹⁷¹ Владельцы этих усадеб не стремились к каким-либо новшествам в своем быту из-за «умеренности и неприхотливости во всем, а может быть, и недостатка вкуса к изящному, а может быть, отчасти и скупости» ¹⁷².

Новые усадебные дома строились тогда, когда старые уже совсем разваливались или в них было тесно разросшемуся семейству. Поэтому в рамках одной усадьбы могли соседствовать два дома – старый и вновь возведенный. Усадебные дома среднепоместных дворян могли быть как деревянные, так и каменные, одноэтажные, двухэтажные, с мансардами на крыше, с большим количеством хозяйственных построек или с одной-двумя. Все зависело, к какой подгруппе среднепоместного дворянства принадлежал их владелец. Понятно, что облик усадьбы у владельца двух десятков ревизских душ и у помещика, который имел 80-100 ревизских душ, был различным. По мере уменьшения достатка помещика сокращалась и площадь усадьбы, дом становился проще, хозяйственных построек меньше, нередко они находились в одном помещении. Сады в среднепоместной усадьбе имели практический характер, без особых изысков.

Мелкопоместная усадьба, особенно нижних подгрупп мелких помещиков (до 10 дес.), у большинства современников вряд ли вы-

зывала ассоциацию, что здесь проживает представитель благородного сословия России. Характерной чертой жилищ мелких помещиков была их скученность в рамках одного селения, к тому же, вперемешку с избами своих крестьян. Нередко проезжавшему через село было трудно разобраться, где живет барин, а где его крестьяне. Подтверждая данный тезис, А.И. Кошелев отмечает: «...Все эти помещики живут посреди своих крестьян, многие из них занимают дома, прилегающие направо и налево к жилью крепостных своих людей, но немалое количество сих владельцев обитает со своими крестьянами на одном и том же дворе и даже в одной и той же избе. У всех мелкопоместных поля совершенно перепутаны с крестьянскими участками, у многих же из них имеются одни господские поля, а крестьяне их или на месячине, или на застольной, или едят за одним столом со своими господами. Многие мелкопоместные дворяне сами извозничают, ямщицествуют, пашут вместе со своими крестьянами, носят одни те же кафтаны, полушубки, тулупы и сапоги. У многих мелкопоместных во всем доме один или два тулупа, кафтан, одна пара сапог, которые служат то барину, то мужику, глядя по тому, кто едет в дорогу, в лес, на мельницу и пр.»¹⁷³.

Большое число мелких усадеб в одном селении или деревне обычно было связано с разделом мелких, иногда и среднепоместных, имений между наследниками. Со временем в одном населенном пункте мелкопоместных дворян могло насчитываться несколько десятков. С.Н. Терпигоров (С. Атава) в рассказе «Дворянин Евстигней Чарыков» иллюстрирует подобный пример: «...нам приходилось проезжать через большое село Всесвятское, сплошь состоявшее из мелкопоместных. Маленькие усадьбы с домиками и надворными строениями, крытыми соломой, при них садики с густо разросшимися яблонями, грушами, вишнями, рябиной, черемухой, сиренью, а в невядалеке три-четыре крестьянских двора – их крепостные. Из таких усадеб, вперемешку с крестьянскими избами, состояло все Всесвятское. Когда-то давно оно принадлежало трем помещикам (земли которых сходились тут клиньями), поселившимся невядалеке друг от друга, по причине красивой здешней местности, а также, чтобы жить было веселее, люднее, не в одиночку, в глухой степи. Но это было давно, и с тех пор наследники их,

множась, поделили их земли, расселились и отстроились каждый отдельно, и оттого стало во Всесвятском такое множество помещиков, хотя все они насилии всего три фамилии: Зыбиных, Чарыковых и Неплюевых»¹⁷⁴.

За внешней убогостью жилищ нижних подгрупп мелких помещиков скрывалась еще большая убогость внутреннего состояния и убранства дома. Современник описывает свое посещение в конце 50-х гг. XIX века крайне бедной усадьбы тамбовского мелкопоместного дворянина: «Когда я попросил крестьян указать, где живет помещик, мне показали на бедную полуразвалившуюся лачужку, крытую соломой. Я не поверил, но оказалось, что он действительно живет здесь. По мере моего приближения удивление мое продолжало только возрастать, а когда я наконец вошел в отворенную дверь и заглянул внутрь, то был просто поражен: потолок грозил ежеминутно обрушиться, и хозяин, желая, конечно, предотвратить подобную катастрофу, расставил там сам подпорки; окна перекосились, в углах плесень, пол пришел в состояние полнейшей негодности, все ветхое, старое до невозможности, всюду грязь, пыль, паутина... Одним словом, оставалось только удивляться, как может человек жить в подобной норе, а между тем тут жил, да еще кто? Помещик... Домишко был крохотный, в две какие-то коморки. Мебели сколько ни будь порядочной, разумеется, никакой; комфорта какого либо и подавно. Бедность, крайняя бедность сквозила повсюду»¹⁷⁵.

Современника поражает не просто полуразрушенный, почти полностью изгнивший дом, а то, что в нем проживает дворянин. В сознании обывателя подобное жилище не как не ассоциировалось с понятием дворянской усадьбы. Полуразвалившаяся изба, которая и по крестьянским меркам была «хлипкой», могла называться дворянской усадьбой только исходя из сословного происхождения её владельца.

Было бы неправильным представлять усадебные жилища мелкопоместных дворян исключительно в виде полуразрушенных домишек, которые по внешнему виду трудно отличались от бедных крестьянских изб. В верхних подгруппах мелких помещиков (51-100 дес.) дворянские усадьбы мало чем отличались от домов

среднепоместных дворян нижних категорий своей страты. Тем более, во многих случаях после раздела имения, частичного разорения, среднепоместные дворяне, иногда и крупнопоместные, официально переходили в категорию мелкопоместных владельцев, но их усадебное жилище оставалось прежним и разительно отличалось от подавляющей части домов мелких помещиков. В очерке князя Г.В. Кугушева «Странник. Эскиз провинциальной жизни» показан переход среднепоместной усадьбы, владельцем которой был помещик из верхних подгрупп своей страты, в категорию мелкопоместных усадеб, что весьма болезненно воспринималось вдовой – владелицей. «Ближе к каменной церкви вырастает из земли низенький, но весьма длинный и широкий одноэтажный дом, лишенный всякой архитектуры, выкрашенный розового цвета краской и испещренный какими-то аллегорическими фигурами, с зеленою крышкою и с большими, неуклюжими крыльцами. Дом этот со всеми ветхими своими принадлежностями, старым небольшим садом, большой дворней и прочим, принадлежит даме – весьма худенькой и высокой... Дама эта была замужем за помещиком, который, несмотря на свое ограниченное состояние и большое семейство, любил жить открыто, то есть принимал и кормил у себя все соседство; наконец, после совершенно бесполезной и долговременной жизни, он скончался, оплаканный семейством. Имение раздробилось. Дети, разделяясь и получая каждый свою часть, разъехались в разные стороны искать кто службы, кто карьеры, кто невесты. На долю вдовы, их матери, как седьмая часть, досталась описанная усадьба и к ней небольшое количество земли и несколько душ. Став мелкопоместной, барыня сохранила свои привычки: сладко кушать, мягко спать и много сплетничать»¹⁷⁶.

Не меняясь внешне и внутренне, усадебный дом среднепоместной дворянки с изменением её социального статуса перешел в разряд мелких усадеб.

Подводя итог экскурсу в стратификационную сферу сельских дворянских усадеб, хотелось бы остановиться на одной общей внешней детали дореформенных помещичьих усадеб, характерной для большей части сельских дворянских домовладений – внешней неказистости и неухоженности. Выше уже кратко указывалось на

эту особенность. Но современники подчеркивают неряшливость и неказистость как неотъемлемые внешние атрибуты подавляющего числа помещичьих домов. В «Заметках старожила Елецкого уезда» помещика И.В. Пушечникова, которые он скрупулезно вел с 1842 по 1872 гг., а применительно к Елецкому уезду Орловской губернии – с сентября 1844 по сентябрь 1845 гг., указывается: «Неразумно поступают те владельцы, которые не соображаясь со средствами, распространяют свои усадьбы и возводят обширные строения, которых впоследствии не в состоянии поддерживать без ущерба в хозяйстве; вследствие чего большая часть помещичьих усадеб представляют снаружи безобразные развалины, похожие более на притоны кочующих народов, чем на жилища людей образованных, а внутри – нечистоту и убожество в соединении с грубым великолепием. По опыту изведаль я, как трудно привести хотя в скольконибудь благовидное состояние, доставшуюся мне по наследству обширную усадьбу... Предпринимающие постройки в обширных размерах руководствуются более тщеславием, чем необходимостью и желанием удобного помещения, забывая, что дети их не скажут им спасибо за такое наследство, которое соединено с тяжелым бременем»¹⁷⁷.

Хотя И.П. Пушечников в первую очередь акцентирует внимание на «убожестве» домов в крупных усадьбах, тем не менее, он прямо указывает, что «...большая часть помещичьих усадеб представляет снаружи безобразные развалины». Автор заметок делает свои обобщения, не привязываясь к каким либо датам, событиям, это результат его длительных наблюдений. Он прямо называет, как ему казалось, основную причину невозможности содержать в надлежащем виде помещичьи домовладения – нехватку средств у наследников усадеб, после раздела отцовских имений. Не хватало средств и на какие-либо необходимые перестройки. Оставалось поддерживать не всегда необходимые большие площади усадебного дома, но, как видим, это удавалось далеко не всем.

Реформа 19 февраля 1861 года резко изменила судьбу владельцев сельских дворянских усадеб. Несмотря на временнообязанное состояние бывших крепостных крестьян, помещики осознавали, что наступили новые времена, новые заботы и приоритеты. В

определенной мере поместных дворян, в большей их части, охватил социальный пессимизм, растерянность от предстоящих перемен. В дневнике орловского помещика осенью 1862 года отмечено: «Положение помещиков в настоящее время весьма шаткое, оставаться при издельной барщине нет возможности, крестьяне работают нерадиво и с недоброжелательством... Переход от обязательного к вольнонаемному труду требует значительных капиталов, как на обзаведение землевладельческими орудиями, сбруею и упряжью, так равно на наем годовых работников, поденщиков и необходимой должности прислуги; но у помещиков, за самым малым исключением, вместо капиталов – долги. Отдавать землю с года на год в наймы значило бы разорять имение и уменьшать его ценность...

Дай Бог, чтобы из фанатического гонения на дворян во имя прогресса выросло для народа благо, а не тирания. 1863-й год для дворян-помещиков будет самым тяжелым годом: хозяйство в их издельных имениях должно перевернуться от *a* до *b*. Едва ли третья часть из них будет в состоянии вынести переворот, а прочие разорятся, и имения их будут проданы за долги»¹⁷⁸.

Пореформенные реалии требовали от помещиков искать новые подходы для поддержки на плаву своих имений, перенаправляя имеющиеся финансовые средства на те статьи расходов, которые способствовали экономической стабилизации имений. Экономия на всем и акцент на хозяйственную деятельность стала жизненным кредо для многих помещиков. Все это не могло не сказаться на внешнем облике и внутренней сути сельских дворянских усадеб. Хозяйственно-промышленные здания и корпуса становятся неотъемлемой частью многих крупных помещичьих усадеб. И.М. Пушкарева справедливо отмечает, что в рассматриваемый период меняется содержание самого понятия «сельская дворянская усадьба». В до-реформенный период – это господский дом, в котором жила семья помещика. Применительно к пореформенной эпохе данное определение будет весьма ограниченным. Указанный автор предлагает следующее определение пореформенной усадьбе: «...сельская дворянская усадьба в пореформенную эпоху есть комплекс жилых, хозяйственных, производственных, парковых и других построек, составлявших единое хозяйственное и архитектурное целое, вклю-

чавший жилой дом для семьи помещика и являвшийся центром земельного владения (имения)»¹⁷⁹. В определении акцентируется внимание на едином комплексе жилых, хозяйственных и производственных построек, что было совсем не характерно для подавляющей части дореформенных усадеб.

Пореформенной реальностью стали массовые продажи дворянских поместий, дореформенные долги и расточительность не позволяли их владельцам поддерживать в них прежнюю жизнь. В феврале 1861 года граф Г. Кушелев-Безбородко писал своему доверенному лицу: «Продаю я жене надворного советника Елизавете Григорьевне Волконской имение мое, состоящее Тамбовской губернии Борисоглебского уезда, из сел Павловского и Малых Алабух и Деревень Григорьевки, Александровки, Николаевкой и Таловой, со всеми постройками и наличностью, какие окажутся в оном имении, конным и овечьим заводами»¹⁸⁰. В ряде случаев поместья продавали с аукциона за долги. В качестве примера приведем следующее объявление: «Московская Сохранная Казна объявляет, что в оной будет продаваться с аукционного торга просроченное недвижимое имение Л.П. Соколовой, Тамбовской губернии Кирсановского уезда в деревни Никольской. Имение будет продаваться с всею принадлежащей землею и всякими на оной строениями и с переводом долга Сохранной Казны кто пожелает по старому свидетельству. О сроке же будет опубликовано в свое время»¹⁸¹. В воспоминаниях тамбовского помещика В.М. Андреевского есть сюжет, где он показывает свои переживания при прощании со своим имением: «Был последний раз у себя в имении. В день моего отъезда я с какой-то необыкновенной, совсем несвойственной моему бодрому темпераменту грустью обошел сад и дом, в котором протекла вся моя жизнь. Я как будто предчувствовал, что никогда больше не увижу ни дома, хранившего в стенах своих воспоминания о трех поколениях, ни нашего сада, целиком посаженного моей матерью...»¹⁸².

Заметным проявлением пореформенной эпохи были старые, обветшавшие усадебные дома, покинутые своими хозяевами, оставленные на попечение чужих людей или готовившиеся к продаже. Такими были имение «Рубанщина» Суджанского уезда Курской губернии – Тахтамировых, «Лебяжье» Курского уезда –

Г.А. Новосильцева, «Покровское» Старооскольского уезда Курской губернии – Арцибашевых и многие другие¹⁸³.

В этой связи И.Бунин писал: «За полвека почти исчезло с лица земли целое сословие, столько нас выродилось, сошло с ума, наложило на себя руки, спилось, опустилось и просто потерялось где-то... То место, где стояла усадьба, было уже давно распаханно и засеяно, как распахана, засеяна была земля на местах и многих других усадьбах. Суходол еще кое-как держался. Но, вырубав последние березы в саду, по частям сбыв почти всю пахотную землю, покинул её даже сам хозяин её, сын Петра Петровича, – ушел на службу, поступил кондуктором на железную дорогу»¹⁸⁴.

В первые пореформенные годы новое строительство, перестройка старых усадеб фактически не велись. Но уже к концу 60 – началу 70-х гг. XIX века работы на территориях сельских дворянских усадеб возобновились. В частности, именно к этому времени относится переписка многих помещиков со своими управляющими о проведении реставрационной работы в усадебных комплексах¹⁸⁵.

Архитектура усадеб второй половины XIX – начала XX вв. прошла сложный путь, постепенно отходя от строгого классицизма к усложненным формам, навеянным историзмом, к эклектике, через романтические тенденции и увлечение готикой, развившиеся параллельно с русским национальным стилем и переплетавшиеся со стилем модерн, проникшим и в усадебное строительство. Ностальгия по золотому веку русской усадебной архитектуры – началу XIX века, к началу XX века приводит к тому, что в моду входит неоклассицизм¹⁸⁶.

В пореформенный период строительство каменных усадеб набирает моду, но все же большая часть помещичьих домов оставалась деревянной. Особенностью этого периода становится строительство деревянных домов под железной крышей и на кирпичной фундаменте: упоминаются в Лебедянском уезде Тамбовской губернии в усадьбе Г.Г. Наумова – «дом ... низ кирпичный, верх из дерева, крытый железом»¹⁸⁷, в имении Л.П. Григорьева Борисоглебского уезда этой же губернии – «дом на каменном фундаменте дубовый крытый железом»¹⁸⁸. Последнюю указанную строительно-архитектурную особенность вряд ли можно связать только с дворянскими усадьбами, добротные деревянные дома под железной

крышей стремились иметь состоятельные представители любого сословия.

Архитектурным шедевром дворянской усадебной культуры пореформенного периода является дворцовый комплекс Рамонь принца А.П. Ольденбургского в 30 км. от Воронежа. Этот дворец был построен в период с 1883 по 1887 гг. в духе романтизма с его средневековыми атрибутами. В плане дворца не было ни одной оси симметрии. Его свободно соединенные объемы образовывали сложную живописную объемно-пространственную композицию. Средний трехэтажный объем имел с запада выступ, а с востока – террасу с плоской стеклянной крышей. К среднему объему примыкали боковые части под двускатными крышами. С северо-западной стороны была расположена четырехугольная угловая башня с шатром, а с юга-востока – угловая восьмиугольная четырехъярусная башня со шпилем. Угловые юго-западные и северо-восточные части – одноэтажные. Стены всех объемов, кроме западной, завершались крупными зубцами, напоминающими зубцы готических башен... Стены метровой толщины укладывали из красного кирпича. Оштукатуренные и побеленные декоративные элементы контрастно выделялись на фоне красно-кирпичной лицевой кладки стен. Портал парадного входа венчал зубчатый аттик, в поле которого помещался герб Ольденбургских ¹⁸⁹.

Еще в начале XX века указывалось, что «в особенности красотой и изяществом отмечалась дворцовая библиотека, где весь потолок разделан во вкусе древнегерманского стиля, причем все деревянные части представляют собой чудесную живопись по дереву способом выжигания, собственноручно выполненную Е.М. Ольденбургской, одной из первых в России применившей для выжигания по дереву и коже хирургический аппарат француза Пакелена» ¹⁹⁰.

Другим шедевром усадебных дворцовых комплексов не только Центрального Черноземья, но и всей России, оставалось курское имение Марьино князей Барятинских. Построенное в начале XIX века, оно и в его конце поражало современников архитектурным величием, изяществом и ухоженностью. Княгиня М.С. Барятинская вспоминает свой приезд в Марьино в начале XX века: «Это было родовое имение и по наследству из поколения в поколение

переходило к старшему в семье сыну. Мой свекор унаследовал его от своего двоюродного брата, чей единственный сын умер очень молодым. Это было огромное имение, охватывающее около 60 000 десятин, или 600 квадратных километров. Это было, по сути, не большое королевство...

Одна ночь на поезде – и мы сошли на какой-то маленькой захолустной станции, от которой еще проехали шестнадцать километров до имения. Дорога, часто непроезжая, шла через кукурузные и свекловичные поля... Весьма однообразным, если не сказать монотонным, был этот русский сельский пейзаж, и мы были буквально ошеломлены, когда в поле зрения появился прекрасный замок, расположенный в обширном парке, и мы вдруг попали в царство высокоразвитой цивилизации.

Один из предков Бярятинских, прирожденный инженер и архитектор построил этот дом и разбил огромный парк, пересекаемый величественными аллеями, усаженными различными породами деревьев. Парк был в самом деле восхитительным и содержался с исключительной тщательностью. Дорожки и подъездные аллеи, покрытые золотистой галькой, и низко подстриженные лужайки придавали всему этому атмосферу свежести и порядка. Каждое утро вскоре после восхода солнца можно было увидеть крестьян и крестьянок, одетых в живописные костюмы, занятых чисткой и поливом растений, приведением в порядок дорожек и лужаек, они следили, чтобы ни один увядший лист не омрачил чистоты этих великолепных аллей...

Сам дом был подлинным музеем драгоценных вещей: картин, бронзы, скульптуры, мебели и фарфора»¹⁹¹.

В начале XX века имение Марьино могло быть воплощением ностальгических настроений, связанных с тоской по «старой» русской аристократической усадьбе начала XIX века.

В структуре старинных усадеб, функционировавших в пореформенное время и представлявших собой своеобразный музей конкретного дворянского рода с их постройками, бытовыми традициями, коллекциями и более современным художественным и бытовым включением, выделяется особая мемориально-музейная территория (обычно примыкавшая к парадной или садово-парковой

зоне), которая могла включать старинные постройки, монументы, храм-памятник и др.

Е.В. Холодова справедливо отмечает, что к старым усадебным домам относились как к музейно-семейной реликвии, с ними связывали различные предания, некоторые из них сохраняли в руинах, другие превращали в музеи или находили новое щадящее применение. Примером этому могли служить сохраняемые руины родового усадебного дома вблизи новой усадьбы Марковых в Терябуже Щигровского уезда Курской губернии ¹⁹².

На территории курской усадьбы Шереметевых Борисовки бережно сохранялся памятник начала XVIII века, так называемый «Домик Петра Великого». Кроме того, перед домом владельца Борисовского имения были установлены восемь чугунных орудий разного калибра, по преданию, подаренных Петром I после Полтавского сражения фельдмаршалу Б.П. Шереметеву ¹⁹³.

Примером стиля модерн в усадебном строительстве может служить дом Мухановых в селе Веселая Лопань Белгородского уезда Курской губернии, новоселье в котором хозяева отпраздновали в самом начале XX века.

При возведении двухэтажного дома использованы приемы и детали классической и готической архитектуры. В богатой пластической проработке объемов дома использованы разнообразные примеры: это и балконы – застекленные и открытые; и терраса – на главном фасаде, с мощным ограждением, под одной крышей с домом; а на заднем фасаде – открытая полукруглая с легким ограждением; и сложное завершение стен круглой башней, увенчанной шестигранником с арочными проемами и высоким шпилем над ним; и высокая вальмовая крыша из красной черепицы. Следует подчеркнуть и многообразие оконных проемов: арочных, лучковых, стрельчатых. Стены дома выложены из керамического красного кирпича, перекрытия из деревянных балок. Балкон, опоясывающий башенный объем в уровне второго этажа, выполнен из монолитного бетона.

При имении имелся крупный винокурный завод с множеством хозяйственно-производственных построек ¹⁹⁴.

Отдельные владельцы усадеб строили свои дома в стиле мо-

дерн из дерева «под русскую избу», богато украшенную резьбой. В 1886 году в Дмитриевском уезде Курской губернии Ф.П. Вангейм основывает усадьбу-хутор Уютное. Его усадьба-хутор представляла собой облик редкой композиции научной усадьбы – агрометеорологической станции. Усадебный дом окружали: с юга – небольшой круглый копаный пруд с водным каналом, опытное поле и огород; с запада – плодовый сад, в котором находилась метеоплощадка, оранжерея, рига, двухэтажный «Лесной» флигель у леса «Каган»; с севера – кухня для рабочих, дом для прислуги, скотный двор, конюшня, каретный сарай; с востока – плодовый сад и лиственный парк, в котором располагались двухэтажный «парковый» флигель и площадка для кркета. Акцентирующим объектом усадьбы был флюгер, возвышающийся над округой. Деревянный одноэтажный усадебный дом (16-18 комнат) украшали ажурные подзоры, филе-чатые ставни и деревянные с резными перилами лестницы¹⁹⁵. Данный усадебный дом, как, собственно, и вся усадьба-хутор, выделялся на фоне соседних помещичьих усадеб.

Заканчивая обзор крупных и богатых усадеб дворянства Центрального Черноземья, необходимо остановиться более подробно на влиянии капиталистической модернизации российского общества на сам уклад поместной жизни и превращении поместного дворянина в буржуа. В первую очередь это было связано с зарождением экономических поселков при крупных имениях. Такие поселки являлись основным ядром крупного капиталистического хозяйства, в основном, аграрно-промышленного направления. Например, в Курской губернии они складывались вокруг сахарных заводов.

В пос. Ивановском – «столице» владений князей Барятинских – сахарный завод был открыт еще в первой четверти XIX века и успешно функционировал в пореформенный период. По числу сахарных заводов в Курской губернии к концу XIX века при имениях было более 20 экономических поселков, среди них: Теткино и Глушково Терещенко, Новая Таволжанка Боткиных, Шебекино Ребиндеров, Красная Яруга Харитоненко, Прилепы Мейендорфов, Дерюгино вел. князя Михаила Александровича, Попова Слобода А.И. Курдюмова, Любимовка Сабашниковых, Бурынь Павловых¹⁹⁶.

Экономические поселки, преимущественно, формировались

на базе имений аграрно-промышленного профиля с населением от 1 тыс. до 8 тыс. жителей. Они имели разветвленную социальную сеть: жилые здания, школы, больницы, базары, лавки и храмы, производственные училища¹⁹⁷.

В служебно-хозяйственной части крупных и средних имений появилась новация, которой, как правило, не было в дореформенных поместьях: в составе усадьбы строилось жильё для сезонных рабочих, в котором при определенных ситуациях могли жить члены семьи владельца усадьбы и его гости. Так, в курской усадьбе Знаменке «в случае большого съезда гостей» пустовавшие летом «большие бревенчатые амбары для сроковых рабочих» становились ночным приютом «гостям помоложе, которым не хватало помещения в доме, для чего в «амбарах» стояло несколько кроватей, столы и стулья¹⁹⁸.

Трудно представить себе в начале XIX века помещика, строившего рядом с усадебным домом жильё для своих крестьян, которые бы наполняли усадьбы своим массовым присутствием. Конечно, речь идет о крестьянах, работающих в поле, а не дворовых. Времена менялись, и помещики постепенно превращались в сельских буржуа, вследствие чего трансформировался и усадебный быт, облик усадебной территории, все более приспособляемой к хозяйственной деятельности.

У среднепоместных и мелкопоместных помещиков центрально-черноземных губерний преобладающим в пореформенное время был замкнутый тип усадьбы, открытой в середине, где в передней части были окна, выходящие на внутренний двор и улицу: «хозяйственная часть постройки начиналась непосредственно от дома, слева были пристроены легкие навесы – сараи, под прямым углом уходящие в глубь двора и предназначенные для повозок, орудий, утвари; справа к дому пристроена конюшня и от неё ряд теплых сараев для скота (овец, свиней, птицы); в глубине двора навесные сараи для коров и лошадей: ближе к дому, посередине двора – амбары»¹⁹⁹. Большая часть их была построена еще до реформы 19 февраля 1861 года, и в пореформенный период они имели уже вид разваливающихся сооружений. В рассказе «Золотое дно» И.А. Бунин показывает обобщенный образ обедневшей среднепоместной

усадыбы: «Не много нового узнаю я и в имении сестры, где я всегда делаю остановку на пути к Родникам. Кажется, что еще год тому назад усадьба не была так ветха. Полы и потолки в зале немного покосились и потемнели, ветви запущенного палисадника лезут в окна, тесовые крыши служб серебрятся и дают кое-где трещины... А по двору, держа в поводу худого стригуна, запряженного в водовозку, еле бредет полуслепой и глухой Антипушка, и разохшиеся колеса водовозки порою так неистово взвизгивают, что больно слушать.

– Так плохи, говоришь, дела? – спрашиваю я сестру, которая задумчиво смотрит куда-то вдаль, на косогоры за лучами и речкой.

– Совсем, совсем плохи! – поспешно, как будто даже с удовольствием подтверждает сестра. – Будь капитал, еще, может быть, можно было бы поправиться. Ведь земля-то сущее золотое дно. Но банк, банк!»²⁰⁰.

Мелкопоместные усадьбы в пореформенный период, как и до реформы отмены крепостного права, по внешней и внутренней архитектуре, размерам добротности сооружений разительно отличались друг от друга. В источниках, где описывалась усадьба мелкопоместного дворянина, если указывался термин «дом», то его владелец принадлежал к верхним подгруппам мелких помещиков, но если подчеркивался термин «изба», её хозяин принадлежал к дну дворянского сословия – нижним подгруппам мелкопоместной стра-ты (до 10 дес. земли). Современники, называя дом в мелкопоместной усадьбе избой, понимали, что этот термин относится к жилью крестьян. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля дается определение термину «избы»: «изба – крестьянский дом, хата; жилой деревянный дом, жилая горница, комната, чистая (не степная половина; людская или кухня, жильё для прислуги в барском дворе...)»²⁰¹. Данное одно из определений – «жилой деревянный дом» – в рассматриваемом контексте явно имеет архитектурно-бытовой признак, но не социальный. Все другие приведенные определения указывают на жилище крестьян или прислуги.

Чиновник, давая следующее описание курским мелкопоместным жилищам: «изба деревянная старая крытая соломой, потолок досчатый, без пола с русской печью, с 2 досчатыми дверями, 3 ок-

нами без рам, с плетневыми сенями»²⁰², «...жилая изба о двух комнатах, 3 дверей, 5 окон, кирпичная печь, дощатый потолок, ветхая»²⁰³ – никак не мог их соотнести с дворянским усадебным домом. Исследователь, рассматривая планировку мелкопоместной усадьбы Алферовых в Курской губернии, дает следующее описание: «Дом одноэтажный. Вход ведет в небольшую прихожую и далее в коридор, разделяющий северную часть дома на две примерно равные части, поделенные поперечными стенами на небольшие комнаты. Южную половину дома занимают две большие смежные комнаты»²⁰⁴. Из данного описания очевидно, что усадебный дом принадлежал к верхним подгруппам мелких помещиков (51-100 дес. земли).

Пореформенная модернизация российского общества определила основную тенденцию в эволюции дворянской усадьбы, она принимала все более хозяйственный облик, новые архитектурные технологии уже не являлись исключительно «дворянскими», а могли быть использованы любым богатым представителем иного сословия. Дома поместных дворян из нижних подгрупп высшего сословия разваливались, принимая облик бедных крестьянских изб.

Примечания

1. *Белова А.В.* «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX вв. СПб., 2010. С. 358-360.

2. *Ардов Е.* Графинюшка // Русская мысль. 1895. Кн. X. С. 39-40.

3. *Бокова В.М.* Отроку благочестие блюсти... Как наставляли дворянских детей. М., 2010. С. 60-61.

4. *Белова А.В.* Указ. соч. С. 162.

5. *Марков А.* Родные гнезда. Мюнхен, 1962. С. 67.

6. *Оболенский Л.Е.* Картинки прошлого. II // Исторический вестник. 1906. 106. № 10. С. 117-118.

7. *Оноприенко И.Г.* Повседневная жизнь дворянства Центрального Черноземья в 50-90-е гг. XIX века: традиции и новации.

Белгород, 2010. С.61.

8. *Рянский Л.М., Рянский Р.Л.* Очерки социально-экономической истории крепостной деревни Курской губернии первой половины XIX века. С.122-123.

9. *Шаповалова С.* Специфика социализации дворянских детей в сельской помещной усадьбе конца 50-90-х гг. XIX в. // *Вісник Чернігівського національного педагогічного університету.* Вып. 87. Серия: історичні науки. № 8. Чернігів, 2011. С. 115-116.

10. *Водовозова Е.Н.* На заре жизни. В 2 т. М., 1987. I. 1. С. 180-181.

11. *Терпигорев С.Н. (Атава С.).* Потревоженные тени. М., 1985. С. 272.

12. Воспоминание о былом // *История жизни одной благородной женщины.* М., 1996. С. 377.

13. *Потехин А.А.* Бедные дворяне // *Сочинения.* Т. 4. СПб., 1904. С. 261.

14. *Гольцев В.* Из воспоминаний и переписки // *Русская мысль.* 1905. Кн. IV. С. 174.

15. *Пассек Т.П.* Из дальних лет. Воспоминания. В 2 т. Т. 1. М., 1963. С. 98.

16. *Салов И.* Умчавшиеся годы (из моих воспоминаний) // *Русская мысль.* 1897. Кн. VII. С. 4.

17. Записки графа М.Д. Бутурлина. В 2 т. Т. 1. М., 2006. С. 68; *Бокова В.М.* Указ. соч. С. 68-69.

18. *Бокова В.М.* Указ. соч. С. 68-69.

19. *Добролюбов Н.А.* Сочинения С. Аксакова. Деревенская жизнь помещика в старые годы (1858 г.). Разные сочинения С. Аксакова (1858г.). СПб., 1911. С. 31.

20. *Лабзина Е.А.* Воспоминания. Описание жизни одной благородной женщины // *История жизни одной благородной женщины.* СПб., 1996. С. 21.

21. *Потехин А.А.* Указ. соч. С. 378.

22. *Лотман Ю.М.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: пособие для учителей. М., 1983. С. 47-48.

23. *Ржевская Н.П.* Указ. соч. С. 11-13, 15.

24. *Солодянкина О.Ю.* Иностранцы в России. М., 2007. С. 219.
25. Записи графа М.Д. Бутурлина. Т. 1. С. 62.
26. *Лякишева С.И.* Библиотеки русских усадеб. Серия «Библиотекарь и время. XXI век». № 119. М., 2010. С. 65.
27. *С.Б.* Из недавнего прошлого (Бытовые очерки) // Русская старина. 1910. 141. № 7. С. 247.
28. *Пушкарева Н.Л.* Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница. М., 1997 С. 211.
29. *Лотман Ю.М.* Указ. соч. С. 42.
30. *Оноприенко И.Г.* Указ. соч. С. 69-70.
31. Там же. С. 71.
32. *Авсеенко В.* Школьные годы. Отрывки из воспоминаний. 1852-1863 // Исторический вестник. 1881. 4. № 4. С. 708.
33. *Салов И.А.* Указ. соч. С. 12.
34. *Оноприенко И.Г.* Указ. соч. С. 72.
35. Там же С. 74.
36. *Бунин И.А.* Антоновские яблоки // Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. М., 1956. С. 188.
37. *Бунин И.А.* Далекое // Собрание сочинений в пяти томах. С. 277.
38. *Бунин И.А.* Антоновские яблоки // Собрание сочинений в пяти томах. С. 188.
39. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Помещик // Русские очерки в 3-х томах. Т. III. М., 1956. С. 196.
40. *Верременко В.А.* Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX в.). СПб., 2007 С. 461.
41. *Экштут С.А.* Россия перед Голгофой. Эпоха великих реформ. М., 2010. С. 213-215.
42. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начала XX в.). В 2 т. СПб., 2003. Т. 1. С. 176.
43. Там же.
44. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Указ. соч. С. 197.
45. *Беккер Сеймур.* Миф о русском дворянстве: дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М., 2004. С. 58.

46. *Лякишева С.И.* Указ. соч. С. 65-66.
47. Там же. С. 65-66, 83-84.
48. *Шелгунов Н.В.* Детское чтение // *Деревенские дети России XIX века. Хрестоматия. Ч. I* / отв. ред. Е.Г. Пономарев. Ставрополь, 2009. С. 95-96.
49. Цит. по: *Лякишева С.И.* Указ. соч. С. 83.
50. *Туник С.А.* Белогвардеец. Воспоминания о моем прошлом. М., 2010. С. 26.
51. *Лесгилье А.* Руководство для гувернеров и гувернанток. На русском, немецком и французском языках. Необходимая настольная книга для каждого семейства, с прибавлением законов, относящихся к правам и пенсиям лиц, посвятивших себя воспитанию и образованию детей в России. СПб., 1870. С. 72.
52. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XX. Курская губерния. СПб., 1904. С. 86.
53. Там же.
54. Там же. С. 91.
55. *Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б.* Мир русской женщины: семья, профессия, домашний уклад XVIII – начала XX века. М., 2009. С. 121.
56. *Оноприенко И.Г.* Указ. соч. С. 82.
57. *Туник С.А.* Указ. соч. С. 67-69.
58. *Мамаева Т.П.* Курское губернское земство и народное образование в губернии во второй половине XIX-начала XX века. Старый Оскол, 2008. С. 51.
59. *Волков С.В.* Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 111.
60. *Миронов Б.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 327.
61. *Тыркова – Вильямс А.* То, чего больше не будет. Париж, 1954. С. 93, 97-97.
62. *А.Н.* О религиозном воспитании // *Русская речь.* 1879. Вып. X. С. 211-213.
63. *Чичерин Б.Н.* О настоящем и будущем положении помещичьих крестьян // *Атеней.* 1858. Ч. 1. С. 489.
64. Цит. по: *Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI-XX вв.* / отв.ред. *Л.В. Иванова.* М., 2001. С. 360.

65. *Боборыкин П.* За полвека. Мои воспоминания // Русская мысль. 1906. Кн. V. С. 24.
66. *Давыдов Н.* Из помещичьей жизни прошлого столетия // Голос минувшего. 1916. 2. С. 195.
67. *Потехин А.А.* Указ. соч. С. 40-41.
68. *Салов И.А.* Забытая усадьба // Русский вестник. 1858. Т. 14. С. 137.
69. *Оболенский Л.Е.* Картинки прошлого // Исторический вестник. 1906. Т. 106. С. 111.
70. Цит. по: *Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI-XX вв.* С. 364.
71. Там же. С. 364-365.
72. *Колонтаева В.* Воспоминание о селе Спасском // Исторический вестник. 1885. Т. 22. С. 43.
73. *Марков Р.А.* Недавняя старина // Исторический вестник. 1899. Т. 78. С. 539-540.
74. *Арабоглы М.А.* Три усадьбы, три судьбы. СПб., 2006. С. 19, 57, 61-62.
75. *Оболенский Л.Е.* Указ. соч. С. 110-111.
76. Цит. по: *Лаврентьева Е.В.* Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет. М., 2005. С. 403.
77. Там же. С. 404.
78. *Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI-XX вв.* С. 366-367; *Оноприенко И.Г.* Повседневная жизнь дворянства Центрального Черноземья в 50-90-е гг. С. 8.
79. Цит. по: *Тарасов Б.Ю.* Россия крепостная. М., 2011. С. 29.
80. *Князь Н. Волконский.* Условия помещичьего хозяйства при крепостном праве. С. 23-24.
81. Там же. С. 2-3.
82. Там же.
83. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Пошехонская старина. М., 1975. С. 52-53.
84. *Воспоминания В.С. Мышецкого* // Исторический вестник. 1896. Т. 66. С. 884-886.
85. *Исторический и географический путеводитель по Курской губернии от Орловской границы до Харьковской на 241 ½ верст.* Составлен *В.Н. Левашовым* в 1837 г. СПб., 2010. С. 48.

86. *Князь Н. Волконский*. Указ. соч. С. 3.
87. Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI-XIX вв. С. 369.
88. Там же. С. 367-368.
89. *Терпигорев С.Н. (Атава С.)*. Потревоженные тени. М., 1988. С. 270.
90. *Потехин А.А.* Указ. соч. С. 60-70.
91. Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI-XIX вв. С. 369.
92. Там же. С. 369-370.
93. Там же.
94. *Челищев В.Н.* Воспоминания о жизни в Калужской губернии. Быт и нравы русской провинции конца XIX-начала XX вв. Калуга, 2009. С. 28.
95. Там же. С. 27.
96. *Колонтаева В.* Воспоминания о селе Спасском // Исторический вестник. 1885. Т. 22. С. 45.
97. Трансформация провинциальной повседневности в условиях модернизационного развития России во второй половине XIX – начале XX вв. / отв. ред. *В.А. Шаповалов, И.Т. Шатохин*. Белгород, 2011. С. 39.
98. *Парчевский Г.Ф.* Карты и картежники. СПб., 1998. С. 25.
99. *Потехин А.А.* Бедные дворяне. С. 158.
100. *Основский Н.* Порода хищников // Русский вестник. 1857. Т. 7. С. 167.
101. *Бутковский Я.Н.* Из недалекого прошлого // Исторический вестник. 1882. Т. 10. С. 640.
102. *Танков А.* Распространение сочинений Пушкина в Курской губернии в 1837 году // Исторический вестник. 1886. Т. 26. С. 630-631.
103. *Акиньшин А., Ласунский О.* Воронежское дворянство в лицах и судьбах. Историко-генеалогические очерки с приложением Перечня дворянских родов Воронежской губернии. Воронеж, 2009. С. 133, 224.
104. *Попов П.А., Виноградова Е.А.* Усадьба Староживотинное // Русские провинциальные усадьбы XVIII – начала XX века / сост. Р.В. Андреева, Л.Ф. Попова. Изд. 2-е. Воронеж, 2011. С. 82.

105. *Рустемайер Ангела*. Преступник в оптике Просвещения: нормотворчество административной элиты в отношении девиантного поведения в российской провинции XVIII века // *Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века*. Серия: HISTORIA ROSSICA. М., 2012. С. 435.
106. *Мочульский П.Н.* Курьезы крепостного времени (Из записной книжки) // *Исторический вестник*. 1905. Т. 100. С. 157.
107. *Костомаров Н.И.* Казачья Дуброва иначе Казачья слобода или Казачья // *Русская Старина*. 1882. Т. 33. С. 6.
108. Там же. С. 9-10.
109. *Марков Р.* Недавняя старина // *Исторический вестник*. 1899. Т. 78. С. 538-539.
110. *Марков Р.* Недавняя старина // *Исторический вестник*. 1891. Т. 45. С. 255-256.
111. *Князь Е.Н. Трубецкой*. Из прошлого // *Князья Трубецкие. Россия воспрянет / сост. А.В. Трубецкой*. М., 1996. С. 9.
112. *Ковалевская С.В.* Воспоминания детства. Нигилистка. М., 1960. С. 155.
113. *Ремезов М.* Старый двор (Виденное и слышанное) // *Русская мысль*. 1898. Кн. VII. С. 115.
114. *Глинский Б.Б.* Из летописи усадьбы Сергеевки // *Исторический вестник*. 1894. Т. 58. № 10. С. 70.
115. *Василич Н.* Из воспоминаний помещика-охотника. VIII. Сватовские помещики // *Русская мысль*. 1906. Кн. IV. С. 184.
116. *Хлопов Н.А.* Мужики-дворяне // *Исторический вестник*. 1903. Т. 91. С. 1033.
117. *Вернер И.А.* Землевладение и земледелие в Курской губернии // *Русская мысль*. 1887. Кн. IV. С. 55.
118. Цит. по: *Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVII-XX вв.* С. 405.
119. Там же.
120. *Славутинский С.Т.* История моего дяди (Рассказ из семейной хроники) // *Исторический вестник*. 1883. Т. 11. С. 26.
121. *Глинский Б.Б.* Указ. соч. С. 73.
122. *Туник С.А.* Белогвардеец. Воспоминания о моем прошлом. С. 52-53.

123. ГАКО. Ф. 294. Оп. 1. Д. 987. Л. 120-122 об.
124. *Слезкин И.М.* Моим детям. Игуменья Ольга (Е.И. Слезкина). Воспоминания. М.; Бюсси, 2008. С. 52.
125. *Туник С.А.* Указ. соч. С. 34.
126. *Энгельгард А.Н.* Из деревни: 12 писем. М., 1987. С. 193-197.
127. *Ремезов М.* Указ. соч. С. 115.
128. *Глинский Б.Б.* Указ. соч. С. 62.
129. *Вернер И.А.* Землевладение и земледелие в Курской губернии // *Русская мысль*. 1887. Кн. VII. С. 55.
130. *Донченко Ю.В.* Курские дни князя Саши Ратиева. Курск, 2007. С. 57.
131. *Бунин И.А.* Учитель // *Собрание сочинений в пяти томах*. Т. 1. М., 1956. С. 84.
132. *Глинский Б.Б.* Указ. соч. С. 63-64.
133. *Попов П.А. Виноградова Е.А.* Усадьбы Веневитиновых // *Русские провинциальные усадьбы XVIII – начала XX века / сост. Р.В. Андреева, Л.Ф. Попова*. Изд. 2-е. Воронеж, 2011. С. 99.
134. *Акинъшин А.Н. Ласунский О.Г.* Воронежское дворянство в лицах и судьбах. Историко-генеалогические очерки с приложением Перечня дворянских родов Воронежской губернии. С. 142.
135. *Челищев В.Н.* Указ. соч. С. 35.
136. Там же С. 40-41.
137. *Парчевский Г.Ф.* Карты и картежники: Панорама столичной жизни. С. 24.
138. *Глинский Б.Б.* Указ. соч. С. 67.
139. *Штиглиц А.* Современные дворянские вопросы. 1897. С. 15.
140. *Пушкин А.С.* Домовому // *Мир русской усадьбы в литературе XVIII-начала XX века /сост. М.Д. Ковалев*. М., 2006. С. 83-84.
141. *Марасинова Е.Н., Каждан Т.П.* Культура русской усадьбы // *Очерки русской культуры XIX века*. В 6 томах. Т. 1. Общественно-культурная среда. М., 1998. С. 276.
142. *Беловинский Л.В.* Жизнь русского обывателя: изба и хоромы. М., 2012. С. 230.
143. *Марасинова Е.Н., Каждан Т.П.* Указ. соч. С. 271.

144. *Оноприенко И.Г.* Указ. соч. С. 39.
145. *Мартынов П.М.* Село Мишенское, родина В.А. Жуковского // Исторический вестник. 1887. Т. 27. С. 112.
146. *Славутинский С.Т.* История моего дяди (Рассказ из семейной хроники) // Исторический вестник. 1883. Т. 9. С. 28.
147. Цит. по: Марченко Н. Приметы милой старины. Нравы и быт пушкинской эпохи. М., 2001. С. 95.
148. *Колонтаева В.* Воспоминания о селе Спасском // Исторический вестник. 1885. Т. 22. С. 44.
149. *Воспоминания В.С.* Мышецкого // Исторический вестник. 1896. Т. 66. С. 901.
150. *Климкова М.А.* «Край отеческий...». История усадьбы Баратынских. СПб., 2006. С. 145.
151. *Колесникова Л.И.* Ракитное. Усадьба Юсуповых // Русские провинциальные усадьбы XVII – начала XX века. Изд. 2-е. Воронеж, 2011. С. 30.
152. *Боборыкин П.* За полвека. Мои воспоминания // Русская мысль. 1906. Кн. V. С. 25.
153. *Соловьев К.А.* «Во вкусе умной старины...». Усадебный быт российского дворянства II половины XVIII – I половины XIX веков, по воспоминаниям, письмам и дневникам: очерки. ООО «Книжный перекресток», 2013. С. 14.
154. *Щукин В.Г.* Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идеи. М., 2007. С. 250; *Соловьев К.А.* Указ. соч. С. 14.
155. *Щукин В.Г.* Указ. соч. С. 250.
156. *Беловинский Л.В.* История русской материальной культуры. М., 2012. С. 27.
157. *Ольга Н.* Из воспоминаний // Русский вестник. 1887. Т. 193. С. 161.
158. Воспоминания В.С. Мышецкого. С. 903.
159. *Бабилов К.* Детские годы. В деревне // Русский вестник. 1861. Т. 33. С. 379-380.
160. Там же.

161. *Соловьев К.А.* Указ. соч. С. 17.
162. *Васильева Т.В.* Удерёвка. Усадьба Станкевичей // Русские провинциальные усадьбы XVIII – начала XX века. Изд. 2-е. С. 8; *Оноприенко И.Г.* Указ. соч. С. 37.
163. *Колесникова Л.И.* Ракитное. Усадьба Юсуповых // Русские провинциальные усадьбы XVIII – начала XX века. Изд. 2-е. С. 31.
164. *Попов П.А.* Усадьба Репное (Алексеевское) // Русские провинциальные усадьбы XVIII – начала XX века. Изд. 2-е. С. 144.
165. Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI-XX вв. С. 300.
166. *Соболева А.А.* История и судьба усадьбы «Караул» Чичериных // Русские провинциальные усадьбы XVIII – начала XX века. Изд. 2-е. С. 458.
167. *Городнова Л.Е.* Любичи. Усадьба Н.И. Кривцова // Русские провинциальные усадьбы XVIII – начала XX века. Изд. 2-е. С. 547.
168. *Федоров С.И.* «Марьино» князей Барятинских. История усадьбы и её владельцев. Курск, 1991. С. 35.
169. Воспоминания В.А. Инсарского. Из быта наших помещиков 1840-1850 // Русская старина. 1874. Т. 9. С. 302-303.
170. *Полякова М.А., Е.Н. Савинова.* Русская провинциальная усадьба XVII – начала XX века. М., 2011. С. 8.
171. Там же. С. 75.
172. Там же.
173. Цит. по: *Беловинский Л.В.* Жизнь русского обывателя: изба и хоромы. С. 332-333.
174. *Терпигорев С.Н. (Атава С.).* Потревоженные тени. С. 269.
175. Воспоминания В.С. Мышецкого. С. 884.
176. *Князь Григорий Кугушев.* Странник. Эскиз провинциальной жизни // Отечественные записки. 1857. Т. 112. Отд. 1. С. 1.
177. *Пушечников И.В.* Заметки старожила Елецкого уезда // Русский архив. 1905. № 4. С. 546.
178. Там же. С. 602-603.
179. Дворянская и купеческая усадьба в России XVI-XX вв. С. 400.

180. *Мурашев А.А.* «Увидеть барский дом нельзя...» (Павловка и её владельцы) // Культура русской провинции. Новые исследования: материалы науч.-практ. конф. / отв.ред. *В.П. Кудинов*. Тамбов, 2002. С. 50.

181. ГАТО. Ф.161. Оп.1. Д.7135. Л.4-5.

182. ГАТО. Ф. Р-5328. Оп.1 Д.1 Л.48.

183. *Холодова Е.В.* Двери к достоинству и чести // Русские провинциальные усадьбы XVIII-начала XX века / сост. *Р.В. Андреева, Л.Ф. Попова*. Воронеж, 2001. С. 171.

184. *Бунин И.А.* Суходол // Собрание сочинений в пяти томах. Т. 2. С. 152-153.

185. *Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVII-XX вв.* С. 433.

186. Там же. С. 433-434.

187. ГАТО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 355. Л.7об.

188. ГАТО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 3514. Л. 16.

189. *Образцова Л.А.* Романьские усадьбы Ольденбургских // Русские провинциальные усадьбы XVIII – начала XX века. Изд. 2-е. С. 130.

190. Там же. С. 131.

191. *Барятинская М.С.* Моя русская жизнь. Воспоминания великосветской дамы. 1870-1918. М., 2006. С. 203-205.

192. *Холодова Е.В.* Пореформенные усадьбы Курской губернии. 1861-1917. Курск, 2007. С. 159-160.

193. Там же.

194. *Колесникова Л.И.* Веселая Лопань. Усадьба Мухановых // Русские провинциальные усадьбы XVIII – начала XX века. Изд. 2-е. С. 28.

195. *Холодова Е.В.* Уютное: колумбы пятого океана // Русские провинциальные усадьбы XVIII – начала XX века. Изд. 2-е. С. 268.

196. *Холодова Е.В.* Пореформенные усадьбы Курской губернии. 1861-1917. С. 86-88.

197. Там же. С. 91-93.

198. Там же. С. 159.

199. *Чижикова Л.Н.* Русско-украинское пограничье: история и судьбы традиционно-бытовой культуры. М., 1988. С. 116.

200. *Бунин И.А.* Золотое дно // Собрание сочинений в пяти томах. М., 1956. Т. 1. С. 262.

201. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1998. Т. 2. С. 10.

202. ГАКО. Ф.294. Оп.1. Д.955. Л.16-17.

203. ГАКО. Ф.294. Оп.1. Д.887. Л.5-6.

204. *Колесникова Л.И.* Корочанские мелкопоместные усадьбы // Русские провинциальные усадьбы XVIII – начала XX века. Изд. 1-е. С. 38.

IV. ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ ПОМЕСТНОГО ДВОРЯНСТВА В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

4.1. ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ ДВОРЯНСТВА КАК ВАЖНЕЙШИЙ КРИТЕРИЙ СОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВЫСШЕГО СОСЛОВИЯ

Для каждого исторического этапа развития отдельного класса или сословия всегда характерно изменение социально-психологических воззрений. Данные воззрения отражают те перемены, которые эволюционизировали базовые элементы сословной жизнедеятельности – хозяйственной, политической, культурной и бытовой. Сам факт закономерности изменений социально-психологических аспектов восприятия меняющейся окружающей действительности подчеркивает значимость для исследователя анализа социально-психологических процессов.

На современном этапе развития социологии и психологии по вопросу к предмету социальной психологии сложилось три подхода. Первый из них, получивший преимущественное распространение среди социологов, понимает социальную психологию как науку о «массовидных явлениях психики». В рамках этого подхода исследователи выделяют разные явления, подходящие под это определение; иногда больший акцент делается на изучение психологии классов, других больших социальных общностей и в этой связи – отдельных элементов, сторон общественной психологии групп, таких как традиции, нравы, обычаи и пр. В других случаях большее внимание уделялось, например, формированию общественного мнения, таким специфическим массовым явлениям, как мода, и пр.¹

Второй подход, напротив, определяет главным предметом исследования социальной психологии личность. Оттенки здесь проявлялись лишь в том, в каком контексте предполагалось исследование личности. С одной стороны, больший акцент делался на психологические черты, особенности личности, ее положение в опреде-

ленной социальной общности, типологию личностей; с другой стороны, выделялись именно межличностные отношения положение личности в социальной общности, вся система общения. С точки зрения этого подхода, дискуссионным оказался вопрос о месте так называемой «психологии личности» в системе психологического знания. Часто в защиту данного подхода приводится следующий аргумент, что он гораздо более «психологичен», что лишь на этом этапе пути можно представить себе социальную психологию как органическую часть психологии, как разновидность именно психологического знания. Логично, что подобный подход в большей степени оказался популярным среди психологов².

Третий подход синтезировал два предыдущих. Социальная психология рассматривается здесь как наука, изучающая и массовые психические процессы, и положение личности в социальной группе. В этом случае, естественно, проблематика социальной психологии представляется достаточно широкой: практически весь круг вопросов, рассматриваемых в различных школах социальной психологии, включался тем самым в ее предмет. Были предприняты попытки дать полную схему изучаемых проблем в рамках этого подхода. Наиболее широкий перечень содержит схема, предложенная Б.Д. Парыгиным, с точки зрения которого социальная психология изучает: 1) социальную психологию личности, 2) социальную психологию общностей и общения, 3) социальные отношения, 4) формы духовной деятельности³. Важно, что при таком подходе предмет социальной психологии достаточно широк, и можно с двух сторон двигаться к его определению: как со стороны личности, так и со стороны массовых психических явлений. По-видимому, такое понимание наиболее реально отвечает сложившейся практике исследований. Именно поэтому оно оказалось если не единогласно принятым, то, во всяком случае, наиболее укоренившимся⁴.

В современной отечественной социальной психологии вышеуказанный подход доминирует. Под научным объектом социальной психологии понимается изучение закономерностей поведения и деятельности людей, обусловленных включением их в социальные группы, а также психологическими характеристиками самих этих групп⁵, то есть личность рассматривается в контексте жизнедеятельности определенной социальной страты.

Для западной социальной психологии, в первую очередь американской, характерны иные подходы и задачи. М. Шериф видит задачу социальной психологии в научном изучении опыта и поведения индивида в связи с воздействием на него социального стимула. Г. Олпорт, характеризуя американскую социальную психологию 60-х гг., подчеркивал: «... подавляющее большинство социальных психологов рассматривают свою дисциплину как попытку понять и объяснить, какое влияние оказывают на мысли, чувства и поведение индивидов действительное, воображаемое или предполагаемое присутствие других»⁶. В американской социальной психологии акцент делается на индивида, но не на личность. Личность – это особая область, предмет философии, персонологии и т.д. Индивид в американской социальной психологии – это человеческая единица, стандартная, одинокая и изолированная. Такой подход привел в американской социальной психологии на рубеже 70-80-х гг. к критическому переосмыслению самого объекта социальной психологии. В этот период классик американской социальной психологии Т. Ньюком констатировал: «Я неудовлетворен современным состоянием социальной психологии... Моя неудовлетворенность объясняется не только признаками кажущейся активности в области социальной психологии, но состоянием развития теории и исследований, ведущихся в этой области»⁷. С его точки зрения, основная проблема – это неумение социальной психологии сочетать психологический и социологический подходы.

Главный порок психологического подхода (а он, по мнению Ньюкома, доминирует среди американских психологов) заключается в том, что его представители, справедливо настаивающие на единых принципах поведения человека в социальной и несобальной среде, не учитывают глубокой специфики человеческого поведения именно в социальной среде, новых проблем, возникающих в этих условиях. Но и социологический подход имеет существенные просчеты, так как здесь совсем не принимаются во внимание характеристики биологических и психологических условий среды. Вопрос, таким образом, упирается вновь в понимание предмета социальной психологии⁸. Судя по изданию трудов Д. Майерса, эта проблема остается и на современном этапе⁹.

Ситуацию в европейской социальной психологии ярко обрисовал французский социальный психолог С. Московичи: «Куда ни глянь – до нас, впереди нас и вокруг нас – была и до сих пор есть американская психология»¹⁰. Такая ситуация, с его точки зрения, недопустима, потому что по самому своему определению эта дисциплина должна быть ориентирована на социальные проблемы общества, а они, естественно, различны в Америке и Европе. Европейская социальная психология должна обратиться к своим собственным социальным проблемам. В противном случае исследования будут носить чисто схематический характер.

Автор настоящего исследования также исходил из положения, что социальная психология всегда имеет не только национальную специфику, но и обусловлена историческим традиционализмом. В то же время нельзя отвергать многие методы и наработки западной социальной психологии, в частности, изучение социальной общности, исходя из деления её на социальные страты. Опыт преломления методов социальной психологии в контексте рассмотрения эволюции исторических процессов в западной социальной психологии намного глубже и шире, чем у отечественных исследователей.

М. Валцан, М. Барг, Н. Рогалина, Л. Милов, Д. Ибрагимова, Л. Бородкин также не отрицают синтезированную природу социальной психологии¹¹. В то же время природа социальной психологии исследователями расценивается по-разному.

М. Валцан акцентирует внимание на систему ценностей, Д. Ибрагимова – на традиции, Л. Милов – цивилизационные аспекты. На наш взгляд, вряд ли целесообразно вычленять какую-либо доминанту в сложном комплексе зарождения и эволюции социальной психологии. На определенном историческом этапе в зависимости от изменения сословных параметров общества конкретная доминанта будет уступать место следующей. Здесь нельзя не согласиться с Т. Ламмерсом, что психологию социальной группы определяет весь ход исторического процесса¹².

Перейдем к рассмотрению проблемы природы психологии пореформенного дворянства. Психология дворянства, в отличие от социально-психологических воззрений представителей других сословий, в силу занимаемого места в структуре сословной иерархии,

на первый взгляд, имела существенную специфику – «психологию господина». Но неоправданно возводить в абсолют эту кажущуюся специфику. В.С. Кулабухов, исследуя природу менталитета центрально-черноземного дворянства, детально проанализировал их политические воззрения. В то же время он указывает на доминирующую роль психологии помещтных владельцев на изменение психологического спектра представителей других сословий¹³. Этого нельзя было бы отрицать, если рассматривать дворянство как однородную массу в социальном аспекте, не беря в расчет внутрисословную дифференциацию. В этом случае «психология господина» должна быть характерной хотя бы в приблизительно равной степени и для владельца тысяч десятин, и для владельца 2-3 десятин. Усредненный подход опровергает следующий факт, к моменту отмены крепостного права в России из 253 068 потомственных дворян 109 444 (43,2 %) лично занимались хлебопашеством¹⁴. Таким образом, психология дворянства объективно имела несколько различных уровней и направленностей в зависимости от социального положения внутри своей сословной корпорации. Сословная внутрикорпоративная стратификация опосредовала и степень «значимости» дворянина в глазах представителей других сословий. Базовым элементом, скрепляющим дворянскую психологию в нечто единое, являлось осознание своей сословной исключительности.

Сословная исключительность дворянства, зафиксированная законодательно и генерированная вековыми традициями, выработала особый нравственный кодекс, характерный для широкого круга представителей высшего сословия. Он наиболее известен под понятием «дворянской чести». Данная социально-психологическая категория являлась очень тонким показателем эволюции дворянского мировоззрения. С другой стороны, именно сословная мораль придавала дворянству то чувство корпоративности, которое не давало внутрисословным перегородкам стать непреодолимыми, а за рамками сословной корпорации в повседневной жизни воспринимать дворянина как представителя особой, высшей касты. Этот тезис подтверждает и Э. Фукс: «Интересам классового обособления служили своеобразные нравственные нормы и соответствующие им нравственные установления, выступавшие средствами классового

обособления. Господствующий, привилегированный класс, объявляя все то, что отвечало его специальным жизненным потребностям, дозволенным и поэтому нравственным, в то же время провозглашает все это недозволенным и как следствие этого безнравственным все, что может быть для другого класса. Кроме того, он объявляет безнравственным все, что может поколебать и пошатнуть его господство. Другим классам предписывается как нравственный закон то, что служит интересам господства привилегированного класса»¹⁵.

Понятие чести у дворян предусматривало, что их нравственный кодекс если не стоит выше существовавших правовых норм, то ни в коем случае по своему значению не уступает им. Данный тезис убедительно подтверждают выдержки из «Дуэльного кодекса» В. Дурасова: «Если Дуэльный кодекс не укладывается в рамки законности, если невозможно одобрение такого кодекса государством, дерзайте тем не менее считать его правилами, предписанными честью, ибо честь не менее священна, чем государственные законы»¹⁶. При этом в сознании подавляющей части дворянства категория чести присуща именно представителям благородного сословия. Так, защита чести посредством дуэли «...возможна и допустима только между лицами равного, благородного происхождения. В противном случае дуэль недопустима и является аномалией, вторгаясь в область судебной компетенции.

При вызове дворянина разночинцем первый обязан отклонить вызов и представить последнему право искать удовлетворения в судебном порядке»¹⁷.

В то же время необходимо подчеркнуть, что степень восприятия дворянина как представителя высшего сословия резко ослабевала по мере его внутрисословной деградации. Особенно это было заметно на бытовом уровне, где моральные установки, личностные претензии сословного характера резко контрастировали у мелкопоместного владельца с его материальным статусом.

Другим определяющим фактором, влияющим на эволюцию социальной психологии, является традиция. В силу ярко выраженного консерватизма дворянского сословия, традиционализм имел исключительную роль в рассматриваемом вопросе. Значение дан-

ного фактора на социальную психологию российского дворянства пореформенного периода прослеживается в замечании, высказанном автором книги «Социально-экономический вопрос в России» Ворожбитом: «Нам могут заявить, что в настоящее время ничто не препятствует свободе действий дворян и каждый из них может по собственному желанию заниматься ремеслами, торговлею, промышленностью и т.д. Но разве слово «Дворянин» есть пустой звук?»¹⁸.

Известный публицист М. Катков продолжал эту мысль: «Русское дворянство не есть отвлеченная формула, ни консервативная, ни либеральная: она живая принадлежность Русского народа, то словие, которое находится в теснейшей связи с его государственной жизнью. Да пребудет Русское дворянство, как и в прошлые времена, живым звеном между царем и народом, честь которого оно составляет»¹⁹. Смысл данных высказываний сводится к тому, что традиция есть гарантия социально-политической стабильности.

Традиция всегда имеет коллективную природу. Коллективный характер традиции в свою очередь способствует сплочению отдельных звеньев любой социальной общности²⁰. В отношении дворянства традиции, с одной стороны, способствовали возникновению определенных норм поведения, хозяйственно-бытовой деятельности, с другой стороны, они давали каждому представителю дворянского сословия ощущение оправданности и целесообразности существующих корпоративных норм поведения. Традиционализм одним из источников функционирования имеет коллективную память, которая далеко выходит за пределы личных воспоминаний. Через определенный психологический механизм представители отдельной социальной группы наследуют прошлые нормы, ценности и правила, которые сохраняются, интерпретируются, используются и передаются различными государственными институтами.

О роли и функциях традиций у исследователей нет единой точки зрения. Польский исследователь П. Штомпка, говоря о традиции, выделяет следующие ее функции: «1) В традиции сосредоточена мудрость поколений, которые осуществили отбор бытовавших в прошлом и заслуживших теперь внимание норм, ценностей, идеалов, правил. В частности, традиции предписывают действия,

определяют ролевые модели, поддерживают социальные институты. 2) Традиция – один из источников законности, подтверждающий легитимность чего-либо. Фразы «так всегда было» и «люди всегда так считали» нередко используются для объяснения и оправдания определенных поступков. 3) Традиция вбирает в себя символы коллективной идентичности, усиливает общность корней, принадлежности и верности нации, сообществу, группе и т.д.»²¹. То есть автор объективно указывает на то, что традиция имеет прочное место во всех сферах жизнедеятельности социальной группы. Например, крепостное право в помещичьем сознании было тесно увязано с вековой традицией. М.А. Полякова и Е.Н. Савинова в этой связи точно подметили: «Рассуждая о правах прошлого, мы говорим о них как о факторе провинциальной усадебной культуры. Для русского помещика конца XVIII – начала XIX века во владении крепостными не было ничего безнравственного. Он жил так, как было заведено предками, не задумываясь о том, что можно жить как-то иначе. Его крепостные также не представляли себе другого уклада, свыклись с ним, искали в нем возможность выгоды»²².

У дворянства традиционализм во многом базировался на определенном культе предков. С одной стороны, древность генеалогического дерева подчеркивала знатность рода, с другой – оправдывала существующие консервативные стереотипы жизнедеятельности. Для значительной части дворянства здесь важна была внешняя форма, определенные «правила приличия» сословного характера, но не сущность вопроса. Известный в XIX в. исследователь дворянской культуры барон Н. Врангель, подтверждая данный тезис, подчеркивал, что даже при продаже почти всего убранства комнат дворяне сохраняли портреты своих предков. В то же время автор указывал: «Грустно отметить, что очень часто в семьях даже не знают, кто тот или другой «дедушка» или «бабушка», висящие на стене, и путают не только художников, писавших их, но и самих изображенных»²³.

А. Уледов предостерегает от отнесения сферы деятельности традиции только к духовной области. Он подчеркивает: «...традиции имеют место и в материальном производстве. В зависимости от сферы проявления, от характера отношений, формы,

проявления которых учитываются в обществе, зависит и природа традиций»²⁴. Данный аспект весьма важен, и без его учета структура традиционализма будет далеко не полной. Это исходит из того, что экономическая сфера жизнедеятельности общества находится в процессе постоянного развития. В силу чего каждому новому экономическому укладу соответствует иная группировка классов, сословий с иными классовыми интересами и своими общественными потребностями. Следовательно, традиция здесь находится в постоянном переосмыслении, и чем резче происходят изменения, тем быстрее подвергается коренной ломке базис общественного уклада, тем возможнее появление нового экономического принципа, что в свою очередь ведет к изменению определенных норм морали и к надлому традиционализма. Это отчетливо прослеживается на переустройстве жизнедеятельности пореформенного дворянства. Но вековые традиции бесследно и в одночасье не могут исчезнуть, на что и указывает А. Уледов: «Традиции и обычаи органически связаны не только между собой, но с общественным строем. Эти явления, на первый взгляд, могут показаться одинаковыми, но на самом деле они имеют достаточно определенные различия. Традиции обычно определяются как социальный механизм закрепления, воспроизводства, обогащения и передачи последующим поколениям сложившихся устойчивых, повторяющихся общезначимых форм и способов деятельности социальных групп и общества в целом. Традиции представляют собой способ реализации устойчивых отношений, в том числе и идеологических, поддерживаемых силою общественного мнения»²⁵.

К.Д. Кавелин, характеризуя период взаимоотношений помещиков и бывших крепостных крестьян, обращает внимание: «В начале сангвиники и добродушные, непрактические идеалисты – сознаемся, и мы когда-то принадлежали к их числу – мечтали о том, что владельцы воспользуются отменой крепостного права для установления иных отношений к сельскому населению, чем прежде; что они горячо примутся за поднятие умственного и нравственного уровня новых граждан, помогут им стать твердой ногой посреди новых условий быта и теснейшим образом свяжут свои интересы с ихними. Такой способ действий указывался самым ходом

вещей, логикою событий; но, к сожалению, не таков он был на самом деле. В действительности случилось то, чему, по состоянию нашей культуры, конечно, и следовало быть. Огромное большинство владельцев, не обременяя себя заботой о будущем, не думая поступиться ни одной из прежних своих привычек в виде новых обстоятельств, жило со дня на день, по возможности по старому, вело упорную и бесплодную экономическую борьбу с своими бывшими своими крепостными, словом, делало все то, что делают люди, неподготовленные солидным образованием, серьезную мыслью и деятельностью к эре новой гражданской жизни, которая наступила, и которую все давно предсказывали»²⁶. Помещики и с наступлением эры эмансипации не смогли ментально перестроиться, традиция восприятия крестьян как социальный элемент подчинения и эксплуатации у них оставалась.

В. Грехнев, исследуя роль социально-психологического фактора в системе общественных отношений, считает, что «большую роль в формировании традиции играет потребность, которая в самом общем смысле этого слова является побуждением субъекта к сохранению и воспроизводству своей жизни предметами потребления», автор рассматривает обычай «как прочно установившиеся и закрепленные в сознании людей общественно значимые правила регулирования деятельности той или иной группы людей. Официальные обычаи образуют основу для формирования традиции»²⁷.

На наш взгляд, в ярко выраженном сословно-корпоративном обществе, которым и являлась Российская империя, темп трансформации обычаев отличен в различных сферах жизнедеятельности общества. Для пореформенного дворянства социальные обычаи, ставшие нормой этикета, претерпевали изменения медленнее, чем хозяйственные.

В этой связи необходимо учитывать, что изначально дворянское сословное сознание формировалось в феодальном обществе, для которого характерно восприятие окружающей действительности и собственного «Я» через сложную конфигурацию символов. Чем выше занимала личность ступень в иерархической сословной лестнице, тем жестче она была структурирована системой социаль-

ного этикета, основанного на определенной внешне выраженной символике. Например, дворянское достоинство отражалось в специальной форме обращения к дворянину в соответствии с наличием титула или отсутствия его – Господин, Ваше сиятельство, Ваша светлость. Слово – символ, выраженное дворянским титулом или предикатным обращением (господин, сиятельство и т.д.), само подчеркивало место дворянина как в рамках собственного сословия, так и в обществе в целом. Предикатное обращение «господин» было адресовано к любому дворянину или носителю баронского титула, «сиятельство» – к графу или князю. С введением «Табели о рангах» в 1722 году классный чин стал определять место личности в структуре государственного аппарата.

Большую значимость для дворянина имел фактор, в какую часть губернской родословной книги он вписан. Самыми почетными считались 5-я и 6-я части губернской родословной книги. В них были вписаны представители самых древних и аристократических дворянских родов. В Воронежской губернской родословной книге в 5-ю и 6-ю части были вписаны князья Борятинские, Волконские, Воронцовы, Лобановы – Ростовские, Чавчавадзе; графы Орловы – Давыдовы, Шереметевы, Шуваловы, Лермонтовы, Ермоловы, Раевские. Всего 314 фамилий. Перенесение рода из 1, 2, 3, 4 частей в 5-ю и 6-ю части губернской родословной книги символизировало переход в высший свет дворянства губернии. Крупные воронежские фабриканты Тулиновы добились потомственного дворянского достоинства, но были включены в 1 часть губернской родословной книги. Это означало принадлежность к «дну» местного дворянства, хотя по богатству и влиянию они превосходили многих дворян, вписанных в 5-ю и 6-ю части. Тулиновы приложили много сил и средств пока их род не переписали в 5-ю часть губернской родословной книги²⁸.

Другими внешними символами дворянского достоинства являлись гербы и ордена. В них через определенные геральдические символы раскрывались заслуги конкретного дворянина или целого дворянского рода.

Все вышеуказанное подчеркивает, что социальная психология

дворян имела и символическую сторону. В силу ярко выраженного традиционализма дворян символическая сторона их сознания фактически оставалась неизменной как в дореформенный, так и в пореформенный периоды.

С другой стороны, учитывая, что основная масса табельных чиновников гражданского ведомства Российской империи были дворянами, можно предположить, что дворянская сословная психология, опосредованная «Табелью о рангах», во многом тождественна бюрократической психологии. Несмотря на их явную сущностную близость, тем не менее, между ними есть определенные различия. В первую очередь это связано с надсословным характером бюрократической психологии и сословным характером дворянской психологии.

На уровне социальных установок личности бюрократическому сознанию присуще следующее.

1. Безразличие к социальному смыслу, назначению и последствиям своей служебной деятельности. Это проявляется в «переворачивании» проблемы синтеза формы и содержания с приданием форме преувеличенного, а порой, и самодавящего характера.

Данное положение входит в противоречие с движущим моральным фактором дворянского сословия – честью, более известным в литературе как сословно-психологическая категория «дворянская честь». Для дворянина последствия его конкретной деятельности были далеко не безразличны и, особенно, с сословно-этической стороны. Оценка окружающими его поступков напрямую затрагивала его фамильную честь. Чиновник недворянского происхождения должен был постоянно утверждать свой социальный статус, дворянин уже принадлежал к высшей сословной корпорации. Конечно, нельзя отрицать игнорирования жестких сословных традиций у части дворянства, особенно мелкопоместного, но для значительной массы дворян сословная репутация имела первостепенное место.

2. Подмена (чаще всего произвольная, но от этого не менее опасная) общих, государственных интересов частными, ведомственными или корпоративными (аппаратными), а порой, и личны-

ми. Этот тезис наиболее сложен и дискуссионен при сопоставлении дворянской сословной психологии и бюрократической. В нем отражена несовместимость самих основ идеологии и психологии института абсолютной монархии с идеей гражданской службы как службы обществу. В Российской империи традиционно господствовало представление о государстве как «царевой вотчине», а о подданных – как государевых холопах. Отсюда и роль чиновников понималась не как государственная, а как государева служба. Но дворяне-чиновники, в отличие от своих коллег недворян, считали свою службу государю сословной обязанностью. Отсюда в их сознании чиновничьи интересы во многом совпадали с сословно-корпоративными.

3. Отношение к служебной иерархии не как к фактору рациональной организации, но как к самостоятельной и даже самодавяющей ценности, что зачастую влияет не только на образ действий и конкретный выбор чиновником того или иного варианта действий, исходя из принципа «что нравится начальнику», но и на сам образ его мыслей, когда чиновник вольно или невольно старается думать и рассуждать, как бы имитируя логику своего начальника, согласно известному принципу – «начальству виднее».

В этом аспекте нет существенной разницы между дворянской психологией и бюрократической. Традиционная жесткая вертикаль соподчинения выработала особое отношение к служебной иерархии, специфическое понимание системы взаимоотношений начальника и подчиненного.

4. Консерватизм – ориентация на неизменность, устойчивость положения и максимальную подконтрольность каждого нижестоящего на лестнице должностей вышестоящему, на исключение всякого риска и неопределенности. Объективно такая ориентация служила благоприятной средой для застоя, ибо любое развитие невозможно без увеличения у исполнителя «степеней свободы» (разумеется, в пределах закона), без творчества и инициативы и, следовательно, без увеличения элементов неопределенности и риска.

Консерватизм являлся наиболее ярко выраженной составной частью социальной психологии дворянства, что во многом сближа-

ло его с бюрократическим сознанием²⁹.

Из вышесказанного следует, что социальная психология дворян-чиновников и чиновников недворянского происхождения, хотя и имело много общих черт, тем не менее, были определенные отличия. Главным образом, это отражение в сознании дворян-чиновников тождественности своих аппаратных интересов с сословно-корпоративными.

В основной массе исследований, посвященных роли социально-психологического фактора в эволюции сословно-корпоративных обществ, игнорируется региональный аспект. Выводы и закономерности распространяются на всю определенную сословную группу, правда, иногда с учетом ее внутренней градации. Тем не менее, ландшафт, этнический и социальный состав населения региона, хозяйственно-бытовые традиции, отношение центра к конкретной провинции накладывали специфический оттенок на социально-психологический фон определенного сословия. Нельзя отрицать, что социально-психологические воззрения черноземного дворянства во многом были отличны от аналогичных воззрений сибирского или западных окраин империи дворянств. Естественно, их всех объединяло осознание принадлежности к высшей сословной корпорации, но на хозяйственно-бытовом уровне сама специфика жизнедеятельности региона не могла не привести к определенным отличиям.

Таким образом, социальная психология является одним из элементов общественного сознания, структурно и способом функционирования она существенно отличается от идеологии, стержень которой составляют политические воззрения. Трансформация социальной психологии пореформенного дворянства являлась отражением всего спектра изменений жизнедеятельности представителей высшего сословия. Основными элементами социальной психологии, которые являются критериями эволюционных процессов в корпоративной сословной группе, следует считать комплекс морально-этических воззрений, традиции, обычаи в сочетании с региональной спецификой.

4.2. ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ ДВОРЯНСТВА В ХОДЕ ПЕРЕСТРОЙКИ ПОМЕСТНОГО ХОЗЯЙСТВА

Накануне отмены крепостного права весь жизненный уклад подавляющей части российских дворян-помещиков находился в рамках сословно-корпоративного традиционализма, который охватывал все сферы жизнедеятельности поместья. Основной сферой, которая «корректировала» социальный статус помещика, оставалась хозяйственная. Поэтому во внутрикорпоративном понимании центрально-черноземного дворянства значимость собственного «Я» находилась в прямой зависимости от имеющегося количества крепостных душ. В отличие от сословно-корпоративных привилегий, наличие которых не зависело от конкретной личности отдельного дворянина, материальное благополучие в его обыденном сознании обеспечивалось им самим.

Способов улучшения материального благосостояния в дворянской среде было много: начиная от рациональной хозяйственной деятельности, усиления эксплуатации крепостных до прямой протекции всесильного родственника или удачной женитьбы. Но данная вариативность в Центрально-Черноземной полосе для широкого круга потомственных дворян, основу которых в дореформенный период составляли мелкопоместные (84,4 %), была ограничена в основном только хозяйственной деятельностью. Не состоя на государственной службе, нельзя было рассчитывать на перспективное продвижение по служебной лестнице, а следовательно, и соответствующее материальное обеспечение. Личные дворяне, составлявшие в Центральном Черноземье накануне отмены крепостного права 35,3 % от числа представителей всего сословия, не имевших потомственных привилегий, в целом серьезно не влияли на сословную психологию дворянства как целой корпоративной единицы. Они, конечно, привносили в нее элементы психологии других сословий, но те быстро трансформировались под влиянием стереотипов общекорпоративных ценностных ориентиров³⁰.

Исходя из вышеуказанного, можно сделать заключение, что в дореформенный период социальная психология центрально-

черноземного дворянства во многом определялась характером производственных отношений. В конце 50-х гг. XIX в. экономические представления дворянства Воронежской и Курской губерний базировались на сословной хозяйственной традиции – 80,3 % поместных хозяйств имели барщинную основу.

Хозяйственный традиционализм дворянства во многом носил аграрный характер. Исходя из региональной специфики, главным мерилom материального достатка являлись богатые черноземы. Местное дворянство, монополюно владевшее населенными землями (40,3 % от общесословного фонда), реально контролировало земельный рынок и рассматривало его как внутрикорпоративный. Земельная собственность в дворянском сознании олицетворялась как гарант соответствующего социально-политического статуса, независимого положения. Анонимный автор в газете «Наше время» прямо указал на пагубность обезземеливания дворянского сословия. Он подчеркивал: «Земельная собственность составляет материальную основу дворянства, но она далеко не исчерпывает всей сущности сословия. В дворянстве владение землею соединяется с политическим значением, с первенствующим положением в государстве, а для этого нужно не одно материальное достояние, но и нравственная сила. Эту нравственную силу сословия не следует упускать из вида ... Земельная собственность присоединяется к этому недаром, крупная земельная собственность дает владельцу независимость. Она не подлежит таким колебаниям, переменам и опасностям, как движимая собственность. Одним словом, земельная собственность составляет лучшую материальную опору для нравственного существа дворянского сословия. Дворянство, имеющее не только юридическое значение, но и действительный вес в стране, непременно должно быть сословием землевладельцев»³¹.

Дворянское мировоззрение не допускало возможности права широкого владения в частном секторе основным средством производства – землей – представителями других сословий. Исторические правовые нормы определяли в этом вопросе сословную психологию поместного дворянства.

При этом его исключительность в сознании представителей благородного сословия имела не только российскую основу, прио-

ритет дворянства воспринимался как изначальное общечеловеческое достояние. Право управлять и владеть всем им было даровано Богом. Немецкий драматург и писатель рубежа XVIII – XIX веков Август Коцебу в своем труде «О Дворянстве, его происхождении, распространении и неодинаковом введении между всеми почти народами земного шара», весьма популярном среди российского дворянства, указывал: «Не один только цвет кожи, не плоской или горбатый нос; не длинные светло-русые или кудрявые черные волосы различают человека от человека. В одном углу земли обитает честность, в другом гнездится ложь; в одном сияет просвещение, в другом стелится тьма; здесь климат и род жизни производят геройской народ, а там народ бессильных Сибаритов; здесь возрастает республика, там цветет Монархия. Но везде, куда не устремись взор свой, на твердой земле и на островах океана... под скипетром самодержца и в смятении народного правления найдешь ты... везде найдешь ты дворянство. Есть ли это только действие случая или закон природы? Так, она не хотела, чтобы в её пространном царстве где-либо одна вещь уподоблялась другой, физические или моральные неравенства должны различать все сотворенные существа; она изрекла: да разделяет не бездна, но некоторая постепенность малиновку от орла и крестьянина от Князя»³².

Правомерно отметить, что вопрос о возможности общесловного владения землей не стоял так остро для всего дворянского сословия. Например, около 1 тыс. курских поместных дворян имело до 5 дес., что составило около 18,8% от общего количества дворян губернии. Из них многие имели по 1-2 дес.³³. Естественно, их вряд ли жизненно интересовала проблема ликвидации дворянской монополии на земельном рынке, они ведь и по крестьянским меркам считались бедняками. С другой стороны, хозяйственно-бытовая традиция, этические нормы представителей высшего сословия объективно не могли культивироваться в мелкопоместной среде. «Родовое гнездо» большей части мелкопоместных дворян нельзя было отличить от крестьянского двора, а их хозяйственный уклад – от крестьянского.

Естественно, их хозяйственно-бытовой уклад, далекий от «классического» дворянского, способствовал эволюции социальной

психологии в сторону крестьянского хозяйственно-бытового мировоззрения. Недаром в средних и высших дворянских кругах постоянно насмехались над манерами, обычаями и внешним видом мелкопоместных дворян. Выражаясь современной социологической терминологией, значительная часть мелкопоместных владельцев являлись маргиналами, то есть до конца еще не порвавшими связь с «родной» корпорацией, но и не перешедшими в новую. Препятствием для психологического преодоления данной маргинальной преграды были чувства принадлежности к высшей сословной корпорации и чувство собственника, пусть и мизерного участка земли. Крестьяне же являлись в подавляющей своей массе пользователями земельного надела.

Чувство земельного собственника у помещного дворянина непосредственно было сопряжено с осознанием владельца «крещеной собственностью» – крепостными крестьянами. В основном это относилось к среднепоместным и крупнопоместным помещикам. Мелкопоместным воронежским и курским дворянам в 1858 году принадлежало всего 4,9% крепостных крестьян от их общего количества³⁴. Вековые хозяйственные традиции, барщинный уклад помещий способствовали тому, что психология помещика не могла объективно выйти за границы представлений, которые отрицали бы сам факт повсеместного использования крепостного труда. Тем более, что действовавшая правовая система предусматривала такую форму материального обеспечения и воспроизводства дворянского сословия.

В Центрально-Черноземном регионе крепостнические традиции имели давние и прочные позиции. Это отложило своеобразный отпечаток на психологию местного дворянства, представители которого олицетворяли собой образ типичного русского дворянина-помещика. Крепостные крестьяне в помещичьем представлении ассоциировались с «двуногим скотом» и, в силу законно сложившихся отношений, имели характер полного господства первых над вторыми. В сезон сельскохозяйственных работ в рассматриваемых губерниях барщина находилась в пределах 3-4 дней, годовой оброк в конце 50-х гг. XIX в. с души – 14 руб., с тягла – 27 руб. Такие формы крестьянской повинности обеспечивали жизнедеятельность по-

местья, давая определенный доход без серьезных хозяйственных усилий со стороны помещика. Действовал отлаженный столетиями механизм использования крепостного труда, что, собственно, полностью укладывалось в помещичий традиционализм.

Помещики считали, что крестьяне и существуют для того, чтобы создавать материальные блага для дворян и служить им. Дворяне и не видели в крепостных крестьянах своих «соплеменников», достойных какого-либо снисхождения или уважения. А.С. Грибоедов, осознавая всю социально-психологическую пропасть между помещиками и крестьянами, в очерке «Загородная поездка (Отрывок из письма южного жителя)» писал: «Под нами на берегах тихих вод, в перелесках, в прямизнах аллей, мелькали группы девушек; мы пустились за ними, бродили час, два; вдруг слышались нам звучные плясовые напевы, голоса женские и мужские, с того же возвышения, где мы прежде были. Родные песни. Куда занесены вы с священных берегов Днепра и Волги? – приходим назад: то место было уже наполнено белокуроими крестьяночками в лентах и бусах; другой хор из мальчиков... Прислонясь к дереву, я с голосистых певцов невольно свел глаза на самих слушателей – наблюдателей, тот поврежденный класс полугерманцев, к которому и я принадлежу. Им казалось дико все, что слышали, что видели: их сердцам эти звуки невнятны, эти наряды для них странны. Каким черным волшебством сделались мы чужие между своими! Финны и тунгусы скорее приемлются в наше братство, становятся выше нас, делаются нам образцами, а народ единокровный, наш народ разрознен с нами, и навеки! Если бы каким-нибудь случаем сюда занесен был иностранец, который бы не знал русской истории за целое столетие, он конечно бы заключил из резкой противоположности нравов, что у нас господа и крестьяне происходят от двух различных племен, которые не успели еще перемешаться обычаями и нравами»³⁵.

Данную социальную помещичью установку И.А. Крылов в фельетоне «Мысли философа по моде, или способ казаться разумным, не имея ни капли разума» выразил следующими словами: «С самого начала, как станешь себя помнить, затверди, что ты дворянин и, следовательно, что ты родился только поесть тот хлеб, кото-

рый посеют твои крестьяне; словом, вообрази, что ты счастливый трутень, у коего не обгрызают крыльев, и что деды твои только для того думали, чтобы доставить твоей голове право ничего не думать»³⁶.

Часть просвещенного общества России уже тогда понимала всю пагубность и нерациональность мировоззрения «счастливого трутня» у подавляющей массы российских помещиков.

Моральные критерии помещика по отношению к крепостным регулировались способностью или неспособностью первого видеть в своем крестьянине человека, пусть и стоящего на нижней ступени социальной структуры общества. Если помещик соотносил крепостного с объектом интенсивного добывания материальных благ, моральная грань переходила границу разумной достаточности даже по тем представлениям, порицавшимися государственными структурами. В. Бочкарев, описывая хозяйственную деятельность курских помещиков в дореформенный период, приводит пример: «Новым бедствием для крепостной деревни были помещичьи фабрики и заводы, получившие довольно значительное распространение как раз в начале XIX века. У курской помещицы Брискорн на кирпичном заводе работу преимущественно должны были выполнять женщины, при чем от нее не избавлялись и беременные и недавно родившие. Малолетним от 8 до 15 лет вменено было в обязанности возить кирпич и песок, что они должны были делать иногда по ночам, чтобы выполнить весь определенный «урок». У той же помещицы была в имении суконная фабрика, помещавшаяся в сыром и нездоровом здании, на котором работало 392 человека, в том числе 91 человек детей 12-ти лет и моложе. Из всего этого количества крепостных рабочих только за полтора года умерло 122 человека, причем умерших большей частью хоронили в хлебных ямах или в общих могилах на кладбище, почти всегда без отпевания»³⁷. И таких примеров было множество, когда ни возраст, ни пол крепостного не останавливал помещика в его стремлении увеличить доходность поместья.

В помещичьей среде к концу 50-х гг. XIX в. ощущалось постепенное осознание некоторой вины за «перегибы» в отношении крепостных крестьян, и в периодической печати стали появляться

публикации, где доказывалось, что не помещики виноваты в этом, а виновата сама крепостная среда. Указывалось, что не все помещики были «дурны». Публицист, писавший под псевдонимом П.Э., восклицал: «С тех пор, как наша литература стала деятельно заниматься крестьянским вопросом, не редко в журналах появляются нападения на помещиков, то в форме легкой насмешки, то в форме совершенного суждения. Неужели все помещики дурны? Спрашивают нас многие, читая эти более или менее резкие отзывы. Неужели все без исключения? ...Нет, отмечаем мы, литература не имеет ни права, ни намерения произнести такой приговор над целым сословием, из среды которого не раз выходили люди, оказавшие действительные услуги отечеству, люди, отличавшиеся благородным образом мыслей и истинною любовью к человечеству... Нет, любовь к низшим, любовь к бедному, униженному крестьянскому сословию не должна убивать в нас чувства справедливости; мы не можем не сознать, что, как отдельные личности, многие дворяне заслуживали признательность своих сограждан, и, если как помещики они не остались все чисты от справедливых упреков, от горьких нареканий за отношения свои к подвластным лицам, то не следует забывать, что часто не в собственной воле человека, а в окружающей его среде, в положении, в котором он поставлен, кроется вина многих ошибок, многих проступков. Не помещики дурны, но дурно крепостное право. Крепостное право, сказал, не помню кто-то, меч обоюду-острый, равно разящий помещиков и крестьянин»³⁸. Автор, бесспорно прав, что крепостная среда напрямую опосредовала социальную психологию помещиков, вкладывая им с колыбели убеждение об изначальном их праве владеть крепостными. Здесь играл немалую роль дворянский поместный традиционализм, исходящий из принципа «так было при дедах, так есть и будет». Но поднятие в периодической печати проблемы о характере, степени вины дворян перед своими крестьянами было определенным новшеством, характерным сдвигом в мировоззрении части помещиков.

В рамках рассматриваемого вопроса необходимо отметить, что в крупнопоместных и среднепоместных семьях крики и личное рукоприкладство по отношению к крепостным крестьянам не приветствовались. В противном случае нарушались принципы дворян-

ского достоинства, не допускавшего непосредственного контакта с крепостными, тем более. выражение негативных эмоций и действий. Дворянин по своему социальному статусу должен был быть выше этого. Наказание крестьян – это удел управляющих, старост. Подобное отношение к крестьянам и слугам хорошо иллюстрируют наставления на каждый день (1811 г.) орловского помещика Михаила Палицина к своему сыну Николаю, отъезжавшему на учебу. В них, в частности, указывалось: «На слугу своего не сердись и не бранись, а бить его и вовсе запрещается, но приказывай о должности повелительно, вежливо, со всякой скромной тихостью, но однако же отнюдь не фамильярно, чем приобретешь от него чистосердечную к тебе любовь и повиновение»³⁹. Естественно, были и богатые помещики, для которых издевательство над крестьянами было обыденным делом. Яркий пример этого поведения демонстрировал тульский и рязанский помещик Лев Измайлов⁴⁰.

Правительство понимало всю пагубность помещичьей «интенсификации труда» и пыталось регламентировать отношение к крестьянам. Но это наталкивалось на непонимание помещиков, ведь с юридической точки зрения крепостные являлись частной собственностью дворянина со всеми вытекающими отсюда последствиями. Поэтому правительство параллельно проводило политику, с одной стороны, чисто продворянского характера, с другой – пыталось не допускать откровенных зверств со стороны помещиков по отношению к крепостным, резонно стремясь притушить социальный накал в крестьянской среде.

Так, в 1846 году дворянам было разрешено иметь у себя в имении тюрьмы для заключения в них провинившихся крестьян на срок до 3-х месяцев с правом заковывать их в кандалы. Но в большинстве случаев помещики нисколько не стеснялись себя рамками закона при наказании своих крепостных. Годом же раньше была установлена подсудность крепостных крестьян как помещицкому, так и государственному суду. В соответствии с ней помещику были подсудны только преступления, не влекущие за собой лишение прав и направленные на него самого, его семейство и крепостных. Все иные дела подлежали разбирательству в государственных судах.

Другой стороной этого же процесса законодательного ограничения возможностей помещичьего произвола явилось установление в 1829 году и подтверждение в 1842 году уголовной ответственности помещиков за превышение судебной власти, повлекшее за собой смерть наказанного крестьянина. Помещики, запоровшие крестьян до смерти, подлежали либо заключению в смирительные дома от 2 до 10 лет с потерей некоторых особенных прав и преимуществ (поступать на государственную и общественную службу, участвовать в выборах и т.п.), либо при наличии «смягчающих» обстоятельств заключению в смирительные дома от 6 месяцев до года без лишения прав и преимуществ, а также церковному покаянию. Их имущества поступали в опеку. Однако тут же, в 1845 году, как бы в порядке компенсации помещикам за эти ограничения правительство Николая I приравнивало выступления крепостных крестьян и дворовых людей против своего помещика или его управляющего к восстаниям против власти, каравшимся как тюремным заключением, ссылкой на каторгу, так и смертной казнью⁴¹.

Необходимо отметить, что сама практика физических наказаний провинившихся крестьян помещиками укладывалась в мировоззренческие рамки первых и вторых. Для помещика это было право, находившееся в рамках правовой традиции, подкрепленной вековой повседневной практикой. В крестьянском представлении именно розги соответствовали сути наказания, которое должно было «осрамить» провинившегося. Эта привычка к телесным наказаниям крестьян выработалась настолько, что неупотребление розог считалось знаком исключительно дурного отношения помещика к тому или другому обвиненному в чем-либо крестьянину⁴².

Серьезным моментом в социальной психологии дворян-помещиков являлся факт осознания необходимости личного непосредственного руководства хозяйственной деятельностью в поместье. Высказывания самих же помещиков показывают, что в большинстве среднепоместных и крупнопоместных имений непосредственное руководство хозяйственной деятельностью считалось «не барским» делом. Например, курский помещик Х. Ауэрбах отмечал: «После преобразований, проведенных в России Петром Великим, русские дворяне, вступившие в новые отношения ко двору и

остальной Европе, вскоре начали чувствовать недостаток денежных средств для нового образа жизни, прежними доходами со своих поместий, достаточными для их предков, они уже не могли довольствоваться и были вынуждены изыскивать средства к увеличению их. Учащенные сношения с Западом и сравнение нашего сельского хозяйства с тамошними побуждали многих помещиков наших приняться за преобразования своих вотчинных хозяйств, за введение улучшенных способов земледелия и строгого порядка в управлении. Вследствие этого, управление их имениями посредством старост и дворецких сделалось недостаточным, и начали появляться управляющие. Их число в XIX в. быстро росло, но вскоре мнения помещиков на эту проблему стали круто меняться. Об управляющих заговорили как о весьма пестрой толпе людей всех возможных сословий и степени образованности, большинство которых не заслужили ни уважения, ни значения ...»⁴³.

Автор показывает, что желание увеличения доходности имений у местных помещиков шло по пути расширения числа административного аппарата поместья. Личное же руководство хозяйственной деятельностью еще не укладывалось в многовековую традицию жизнедеятельности крупного поместья. Непосредственное участие в хозяйственной жизни во многом разрушило бы привычный стереотип повседневной жизни помещика, который в хозяйственной деятельности предусматривал прием отчетности, выработку общего направления деятельности, но ни как ее доскональную проработку и претворение в жизнь. Тем более, в отдельных случаях разбросанность имений в рамках отдельной губернии или в пределах нескольких, естественно, не могла способствовать выработке привычки непосредственного руководства всем хозяйством.

Нежелание, а вернее, неспособность реформировать свои поместья на основе передовых агротехнологий тормозилось не только институтом крепостничества, но и, во многом, социально-психологическими последствиями последнего. Черноземные помещики, как в целом и большинство российских, доказывали невозможность существенных изменений в агротехнологии, ссылаясь на российскую специфику. Это убедительно иллюстрирует печатный диспут уроженца г. Воронежа, профессора Московского универси-

тета, автора 2-томного издания «Курса сельского хозяйства» (1837 год) М.Г. Павлова с крупным помещиком Н. Муравьевым. Павлов доказывал пагубность для российского сельского хозяйства устаревшей трехпольной системы, неприменения агротехнических новшеств. При этом он подчеркивал уникальные свойства чернозема. Оппонент Павлова указывал, что российские хозяйства не следует сравнивать с прусскими, так как и оценку имений в России сделать трудно по той причине, что все три капитала (земля, орудия, крестьяне – В.Ш.) соединены в единый «универсальный капитал». А поскольку в начале XIX века вывоз хлеба из России в западные страны прекратился, то куда дешевле стал помещику труд крепостных, чем вольнонаемных. Россия, стало быть, «не доросла» не только до сельского хозяйства «как науки», но и «как искусства», когда применяют отдельные передовые методы, и должна довольствоваться стадией «ремесла», то есть жить по старинке.

Далее Муравьев утверждает, что на практике убедился в «невыгодности перехода от трехполья к плодосменному хозяйству, что овощи, которые можно получать при плодосменной системе, не нужны нашему скоту, – «онный при хорошем присмотре будет сыт соломой и сеном без десерта ...»; что наука русскому помещику нужна разве для того «чтобы занять себя в свободное время»⁴⁴.

Хозяйственное мировоззрение помещиков как элемент социальной психологии соответствовало базису производственных отношений в аграрном секторе.

Но как было показано выше в разделе, касающемся хозяйственной деятельности помещиков, социально-экономические отношения в дореформенном черноземном поместье находились в процессе развития. В силу чего определенные изменения в экономическом укладе накладывали отпечаток на хозяйственные потребности дворянства, а в итоге, и на его социальную психологию. Именно в конце 50-х гг. XIX в. в дворянской психологии сферы социально-экономических отношений наметился надлом традиционализма. Правда, отходила от традиционализма узкая часть крупнопоместных и среднепоместных дворян, в хозяйствах которых начали постепенно переходить от трехпольной системы севооборота к плодопеременной, использовать наемный труд, внедрять сельско-

хозяйственные машины. Кризисное состояние центрально-черноземного помещного хозяйства заставляло их владельцев идти нетрадиционными для региона путями к достижению коммерческого успеха. Но дворянская производственная психология принимала нововведения, которые в большей части могли базироваться на крепостном труде. Обратного влияния психологического фактора на модернизацию экономического уклада еще не просматривалось. У подавляющей же части воронежских и курских помещиков хозяйственный традиционализм находился в рамках крепостнических производственных отношений.

К моменту отмены крепостного права в России большая часть помещного центрально-черноземного дворянства психологически была подготовлена как прессой, так и самим ходом разработок проектов реформы к неизбежным кардинальным социально-экономическим изменениям.

В то же время реформа 19 февраля 1861 года ставила дворянина-помещика в сложную психологическую ситуацию. Во-первых, несмотря на временнообязанный период, помещик уже перестал быть полновластным господином бывших своих крепостных крестьян. А ведь весь его жизненный уклад строился на почти безраздельном господстве и эксплуатации крестьян. Весь микромир помещика, представленный границами поместья, замыкался в структуре – «Я» и «Они», то есть крестьяне. Следовательно, пусть даже и отдаленная перспектива полной утраты контроля над бывшими крепостными не давала психологически четкой перспективы дальнейшей хозяйственной деятельности. Тем более, навыков самостоятельной хозяйственной деятельности у большинства помещиков не было, как не было в достаточном количестве собственных производственных средств.

С.Н. Терпигорев (С. Атава) в цикле очерков «Оскудение» показывает растерянность помещиков, которые сразу после реформы 19 февраля 1861 года не знали, с чего и как начать перестройку своих хозяйств. В частности, он указывал: «... я решительно не помню, чтобы слышал хотя какие-нибудь соображения насчет того хозяйства, которое должно будет сменить настоящее. Мне сдается, что это было так оттого, что в то время не было никакого хозяйства

в том смысле, как оно понимается теперь даже у нас. Да, хозяйства не было. Была безобразная затрата лошадиного и человеческого физического труда, почти дарового, без всякого расчета, без всякой теории, без всякой системы, не говоря уже о какой-нибудь научной подготовке, о приложении каких-нибудь научных законов. Я говорю вообще, про массу, и это не опровергается весьма редкими исключениями, которые тогда встречались, конечно, еще реже, чем теперь, и не вызывали ничего, кроме насмешки, как над дураками, над теми, которые заводили машины, новые сорта хлеба и трав, и призрения к тем, кто к хозяйству примешивал соображения и приметы купца, т.е. кто скупал, например, телят, свиней, птицу, выкармливал их и продавал, кто заводил у себя мукомолки, маслобойки и пр. Все это считалось делом не дворянским, купеческим. Дворянское дело было: приказать вспахать, посеять, сжать, обмолотить и зерно продать. Единственные заводы, не компрометировавшие дворянского достоинства, были конские»⁴⁵.

Психологически перестроиться на личную ответственность и собственные решения, касавшиеся всего спектра деятельности, было не под силу многим поместным дворянам.

Как подчеркивает Ле Гофф Ж., именно в моменты непредсказуемых ситуаций личность, находящаяся в рамках феодального менталитета, была подвержена постоянному чувству страха и оперировала уже не к собственному «Я», а к вышестоящим силам⁴⁶. Недаром помещики постоянно апеллировали к представителям уездной и губернской коронной администрации.

На уровне бытовых отношений крестьяне открыто демонстрировали помещику свое новое социальное положение свободной личности, что вызывало внутренний дискомфорт у помещиков. Например, бывшие крепостные крестьяне сразу же после реформы отмены крепостного права нарочито называли друг друга по имени и отчеству с -вичем (Иванович), что позволительно в прежние времена было только дворянству, а бывших помещиков – именем и полуотчеством без слова «сын», именной формулой, характерной для низших сословий⁴⁷. Крестьяне, зная, что помещик не может теперь наказывать их по своему усмотрению, выполняли повинности спустя рукава, совершенно не обращая внимания на своего

бывшего хозяина: «... «они» (крестьяне – *В.Ш.*) сразу узнали, какие меры побуждения разрешаются и какие не разрешаются, так как было даже несколько примеров, когда по старой привычке, будучи отправлены за непослушание к исправнику, для «наказания на теле», они возвращались оттуда ненаказанными и, вследствие сего, проезжая обратно мимо барского дома, смеялись и не ломали шапок, а на другой день, на работе в поле, при встрече с барином, показывали вид, что совершенно его не замечают. Затем, при исполнении работ, леность выказывали чрезвычайную, можно сказать, даже невероятную, и работали не только мало, но и эта малая работа была достоинства самого низшего»⁴⁸. Помещик в такой ситуации не мог, в силу сословного традиционализма, быстро выработать новый стереотип взаимоотношений с крестьянами, которые уже не принадлежали ему.

Во-вторых, после реформы, когда земельный фонд превратился во всесословный товар, а крестьяне стали лично свободными, помещик оказался поставленным перед фактом неизбежной капитализации своего хозяйства, то есть превращения в буржуазного предпринимателя. Но чувство сословной исключительности, принадлежности к высшей сословной корпорации не могло исчезнуть в одночасье. Оно генерировалось веками и подпитывалось всей мощью самодержавного института власти. Корпоративное самосознание дворянства требовало и в этой обстановке особых привилегий, хотя в самом проекте реформы их было предостаточно.

Реализация проекта отмены крепостного права позволяла дворянству в период временнообязанного состояния крестьян оставаться еще, пусть и в усеченном виде, в рамках хозяйственного традиционализма, в первую очередь использовать бесплатный труд крестьян. Это и внесло сумятицу в настроения центрально-черноземных дворян-помещиков. Полярность экономических воззрений дворянства нашла отражение на страницах прессы. Взгляды консерваторов сводились к следующему: «... На что мне жатвенные машины ваши, выгоню в поле две тысячи баб и мужиков, в три дня и выжато все поле, разные машины, экстирпаторы, скарификаторы, жатвенки, молотилки, зерносушилки, – все это немецкие выдумки. У нас климат другой, к России не идут они, без них обой-

демся»⁴⁹. Наиболее дальновидные помещики придерживались совершенно другой позиции в этом отношении «... Давай машины, давай орудия, учи, показывай, как нам быть, взывает ныне к науке испуганное русское земледелие»⁵⁰.

Несмотря на осознание своего нового социального статуса значительной частью бывших крепостных крестьян, определенная часть их так и не смогла разобраться во всех тонкостях «Положения», преодолеть в себе чувство «живой вещи» и продолжала видеть на период временнообязанного состояния в помещике прежнего хозяина, подчиняясь ему во всем. Эту психологическую особенность тонко подметил И.И. Иванюков: «Право вмешательства помещика в дела крестьянского мира и каждого крестьянина в отдельности не скоро могло бы потерять характер произвола, с которым оно срослось после долгой привычки. Власть помещика, сложившуюся веками, невозможно было преобразовать одним почерком пера, она невольно, силою человеческой природы и по старой памяти, стала бы переступать поставленные пределы и практиковать прежние традиционные отношения к крестьянам. С другой стороны, крестьянину не легко было понять различие между прежним полновластием помещика и званием и правилами начальника, присвоаемыми этому помещику законом. Он продолжал бы видеть в помещике того же барина и, таким образом, не усматривая в новом положении прекращения своей зависимости, ощутил бы при самом начале реформы разочарование...»⁵¹. Необходимо отметить, что такое «заблуждение» у крестьян проходило весьма быстро.

Желание большей части помещиков вести традиционное барщинное хозяйство оказалось нереальным в новой социально-экономической ситуации. Барщинный труд, в силу откровенного хозяйственного саботажа крестьян, стал нерентабельным, и эта нерентабельность нарастала с каждым месяцем. В Воронежской губернии в период с 1861 по 1863 гг. на оброк было переведено 46,6 % барщинных крестьян, в Курской губернии – 21,5 %, в следующее трехлетие – еще 25,8 %. К началу 70-х гг. XIX в. в рассматриваемых губерниях на барщине оставалось 30,7 % бывших помещичьих крестьян⁵².

Обращает на себя внимание факт, что с конца 50-х до конца

60-х гг. XIX в. процент крестьян на барщине сократился с 80,3 до 30,7. За столь короткий срок произошли разительные перемены, учитывая консервативное мышление дворянства. Поместные владельцы, оказавшись в новых экономических условиях, вынуждены были пересматривать свои хозяйственные представления с учетом рационализации труда и доходности имений.

История русских рациональных хозяйств уходит в дореформенный период, и к началу 60-х гг. XIX века в помещичьем представлении было немало путаницы, заблуждений по отношению к ним. Путаница происходила в самой терминологии, отражавшей понятие «рациональное хозяйство». Термины «рациональное хозяйство», «рациональные хозяйства» вошли в русский лексикон после издания в России в 1830 году труда А. Тэера «Основания рационального сельского хозяйства», который стал в то время бестселлером⁵³. Популярности данного издания немало способствовали и умелый перевод книги на русский язык, выполненный агрономом и общественным деятелем, секретарем МОСХ С.А. Масловым, и детальные комментарии Э. Кюрда и Н.Н. Муравьева. Вслед за Западной Европой и в России началось модное, отчасти массовое, движение рациональных хозяйств.

Широко использовался и русский вариант для обозначения рационального хозяина, рационального хозяйства: поскольку такое хозяйство предназначалось для распространения передового опыта, служило образцом, часто как синоним употребляли словосочетание – образцовое хозяйство⁵⁴.

Крупный российский агрохимик и министр земледелия и государственных имуществ (1883-1905 гг.) А.С. Ермолов, размышляя над неоднозначным трактованием понятия «рациональное хозяйство», указывал, что эта путаница сослужила плохую службу продвижению агрономических знаний в практику. Первая неудача произошла при переводе: С.А. Маслов не стал заменять теэровское слово «Rationelle» русским «разумное», полагая важным сохранить термин «рациональное». Он, по мнению Маслова, несет в себе гораздо более широкий смысл, включая также и значение «рассудочности», «причинности», «отчетности». Следовательно, Rationelle Wirtschaft, «рациональное хозяйство» следует понимать как «ра-

зумно-причинное», «разумно-отчетное» хозяйство. У нас же, подчеркивает Ермолов, слову рациональное придали какое-то другое, самостоятельное значение, нагрузив его массой дополнительных смыслов помимо разумности. Рациональным стали считать хозяйство, организованное по образцу заграничного, немецкого или английского; связали «рациональное» с представлением об известных, практикуемых в Западной Европе, приемах и формах сельскохозяйственного дела⁵⁵.

Помещичье сознание свело рациональное хозяйство к заимствованию западных агротехнологий образцового характера, не особо вдаваясь в возможность и разумность его перенесения на родную почву.

Хозяйственная целесообразность диктовала спектр признаков и явлений буржуазной эволюции помещичьей социальной психологии. В отличие же от дореформенного периода уже прослеживалась обратная связь влияния социальной психологии на экономическую деятельность. Осознание невозможности оставаться в рамках старой хозяйственной традиции диктовало необходимость реконструкции поместий. Как следствие данного процесса, к концу 80-х гг. XIX в. в дворянских хозяйствах рассматриваемых губерний преобладали уже капиталистические методы ведения хозяйства⁵⁶. Мышление буржуазного предпринимателя все отчетливее проявлялось через призму критериев хозяйственной деятельности помещного дворянина.

Наравне с влиянием капиталистической перестройки на хозяйства социальная психология помещных владельцев эволюционизировалась в ходе рыночной конъюнктуры на общесословном земельном рынке, где юридически они уже выступали равными контрагентами. Для дворян Центрально-Черноземного региона земля традиционно ассоциировалась как база их корпоративного благополучия, основа жизнедеятельности. В ходе реформы отмены крепостного права, когда были сняты юридические преграды для перехода дворянской земельной собственности в руки представителей других сословий, представления монополиста на частновладельческом земельном рынке у помещика объективно перестраивались в сторону мировоззрения предпринимателя на земельном

рынке. Естественно, дворяне осознавали ценность своих земельных владений, но хозяйственный кризис заставлял их идти на продажу части земель для поддержания или реконструкции поместий. В ходе продажи с конца 70-х гг. до начала XX в. дворяне потеряли 27% своего земельного фонда.

Основные покупатели дворянских земель в начале пореформенного периода были из купеческого сословия. В 1877 году в Новооскольском уезде Курской губернии одно купеческое владение в 8 940 дес. вдвое превышало площадь земель всех 139 дворян этого уезда, имевших до 100 дес., с земельным фондом в 4 406 дес.⁵⁷. Взаимоотношения местных дворян с купцами были сложными. Сolidные капиталы позволяли купечеству претендовать на место среди местной элиты, но сам факт их незнатного происхождения ставил непреодолимую психологическую грань между ними и дворянством. Именно их столкновение на земельном рынке Центрально-Черноземного региона показывает всю сложность и драматичность эволюции социальной психологии поместного дворянства.

Здесь необходимо иметь в виду, что неприязнь, а временами и зависть к деловитости, переходящая во внешнее пренебрежение помещиков к купцам отчетливо проявились еще в дореформенный период, приняв устойчивую форму. И. Землянский, описывая г. Воронеж весной 1860 года, акцентирует внимание: «Купечество у нас почти вовсе не получает никакого образования, ни общего, ни специального. И замечательнее всего то, что чем богаче купец, тем менее думает о воспитании своих деток, а старается поскорее посадить своего сынка в лавку, или магазин, и приучить его к самым бессовестным барышничеству и надувательству к торговле... А тятенька вовсе не обращает внимания на нравственное развитие своего сына. Его могут радовать успехи его детища в торговле, т.е. надувательстве... С этим сословием имеет постоянные сношения наш бедный народ, и как же оно пользуется его незнанием и простотою...»⁵⁸.

Автор отказывает в каких-либо добродетелях купцам, подчеркивая их тягу к стяжательству и надувательству. Это точка зрения дворян перешла без каких-либо серьезных изменений и в пореформенную эпоху.

Высокомерное, пренебрежительное отношение к купечеству со стороны высшего сословия закономерно порождало в их среде ответную реакцию. Крупный купец Н. Вишняков, имевший финансовые интересы во многих регионах Центральной и Центрально-Черноземной России, отмечал: «что отношение купечества к дворянству как к сословию правящему, привилегированному, замкнутому в себе и заинтересованному в преследовании лишь своих узкоклассовых целей, было, естественно, полно недоверия, зависти и недоброжелательности. Встретить дворянина или дворянку в купеческой среде было такой же редкостью, как купца или купчиху в дворянской. Если купец принимал дворян, это значило, что он добивался подряда, ордена или медали, норовил дочь выдать за «благородного»⁵⁹. Далее автор отмечает, что после освобождения крестьян, картина этих отношений начинает кардинально меняться. Это хорошо проиллюстрировал С.Н. Терпигорев (Атава С.): «Купец начинает чувствовать свою возросшую хозяйственную власть и силу. Всем нам в то время дозарезу были нужны деньги, а деньги были у купца. Теперь, когда приезжает купец, необходимо было его положить спать в кабинете на диване, надо было ему подавать обед, строго-настрого приказав детям не смеяться, если купец станет сморкаться в салфетку»⁶⁰.

Материально-финансовый интерес дворянина в пореформенный период начинал подавлять чувство сословной исключительности, но чувство психологической неприязни к купечеству осталось.

Особенно это просматривается в мемуарной литературе представителей дворянства, где упоминание о купцах почти всегда сопряжено с каким-либо негативом. Данный литературный жанр наиболее отчетливо раскрывает мировоззренческую основу автора. Например, коротоякский уездный предводитель дворянства Воронежской губернии (1892-1903 гг.), Л.М. Савелов, в своих «Воспоминаниях» дважды дает крупные портреты местному купечеству и оба раза в негативном свете. Автор, описывая сыновей своего соседа – дворянина А.К. Ржевского – Владимира и Павла, характеризует последствия тесных родственных коммерческих отношений дворянства и купечества: «Второй, Павел, был далеко не так умел, как брат, но по своим внутренним качествам был вполне родным бра-

том. Женившись на дочери острогожского купца Селезнева ..., он превратился в того же торговца, как и его тесть ... Селезнев торговал железным товаром, и Павел Алексеевич одно время сидел в лавке, продали они какую-то чугунную трубу и погрузили на железную дорогу, там её в первую же ночь украли, и воры тащили её мимо селезневской лавки, сторож признал трубу и отобрал, наложивши вору или вора́м по шее, по распоряжению Павла Алексеевича трубу вновь сдали на железную дорогу, а за якобы пропавшую взыскали с железной дороги деньги»⁶¹. Автор подчеркивает проникновение в дворянскую среду «торгашеского» купеческого духа и, как следствие, падение нравственности дворянства.

Не отрицая огромного влияния крупных купцов на местах и их значительных коммерческих успехов, Савелов берет под сомнение купеческую порядочность. Это видно из следующего примера: «Кроме землевладельцев-купцов в уезде были богатые купцы, ведшие торговлю, в Коротояке это были Федор Петрович Петров, имевший прекрасно устроенный маслобойный завод, получавший на различных выставках первые награды (в том числе и на Парижской), бакалейную торговлю и прекрасный дом – особняк... Это был самый богатый человек в Коротояке, а, может быть, и в целом уезде. О начале его богатства говорили очень нехорошо: в Коротояке было производство фальшивых денег, во главе которого стоял мелкопоместный дворянин Гололобов, Петров же занимался их сбытом. Когда это открылось, Гололобов, предупрежденный помощником исправника, его родственником, о предстоящем у него обыске (фабрика помещалась у него дома), бежал за границу, Петров остался в стороне»⁶². Примечательно, что характеризуя деятельность Гололобова, Савелов особо акцентирует внимание, что он был мелкопоместным дворянином, то есть представителем «дна» дворянского сословия.

Дореформенная традиция негативного восприятия дворянством купечества в пореформенный период оставалась. Бурное развитие межсословных отношений на земельном рынке (главном в Центральном-Черноземье), рост капиталов у представителей других сословий показали помещику-владельцу, что социальный статус уже не определяется только принадлежностью к высшей корпоративной сословной единице. Финансовый капитал наравне с не-

движимым капиталом определял социальный статус в обществе представителя любого сословия.

Накануне реформы отмены крепостного права хозяйственный традиционализм помещиков как важнейший элемент социальной психологии находился в рамках феодальных производственных отношений. Надлом традиционализма в социально-экономических воззрениях наметился в конце 50-х гг. XIX в., и только в узком кругу крупнопоместных дворян, пытавшихся рационализировать свои хозяйства на новой экономической основе. Морально-нравственные установки оставались в русле прежней сословно-корпоративной традиции.

Реформа 19 февраля 1861 года поставила перед центрально-черноземным дворянством проблему не только хозяйственного, но и психологического характера. Пореформенное развитие буржуазных отношений в черноземной деревне оказывало двойное воздействие на социальную психологию дворян-помещиков. С одной стороны, все более усиливающиеся тенденции капиталистических отношений начинают размывать корпоративность дворянства, с другой – хозяйственный кризис поместий требовал единых сословных усилий по отношению к власти для недопущения ликвидации сословных привилегий. Но новая социально-экономическая ситуация усиливала первую тенденцию.

Принимая как совершившийся факт пореформенную либерализацию сословных отношений, представители дворянского сословия в то же время не могли отказаться от осознания своей сословной исключительности. Это противоречие накладывало отпечаток на хозяйственную деятельность дворян, когда экономическая целесообразность, инициатива не соответствовали в их сознании собственному сословному статусу. Данный аспект, в основном, был характерен для первого пореформенного десятилетия. Начиная с конца 60-х гг. XIX в., когда фактически была изжита барщинная система, психологический фактор был уже опосредован экономической деятельностью. Сознание дворянина-помещика трансформировалось, и им был принят буржуазный предприниматель как таковой.

4.3. ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СИНТЕЗА СОСЛОВНЫХ И ВНУТРИСОСЛОВНЫХ СВЯЗЕЙ ДВОРЯНСТВА

Продворянская политика института самодержавия, привилегированный социальный статус, вековые традиции дворянского сословия как лидера в сословной иерархии обуславливали его жесткую корпоративную сплоченность.

Учитывая социальную неоднородность черноземного дворянства в региональном аспекте, возникла проблема взаимовлияния сословного и внутрисословного начал. В первом случае дворянство выступало как самостоятельная сословно-корпоративная единица по отношению к иным сословиям и центральному аппарату власти; во втором – как система и характер взаимоотношений отдельных групп, подгрупп дворянства в рамках своего сословия. Сословные и внутрисословные взаимоотношения местного дворянства имели региональную специфику в силу особенной аграрной ментальности. Давние корни крепостничества, барщинная традиция выделяли Центрально-Черноземный регион на фоне остальных районов Европейской России.

Сословно-корпоративная активность дворянства особенно проявлялась в период намечавшихся серьезных социально-экономических перемен. Ведь любые перемены в данной сфере жизнедеятельности общества напрямую затрагивали их корпоративные интересы. Накануне отмены крепостного права и в первые пореформенные годы проявление корпоративности черноземного дворянства все более приобретало политический характер. Решалась его судьба как доминирующей сословной единицы в общей сословной структуре региона и России в целом.

Психологический дискомфорт дворянства в пореформенный период во многом был обусловлен изменениями его сословно-правового статуса, который сближался в правовом аспекте с другими сословиями. В феврале 1861 года оно утратило монопольное право на владение крестьянами (монополия на земельную собственность была утрачена еще в 1801 году при разрешении недворянам покупать и продавать незаселенные земли); в результате ре-

формы полиции 1862 года дворяне утратили право формировать уездную полицию, а после введения института земств в 1864 году потеряли монополию на формирование органов местного управления; в результате судебной реформы в 1864 году дворяне попали под юрисдикцию общесословных судов, с 1874 года стали на общих основаниях привлекаться к отбыванию воинской повинности⁶³.

Великие буржуазные реформы 60-70-х гг. XIX века привели к тому, что поместное дворянство считало себя жертвой данной эмансипации. Н.П. Семенов, выражая мнение подавляющей части дворян, писал: «Служа верой и правдой Престолу и Отечеству поместное дворянство при этой реформе (реформа от 19 февраля 1861 г. – *В.Ш.*) принесло в жертву, за себя и потомство, даровую силу своих крепостных людей и отдало отошедшие от него в надел крестьянам земли за весьма скромное выкупное вознаграждение. С потерей права владеть исключительно такими имениями, которых отличительным признаком была их населенность, дворяне утратили самое существенное преимущество, связывавшее их в одно целое, соединенное общими интересами, сословие...

Из всего сказанного ясно видно, что после освобождения крестьян поместное дворянство, поставленное в своих поместьях лицом к лицу к капиталу и в худшие отношения к земле, чем стоят к ней купцы, разночинцы и кулаки, вступило в неравную с ними борьбу и стало постепенно вытесняться этими землевладельцами нового типа. Если не будет положено предела такому ненормальному и несправедливому положению поместного дворянства, то через несколько десятков лет может быть уже поздно будет помышлять не только о какой-либо роли и значении дворянства в уездах, но и вообще о его существовании...

После освобождения крестьян в основу преобразования шестидесятых и семидесятых годов легло начало, не соответствующее нашему историческому призванию и не вызываемое государственными потребностями, а именно: разрушение сословности, на которой держался прочно наш монархический строй управления и которой так противны демократические учения.

В уездном и губернском управлении, а также в местном само-

управлении дворяне вытесняются так называемыми интеллигентами и утрачивают прежнее влияние на дела местного управления»⁶⁴.

Лишение права владения населенными землями и утрата административной власти на местах подталкивали помещтных дворян к требованию от верховной власти новых сословных привилегий. В противном случае, указывалось, что с ослаблением дворянства ослабнет и монархическая власть в России.

Как подчеркивает Б.Н. Миронов, особо следует акцентировать внимание на утрате дворянством налоговых привилегий, что наиболее болезненно им воспринималось. До середины XIX в. оно обладало фактически налоговым иммунитетом: не платило прямых налогов. Попытки распространить налоги на дворян оказались безрезультатными. В 1797 году Павел I возложил на дворян добровольную обязанность содержать судебно-административные учреждения в губерниях за счет сборов с дворянских имений. Общая сумма издержек на местное управление была разверстана между помещиками пропорционально числу принадлежавших им крепостных, и они подчинились. Но в 1806 году Александр I отменил данный сбор и переложил его на крестьян. В 1812 году в связи с войной был введен процентный сбор с доходов с недвижимостей, под который попало и дворянство. Помещики платили прогрессивный подоходный налог от 1% добровольно объявленного дохода. В 1819 году и этот сбор был отменен. До XVIII в. дворяне, имевшие недвижимость в городах, а также и помещики в деревнях по решению местного начальства вносили деньги наряду со всеми другими сословиями на общественные или земские потребности: содержание дорог, почты и др. Это был фактический налог, хотя сборы производились без всяких твердых правил. Однако в XVIII в. дворяне были освобождены от всяких сборов и повинностей. В 1805 году земские сборы под названием земских повинностей были поставлены на более или менее четкие, определенные в законе основания, но дворяне-помещики, за исключением проживавших в новороссийских губерниях, по-прежнему от них освобождались. В 1851 году земские повинности были разделены на местные или губернские, предназначенные на покрытие расходов в губерниях; и общие, или государственные, предназначенные на общегосударствен-

ные цели. В 1853 году правительство обязало дворян платить лишь губернские земские сборы (на долю помещиков приходилось 34,3% всех местных сборов в 1853-1856 гг. и 44,4% – в 1860-1862 гг.). В результате, на долю дворян приходилось менее 10% от общей суммы земских, местных и государственных сборов. После этого ситуация изменилась: введение любых новых налогов в стране стало распространяться на дворян в равной степени с другими сословиями. С 1863 года дворяне стали платить новый государственный налог с городских недвижимостей, с 1872 года – государственные земские повинности (доля дворян-помещиков составила 35% от их общей суммы), с 1875 года – государственный поземельный налог в сельской местности и т.п. С начала 60-х гг. XIX в. российская налоговая система стала радикально изменяться: она переходила с подушного принципа на подоходный, тяжесть налогового бремени перемещалась с бедных на зажиточные слои населения. Соответственно, налоговое бремя дворянства стало возрастать, что хорошо видно из следующего расчета. В 1859 году «высшие классы», дворянство и купечество, обеспечивали поступление в казну 17% доходов, а низшие – 76% (7% государственных доходов приносили монетная, горная и другие регалии и государственное имущество), а в 1887 году соответственно – 37,9%, 55,1% и 7%. То есть из общей суммы собственно налогов на высшее сословие в 1859 году приходилось 18%, на низшие – 82%, а в 1887 году соответственно – 41% и 59%. Для первых сравнительно со вторыми тяжесть налогов увеличивалась почти в 2,3 раза, и тенденция эта в дальнейшем усиливалась⁶⁵. Привилегии по уплате налогов дворянство потеряло, и это подчеркивало его изменившуюся статус в сословной структуре российского общества.

Рост корпоративных устремлений местного дворянства в начале 60-х гг. XIX в. отчетливо проявился в статьях и заявлениях в прессе, когда со страниц печатных органов начинает исчезать выражение «Я» и присутствуют «Мы», «Нам», «от лица всего дворянства» и т.п. Например, в статье анонимного автора в «Курских губернских ведомостях» отмечалось: «20 мая ... в зале дворянского собрания состоялся обед, данный курским обществом отъезжающим супругам Алферовым ... Новооскольский предводитель дво-

рянства князь Н.Ф. Касаткин – Ростовский от лица дворянства целой губернии благодарил А.Н. за его сердечное отношение к нуждам клиентов дворянского банка»⁶⁶.

Интересен еще и тот факт, что в 50-60-е гг. XIX в. в воронежской и курской прессе на губернском уровне многие статьи, касавшиеся проблем дворянства, выходили без указания автора. С точки зрения реального автора, тем самым он указывал на общность корпоративных интересов всего сословия, а не его отдельного представителя. Правда, нельзя отрицать боязни автора определенных нареканий со стороны губернских властей за «радикальные» высказывания, и статьи пересылались в редакцию по почте.

В большинстве случаев замена местоимений «Я» на «Мы», «Нам» была сопряжена с пессимистическим тоном высказываний, когда требовалось усилить акцент на бедственном положении всего сословия. Н. Зворыкин указывал: «... дворянское сословие (то есть «мы» – *В.Ш.*), представляющее собою контингент интеллигентных землевладельцев, теряет свои земли год от года с возрастающей быстротой и угрожает своим окончательным исчезновением».

Пессимистические настроения нашли отражение в публицистике и в личных дневниках дворян. Молодой курский дворянин М. Гонгардт в своем дневнике на не продатированной странице между листами, помеченными 14 и 24 марта 1866 года, постарался определить для себя базовые моральные принципы в «Некоторых наставлениях самому себе». Они сведены к следующему: «Будь всегда, в каких бы ты ни находился обстоятельствах, хладнокровен. Никогда и ничем не восторгайся, ибо очень легко может случиться, что предмет твоего восторжения через несколько времени сделается тебе ненавистен. Никогда не смейся (конечно, по возможности), ибо после смеха всегда следуют слезы. Это последнее ты и сам часто замечал. Не делай никому зла, чтобы тот, кому ты делаешь зло, тебе не сделал еще худшее. Не делай никому добра, чтобы не сделать ему зло, ибо возбудит к нему зависть... Из последнего вытекает, что должно делать добро так, чтобы никто не знал твои благодеяния, кроме тебя и тобою облагодетельствованного. Будь строг к самому себе. Старайся, как только можно, удерживаться от излишних вещей, как-то: от смеха, восторженности, сентиментальности и т.д.»⁶⁷.

Смысл «Наставлений» отрицает оптимистическое восприятие окружающей действительности. Это подтверждает и запись от 24 марта указанного года: «Несчастное, жалкое человечество! От души презираю тебя! Я бы любил тебя, если бы... (слово неразборчиво – *В.Ш.*) было этого достаточно, но...»⁶⁸.

Общее «смутное» настроение дворян, полное пессимизма, сразу же после реформы 19 февраля 1861 года нашло отражение в очерке Ив. Весеньева «Плач провинциала. Декабрь 1861»: «И в настоящее время мое сердце страдает... В нем давно завелась тревога, и тщетно я ищу унять её. Она растет с каждым днем и скоро совсем отравит мое существование.

Город наш стал не тот – вот причина... Да сколько ни гляжу, и как не хочется мне, в утешение, обмануть себя, – не тот он, что был прежде, хотя бы лет десять назад. А всякой перемены я боюсь как огня. Особенно грустно взглянулось мне что-то сегодня утром. Точно также тогда, как теперь сменялись над нами времена года, висло хоть бы такое, как нынче, декабрьское небо; желтые и серые стены наших домов и заборов так же криво и косо тянулись вдоль улиц... Карет и саней столь же, прохожих столько же... Для неопытного или равнодушного глаза нет никакой перемены. Но мне-то она видна. То же небо – но не те головы оно морозит; те же сани – но не те сердца они развозят из края в край моей милой отчизны...

Мы жили тогда хорошо. Была славная, давно-давно установившаяся пора. Наше губернское общество уже много лет держалось неизменяемо, или привыкнув к своему складу, или довольное своим строем, своим вкусом, своим мнением, своими правами, своим управлением, всем существовавшим порядком вещей. Иные находили этот порядок прекрасным, иные признавали его неизбежным; одни не чувствовали надобности в переменах, другие (очень многие) смутно желали чего-то другого, чему, однако, не находили ни образа, ни имени. Разве два-три человека, составлявшие исключение, и то робко, не доверяя себе, умели назвать, что, вот, именно то-то или то-то казалось им дурно... Можно ли было, после этого, надеяться, чтобы эти люди пошли самым делом наперекор общему мнению?

Итак, нас ничто не тревожило»⁶⁹.

Публицист показывает, что для дворянства, хотя, меньше чем за год после отмены крепостного права, внешне ничего и не изменилось, но сама суть окружающего мира стала совершенно иной, во многом враждебной и непонятной. Все лучшее осталось в прошлом, привычном и понятном.

Публицист В.Н. Назаров, подписывавшийся псевдонимом «Литератор-обыватель», в самом начале 60-х гг. XIX века отмечал, что все лица «провинциальной глуши» делятся на два вида: «.. или закругленные, глянцевого, как будто слегка тронутые лаком, а в то же время в высшей степени самодовольные, пошлые и апатичные, или же лица желтоватые, осунувшиеся, на которых сквозь напускную веселость, равнодушие, даже сквозь смех, постоянно глядит на вас и неприятно поражает скрытая, но глубокая душевная рана. И что за причина, что мне почти не случалось видеть в глуши нашей лиц с выражением разумным, человеческим и, вместе с тем, спокойным, здоровым?»⁷⁰. То есть сложная, порой трагичная, пореформенная социализация владельцев поместий предопределила «апатичный и осунувшийся, пошлый» антропологический тип помещика. Внутренний пессимизм или показное самодовольство проявились во внешнем облике поместных дворян. «Разумный и спокойный тип», по мнению современника, отсутствовал.

Кризис помещичьего хозяйства, охвативший, особенно в Центральном-Черноземье, мелких и часть средних поместий, привел к тому, что свое личное благополучие сознание дворянства все более связывало с благополучием всего сословия. Но в отличие от конца XVIII – нач. XIX вв. акцент теперь переносится с социально-политических проблем на социально-экономические, хотя и первым придавалось серьезное значение.

В данной ситуации авторам-дворянам невыгодно было подчеркивать социальную неоднородность дворянства, внутрисословные противоречия, подчеркивающие размытость корпорации. Необходимо было в глазах общественности выглядеть единой силой, которая на протяжении столетий была основой российской государственности, но в сложившихся условиях ее «законные» интересы стали игнорироваться. Недаром Н. Зворыкин называет дворян-помещиков «интеллигентными землевладельцами», в противо-

вес заметно усилившимся «неинтеллигентным» землевладельцам других сословий. Хотя известно, что носителями передовых агротехнологий в исследуемом регионе был узкий круг среднего и крупнопоместного дворянства. Корпоративные интересы диктовались сложной для дворянства социально-экономической ситуацией в пореформенный период.

В рассматриваемом аспекте о связи печатных изданий и проявлений эволюции социальной психологии дворянства нельзя обойти вопрос о том, получение какой, собственно, информации интересовало местное дворянство в первую очередь. Например, с 1 марта по 1 мая 1873 года в Воронежской публичной библиотеке без учета воспитанников учебных заведений было 494 посетителя. Из них чиновников – 198, мещан – 67, военных – 51, преподавателей учебных заведений – 25, купцов – 43, духовных лиц – 27, дам – 83. Дворяне здесь не выделены в отдельную сословную категорию. Но учитывая, что в пореформенный период чиновничество в г. Воронеже в среднем на 74% состояло из дворян, военные должности (без учета унтер-офицерского и рядового состава) на 89% занимали дворяне и преподаватели учебных заведений, из которых 61% были дворянами, т.е. около 55% читателей являлись представителями высшего сословия. И эта цифра явно занижена, так как невозможно по сословному принципу разделить женщин-читательниц.

За указанный период было выписано 1 283 требования на 24 наименования газет и журналов. Наибольшим читательским спросом пользовались «Санкт-Петербургские ведомости» – 197 требований или 15% от общего числа требований, затем «Вестник Европы» – 134 требования (10,1 %), на 3-м месте «Московские ведомости» – 125 требований (9,8%) и местная газета «Дон» – 98 требований (8%) замыкала четверку наиболее пользовавшихся спросом изданий⁷¹. Исходя из анализа читательского спроса дворян наибольший интерес у них вызывали столичные вести и международная информация, то есть главнейшие вопросы внутренней и внешней политики, которые напрямую затрагивали интересы всего дворянства. Местные вопросы их интересовали менее, так как губернская информация для них не являлась каким-либо секретом, а важнейшие сословно-политические, экономические вопросы решались в столице.

Несмотря на внешне выраженный пессимизм, нашедший отражение в прессе и публицистических очерках, осознание принадлежности к высшей сословной корпорации генерировало у дворянства обостренное чувство собственного достоинства. Дворянская честь в 50-х – начале 60-х гг. у большей части представителей сословия еще оставалась движущим моральным фактором. Подтверждением этому тезису может служить следующий пример. Большое число отпрысков дворянских фамилий из Воронежской и Курской губерний обучались в Харьковском университете, наиболее близком учебном заведении. Накануне отмены крепостного права богатый помещик Бахметьев, местный предводитель дворянства, прислал на имя ректора университета 500 рублей с просьбой разделить их в качестве единовременного пособия между тремя беднейшими студентами-дворянами. Было вывешено соответствующее объявление, но никто на него не откликнулся. Тогда сама администрация выбрала трех беднейших студентов; их пригласили к ректору, который долго уговаривал их принять деньги, но получил решительный отказ. «Бедный тот, кто лишен всяких способностей, кто хронически болен и потому бессилён противостоять напорам жизни! – заявили студенты. – А мы, господин ректор, не бедны, если признаны целым университетом достойными быть студентами. При этом мы здоровы и сильны». Присланные деньги были переданы в благотворительное общество⁷².

Здесь необходимо оговориться, что понятие дворянкой чести не было столь актуальным для большей части мелкопоместного дворянства, которое просто выживало. В этой среде оно особо не культивировалось. На это указывали представители верхних страт дворянства.

Вопрос о дворянской чести весьма важен, но в конце пореформенного периода он уже не будет определяющим моральным фактором. Во многом, благодаря этому аспекту, сословная корпоративность потеряет свою прежнюю жесткость.

С другой стороны, чувство собственного достоинства и значимости у части представителей среднего и крупнопоместного провинциального дворянства во многом базировалось на родственных связях с именитыми дворянскими фамилиями столиц. Они себя ни-

как не чувствовали «провинциалами» и были в курсе всех столичных событий, нередко принимали в них активное участие, как например, крупнопоместные воронежские дворяне Веневитиновы. А.В. Веневитинов (1806-1872) был другом А.С. Пушкина с детских лет. Его мать – урожденная княгиня А.Н. Оболенская – доводилась троюродной теткой Пушкину. Их встречи происходили как в московских палатах Веневитиновых, так и в других московских и петербургских домах. Через свою свояченицу (урожденную графиню Виельгорскую), вышедшую замуж за известного писателя, автора «Тарангаса» графа В.А. Соллогуба, Алексей Владимирович был тесно связан с аристократической средой. Его сын Михаил Алексеевич (1844-1901) с 1896 по 1901 гг. был директором Московского Румянцевского музея. Именно по его инициативе в музее была создана специальная «Комната людей 40-х гг.», где экспонировались материалы, посвященные декабристам, А.И. Герцену, Н.П. Огареву. Он очень интересовался декабристской тематикой и даже работал над составлением их биографического словаря⁷³.

Достаточно назвать курских помещиков князей Голицыных, Касаткиных-Ростовских, воронежских – графов Шереметевых, Бутурлиных, князей Волконских и т.д., чтобы понять, насколько была органической связь поместной дворянской среды со столичной, и эти фамилии, по сути, сами уже являлись символами дворянского достоинства и чести.

Понимание реальности и необратимости последствий буржуазных реформ 60-70-х гг. XIX вв. опосредовало новые тактические ходы дворянства для достижения крупных стратегических задач сословного характера. Местное дворянство выбрало тактику решения частных проблем как средство для достижения особых сословных привилегий. Расчет делался на постепенность, традиционно особые отношения с верховной властью и «незначительный» характер просьб, который бы не вызвал жесткой критики со стороны представителей других сословий. Например, в 1892 году воронежское дворянство через своего предводителя обратилось к императору с всеподданнейшим прошением «О перенесении годового платежа по имениям сей губернии, заложенным в Дворянском Банке и Особом отделе и пострадавшим от неурожая, на последние годы

залога, во избежании увеличения банковских платежей»⁷⁴. Необходимо указать, что здесь вопрос шел не о введении постоянной привилегии правового характера, а о решении текущего экономического вопроса. Ответ императора был таковым: «Нет сомнения, что и прочие Дворянства будут просить о том-же ... Я думаю, что трудно исполнить эти просьбы, так как можно расстроить все расчеты Дворянского Банка»⁷⁵. Мотивация отказа императора на просьбу воронежского дворянства базировалась на экономической целесообразности недопущения финансовых проблем в определенной банковской группе. Нельзя сбрасывать со счетов и вероятное желание императора не подавать «нехозяйственный» пример для дворян других губерний.

Этот частный пример показывает, что социальная психология дворянства опосредовалась не только пореформенными экономическими процессами, но и определенными эволюционными подвижками во взаимоотношениях с институтом самодержавия. Несмотря на то, что дворянство продолжало оставаться социальной базой самодержавия, в пореформенный период институт власти, исходя из интересов государства, должен был учитывать определенную демократизацию сословных отношений в обществе, то есть откровенно не демонстрировать свое особое покровительство дворянству, отвергая экономические просьбы представителей других сословий, особенно набиравшей силу буржуазии. Подтверждает этот факт то, что в 1862 году воронежское и курское дворянство на аналогичную просьбу получило от императора положительную резолюцию⁷⁶.

В этой связи интересен один аспект – правовое сознание дворян как важнейший элемент социальной психологии. Добиваясь для себя определенных льгот, дворянство опиралось на правовой традиционализм в собственных отношениях с самодержавием. С другой стороны, как было показано выше, лидеры местного дворянства искренне осуждали проявления стяжательства, нравственного упадка и откровенного криминала в дворянской среде. Но нередко правовое сознание подменялось сословно-этическими воззрениями или опосредовалось практической целесообразностью. Л.М. Савелов в своих мемуарах приводит ряд таких прецедентов. Будучи Коротоякским уездным предводителем дворянства, он

председательствовал в уездном присутствии по воинской повинности. Правовой аспект решения конкретной проблемы был очевиден, но «льгот по семейному положению существовало три, из них вторая очень часто была невероятно тяжела для семьи, когда при отце с огромной семьей оставался один полуработник, сын, имевший 18 лет. Такой случай представился и нам, перед нами стоял красивый, сильный юноша и на вопрос, нет ли у него каких болезней, отвечал: «Всем здоров», а положение было такое – отец, имевший кроме призываемого 6 или 7 детей мал мала меньше (призываемый был от второго брака) и старшего, который много лет как ушел из семьи, был женат и жил где-то на юге, но официально продолжал считаться в семье отца. Как ни поворачивали его врачи, но найти изъяна в чем-нибудь не могли, и, в конце концов, должны были произнести роковое «годен», тут вступил я и говорю: «А, по-моему, не годен, по статье, говорящей о пороке сердца», ко мне присоединились еще 2 человека, и малый пошел в Воронеж на переосвидетельствование. Я написал графу Медему (вице-губернатор – *В.Ш.*) с просьбой обратить внимание на тяжелое семейное его положение, и губернское присутствие согласилось со мной, найдя у него порок сердца, и тем самым спасло большую семью, может быть, от разорения»⁷⁷.

На первый взгляд, это банальный случай, решение которого диктовалось чувством сострадания. Но укрывательство или покрывательство призывников, как и в любом государстве, в Российской империи считалось тяжелейшим преступлением. Примечательно, что инициатором прямого нарушения закона стал уездный предводитель дворянства, а его поддержал вице-губернатор, то есть представители элиты местной администрации и дворянства. И это был не единичный случай, Савелов приводит еще несколько аналогичных случаев из своей служебной практики на посту уездного предводителя дворянства. Вероятно, он не считал это для себя чем-то особо «криминальным», так как подобные решения находили поддержку у вице-губернатора и отвечали его понятию о справедливости. Тем более, Савелов такое решение правовых проблем ставил себе в заслугу. Уверенность в своей правоте могла базироваться только на достаточно широкой аналогичной практике решения различных правовых вопросов в местной администрации.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что дворянское правовое сознание во многом основывалось на моральных критериях: добра и зла, долга и справедливости, чести и совести; и конкретное решение диктовалось практической целесообразностью. Данный момент очень важен для рассмотрения всех аспектов жизнедеятельности дворянского сословия. Поэтому его просьбы к самодержавию о предоставлении сословных льгот также основывались во многом на моральных принципах и правовом, сословном традиционализме.

Ослаблению дворянской корпоративности способствовала и организация новой структуры местного самоуправления, в первую очередь – земство. О деятельности представителей центрально-черноземного дворянства в земских структурах управления будет подробно сказано ниже. В данном аспекте нас интересует психологический момент надлома дворянской корпоративности в вопросах структуры местного администрирования.

Земская система самоуправления никак не сочеталась с традиционным представлением «хозяина» в определенной части дворянской среды. Оставалось чувство утраченности безраздельного влияния на местах. С точки зрения идеологов дворянства, виной всему была цепь буржуазных реформ 60-70-х гг. XIX века. После освобождения крепостных крестьян была серьезно урезана земельная собственность дворян, ликвидирована монополия на частновладельческие земли, что в итоге подорвало роль и авторитет дворянства на местах. А. Пазухин с раздражением указывал: «Крупные землевладельцы со времени реформ перестали посещать свои имения и разорвали все связи с провинцией. Новый бессловный склад уездной жизни не мог удовлетворить этих лиц, привыкших к почету. Этот разряд нашего высшего сословия более богатый, знатный класс русского дворянства в настоящее время почти ничего не имеет общего с дворянством провинциальным и может считаться потерянным для России. Земская деятельность много способствовала деморализации помещичьего дворянства. Эта земская деятельность поставила дворян в ненормальное положение двойной зависимости от своего сословия и бессловной толпы. Между тем, как зависимость от своего сословия имела характер лишь нравственной ответственности, зависимость от

бессословной толпы выражалась более существенным образом, имела более практическое значение для тех, кто желал приобрести или сохранить должность по земским выборам. Став в ряды земства, многие дворяне порывали нравственные связи со своим сословием и старались приладиться к вкусам бессословной толпы, вполне погрузились в пучину земских интриг»⁷⁸.

Первое, на что обращаешь внимание в высказываниях дворянского публициста, так это на противопоставление дворянства и «бессословной толпы». Более тридцати лет прошло с момента отмены крепостного права, земской реформы и написания вышеуказанных строк, но дворянское самосознание не может перебороть пренебрежения к представителям иных сословий. Автор с горечью констатирует факт широкого участия дворян в земских структурах управления, видя в этом разрыв «нравственных связей» дворян-земцев с «знатным классом русского дворянства». По сути, он противопоставляет крупных землевладельцев остальной части провинциального дворянства. С точки зрения автора не так важен сам факт участия дворян в земских учреждениях, главное – факт разрыва корпоративной солидарности, активное сотрудничество дворян-земцев с «бессословной толпой».

С.А. Приклонский в «Очерках самоуправления земского, городского и сельского» показывает социально-психологическое неприятие частью помещичьего дворянства в земских структурах «чумазных», то есть представителей разночинцев. Тем более, помещики с нескрываемым раздражением относились к претензиям последних на руководящие должности в земстве. «Покинув Раменье, Настасьино, Абернибесовку и другие, отцами и дедами насиженные гнезда, наши оскуделые помещики поступили на земские хлеба, заняли председательские кресла в управах, зашумелили на весь околоток, и прославились... каждый в своем кружке. Один прославился ученостью, другой либеральными взглядами, а третий своею известностью...

И вот только что они стали поправляться на земских хлебах, – и кругленькими брюшками обзавелись, и одежонку нашли, – как вдруг новое несчастье. Чумазый добрался и до земства. Он пришел, увидел слопал...

Не будь Чумазого, тогда, Бог весть, пришлось ли бы мне когда-нибудь увидеться со школьными товарищами... А теперь мы опять вместе, опять собрались там, куда от Петра до наших дней съезжаются все, состоящие не у дел, обойденные, непонятые, непризнанные и т.д. И все благодаря Чумазому... Что осталось делать в Царевококшайске и Чухломе моим оскуделым товарищам, когда им пришлось уступить Чумазову свои председательские кресла в земских управах?»⁷⁹.

Подобные рассуждения и литературные пассажи однозначно показывают негативное отношение дворянства к институту земства, в первую очередь крупнопоместного дворянства. В. Кулабухов, исследуя менталитет центрально-черноземного дворянства, опираясь на аналогичные высказывания, утверждает о критическом отношении местного дворянства к земским учреждениям. Анализ же земских документов показывает обратное. Например, в Воронежской губернии в начале деятельности земств (1865-1868 гг.) от земледельческой курии 73% гласных были дворянами, в 1889-1891 гг. – 72%. Земские управы повсеместно возглавляли дворяне. По сути, дворянство полностью контролировало земские учреждения. Причем, гласные: дворяне от курии крупных землевладельцев в указанный период составляли 85% от общего числа гласных дворян⁸⁰, то есть вряд ли стоит утверждать о разрыве «нравственных связей» дворян-земцев со «знатным классом русского дворянства». С другой стороны, есть свидетельства, указывающие на то, что дворянство рассматривало земские учреждения как свой сословный институт управления на местах. Коротоякский уездный предводитель дворянства Л. Савелов вспоминал: «Служба мне нравилась, с большинством коротоякских деятелей я был в добрых отношениях, и единственно, с кем, в конце концов, не поладил – это был П.А. Ржевский (среднепоместный дворянин – *В.Ш.*), бывший при мне председателем управы, но это, по-видимому, происходило в большинстве уездов, так как и предводитель дворянства, и председатель управы каждый считал себя хозяином уезда»⁸¹. Уездное земство, контролируемое дворянством, рассматривало себя выше аппарата уездного предводителя. Другой пример, в протоколе курского губернского земского собрания от 12 декабря 1889 года запи-

сано: «... по послушании ответной телеграммы г-жи Хорват с выражением благодарности гг. дворянам за память к умершему супругу»⁸². Телеграмма направлена дворянам, но адрес – губернского земского собрания. Г-жа Хорват не видит в этом ничего странного, ведь руководство земства, в основном, состояло из представителей дворянского сословия.

В отдельных случаях предводитель дворянства и руководители земских структур жили «душа в душу», решая вопросы на «взаимовыгодных началах». Современник отмечал: «Председатель собрания, то есть предводитель дворянства, может оказывать некоторое, хотя и слабое сдерживающее влияние на чересчур расходившихся земцев в раздаче сытных кусков приятным им людям, но горе той стране, где аппетиты на получение окладов и должностей сильно раздражены, где собрание представляет хорошо сыгравшийся оркестр и где предводитель живет с ним в особенно интимных отношениях! Мне известен один пример, что такого предводителя земство не переставало осыпать милостями в виде денежных подачек: то ассигнует ему тысячи две в награду за особые труды, то тысячи две на путевые расходы по воинской повинности на расстояние тридцати верст от города, то на путевые издержки по ходатайству в Государственном Совете»⁸³.

Исходя из вышесказанного, видно, что негативное отношение к земству у части дворян, скорее всего, имело под собой психологическую основу. Не все дворяне были готовы к восприятию «партнерских» отношений с представителями других сословий в системе местного самоуправления. Реальная действительность внутрисословных противоречий в рассматриваемом аспекте была очевидной.

Внутрисословные противоречия центрально - черноземного дворянства в данном вопросе также были опосредованы до конца неосознанными изменениями неформального характера места и статуса дворянина в сословной структуре общества. Дворянское сословное сознание не находило ответ на вопрос – как вести себя представителю высшего сословия по отношению к представителям других сословий и кто виноват в пореформенной «демократизации» сословных отношений? Это хорошо иллюстрирует следующий сю-

жет из «Воспоминаний» Л. Савелова: «Председателем Острогожского суда был Бестужев-Рюмин, родной брат историка Константина Николаевича, после его смерти семья его оставалась в Острогожске, и одна из его дочерей, молоденькая и хорошенькая, кажется Настя, каким-то образом сошлась с простым мещанином Шаповаловым и сделалась в интересном положении, и здесь вместо того, чтобы удалить ее из Острогожска, И.Н. Тевяшов и А.И. Балк состряпали ее свадьбу с Шаповаловым, которого устроили потом сторожем на железную дорогу, Настя же совершенно опустилась, торговала на базаре квасом и превратилась в обыкновенную базарную торговку, и ругательски ругала ту среду, из которой вышла, и была, конечно, права. Когда я бывал у К.Н. Бестужева-Рюмина в Петербурге, он без слез не мог говорить о печальной судьбе своей родной племянницы, обличая в этом острогожское общество, которое не поддержало её»⁸⁴.

С одной стороны, высокомерно пренебрежительное высказывание сословного характера в адрес мужа дворянки – «простой мещанин», с другой, вина за моральную деградацию представительницы дворянского сословия возлагается на само данное сословие. За эмоциональным всплеском автора вышеуказанных строк скрывается сочетание горечи утраченного прошлого, обида за настоящее состояние собственного сословия и отсутствие четких перспектив будущего дворянского сословия.

Сословные взаимоотношения центрально-черноземного дворянства, хотя и отражали распад корпоративного начала данного сословия, в то же время не могли показать всю сложность психологической перестройки отдельных групп и подгрупп поместных владельцев. Необходимо рассмотреть систему внутрисословных отношений, раскрывающую весь спектр различных социально-психологических воззрений. Это позволит избежать усредненной оценки при анализе эволюции социальной психологии местного дворянства.

Базовыми факторами внутрисословной дифференциации дворянского сословия являлись уровень материальной обеспеченности, в первую очередь земельной, принадлежность к именитым фамилиям, занимаемая должность в различных структурах управления.

Следствием данной дифференциации было традиционное разделение дворянства на элиту, среднюю (переходную) группу и «дно». Кроме этого, в каждой вышеуказанной страте были свои подгруппы, представители которых также различались как по уровню материальной обеспеченности, так и по социально-психологическим установкам. Видимые грани между этими основными стратами дворянского сословия всегда присутствовали, но реально происходил процесс перехода из одной страты в другую. Эта структурная балансировка, как было показано выше при анализе мобилизационных процессов в дворянском землевладении, создавала видимость внешней устойчивости отдельных дворянских категорий. Тем более, пропорциональное соотношение численности основных категорий радикально в пореформенный период не изменилось. Устойчивость отдельных страт поддерживалась и ростом числа дворян в рассматриваемых губерниях (см. табл. 44).

Таблица 44

**Рост числа дворян Воронежской и Курской губерний
(с семьями) в пореформенный период ⁸⁵**

Губерния	Год		
	1863	1870	1897
Воронежская	10 307	9 867	15 566
Курская	17 758	18 162	23 329
ИТОГО	28 065	28 029	38 895

С 1863 по 1897 гг. общее число дворян (с семьями) увеличилось на 28%. Межгубернские миграционные процессы, уровень рождаемости не оказали существенного значения на данный аспект. Основу роста числа центрально-черноземного дворянства составило увеличение числа личного дворянства. За указанный период их число в Воронежской губернии возросло с 3 740 до 7 881 чел., в Курской губернии – с 5 274 до 7 253 чел. ⁸⁶. Рост числа дворянства оказывал существенное влияние на характер внутрисословных отношений. Получение прав личного дворянства в пореформенный период все более усложнялось. В середине 80-х гг. XIX в. его можно было получить чиновникам VI-IX классов и обер-офицерским чинам армии, то есть относительно обеспеченным категориям слу-

жащим и военнотружущим⁸⁷. Например, к концу XIX в. в годовое жалование поручика составляло 720 руб., капитана – 1 260 руб., пенсия первого – 490 руб., второго – 630 руб.⁸⁸. Вряд ли «новотруженные» дворяне пополняли ряды низшей категории дворянства. Вероятнее всего, большая часть личных дворян пополняла группу среднего дворянства (с 101 до 1000 дес.). Подтверждает это предположение рост площади земель среднего дворянства, которая увеличилась с 10,8% до 47% в помещтном земельном фонде. Владение мелкопоместных владельцев в дворянском земельном фонде в рассматриваемый период уменьшилось с 28,6% до 10,3%.

Таким образом, «дно» дворянского сословия в Центрально-Черноземном регионе, главным образом, представленное мелкопоместными помещиками, практически не пополнялось представителями других сословий, получивших личное дворянство.

Реально оно пополнялось за счет разорившихся среднепоместных дворян. Хотя нельзя исключать случаев быстрого разорения и «вновь испеченных» дворян. Данная ситуация способствовала фактической сословной консервации низшей страты дворянства. Это замедляло темп эволюции хозяйственно-бытовых условий, социально-психологических воззрений в ней, что в свою очередь не способствовало изменению характера отношений к мелким дворянам со стороны представителей более высоких категорий дворянского сословия.

В отчете курского губернатора накануне отмены крепостного права подчеркивалось: «Отношение помещиков к крестьянам благоотумно и законно, что касается до мелкопоместных дворян, то за некоторыми исключениями, обращение их с крестьянами не всегда сообразно, т.к. образование у них менее развито. Сверх сего можно заметить и то, что за исключением некоторой части мелкопоместных дворян, остальные или вовсе не служили в здешних присутственных местах, находятся в отставке и живут большею частью по деревням и, хотя живут большею частью по деревням и, хотя иногда и занимаются улучшением своего благосостояния, устройством заводов и т.д., но чаще предаются совершенной праздности, которые, в свою очередь, отчуждают их от своих и взаимных отношений»⁸⁹.

В официальном документе, подготовленном губернатором-

представителем элитной части дворянства, мелкопоместные дворяне показаны грубой, безграмотной и нерациональной частью дворянского сословия. Особо отмечается разрыв их социальных связей как на сословном, так и внутрисословном уровнях. В последующие десятилетия отношение к ним мало изменяется. Но тон высказываний смягчается, что, вероятно, было связано с обострением в российском обществе вопроса о роли дворянства. В ряде случаев просто избегали упоминания о них, хотя из сути высказываний становилось ясно о критическом отношении к мелкопоместным дворянам. В отчете губернатора Курской губернии за 1885 год в важнейшем разделе о хозяйственной деятельности говорилось: «... правильное ведение сельского хозяйства сделалось достоянием весьма не многих крупных хозяев».⁹⁰

Прямого указания на хозяйственную нерадивость мелкопоместных дворян нет, но характер высказывания прямо подчеркивает это. Критическо-пренебрежительное отношение представителей верхних групп дворянского сословия к мелкопоместным помещикам весьма очевидно. Хотя критика присутствовала, в основном, в документах служебного характера. В то же время официальные отчеты в столицу, публикации в прессе по данной проблематике до конца не раскрывали всю степень деградации мелкопоместного дворянства. К 80 гг. XIX в. в Центральном-Черноземье не редкостью были селения, полностью населенные мелкопоместными дворянами, влачившими жалкое существование. Степень их сословно-корпоративной «солидарности» выражалась в том, что они неоднократно письменно просили императора ликвидировать их дворянское достоинство⁹¹. В данной ситуации дворянское достоинство, наоборот, еще более усугубляло их социальное положение, вызывая насмешки крестьян, внося психологический дискомфорт. Вопрос о дворянской чести для «дворянских батраков» попросту отпадал в данной ситуации.

Примечательны в этом плане и мемуары. Л.М. Савелов в своих «Воспоминаниях», описывая 90-е гг. XIX в., делит все дворянство на две категории: дворянство и мелкопоместное дворянство. По сути, он их противопоставляет. Если необходимо было подчеркнуть никчемность дворянина, то обязательно подчеркивался его статус мелкопоместного. В других случаях указывались долж-

ность, чин или просто частный титул «дворянин». В качестве примера можно привести следующие характеристики, данные Савеловым: «Протоколистом дворянской опеки была своего рода знаменитость – Николай Варнавович Ляхов, тип дореформенного канцеляриста, ему было бесконечное количество лет, он был местным мелкопоместным дворянином и с юных лет занимал эту должность. Иногда он избирался и членом опеки, но, несмотря на множество лет, проведенных в опеке, она не блистала у него большим порядком, хотя дел в ней было совсем не много» или Суботин, мелкопоместный дворянин, ничего из себя не изображал (не представлял – *В.Ш.*), неожиданно попал в члены управы, прослужил одно трехлетие и исчез с нашего горизонта»⁹².

Ярко выраженная внутрисословная дистанцированность для общности маскировалась корпоративной солидарностью. По отношению к другим сословиям дворянство внешне старалось выступать как единая сословно-корпоративная единица, и недворянская часть населения воспринимала его как единое целое, зафиксированное в «Своде законов о состоянии»⁹³. В этом аспекте, на первый взгляд, просматривался социально-психологический парадокс. Около 80% центрально-черноземного дворянства накануне отмены крепостного права, собственно как и российского, по уровню материального достатка, бытовым условиям, социально-психологическим воззрениям весьма отличались от средне- и крупнопоместного дворянства. Нередко представители низших групп мелкопоместного дворянства вели крестьянский образ жизни. Вероятно, исходя из круга поднимаемых проблем представителями высших категорий дворянства, в общественном сознании дворянское сословие уже ассоциировалось со среднепоместным и крупнопоместным дворянством. Именно эти категории представляли «единое целое» дворянского сословия. В исследуемых губерниях заявления программного характера исходили от представителей высших категорий дворянства. Мелкопоместные дворяне фактически не участвовали в различных формах межсословных дискуссий. Тем не менее, идеологи местного дворянства не заостряли внимание на проблемах отдельных категорий своего сословия. В реальной пореформенной социально-экономической обстановке у различных категорий дво-

рванства проблемы качественно отличались. У мелкопоместных владельцев остро стоял вопрос о хозяйственном выживании, для среднего и крупного дворянства наиболее актуальной проблемой было сохранение сословных привилегий. Как было показано выше, хозяйственный кризис их менее затронул.

Обращения, заявления, рассуждения, адресованные дворянами к широкой публике, главным образом, находили отражение в печатных изданиях. В отличие от столичных дворянских авторов, не обходивших и сословно-политические темы, местные дворянские публицисты использовали в основном экономическую тематику для показа насущных проблем своего сословия. Местные дворяне-помещики, например Васильчиков В.И., Красковский К., подчеркивая определенные сложности в хозяйственной деятельности поместий, высказывали предложения от лица всего центрально-черноземного дворянства, в первую очередь касавшиеся характера и спектра возможных привилегий⁹⁴. Исходя из их рассуждений, видно, что предложенный ими круг вопросов (кредитные льготы, найм рабочих, использование сельхозмашин) касался только владельцев значительных поместий, но никак не мелкопоместных. Традиционная корпоративность становилась прикрытием для достижения определенных целей незначительной части высшего сословия – средних и крупных дворян. Но данное «меньшинство», собственно, и определяло весь курс выработки сословной политики, создавая общественное мнение. Например, доказывая несомненный приоритет дворянства в российском обществе, известный публицист, общественный деятель и генерал Р.А.Фадеев писал: «Такова покуда внутренняя сила дворянства, заключающего в себе весь наш культурный слой. Нечего говорить о степени состоятельности полуобразованных людей, только еще дорастающих до звания господ, отставших от одного берега и не приставших к другому. Несмотря на эту горькую истину, наше общественное дело может быть поведено только одним дворянством, присоединяя к нему, конечно, силу больших капиталов и крупных талантов, откуда бы они не взялись. Не создавать же нового культурного класса в обход старого, если бы даже такая операция была возможна, сложив опять руки на полтора года лет...

Легенда о пучке стрел скифского царя может служить девизом к нашему современному вопросу. Сосредоточить образованное общество в связное сословие, сомкнуть его вокруг твердого ядра – вот русская задача текущего времени, без осуществления которой нам нечего рассчитывать на будущее.

Ядро это, очевидно, дворянство, ничего другого у нас нет»⁹⁵.

Здесь, по всей видимости, автор не имел в виду под «ядром образованного общества» страту мелкопоместного дворянства, хотя речь и идет о всем высшем сословии.

Корпоративная солидарность диктовалась и целями сословно-политического характера. Резкая социальная неоднородность высшего сословия, социально-психологическая дистанцированность различных дворянских групп в глазах самодержавия могли означать ослабление традиционной социальной базы института власти. Отсюда, верхние страты дворянства были заинтересованы не только в высшем сословно-политическом статусе, но и в количественном показателе общего числа дворянского сословия. Их действия были направлены на недопущение полной деградации мелкопоместного дворянства, а следовательно, и разрыва корпоративных связей с ним. Особое внимание уделялось подрастающему поколению разорившегося дворянства. Воронежский Михайловский кадетский корпус был открыт в 1875 году благодаря благотворительности крупнопоместного дворянина Воронежской губернии генерал-майора Н.Д. Черткова, который вместе с дворянством названной губернии пожертвовал значительную денежную сумму на строительство и открытие данного учебного заведения. В Курской губернии был открыт особый дворянский приют для воспитанников из бедных дворян губернии. Братья Петр и Николай Коробковы пожертвовали для приюта принадлежащий им трехэтажный дом в г. Курске стоимостью около 20 тыс. руб.⁹⁶.

С другой стороны, внешне открытые внутрисословные противоречия между отдельными группами дворянства на фоне роста антидворянских настроений в российском обществе сузили бы их возможность апелляции к самодержавию. Нельзя сбрасывать со счетов и значимость дворянского статуса для верхних групп мелких дворян-помещиков, который поднимал их социальный престиж в

обществе. Например, мелкопоместный Новооскольский помещик Курской губернии И.С. Острожский-Лохвицкий постоянно возвращался к вопросу о своем происхождении, этим самым надеясь, что сведения о его богатой родословной будут служить защите его чести, укреплению пошатнувшегося положения в обществе и улаживанию служебных неурядиц⁹⁷.

Среднепоместные и крупнопоместные дворяне заостряли внимание на нуждах мелкопоместных владельцев в те моменты, когда решалась судьба всего сословия. Широкое обсуждение групповых интересов дворянства имело место в момент подготовки проектов реформы отмены крепостного права. В этот период для дворянства особую роль приобретало сочетание сословных, внутрисословных связей и регионального аспекта. Причем, внутрисословный вопрос проходил вторым планом на фоне двух других.

Местная дворянская элита в лице губернских дворянских комитетов, готовя проект реформы отмены крепостного права, особо оговаривала судьбу мелкопоместного дворянства. Она предлагала выкупить крестьян за счет казны и переселить мелкопоместных владельцев в многоземельные губернии, конечно, с согласия самих мелкопоместных дворян⁹⁸. Не оговаривая особых льгот для мелких дворян, представители высших групп дворянства подвергали бы риску полного разорения мелких дворян-помещиков, а следовательно, и большей части дворянства. Социальная психология, исходя из политического расчета, подсказывала членам губернских дворянских комитетов, что нельзя допустить резкого упадка престижа сословного статуса дворянина. Сословный интерес был опосредован внутрисословным, хотя от последнего зависела судьба всего дворянского сословия. Предложения, исходящие из региональных особенностей (размеры земельных участков, качество земли, выкупная стоимость и т.д.), внешне прямо не затрагивали сословный аспект. Но экономические позиции, базирующиеся на местных производственных традициях, во многом определяли сословные. Отсюда черноземное дворянство главной своей целью на протяжении всего пореформенного периода имело подкрепление социального статуса соответствующей экономической базой, т.е. сохранение лидерства на региональном всесословном земельном рынке. Социально-психологический традиционализм дворянства

продолжал оставаться в рамках сословной исключительности.

В то же время пореформенная либерализация межсословных отношений с начала 90-х гг. XIX в. обозначала тенденцию либерализации сословно-политических воззрений у части дворянства. В «Алфавите лицам о коих собраны и собираются сведения о благонадежности за 1894 г.» по Курской губернии из 1 317 человек к дворянскому сословию относились 353 (26,8%) фамилии. Характер источника не позволяет выяснять, к каким группам дворянства они принадлежали. Но, учитывая, что в «Алфавите» числился генерал-лейтенант кавалерии в запасе А.М. Дренякин, то, вероятно, там были представлены представители всех категорий дворянства⁹⁹.

Анализ синтеза сословных и внутрисословных связей воронежского и курского дворянства показывает, что в отличие от чисто производственных отношений, где четко просматриваются три основные группы дворянства (мелкое, среднее, крупное), в рассматриваемом вопросе речь может идти только о двух категориях – мелком и крупном дворянстве. Относительно высокий уровень материальной обеспеченности среднего и крупного дворянства сближал их в сфере социальной психологии. Официальные документы губернского уровня не дают сведений о каких-либо принципиальных разногласиях между этими категориями дворянства. Объективно на уровне сословно-корпоративных связей причин для этого не было. Сознание мелкопоместных дворян не вписывалось в канву социально-психологических воззрений средних и крупных дворян.

Сословно-корпоративная активность дворянства особенно проявлялась в периоды намечавшихся серьезных социально-экономических перемен. Накануне отмены крепостного права и в первые пореформенные годы проявления корпоративности черноземного дворянства все более приобретали политический характер. Решалась его судьба как доминирующей сословной единицы в общей сословной структуре региона. Представители среднего и крупного дворянства, то есть 1/5 часть черноземных помещиков, от лица всего сословия добивались не только сохранения сословных льгот, но и приобретения новых. Была выбрана тактика решения частных социально-экономических проблем как средства

для достижения конкретных привилегий в первую очередь экономического характера.

Стремление крупных дворян хотя бы внешне сохранить жесткую корпоративность всего сословия не было воплощено. В общественном сознании дворянство уже ассоциировалось только с верхними высшими стратами данного сословия.

Примечания

1. *Шаранов В.В.* Психология классов. Проблемы теории и методологии. Л., 1975. С. 90; *Петровский А.В., Шпалинский В.В.* Социальная психология коллектива. М., 1978. С. 6, 10; *Андреева Г.М.* Социальная психология. М., 1980. С. 18, 19.

2. *Андреева Г.М.* Указ. соч. С.19.

3. *Парыгин Б.Д.* Основы социально-психологической теории. М., 1971.

4. *Андреева Г.М.* Указ. соч. С.20.

5. *Андреева Г.М.* Социальная психология. М., 1997. С.10.

6. *Шихирев П.* Современная социальная психология. М., 1999. С. 39.

7. *Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А.* Зарубежная социальная психология XX столетия. М., 2001. С. 224-225.

8. Там же.

9. *Майерс Д.* Социальная психология. СПб., 1999. С. 4-7.

10. *Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А.* Указ. соч. С. 234-235.

11. *Слепнев И.Н.* Менталитет и аграрное развитие России в XIX-XX вв. // Отечественная история. 1996. № 1. С. 195-196; *Барг М.А.* Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987. С.4.

12. История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах / сост. *Е. Михина.* М., 1996. С. 82-83.

13. *Кулабухов В.С.* Указ. соч. С.1.

14. *Мионов Г.Е.* История государства Российского. Историко-библиографические очерки XIX века. М., 1995. С. 125.

15. *Фукс Э.* Иллюстрированная история нравов. М., 1993. Т.1. С. 59.

16. *Дурасов В.* Дуэльный кодекс. М., 2002. С. 5.
17. Там же. С. 10.
18. *Ворожбит.* Социально-экономический вопрос в России. СПб., 1886. С. 14.
19. *Катков М.Н.* О дворянстве. М., 1905. С. 63.
20. *Шкуратов В.А.* Историческая психология. М., 1997. С. 116-119.
21. *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М., 1996. С. 95-96.
22. *Полякова М.А. Савинова Е.Н.* Русская провинциальная усадьба XVII – начала XX веков. С. 39-40.
23. *Врангель Н.Н. Барон.* Старые усадьбы. СПб., 2000. С. 66.
24. *Уледов А.К.* Структура общественного сознания. М., 1968. С.177.
25. *Он же.* Общественная психология и идеология. М., 1985. С. 221.
26. *Кавелин К.Д.* Крестьянский вопрос. СПб., 1882. С. 3.
27. *Грехнев В.С.* Социально-психологический фактор в системе общественных отношений. М., 1985. С. 124.
28. *Савелов Л.М.* Статьи по генеалогии и истории дворянства. СПб., 1898. С. 112.
29. *Оболонский А.В.* Государственная служба. М., 2000. С. 440.
30. *Шаповалов В.А., Шаповалова С.П.* Социальная психология черноземного дворянства накануне отмены крепостного права // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура : материалы международной научно-практической конференции. Белгород, 1998. С. 63.
31. Русское дворянство // Наше время. 1862. № 5.
32. *Коцебу А.* О дворянстве, его происхождении, распространении и неодинаковом введении между всеми почти народами земного шара. М., 1804. С. 1-2.
33. Статистические сведения по Новооскольскому уезду курской губернии. Курск. 1886. С. 207-211.
34. Военно-статистический сборник. Россия. СПб., 1871. Вып. V. С. 189.
35. *Грибоедов А.С.* Загородные поездки : Отрывок из письма южного жителя // Русские очерки. В 3 т. М., 1956. Т. 1. С. 139.
36. *Крылов И.А.* Мысли философа по моде, или способ казать-

ся разумным, не имея ни капли разума // Русский фельетон. М., 1958. С. 27.

37. *Бочкарев В.Н.* Быт помещичьих крестьян // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. М., 1911. Т.3. С. 24.

38. *П.Э.* Помещики и крестьяне // Русский вестник. 1859. Т. 19. С. 219-220.

39. *Палицин М.* Из бумаг старого помещика. Наставление сыну моему Николаю Михайловичу Палицину // Русская старина. 1894. Т. 81. С. 207.

40. *Пунарев А.Г.* Лев Измайлов // Русская старина. 1872. Т. 6. С. 650-657.

41. История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. М., 1993. Т. 3. С. 275-276.

42. Там же. С. 438.

43. *Савельев П.И.* Аграрный менталитет русского дворянства // Общественно-политические движения в России XVIII-XX вв. Самара, 1993. С. 26.

44. *Катаев Н.* Михаил Григорьевич Павлов // Сеятели и хранители: В 2 кн. М., 1992. Кн.1. С. 173-174.

45. *Терпигорев С.Н. (Атава С.).* Оскудение // Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. С.17.

46. *Лев Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 302.

47. *Шепелев Л.Е.* Титулы, мундиры, ардена. М., 1991. С. 38, 39.

48. *Терпигорев С.Н. (Атава С.).* Указ. соч. Т.1. С. 22.

49. Сельскохозяйственные выставки // Народное богатство. 1862. № 8.

50. Там же.

51. *Иванюков И.И.* Падение крепостного права в России. СПб., 1903. С. 33.

52. *Литвак Б.Г.* Переворот 1961 г. в России: Почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991. С. 296.

53. *Елина О.Ю.* От царских садов до светских полей. История сельскохозяйственных опытных учреждений. XVIII век – 20-е годы XX века: В 2 т. М., 2008. Т. 1. С. 178.

54. Там же С. 179.

55. Там же. С. 179-180.

56. *Шаповалов В.А.* Дворянское землевладение и землепользование в Центрально-черноземном регионе в пореформенный период: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. С. 15.

57. Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. СПб., 1880. Вып. I. С. 216.

58. *Землянский И.* Воронежские письма // Русское слово. 1860. Т. 3. С. 30.

59. *Вишняков Н.* Сведения о купеческом роде Вишняковых. М., 1911. Т. 2. С. 62.

60. Цит. по: Берлин П.А. Русская буржуазия в старое и новое время. М., 1922. С. 22.

61. *Савелов Л.М.* Из воспоминаний. 1892-1902. Воронеж, 1996. С. 16.

62. Там же. С. 52.

63. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начала XX вв.) Т. 1. С. 94.

64. *Семенов Н.П.* Наше дворянство. СПб., 1899. С. 49-51.

65. *Миронов Б.Н.* Указ. соч. Т.1. С. 94.

66. Прощальный обед А.Н. и Е.А. Алферовым // Курские губернские ведомости. 1898. № 107.

67. ГАКО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 145. Л. 20.

68. Там же. Л. 22.

69. *Весеньев Ив.* Плач провинциала. Декабрь 1861 г. // Русский вестник. 1891. Т. 36. С. 367, 369.

70. Литератор-обыватель. Наша сельская жизнь // Отечественные записки. 1865. Т. 161. Отд. I. С. 249.

71. Месячный отчет библиотекаря Воронежской публичной библиотеки с 1 марта по 1 мая 1873 г. // Воронежские губернские ведомости. 1873. № 38.

72. *Муравьева О.С.* Как воспитывали русского дворянина. М., 1995. С. 86.

73. ГАВО. Ф. 29. Оп. 125. Д. 30. Л. : *Акинъшин А., Ласунский О.* Воронежское дворянство в лицах и судьбах. Воронеж, 1994. С. 190.

74. РГИА. Ф. 583. Оп. 4. Д. 267. Л. 52; РГИА. Ф. Оп. 4. Д. 307. Лл. 108-109.

75. Там же.

76. РГИА. Ф. 583. Оп. 4. Д. 267. Л. 52-54.

77. *Савелов Л.М.* Из воспоминаний. 1892-1902. С. 73.

78. *Пазухин А.* Современное состояние России и сословный вопрос. М., 1886. С. 30-31.

79. *Приклонский С.А.* Очерки самоуправления земского, городского и сельского. СПб., 1886. С. 3-4.
80. *Щербина Ф.* Воронежское земство. 1865-1889 гг. Воронеж, 1891. Прил. С. 4-7.
81. *Савелов Л.М.* Указ. соч.
82. Сборник постановлений Курского губернского земского собрания. Курск, 1893. С. 99.
83. *Васьянов И.* Земские эскизы. Из провинциальной глуши // *Русский вестник*. 1886. Т. 182. С. 300.
84. *Савелов Л.М.* Указ. соч.
85. *Корелин А.П.* Указ. соч. С. 2.
86. Там же.
87. Там же. *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX в. Л., 1973. С. 309-311.
88. *Волков С.В.* Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 347.
89. РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. Д. 64. Л. 56.
90. РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 65. Л. 5.
91. *Вернер А.А.* Землевладение и земледелие в Курской губернии // *Русская мысль*. 1887. Кн. IV. С. 55.
92. *Савелов Л.М.* Указ. соч. С. 31, 40.
93. *Соловьев Ю.Б.* Указ. соч. С. 190-195.
94. *Князь Васильчиков В.И.* Несколько слов о вольнонаемном труде в сельском хозяйстве в черноземной полосе. М., 1969; *Красковский К.* Хозяйственно-статистический очерк Староивановской вотчины Воронежской губернии Бирюченского уезда. М., 1861.
95. *Фадеев Р.А.* Русское общество в настоящем и будущем (чем нам быть?) // *Фадеев Р.А.* Кавказская война. М., 2005. С. 489, 499.
96. Об основании дворянского приюта // *Правительственный вестник*. 1875. № 41.
97. *Милиц С.С.* К вопросу об уровне классовой сплоченности русского дворянства в конце XVIII – начала XX вв. // *Правительственная политика и классовая борьба в России в период абсолютизма*. Куйбышев, 1985. С. 137.
98. Проект положения об улучшении быта помещичьих крестьян Курской губернии. Б.М. Б.Г. С. X.
99. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5253. Л. 1-200 (посчитано нами – В.Ш.).

V. РУССКИЙ ПОМЕЩИК В НАРОДНОМ ФОЛЬКЛОРЕ

В фольклоре отражены коллективная память народа и его воззрения на общество, человека, природу, отдельные исторические и социальные явления. В создании фольклорных сюжетов, как правило, принимали участие широкие народные массы, в первую очередь крестьянство, и это наложило отпечаток на форму и содержание песен, сказок, пословиц и поговорок, где, наряду с вечными философскими категориями добра и зла, жизни и смерти, богатства и бедности и т.д., довольно ярко и не всегда однозначно выражено отношение крестьян к своему социальному антиподу – барину. Это связано с тем, что фольклор ориентирован на традиционные нормы крестьянского общества и устно-поэтическая традиция позволяет передать нормы сложившегося мировосприятия. Немаловажное значение имеет и тот факт, что за постоянством фольклорной традиции стоит уклад – устойчивые формы народного быта¹. Проходили века, и из поколения в поколение русский крестьянин пахал землю, отработывал барщину, платил оброк, выполнял множество других повинностей. То есть представления о жизни и повседневный опыт передавались младшим поколениям. Фольклор – детище общества, где социальная практика и действительность основывались и основываются на репродуцировании накопленного жизненного опыта. Для значительной массы русского крестьянства помещичья усадьба была тем микромиром, в границах которого протекала вся основная его жизнь, а внутренняя социально-психологическая связь «Я и помещик» определяла все сферы жизнедеятельности помещика, так как последний являлся неотъемлемой частью поместного хозяйства. Вот почему помещик стал органической частью народного фольклора.

В настоящем исследовании анализируются два жанра народного фольклора – пословицы, поговорки и сказки, которые, на наш взгляд, наиболее информативны и отражают весь спектр восприятия помещика, вотчинной власти, феномена внутриусадьбного противопоставления добра и зла.

Пословица (поговорка) – жанр фольклора, афористически сжатое, образное, грамматически и логически законченное изрече-

ние. В пословице наиболее ярко проявляются общие признаки фольклора: коллективность творчества, так как она создавалась многими людьми; традиционность, то есть устойчивость, так как текст пословицы, как правило, редко изменяется; устность, так как пословица более других жанров связана с устной, разговорной речью. В краткой и сжатой форме пословица передает итог длительных и внимательных наблюдений над жизнью, содержит совет или поучение. В пословицах отражены и социальные противоречия прошлых веков, для них характерны противопоставления «крестьянин – помещик», «бедняк – богач», «крестьянин – поп» и т.д. Хотя традиционно отмечают, что пословицы всегда дают резкую оценку представителей привилегированных сословий или социальных групп, отдельные источники свидетельствуют о другом². Различие между пословицей и поговоркой в том, что пословица – это суждение, а поговорка – устойчивое выражение. В отличие от пословиц (и поговорок), сказки выполняют эстетическую функцию – они рассказываются для развлечения и поучения. Спектр сказок широк – волшебные, о животных, бытовые. Именно в бытовых сказках отражена власть помещика над крестьянами³.

В качестве основных источников взяты 42 русские пословицы (поговорки) о барине и мужике, собранные, обработанные отшельником Мери-Хови и изданные в 1882 году⁴, 32 русские пословицы (за вычетом украинских и белорусских) о барине, собранные Н.Л. Бродским в юбилейном издании «К воле. Крепостное право в народной поэзии» 1911 года⁵, двухтомник «Пословицы русского народа» В.И. Даля, изданный в 1862 году⁶. Примечательно, что Даль при классификации собранных им пословиц не выделил в отдельную категорию пословицы, посвященные помещику. В качестве основного источника при анализе сказок был взят сборник русских народных сказок «Барин и мужик», составленный и изданный Ю.М. Соколовым в 1932 году в издательстве «Академия» и содержащий 60 сказок⁷.

Из 75 рассматриваемых пословиц и поговорок только в 7 (0,9%) имеются положительные, порой высокопарные, суждения о помещике, его предназначении, и отражены они в издании отшельника Мери-Хови. В собраниях пословиц и поговорок В.И. Даля и

Н.Л. Бродского таковые отсутствуют. Собственно, это и подчеркивает определенную традицию рассматриваемого фольклорного жанра – критику помещичьей жестокости, жадности, глупости и спеси. Тем не менее, нельзя отрицать возможность того, что имелись и имеются пословицы с позитивными суждениями о барине, но они не нашли еще своего места в опубликованных источниках или не известны широкому кругу исследователей. Удивление вызывает отсутствие подобных пословиц и поговорок у Даля и Бродского, вряд ли они не знали о сборнике отшельника Мери-Хови, напечатанном в столичной типографии. Тем более что во всех трех рассматриваемых источниках (с определенной поправкой на В.И. Даля) есть повторения пословиц и поговорок, но только тех, где помещик показан исключительно с негативной стороны.

Мери-Хови из «добрых» пословиц в адрес барина на первое место поставил пословицу «На Руси, дворянин, кто за многих один»⁸, тем самым показывая двойное дно социального статуса благородного: с одной стороны, он представлял служилое сословие и его главной обязанностью была защита Отечества, с другой, – он отец своим «детям» – крестьянам. Вторая часть пословицы – «...кто за многих один» – несет главную смысловую нагрузку, то есть дворянин является во всех смыслах защитником своих крестьян. Следующие пять пословиц и поговорок посвящены теме естественности и правомерности социальной подчиненности крестьян помещику, так как его образованность, ум и доброта являются гарантией «красных дней» крестьян. Звучат они следующим образом: «Из доброго помещика – дух вон, из крестьян – красные дни», «Барская милость – Божья роса», «С боярами знаться – ума набираться», «Кабы не барский разум, да не мужицкая простота – все бы пропали», «Вольному – просторней, барскому – спокойней»⁹.

Сама суть данных пословиц, поговорок и их смысловая нагрузка свидетельствуют о том, что сочинены они были в эпоху крепостного права и восхваляли доброго, щедрого помещика. Несомненно, определенную роль здесь играло социопсихологическое восприятие крестьянами «благородного» как человека, сделанного «из другого теста». Несмотря на наличие других спектров восприятия барина, порой исключительно негативных, и в поре-

форменный период магия «породы» оставалась неотъемлемой частью крестьянского сознания. Известный этнограф О.П. Семенова-Тян-Шанская в данной связи показала всю сложность социально-психологического восприятия крестьянами помещика: «Но более всего не любят, конечно, кулаковатых дворян. Таким уж ничего не прощают, поджигают их и мстят им решительно за все, если не очень боятся их связей с властями, а в те минуты, когда между крестьянами и таким кулаком отношения мирные, редкий “Иван” не думает, или не говорит, что не барское дело входить во всю подноготную хозяйства. Тут психология “Ивана” довольно сложная; с одной стороны, он не уважает барина, за то, что он не умеет обращаться с землей и трудиться над ней по-мужицки, а, с другой, – величие барина. Очевидно, существует крестьянское эстетическое представление о барине, как о противоположности роющемуся в навозе купцу или мужику»¹⁰.

В данной категории пословиц и поговорок отдельно стоит поговорка «Хоть лыком шит – да барин!» Ее смысл можно трактовать двояко. На первый взгляд, это ирония, и сама поговорка относится к бедному, разорившемуся помещику, но с показушной барской спесью. Однако, вероятнее всего, в данной поговорке отражена суть крестьянских представлений о мелкопоместном дворянине, который, хотя и беден, но от рождения благороден и призван владеть «крещеной собственностью». С.Н. Терпигорев (С. Атава) в рассказе «Дворянин Евстигней Чарыков» из цикла «Потревоженные тени» показывает восприятие крепостными крестьянами «барского величия» мелких помещиков: «Проезжая, мы видели некоторых из владельцев, расхаживающих у себя по двору в красных рубахах, совсем как кучера, или в широких грязных парусинных пальто, как старые повара, дворецкие отставные и прочие заштатные дворовые. Видали и их жен вдали, сидевших в усадьбе или на берегу, окруженных бедно и грязно одетыми детьми.

Но все они живо чувствовали себя дворянами, потому что мужики их, вообще их крепостные, как мы видели это из кареты, стояли перед ними без шапок, а они, напротив, расхаживали и сидели с важностью, не забывая своего достоинства»¹¹.

Подводя итог рассмотрению «положительных» пословиц и поговорок по отношению к барину, необходимо отметить, что у части бывших крепостных крестьян уже после реформы 19 февраля 1861 года сам институт крепостничества находил оправдание и объяснение. Крупный деятель казанского земства Н.А. Мельников, вспоминая свою беседу в 14-15-летнем возрасте со старым бывшим крепостным своего деда Фомой Ивановичем, подтверждает это: «Я высказал недоумение по поводу того, как это было возможно, чтобы один человек безраздельно владел другим, и доказывал, что такое владение противостоит естественному и безнравственному. “Нет, соколик, не так все это”, – ответил Фома Иванович. “Верно ты сказал, что Господь сотворил человека свободным, да только не та эта свобода, про которую на бумаге печатают, да на перекрестках кричат. Настоящая свобода Адаму праотцу была дана. Не оправдал он Божьего дара, ослушался Господа. С тех пор только на небе свобода осталась, и мы узнаем ее на том свете. На земле же все рабы либо друг другу, либо самим себе. Я, примерно, дедушке твоего был раб, он – царским рабом, царь трону своему раб, а все мы вместе рабы перед Господом Богом. И позора в рабстве я не вижу никакого”»¹². Вероятно, именно у части крестьян с подобной философией жизни и рождались вышеуказанные пословицы, поговорки.

В подавляющей части пословиц и поговорок помещик показан жестоким, мстительным, жадным и белоручкой. Такое восприятие свидетельствует о сословной и социопсихологической пропасти, пролежавшей между помещиком и крестьянином, представлявшими собой по сути два антимира, сведенные вместе в рамках поместья. При этом у каждого из них была своя сословная специфика представлений о добре и зле, богатстве и бедности, чести и позоре и т.д. Г.Ф. Парчевский справедливо отмечает: «Выработанный к началу XIX века неписанный кодекс дворянской чести игнорировал “низкую” примитивную мещанскую честность, как и все заурядные добродетели, и признавал существенную важность лишь за “высокой честностью”, рыцарской доблестью, трактуемой в духе безоглядного утверждения собственной исключительности, шляхетского достоинства, которое очень часто не отличалось от надменности и самолюбования»¹³. Разговор двух «неслышавших»

нашел отражение и поэзии. Например, в написанном И. Якуниным в 1872 году стихотворении «Барин и нищая» четко проиллюстрирована несовместимость двух мировоззрений:

– Подай мне, батюшка, на хлеб,
Старуха я больная; За то, Христос
тебя спасет И мать его святая!..

– Меня из дому выгнал сын,
Напрошенный снохою;
Самим им стало худо жить;

– И я пошла с сумою...

– «Но там у вас, говорят,
Поля и лес – красивые,
Пасутся тучные стада
И так богаты нивы».

– Грешно тебе, родимый мой,
Смеяться над старухой!
В полях у нас один песок,
А лето было сухо...

– «Положим, так; зато, у вас
Есть воздух ароматный,
Живете все по сто лет,
Здоровьем так богаты»¹⁴.

Эта социально-психологическая непроницаемая стена наиболее отчетливо отражена в народных пословицах о добре и зле, где барская ласка воспринимается с определенной настороженностью, что указывает на приоритет барского непонимания и жестокости, в частности: «Панская ласка ни коляска: не сядешь и не поедешь»¹⁵, «Не кори барин слугу хлебом, а слуга барина бегом (т.е. работой)»¹⁶. В следующих пословицах и поговорках хотя и не говорится о помещике прямо, но из самой сути их очевидно, что речь идет о барской «милости»: «Не бей мужика дубьем, бей его рублем», «Жилы рвутся от тяжести, слезы льются от жалости», «Сжалился волк над ягненком, покинул кости да кожу», «Кобыла с волком тягалась: один хвост да грива остались». А вот прямое указание на равнозначность барской милости и гнева: «Боярский гнев, да барская милость – равны опасны»¹⁷. Данные пословицы и поговорки

свидетельствуют о том, что в крестьянском сознании существовали устойчивые представления о двоякости помещичьей добродетели, где, наряду с добрым словом, имели место действия репрессивного характера.

Барское и крестьянское понимание сущности добра и зла было различным, особенно отчетливо это проявлялось в эпоху крепостного права. Барон Н.Е. Врангель, вспоминая своего отца Егора Ермалаевича, как бы в подтверждение данной мысли указывал: «Крестьяне его жили богато, процветали, а дворовые были хорошо одеты, хорошо обуты и сыто накормлены. Но попечения его о счастье рода людского имели объектом только физического человека. Как и большинство его современников, он смотрел на людей исключительно как на существа только телесные. О том, что у человека, помимо его тела, есть душа, он не догадывался, а если и подозревал, то, вероятно, смотрел на это как на «дурь», «на блажь», на «фанаберию», как на что-то запретное и вредное, чему потакать не следует и с чем нужно бороться. Но вернее всего он над “такими пустяками” не задумывался»¹⁸.

Барон особо подчеркивает, что помещики видели в крепостных исключительно физические существа, необходимые для выполнения определенного круга обязанностей. Поэтому крестьяне не воспринимали эпизодические проявления барской милости как что-то постоянное и имеющее реальное нравственное начало. Разница в понимании сути добра и зла помещиком и крестьянином сохранилась и в пореформенный период. Сословно-корпоративные ценности, традиции, чувство сословной исключительности не могли исчезнуть у поместных дворян в одночасье. Н.П. Ржевская в своих мемуарах с сожалением описывает отношения своего отца – П.С. Ржевского, рязанского помещика – с собственной дворней уже после отмены крепостного права: «Один раз он позвал огородника Фирсана и стал его о чем-то спрашивать, тот отвечал как-то невпопад. Отец размахнулся и ударил его кулаком так, что тот упал на каменное крыльцо без чувств и облил кровью все плитки. Другой раз к нему подошел старенький повар, он был именинник и немножко пьян. Принес десяток яиц и, подавая отцу тарелку, умильно произнес: «Я нынче именинник, примите это в дар». Но

отец спустил его с лестницы в 17 ступенек, и несчастный старик тоже упал без чувств, обагрив всю лестницу и противоположную стену кровью»¹⁹. Здесь, естественно, отражается взрывной, неуравновешенный характер барина, но нельзя отрицать и укоренившиеся привычки физического воздействия на бывших крепостных у определенной части помещиков. Примечателен же в данном отрывке факт непонимания помещиком дворянином желания одного из дворян сделать ему подарок, в этом он усмотрел оскорбление барского достоинства. Доброе стремление одного вызвало ярость у другого. Подобное поведение помещиков и могло привести к рождению поговорки «Пан, а псу брат!»²⁰.

В отдельной категории пословиц и поговорок, касающихся барской власти, выражено крестьянское отношение к социальной природе «помещика-белоручки». К ним относятся: «Зажить бы паном – все придет даром», «Земля любит навоз, конь овес, а бояре – принос»²¹, «Барин говорит горлом, мужик – горбом», «Мужицкими мозолями и бары сыто живут», «Белые ручки – чужие труды любят», «Бары крупчатые, да сдобные, а мужики – ржаные, да с закалом», «Дворянский сын – с погляденья сыт»²². Смысловый диапазон народных пословиц и поговорок настолько широк, что весьма трудно отнести ту или иную пословицу (поговорку) к определенной содержательной категории, она все равно оказывается шире предполагаемой классификации. Так, выбранные пословицы и поговорки о барине-белоручке можно также классифицировать как повествующие о тяжелой крестьянской доле, изначальной социальной несправедливости и просто жадности помещика. Но, тем не менее, они в большей степени отражают народные представления о барине, который ничего не делает, ничего не умеет, а ждет только «принос». В то же время, мысль о том, что барин – полновластный господин своих крестьян, принимает в них законченную форму, по сути являясь утверждением, не требующим каких-либо объяснений, а воспринимаемым как должное, хотя и с явной горечью. Здесь уместно вспомнить высказывание О.П. Семеновой-Тянь-Шанской о крестьянском эстетическом представлении о барине как о полной противоположности крестьянину, роющемуся в навозе.

В рассматриваемом жанре народного фольклора особое место занимают 4 поговорки, вероятно, сочиненные в дореформенный

период, которые содержат угрозы: «Мужик-дурак: ты его кулаком, а он тебя топором», «Мужик не ворона, у него есть и оборона!», «Панов много таких, – не перевешаешь и до Москвы»²³, «Были, были и бояре волком выли»²⁴. Хотя Н.Л. Бродский третью поговорку поясняет так: «Говорят насмешливо на счет шляхтичей, не имеющих крестьян и своими руками обрабатывающих землю»²⁵, – это вряд ли соответствовало действительности. Словосочетание «не перевешаешь и до Москвы» однозначно указывает на чрезмерную степень социального антагонизма, который не мог быть между помещиком, у которого не было ни одной ревизской души, и крепостными крестьянами. Скорее всего, здесь речь идет о мелкопоместных дворянах, которые и составляли большинство помещиков. Именно в хозяйствах этих помещиков эксплуатация крепостных крестьян достигла своего апогея. М.Е. Салтыков-Щедрин акцентировал на этом внимание: «Непосильною барщиной мелкопоместный крестьянин до того изнурялся, что даже по наружному виду можно было сразу отличить его в толпе других крестьян. Он был и испуганнее, и тощее, и слабосильнее, и малорослее. Одним словом, в общей массе измученных людей был самым измученным. У многих мелкопоместных мужик работал на себя только по праздникам, а в будни – в ночное время. Так что летняя страда этих людей просто-напросто превращалась в сплошную каторгу»²⁶.

Появление поговорок-угроз, по всей вероятности, было отражением каких-либо реальных событий, связанных с крестьянскими волнениями, когда дело доходило до убийства помещиков. В материалах отчетов Департамента полиции МВД ежегодно регистрировали не только случаи крестьянских волнений, но и факты покушений на убийство или убийства крестьянами своих помещиков. Так, с октября 1852 года по январь 1854 года в России таких случаев было отмечено 15²⁷. Подобные факты сразу вызывали резонанс в помещичьей среде. Если бы это не было связано с реальными событиями, в рассматриваемых поговорках вряд ли указывались бы конкретные орудия и способы убийства помещиков, а словесная форма не выглядела бы настолько агрессивной.

Переходим к рассмотрению в рамках избранной проблемы следующего жанра народного фольклора – сказок.

В русской фольклорной прозе есть два многожанровых вида – проза сказочная и несказочная. Отличает их то, что они выполняют разные доминантные функции: сказочная проза – функцию эстетическую (сказки рассказываются для развлечения и поучения), несказочная проза – информативную (поэтому ее называют прозой достоверной). Сказки, в свою очередь, обычно делят на три основные группы – сказки о животных, волшебные и бытовые. Их объединяет один признак: речь идет о выдуманном и невозможном²⁸.

Рассматриваемая социальная связка «барин – крестьянин» отражена, в основном, в бытовых сказках; в них воспроизводятся картины обыденной жизни – без чудес, характерных для волшебных сказок, и без комического маскарада, свойственного сказкам о животных. Основная составляющая сюжетной композиции данных сказок – отгадывание загадок – представляет собой испытание мудрости, житейских познаний, опытности, быстроты ума и его гибкости. И здесь традиционно торжествует «низкий» герой: девушка-крестьянка или сообразительный мужик оказываются мудрее барина. Можно сказать, что в таких сказках «воплотилась наивная мечта народа о “справедливом” перераспределении богатств и сословных привилегий по уму и личным достоинствам»²⁹.

Ю.М. Соколов в своем сборнике русских народных сказок, объединенных одной темой – «барин и мужик», собрал 60 произведений сказочной прозы. Учитывая несомненную актуальность для помещичьих крестьян проблемы ежедневного общения с помещиком или его представителями, можно отметить сравнительно небольшое количество записанных сказок о русском помещике. Например, о попе и мужике их значительно больше. Соколов, несмотря на идеологическую специфику времени написания предисловия к указанному сборнику (1931 год), в целом, справедливо отмечал: «Нужно заметить и по поводу сказок о барах, что мы располагаем материалом, значительно меньшим, чем это было в свое время в реальной действительности. Причин этому несколько. Одна из них – притом, думается, главная – классовый состав собирателей сказок в ту эпоху, когда сатирические сказки о барах должны были быть особенно актуальны, т.е. в первой половине и в середине XIX в. Собиратель, дворянин-помещик, как бы либерален он ни

был, естественно, не мог сам с нарочитым интересом относиться к собиранию мужицких сказок о барах-помещиках, а с другой стороны, и крестьянин-сказочник не имел, надо полагать, также большого желания рассказывать собирателю-помещику сказки с подчеркнутой классовой противодворянской тенденцией»³⁰. Соколов не без основания отмечает, что между интеллигентом – собирателем фольклора – и крестьянином, носителем фольклорной традиции, вряд ли в периоды коротких встреч могли наладиться настолько доверительные отношения, чтобы антипомещичьи настроения были продемонстрированы представителем «низов» со всей откровенностью. В крестьянском сознании любой интеллигент из города ассоциировался с человеком «голубой крови», находящимся у власти или близко стоящим к ней. Реальной критики или сарказма в адрес помещиков в большей части случаев нельзя было услышать. Поэтому, вероятно, определенное число сказок, как и пословиц (поговорок), о барине и помещичьей власти не дошли до нас в записи.

Из 60 рассмотренных произведений сказочного цикла о барине, по классификации Ю.М. Соколова, 8 (13,3%) повествуют о барской жестокости, 11 (18,3%) – о помещичьей жадности, 12 (20%) – о барской спеси, 3 (5%) посвящены барскому безделью и 23 (48,4%) – барской глупости³¹. Наибольшее число сказок в рамках данного цикла посвящено барской глупости, в них высмеивается отсутствие у помещиков хозяйственной, бытовой смекалки, знания природных реалий и демонстрируется превосходство крестьянской житейской хватки и ума. Пусть хотя бы в сказочных реалиях крестьянин помыкает помещиком, доказывая столь своеобразным образом, что он не «двуногая скотина» и не «крещеная собственность», а личность с серьезными социальными ожиданиями, претензиями. По смыслу данная категория сказок очень близка к сказкам, где демонстрируется барское безделье.

В первом цикле сказок о барине отражены наиболее распространенные «добродетели» помещиков – жестокость, самодурство. Моральные критерии помещика по отношению к крепостным регулировались способностью или неспособностью первого видеть в своем крестьянине человека, пусть и стоящего на нижней ступени социальной лестницы. Если помещик видел в крепостном крестья-

нине только объект для интенсивного добывания материальных и других благ, он переходил нравственную границу разумной достаточности, которая порицалась верховной властью³².

В самом начале сказки с характерным названием «Сердитая барыня» дается традиционная картина жестокости помещиков: «В усадьбе была барыня, и до того была сердитая, – никому житья не было. Эта староста как придет утром спросить, что наряд дать какой, – она его не отпустит, так что отхвостнет. А мужикам-то житья не было никакого: драла, как собак»³³. Благодаря сказочному вымыслу, на помощь крестьянам приходит солдат, который хитростью меняет местами барыню и крестьянку, приучает первую к трудовым будням, через лишения и тяготы крестьянской повседневности «перевоспитывает» её. Именно в этом и заключалась мечта крестьян: заставить бар на «собственной шкуре» испытать неволю и систематический, изматывающий труд. В сказках «Барин и собака», «Барин и плотник», «Как казак проучил барина-самоуправника» крестьяне и казак хитростью оставили жестокого барина самого в дураках, тем самым показывая, что в крестьянской подневольной жизни ум, смекалка, расчетливость могут стать серьезным оружием против барина-самодура. Сюжет сказки «Разбойник Тришка Сибиряк» навеян, вероятно, определенными литературными произведениями, в частности «Дубровским» А.С. Пушкина. Разбойники, стоявшие за народ и наказывавшие бессердечных помещиков, являлись популярными персонажами русских народных сказок. Это лучше всего отражено в последнем абзаце указанной сказки, где сконцентрировано «жизненное кредо» Тришки Сибиряка: «Никого Тришка Сибиряк не обижал крепко, разве какого барина, лихого до крестьян, что раз поучит, не послушает, – другой раз поучит; в толк не возьмет, так такому лихому под коленками жилки подрежет, – “чтобы не оченно, говорит, прытко бегал!”»³⁴. Здесь выражена надежда на то, что управа найдется на бар и из народной среды, доказательством чего являлись благородные сказочные разбойники. Быль «О барах», где рассказано об убийстве крестьянами помещика Шидловского, вряд ли можно отнести к сказочному жанру. В рассматриваемом контексте примечательна сказка «Жалостливая барина», в ней помещица жалеет не собствен-

ных крестьян, а собак и котов³⁵. Крестьяне таким образом подчеркивали, что в ряде случаев для бар собаки были дороже людской души. Крестьян нередко пороли поголовно³⁶, а барских лошадей и собак лелеяла многочисленная дворня. В сказке «Великий грешник» умерший барин, чтобы попасть на небеса, вынужден был заступиться за крестьян и убить жестокого надсмотрщика.

Цикл о барской жадности вобрал в себя 11 сказок, объединенных, фактически, одной сюжетной линией – барину его богатств мало, и он всеми способами старается еще больше обобрать крестьян. Наиболее рельефно это показано в сказках «Липунюшка», «Барин-кузнец», «Как мужик с барином обедал», «Хитрый мужичок», «Жернов и певун», «Чудесный бочонок»³⁷. Здесь отчетливо прослеживается мысль, что те, кто постоянно работают (крестьяне), ничего не имеют, а барин, ничего не делающий, имеет все.

Хитрый крестьянин, обычно, к концу сказки богатеет за счет барина, и таким образом, хотя и в сказочном мире, сбывается мечта крестьян о справедливом перераспределении богатств. Так, например, заканчивается сказка «Как на том свете работник скупого барина вызволял»: «Ужахнулся барин и все золото отдал своему работнику. А работник пошел в избу, перекинул через голову торбину с кусовьем, а она в бабу обратилась. А потом они обвенчались. Тут и сказке конец»³⁸.

Следующая группа сказок объединена темой барской спеси, чванливости и имеет анекдотический характер. В них мужик, играя на гипертрофированной сословной чванливости барина, благодаря собственной смекалке, из этой спеси извлекает собственную выгоду («Чего на свете не бывает», «Как парень у барина деньги выиграл», «Мужик и барин»). Явно к концу дореформенного периода или к началу пореформенного относится группа сказок о разорившемся мелком помещике, имеющем еще власть над крестьянами и всячески ее подчеркивающим («Бедный барин и мужик», «Один слуга у двоих господ», «Барин-бедняк») ³⁹. Такое несоответствие сословных претензий и реального положения дел в мелкопоместной усадьбе вызывало насмешки у крестьян. Вероятно, именно в это время в крестьянской среде и родилась пословица: «Што сталося с панами? Бувало один пан едет на шести конях, а теперь шесть

панов едут на одном коне»⁴⁰. Современники отмечали пренебрежительное отношение крестьян в первые пореформенные десятилетия к низшим подгруппам мелкопоместной страты: «Дорога от Самары до Старого Буяна имеет живой, веселый вид... Но вот вдоль дороги, то там, то сям показываются какие-то странные домики. Одиноко, сиротливо стоят они в открытом поле. Не видать вокруг них ни сада, ни зеленой ветлы; нет даже плетней, нет сараев, без которых немислима никакая крестьянская хата.

Печать беспомощности лежит на этих странных домиках; их крыши из старой прогнившей соломы растрепаны, точно всклокоченные мужицкие головы; трубы покривились и еле-еле держатся. Стекла во многих окнах выбиты, а двери заткнуты грязным тряпьем. Словом, все говорит о горькой нужде, о бесприютности.

Чьи эти хаты? Кто тут живет? – спрашиваю ямщика.

Здесь-то?.. Панки. Панки, сударь, живут!

Я в первый раз слышу это слово.

Какие такие панки?

Панки-то?.. Неужто не слыхал? – удивляется ямщик. – Панки, стало быть ... выходит, вроде как дворяне, или, примерно скажем, господа, помещики. Все единственно! – говорит ямщик и в тоне его голоса звучит скрытая, сдержанная ирония»⁴¹.

Разорение и обнищание поместных дворян, в первую очередь низшей страты, проходило на глазах крестьян, и это находило отражение в народных сказках, пословицах, поговорках.

В четвертую группу можно объединить сказки о барском безделье и глупости. На наш взгляд, разделение их Ю.М. Соколовым на два разных цикла искусственно, так как и в крестьянском сознании безделье и глупость почти синонимы. В содержательном контексте их также трудно разделить: когда в сказке говорится о безделье, обязательно подчеркивается барская глупость и наоборот.

Данный цикл сказок связан, в первую очередь, со сферой социальной психологии крестьян, где барской сословной исключительности, образованности и безделью противопоставляются крестьянский труд, хозяйская смекалка как прямая жизненная необходимость («Солдат и барин», «Про нужду»). В них отчетливо прослеживается мысль, что если бы не было крестьян, то не было бы и

бар, с их причудами, капризами и ничегонеделаньем. В сказках «Как барин лошадей из тыкв высиживал», «Как барин телился», «Коза», «Как мужик убил барина в дороге», «Барин ищет счастливого места» и ряде других традиционное барское безделье породило барскую глупость как следствие полной оторванности от реальной хозяйственной деятельности⁴². Сметливый крестьянин, пользуясь этим, решал свои проблемы с баринком, который готов был и из тыквы лошадей высиживать. Таким образом, крестьяне подчеркивали полную оторванность барина от земных насущных проблем, считали, что его удел – парить в облаках, предаваясь своим странным мечтаньям, капризам.

Крестьянские смекалка и хитрость, восхваляемые в сказках и пословицах, не всегда являлись «оружием» против барского деспотизма и жадности. Нередко крестьянская житейская изворотливость была направлена на неприкрытое «объегоривание» помещика с целью получения тех или иных благ. В этом случае в ход нередко шла откровенная ложь. Особенно это было характерно для пореформенного периода. Два социокультурных антимира в русской деревне продолжали сосуществовать рядом, не понимая и не принимая взаимно социопсихологические ценности друг друга. К.Д. Кавелин по этому поводу отмечал: «Самое же главное и прискорбное то, что большинство помещиков не могли или не умели помириться с прекращением крепостного права и необходимостью начать жить с бывшими крепостными как с свободными и равноправными соседями. Расстроенные свои дела большинство старалось по возможности поправить разными экономическими прижимками крестьян и рабочих, и тем значительно ухудшили прежние, и без того не совсем дружелюбные отношения, вытекавшие из крепостной зависимости»⁴³. А.И. Кошелев развивает эту мысль: «Итак, недостаток правды в нашем быту вообще не подлежит никакому сомнению, но отчего это происходит?

От того ли, что мы по природе неправдивы, или от того, что мы таковыми стали вследствие обстоятельств, при которых отцы наши и мы жили и при которых мы и ныне обретаемся?..

Первым, самым действенным из этих обстоятельств есть, конечно, крепостная зависимость, тяготевающая, в продолжении многих

веков, на русском народе, проникая во все проявления и отправления его жизни, и еще далеко не вполне у нас отмененная. Владение одних людей другими было злом не частным, касавшимся одного или двух состояний и только в известных каких либо отношениях портившим их нравственность. Нет, это было злом, искажавшим нравственность всех состояний. При существовании в обществе лжи, допускавшей принадлежность одного лица другому, узаконившей право последнего распоряжаться судьбою первого и его семейства и безнаказанно наносить им всякие обиды; и при господстве произвола над законом, – могла ли в чем либо быть правда?»⁴⁴.

Кавелин и Кошелев точно подметили два существенных аспекта в крестьянском сознании – отсутствие «дружественности» к помещику и присутствие откровенной фальши в совместной повседневной практике, что являлось наследием отношений крепостной эпохи. Поэтому, скорее всего, в пореформенный период пословицу «Родом – дворянин, а делом – жидовин»⁴⁵ нельзя понимать буквально, как характеристику помещичьей сверхжадности. Пореформенная перестройка дворянских хозяйств требовала от их владельцев деловой аккуратности и бережливости, что не всегда позволяло пролиться щедрому дождю определенных милостей на крестьян, которые в ожидании его придумывали «разные разности». О.П. Семенова-Тян-Шанская подтверждает эту мысль: «В глубине души крестьяне, мне кажется, предпочитают землевладельцев из дворян. Вероятно, чувствуют и понимают, что такие землевладельцы “в общем” относятся к ним человечнее и лучше. “Добрых” помещиков крестьяне, конечно, не прочь поэксплуатировать, не говоря уже о том, что всегда ждут от них подачки.

Иногда придут к какому-нибудь новичку помещику, помнутся у крыльца и, взяв какого-нибудь лекарства, просто напросто говорят: “А не пожалуете ли чего?” Иногда просто сочиняет или присочиняет чего-нибудь относительно своей нужды, чтобы получить побольше подачку. Помимо всего этого крестьяне, по большей части, насмешливо относятся к помещикам-дворянам, к их хозяйственным способностям; совсем в них не верят»⁴⁶.

Очень важную информацию несет в себе ее следующее наблюдение: «По мнению крестьянина, в том именно и заключается

смысл быть богатым, – не считать грошей и не марать своего барского достоинства около мелочей хозяйственного обихода, оно, кстати, ему, “Ивану”, и выгоднее, когда барин такой»⁴⁷. Хозяйственный помещик не мог стать для крестьян «источником» добытия каких-либо материальных благ в виде подачек или возможности работать на помещика спустя рукава. Это и вызывало у крестьян к таким помещикам открытую неприязнь, они исходили из принципа – «благородный, а в навоз лезешь, чего-то копаешь». С точки зрения крестьян, хозяйственная дотошность не входила в помещичьи добродетели и противоречила барской статусности⁴⁸. С другой стороны, у части «капиталистских» крестьян чувство стяжательства нередко расходилось с нравственными устоями общества, когда новый хозяин жизни разорял любыми способами не только соседа-помещика, но и закабалял ближайšie крестьянские округа. П.В. Засодимский в рассказе «Черные вороны» показывает обобщенный образ такого крестьянина пореформенной поры: «...Ермил Иванович никого и ничего не боялся. Он, например, смеясь, прямо говорил, что “лешего старые бабы со скуки выдумали, на печи лежат”. Для Ермила Ивановича не было никакого удержу. Правда, он ходил в церковь и становился за обедней впереди всех, у правого клироса; но только он все это проделывал “ради прилику”, а вовсе не в силу внутреннего побуждения. Искренно и задушевно Ермил поклонялся одному божееству – “золотому тельцу”».

К местным чиновникам – властям Большухин относился даже с большим презрением.

– Куплю и продам всякого! – говорил он однажды писарю навеселе, хлопая себя по карману. – Захочу: они для меня такие законы напишут, что ваш “мир” только ахнет! Вот что!..»⁴⁹.

Другими словами, пореформенные барские жадность и спесь, выраженные в народных сказках, пословицах и поговорках, не всегда отражали реальный характер взаимоотношений помещика и крестьянина, так как представления о честном слове, милосердии, щедрости у них имели ярко выраженную собственную сословно-корпоративную суть.

Подводя итог, можно констатировать, что народный фольклор, в частности пословицы, поговорки и сказки, является ценным

источником для изучения повседневных контактов помещиков с крестьянами. При этом их содержательная часть позволяет с большой долей вероятности определить время их создания – дореформенный или пореформенный период. Проведенный анализ показывает, что в части дореформенных пословиц (поговорок) дворянин-помещик ассоциируется с воином – защитником родной земли, с другой стороны, он покровитель своих крестьян: его образованность, ум и доброта являлись гарантом благоденствия крепостных. В общем количестве произведений данного жанра народного фольклора число таких пословиц невелико. Основная же часть народных сказок, пословиц и поговорок четко отражает существование в русской деревне двух социопсихологических, культурных антимиров – помещика и крестьянина, где последний видит в первом исключительно эксплуататора, бездельника, жадного до крестьянского добра, бесплатной рабочей силы. В отдельных сказках, пословицах отчетливо просматривается стратификационная структура помещиков. В частности, особо выделяются мелкопоместные дворяне. Все это вместе взятое дает возможность более детально исследовать природу крестьянских представлений о помещике, вотчинной власти.

Примечания

1. *Костюхин Е.А.* Лекции по русскому фольклору. М., 2004. С. 9-10.
2. Сборник пословиц, поговорок, примет и проч. (Русско-народная философия) /сост. отшельник Мери-Хови. СПб., 1882.
3. *Костюхин Е.А.* Указ. соч. С. 132.
4. Сборник пословиц, поговорок, примет и проч. С. 113-114.
5. К воле. Крепостное право в народной поэзии / сост. *Н.Л. Бродский.* СПб., 1911.
6. Пословицы русского народа / сост. *В.И. Даль.* Т. 1-2. М., 1984.
7. Русские народные сказки. Барин и мужик / ред. *Ю.М. Соколов.* М.; Л., 1932.

8. Сборник пословиц, поговорок, примет и проч. С. 113.
9. Там же.
10. *Шнейдер В.П.* Памяти Ольги Петровны Семеновой. СПб., 1908. С. 15-16.
11. *Тертигорев С.Н. (Атава С.)*. Потревоженные тени. М., 1988. С. 270.
12. *Мельников Н.А.* 19 лет на земской службе. Йошкар-Ола, 2008. С. 28.
13. *Парчевский Г.Ф.* Карты и картежники: панорама столичной жизни. СПб., 1998. С. 92.
14. *Якунин И.* Барин и нищая // Беседа. 1872. V. С. 310-311.
15. К воле. Крепостное право в народной поэзии. С. 156.
16. Пословицы и поговорки русского народа / сост. *В.И. Даль*. Т. 1. С. 94.
17. Там же. С. 94-98; Сборник пословиц, поговорок, примет и проч. С. 114.
18. *Барон Врангель Н.Е.* Воспоминания: от крепостного права до большевиков // Бароны Врангели. Воспоминания. М., 2006. С. 30-31.
19. *Ржевская Н.П.* Личные воспоминания и все слышанное. Тула, 2010. С. 98-99.
20. К воле. Крепостное право в народной поэзии. С. 156.
21. Там же. С. 155.
22. Сборник пословиц, поговорок, примет и проч. С. 114.
23. К воле. Крепостное право в народной поэзии. С. 156.
24. Сборник пословиц, поговорок, примет и проч. С. 114.
25. К воле. Крепостное право в народной поэзии. С. 156.
26. *Тарасов Б.Ю.* Россия крепостная. Серия «Тайны Российской империи». М., 2011. С. 103.
27. Материалы для истории крепостного права в России. Извлечение из секретных отчетов Министерства внутренних дел за 1836-1856 гг. М., 2010. С. 228.
28. *Костюхин Е.А.* Указ. соч. С. 92-93.
29. Там же. С. 130.
30. Русские народные сказки. Барин и мужик. С. 9.
31. Там же. С. 29-181.

32. *Шаповалов В.А.* Дворянство Центрально-Черноземного региона России в пореформенный период. М.; Белгород, 2002. С. 127.
33. Русские народные сказки. Барин и мужик. С. 29.
34. Там же. С. 46.
35. Там же. С. 47-55.
36. Трансформация провинциальной повседневности в условиях модернизационного развития России во второй половине XIX – начале XX вв. / отв. ред. *В.А. Шаповалов, И.Т. Шатохин*. Белгород, 2011. С. 46.
37. Русские народные сказки. Барин и мужик. С. 64-76.
38. Там же. С. 91.
39. Там же. С. 108-110.
40. К воле. Крепостное право в народной поэзии. С. 156.
41. *Борецкой А.* Захудалое дворянство (из летних экскурсий) // Русская мысль. 1882. Кн. XII. С. 339-340.
42. Русские народные сказки. Барин и мужик. С. 127-179.
43. *Кавелин К.Д.* Крестьянский вопрос. СПб., 1882. С. 41-42.
44. *Кошелев А.И.* В чем мы всего более нуждаемся? // Беседа. 1871. VIII. С. 158-159.
45. Сборник пословиц, поговорок, примет и проч. С. 113.
46. *Шнейдер В.П.* Указ.соч. С. 14-15.
47. Там же. С. 16.
48. *Шаповалов В.А., Шаповалова С.П.* Трансформация представлений русского крестьянства о помещичьей добродетели в 50-90-е гг. XIX века // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». № 13 (108). 2011. Вып. 19. С. 109.
49. *Засодимский П.В.* Черные вороны // Крестьянские судьбы. Рассказы русских писателей второй половины XIX века / сост. *Ю.В. Лебедев*. М., 1986. С. 476.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Накануне отмены крепостного права владения помещичьих дворян Центрального Черноземья доминировали в сословном фонде земель, уступая по площади лишь казенным землям. Это было обусловлено сословной привилегией потомственных дворян – правом монопольного владения населенными землями.

В дворянском земельном фонде лидирующее положение занимали земельные владения крупных помещиков. Земельная собственность среднепоместных дворян была незначительной, но она имела явную тенденцию к росту. Площадь земель мелкопоместного дворянства быстро сокращалась, главным образом, за счет внутрисословного перераспределения земель. В 40-50-е гг. XIX в. в центрально-черноземных губерниях касательно урожайности зерновых наметились две противоположные тенденции, например, рост в хозяйствах воронежских дворян и сокращение в имениях курских помещиков. В целом по региону взяла верх тенденция к сокращению урожайности. Система хозяйствования, в большей части дворянских имений основанная на крепостном труде, привела их к экономическому застою и упадку. В первую очередь это касалось хозяйств представителей средних и нижних страт помещиков.

К 1861 году 2/3 дворянских имений Центрального Черноземья были заложены в кредитных учреждениях. В отличие от других регионов Европейской России, где в большинстве заложенных поместий было барщинное хозяйство, в исследуемом регионе большую задолженность имели оброчные имения. Они оказались сильнее втянутыми в товарно-денежные отношения.

После отмены крепостного права, когда земля стала всеобщим товаром, начался процесс «раздворянивания» частновладельческой земельной категории. Наметилась отчетливая тенденция к сокращению площади дворянской земли. В 60-е – начале 70-х гг. XIX в. данный процесс ещё не приобрел необратимого характера, и на уровне отдельных уездов и губерний наблюдалась тенденция к увеличению фонда дворянских земель. С конца 70-х гг. XIX века темп сокращения дворянских земель увеличился. К 1905 году в ряде

уездов центрально-черноземных губерний земли дворянства составляли уже менее половины частного земельного фонда.

Реформа 19 февраля 1861 года объективно изменила условия и характер хозяйствования в дворянских имениях. В начале пореформенного периода большая часть сдаваемых в аренду земель принадлежала крупным дворянам-помещикам. В мелкопоместных хозяйствах сдача земель в аренду не получила широкого распространения. Характер аренды заметно различался по губерниям. Так, в Курской губернии в имениях мелкого дворянства преобладала долгосрочная аренда, в поместьях среднего и крупного дворянства – краткосрочная, обычно на один посев. В Воронежской губернии, наоборот, в хозяйствах крупных помещиков земли арендовались на более длительные сроки. Связанная с отработками крестьянская аренда в начале пореформенного периода не получила широкого распространения. Это подтверждается тем, что земля в середине 60-х гг. XIX в. арендовалась только в каждом пятом имении. К середине 80-х гг. XIX в. площадь сдаваемых в аренду земель увеличилась. Основной формой сдачи земель стала денежная краткосрочная аренда. Исключением являлись крупные воронежские дворянские хозяйства, где на площади снятых внаем земель преобладала аренда из части урожая. В целом, по Центральному Черноземью аренда к началу 90-х гг. XIX в. имела денежный характер, что указывало на её капиталистическую основу.

В начале пореформенного периода агротехническая база и обеспеченность рабочим скотом дворянских хозяйств были явно недостаточными. Но в это же время усиливается тенденция, зародившаяся еще в дореформенный период: происходит стремительное техническое переоснащение отдельных имений, практически полное вытеснение в них крестьянского инвентаря. Относилось это в первую очередь к крупным имениям с сахарными и винокуренными заводами. В подавляющем же большинстве имений хозяйство велось с помощью отработок, что взаимно устраивало помещиков и крестьян. Помещик за отработки, особенно через зимний найм, обеспечивал себя рабочими руками на период сельскохозяйственных работ, крестьяне в условиях отсутствия денег, хотя и неохотно, но нанимались на отработки в весенне-летний период. Данные от-

работки отнимали у них время и силы, необходимые им для обработки своих наделов. Но у большей части крестьян не было выбора, они остро нуждались в ссудах зерном, деньгами и аренде земли.

К началу 70-х гг. XIX в. барщинная система в дворянских хозяйствах была практически изжита, что дало толчок для быстрой капитализации помещичьих имений.

К началу 90-х гг. XIX в. основная часть экономической запашки в дворянских хозяйствах обрабатывалась полевыми наемными рабочими и владельческим рабочим скотом. Отработочная система также еще была представлена достаточно широко. Это подчеркивает преобладание капиталистических методов ведения хозяйства в дворянских имениях Центрального Черноземья к концу пореформенного периода.

Пореформенная социально-экономическая модернизация дворянских имений нашла отражение и в переменах сословного характера в структурах местного управления, самоуправления, и в функционировании корпоративных учреждений.

К началу 1861 года дворяне-чиновники в центрально-черноземных губерниях занимали около 70% штатных единиц в структурах гражданского ведомства на губернском и уездном уровнях. По сути, занимая все руководящие посты в структурах местного управления, дворяне полностью контролировали местную администрацию. Реформа отмены крепостного права и как следствие начало либерализации межсословных отношений предопределили тенденцию к увеличению числа чиновников недворянского происхождения в структурах и учреждениях местного управления. К началу 70-х гг. XIX в. число дворян-чиновников губернского уровня уже находилось в пределах 65%. Но, в сравнении с дореформенным периодом, произошло увеличение с 80 до 90,5% числа дворян-чиновников, имевших классные чины гражданского ведомства. Это являлось показателем стремления дворян поступить на гражданскую службу, которая для многих из них была основным средством получения доходов. В то же время, в отличие от 1860 года, на 13,7% уменьшилось число штаб- и обер-офицерских чинов, находившихся на гражданской службе. Олицетворением дворянина-чиновника стал чиновник, делавший служебную карьеру изначально по гражданскому ведомству.

В уездном аппарате гражданского ведомства дворяне-чиновники находились в меньшинстве (46,8 %). Но фактически все руководящие посты в администрации уезда и уездных учреждениях были заняты ими.

К середине 90-х гг. XIX в. число дворян-чиновников губернского звена в центрально-черноземных губерниях, в сравнении с началом 70-х гг. XIX века, сократилось на 8,4%. То есть отчетливо просматривается тенденция к сокращению числа дворян-чиновников губернского уровня в общей массе чиновников. Количество чиновников, имевших воинские чины, осталось приблизительно на том же уровне, что и в начале 70-х гг. XIX века.

К концу пореформенного периода в рассматриваемом аспекте на уездном уровне наметились разноплановые тенденции. В тех уездах, где открывались высшие и средние учебные заведения, процент классных дворян-чиновников в общей массе чиновников значительно увеличился. Там, где этого не происходило, количественно доминировали чиновники недворянского происхождения. Рост числа чиновников-недворян шел начиная от нижних чинов к высшим, поэтому к концу пореформенного периода он фактически не затронул руководящие должности среднего и высшего звеньев.

Совокупность дворян каждой губернии составляла самостоятельную корпорацию – сословное дворянское сообщество. Данные сообщества для обсуждения своих корпоративных вопросов имели право созывать губернские и уездные очередные и внеочередные собрания. В дворянских собраниях могли принимать участие лишь потомственные дворяне, записанные в родословную книгу губернии. Избирательным правом они наделялись на основе имущественного ценза. Сам факт наличия и функционирования данной корпорации подчеркивал исключительный сословно-правовой статус дворянства.

Дворянские корпорации возглавлялись губернскими и уездными предводителями дворянства. В Центральном Черноземье в пореформенный период губернскими предводителями дворянства были представители высших страт крупнопоместного дворянства, в основном пришедшие на эту должность по дворянским выборам с должности уездного предводителя дворянства. В среднем, каждый

из них прослужил в данной должности более двух полных трехлетьей. Уездные предводители дворянства также принадлежали к крупнопоместному дворянству. В среднем, каждый из них прослужил в этой должности почти два полных трехлетия. На эту должность большая часть из них пришла из земских структур.

Должность дворянского предводителя в корпорации считалась весьма почетной и влиятельной. Губернский предводитель дворянства официально значился вторым лицом в губернии после губернатора, а уездный предводитель дворянства рассматривался как «хозяин» уезда. Исходя из этого, отдельные дворянские фамилии не выпускали из рук эти должности, которые в ходе выборов переходили от отца к сыну, от брата к брату и т.д. Все зависело от влияния конкретного дворянского рода в губернии или уезде.

Повсеместно в дворянских собраниях существовали отдельные противоборствующие группировки, которые в ходе выборов шли на открытое столкновение и пускали в ход противоправные «избирательные технологии». Это являлось отражением столкновений интересов как представителей отдельных страт дворянства, так и отдельных дворянских родов. На уровне уездных дворянских собраний актуальной была проблема явки его членов. В отдельных уездах сроки созыва дворянского собрания переносились неоднократно из-за игнорирования собрания большей частью его членов.

В целом, дворянская корпорация, несмотря на жесткую правовую регламентацию своей деятельности, являлась административным звеном, скрепляющим, регулирующим отношения между представителями различных страт дворянства, позволяющим напрямую выходить на верховную власть.

Центрально-черноземное дворянство приняло активное участие в формировании местного института земства, хотя отдельная его часть психологически еще не была готова к партнерским отношениям с представителями других сословий в структурах местного самоуправления. На подготовительном этапе дворяне возглавили особые временные комиссии, в задачу которых входило организационно подготовить начало работы земств. На избирательные уездные съезды в 60-70-е гг. XIX в., в среднем, прибывало около 17% дворян, имевших право голоса на выборах гласных (с участием

уполномоченных). Этот показатель в четыре раза превышал процент явки делегатов от других сословий. Поэтому вряд ли целесообразно говорить о неприятии дворянством земской реформы. Но, в отличие от среднего и крупнопоместного дворянства, мелкопоместные дворяне практически игнорировали избирательные съезды. Отсюда и относительно низкий процент явки дворян в целом на избирательные съезды.

На протяжении всего пореформенного периода гласные от дворян, избранные по землевладельческой и городской куриям, составляли, в среднем, 72,5% от общего числа гласных в этих куриях. Правда, отдельно по городской курии гласные от дворян всегда были в меньшинстве. Здесь лидировали представители купечества. С учетом гласных от сельских обществ в рассматриваемый период гласные-дворяне составляли около 41% от общего числа гласных земских собраний Центрального Черноземья. В пореформенный период исключительно дворяне возглавляли губернские и земские управы. Но к концу 80-х гг. XIX в. наметилась тенденция к сокращению членов земских управ дворянского происхождения.

Значительная часть гласных от дворян рассматривала институт земства как фактический орган дворянской корпорации. С первых дней учреждения земских структур представители руководства дворянских корпораций утверждали, что именно благородному сословию правительство доверило встать во главе земства. Они воспринимали это как аксиому. Нельзя отрицать справедливость их суждений. Ведь именно дворянство обладало большим опытом административной работы, имело соответствующее образование и влияние на местах. С другой стороны, «исключительное положение» дворянства в земских структурах подтверждает борьба за лидерство в уезде между представителем земской управы – дворянином – и предводителем дворянства. Нередко председатель земской управы считал именно себя главой уезда, включая и учреждения дворянской корпорации.

Занимая лидирующие позиции в управленческих структурах земства, дворяне решали многие проблемы, что способствовало подъему экономики, образования и медицины региона.

Повседневная жизнь в дворянской усадьбе во многом зависела

от страты её владельца, о чём свидетельствует социализация дворянских детей и подростков. В дореформенный период дети из крупнопоместной среды и верхних подгрупп среднепоместного дворянства воспитывались в большом кругу нянек, воспитателей, гувернеров, учителей, фактически полностью отделённые от сверстников из крестьянских семей. Исключение составляли дети дворовых. Иностранные языки, всемирная история и литература, музыка, верховая езда, светский этикет, танцы, приобщение к чтению составляли необходимый перечень образовательных дисциплин и социальных навыков в богатых поместных семьях. Иначе дело обстояло в мелкопоместных семьях. Нередко проживая в одном доме, состоящем из 2-3-х комнат, вместе с крепостными крестьянами, семьи бедных помещиков были вынуждены включать своих детей в систему непосредственных и систематических контактов с принадлежащими им крестьянами. Детям поручался определенный вид контроля за крестьянами, приветствовались жесткость и грубость первых по отношению к последним. Большая часть детей из мелкопоместных семей была безграмотной, не отличалась светскими манерами. Представители верхних страт дворянства не видели в таких детях будущего благородного сословия. С точки зрения крупнопоместного дворянства, мелкие помещики принадлежали к совершенно иному миру.

Пореформенная межсословная эмансипация непосредственно отразилась на характере социализации подрастающего поколения поместного дворянства. У дворянских детей отчетливо проявился интерес к образованию всех уровней, особенно это было заметно у девушек. Поворот к самостоятельной хозяйственной деятельности большей части помещиков привел к тому, что дети и подростки в дворянских семьях стали приобщаться к домашней экономике. В прошлое уходили излишние траты: жить по средствам, экономить на всем становилось правилом. Современники отмечали снижение интереса среди дворянской молодежи к религии. Дети мелкопоместных дворян в быту уже мало чем отличались от своих сверстников из крестьянских семей. Прежний «барский лоск» сохранялся в очень узком кругу представителей верхних страт дворянства. Но пореформенная социальная трансформация и здесь отчетливо про-

слеживалась, в частности, в отношениях «отцов и детей». Сословный традиционализм и социальные новации не всегда уживались в рамках одной семьи.

Остались в прошлом традиционные барские забавы. Вернее, изменился их размах. В карты продолжали играть, проигрывали усадьбы, деньги, драгоценности, но это нельзя было сравнить с проигрышами 1-й половины XIX в. Пик карточной игры приходился на 30-50-е гг. XIX в. Псовые охоты уже отдаленно напоминали барские выезды начала XIX в. К концу XIX века были утрачены некоторые породы охотничьих собак. Чистокровных представителей их не осталось. Печать экономии лежит на всем, хозяйственная рачительность отчетливо прослеживается. Естественно, и здесь были исключения из правил. Но они не отражали общей тенденции. Трансформировалась и усадебная архитектура. Архитектурные стили сменяли друг друга, усадьбы обрастали все большим числом хозяйственных построек, при имениях зарождались экономические поселки – все это отражало суть нового времени в поместной среде. Мелкопоместные усадьбы быстро деградировали, большая их часть к концу XIX в. совсем исчезла или уже ничем не отличалась от крестьянских изб.

Реформа отмены крепостного права поставила перед дворянством проблему не только хозяйственно-бытового, но и психологического плана. Сознание помещиков было дезориентировано либерализацией сословных отношений, не готово к восприятию новой системы взаимоотношений как с крестьянством, так и с представителями других сословий. Во многом это было обусловлено традиционным символическим восприятием дворянством окружающей действительности и себя в ней. Титулы, гербы, этикет, понятие «дворянская честь» и сам сословный статус дворянина были ориентированы на осознание социальной исключительности, превосходства. Эта символическая сторона жизнедеятельности благородного сословия с отменой крепостного строя стала терять свое прежнее значение, что хорошо просматривалось на бытовом уровне, где крестьяне всячески подчеркивали помещикам свой новый пореформенный сословный статус.

С первых лет после отмены крепостного права экономическая

целесообразность вкупе с разорением значительного числа поместных хозяйств способствовала отказу дворян от прежней традиции взаимоотношений с представителями других сословий, в первую очередь с купечеством. Финансовые капиталы последних заставили помещиков сменить ранее не скрываемое пренебрежение к купцам на готовность к партнерским отношениям с ними. Но сословная спесь с трудом позволяла это демонстрировать. В мемуарах представителей дворянства отзывы о купцах, как правило, всегда носят негативный оттенок.

Пореформенные буржуазные модернизационные процессы в центрально-черноземной деревне оказывали двойное воздействие на социальную психологию поместного дворянства. С одной стороны, в результате развития буржуазных отношений начали размыться корпоративные внутренние связи поместного дворянства, в первую очередь, посредством расширения спектра межсословных связей и из-за дальнейшей социальной деградации мелкопоместного дворянства. С другой стороны, хозяйственный кризис имений требовал единых корпоративных усилий по отношению к властям всех уровней для недопущения дальнейшей ликвидации сословных привилегий дворян. Но пореформенные реалии только усиливали первую тенденцию. К началу 90-х гг. XIX в. основная часть верхних страт поместного дворянства уже оперировала категориями буржуазного предпринимателя, параллельно добиваясь некоторых сословных льгот. Чувство сословной исключительности не могло исчезнуть в столь короткий период времени.

Корпоративная активность и солидарность дворян особенно сильно проявлялись в периоды намечавшихся серьезных социально-экономических перемен. Накануне отмены крепостного права и в первые пореформенные годы проявления корпоративной солидарности центрально-черноземного дворянства все более приобретали политический характер, ведь решалась его судьба как глобально доминирующей сословной единицы в структуре общества. Представители средних и верхних страт поместного дворянства, то есть около 20% центрально-черноземных помещиков, от лица всего сословия добивались не только сохранения существенных сословных льгот, но и приобретения новых. Дворянством была выбрана

тактика решения частных социально-экономических проблем для достижения стратегических привилегий, в первую очередь экономического плана. Видимая внешняя жесткая корпоративность стала прикрытием для представителей верхних страт дворянства при защите ими своих интересов. Поднимаемые ими вопросы, касавшиеся льготных кредитов, отсрочек по платежам, регулирования отношений с наемными рабочими, системы земского самоуправления, по сути, не интересовали мелких помещиков.

Стремление средних и крупнопоместных дворян хотя бы внешне сохранить жесткую сословную корпорацию для представителей других сословий оказалось незрезультативным. Для всех было очевидно, что социально-психологическая пропасть между верхними и низшими стратами дворянства непреодолима. В общественном сознании дворянское сословие уже ассоциировалось только с верхними группами дворянства. На внутрикорпоративное сплочение верхние страты дворянства шли только в том случае, когда им было необходимо показать другим сословиям количественные параметры своего сословия, его внутреннее единство. Отстаивание ими интересов мелкопоместного дворянства было опосредовано и стремлением не допустить в целом упадка престижа дворянского достоинства.

В отличие от социально-экономической градации, где четко выделялись три категории дворянства – мелкое, среднее и крупное, – в социально-психологическом аспекте прослеживались только две – мелкое и крупное. Среднепоместное и крупнопоместное дворянство в сфере социальной психологии представляли единое целое. Это не означает, что не было определенных различий в социальной психологии крупных земельных магнатов и среднепоместных владельцев. Но основные сословные критерии социально-психологического плана у них совпадали.

Фольклорные источники показывают неоднозначное восприятие в крестьянской среде роли помещика в русской деревне. Большая часть данных источников однозначно создает негативный образ помещика, подчеркивая следующие его качества – жадность, жесткость, лень, сладострастие, отсутствие практической жилки, стремление жить за чужой счет и т.п. В то же время, в от-

дельных пословицах и поговорках указывается, что дворянин – защитник не только своих крестьян, но и всей Русской земли; крестьяне живут только благодаря барскому уму и т.п. Подобные источники малочисленны, но они подчеркивают совершенно иную сторону восприятия крестьянами помещичьей власти.

Социальная и экономическая модернизация поместного дворянства была сложно структурирована, имела несколько уровней в зависимости от конкретной страты дворянства. Верхние страты помещиков менее болезненно воспринимали пореформенные реалии. При этом в хозяйственном плане модернизация шла значительно быстрее, чем в социально-психологическом. Поместный дворянин, медленно превращаясь в сельского буржуа, не хотел терять привилегии «благородного», его сознание требовало к себе исключительного отношения со стороны представителей других сословий.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- Авеский В.А. **290, 302**
Авсиенко В. **320, 413**
Акинъшин А.Н. **26, 45, 416, 418, 486**
Аксаков С.Т. **329**
Александр I, император **460**
Александр II, император **81, 205**
Александр III, император **292**
Александров Н.И. **40**
Алексеева Л.Г. **371**
Алферовы **411, 461, 486**
Алымов **363**
Алымова А.Е. **363**
Алымова **343, 344, 363**
Андреева Г.М. **483**
Андреева Р.В. **28, 47, 416, 418, 420**
Андреевы **63**
Андреевский В.М. **294, 403**
Андреевский С.С. **236**
Анна Иоанновна, императрица **362**
Анненков Г. **273**
Анненков Н.А. **246**
Анненков **264**
Анфимов А.М. **13, 18, 41, 189, 194, 195**
Арабоглы М.А. **27, 46, 415**
Ардов Е. **304, 411**
Архипова Т.Г. **295, 296**
Арцыбашевы **404**
Афанасьев Н. **65, 185**
Ауэрбах Х. **445**

Б

- Бабилов К. **393, 419**
Бажанов А. **40**
Байрау Д. **16, 18, 43**
Балк А.И. **474**
Бальзак **330**
Баранцовы графы **365**
Баратынский И.Е. **189**
Барг М. **426**
Баринова Е.П. **32, 48**
Барятинский А.В., князь **106**
Барятинская М.С., княгиня **405, 421**
Барятинские, князья **55, 73, 396, 405, 406, 408,**
Баталин Ф.А. **196**
Батезатул К.М. **232, 233**
Батюшков **378**
Бахметьев **466**
Башинский **264**
Безобразов **264**
Бекетов В.А. **11, 41**
Беккер С. **17, 18, 43, 413**
Белова А.В. **27, 46, 411**
Беловинский Л.В. **27, 46, 418, 419, 420**
Белоконский И.П. **301**
Белосфельд Г. **43**
Берлин П.А. **486**
Бернетт Ф. **328**
Бестужев-Рюмин К.Н. **474**

Бестужев-Рюмин *474*
Бетховен *378*
Бельченко *263*
Бибииков Н.П. *201*
Бирюкович Вл. *152, 153, 194*
Бланк П.Б. *21, 22*
Блок М. *30*
Боборыкин П. *339, 390, 414, 19*
Богданов Г.М. *52, 182, 186, 187*
Бобровский *274*
Богданов Н.И. *229, 230*
Богданович Н. *70*
Богданович *317*
Богомолова Н.Н. *483*
Богословский М.М. *297*
Бокова В.М. *27, 45, 305, 411, 412*
Болдырев Н.А. *236*
Боратынский А.А. *389*
Борецкой А. *44, 49, 507*
Борзов *348*
Боровой С.Я. *185*
Бородин Н.П. *15, 18, 42, 153, 194, 197*

В

Валцан М. *426*
Вальтерскотт *378*
Ван-Дик *392*
Вандер-Вельд *392*
Вангейм Ф.П. *408*
Варб Е. *69, 161, 173, 184, 196, 197, 300*
Василич Н. *49, 241, 298, 367, 417*
Васильева Т.В. *420*
Васильчиков А., князь *54, 182, 189, 193*

Бородкин Л. *426*
Бороздина А. *125*
Борщов В.А. *232, 233*
Борятинские *433*
Боткины *408*
Бочкарев В. *442, 485*
Бочкарев *308*
Брискорн О.К. *344, 345*
Брискорн Ф.М. *344*
Брискорн *442*
Бродский Н.Л. *489, 490, 496, 505*
Булгарин Ф.В. *199, 295*
Бунеева Е.Н. *15, 42, 183, 184*
Бунин И.А. *39, 139, 193, 322, 377, 404, 409, 418, 421*
Бунины *386*
Бутенко *184*
Бутковский Я.Н. *357, 416*
Бутурлин М.Д., граф *311, 316, 387, 412, 413*
Бутурлины, графы *15, 61, 62, 467*
Бушнел Дж. *43*
Бюргьер А. *30*

Васильчиков Б.А., князь *288, 293, 302*
Васильчиков В.И., князь *40, 479, 487*
Васильчиков И., князь *68, 72*
Ващанин В.С. *373*
Васьянов И. *487*
Веневетинов А.В. *467*
Веневетинов Д.В. *378*
Веневетинов М.А. *231, 271, 378*

Веневетиновы 378, 467
Верременко В.А. 27, 46, 413
Вернер И.А. 11, 41, 376, 417, 418, 487
Веселовский Б.Б. 23, 44, 259, 282, 299, 301
Весеньев Ив. 463, 486
Вильсон 158
Виноградова Е.А. 416, 418
Виртшафтер Э.К. 17, 43
Витте С.Ю. 281
Вишняков Н. 455, 486
Водовозова Е.Н. 307, 412
Войцеховский 266
Волков С.В. 296, 414, 487
Волконский Д.А., князь 232, 233
Волконский Н., князь 65, 69, 184, 347, 348 415
Волконская Е.Г. 403
Волконские, князья 433, 467
Вольтер 378
Вольф М.О. 327
Ворожбит 429, 484
Воронцов В.В. 9, 40
Воронцов М.В., граф 106
Воронцова С. 125
Воронцов-Вельяминов А.Е. 285
Воронцова-Дашкова Е. 125
Воронцовы-Дашковы, графы 144
Воронцов-Шувалов 125
Воронцовы, князья 433
Воропанов И. 63
Врангель Н.Е., барон 494, 506
Врангель Н.Н., барон 27, 47, 430, 484
Вуверман 392
Вуд 68, 69

Г

Гагарины, князья 70
Гапонов 345
Герасименко Г.А. 25, 45
Гернет А.О. 43
Герцен А.И. 467
Гине Г.К. 437
Глебов М.П. 68
Глебов 67
Глинский Б.Б. 367, 371, 375, 378, 381, 417, 418
Гоголь 329
Голицин А.Д., князь 287, 302
Голицын М.В. 288, 302
Голицины, князья 467
Голицин-Головкин, князь 275
Головина 315
Гололобов 456
Голубев А.К. 190, 191
Гольцев В. 49, 309, 310, 412
Гонгардт М. 462
Гонгардт Н. 83
Гончаров И.А. 342
Гончаров 329
Гордеев Н.Н. 236
Горемыкин И.Л. 281
Городнова Л.Е. 420
Готрелл П. 16, 43
Гофф Ж. Ле 30, 449, 485

Градовский А.Д. **20, 43**
Гранвиль Ж.И. **317**
Греков Б.Д. **185**
Грехнев В. **432, 484**
Грибоедов А.С. **441, 484**

Д

Давыдов Н. **339, 415**
Давыдов **263**
Даль В.И. **173, 197, 410, 422, 489, 490, 505, 506**
Двухжилова И.В. **300, 301**
Де-Ливрон В. **189**
Ден В.И. **236**
Десанглен Е. **91**
Державин **317**
Дефо Д. **317**
Дитятин И.И. **20, 43**
Дмитриев **317**
Добролюбов Н.А. **312, 412**
Долбилов М.Д. **24, 44**

Е

Евреинов В.А. **19, 43**
Екатерина II, императрица **377**
Елина О.Ю. **485**
Елишев И.А. **40**

Ж

Жаворонков Д.Н. **215**
Жигачев Е. **75, 185**
Желтова В.П. **297**

Григорьев Л.П. **404**
Григорьев **264**
Гринев И.Н. **250, 525**
Грызлов Б.В. **298**
Гурвич Н.А. **9, 10, 40**

Донченко Ю.В. **418**
Доре Г. **327**
Достоевская А.Г. **304**
Дренякин А.М. **482**
Дружинин Н.М. **41, 193, 297**
Дубровин Н.Ф. **13, 204, 2096**
Дубровский С.М. **13**
Дурасов В. **428, 483**
Дурново А.Д. **229, 230**
Дурново **264**
Дурова М. **362, 363**
Дуровы **362**
Дюма А. **330**
Дюма **378**

Енгальчев, князь **329**
Ерман Л.К. **24, 44**
Ермолов А.С. **452**
Ермоловы **433**

Жемчужников Ф.А. **201**
Жуков Я.Д. **245**
Жуковский В.А. **419**
Жуковский **378**

З

Загоскин Ю. *317*

Зайончковский П.А. *24, 44*

Зак Л. *256, 299*

Засодимский П.В. *504, 507*

Затрапезная А.П. *349*

Захарова Л.Г. *24, 43, 44*

Звегинцев В.И. *233*

Звегинцев Н.А. *231, 233*

Звегинцев И.А. *233*

Зворыкин Н. *464*

Землянский И. *454, 485*

Зыбины *398*

Зырянов П.Н. *24, 44, 301*

И

Ибрагимова Д. *426*

Иванов В.А. *25, 45*

Иванов Г. *40*

Иванова Л.В. *46, 414*

Иванова Н.А. *297*

Иванюков И.И. *451, 485*

Извольский П.А. *236*

Измайлов Л. *444, 485*

Изъединов В. *90*

Ильин А.В. *24, 297, 298*

Инсарский В.А. *396, 420*

Иост О.И. *195*

Истомина И.В. *16, 43*

Истомина Э.Г. *27*

Ишимова А.О. *317*

К

Кавелин К.Д. *431, 484, 502, 507*

Каждан Т.П. *27, 28, 46, 47, 384, 418*

Каличинский И. *90*

Карамзин Н.М. *317*

Карамышев О.М. *24, 297, 298*

Каргин Г.А. *171, 196*

Карнович Е. *19, 43*

Карпачев М.Д. *186*

Карышев Н.А. *193, 194*

Касаткин-Ростовский Н.Ф., князь
229, 230, 462

Катаев Н. *485*

Катков М. *429, 484*

Кауфман И.И. *185*

Кашкаров И.Д. *40*

Керн А.П. *304*

Кизеветтер А.А. *20, 43*

Клейнмихель В.П., граф *106*

Клейнмихель К.П., граф *106*

Климкова М.А. *27, 46, 419*

Климов И.Я. *181*

Ковалевская С.В. *365, 417*

Ковальченко И.Д. *14, 18, 41, 42, 49,
61, 181, 183, 184, 185, 191, 192*

Козлов С.А. *15, 16, 42, 65, 184*

Коленко В.З. *234, 235, 236*

Колесникова Л.И. *419, 420, 421,
422*

Колобов П.В. *69, 348*

Колонтаева В. *39, 49, 415, 416, 419*

Кольцов 328
Комарова 234
Коновалов В.С. 185
Конькова А.Ю. 24
Корнилов Е.Г. 24, 44
Корелин А.П. 23, 39, 44, 181, 188,
295, 297, 98, 301, 487
Коробковы П. и Н., братья 480
Королева Н.Г. 25, 45, 299
Корф М.А., барон 205
Корф С.А. 21, 44, 297
Корягины 368
Косаговский П.П. 236
Косинский В.А. 40
Костомаров Н.И. 39, 49, 362, 417
Костюхин Е.А. 505, 506
Коцебу А. 439, 484
Кошелев А.И. 47, 82, 398, 502, 507
Кошкаров М.Д. 47

Л

Лабзина Е.А. 312, 412
Лаврентьева Е.В. 27, 46, 415
Лагофет 63
Ламмерс Т. 426
Ласунский О.Г. 26, 45, 416, 418,
486
Лебедев В.Н. 24, 44
Лебедев Ю.В. 507
Левашев А., граф 68
Левашов В.Н. 415
Лейкина-Свирская В.Р. 24, 44
Ленин В.И. 12, 29, 41, 47
Лермонтов М.Ю. 39, 329

Красковский К. 40, 184, 479
Краинский В.Е. 40
Креков 264
Кривцов Н.И. 395
Кривцовы 395
Круглов А. 40
Крылов И.А. 317, 441, 484
Кугушев Г.В., князь 400, 420
Кудинов В.П. 421
Кузьмин И.Ф. 285
Куколь-Яснопольский А. 89
Кулабухов В.С. 26, 31, 45, 48, 298,
299, 427, 472, 483
Куликов В.В. 25, 45
Курдюмов А.И. 408
Кушелева Е., графиня 59
Кушелев-Безбородко А., граф 68
Кушелев-Безбородко Г., граф 403
Кушелев-Безбородко Н., граф 72
Кюрд Э. 452

Лермонтовы 433
Лесгилье А. 330, 414
Литвак Б.Г. 8, 13, 41, 52, 75, 182,
183, 184, 187, 188, 189, 192, 193,
195, 196, 485
Литваков Б.Н. 42, 49
Литуев В.Н. 15, 18, 42, 188, 92
Лобановы-Ростовские, князья 433
Ломоносов 317
Лотман Ю.М. 412, 413
Лунин М.С. 74, 185
Лутовинов И.И. 343
Любимов 297

Лякишева С.И. *27, 46, 413, 414*

Ляхов Н.В. *478*

М

Маврогени *345*

Майерс Д. *186, 425, 483*

Мамаева Т.П. *414*

Марасинова Е.Н. *27, 28, 32, 46, 47, 48, 384, 418*

Мария Федоровна, императрица
328

Марков А. *306*

Марков А.А. *363*

Марков М. *83, 186, 411*

Марков Р.Л. *344, 363, 415, 417*

Марковы *407*

Маркс К. *29*

Маррезе М.Л. *18, 43*

Мартынов П.М. *419*

Марченко Н. *28, 47*

Марьяновский А.А. *34, 48*

Маслов С.А. *452*

Массон *330*

Мацневы *63*

Медем, граф *469*

Мейендорфы *408*

Мельников М.А. *492, 506*

Мери-Хови *489, 490*

Мещерский В.П., князь *292*

Мигулин П.П. *9, 40, 192*

Миллер С.И. *395*

Милов Л.В. *42, 63, 192, 426*

Лященко П.И. *108, 185, 188, 189, 191*

Милютин А.Д., граф *215*

Милютин Д.А., граф *283, 301*

Минаков А.С. *197, 235, 295, 297, 298*

Минарик Л.П. *13, 18, 41, 191*

Минц С.С. *30, 32, 47, 48, 487*

Мироненко Д.Г. *235*

Миронов Б.Н. *15, 42, 334, 413, 414, 460, 486*

Миронов Г.Е. *483*

Михалевич В. *182, 183, 189*

Михина Е.М. *47, 483*

Мокряк Е.И. *30, 47*

Морозова М.К. *329*

Московичи С. *426*

Мосолов Н.С. *392*

Моцарт *378*

Мочульский П.Н. *417*

Муравьев Н. *447*

Муравьев Н.Н. *452*

Муравьева О.С. *486*

Муратов Н.П. *236*

Мурашев А.А. *420*

Мурзанов А.С. *357*

Муханов Е.Н. *232*

Мухановы *407, 421*

Мыщецкий В.С. *39, 49, 349, 389, 392, 415, 419, 420*

Н

Назаров В.Н. *464*

Назарова Е., княгиня *321*

Нартова-Бочавер С. **396**
Насонов А.Н. **61**
Наумов Г.Г. **404**
Нащокина М.В. **28, 47**
Нежданов И. **195**
Неклюдов М.В. **285**
Нелидова В.Н. **106**
Немцев А.П. **372**
Неплюевы **399**
Никитин **328**

О

Оболенский Л.Е., князь **39, 49, 306, 342, 345, 411, 415**
Оболенская Н.А., княгиня **467**
Оболенские, князья **308**
Оболонский А.В. **295, 484**
Образцова Л.А. **421**
Огарев Н.П. **467**
Озеров Д.Ф. **232, 233**
Озеров С.В. **380, 381**
Озеров **317**
Оленин Г.Н. **360**
Олпорт Г. **425**

П

Павел I, император **460**
Павленко Н.И. **23, 44**
Павлов Н.Г. **447**
Павловы **408**
Пазухин А. **284, 301, 470, 786**
Пакелен **405**
Палицин М. **444, 485**
Панютин П.Ф. **231**
Паренаго П.А. **360**

Николай I, император **198, 202**
Николай Александрович, вел. князь **91**
Никольский А. **189**
Новиков А. **288, 301, 302**
Новицкая Т.Е. **299, 302**
Новоселова Е.М. **306**
Новосильцев Г.А. **404**
Ньюком Т. **425**

Ольденбургский А.П., принц **405**
Ольденбургская Е.М. **405**
Ольденбургские, принцы **421**
Онопrienко И.Г. **27, 28, 46, 47, 411, 413, 414, 415, 418**
Орлов-Давыдов А.А., граф **108**
Орлов-Давыдов А.В., граф **106**
Орлов-Давыдов С.В., граф **106**
Орловы-Давыдовы, графы **433**
Основский Н. **356, 416**
Осоргин А.Г. **363, 364**
Острогжский-Лохвицкий И.С. **481**

Парфенов П. **163**
Парчевский Г.Ф. **27, 46, 416, 418, 492, 506**
Парыгин Б.Д. **424, 483**
Пассек Т.В. **310, 412**
Пафнутьев **264**
Перро Ш. **327**
Петров П.Н. **44**
Петров Ф.П. **456**

Петровский А.В. *483*
Петровская Л.А. *483*
Петр Великий, император *407, 445*
Пирумова Н.М. *24, 44, 301*
Писарькова Л.Ф. *25, 45*
Плансон А.А. *21, 44, 47*
Платов В. *21, 44*
Плетнев И.Т. *266, 300*
Плеханов Г.В. *29, 47*
Погорельский А. *317*
Позняков *315*
Полетаева *321*
Полякова М.А. *28, 47, 397, 420, 430, 484*
Пономарев Е.Г. *414*
Пономарева В.В. *414*

Р

Раевский Н. *125*
Раевские *433*
Разумовский А.К. *319*
Распе Р. *329*
Ратиев А., князь *377, 418*
Ребиндеры *141, 157, 195, 408*
Рембрандт *392*
Ремезов М. *366, 375, 417, 418*
Ржевская Н.П. *206, 296, 315, 317, 412, 494, 506*
Ржевский А.К. *455*
Ржевский П.А. *284, 472*
Ржевский П.С. *494*

С

Сабанеева Е.А. *308*

Попов В. *211*
Попов П.А. *299, 416, 418, 420*
Попова Л.Ф. *28, 47, 416, 418, 420*
Потехин А.А. *39, 308, 313, 340, 341, 352, 356, 412, 415, 416*
Приклонский А.А. *41, 471, 487*
Проскуракова Н.А. *14, 18, 39, 41, 190, 192, 301*
Протопопов *264*
Пупарев А.Г. *485*
Пушечников И.В. *401, 402, 420*
Пушкин А.С. *39, 317, 318, 358, 358, 359, 360, 378, 384, 418, 467, 399*
Пушкарева И.М. *27, 369*
Пушкарева Н.Л. *318, 413*

Ржевский *264, 381, 382*
Рибопьер И., граф *59*
Рогалина Н. *426*
Рошток *264, 273*
Румянцева М.Ф. *295, 296*
Руссо *378*
Рустемайер А. *361, 416*
Рылеев К.Ф. *62, 184*
Рындзюнский Л.М. *13, 41*
Рянский Л.М. *14, 15, 18, 42, 58, 78, 182, 183, 184, 185, 412*
Рянский Р.Л. *14, 15, 42, 58, 78, 79, 182, 183, 184, 185, 186, 412*

Сабашниковы *408*

Савелов Л.М. **38, 49, 234, 242, 284, 292, 297, 298, 301, 302, 455, 468, 469, 472, 474, 477, 484, 486, 487**
Савельев П.И. **48, 485**
Савенковы **306**
Савинова Е.Н. **47, 397, 420, 430, 430, 484**
Сак **169**
Салов И.А. **39, 49, 310, 320, 341, 412, 413, 415**
Салтыков-Головкин А.А., светл. Князь **229, 230, 232, 233**
Салтыков-Щедрин М.Е. **39, 65, 80, 186, 324, 326, 348, 413, 415, 496**
Свифт Д. **328**
Святловский В.В. **9, 10, 18, 40, 190**
Селунская Н.А. **42, 49**
Семевский В.И. **82, 186**
Семенов М.Н. **66, 67**
Семенов Н.П. **40, 459**
Семенова-Тян-Шанская О.П. **491, 495, 503**
Семенов-Тян-Шанский П.П. **317**
Сенин А.С. **295, 296**
Сергеевы **378, 382**
Сивков К.В. **184**
Скарятин Н.Я. **83, 90, 229, 230**
Скребицкий А.И. **8, 40, 53, 182, 183, 185, 186, 187, 188**

Т

Танков А. **416**
Тарасов Б.Ю. **27, 46, 184, 415, 506**

Славутинский С.Т. **370, 387, 417, 419**
Слепнев И.Н. **483**
Слепцов П.А. **236**
Слезкин И.М. **273, 418**
Слезкина Е.И. **418**
Соболева А.А. **420**
Советов А.В. **67, 103, 184, 189**
Соколов Ю.М. **32, 48, 489, 496, 497, 501, 505**
Соколова Л.П. **403**
Соловьев К.А. **46, 419**
Соловьев Ю.Б. **23, 39, 44, 487**
Соловьева Л.Н. **300**
Соллогуб В.А., граф **467**
Солодянкина О.Ю. **27, 46, 412**
Сомов А.Н. **231, 243, 244, 265, 272, 283**
Сомов А.Ф. **250**
Сомов С.М. **231, 243**
Сомов **243**
Сонцев **359**
Софроненко К.А. **187**
Суботин **427**
Сулье Ф. **330**
Сумароков П. **40**
Суслин Е.Ф. **74**
Станкевичи **394**
Стремоухов П.Д. **236**
Струве П.Б. **79**
Сю Е. **330**

Тарасюк Д.А. **49**
Тарновский К.Н. **41**
Тахтамировы **403**

- Тевяшов Вас.И. 233
Тевяшов Вл.И. 233
Тевяшов И.Н. 233, 474
Терещенко 368, 408
Терпигорев С.Н. (Атава С.) 40, 80, 100, 186, 188, 291, 296, 302, 307, 352, 398, 412, 416, 420, 449, 455, 485, 491, 506
Толмачевы 369, 376
Толстой Л.Н. 39, 379
ТрEDIAKовский 317
Трейтлинг 315
Тройницкий А. 8
- У**
Уледов А. 430, 431, 484
- Ф**
Фадеев Р.А. 479, 487
Февр Л. 30
Федоров С.И. 28, 47, 420
Ферро М. 30
- Х**
Харитоненко 408
Харкевич А.К. 272
Хвоцинский Ф.Д. 285
Хемницер 317
Хлопов Н.А. 49, 368, 417
Ходский Л.В. 9, 40, 84, 186
Холодова Е.В. 28, 47, 407, 421
- Трубецкой А.В., князь 417
Трубецкой Е.Н., князь 365, 417
Трубецкие, князья 59
Тулинов В. 171
Тулиновы 433
Туник А.С. 329, 333, 373, 414, 417, 418
Тургенева В.П. 343, 388
Тургенев И.С. 39, 327, 343, 355, 388
Тургенев 329
Тыркова-Вильямс А. 335, 336, 414
Тэер А. 452
Тюкавкин В.Г. 195
- Урусов С.Д., князь 287, 290, 302
- Фет А.А. 157, 158, 162, 174, 179, 195, 196, 197, 311
Фитцум Р. 321
Фукс Э. 427, 483
Фурманн П. 346
Фурсов В.Н. 31, 48, 197
- Холманских А.Е. 32, 48
Хомяков А.С. 82
Хорват Н. 70, 89
Хорват 473
Хорошилова Л.Б. 414
Хохонин О.М. 14, 42, 195, 197
Христофоров И.А. 15, 25, 42, 45
Хрулев С.С. 190, 192, 195

Ч

Чавчавадзе, князь *433*

Чарыковы *398, 491*

Челищев *380, 416, 418*

Челищевы *380*

Чертков А.Д. *360*

Чертков В.Г. *379*

Чертков Н.Д. *380*

Чехов *39*

Чижикова Л.Н. *421*

Чистякова О.И. *299, 302*

Чистякова Т.И. *48*

Чичерин Б.Н. *39, 260, 338, 414*

Чичерин И.В. *395*

Чичерин С.Н. *285*

Чолокаев Н.Н., князь *285*

Чужбинский А. *39*

Чуйков Н.А. *11, 41*

Ш

Шабельский Н.К. *229, 230*

Шаповалов В.А. *27, 32, 46, 48, 192, 300, 301, 416, 484, 385, 507*

Шаповалова И.В. *27, 46, 301*

Шаповалова С.П. *27, 46, 412, 484*

Шаповалов *474*

Шаранов В.В. *483*

Шатиловы *395*

Шатохин И.Т. *26, 45, 46, 302, 416, 507*

Шатохина С.Б. *45*

Шафронов П.А. *43*

Шевченко М.М. *181*

Шелгунов Н.В. *328, 414*

Шеншины *311*

Шепелев Л.Е. *25, 45, 295, 296, 485*

Шепетов К.Н. *185*

Шепукова Н.М. *42, 182*

Шербаков *264*

Шереметев Б.П., граф *407*

Шереметев Д.Н., граф *54, 55, 59*

Шереметевы, графы *73, 407, 433, 467*

Шериф М. *425*

Шидловский В.В. *243*

Шидловский И.И. *231, 272*

Шидловский Н.И. *243*

Ширков В. *89*

Шихирев П. *483*

Шишков Н.П. *67, 68*

Шкуратов В.А. *484*

Шмидт С.О. *32, 48*

Шнейдер В.П. *506, 507*

Шпалинский В.В. *483*

Шопен *378*

Штейн Г. *264*

Штейн Е. *264*

Штиглиц А. *382, 383, 418*

Штомпка П. *429, 484*

Шувалов А., граф *125*

Шувалов, граф *234*

Шуваловы, графы *433*

Шумилов М.М. *25, 45, 295*

Шутов А.Ю. *25, 45*

Щ

Щагин Э.М. *195*

Щербакова Е.И. *187*

Щербина Ф. *23, 34, 44, 299, 300, 487*

Щербинин М.П. *157*

Щукин В.Г. *27, 46, 419*

Э

Эклов Б. *43*

Экштут С.А. *413*

Энгельгардт А.Н. *154, 155, 195, 206,*

296, 374, 418

Энгельс Ф. *29*

Ю

Юсупов Н., князь *55, 59*

Юсуповы, князя *61, 63, 70, 71, 73,*

184, 390, 395, 419, 420

Я

Якунин И. *493, 506*

Яснопольский М. *18, 189*

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Структура дворянского землевладения Воронежской губернии накануне отмены крепостного права

№ п/п	Уезд	Количество земли (в дес.)		
		менее 100 %	101-1000 %	свыше 1000 %
1	Бобровский	66889,7 (18,5)	2458 (0,5)	292615,2 (81)
2	Богучарский	28724 (22,7)	768,7 (0,6)	96975,3 (76,7)
3	Валуйский	24387,8 (18,8)	5299,9 (4)	99914,3 (77,2)
4	Воронежский	37857,2 (26,1)	12372 (8,5)	94420,8 (65,4)
5	Задонский	16451,6 (19,2)	19994,9 (23,3)	49232,4 (57,5)
6	Землянский	50686,6 (34,8)	17166,1 (11,8)	77519,3 (53,4)
7	Коротоякский	11069,8 (46,9)	1389,2 (5,8)	11131 (47,3)
8	Нижнедевицкий	36161,4 (62,8)	4059 (7,1)	17303,6 (30,1)
9	Новохоперский	24334,5 (19,2)	2220,9 (1,7)	100147,5 (79,1)
10	Острогожский	13210,4 (4,4)	5171 (1,7)	277057,5 (93,9)
По 10 уездам		305694,9 (16,1)	70935,9 (3,7)	1116317 (80,2%)

Приложение 2

Структура дворянского землевладения в Курской губернии накануне отмены крепостного права

№ п/п	Уезд	Количество земли (в дес.)		
		менее 100/%	101-1000/%	свыше 1000/%
1	Белгородский	11037 (13,1)	6875,3 (8,1)	65685,7 (78,8)
2	Грайворонский	9958,5 (7,1)	4066,4 (2,9)	125309,1 (90)
3	Дмитриевский	67179,9 (34,8)	15237,8 (7,8)	110494,2 (57,4)
4	Курский	45771 (47)	8995,9 (9,2)	42541,9 (43,8)
5	Корочанский	9674,6 (20,3)	3677,9 (7,7)	34127,4 (72)
6	Льговский	4995,5 (3,5)	24541,9 (17,3)	112115,5 (79,2)
7	Новооскольский	11162 (10)	7172,3 (6,4)	93070,7 (83,6)
8	Обоянский	29521,4 (33,4)	9702,5 (11)	48941,1 (55,6)
9	Путивльский	34332,8 (20,5)	16019,7 (9,5)	116732,5 (70)
10	Рыльский	33881,2 (22,9)	20462,3 (13,8)	93253,5 (63,3)
11	Старооскольский	16252,0 (17,1)	11666,8 (12,2)	66981,1 (70,7)
12	Суджанский	45375,9 (49,5)	13154,6 (14,3)	32968,4 (36,2)
13	Тимский	51284,4 (49,4)	10016,6 (9,6)	42341,9 (41)
14	Щигровский	69869,7 (48,6)	27569,0 (19,2)	46084,3 (32,2)
15	Фатежский	40481,5 (57,7)	9046,1 (13)	20511,4 (28,3)
По губернии		496802,8 (28,6)	188205,2 (10,8)	1051159 (60,6)

Приложение 3

Изменение дворянского землевладения за период, отведенный на подписание уставных грамот в Воронежской губернии (в дес.)

№ п/п	Уезд	Площадь дворянской земли до реформы в 1860 г.	Пореформенная площадь дворянской земли в 1863 г.	Сокращение (в %)
1	Богучарский	126468	109005	13,9
2	Бобровский	390953	301720	16,5
3	Валуйский	129602	111587	14
4	Воронежский	144650	120412	16,8
5	Задонский	85679	60529	29,4
6	Землянский	145372	114044	11,6
7	Коротоякский	23590	21507	8,9
8	Нижедевицкий	57560	53575	7
9	Новохоперский	126703	102039	19,5
10	Острогожский	295439	228428	22,7
11	Павловский	114220	78050	31,7
	По 11 уездам	1610236	1300896	18,3

Приложение 4

Изменение дворянского землевладения за период, отведенный на подписание уставных грамот в Курской губернии (в дес.)

№ п/п	Уезд	Площадь дворянской земли до реформы в 1860 г.	Пореформенная площадь дворянской земли в 1863 г.	Сокращение (в %)
1	Белгородский	84018	64362	23,2
2	Грайворонский	139334	95114	31,8
3	Дмитриевский	192912	140152	27,4
4	Корочанский	47480	34565	27,3
5	Курский	93308	84488	15,2
6	Льговский	141653	97442	31,3
7	Новооскольский	111405	69691	37,5
8	Обоянский	88165	67797	23,2
9	Путивльский	167085	117467	29,7
10	Рыльский	147597	115405	21,9
11	Старооскольский	94900	66947	29,5
12	Суджанский	91499	76456	16,5
13	Тимский	103643	89460	13,7
14	Фатежский	70039	66271	5,4
15	Щигровский	143523	122874	14,4
	По губернии	1736167	1308469	24,7

Изменение площади дворянских земель в Воронежской губернии (в дес.)

№ п/п	Уезд	Площадь дворянской земли		
		1863 г.	1877 г.	увеличение (+) или уменьшение (-) площади земли (в %)
1	Богучарский	109005	106719	- 2,1
2	Бобровский	301720	296848	- 1,7
3	Валуйский	111587	107595	- 3,6
4	Воронежский	120412	111724	- 7,3
5	Задонский	60529	52065	- 14
6	Землянский	114044	101912	- 10,7
7	Коротоякский	21507	22558	+ 4,7
8	Нижедевицкий	53575	37914	- 29,3
9	Новохоперский	102039	127832	+ 20,2
10	Острогожский	228428	215614	- 5,7
11	Павловский	78050	76354	- 2,2
	По 11 уездам	1300896	1257135	- 3,4

**Поземельная частная личная собственность
в Воронежской губернии в 1877 году**

№ п/п	Уезд	Дворяне		Прочие сословия	
		число владельцев	количество земли (в дес.)	число владельцев	количество земли (в дес.)
1	Воронежский	275	111724	253	22472
2	Бирюченский	204	121802	481	6471
3	Бобровский	81	296848	285	75838
4	Богучарский	201	106719	118	9467
5	Валуйский	215	107595	524	15350
6	Задонский	147	52065	209	6928
7	Землянский	282	101912	579	17066
8	Коротоякский	119	22558	588	11169
9	Нижедевицкий	249	37914	454	17512
10	Новохоперский	83	127832	82	33144
11	Острогожский	195	215614	126	41682
12	Павловский	41	76354	93	6397
	По губернии	2092 35,5%	1378937 83,9%	3792 64,5%	263496 16,1%

**Изменение площади дворянского землевладения
в Курской губернии (в дес.)**

№ п/п	Уезд	Площадь дворянских земель		Увеличение (+) или уменьшение (-) площади земли (в %)
		1863 г.	1877 г.	
1	Белгородский	64362	64157	-0,4
2	Грайворонский	95114	70454	-16,4
3	Дмитриевский	140152	106732	-23,9
4	Корочанский	34565	36552	+5,5
5	Курский	84488	76937	-9
6	Льговский	97442	100546	+3,1
7	Новооскольский	69691	69764	-0,2
8	Обоянский	67797	58799	-13,3
9	Путивльский	117465	109578	-6,8
10	Рыльский	115405	109996	-4,7
11	Старооскольский	66947	70946	+5,7
12	Суджский	76456	59561	-22,1
13	Тимский	89460	79989	-10,6
14	Фатежский	66271	49077	-26
15	Щигровский	122874	101756	-17,2
	По губернии	1308469	1165444	-11

**Поземельная частная личная собственность
в Курской губернии в 1877 году**

№ п/п	Уезд	Дворяне		Прочие сословия	
		число вла- дельцев	количество земли (в дес.)	число вла- дельцев	количество земли (в дес.)
1	2	3	4	5	6
1	Курский	683	76937	3001	23920
2	Белгородский	210	64157	995	16532
3	Грайворонский	177	70454	242	12854
4	Дмитриевский	376	106732	1447	22446
5	Корочанский	192	36552	483	7362
6	Льговский	288	100546	1209	17763
7	Новооскольский	230	69764	459	20858
8	Обоянский	254	58799	596	8482
9	Путивльский	434	109578	1109	11450
10	Рыльский	548	109996	1370	19870
11	Старооскольский	279	70946	781	16421

Окончание прил. 8

1	2	3	4	5	6
12	Суджанский	358	59561	879	10888
13	Тимский	560	79989	1247	14041
14	Фатежский	360	49677	1652	18256
15	Щигровский	763	101756	2830	250441
	По губернии	23,7%	82,3%	76,3%	17,7%

Приложение 9

**Категория частного землевладения
в Воронежской губернии (в дес.)**

№ п/п	Уезд	1877 г.		1905 г.	
		дворяне	прочие сословия	дворяне	прочие сословия
1	Воронежский	111724	23706	76686	52919
2	Бирюченский	121802	8093	79405	17904
3	Бобровский	296848	76934	234656	114678
4	Богучарский	106719	9971	61222	53489
5	Валуйский	107595	16944	78636	39539
6	Задонский	52065	6928	43242	12558
7	Землянский	101912	17068	83041	35590
8	Коротоякский	22558	12105	16168	12844
9	Нижнедевицкий	37914	18538	20345	23047
10	Новохоперский	127832	33144	93664	53003
11	Острогожский	215614	43946	146300	120410
12	Павловский	76354	6397	60779	22957
	По губернии	1378937 83,3%	16,7%	63,2%	36,8%

Приложение 10

Категория частного землевладения в Курской губернии (в дес.)

Уезд	1877 г.		1905 г.	
	дворяне	прочие сословия	дворяне	прочие сословия
1	2	3	4	5
Курский	79937	24615	56357	37983
Белгородский	64157	17480	41566	40374
Грайворонский	70454	14482	65273	24259
Дмитриевский	106732	22778	66588	48517

1	2	3	4	5
Корочанский	36552	7722	23354	21132
Льговский	100546	19814	71627	44416
Новооскольский	69764	23305	48999	38889
Обоянский	58799	8859	44333	24244
Путивльский	109578	11723	91404	34309
Рыльский	109996	20093	86688	42554
Старооскольский	70946	16421	52439	35712
Суджанский	59561	12646	41877	38485
Тимский	79989	14298	54942	27286
Фатежский	49677	18478	37028	27860
Щигровский	101756	29071	76856	47441
По губернии	1165444 81,6%	261407 18,4%	859331 61,7%	542481 38,3%

Соотношение капиталистической и отработочной систем в дворянских хозяйствах
Центрального Черноземья в 80-х гг. XIX в.

Уезд	Количество владений по количеству владельцев	Вся земля (дес.)	Пахотная земля с паром		Экономическая запашка с паром (дес.)	Сдача пахотной земли в аренду (дес.)		
			всего (дес.)	% от всей земли		долгосрочная	краткосрочная	всей аренды
Острогожский	40	74611,8	20796,5	27,8	13294	2016,1	5486,4	7502,5
Щигровский	58	19931	16443,8	82,5	7192,2	3263,5	5838,2	9101,7
Белгородский	23	20913,9	14357,5	68,6	9606	1739,5	3012	4751,5
По 3-м уездам	121	115456,7	51597,8	59,6	30092,2	7019,1	14336,6	21355,7

Уезд	Аренда пашни		Рабочий скот (лошадей)	Наемные полевые рабочие (постоянные)	Земледельческие орудия		Пашня с паром, обрабатываемая владельческим рабочим скотом	
	зажиточными крестьянами	с наемными рабочими			сох и рал	плугов	дес.	% экономической запашки с паром
Острогожский	2711,3	823,9	1334	773	38	427	10627	80,2
Щигровский	3290,5	999,9	672	293	177	42	5376	74,7
Белгородский	1715,8	521,4	739	627	84	214	5912	61,5
По 3-м уездам	7717,6	2345,2	2745	1744	299	683	22584	72,1

Приложение 11

Уезд	Пашня с паром, обрабатываемая рабочим скотом владельцев + аренда зажиточными крестьянами		Пашня с паром, обрабатываемая полевыми рабочими		Пашня с паром, обрабатываемая полевыми рабочими + аренда крестьянами	
	дес.	% от всей пашни	дес.	% от экономической запашки с паром	дес.	% от всей пашни
Острогожский	13383,3	64,3	7730	58,1	8553,9	41,1
Щигровский	8666,5	52,7	2930	40,8	3299,9	20
Белгородский	7627,8	53,1	6270	65,2	6791,4	47,3
По 3-м уездам	29677,6	56,7	16930	54,7	18645,2	36,1

Уезд	Экономическая запашка с паром на 1 землевладельческое орудие (в дес.)		Экономическая запашка, обрабатываемая с помощью отработок	
	на 1 соху, рало и плуг (в совокупности)	на 1 плуг	1 вид (% от экономической запашки с паром)	2 вида (% от экономической запашки с паром)
Острогожский	28,5	31,1	19,7	22,1
Щигровский	40,6	171,2	25,2	33,9
Белгородский	32,2	44,8	39	-
По 3-м уездам	33,7	82,3	27,9	28

Уездные земские управы Курской губернии в 1873 году

Уезд	Председатель уездной земской управы, его классный чин	Члены управы: классный чин или сословная принадлежность
Курский	штабс-капитан	1) коллежский регистратор 2) государственный крестьянин
Белгородский	действительный статский советник	1) губернский секретарь 2) майор
Грайворонский	надворный советник	1) надворный советник 2) купец 3) купец
Дмитриевский	губернский секретарь	1) коллежский регистратор 2) государственный крестьянин
Корочанский	штабс-капитан	1) штабс-капитан 2) коллежский ассесор
Львовский	поручик	1) штабс-капитан 2) купец
Новооскольский	штабс-ротмистр	1) капитан 2) титулярный советник
Обоянский	подполковник	1) ротмистр 2) штабс-ротмистр
Путивльский	подпоручик	1) подпоручик 2) коллежский ассесор 3) капитан
Рыльский	действительный статский советник	1) штабс-капитан 2) поручик
Старооскольский	прапорщик	1) надворный советник 2) коллежский регистратор
Суджанский	Коллежский регистратор	1) коллежский секретарь 2) государственный крестьянин
Тимский	поручик	1) коллежский секретарь 2) государственный крестьянин
Фатежский	штабс-капитан	1) коллежский регистратор 2) государственный крестьянин
Щигровский	надворный советник	1) поручик 2) дворянин

Уездные земские управы Курской губернии в 1894 году

Уезд	Председатель уездной земской управы, его классный чин	Члены управы: классный чин или сословная принадлежность
1	2	3
Курский	титулярный советник	1) два коллежских секретаря 2) два коллежских регистратора
Белгородский	артиллерии поручик	1) статский советник 2) коллежский секретарь 3) губернский секретарь 4) без указания чина и сословной принадлежности
Грайворонский	статский советник	1) корнет 2) купеческий сын 3) три крестьянина
Дмитриевский	надворный советник	1) поручик 2) губернский секретарь 3) два дворянина 4) без указания чина и сословной принадлежности
Корочанский	коллежский советник	1) статский советник 2) титулярный советник 3) коллежский регистратор 4) крестьянин
Льговский	штабс-ротмистр	1) штабс-капитан 2) надворный советник 3) коллежский регистратор 4) дворянин
Новооскольский	дворянин	1) коллежский ассесор 2) титулярный советник 3) крестьянин
Обоянский	дворянин	1) капитан 2) два коллежских секретаря 3) крестьянин
Путивльский	коллежский секретарь	1) дворянин 2) потомственный почетный гражданин 3) губернский секретарь 4) крестьянин

1	2	3
Рыльский	полковник	1) штабс-капитан 2) коллежский регистратор 3) губернский секретарь 4) купец
Старооскольский	дворянин	1) титулярный советник 2) крестьянин 3) два без указания чина и сословной принадлежности
Суджанский	коллежский секретарь	1) коллежский регистратор 2) губернский секретарь 3) купец
Тимский	губернский секретарь	1) подпоручик 2) коллежский регистратор 3) дворянин 4) мещанин
Фатежский	титулярный советник	1) коллежский регистратор 2) купец
Щигровский	губернский секретарь	1) коллежский секретарь 2) губернский секретарь 3) дворянин

Научное издание

Шаповалов Владимир Анатольевич

Поместное дворянство Европейской России
в 50-90-е гг. XIX века
(по материалам центрально-черноземных губерний)

Монография

Редакторы: *Т.Г. Лагутина, М.В. Андросова*
Оригинал-макет *Н.А. Гапоненко*
Дизайн обложки *Е.Е. Тараненко*

Подписано в печать 30.07.2014. Формат 60×84/16.
Гарнитура Times New Roman. Усл. п. л. 31,62. Тираж 400 экз. Заказ 183.
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в ИД «Белгород» НИУ «БелГУ»
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85